

THE SLAVIC COLLECTION

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ осьмой.

СОЧИНЕНІЯ
ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА
САМАРИНА.

Томъ осьмой.

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ осьмой.

Окраины Россіи.

ИЗДАНІЕ Д. САМАРИНА.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА И К°.
Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1890

Оглавленіе осьмого тома.

Отъ издателя.

Желая ускорить выпускъ VIII-го тома сочиненій Ю. Θ. Самарина, откладываемъ до слѣдующаго тома предисловіе къ «Окраинамъ Россіи». Мы постараемся выяснить въ немъ обстоятельства, побудившія Самарина, въ концѣ 60-хъ гогодовъ, снова заняться остзейскимъ вопросомъ.

Въ VIII-мъ томѣ напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ первые три выпуска «Окраинъ Россіи» и отвѣты Самарина на критики гг. фонъ-Бока, Ширрена и анонимнаго автора; но во главѣ всей книги помѣщено всеподданнѣйшее письмо, написанное Самаринымъ покойному Императору Александру II-му, въ концѣ 1868 года, послѣ выхода первыхъ двухъ выпусковъ «Окраинъ Россіи».

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО

КЪ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ половинѣ истекшаго Ноября, московскій генералъ-губернаторъ прочелъ мнѣ бумагу, повергшую меня въ горестное изумленіе.

Въ ней было все: обвиненіе, приговоръ и угроза. Я просилъ съ нея копіи, но оказалось, что генералъ-губернаторъ не былъ въ правѣ мнѣ ее выдать; просилъ позволенія, по крайней мѣрѣ тутъ же, въ его присутствіи, записать на память главныя статьи обвиненія, но и это было запрещено. Наконецъ, я просилъ позволенія представить мое оправданіе, и генералъ-губернаторъ согласился передать мою просьбу по принадлежности, но она осталась безъ отвѣта. Такимъ образомъ, я лишенъ былъ возможности предъявить мою защиту не только до произнесенія приговора, но и послѣ того, какъ онъ палъ на меня, лишенъ былъ даже возможности вчитаться и вникнуть въ обвиненіе.

Исключительность такого положенія и явное недовѣріе, мнѣ оказанное, внушили мнѣ мысль повергнуть мое оправданіе непосредственно къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Всемилостивѣйшій Государь! простите великодушно смѣлость вѣрноподданнаго, исходящую изъ несокрушимой вѣры въ Высочайшее правосудіе.

Первое обвиненіе на меня падающее состоитъ въ томъ, что я, не довольствуясь способами обнародованія своихъ мыслей открытыми всѣмъ въ предѣлахъ Имперіи, началъ изданіе мое за границею и, такимъ образомъ, нашелъ средство «обойти законъ».

Да позволено мнѣ будетъ сказать, что, имѣя полную возможность, спрятавшись за вымышленнымъ именемъ, избѣгнуть всякой отвѣтственности, я выставилъ свое полное имя на всѣхъ изданіяхъ моихъ и вернулся въ Россію наканунѣ ихъ выпуска въ Берлинѣ и Прагѣ. Я дѣйствовалъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, неосторожно, но во всякомъ случаѣ открыто. Рѣшите, Всемилостивѣйшій Государь, заслужилъ ли я упрека въ изысканіи окольныхъ путей и обходовъ?

Легко бы было доказать нерѣдкими примѣрами, что одинъ фактъ изданія книги за границею, самъ по себѣ и независимо отъ ея содержанія, доселѣ не былъ вмѣняемъ въ вину; но такая защита могла бы показаться отговоркою, а я считаю себя правымъ не только въ моихъ дѣйствіяхъ, но и въ моихъ побужденіяхъ, и потому приступаю прямо къ откровенному объясненію причинъ, заставившихъ меня обратиться къ заграничной печати.

Не потому не воспользовался я способами обнародованія дозволенными въ Имперіи, чтобы находилъ ихъ слишкомъ тѣсными для выраженія моей мысли, а потому, напротивъ, что, по свойству вопросовъ мною затронутыхъ, я счелъ полезнымъ на сей разъ отказаться отъ тѣхъ законныхъ гарантій, которыми само правительство, оберегая права и выгоды издателей, ограничило свободу своихъ распоряженій. По объему двухъ выпусковъ «Окраинъ Россіи», книги эти, на основаніи § 1 п. 2 Высочайшаго указа 6 Апрѣля 1865 года, не подлежали предварительной цензурѣ. Я имѣлъ бы полное право напечатать ихъ въ Россіи, не испрашивая на то никакого разрѣшенія. Знаю, что, на основаніи § 14 Положенія о печати, правительство могло бы,

конечно, отобрать ихъ до выхода ихъ въ свѣтъ, но, въ такомъ случаѣ, оно обязано бы было по закону начать противъ меня судебное преслѣдованіе. Итакъ, еслибъ я воспользовался моимъ правомъ, правительству предстоялъ бы выборъ между двумя путями: ничѣмъ не ограничивать свободнаго обращенія моей книги, или отдать меня подъ судъ. Третьяго исхода, а именно: чтобъ можно было отобрать изданіе и не обращать дѣла къ судебному разсмотрѣнію, иными словами: отнять у меня мою собственность и отказать мнѣ въ правѣ судебной защиты—я не смѣю и предполагать, ибо, поступивъ такимъ образомъ, само правительство не только бы обошло, а прямо бы нарушило законъ. Но, на судѣ, я разумѣется былъ бы вынужденъ привести все то, что могло бы послужить къ моей защитѣ, а затѣмъ, судъ могъ бы приговорить, могъ бы также и оправдать меня. Если бы послѣдовало осужденіе, то неизвѣстно еще, подчинилось ли бы такому рѣшенію общественное мнѣніе, не всегда мирящееся съ неумолимою юридическою строгостью суда, и очень можетъ быть, что я прослылъ бы мученикомъ. Въ случаѣ же оправданія, я вышелъ бы побѣдителемъ изъ печальнаго столкновенія съ однимъ изъ правительственныхъ вѣдомствъ. Если бы цѣлью моего изданія было удовлетворить чувству суетнаго тщеславія или произвести въ обществѣ соблазнъ, я предпочелъ бы тотъ или другой исходъ всякому иному. Но у меня была другая цѣль, и я добровольно отказался отъ самаго сподручнаго мнѣ способа обнародованія моей книги въ предѣлахъ Россіи для того именно, чтобы не ставить правительства въ необходимость явно одобрить мою книгу, или прибѣгнуть къ мѣрѣ крайней строгости, подлежавшей по закону судебной оцѣнкѣ. Перчатку, брошенную Россіи и ея правительству изъ за границы, я поднялъ за границею. Тамъ завязался между мною и моими противниками своего рода поединокъ; онъ происходитъ за предѣлами Имперіи, внѣ круга дѣйствій нашихъ законовъ, и потому правительство даже и знать

объ немъ не обязано. Его свобода ничѣмъ не связана. Не нарушая никакихъ законовъ, имъ же изданныхъ, не выражая гласно ни одобренія, ни осужденія, оно можетъ поступить съ моимъ изданіемъ какъ со всѣми другими за границею выходящими книгами: пропустить ихъ въ Россію, или запретить ихъ безусловно, или дозволить обращеніе ихъ въ ограниченномъ кругу читателей. Таково было главное побужденіе, заставившее меня обратиться къ заграничной печати; излагать его передъ публикою я счелъ неприличнымъ, но и скрывать его не имѣю причины.

Другое обвиненіе менѣе опредѣлительно и потому гораздо для меня опаснѣе. Въ прочтенной мнѣ бумагѣ значится, что, порицая нѣкоторыя дѣйствія главныхъ мѣстныхъ начальниковъ Прибалтійскаго края, я подрывалъ довѣріе къ правительству и тѣмъ самымъ косвенно касался самаго авторитета Верховной Власти. Я повторяю лишь смыслъ обвиненія, которое было мнѣ прочтено, и, не имѣя передъ глазами подлинныхъ выраженій, не ручаюсь за точную ихъ передачу.

Вся книга моя, отъ первой строки до послѣдней, посвящена защитѣ государственныхъ интересовъ Россіи противъ неумѣренныхъ и постоянно возрастающихъ притязаній Остзейскаго провинціализма. Такая защита, сколь бы она ни была слаба и недостаточна, можетъ ли быль сочтена вредною съ точки зрѣнія правительства, оберегающаго тѣ же интересы?

Чего хотѣло оно всегда и чего хочетъ теперь? Оно хотѣло и хочетъ, чтобы издаваемые имъ законы имѣли въ Прибалтійскомъ краѣ такую же обязательную силу, какъ и въ другихъ областяхъ Имперіи; чтобы господствующая церковь стояла на подобающей ей высотѣ и не нуждалась, по крайней мѣрѣ, въ вещественныхъ условіяхъ своего существованія; чтобы хозяйственное благосостояніе крестьянъ обезпечено было твердо и независимо отъ произвола или одностороннихъ разсчетовъ землевладѣльцевъ; наконецъ,

чтобъ русскій, государственный языкъ постепенно вводился въ дѣлопроизводство, хотя бы однихъ коронныхъ инстанцій. Эти намѣренія и цѣли такъ часто заявляемы были Верховною Властію, что я не могъ не признать ихъ за коренныя начала, которыми мѣстная администрація обязана руководствоваться. Ни одного изъ нихъ я не порицалъ и не оспаривалъ. Напротивъ, я отстаивалъ ихъ необходимость, законность и справедливость противъ ожесточенныхъ нападокъ Остзейскихъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ. Такъ понята была моя книга всѣми, и общее ея направленіе было въ этомъ отношеніи столь недвусмысленно, что въ Германіи меня печатно заподозрѣвали въ томъ, что я пишу за деньги, по заказу правительства. Тамъ я прослылъ продажнымъ перомъ, а дома подвергаюсь обвиненію въ политической злонамѣренности. Отъ заграничнаго обвиненія я не ищу защиты, но да позволено мнѣ будетъ сказать, что я не заслужилъ и домашняго.

Отдавъ себѣ отчетъ въ цѣляхъ высшаго правительства, я обратился къ практикѣ и увидалъ слѣдующее: Сводъ Законовъ общихъ и мѣстныхъ для губерній Остзейскихъ теряетъ въ томъ краѣ присвоенный ему авторитетъ и постепенно вытѣсняется ссылками на международные договоры; новообращенные въ православіе просятся вонъ изъ церкви, не находя въ ней удовлетворенія самымъ простымъ и настоятельнымъ духовнымъ своимъ потребностямъ; броженіе въ крестьянскомъ сословіи не прекращается и вызываетъ періодически карательныя мѣры; безземельные батраки и обезземеленные хозяева, цѣлыми толпами, снаряжаются куда нибудь подальше отъ своей родины; введеніе русскаго языка не подвигается. Отрицать этого нельзя, и никто до сихъ поръ даже не пытался серьезно опровергнуть мои показанія. Такое бросающееся въ глаза противорѣчіе между дѣйствительностью и волею правительства естественно не можетъ укрыться отъ общества. Извѣстія изъ Прибалтійскаго края, даже помимо газетъ, проникаютъ къ намъ безчисленными

путями и разносятся во всѣ стороны. Вопросъ о причинахъ указаннаго противорѣчія ставится самъ собою, а объяснить его можно только двоякимъ образомъ: предположить, что сама Верховная Власть, говоря Россіи одно, для усыпленія патріотическаго чувства, въ то же время, подъ рукою, дозволяетъ противное въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, иными словами: обвинить ее въ шаткости и въ двуличности; или: сознаться чистосердечно въ недостаточности дѣйствующихъ узаконеній и въ слабости административныхъ мѣръ. Середины тутъ быть не можетъ. Когда практика такъ явно расходится съ намѣреніями Верховной Власти, нѣтъ инаго средства спасти достоинство послѣдней, какъ подвергнуть правдивой критикѣ дѣйствія ея уполномоченныхъ. Такова была моя задача; я взялся за нее по убѣжденію и смѣю считать ее безупречною.

Но если въ ней-то и заключается моя вина, то гдѣ предѣлъ дозволеннаго и воспрещеннаго? Полагаетъ ли кто нибудь возможнымъ прославлять на одной страницѣ, хоть бы, напримѣръ, намѣреніе правительства основать прочный, осѣдлый бытъ крестьянъ, а на другой радоваться тому, что мѣры для достиженія этой цѣли, подсказанныя мѣстными Ландтагами, поколебали историческую связь крестьянъ съ землею? Но вѣдь и здравый смысль имѣетъ свои права, которыхъ безнаказанно нарушать нельзя. За такого рода задачи честныя перья не берутся, а статьи, писанныя по заказу, никого не убѣждаютъ; у насъ, публика, читая ихъ, пожимаетъ плечами, а за границею надъ ними смѣются.

Или, можетъ быть, отъ русскаго общества не ожидается ни одобренія, ни сочувствія, за то не принимается и критики, а требуется только, чтобъ оно молчало и перестало интересоваться положеніемъ дѣлъ на нашихъ окраинахъ?

Государь! Если бы въ Россіи могъ прекратиться запросъ на Ваши изображенія, еслибъ мы перестали всматриваться въ Ваши черты, вслушиваться въ Ваши слова, вдумываться въ Ваши мысли, ловить съ жадностью извѣстія обо всемъ

до Васъ касающемся, словомъ, интересоваться Вами, это значило бы, что совершилось невозможное и что мы перестали Васъ любить.

Если бы когда нибудь русское общество повернулось спиною къ Прибалтійскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказъ и Финляндію, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россію какъ цѣлое. Тотъ день былъ бы началомъ ея разложенія. Въ тотъ день возрадовались бы представители всѣхъ враждебныхъ ей партій и народностей; Мирославскій и Шедо-Феротти, Герценъ и фонъ-Боккъ забыли бы на время свои разномыслія; они сбѣжались бы со всѣхъ концовъ Европы на братскій пиръ и отпраздновали бы вмѣстѣ канунъ политическаго крушенія Имперіи.

Не къ этому ли, очень еще недавно, вели наши враги въ Варшавѣ и не съ этого ли пути повернула насъ твердая десница Ваша, когда, въ виду угрожавшей намъ Европы, Ваше Величество не усомнились опереться на общественное мнѣніе, въ то время гласно и безбоязненно выражавшееся.

Можетъ быть, есть люди считающіе возможнымъ въ мирное время проповѣдывать обществу безмолвіе, безмысліе и безучастіе, даже требовать отъ него этихъ добродѣтелей какъ вѣрноподданническаго долга, а въ минуты опасности, вызывать общественные восторги и общественныя пожертвованія; но осмѣлится ли кто нибудь оскорбить русское правительство предположеніемъ, что оно могло бы когда нибудь усвоить себѣ подобную систему?

Говорятъ: да какже допустить общественный ропотъ? Государь! Если бы послѣ Тильзитскаго мира вся Россія не возроптала, или, если бы тогдашніе совѣтники Верховной Власти обдали струею холоднаго недовѣрія этотъ ропотъ, несомнѣнно несправедливый, но въ которомъ выражалось не иное что какъ искреннее чувство народной чести, кто знаетъ: поднялась ли бы вслѣдъ за тѣмъ та грозная волна народнаго одушевленія, которая пронесла на себѣ че-

резъ всю Европу въ Бозѣ почившаго Императора Александра I-го, при громкихъ кликахъ освобожденныхъ имъ племенъ, и улеглась у ногъ его не прежде какъ опустивъ его въ столицѣ Франціи на Аустерлицкомъ мосту.

Мнѣ объявлено, что я провинился противъ Величества. Въ этомъ самое остріе обвиненія. Всемилостивѣйшій Государь! Склоните снисходительный слухъ къ чистосердечной исповѣди вѣрноподданнаго, просящаго не милости, а правды.

Свѣтская власть, во всей ея полнотѣ и во всѣхъ ея видахъ, сосредоточивается у насъ въ рукахъ Самодержца и отъ него исходитъ; но это не значитъ, чтобъ степень личнаго его участія была одинакова во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства по части законодательства, суда и управленія. Законъ, пока онъ не отмѣненъ, долженъ быть исполняемъ безоговорочно, кѣмъ бы онъ ни былъ задуманъ и каковъ бы ни былъ самъ по себѣ; передъ судебнымъ рѣшеніемъ вошедшимъ въ законную силу, хотя бы и несправедливымъ по существу, сопротивленіе не мыслимо; равномѣрно и администрація имѣетъ право требовать безусловнаго себѣ повиновенія, пока она дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона, и каковы бы ни были ея дѣйствія—мы все это знаемъ, чтимъ и соблюдаемъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, чтобы каждый параграфъ каждаго Высочайше утвержденнаго Положенія, непремѣнно выливался изъ подъ самаго сердца Монарха, или чтобъ мы должны были видѣть мановенія Державной десницы во всѣхъ, подъ часъ неразборчивыхъ пріемахъ административной руки, хотя бы уполномоченной свыше? Я не задаю себѣ вопроса: есть ли какая нибудь возможность этому вѣрить, а спрашиваю только: позволительно ли желать, чтобы Россія этому увѣровала? Если бы, въ сознаніи всѣхъ подданныхъ Имперіи, просвѣщенныхъ и темныхъ, образъ Верховной Власти не отличался болѣе или менѣе отчетливо отъ представленія ихъ о правительствѣ, самодержавная форма правленія была бы не мыслима; ибо никогда никакое правительство не вознеслось бы на ту высоту, на кото-

рой стоитъ въ нашихъ понятіяхъ Верховная Власть, и напротивъ, эта власть, ниспавъ на степень правительства, утратила бы немедленно благотворное обаяніе своей нравственной силы.

Русскій Самодержецъ ничѣмъ не связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и безотвѣтственъ передъ своими подданными — это значитъ, что нѣтъ въ Россіи другой, равносильной ему власти, облеченной въ видимый образъ народнаго представительства; но, независимо отъ отвѣтственности, основанной на статьѣ конституціоннаго учрежденія, существуетъ въ мірѣ отвѣтственность нравственная, отъ которой никакая власть на землѣ уклониться не можетъ. Этой-то въ точности неопредѣлимой, но несомнѣнно дѣйствительной отвѣтственности, не вынесло бы на плечахъ своихъ и русское Самодержавіе, если бы все то, что̀ ежечасно говорится отъ имени его и по уполномочію отъ него на всемъ необъятномъ протяженіи Имперіи, приписывалось непосредственно Верховной Власти и принималось за безошибочное выраженіе ея воли и ея желаній.

Оттого, при Самодержавномъ правленіи нашею исторіею созданномъ, правдивая оцѣнка правительственныхъ дѣйствій, а, слѣдовательно, и добросовѣстная ихъ критика, даже выраженіе ропота, ими подъ часъ возбуждаемаго и очень нерѣдко несправедливаго, не только не противорѣчатъ вѣрно понятымъ пользамъ власти, но положительно ими требуются. Ибо, чѣмъ свободнѣе обсуживаются законодательныя и административныя мѣры, чѣмъ безбоязненнѣе заявляются злоупотребленія, ошибки и упущенія, болѣе неизбѣжныя у насъ, чѣмъ гдѣ либо, тѣмъ менѣе остается въ рукахъ злонамѣренности благовидныхъ поводовъ простирать обвиненія до престола. Допуская добросовѣстную критику, сама Верховная Власть заявляетъ не только словомъ, но дѣломъ, что нѣтъ ея одобренія на дѣйствія, хотя бы и прикрытыя ея именемъ, но противныя правдѣ и несогласныя съ общею пользою. Не оспариваю, что тѣмъ самымъ Верховная Власть

отрекается отъ притязанія на безошибочность, но кто же изъ русскихъ Самодержцевъ считалъ себя безошибочнымъ?—Такого притязанія были чужды и самъ Петръ I и въ Бозѣ почившій родитель Вашего Императорскаго Величества, какъ ни увѣрены были оба эти Монарха въ своемъ несомнѣнномъ правѣ самовластною десницею направлять родной корабль и ставить свое личное убѣжденіе превыше толковъ и колебаній толпы. Такова, мнѣ кажется, теорія здраваго политическаго консерватизма, выразившаяся во всей нашей исторіи и притомъ единственно возможная въ настоящее время.

Но есть и другая теорія, именно та, которой выводы теперь противъ меня обращаются. Она не терпитъ русскаго историческаго воззрѣнія, всегда отличавшаго слугу отъ Государя и дѣйствія слуги отъ Державной воли; она сливаетъ образъ безотвѣтственнаго Самодержца съ преходящею и измѣнчивою толпою временныхъ правителей и тѣмъ самымъ, конечно, безсознательно, затемняетъ въ понятіяхъ общества свѣтлое олицетвореніе Верховной Власти.

Мнѣ было сказано: вы позволяете себѣ критиковать законы, но они выраженіе Высочайшей воли; вы дерзаете осуждать дѣйствія областныхъ начальниковъ, но они облечены Монаршимъ довѣріемъ, они назначены самимъ Государемъ, приводятъ въ исполненіе Имъ начертанныя инструкціи, слѣдовательно, вы оскорбляете Величество.

Таковъ смыслъ прочтенной мнѣ бумаги; но вѣрно ли въ ней выражена мысль Вашего Императорскаго Величества? Государь, простите запавшее мнѣ въ душу сомнѣніе.

Я не спрашиваю: строго ли послѣдовательно проводится это ученіе и безпристрастно ли оно примѣняется ко всѣмъ законамъ и государственнымъ дѣятелямъ. Я не стану доказывать, что, напримѣръ, далеко не такъ ревниво охраняются отъ прикосновенія критики, повидимому, никого не оскорбляющей, Положенія о крестьянахъ, о земскихъ учрежденіяхъ и о судебной реформѣ; не стану напоминать, что Монаршее довѣріе, которымъ въ свое время пользовался по-

койный графъ Ростовцевъ, конечно, не въ меньшей степени, чѣмъ другіе, не защитило его, однако, не только отъ близорукой критики, но и отъ безпощадныхъ нареканій; для моей цѣли достаточно показать, къ какимъ неизбѣжнымъ выводамъ изложенное ученіе привело бы, еслибъ оно укоренилось, мыслящую часть русскаго общества. Всѣ знаютъ, что въ Сѣверо и Юго-Западномъ краяхъ, не смотря на усердіе и несомнѣнную благонамѣренность генералъ-губернаторовъ, стоявшихъ въ ихъ главѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне, при введеніи Положеній 19-го Февраля 1861 года, были обмануты и что уставныя грамоты служили въ рукахъ польской шляхты средствомъ раздражать народъ противъ Россіи. Скрывать этого нельзя, ибо извѣстно, что когда правда обнаружилась, правительство было вынуждено начать дѣло сызнова, отмѣнивъ прежде всего дѣйствія уже облеченныя въ законную форму. Но если мы не въ правѣ предполагать и говорить, что въ этомъ случаѣ, мѣстные администраторы не въ точности исполнили благія намѣренія Верховной Власти, если мы должны считать ихъ дѣйствія безупречными на томъ основаніи, что они пользовались Высочайшимъ довѣріемъ и были снабжены Высочайше утвержденными инструкціями, то этимъ самымъ не навязывается ли нашему сознанію то совершенно неотразимое заключеніе, будто бы все происходившее въ то время, къ явному вреду Россіи, въ Вильнѣ и въ Кіевѣ, совершалось съ вѣдома, одобренія и по указаніямъ Верховной Власти никогда и ни въ чемъ не погрѣшающей? Если мы не въ правѣ сказать, не должны смѣть и думать, что, облекая еще большимъ довѣріемъ маркиза Вельепольскаго, Ваше Императорское Величество за одно со всею Россіею, одобрявшею это назначеніе, ошибались въ понятіяхъ Вашихъ о настроеніи Поляковъ; если высшее правительство въ то время напередъ уже знало, что удаленіе изъ края русскихъ чиновниковъ, учрежденіе Государственнаго, Уѣздныхъ и Городскихъ Совѣтовъ и другія мѣры, принятыя подъ вліяніемъ тѣхъ же

понятій и надеждъ, облегчать организацію мятежа и послужать ему орудіемъ, то этимъ самымъ не высказывается ли.... я не хочу и договаривать логически неизбѣжныхъ послѣдствій того ученія, во имя котораго пало на меня осужденіе.

Ничего нѣтъ удобнѣе для лицъ, стоящихъ во главѣ областей, какъ испрашивать себѣ Высочайшихъ повелѣній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, при стеченіи обстоятельствъ болѣе или менѣе сложныхъ, предвидится возможность ошибки. Вполнѣ естественно такое желаніе умалить личную свою отвѣтственность, прикрывшись передъ Россіею нравственною отвѣтственностью Самодержца; такимъ образомъ, мѣстный администраторъ самъ себя низводитъ на степень безгласнаго или невольнаго орудія Высочайшей воли, оставляя за собою право, впослѣдствіи, судить о собственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, даже, какъ это иногда случается, осуждать ихъ, какъ бы дѣйствія посторонняго лица. Все это понятно; но кто же разумнѣе служитъ пользамъ самой власти: тотъ ли, кто прямодушно указываетъ на упущенія ея уполномоченныхъ, или тѣ, которые, ставя свои ошибки и послабленія подъ защиту Высочайшаго имени, тѣмъ самымъ раздвигаютъ нравственную отвѣтственность Верховной Власти передъ современностью и потомствомъ далеко за предѣлы прозорливости и дѣятельности физически возможныхъ для одного лица?

Судить о достоинствѣ моей книги — не мое дѣло, но да позволено мнѣ будетъ указать на ближайшія послѣдствія ея появленія. Едва ли нужно доказывать, что призракъ племенной вражды между Русскими и Нѣмцами не мною вызванъ и что не я за него отвѣчаю. Онъ появился въ газетномъ мірѣ задолго до того времени, когда я взялся за перо. Постоянныя безыменныя корреспонденціи изъ Прибалтійскаго края издавна возбуждали противъ насъ общегерманскій патріотизмъ, подогрѣвая его сказаніями о мнимыхъ насиліяхъ, будто бы совершаемыхъ или подготовляемыхъ правительствомъ въ угоду московскому фанатизму. Года

два тому назадъ, нѣкій фонъ-Боккъ занялъ видное мѣсто во главѣ этой организованной клеветы и обратилъ на себя сочувственное вниманіе заграничной публики обманчивою точностью своихъ доносовъ на Россію. Извѣстные ученые и журналисты приняли его подъ свое покровительство; онъ сдѣлался въ глазахъ Германіи своего рода Лифляндскимъ Оконелемъ. Обо всемъ этомъ уроженцы Прибалтійскаго края не могли не знать, но они упорно молчали. Ни одинъ голосъ оттуда не раздался въ обличеніе самозванца, никто не отрекся отъ выходца, никто не захотѣлъ разбить его авторитета передъ нѣмецкою публикою. Только по выходѣ моей книги, какъ будто одумались издатели мѣстныхъ газетъ, а за ними и все дворянское общество; наконецъ, даже общій тонъ Остзейскихъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ сталъ измѣняться, переходя постепенно изъ враждебно-наступательнаго въ враждебно-оборонительный. Считать ли все это вредомъ или пользою?

Слухи Балтійскаго происхожденія о мнимо-варварскихъ замыслахъ и пріемахъ правительства находили, какъ извѣстно, отголосокъ и въ нашихъ столицахъ. Многіе изъ Русскихъ легкомысленно имъ вторили, другіе недоумѣвали, третьи сомнѣвались въ законности правительственныхъ начинаній и роптали на мнимую насильственность исполненія. Могу сказать безъ самохвальства, что и въ этомъ отношеніи книга моя осталась не безъ вліянія на уясненіе понятій. Прежде порицались не рѣдко самыя цѣли правительства и направленіе его дѣятельности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ; теперь, въ понятіяхъ многихъ, цѣли оправданы, необходимость неуклоннаго къ нимъ стремленія доказана, сомнѣнія устранены и можетъ оставаться развѣ лишь только сожалѣніе о недостаткѣ выдержки въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ исполнителей. Не успѣхъ ли это?

Можетъ быть, ожиданія и требованія, нынѣ высказываемыя по поводу моей книги въ кругу читателей, принявшихъ ее сочувственно, бываютъ порою не чужды нѣкоторой не

терпѣливой заносчивости; но не гораздо ли во всякомъ случаѣ выгоднѣе для правительства имѣть за собою общественное мнѣніе согласно съ нимъ настроенное, сочувствующее его цѣлямъ, положимъ, даже иногда забѣгающее впередъ, но все-таки въ томъ же направленіи, чѣмъ видѣть противъ себя мнѣніе враждебное всѣмъ своимъ начинаніямъ, какъ бы стыдящееся ихъ, по крайней мѣрѣ холодное къ нимъ?

Въ первомъ случаѣ, правительству приходится только сдерживать свою собственную силу и являть далекимъ окраинамъ великодушную умѣренность, исходящую свыше; во второмъ случаѣ, оно поневолѣ должно подвигаться противъ двойнаго теченія, преодолѣвая единовременно, на окраинахъ, прямое сопротивленіе, ободряемое пассивнымъ настроеніемъ русскаго общества, а у себя дома—тупое безучастіе или неразумный ропотъ. Не трудно бы было доказать, что неосязаемая сила этого домашняго, общественнаго отпора не разъ какъ бы сдерживала развитіе великихъ предначертаній истекшаго царствованія, имѣвшихъ цѣлью объединеніе нашихъ окраинъ.

Я дѣйствую одиноко, на свой страхъ, какъ частное лицо, не испрашивая ни поощренія, ни одобренія. Если я ошибаюсь, пусть опровергаютъ меня, пускай даже бранятъ и поносятъ; правительство не отвѣчаетъ за меня ни прямо, ни косвенно. Но если, при полной моей независимости и при явномъ совпаденіи личныхъ моихъ убѣжденій съ цѣлями и видами правительства, мнѣ удалось хоть сколько нибудь очистить дорогу, которою оно идетъ, отъ хлама нагроможденныхъ на ней недоразумѣній и напраслинъ, если успѣхъ моей книги доказалъ балтійской публикѣ, что русское общество считаетъ преобразовательныя начинанія правительства въ томъ краѣ дѣломъ народнаго интереса и своимъ собственнымъ дѣломъ, не облегчитъ ли это дѣйствія мѣстной власти и не послужитъ ли ей въ пользу?

Въ первомъ выпускѣ «Окраинъ» исчерпанъ политическій вопросъ, щекотливѣйшій изъ всѣхъ, и возвращаться къ нему я не думалъ. Неминуемое раздраженіе, имъ вызванное, скоро

утихнетъ — балтійскіе и заграничные мои противники это знаютъ; но имъ особенно нужно предупредить разработку частныхъ административныхъ вопросовъ о положеніи крестьянъ, о православной церкви, о городахъ. Они хотѣли бы лишить меня возможности доказать, что я говорилъ правду, и дойти до практическихъ результатовъ. До сихъ поръ, я слышалъ только личныя на себя нападки, а возраженія приберегаются для переду, въ ожиданіи минуты, когда у меня отнято будетъ право отвѣчать. Не трудно предсказать, что̀ послѣдуетъ, если ихъ ожиданія сбудутся.

Само собою разумѣется, что, обезоруживая меня, подписывающаго свое имя, правительство не въ состояніи будетъ вырвать оружія изъ рукъ моихъ противниковъ, то есть лишить слова нѣмецкихъ публицистовъ не русскихъ подданныхъ, ни даже остзейскихъ ихъ сотрудниковъ, пользующихся удобствомъ безыменныхъ корреспонденцій. Заграничная публика приметъ вынужденную мою безотвѣтность за несостоятельность, и я прослыву уличеннымъ клеветникомъ. Конечно, это еще не заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что всякій пишущій обязанъ оберегать самъ свое доброе литературное имя; но не одна моя личность принесена бы была въ жертву, а потерпѣло бы и дѣло, за которое я стоялъ. Извѣстіе о закрытіи правительствомъ изданія, посвященнаго оборонѣ русскихъ интересовъ въ Балтійскомъ краѣ, было бы принято всею Германіею за невольное признаніе самого правительства въ неправотѣ его преобразовательныхъ начинаній. Остзейская публика, конечно, восторжествовала бы и, на первыхъ порахъ, не поскупилась бы на изъявленія своей восторженной признательности; но такое торжество расположило бы ее не къ уступчивости, а, напротивъ, усилило бы упорство мѣстнаго провинціализма. Наконецъ, сколько бы ни было взведено обвиненій противъ моей книги, никогда наша публика не усомнилась бы въ томъ, что я стоялъ за государственные интересы Россіи, и потому запрещеніе моего изданія есте-

ственно навело бы читателей на несчастную мысль, будто бы интересы Россіи и интересы правительства не одно и то же. Можно ли этого желать?

Прочтенная мнѣ генералъ-губернаторомъ бумага оканчивается угрозою. Дѣйствительно, довольно распространено мнѣніе, что чувство страха должно непремѣнно остановить всякаго, по собственному желанію служащаго своей родинѣ посильнымъ уясненіемъ общественныхъ понятій. Не мое дѣло судить о степени основательности и о практической примѣнимости такого мнѣнія; но, обращаясь лично къ себѣ, считаю себя въ правѣ сказать, что я не заслужилъ подобнаго подозрѣнія. На пятидесятомъ году жизни, рѣшившись начать мое изданіе, я зналъ, что говорить правду объ Остзейскомъ краѣ не безопасно, обдумалъ заранѣе всѣ послѣдствія и приготовился встрѣтить безропотно и покорно какъ судебное преслѣдованіе, такъ и административный произволъ. Осмѣлюсь повторить сказанное мною вначалѣ: я не укрывался отъ отвѣтственности; готовъ и теперь принять обвиненіе передъ судомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно будетъ предъявлено, не уклоняясь отъ разсмотрѣнія его въ существѣ, не ссылаясь даже, для моей очистки, на несуществованіе закона, который бы запрещалъ прибѣгать къ заграничной печати.

Всемилостивѣйшій Государь!

Объявленное мнѣ Высочайшее неудовольствіе не лишаетъ меня ни личныхъ, ни общественныхъ правъ моихъ; но въ нравственномъ отношеніи оно для меня тяжеле всякаго другаго наказанія. Тѣмъ не менѣе и какъ бы прискорбно мнѣ ни было чувствовать на себѣ такое осужденіе моихъ намѣреній и дѣйствій, я бы склонился молча передъ приговоромъ и не посмѣлъ бы, для личной моей защиты, утруждать настоящимъ объясненіемъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе, если бы не считалъ этого дѣломъ совѣсти. Чувство нравственнаго долга побудило меня сдѣлать все отъ меня зависящее для моего оправданія, главнѣйшимъ

образомъ потому, что обвиненіе, по моему убѣжденію не заслуженное, повело за собою, въ настоящемъ случаѣ, осужденіе, павшее съ высоты престола.

Этотъ долгъ вѣрноподданнаго я теперь, въ мѣру крайняго моего разумѣнія, исполняю, повергая къ стопамъ Вашимъ, Государь, чистосердечное выраженіе руководившихъ мною намѣреній и вмѣстѣ политическую мою исповѣдь.

Знаю, что она легко можетъ быть перетолкована и въ такомъ случаѣ обращена въ тему для новыхъ противъ меня обвиненій; но меня успокоиваетъ надежда, что Ваше Императорское Величество, можетъ быть, Сами удостоите бросить на нее взглядъ.

Могу сказать по совѣсти, что въ основѣ всѣхъ моихъ убѣжденій и дѣйствій лежитъ одно, искреннее желаніе, чтобъ не разстроилось никогда между правительствомъ и обществомъ то согласіе и то взаимное довѣріе, которыми я дорожу вдвойнѣ: какъ непремѣннымъ условіемъ всякаго правильнаго преуспѣянія и какъ лучшею, отличительною славою нынѣшняго царствованія.

Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивѣйшій Государь,

вѣрноподданный

Юрій Самаринъ.

Москва.
23 Декабря
1868 г.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Выпускъ первый.

Къ читателю.

Всѣмъ извѣстно, что русская заграничная пресса пріобрѣла у насъ худую, къ сожалѣнію, вполнѣ заслуженную славу. И не мудрено. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ ею ворочавшихъ (Герцена и Шедо-Феротти безъ различія) она служила не Россіи, а политическимъ интересамъ и ученіямъ сложившимся внѣ ея, и частью вовсе ей чуждымъ, частью положительно ей враждебнымъ. Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ стояли и стоятъ наши заграничные публицисты, Россія созданная исторіею ничѣмъ инымъ представляться не могла, какъ препятствіемъ, помѣхою, или мертвымъ орудіемъ, чѣмъ-то въ родѣ громаднаго тарана, годнымъ только для механическаго употребленія. Въ первомъ случаѣ, нужно было повалить или раздробить ее, а во второмъ — по крайней мѣрѣ, напоить ее до потери историческаго самосознанія, чтобы воспользоваться ея силами для невѣдомыхъ ей цѣлей.

Теперь, замыслы и виды обращенной къ Россіи заграничной пропаганды всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ окончательно выяснились для всѣхъ способныхъ видѣть, и окончательно отвергнуты всѣми способными вразумиться. Это важный успѣхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ распространилось очень естественное предубѣжденіе противъ самаго орудія приспособленнаго ею къ дѣлу и какъ будто навсегда испорченнаго этимъ употребленіемъ его намъ во зло. При такомъ общемъ настроеніи, всякій прибѣгающій къ тому же орудію, разумѣется въ другихъ видахъ, не только имѣетъ право позаботиться

1*

объ огражденіи себя отъ подозрѣній болѣе чѣмъ вѣроятныхъ, но даже, до нѣкоторой степени, обязанъ передъ публикою предупредить недоразумѣнія, высказавъ на первыхъ же порахъ, положительно и ясно, чего онъ хочетъ и чего не хочетъ.

Я сдѣлаю это въ короткихъ словахъ.

Какъ Русскій, желающій посильно служить моей родинѣ и въ мое время, я не принадлежу ни къ какой политической партіи, даже не признаю разумной причины къ образованію въ современной Россіи какихъ-либо партій свойства политическаго, въ серьезномъ значеніи этого слова. Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ. Я убѣжденъ, что довлѣетъ дневи злоба его и что далеко еще не наступило для Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (что бы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна нравственно какъ теперь; думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не могла бы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко, такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и безпритязательнымъ содѣйствіемъ народныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; крѣпко держусь той вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту) что, по существу своему, самодержавіе отнюдь не несовмѣстно съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно нуждаемся, что наконецъ вопросъ теперь не въ томъ: какая форма правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ двухъ побужденій, періодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ.

Если восторжествуетъ первое, то оно дастъ просторъ нашимъ національнымъ стремленіямъ и, тѣмъ самымъ, укрѣпитъ за нами наши государственныя окраины; ибо Россія, развязанная у себя дома, вѣрная своему историческому призванію, непремѣнно понесетъ и туда дѣйствительную сво-

боду для всѣхъ, поставитъ на ноги народныя массы и подниметъ ихъ духъ—а на всѣхъ нашихъ окраинахъ (къ счастью не вполнѣ нами заслуженному) народныя массы все еще за насъ. На оборотъ, второе побужденіе повело бы къ систематическому давленію внутри и къ неразлучному съ тѣмъ послабленію на нашихъ окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ, тяготѣющимъ къ заграничнымъ центрамъ. Повторяю: давленіе дома, послабленіе на окраинахъ—одно другимъ обусловливается. Мы это можемъ видѣть на каждомъ шагу. Кто нашептываетъ правительству, что оно слишкомъ далеко зашло на пути либеральныхъ реформъ и пугаетъ его полусвободою нашей печати, присутствіемъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и всесословнымъ выборомъ мировыхъ судей; кто проповѣдуетъ необходимость подтянуть, обуздать и осадить русское общество, двинувъ противъ него аппараты полицейской власти, тотъ въ то же время заигрываетъ съ польскою шляхтою и молча пасуетъ при встрѣчѣ съ балтійскимъ рыцарствомъ; равномѣрно, кто внутренно благоговѣетъ передъ балтійскою и польскою гражданственностью и лелѣетъ про себя мысль украсить Россію пересадивъ на почву ея политическіе идеалы заимствованные у окраинъ, тотъ, вопреки кажущемуся либерализму своихъ стремленій, по крайней мѣрѣ своихъ фразъ, оскорбляется въ глубинѣ души лепетомъ недавно пробудившейся русской мысли, и, не будучи въ состояніи усыпить ее вновь, по крайней мѣрѣ отравляетъ ей полусвободу гласнаго выраженія, только что ею полученную черезъ его же руки. Повидимому, у этихъ двухъ людей точки отправленія совершенно различныя; но они приходятъ къ однимъ результатамъ, и потому, разъ встрѣтившись, пойдутъ рука объ руку до конца...

„Вотъ новости!“—подумаетъ можетъ быть иной читатель—„необходимость самодержанія, свобода національныхъ стремленій, укрѣпленіе окраинъ—да это все оффиціальная фразеологія извѣстная всѣмъ и каждому изъ Высочайшихъ рескриптовъ и множества всякихъ циркуляровъ. Если пришла охота повторять и парафразировать ихъ, то почему не дѣлать этого дома и съ какой стати, по казенной программѣ, начинать изданіе за границею?“

На вопросъ, я отвѣчу другимъ вопросомъ: когда на крышѣ показывается дымъ, что дѣлать простому обывателю, не должностному лицу, не отвѣтственному блюстителю безопасности и не пожарному служителю?

— „Поднять тревогу, будить народъ, бить въ набатъ".

— Хорошо! Но если величественный сторожъ, мѣрными шагами расхаживающій по улицѣ, говоритъ, что это все вздоръ и что опасности нѣтъ; если, по особенному свойству своего политическаго темперамента, онъ предпочитаетъ пожаръ всякой тревогѣ, даже бѣготнѣ толпы, вооруженной ведрами, лѣстницами и баграми; если онъ вчера завѣрялъ хозяина, которымъ онъ приставленъ, что пожара не будетъ и непремѣнно хочетъ донести ему завтра, что все обстоитъ благополучно, если въ ту минуту какъ обыватель сбирается звать на помощь и ударить въ набатъ, сторожъ зажимаетъ ему ротъ и вырываетъ у него изъ рукъ веревку—тогда что дѣлать?

— „Идти домой, лечь спать и съ сторожемъ не ссориться. Вѣдь отвѣтчикъ все-таки онъ, а не вы".

— Положимъ что онъ, по крайней мѣрѣ ближайшій; положимъ даже, что завтра, послѣ пожара, его отставятъ; но за ночь деревня все-таки сгоритъ и сторожъ ея не выстроитъ. Что жъ дѣлать обывателю, если онъ рѣшительно не хочетъ горѣть?

— „Пожалуй: не теряя времени, перейти въ сосѣдній приходъ, гдѣ нѣтъ такого сторожа, и постараться оттуда подать пожарный сигналъ".

Второй совѣтъ нравится мнѣ больше чѣмъ первый и, кажется, разумнѣе перваго.

На окраинахъ Россіи, особенно Сѣверозападной и Балтійской, пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ, недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ; уголья все еще тлѣютъ подъ золою, а ужъ многіе, и въ томъ числѣ учредители новыхъ порядковъ, начинаютъ говорить громко, что вся бѣда не отъ поджигателей, а отъ пожарной команды и что нужно поскорѣе разогнать ее, такъ какъ, заливая огонь и срывая горѣвшія крыши, она кое-гдѣ перебила панскія зеркала, загрязнила ковры и разметала заборы. Въ другомъ мѣстѣ, накопляются горючіе матеріалы и безыменныя корреспонденціи, разсы-

лаемыя оттуда во всѣ иностранныя газеты, грозятъ намъ всякими бѣдствіями. Это тѣ же подметныя письма, писанныя въ Россіи и для Россіи, но перебрасываемыя къ намъ изъ-за границы. Конечно, въ этомъ случаѣ, дерзость нисколько не признакъ силы, а не болѣе какъ невольное и не совсѣмъ осторожное обнаруженіе затаенныхъ побужденій, которыхъ многіе у насъ и не подозрѣвали. Пугаться этихъ угрозъ было бы смѣшно; но, съ другой стороны, не благоразумно было бы и пренебрегать ими.

Наше положеніе на окраинахъ существенно разнится отъ положенія нашего внутри Россіи. Здѣсь, оплошность, ошибка, фальшивая мѣра, вредятъ отрицательно, ослабляя насъ, но никого не усиливая на нашъ счетъ, сдерживая и тормозя естественный ходъ нашего развитія, но все-таки не измѣняя его направленія. Намъ это не въ диковинку и мы, Русскіе, какъ-нибудь оттерпимся, переждемъ, и ужъ навѣрное не воспользуемся ошибкою для увеличенія зла. Это даже не мыслимо, потому что у насъ нѣтъ и быть не можетъ антирусскихъ цѣлей. Не такъ на окраинахъ. Тамъ имѣются на готовѣ, въ полномъ сборѣ, силы прямо намъ враждебныя, съ тою именно цѣлью вышколенныя, чтобы обращать въ наступательное противъ насъ орудіе всякую нашу ошибку и пользоваться намъ во вредъ каждою потерянною нами минутою. Тамъ, все что мы дѣлаемъ не въ попадъ, или чего не дѣлаемъ вовсе тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать, приноситъ намъ ущербъ прямой, положительный, часто неисправимый.

Въ своемъ приходѣ, будить людей нельзя—это ужъ дознано рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на пражскомъ Вышеградѣ скромную, пожарную каланчу.—Авось увидятъ сигналъ изъ дому.

„Отчего же именно въ Прагѣ?“ — спроситъ можетъ быть иной любопытный читатель. — А вотъ отчего: само собою разумѣется, что я имѣю въ виду, главнѣйшимъ образомъ, моихъ соотечественниковъ, русскую публику, но не ее одну. Клеветы на Россію и на ея правительство, изобрѣтаемыя въ нашихъ предѣлахъ и распускаемыя за границею на всѣхъ

языкахъ, дѣйствуютъ въ Европѣ не одинаково. Во Франціи, въ Германіи и въ Англіи, онѣ встрѣчаютъ, не то чтобы полную вѣру, а полную готовность принять всякій вымыселъ за правду. Тамъ, общественное мнѣніе настолько застарѣло въ своихъ предубѣжденіяхъ и такъ привыкло считать свое враждебное къ намъ расположеніе принадлежностью высшей цивилизаціи, что для него уже нѣтъ и вопроса о правдѣ и неправдѣ. Мы давно осуждены и приговорены по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, такъ что, кто бы на насъ ни доносилъ или ни жаловался, Полякъ, Нѣмецъ, Черкесъ или Татаринъ, всѣ напередъ оправлены. Не такое впечатлѣніе производятъ тѣ же распускаемые про насъ слухи на Славянъ, всѣхъ вообще (кромѣ конечно Поляковъ). Они смущаются ими и не хотѣли бы давать имъ вѣры; мало того, они часто протестуютъ противъ нихъ, даже не имѣя подъ рукою фактовъ для ихъ опроверженія, а просто по какому-то вѣрному историческому чутью, и потому еще, что находясь сами подъ опалою Европы, они по опыту знаютъ до какой степени безстыдства можетъ довести чувство племеннаго соперничества. Во всякомъ случаѣ, Славяне, и они одни, хотятъ и могутъ выслушивать насъ спокойно и безпристрастно. Съ Франціею, Англіею и Германіею, мы можемъ спорить, договариваться, входить въ соглашенія и сдѣлки какъ держава съ державою, но оправдываться передъ тамошнею публикою и стараться вразумить ее, значило бы только, безъ всякой пользы, жертвовать своимъ достоинствомъ и пускать слова на вѣтеръ [1]). Единственная среда, къ которой мы можемъ относиться нашею народною совѣстью, общественнымъ мнѣніемъ которой мы можемъ и должны дорожить, это міръ славянскій. И вотъ почему я становлюсь ближе къ нему и начинаю свое изданіе именно въ Прагѣ, какъ средоточіи западно-славянскаго просвѣщенія.

Цѣль моя очень скромна и проста. Я желалъ бы, во-пер-

---

[1]) Присутствіе Государя Императора въ Парижѣ и предпосланная его поѣздкѣ амнистія сосланнымъ Полякамъ, конечно, были краснорѣчивѣе всякой журнальной статьи или дипломатической ноты. А какъ отозвалась на это Франція?

выхъ, дать возможность моимъ соотечественникамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые бываютъ за границею, узнавать объ окраинахъ Россіи то, чего имъ не говорятъ дома и о чемъ имъ не позволяютъ говорить; я разумѣю тѣ обвинительные процессы противъ Россіи и ея правительства, которые ведутся теперь преимущественно на нѣмецкомъ діалектѣ, передъ судомъ западной Европы, вѣрноподданными россійскаго Императора нѣмецкаго и польскаго происхожденія, и тѣ такъ называемыя у насъ канцелярскія тайны, которыя, какими-то непостижимыми путями, прямо изъ нашихъ министерствъ и главныхъ управленій, перелетаютъ черезъ головы нашей публики въ иностранныя газеты, для назиданія Европы. Во-вторыхъ, я желалъ бы, въ мѣру силъ моихъ, простымъ возстановленіемъ искажаемыхъ фактовъ, противодѣйствовать антирусской пропагандѣ и знакомить славянскую публику съ призваніемъ и дѣйствіями нашего правительства въ предѣлахъ тѣхъ же нашихъ окраинъ. При этомъ я претендую на право защищать за границею государственные и народные интересы Россіи противъ балтійскаго и польскаго провинціализма такъ же свободно, какъ напримѣръ гг. фонъ-Боккъ, фонъ-Сиверсъ и другіе, ихъ же имя легіонъ, защищаютъ передъ западною Европою свои провинціальные интересы противъ Россіи [1]).

Первая серія открываемаго мною изданія посвящается рускому Балтійскому поморію; вторая будетъ посвящена Сѣверо-

[1]) Вызывая русскую прессу на публичный судъ передъ Европою, г. Егоръ Сиверсъ говоритъ: „Я надѣюсь и предполагаю, что когда дѣло дойдетъ до предъявленія съ моей стороны опроверженій, я не встрѣчу на пути своемъ ни вещественныхъ, ни личныхъ препятствій“ (Appel an die Europäische Oeffentlichkeit etc. 1865). Бывшій вице-президентъ лифляндскаго гофгерихта фонъ-Боккъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, заявляетъ о своемъ намѣреніи напечатать какой-то сенатскій указъ и прибавляетъ: „если только заплечнымъ мастерамъ московскихъ стрѣльцевъ (то есть, такъ называемой старорусской партіи) не удастся, паче чаянія, заткнуть мнѣ глотку“ (Livländische Beiträge B. 1. Lief. II. S. 72. Anmerk.). Сколько мнѣ извѣстно, ни г. фонъ-Сиверса, ни г. фонъ-Бокка никто не тревожилъ - и слава Богу! Радуюсь этому искренно, и не столько для себя лично, сколько для чести рускаго правительства. Пора наконецъ доказать, что намъ нечего бояться и нечего скрывать.

западному краю, третья можетъ быть Польшѣ, Югозападному краю и т. д.

Само собою разумѣется, что при скудныхъ моихъ средствахъ, я бы и не подумалъ приступать къ такой задачѣ, еслибъ не надѣялся, что найдутся люди, лично мнѣ незнакомые, но близко знающіе настоящее положеніе дѣлъ въ той или другой изъ нашихъ пограничныхъ областей и раздѣляющіе мое убѣжденіе въ пользѣ приподнимать, хотя бы по временамъ, завѣсу скрывающую ихъ отъ Россіи. Можетъ быть, они не откажутъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Какъ матеріалъ я приму съ благодарностью даже отрывочныя указанія, справки, документы, выписки и простыя извѣстія; но полныя обозрѣнія или монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, хотя бы въ сыромъ и не обработанномъ видѣ, были бы еще нужнѣе и полезнѣе.

Въ особенности, прошу будущихъ моихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ не основываться на слухахъ, а исключительно на несомнѣнныхъ фактахъ, тщательно провѣрять достовѣрность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, указывать на источники (хотя бы для моего только свѣдѣнія, а не для обнародованія) и, по возможности, прилагать документальныя подтвержденія.

Для отличія статей доставленныхъ отъ писанныхъ мною, я буду выставлять подъ первыми слово „сообщено", а имена лицъ участвующихъ въ моемъ изданіи, будутъ оставаться тайною для всѣхъ, развѣ бы самъ авторъ присланной статьи потребовалъ, чтобъ она явилась за его подписью [1]).

Ни числа выпусковъ, ни времени ихъ выхода впередъ опредѣлить нельзя. Это будетъ зависѣть, главнѣйшимъ образомъ, отъ степени сочувствія которое я встрѣчу, и отъ количества доставляемыхъ мнѣ матеріаловъ.

Польскіе пропагандисты давно насъ опередили; они овладѣли почти всѣми органами иностранной журналистики, наполнили книжныя лавки летучими произведеніями своего неистощимаго воображенія и, дѣйствительно, достигли всего чего можно было достигнуть этимъ путемъ, имѣя противъ

---

[1]) Мой адресъ, за границею: въ Прагѣ, въ редакцію газеты «Politik», а въ Россіи: въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ Толмачахъ, въ домѣ графини Соллогубъ.

себя правду. Теперь, слѣдуя ихъ примѣру и въ подмогу имъ, выступаетъ дружная фаланга публицистовъ Балтійскаго поморія, издавна называющихъ себя нашими учителями и образцами. Они, располагающіе несравненно бо́льшими средствами чѣмъ Поляки или чѣмъ мы Русскіе, такъ какъ нѣтъ у насъ такой канцеляріи, въ которой бы они не имѣли своихъ, переносятъ также свою дѣятельность за границу, выпуская о своемъ краѣ множество брошюръ и корреспонденцій. Нѣкоторые изъ нихъ прямо вызываютъ насъ на публичный диспутъ. Почему бы не принять вызова и не пойти за ними на избранное ими поприще?

Въ одномъ только я позволю себѣ не послѣдовать ихъ примѣру. Лифляндскіе и курляндскіе рыцари, за немногими исключеніями, обыкновенно выходятъ на состязаніе съ опущенными забралами—я же не привыкъ къ этому тяжелому убранству и потому подписываюсь полнымъ именемъ.

Юрій Самаринъ.

Прага,
Декабрь 1867.

Русское Балтійское поморіе въ настоящую минуту.

(какъ введеніе въ первую серію)

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ малаго три года въ Ригѣ, въ то самое время, когда, съ перемѣною главнаго начальника края [1]), въ системѣ управленія русскимъ Балтійскимъ поморіемъ совершался крутой переломъ, я набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ, выводы изъ моихъ изслѣдованій о прошедшихъ судьбахъ этого края и моихъ наблюденій о тогдашнемъ его положеніи. Все это было незрѣло, писано съ плеча, подъ вліяніемъ раздражительныхъ впечатлѣній и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо въ глаза. Словомъ: по тогдашнимъ понятіямъ, это была непростительная дерзость, и покойный Государь, до свѣдѣнія котораго добрые люди довели мою рукопись, продержавъ меня нѣсколько дней въ крѣпости, поступилъ со мною, (опять таки по тогдашнимъ понятіямъ) снисходительно и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ, осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе дѣйствій высшаго управленія, не могъ избѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренность и намѣренія провинившагося остались незаподозрѣнными. Едвали нужно прибавлять, что я вспоминаю теперь

[1]) При назначеніи генералъ-губернаторомъ князя Суворова на мѣсто ген. Головина.

объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ: я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести въ памяти, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица неожиданно передо мною явившагося, въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія...

Послѣ этого, рукопись моя, разумѣется, исчезла изъ обращенія; толки о Балтійскомъ краѣ, возбужденные въ нашемъ обществѣ переходомъ Латышей въ православіе, вскорѣ совсѣмъ замолкли, и весь этотъ край, надолго, какъ будто исчезъ изъ виду нашей публики.

Девятнадцать лѣтъ спустя, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и воззрѣніяхъ, по упраздненіи крѣпостнаго права, по введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, гласнаго судопроизводства и новаго закона по дѣламъ печати, я помѣстилъ въ газетѣ „Москва“ нѣсколько передовыхъ статей, въ которыхъ, между прочимъ, указалъ на жалкое, унизительное положеніе представителя православной церкви въ средѣ балтійскаго общества и на неминуемыя послѣдствія постепеннаго упадка довѣрія къ Россіи въ тамошнемъ простонародьѣ. За эти статьи, въ которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ высмотрѣлъ между прочимъ „возбужденіе вражды въ одной части народонаселенія противъ другой“ газета, напечатавшая ихъ, получила предостереженіе и подверглась трехмѣсячному запрещенію [1]).

[1]) Въ предостереженіи 25 марта 1867 г. выставлены и другіе мотивы, въ томъ числѣ слѣдующій: „Мѣры взысканія, которымъ подверглись лифляндская лютеранская консисторія и пасторъ пробстъ Дебнеръ, порицаются подъ видомъ желанія обоюдной борьбы между православіемъ и протестантизмомъ, хотя это желаніе не соотвѣтствуетъ всѣмъ дѣйствующимъ относительно православной церкви въ Имперіи узаконеніямъ и противорѣчитъ всему содержанію статей газеты Москва“. Если бы можно было спорить съ административнымъ произволомъ, я позволилъ бы себѣ предложить три вопроса. Во-первыхъ, почему главное управленіе по дѣламъ печати знаетъ, что газета „Москва“ приняла на себя видъ, то есть не искренно сожалѣетъ о преслѣдованіи за мнѣнія, которыхъ она не раздѣляетъ? Сколько мнѣ извѣстно, министръ внут-

Этихъ двухъ опытовъ было совершенно достаточно для личнаго моего вразумленія, и предпринимать третій, подъ ударами главнаго управленія по дѣламъ печати, я счелъ излишнимъ. Были впрочемъ и другіе факты, лично до меня не касавшіеся, но еще болѣе поучительные.

Въ 1863 году, въ Лейпцигѣ, вышла небольшая брошюра: „Мекленбургъ въ Курляндіи (Mecklenburg in Kurland)“. Авторъ ея, Отто фонъ-Рутенбергъ, природный курляндскій дворянинъ, разбиралъ въ ней разныя мнѣнія выраженныя на курляндскомъ ландтагѣ 1862 года, по поводу предъявленнаго правительствомъ требованія, чтобы крестьянамъ открыта была возможность пріобрѣтать въ собственность земли бывшія въ ихъ пользованіи. Вѣрный своему происхожденію и традиціямъ своей касты, онъ отнесся къ своимъ собратьямъ не только не враждебно, а даже съ полнымъ сочувствіемъ къ общему ихъ стремленію порѣшить дѣло домашнимъ образомъ, то есть безъ вѣдома старорусской партіи, и не подавая повода къ прямому вмѣшательству со стороны правительства; при этомъ однако, какъ человѣкъ честный, вразумленный историческимъ опытомъ другихъ земель и успѣвшій, за границею, выбросить изъ головы своей многіе мѣстные предразсудки, онъ не побоялся обнаружить нѣсколько крупныхъ фактовъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ благоразумные его земляки никогда передъ публикою не проговариваются. Такъ, онъ раз-

---

ренннхъ дѣлъ есть частный приставъ, а не духовникъ журналистики и уставъ не даетъ ему права касаться чужихъ, закрытыхъ для него побужденій. Во вторыхъ, хотя бы даже желаніе выраженное въ газетѣ „Москва“ и противорѣчило содержанію ея статей (чего я рѣшительно не допускаю), развѣ главное управленіе по дѣламъ печати призвано мстить за нарушеніе законовъ логики? Давно ли оно и она (т. е. главное управленіе и логика) вступили въ такую тѣсную дружбу? Въ-третьихъ, если простое заявленіе желанія свободной полемики между двумя вѣроисповѣданіями преступно уже потому, что не соотвѣтствуетъ дѣйствующимъ узаконеніямъ относительно православной церкви въ Имперіи, то какъ же могло случиться, что формальное и настойчивое ходатайство объ отмѣнѣ кореннаго закона церковнаго и гражданскаго (по предмету браковъ между православными и лютеранами) не только было выражено лифляндскимъ дворянствомъ и тамошнимъ духовенствомъ, но было вызвано министромъ внутреннихъ дѣлъ, и, благодаря преимущественно его стараніямъ, получило полное удовлетвореніе?

сказалъ, въ главныхъ чертахъ, исторію постепеннаго ухудшенія быта крестьянъ со дня упраздненія на бумагѣ ихъ крѣпостной зависимости и не утаилъ, что въ послѣднее время, когда правительство, съ полнымъ довѣріемъ къ балтійскому рыцарству, отдавало ему въ руки разрѣшеніе поземельнаго крестьянскаго вопроса, въ Курляндіи производилось втихомолку, но въ громадныхъ размѣрахъ, систематическое отобраніе крестьянскихъ усадьбъ; наконецъ, критическимъ разборомъ разныхъ проектовъ предъявленныхъ на ландтагѣ, онъ выяснилъ до очевидности, что курляндское рыцарство имѣло въ виду отнюдь не выкупную операцію (въ томъ значеніи какое эти слова имѣютъ у насъ и во всей Германіи) а продажу крестьянскихъ земель, по возможно высокой цѣнѣ, лицамъ всякаго званія и состоянія. Брошюра эта испытала странную участь, почти такую же какъ извѣстная книга Меркеля: „Несчастные Латыши (die unglücklichen Letten)“ [1]). Она какъ-то очень скоро исчезла изъ обращенія и сдѣлалась почти библіографическою рѣдкостью.

У рижскихъ книгопродавцевъ ея нѣтъ, они даже не выписываютъ ея, увѣряя, что она разошлась и за границею; да и дѣйствительно, даже тамъ трудно добыть ее иначе какъ черезъ антикваріевъ. Прежде однако чѣмъ она улетучилась, брошюра Рутенберга попала въ редакцію Петербургскихъ Вѣдомостей, которая изготовила объ ней статью и собралась ее напечатать; но министръ внутреннихъ дѣлъ, провѣдавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ редактора и потребовалъ отъ него, чтобъ онъ отложилъ свое намѣреніе, дабы не возбуждать въ русской публикѣ неблагопріятныхъ толковъ о Балтійскомъ краѣ и не подавать повода къ сравненію условій выкупной операціи въ тѣхъ губерніяхъ и въ Россіи. Благодаря этому мудрому распоряженію, Россія, пока можно было поправить дѣло, дѣйствительно ничего не узнала объ основаніяхъ, на которыхъ разрѣшался въ Курляндіи крестьянскій вопросъ [2]).

1) Говорятъ, что почти все изданіе книги Меркеля было скуплено и уничтожено балтійскимъ дворянствомъ.

2) Предупреждаю, что я передаю слухъ, впрочемъ дошедшій до меня изъ надежнаго источника. Если я ошибаюсь, пусть меня опровергнутъ и я возьму слова свои назадъ. Фактовъ останется довольно и безъ этого.

Въ 1867 году, вышла въ Берлинѣ брошюра совершенно инаго рода, подъ безконечно длиннымъ заглавіемъ: Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde von der protestantischen Landeskirche und dem deutschen Landesstaate in den Ostseeprovinzen Russlands, von ihrem guten Rechte und von ihrem Kampfe um Gewissensfreiheit (буквально: Вклады изъ Лифляндіи для распространенія основательныхъ познаній о тамошней, мѣстной протестантской церкви и о нѣмецкомъ провинціальномъ штатѣ [1]) въ Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, о ихъ правотѣ и о ихъ борьбѣ за свободу совѣсти). Книжка эта составляетъ довольно удачный „pendant“ къ извѣстному пасквилю „Souffrances et persécutions de l'église catholique en Russie“, котораго теперь начинаетъ стыдиться даже ультрамонтанская партія, выпустившая его въ сороковыхъ годахъ, но который все-таки оставилъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ въ мнѣніи Европы. Это ни болѣе ни менѣе какъ формальный доносъ на русское правительство, поданный Германіи однимъ изъ ея балтійскихъ единовѣрцевъ, съ цѣлью побудить ее къ заступничеству за ея мнимо угнетенныхъ братьевъ. Тутъ, всѣ мотивы, въ оффиціальныхъ бумагахъ едва проглядывающіе подъ маскою вѣрноподданнической преданности, высказываются нагло и дерзко, разумѣется съ приправою безстыднѣйшей клеветы и глубочайшей ненависти къ Россіи и къ православной церкви. Въ началѣ предисловія, авторъ жалуется на недостатокъ участія со стороны Германіи къ ея сѣверовосточной колоніи, къ нѣмецкимъ Остзейскимъ провинціямъ Россіи; онъ указываетъ на ихъ значеніе для распространенія и укрѣпленія нѣмецкаго духа и нѣмецкой жизни, а въ концѣ заявляетъ „что необыкновенная сила, выказанная горстью Нѣмцевъ въ упорномъ и успѣшномъ ихъ противодѣйствіи всѣмъ направленнымъ противъ нихъ покушеніямъ, почерпается ими въ сознаніи того призванія свыше, которое, по предопредѣленію божественнаго

[1]) Я перевожу Landesstaat словомъ провинціальный штатъ, какъ оно переводилось въ нашихъ оффиціальныхъ актахъ XVIII вѣка. Подъ этимъ очень неопредѣленнымъ выраженіемъ, подразумѣвалась вся совокупность мѣстныхъ учрежденій, земскихъ, судебныхъ и даже церковныхъ

промысла спеціально пекущагося о судьбахъ Германіи (nach der göttlichen Ordnung der deutschen Dinge) выпало на долю ея колоніи, подвизающейся на отдаленномъ Балтійскомъ взморьѣ". За предисловіемъ слѣдуетъ рядъ документовъ, совершенно для насъ новыхъ и крайне поучительныхъ. Мы узнаемъ изъ нихъ, между прочимъ, что права лютеранской церкви (въ томъ конечно смыслѣ и объемѣ въ какомъ они истолковываются въ Ригѣ и Дерптѣ) права обезпеченныя международными трактатами и составляющія коренное условіе политической вѣрности мѣстнаго протестантскаго населенія, давно уже нарушены и безпрестанно нарушаются русскимъ правительствомъ: это доказано тамошними юристами, признано всею интеллигенціею края и сообщается Германіи къ свѣдѣнію и руководству. Далѣе, разсказывается подробно, почти по днямъ и по часамъ, какъ завязалась, раскинулась и проникла въ разныя вѣдомства и въ высшее петербургское общество ловкая интрига недавно увѣнчавшаяся, при ревностномъ содѣйствіи высокопоставленныхъ лицъ, отмѣною общаго закона о бракахъ между православными и лютеранами, не задолго передъ тѣмъ (при изданіи 3-ей части Свода Мѣстныхъ Узаконеній) формально распространеннаго и на Балтійскій край; сообщаются подлинные протоколы (разумѣется слѣдователей лютеранскаго вѣроисповѣданія и нѣмецкаго происхожденія) о дѣйствіяхъ православнаго духовенства при крещеніи и миропомазаніи младенцевъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ; наконецъ, пропечатывается рапортъ на Высочайшее имя флигель-адъютанта графа Бобринскаго, посланнаго для изслѣдованія положенія православной паствы въ Лифляндіи и его же отчетъ объ этой поѣздкѣ. Для Россіи, все это, разумѣется, государственныя тайны, о которыхъ ей не подобаетъ вѣдать, а теперь, эти секреты, въ нѣмецкомъ переводѣ, обѣжали Германію, заняли видное мѣсто на выставкахъ берлинскихъ и лейпцигскихъ книгопродавцевъ и вся нѣмецкая публика восторжествовала, прочтя въ нихъ признаніе самого правительства въ безнравственности средствъ будто бы имъ употребленныхъ и нынѣ еще употребляемыхъ для обращенія Латышей въ православіе и для удержанія ихъ отъ возврата въ

лютеранство. Эта курьезная брошюра вышла безъ подписи, но въ Лифляндіи имя автора извѣстно всѣмъ [1]). Вскорѣ по выходѣ ея за границею, она появилась въ Ригѣ и разошлась очень скоро. Книгопродавцы, не выжидая спроса, разсылали ее по домамъ, что однако не помѣшало Рижской Газетѣ заявить печатно, что она объ ней ничего не знаетъ [2]). У насъ, Livländische Beiträge значатся въ цензурномъ каталогѣ въ числѣ книгъ запрещенныхъ и къ обращенію не допущенныхъ, чтобъ не раздражать русскаго національнаго чувства противъ уроженцевъ Балтійскаго края. Забота конечно похвальная и увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Пасквиль, въ которомъ, удачнымъ подборомъ свидѣтельствъ и документовъ, придано было нѣкоторое правдоподобіе самой безстыдной клеветѣ, остался безъ обличенія, на которое онъ, такъ сказать, напрашивался и которое было бы легко [3]); русское національное чувство избавилось отъ раздраженія вреднаго для здоровья, а тѣмъ временемъ, за границею, нѣмецкое національное чувство быстро накаливается и раздражается противъ Россіи—точь въ точь какъ во Франціи передъ польскимъ мятежемъ и во время мятежа.

Въ послѣдніе три года, между московскими газетами и рижскими тянулась почти непрерывная полемика объ отношеніяхъ Балтійскихъ губерній къ Россіи, о силѣ мѣстныхъ такъ называемыхъ привилегій, о степени обязательности законовъ издаваемыхъ правительствомъ, о правахъ русскаго языка, о положеніи русскихъ обывателей края и о другихъ такого же рода вопросахъ, какъ видно, доселѣ неразрѣшенныхъ. Оказалось, что понятія русской прессы, по всѣмъ

---

1) Съ тѣхъ поръ какъ это было писано, вышло четыре новыхъ выпуска и авторъ, г. фонъ-Бокъ, вицепрезидентъ лифляндскаго гофгерихта, назвался по имени.

2) Rig. Zeitung. 1867, № 90.

3) Въ предпослѣднемъ своемъ выпускѣ, издатель Лифляндскихъ Вкладовъ, заявляя, что русская журналистика отвѣтила молчаніемъ на его нападенія, объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „опытъ доказалъ еще разъ, что Русскій начинаетъ грубить когда съ нимъ обращаются учтиво, но что стоитъ лишь ему самому нагрубить, чтобъ заставить его замолчать“ (Livl. Beitr. B. II. Lief. II. S. 57). Усердно благодаримъ нашу цензуру, своимъ о насъ попеченіемъ, выслужившую намъ эту аттестацію.

этимъ предметамъ, рѣшительно расходились съ балтійскими провинціальными воззрѣніями, какъ извѣстно, господствующими и въ высшихъ сферахъ нашей администраціи. Повидимому, имѣя ее на своей сторонѣ, балтійская пресса могла бы и не обращать вниманія на безсильные протесты какихъ-нибудь двухъ или трехъ газетъ; но, къ изумленію, она отнеслась къ дѣлу иначе. Почуяла ли она, что эта ею такъ называемая старорусская партія есть все-таки ни болѣе ни менѣе какъ сама Россія, начинающая сознавать свое политическое совершеннолѣтіе; повѣялъ ли на нее изъ за границы духъ хвастливой самоувѣренности обуявшій родную Германію—какъ бы то ни было, она вышла изъ себя, разгорячилась, растерялась, и, тѣснимая запросами своихъ противниковъ неутомимо обличавшихъ ея извороты, начала очень не кстати выбалтывать свои сокровенныя, заднія мысли. Такая непростительная неосторожность ставила въ самое неловкое положеніе, не столько рижскую и дерптскую интеллигенцію, сколько ея петербургскихъ патроновъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отрекаться за нее отъ приписываемыхъ ей поползновеній и ручаться за политическую ея благонамѣренность, въ виду цѣлаго ряда собственныхъ ея признаній? И вѣдь ничто не помогало. Оттуда, изъ Петербурга, подмигивали, подавали условные сигналы, подсылали надежныхъ людей проповѣдывать сдержанность, а расходившаяся пресса все не одумывалась; или, можетъ быть, она и одумалась, но слишкомъ поздно, когда дѣло зашло такъ далеко, что ей самой стало почти невозможно добровольно отказаться отъ полемики или даже перемѣнить тонъ. Еще годъ или два такой полемики, и—чего добраго — Россія пожалуй узнала бы всѣ тайны своей Балтійской окраины. Пора было придумать противъ этого предупредительныя мѣры, и дѣйствительно придумали. Кто именно? — трудно рѣшить. Сама ли тамошняя интеллигенція выпросила себѣ запрещеніе спорить, или ея покровители прибѣгли къ этому способу, чтобъ выручить ее и себя изъ щекотливаго положенія — это еще не выяснено; во всякомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе кстати, послѣдовало спасительное для нея распоряженіе, извѣстное всѣмъ читателямъ, чтобы нѣмецкія балтійскія газеты пре-

кратили національную борьбу съ газетами старорусской партіи [1]).

Такимъ образомъ, положенъ былъ конецъ неосторожнымъ откровенностямъ; дана была возможность балтійской прессѣ раскланяться съ своими противниками и сойти съ поприща состязанія почти съ тріумфомъ, по крайней мѣрѣ, не подвергшись ни малѣйшему порицанію; поданъ былъ вполнѣ основательный поводъ сочувствующей ей заграничной прессѣ протрубить на всѣ лады, что разбитая старорусская партія, въ сознаніи своей немощи, натравила на свою соперницу литературную полицію; наконецъ: у русскихъ газетъ отнята была возможность продолжать разоблаченіе правды о Балтійскомъ краѣ.

Но этимъ дѣло кончиться не могло.

Два противника долго между собою спорили; вдругъ, одному изъ нихъ велятъ молчать и этимъ прекращаютъ споръ, конечно не безъ причины. Кто нибудь употребилъ свободу слова во зло, а можетъ провинились оба. Но литературная полиція ни въ чемъ не упрекаетъ балтійской прессы, а только отнимаетъ у нея слово. Кто жъ провинился?

На этотъ вопросъ дала отвѣтъ Сѣверная Почта въ передовой статьѣ 9/21 ноября 1867 года. Газета министерства внутреннихъ дѣлъ ни на кого прямо не глядитъ и никого не называетъ по имени; она только раскладываетъ передъ публикою богатые матеріалы, припасенные ею для будущаго приговора, имѣющаго обрушиться на кого-то. Матеріаловъ дѣйствительно такъ много, что разбѣгаются глаза и становится жутко. Послушайте: „вредныя, по своей раздражительности формы, крайность взглядовъ и направленій, поверхностная оцѣнка постановленій, опрометчивое осужденіе системы законодательства и управленія, произвольное и оскорбительное сравненіе дѣлъ Прибалтійскихъ губерній съ дѣлами Западнаго края, возбужденіе неосновательныхъ подозрѣній, распространеніе неосновательныхъ нареканій, неправильная постановка вопросовъ, невѣрная оцѣнка прави-

[1]) Я привожу версію иностранныхъ газетъ, такъ какъ русскій текстъ у насъ, кажется, оффиціально обнародованъ не былъ.

тельственныхъ распоряженій“ и т. д. Какъ послѣдствія всего этого: „распространеніе въ Прибалтійскомъ краѣ опасеній на счетъ цѣлаго ряда принудительныхъ мѣръ, водвореніе мысли, что правительство систематически стремится къ стѣсненію гарантированной свободы протестантскаго вѣроисповѣданія и нѣмецкаго языка, отголосокъ той же мысли въ заграничной печати, возбужденіе племенной непріязни, упорное заявленіе подозрѣнія и недовѣрія, усилія возстановить одинъ классъ общества противъ другого“ и т. д. и т. д. А все это оттого, что „нѣкоторыя газеты постоянно обращаются къ дѣламъ Прибалтійскаго края и обсуживаютъ или возбуждаютъ вопросы, имѣющіе отношеніе къ этимъ дѣламъ“—такими словами начинается статья. Какія же это однако газеты надѣлали столько бѣдъ? Балтійскія не обращаются къ дѣламъ Прибалтійскаго края; это ихъ спеціальность, домашняя ихъ среда, въ которой онѣ живутъ. Стало быть: виною всему газеты русскія [1]).

Дѣло ясно: правительство, или точнѣе, вѣдомство, уполномоченное отмѣривать русскому обществу паекъ свободы на умственное его продовольствіе, желаетъ избавиться отъ нашихъ медвѣжьихъ услугъ. Мы мѣшаемъ ему. Безъ насъ, побесѣдовавъ наединѣ съ балтійскою интеллигенціею, какъ слѣдуетъ, по-нѣмецки, оно гораздо скорѣе сговорилось бы съ нею и порѣшило бы всѣ вопросы къ обоюдному удовольствію; потомъ, по подписаніи мировой, можно бы было объявить намъ, въ общихъ выраженіяхъ, объ этомъ счастливомъ событіи, и намъ оставалось бы только благодарить и славить. Кажется, я понялъ вѣрно?

Отказаться отъ роли непрошенныхъ наблюдателей и убраться по добру по здорову пока насъ окончательно не вытолкали, было бы конечно сообразно съ русскою лѣнью и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, благоразумно; сомнительно только, чтобы дѣла отъ этого дѣйствительно пошли лучше. Я даже позволяю себѣ думать противное и объясню почему.

---

[1]) Такъ понята была статья Сѣверной Почты во всей Германіи, да и нельзя было понять ее иначе.

Если бы шла рѣчь о заграничномъ займѣ или о заключеніи договора съ иностранною державою, всякій бы понялъ необходимость тайны и вредъ огласки. Но дѣла, къ которымъ Сѣверная Почта совѣтуетъ намъ не обращаться, вовсе не такого свойства. Въ Балтійскомъ краѣ, прежде всего, предстоитъ выяснить понятіе объ отношеніи одной части государства къ цѣлому государству и провести въ жизнь практическіе выводы изъ этого понятія. Иными словами: нужно, чтобъ три губерніи, въ настоящее время разобщенныя съ Россіею и стремящіяся къ еще большему разобщенію съ нею (я это докажу въ своемъ мѣстѣ) убѣдились наконецъ, что онѣ составляютъ не передовое укрѣпленіе Германіи, какъ онѣ охотно себя величаютъ, а западную, приморскую окраину Россіи, и потому признали бы себя всецѣло, безоговорочно и навсегда связанными въ настоящемъ и въ будущемъ съ судьбою послѣдней. Что ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни какія либо иныя власти не должны бы имѣть другой цѣли [1]), тому непререкаемымъ свидѣтельствомъ

---

[1]) Говорю: не должны бы имѣть и думаю, что не имѣютъ, но въ Балтійскихъ губерніяхъ думаютъ иначе Г. фонъ-Боккъ, вицепрезидентъ лифляндскаго гофгерихта, повѣствуетъ между прочимъ слѣдующее, ссылаясь на свидѣтельство очевидца, притомъ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ центральной коммиссіи для судебной реформы. На одномъ изъ засѣданій упомянутой коммиссіи, бывшій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ выразилъ мысль, что введеніе суда присяжныхъ было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для онѣмеченія Латышей, такъ какъ уже окончательно признано, что языкомъ судопроизводства долженъ быть и оставаться нѣмецкій. „Я—продолжалъ графъ Шуваловъ—стою за введеніе присяжныхъ, но, еслибъ я былъ на мѣстѣ Государя, который не хочетъ, чтобы сельское народонаселеніе нѣмечилось, то я исполнилъ бы желаніе дворянства и, не установляя присяжныхъ, не далъ бы Остзейскимъ провинціямъ могучаго орудія германизаціи“ (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 20). Если это правда, то не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что генералъ-губернаторъ счелъ себя призваннымъ учить Нѣмцевъ какъ лучше нѣмечитъ Латышей (точно они нуждаются въ этой наукѣ) въ противность извѣстной ему волѣ Государя; а если ученый юристъ, призванный правительствомъ на совѣтъ въ важномъ дѣлѣ судебной реформы, или его пріятель, вицепрезидентъ гофгерихта, прилыгаетъ, то пусть эта новая клевета причтется къ длинному списку всякаго рода напраслинъ пущенныхъ въ ходъ тѣмъ же публицистомъ, и пусть то лице, котораго на сей разъ кле-

служатъ знаменательныя слова недавно произнесенныя самимъ Государемъ Императоромъ въ г. Ригѣ. Въ изысканіи и примѣненіи законодательныхъ и административныхъ мѣръ къ ея достиженію, правительство свободно; ничье мнѣніе его не связываетъ; но для успѣха, нужно одно, существенное условіе, важность котораго вполнѣ можетъ быть оцѣнена нами именно теперь, съ тѣхъ поръ какъ мы лишились его въ Сѣверозападномъ краѣ. Нужно, чтобъ мѣстная интеллигенція убѣдилась окончательно въ томъ, что дѣйствія власти исходятъ не изъ случайнаго расположенія или воззрѣнія того или другого лица, хотя бы и самого Самодержца, а отвѣчаютъ на потребности, сознанныя всею землею, и что поэтому, въ будущемъ, не мыслимо повтореніе такого перелома въ нашей внутренней политикѣ, какой произошелъ на другой день по кончинѣ Императрицы Екатерины II, когда ея преемникъ, однимъ взмахомъ, сбилъ вызрѣвавшіе плоды долголѣтнихъ ея насажденій [1]). А можетъ ли установиться такое убѣжденіе и есть ли какое-нибудь основаніе ожидать добровольнаго отреченія отъ надеждъ, къ сожалѣнію находящихъ себѣ въ прошедшемъ полное оправданіе, если, съ той точки зрѣнія, на которой упорно держится интеллигенція окраины, она не будетъ ни видѣть, ни слышать русскаго общества, стоящаго за спиною правительства и поддерживающаго своимъ сочувствіемъ дѣйствія власти? Для уясненія моей мысли, я приведу примѣръ. Въ Балтійскомъ краѣ издавна распущенъ и тщательно поддерживается слухъ, будто бы Государь Императоръ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, сказалъ когда-то, что „въ его царствованіе конечно не останется въ Остзейскихъ губерніяхъ ни одного православнаго епископа“. Я знаю, что это миѳъ, подобный многимъ другимъ, изобрѣтаемымъ нѣмецкими агитаторами съ цѣлью смущать народъ; не менѣе того, не далѣе какъ въ прошломъ году, авторъ брошюры изданной въ Берлинѣ, счелъ не лишнимъ напом-

---

вета коснулась, испытаетъ на себѣ общую участь всѣхъ русскихъ дѣятелей въ Балтійскомъ краѣ, большихъ и малыхъ.

1) Такого же рода переломъ, разумѣется въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, совершился въ 1847 году, при назначеніи въ Ригу князя Суворова.

нить печатно объ этомъ мнимомъ обѣщаніи [1]). Мудрено ли, что пока подобные слухи бродятъ въ краѣ и находятъ вѣру, правительственныя распоряженія по отводу мѣстъ для постройки церквей и помѣщенія православныхъ школъ встрѣчаютъ упорное недовѣріе, парализуются систематическимъ противодѣйствіемъ, и приводятъ къ результатамъ, въ которыхъ стыдно признаться? И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока всѣ тѣ кому подобаетъ объ этомъ знать не услышатъ и не убѣдятся, что церковная хоругвь, водруженная на Балтійскомъ поморіи, охраняется не только волею Самодержца, но еще и другою силою, имъ же вызванною, имъ воспитанною и ему преданною — я разумѣю общественное мнѣніе православной Россіи. Дѣятель одаренный нѣкоторою долею политическаго такта, увидалъ бы въ содѣйствіи этой силы, не посягательство на свободу правительства и не помѣху, а подкрѣпленіе и оправданіе его дѣйствій; онъ не сталъ бы на нее коситься, даже если бы способъ ея выраженія былъ ему лично не сочувственъ; онъ понялъ бы, что именно въ Балтійскомъ краѣ, нужно, чтобы все мѣстное, интеллигентное общество, такъ сказать, перевоспиталось по отношенію къ Россіи, что для этого недостаточно законодательныхъ и полицейскихъ мѣръ и, что желанное сближеніе въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ никогда не послѣдуетъ, пока балтійское общество, съ одной стороны, русское, съ другой, будутъ стоять другъ противъ друга и безмолвствовать. Онъ не побоялся бы предоставить обѣимъ сторонамъ одинаковую, полную свободу сужденія и спора, со всѣми ея неизбѣжными увлеченіями и крайностями, хотя бы наконецъ для того, чтобы домашніе вопросы и недоразумѣнія разрѣшались и улегались дома, не разжигая за предѣлами государства международныхъ страстей. Все это такъ очевидно, что противоположный образъ дѣйствія, эти старанія цензурной полиціи развести спорящихъ по угламъ, отнять у нашей журналистики охоту и возможность о б р а щ а т ь с я къ дѣламъ Балтійскаго края, спрятать ихъ отъ насъ и порѣшить ихъ за спиною Россіи, не только не укрѣпляютъ въ обществѣ довѣрія къ правительству, а производятъ обратное, прискорбное дѣйствіе.

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 88.

Есть и другая причина мѣшающая намъ послѣдовать внушенію Сѣверной Почты и заставляющая насъ напрягать взоры, чтобъ высмотрѣть правду сквозь напущенный туманъ, застилающій отъ насъ нашу Балтійскую окраину. Это свѣжее воспоминаніе о томъ, какъ мы, весьма недавно, едва было не проспали Польши съ Сѣверозападнымъ краемъ. А, кажется, чего тамъ не было? Намѣстники и генералъ-губернаторы облеченные заслуженнымъ довѣріемъ власти; при нихъ: разнаго рода полиціи, самыя тайныя, просто тайныя и явныя, тысячи глазъ и ушей, казенныя перья, казенныя деньги и ружья, словомъ: полный аппаратъ власти, вооруженной всѣми аттрибутами, и, въ добавокъ—невозмутимое безмолвіе русскаго общества, никакого съ этой стороны нескромнаго любопытства, никакого подобія политической прессы. И что же? Эта всевидящая, всюду проникающая власть ручалась за спокойствіе края, въ то время какъ заговоръ копался подъ ея ногами; она скрѣпляла своими завѣреніями и пересылала въ Петербургъ вѣрноподданническіе адресы мѣстныхъ сословій, въ то время какъ эти сословія смыкались въ мятежническую организацію, припасали оружіе и обмѣнивались сигналами съ своими заграничными вожаками. Принимая за признакъ благонамѣреннаго консерватизма ревность, съ которою ея чиновники высматривали, не гнѣздится ли гдѣ нибудь въ деревняхъ зловреднаго коммунизма, любуясь азартомъ, съ которымъ дворянскіе предводители накидывались на крестьянъ якобы бунтовавшихъ, то есть взывавшихъ къ правительству о защитѣ и помощи, она, эта всевѣдущая власть, распиналась за вѣрность своихъ сослуживцевъ и отвергала съ негодованіемъ всякое сомнѣніе въ ихъ политической благонадежности; а между тѣмъ, эти предводители систематически портили народъ, соблазняя его обѣщаніями и стращая его грозою русской военной силы; эти чиновники по особымъ порученіямъ объѣзжали край съ казенными подорожными для формированія будущихъ шаекъ, а секретари передавали конфиденціальныя бумаги организаторамъ возстанія. Поплатившись такъ дорого за это ослѣпленіе, не пора ли наконецъ уразумѣть, что оно происходило не отъ случайныхъ причинъ,

а отъ свойства зрительнаго органа власти, отъ котораго, по особенностямъ его конструкціи, цѣлые порядки явленій ускользаютъ очень часто и очень легко, по крайней мѣрѣ гораздо чаще и легче чѣмъ отъ цѣлаго общества?...

Я однако чуть не забылъ, что намъ запрещено напоминать, по поводу Прибалтійскихъ губерній, о Западномъ краѣ и что такое сопоставленіе объявлено Сѣверною Почтою произвольнымъ и оскорбительнымъ [1]).

Такъ какъ я не хочу прибѣгать къ натяжкамъ а тѣмъ менѣе къ оскорбленіямъ, и все-таки не усматриваю причины отказаться отъ права сближать однородныя явленія для взаимнаго ихъ уясненія, то позволю себѣ, въ отвѣтъ на приговоръ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, высказать разъ навсегда въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается сходство и въ чемъ разница.

Послѣ недавняго, горькаго опыта нашего въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ, мы безспорно значительно поумнѣли. Мы напримѣръ знаемъ, что когда въ какомъ либо вѣдомствѣ или присутственномъ мѣстѣ начинаютъ группироваться чиновники съ фамиліями на вичъ или ски, то не мѣшаетъ смотрѣть въ оба, какъ бы польская справа, разбитая на другихъ пунктахъ, не свила себѣ въ этомъ мѣстѣ новаго гнѣзда: мы намотали себѣ на усъ, что пѣніе возмутительныхъ гимновъ въ костелахъ служитъ признакомъ начинающагося броженія и предвѣщаетъ близкое появленіе процессій на улицахъ, а потомъ и вооруженныхъ шаекъ въ лѣсахъ. Все это очень вѣрно высмотрѣно; а такъ какъ ничего подобнаго въ Балтійскихъ губерніяхъ не видно, да и предполагать нельзя, то мы выводимъ отсюда, что между ними и Западнымъ краемъ ничего нѣтъ общаго. Такое заключеніе, мнѣ кажется, не вполнѣ основательно; оно доказываетъ, что въ нашей памяти отпечатлѣлся собственно только мятежъ, въ типическомъ образѣ шляхтича, съ закрученными усами и откидными рукавами, тогда какъ, про закулисныя пружины и общіе пріемы политической интриги, которыми иногда дѣй-

---

1) См. цитованную выше статью $^{9}/_{21}$ ноября 1867.

ствительно подготовляются революціонные взрывы, а иногда, совершенно иными средствами, втихомолку, безъ всякаго нарушенія благочинія, безъ выстрѣловъ, безъ набата и шитыхъ знаменъ, преобразуется духъ цѣлой страны—мы какъ будто ужъ начинаемъ забывать. При всемъ ихъ разнообразіи, эти пріемы сводятся окончательно къ четыремъ главнымъ: пропагандѣ въ деревняхъ, пропагандѣ въ министерствахъ и столичныхъ гостиныхъ, подрыву личныхъ репутацій и наконецъ: журнальной агитаціи за границею. Обыкновенно, начинаютъ съ пропаганды въ деревняхъ. Цѣль ея: отвлечь отъ правительства и отъ господствующей народности довѣріе и сочувствіе массъ. Для этого не требуется ни особеннаго краснорѣчія, ни правдоподобія вымысловъ, ни убѣдительности доводовъ; дѣло сподручно всякому; но необходимо, чтобъ за него брались многіе, единовременно, на разныхъ пунктахъ, и долбили бы постоянно по одному мѣсту, пуская въ ходъ всякаго рода небылицы приспособленныя къ понятіямъ простонародья, перетолковывая въ дурную сторону распоряженія власти, благоразумно умалчивая о дѣйствіяхъ ея явно благопріятныхъ для большинства, наконецъ - это самое эффектное средство—выискивая, даже создавая поводы обносить народъ передъ правительствомъ и наводить на деревни военныя экзекуціи, хотя бы замаскированныя простою перемѣною въ дислокаціи войскъ (какъ это теперь дѣлается въ Балтійскихъ губерніяхъ). Этого рода пропаганда дѣйствуетъ конечно медленно, но вѣрно, и хороша тѣмъ, что высмотрѣть ее изъ Петербурга довольно трудно.

Второй пріемъ, пропаганда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, употребляется для предупрежденія или обезсиленія всякаго противодѣйствія со стороны мѣстъ и лицъ, отъ которыхъ можно ожидать его, для устраненія серьезнаго обсужденія представляемыхъ проектовъ, для испрошенія разрѣшеній на всякаго рода ходатайства экстралегальнымъ путемъ, вообще: для образованія въ центрѣ правительства какого-нибудь, по возможности, изолированнаго и независимаго учрежденія (статсъ-секретаріата или комитета) въ которомъ бы сосредоточивались всѣ дѣла извѣстной обла-

сти, и въ которомъ бы засѣдали, разумѣется, только люди безгласные или такіе, какіе нужны. Рука объ руку идетъ пропаганда въ гостиныхъ. Здѣсь, на легкой, воспріимчивой почвѣ, опытными руками разбрасываются сѣмена сомнѣній въ правотѣ самыхъ законныхъ требованій правительства и опорочиваются употребляемыя имъ средства. Запавшее сомнѣніе скоро порождаетъ ложный стыдъ, потомъ раскаяніе, а эти чувства располагаютъ къ уступкамъ въ видахъ искупленія мнимыхъ несправедливостей.

Третій пріемъ служитъ для раздѣлки съ лицами, въ какомъ бы то ни было отношеніи, опасными для интриги, и которыхъ нельзя ни провести, ни подкупить, ни застращать. Въ этихъ случаяхъ, почти всегда удается голословное заподозриваніе въ радикальности убѣжденій, въ политической неблагонадежности, въ возмутительныхъ замыслахъ, словомъ—доносъ.

Въ довершеніе, подогрѣвается заграничная журналистика, которая переноситъ домашнее дѣло въ область между-народныхъ вопросовъ и ставитъ мѣстную интригу подъ защиту общественнаго мнѣнія разжалобленной Европы.

Пусть теперь придумаютъ для этой тактики, какое хотятъ названіе, хоть самое мягкое. Пусть это будетъ не агитація, не интрига, а пожалуй „естественная заботливость объ охраненіи мѣстныхъ, временемъ освященныхъ особенностей“ (какъ выражается обыкновенно Сѣверная Почта)—я спорить не буду; но позволю себѣ сказать, что тотъ лишь, кто слѣпъ, или нарочно закрываетъ глаза, можетъ не узнать въ очерченныхъ пріемахъ стратегическаго плана издавна усвоеннаго балтійскою интеллигенціею и приводимаго ею въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ.

Попробуйте сблизиться съ простымъ Латышемъ настолько, чтобъ онъ отложилъ свою подозрительность; постарайтесь заставить его разговориться, разумѣется не въ присутствіи орднунгсъ-рихтера, а въ избѣ, корчмѣ или на охотѣ, и вы услышите о русскомъ правительствѣ, о Россіи, о православной вѣрѣ, курьезы такого же точно свойства и той же фабрикаціи, какими наполняются столбцы мелкихъ и дешевыхъ газетъ закупленныхъ Поляками. Вы спросите: „отъ кого

научился ты всей этой мудрости?" и получите въ отвѣтъ: „право не умѣю сказать—всѣ говорятъ: пасторъ, кистеръ, форминдеръ, управляющій, арендаторъ, лѣсничій, мало ли кто! Даже въ нашихъ латышскихъ газетахъ пишутъ"— „И ты всему этому вѣришь"?—„Да какъ сказать! Не то чтобы твердо вѣрилъ, можетъ и привираютъ; а все побаиваюсь вашихъ. У васъ вѣдь все казаки, такіе вотъ какихъ нагоняютъ лупить нашего брата нагайками . . . Царь вашъ (всегда **вашъ** или **русскій**) добрый—это мы слышали, да гдѣ ему узнать про насъ? Не доберешься до него; наши вотъ много разъ пробовали, все какъ-то не удавалось" и т. д.—Я говорю это не по догадкѣ, а на основаніи наблюденій, свѣдѣній и свидѣтельствъ самыхъ достовѣрныхъ, изъ разныхъ источниковъ, говорю съ полнымъ убѣжденіемъ. Изъ пасторатовъ и помѣщичьихъ усадьбъ, чрезъ посредство приказчиковъ, писарей, кистеровъ, школьныхъ учителей и всякаго рода церковныхъ и мызныхъ служителей, чрезъ латышскія газеты издаваемыя лютеранскимъ духовенствомъ, особенно же чрезъ онѣмеченныхъ Латышей и Эстовъ [1]), идетъ по всему краю антирусская пропаганда, начавшаяся давно и значительно усилившаяся съ 1845 года. Цѣль ея: потрясти въ массахъ ихъ сочувствія и надежды обращенныя къ правительству и къ Россіи [2]). Она работаетъ безъ устали, не пренебрегая ничѣмъ и, своими комментаріями, сопровождающими каждое слово и дѣйствіе власти, придаетъ имъ такое значеніе, какого конечно въ Петербургѣ никто и не подозрѣваетъ. Близко незнакомому съ процессомъ образованія народныхъ понятій, доказать это довольно трудно; ибо каждый фактъ, который бы я могъ привести, взятый отдѣльно, непремѣнно долженъ показаться случайнымъ и ничтожнымъ; значеніе и силу онъ пріобрѣтаетъ только въ массѣ другихъ фактовъ совершенно однородныхъ и безпрестанно повторяющихся. Поэтому, не обѣщая того, чего дать нельзя, то есть полнаго доказательства, я представлю нѣсколько случаевъ,

[1]) Такіе теперь ужъ попадаются. Это послѣдній продуктъ нѣмецкой фабрикаціи, самое надежное орудіе для угнетенія массъ.

[2]) Подробнѣйшія свѣдѣнія читатели найдутъ во второмъ выпускѣ, въ запискахъ Латыша.

за достовѣрность которыхъ могу поручиться, въ видѣ примѣровъ взятыхъ на удачу, прося читателя мысленно помножить каждый изъ нихъ на сотни тысячъ. По поводу недоразумѣній возникшихъ въ рижской эпархіи относительно примѣненія Высочайшаго повелѣнія, которымъ отмѣнены были предбрачныя обязательства о крещеніи въ православной вѣрѣ дѣтей рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ, состоялось другое Высочайшее повелѣніе такого содержанія: „чтобы при заключеніи браковъ (между православными и лютеранами) не возбуждалось произвольныхъ и неправильныхъ затрудненій посредствомъ требованія предварительнаго исполненія или соблюденія такихъ условій, исполненіе или соблюденіе которыхъ не требуется или доселѣ мѣстнымъ духовенствомъ (православнымъ) не требовалось." Это значило, чтобы наши священники не вмѣняли въ непремѣнную обязанность православнымъ (жениху или невѣстѣ) быть у исповѣди и у св. причастія до сочетанія бракомъ, и не вызывали бы ихъ къ себѣ для увѣщанія. Между тѣмъ, въ лютеранской церкви, по заведенному порядку, не бывшихъ на конфирмаціи не вѣнчаютъ и пасторы никогда не упускали вызывать къ себѣ своихъ прихожанъ заявлявшихъ желаніе вступить въ бракъ съ православными, для увѣщанія и отклоненія ихъ отъ такихъ браковъ. Все это такъ естественно, что еслибъ даже вздумали запретить это, то запрещеніе осталось бы мертвою буквою. Приведенное Высочайшее повелѣніе относилось исключительно до православнаго духовенства; но лютеранское, по домогательствамъ котораго оно было испрошено, поспѣшило огласить его по всѣмъ приходамъ, съ присовокупленіемъ къ нему комментаріевъ въ родѣ слѣдующаго: „Вы видите, что русскій Царь гораздо благосклоннѣе расположенъ къ намъ чѣмъ къ русскимъ попамъ, и ближе принимаетъ къ сердцу интересы нашей вѣры чѣмъ русской. Попамъ, онъ строго запрещаетъ удерживать своихъ отъ браковъ съ нашими, а намъ не мѣшаетъ оберегать своихъ отъ браковъ съ Русскими." Въ Петербургѣ скажутъ, что это нелѣпо и улыбнутся; но вѣдь и распространяется этотъ толкъ не въ Петербургѣ, а въ лифляндскихъ деревняхъ. Повѣрьте: пасторы хорошо

знаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ тамъ дѣло. Латышь ребенокъ, у котораго все еще первый вопросъ на умѣ: что думаетъ Царь, какъ Онъ смотритъ на дѣло, что Онъ скажетъ и чего Онъ желаетъ? Со временемъ, очень можетъ быть, что ожиданія Латышей обратятся въ иную сторону, и что они научатся интересоваться въ той же степени какимъ-нибудь другимъ лицемъ, хоть бы напримѣръ королемъ прусскимъ [1]); но пока, имъ все еще смертельно хочется проникнуть въ мысли русскаго Царя, а истолкователи его мыслей и его желаній—пасторы и помѣщики.

Вотъ другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжая черезъ Лифляндію, Государь Императоръ былъ на охотѣ и ночевалъ, кажется, въ лѣсу. Мѣстные дворяне приготовили для него павильонъ и испросили позволенія, въ продолженіе ночи, поочередно, стоять на караулѣ съ ружьями у дверей спальни (я ручаюсь за достовѣрность не факта, а слуха ходившаго по всему краю). Что̀ могло быть благонамѣреннѣе и кто бы догадался, что это была своего рода политическая манифестація направленная противъ крестьянъ? А вотъ что было распущено на другой день въ народѣ и что обошло окрестность: русскій Царь не довѣряетъ Латышамъ и потому призвалъ къ себѣ на ночь дворянскую стражу. Кому извѣстна натянутость отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Балтійскомъ краѣ, кто знаетъ, что неестественный порядокъ вещей въ тамошнихъ селахъ поддерживается кое-какъ только потому, что простой народъ все еще ожидаетъ дѣйствительнаго улучшенія въ своемъ быту именно отъ русскаго Царя и только отъ него, тотъ пойметъ какое впечатлѣніе на массу долженъ былъ произвести этотъ распущенный слухъ. Но, разумѣется, о такихъ мелочахъ орднунгсъ-

---

[1]) Въ сороковыхъ годахъ, въ Царствѣ Польскомъ, одна деревня, въ продолженіе многихъ лѣтъ, подавала жалобы на своего помѣщика и на мѣстныхъ чиновниковъ губернатору, фельдмаршалу, самому Государю. Наконецъ, не получая удовлетворенія, и видя, что всѣ просьбы возвращаются окончательно къ тѣмъ же гминнымъ войтамъ и чиновникамъ, крестьяне, съ отчаянія, обратились къ прусскому королю. Это было оффиціально дознано. Такой же случай былъ и въ Волынской губерніи; но тамошніе крестьяне обратились къ австрійскому императору, должно быть по сосѣдству.

рихтеры (мѣстные помѣщики) не доносятъ, и губернаторы (тоже мѣстные помѣщики) посовѣстились бы утруждать въ своихъ отчетахъ Высочайшее вниманіе подобными бреднями грубой черни. А между тѣмъ, бредни, мало-по-малу, дѣлаютъ свое дѣло; капля за каплею, падая въ одно мѣсто, пробиваетъ камень; когда-нибудь онъ намъ понадобится, этотъ камень, его же небрегоша зиждущіе, и только тогда мы замѣтимъ, къ не малому своему изумленію, что онъ треснулъ во всю длину.—Вотъ еще фактъ, въ другомъ родѣ, изъ самыхъ мелкихъ. Одинъ пасторъ недавно прослушивалъ [1]) мальчиковъ обучавшихся грамотѣ и велѣлъ имъ принести съ собою тетрадки, чтобы судить о ихъ почеркѣ. Въ числѣ другихъ, явился девятнадцатилѣтній юноша, который учился у православнаго священника и писалъ по-русски. Пасторъ всѣми остался доволенъ, но когда ему была подана русская тетрадка, онъ вышелъ изъ себя, бросилъ ее на полъ, а ученика вытолкалъ въ шею. Скажутъ, что объ этомъ и подавно не стоило бы говорить. Въ самомъ дѣлѣ: велика бѣда! Если и вытолкалъ, такъ вѣроятно потому, что ученикъ нагрубилъ экзаминатору, или, можетъ быть, послѣднему не понравилась небрежность почерка. Вѣдь нельзя же доказать, что онъ остался недоволенъ именно русскимъ пошибомъ?—Все это можетъ быть и я даже убѣжденъ, что если бы дѣло было изслѣдовано орднунгсъ-рихтеромъ или совѣтникомъ лютеранской консисторіи, то непремѣнно оказалось бы, что кругомъ виноватъ ученикъ и что, для его же пользы, нужно, чтобъ онъ учился письму не у православнаго священника а у школьмейстера; но повторяю: вся сила въ томъ, что такихъ случаевъ, ничтожныхъ и ничего не доказывающихъ, можно бы насчитать сотни и тысячи. Каждый изъ нихъ взятый порознь почти неуловимъ, а если вы захотите составить себѣ понятіе о значеніи многихъ такихъ случаевъ въ совокупности, то вамъ поможетъ лифляндскій корреспондентъ г. фонъ Бокка, заявляющій между прочимъ слѣдующее: „Довольно знаменательно, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне у насъ точно помѣшались на русскомъ языкѣ, т. е.

[1]) Мѣстный терминъ, значитъ: экзаменовать передъ конфирмаціею.

непремѣнно хотѣли учиться по-русски (правительство и русское общество конечно объ этомъ ничего не знали, да и не хотѣли знать). Въ то время, мы должны были уступить этому стремленію и, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ приходскихъ школъ, ввели русскій языкъ въ число предметовъ обученія. Но видно, что потребность была однако не очень сильна, потому—что народъ этимъ удовлетворился и теперь никто уже не спрашиваетъ учатся ли дѣти по русски и какъ учатся. Совсѣмъ не то съ языкомъ нѣмецкимъ! Черезъ нашу приходскую школу прошло 187 учениковъ; всѣ они очень изрядно говорятъ по-нѣмецки и, теперь, начинаютъ ощущать потребность въ женахъ также на нѣмецкій ладъ образованныхъ (deutsch gebildeten Frauen).... Теперь, сами крестьяне просятъ объ открытіи нѣмецкой школы для дѣвочекъ. Въ нашемъ приходѣ насчитывается уже 28 хозяевъ образованныхъ въ нѣмецкомъ духѣ и они теперь пріискиваютъ себѣ женъ къ нимъ подходящихъ... Другая община тоже изъявила желаніе, чтобы въ ея школѣ введено было обученіе нѣмецкому языку.... Все это очень знаменательно, особенно въ настоящее время, когда насъ хотятъ осчастливить сверху православнымъ языкомъ (mit der orthodoxen Sprache)—наша (нѣмецкая) школа процвѣтаетъ; согласитесь, что это настоящій шагъ впередъ, притомъ шагъ на пути къ германизму... Надобно прибавить, что съ другой стороны, крестьяне вразумляются отталкивающимъ видомъ русскихъ школъ (das abschreckende Bild der russischen Schule)... Въ послѣднее время, предусмотрительные люди сочли за нужное кое-что сообщить наиболѣе развитымъ крестьянамъ о поползновеніяхъ руссифицировать край [1]), но, узнавъ чего отъ нихъ ожидаютъ, крестьяне презрительно улыбнулись [2]).

Итакъ, фактъ заявленъ и на свидѣтельство торжествующаго очевидца, кажется, можно положиться: еще недавно крестьяне настоятельно требовали, чтобъ ихъ учили по-русски; теперь они совершенно охладѣли къ русскому языку и стараются преобразиться въ Нѣмцевъ. Это значитъ, что

---

[1]) Легко можно себѣ представить, что̀ сообщалось и въ какомъ видѣ сообщалось!

[2]) Livl. Beitr. B. II. Lief. II. S. 70, 71.

прежде они тянули къ Россіи, а теперь тянутъ къ Германіи. Въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, совершился въ ихъ настроеніи рѣшительный переворотъ. Спрашивается: сдѣлалось ли это случайно, такъ, само собою, безъ чьего либо старанія, или эта нынѣ громко заявляемая побѣда мѣстнаго германизма надъ Россіею была плодомъ той неуловимой пропаганды, о которой ничего не знали и не знаютъ наши генералъ-губернаторы?

Я упомянулъ о систематической клеветѣ на народъ и о военныхъ экзекуціяхъ, какъ о средствѣ застращиванія крестьянъ грозою русской власти: знаю напередъ, что мнѣ не повѣрятъ, а скажутъ, что это клевета; но не угодно ли сперва прочесть со вниманіемъ слѣдующія двѣ бумаги списанныя мною съ подлинниковъ.

Въ 1848 году, отъ 28 мая, за № 2603, эстляндскій губернаторъ (тамошній матрикулированный дворянинъ) по объѣздѣ двухъ уѣздовъ, писалъ генералъ-губернатору князю Суворову [1]): „Ich erachte mich für verpflichtet, Ew. Durchlaucht zugleich zu berichten, dass ich in der Hapsal'schen Gegend eine sehr merkliche Verstimmung der Bauern gefunden habe. Namentlich hatten die Bauern von Paschlep—eben dieselben, welche den Conflict mit der Wache in Hapsal gehabt haben—sich wiederholentlich kleiner Ungehorsamsfälle

---

[1]) Считаю себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія Вашей Свѣтлости, что я нашелъ въ окрестностяхъ Гапсаля крестьянъ въ замѣтно дурномъ расположеніи. А именно: пашлепскіе крестьяне—тѣ самые, у которыхъ происходило столкновеніе съ карауломъ въ Гапсалѣ—оказались виновными въ нѣсколькихъ неважныхъ ослушаніяхъ (противъ кого?). Выборные отъ другой общины жаловались на тягость лежащей на нихъ податной недоимки и говорили о невозможности очистить ее при томъ скудномъ количествѣ земли, которымъ они пользуются, хотя, не далѣе какъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они заключили добровольные контракты (мы знаемъ, что значитъ добровольный контрактъ съ неграмотными крестьянами не имѣющими закономъ опредѣленнаго права на землю!) каковыми контрактами приняли на себя уплату подушныхъ. Третья община жаловалась на притѣсненіе ея требованіемъ усиленныхъ работъ и происходившія при этомъ противозаконныя наказанія, тогда какъ, съ другой стороны, управляющій имѣніемъ, онъ же и арендаторъ (и вѣроятно орудующій, по передачѣ отъ помѣщика, вотчинною,

3*

schuldig gemacht. Die Deputirten einer anderen Gemeinde beschwerten sich über ihre grosse Kopfsteuer-Restanz und sprachen von der Unmöglichkeit, dieselbe bei den beschränkten, von ihnen besessenen Ländereien zu entrichten, obwohl sie erst vor wenigen Jahren freiwillig Contracte mit der Uebernahme der Kopfsteuer abgeschlossen hatten. Eine dritte beschwerte sich über Bedrückung durch erschwerte Arbeit und widerrechtliche, bei dieser Gelegenheit vorgekommene Bestrafungen, während der Verwalter dieses Gutes, welcher Arrendator ist, seinerseits über mangelhafte Leistungen und Ungehorsam geklagt hatte. Ich habe allen diesen Sachen den gesetzlichen Gang angewiesen, und wenn sie auch eine befriedigende Erledigung erhalten sollten, so scheint mir dennoch die Anwesenheit von Truppen nothwendig, um sogleich dem leisesten Ausbruch von Excessen auf wirksame Weise entgegentreten zu können. Ich wage deshalb meine bereits mündlich ausgesprochene Bitte Ew. Durchlaucht zu wiederholen, dass baldmöglichst wenigstens ein Linienregiment ins esthländische Gouvernement abcommandirt und nach meiner Anordnung in diejenigen Theile desselben hinverlegt werden könnte, wo es wegen der Stimmung der Bauern eben erforderlich wäre".

На это отношеніе послѣдовалъ отъ князя Суворова слѣдующій отвѣтъ отъ 8-го іюня за № 2952: М. Г. И. Е. отъ 28 минувшаго мая за № 2603. В. Пр. по совершеніи объ-

патримоніальною юрисдикціею?) жаловался на неисправности въ работахъ и ослушанія. Всѣмъ этимъ дѣламъ я далъ законный ходъ, но, хотя бы они даже получили удовлетворительное разрѣшеніе, я все-таки нахожу присутствіе войскъ необходимымъ, дабы немедленно, самымъ рѣшительнымъ образомъ, сдержать малѣйшее обнаруженіе безпорядковъ. Потому, осмѣливаюсь повторить Вашей Свѣтлости мою, передъ этимъ словесно выраженную просьбу о скорѣйшемъ командированіи въ Эстлянд. губернію по крайней мѣрѣ одного линейнаго полка въ мое распоряженіе, для размѣщенія его по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ, по настроенію крестьянъ, это окажется нужнымъ.

ѣзда части ввѣренной Вамъ губерніи, изволили сообщить мнѣ, что Вами замѣченъ между крестьянами Гапсальскаго уѣзда нѣкоторый духъ неудовольствія и строптивости и, посему, просили объ исходатайствованіи расположенія въ Эстляндіи одного полка, въ видѣ мѣры предосторожности отъ какихъ-либо могущихъ возникнуть безпокойствъ.—Имѣя въ виду полученное мною нынѣ Высочайшее Государя Императора повелѣніе, воспрещающее дѣлать какую-либо перемѣну въ дислокаціи войскъ резервной дивизіи 1-го пѣхотнаго корпуса, имѣющаго прибыть въ Лиф. и Курл. губерніи, и изъ числа коихъ единственно можно было бы командировать, по желанію Вашему, одинъ полкъ во ввѣренную Вамъ губернію, я не нахожу возможнымъ входить въ настоящее время съ оффиціальнымъ ходатайствомъ о семъ, тѣмъ болѣе. что я вполнѣ увѣренъ, что подобное ходатайство, при однихъ лишь неопредѣлительныхъ опасеніяхъ, могло бы произвести въ теперешнихъ обстоятельствахъ невыгодное на высшее правительство впечатлѣніе на счетъ благоустройства самого края и существующаго въ ономъ спокойствія. Объ имѣніи же подъ рукою войскъ, въ случаѣ усмотрѣнія мною какой-либо въ этомъ дѣйствительной потребности, я, вмѣстѣ съ симъ, отнесся партикулярнымъ образомъ къ г. генералъ-квартирмейстру (кажется, графу Бергу?). Переходя затѣмъ къ мѣрамъ для прекращенія какихъ-либо могущихъ возникнуть частныхъ неустройствъ, я убѣжденъ, что В. П. согласитесь со мною, что на первое время, и пока не будетъ въ виду особаго повода къ близкимъ опасеніямъ, мѣстные способы въ распоряженіи Вашемъ находящіеся, оказываются вполнѣ достаточными. А посему, я полагалъ бы, въ случаѣ крайней необходимости и совершенной недостаточности мѣстныхъ полицейскихъ средствъ, посылать на мѣста гдѣ болѣе всего опасаться можно нарушенія порядка со стороны крестьянъ, въ достаточномъ по усмотрѣнію Вашему числѣ, воинскихъ чиновъ отъ ревельской команды внутренняго гарнизоннаго баталіона или отъ инвалидныхъ командъ въ губерніи расположенныхъ“.

Итакъ, въ одной деревнѣ, неважныя ослушанія, противъ кого—неизвѣстно; въ другой: заявленіе о тяжести подушной недоимки и о недостаткѣ въ землѣ; въ третьей: жалобы на обремененіе работами и противозаконныя наказанія. Эти три случая происходили въ двухъ уѣздахъ. Ни одинъ изъ нихъ еще не разслѣдованъ и потому неизвѣстно дѣло ли говорятъ крестьяне или нѣтъ? Но они жаловались, слѣдовательно намѣреваются бунтовать; слѣдовательно: надобно ихъ наказать, двинувъ на губернію и размѣстивъ въ ней, по крайней мѣрѣ, одинъ полкъ. Такое натравливаніе русской вооруженной силы на народъ, обращающійся къ правительству за помощью, не только не возбуждаетъ въ генералъ-губернаторѣ ни негодованія ни изумленія, а напротивъ представляется ему настолько естественнымъ и основательнымъ, что побуждаетъ его войти въ сношеніе съ генералъ-квартирмейстромъ; но онъ дѣлаетъ это партикулярно, безъ огласки, и не исполняетъ ходатайства губернатора собственно потому, что высшее правительство получило бы невыгодное понятіе о благоустройствѣ края, то есть: догадалось бы, можетъ быть, что крестьяне бѣдствуютъ (какъ это и обнаружилось нѣсколько лѣтъ спустя). Такъ разсуждали и дѣйствовали не агенты помѣстнаго дворянства, не стряпчіе провинціальной интриги, а мѣстные представители государственнаго начала, начальникъ губерніи и генералъ-губернаторъ [1]). И это была не случайность, а административная

1) Мнѣ уже не разъ приходилось и придется часто впослѣдствіи упоминать о князѣ Суворовѣ, котораго продолжительное управленіе, такъ сказать, дало тонъ нашей мѣстной администраціи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ; поэтому я позволю себѣ сказать два слова въ объясненіе обстоятельства, касающагося моихъ къ нему отношеній. До меня не разъ доходилъ слухъ, будто бы, найдя меня въ Ригѣ, онъ принялъ меня какъ сына, и будто бы я отплатилъ ему за его благосклонность черною неблагодарностью, то есть систематическимъ порицаніемъ его дѣйствій. Такъ какъ это неправда, то само собою разумѣется, что самъ князь Суворовъ этого сказать не могъ; но такъ какъ слухъ идетъ отъ людей съ нимъ знакомыхъ и ссылающихся на него, то настоящимъ опроверженіемъ, я не только сниму съ себя незаслуженное обвиненіе, но и устраню всякій поводъ приписывать его князю. Онъ засталъ меня въ Ригѣ прикомандированнымъ, по распоряженію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, при которомъ я служилъ, къ коммиссіи, ревизовавшей городское управ-

традиція, издавна укоренившаяся въ краѣ, особенно въ сороковыхъ годахъ, при баронѣ Паленѣ (творцѣ знаменитаго крестьянскаго побоища въ Беверсгофѣ) и противъ которой принималъ строгія мѣры предшественникъ князя Суворова генералъ Головинъ, der berüchtigte Golovin, какъ называютъ его балтійскіе публицисты. Дѣйствительно, у него, въ этомъ отношеніи, были оригинальныя понятія; онъ, напримѣръ, никакъ не допускалъ, чтобъ изобрѣтеніе небывалыхъ бунтовъ входило въ аттрибуты полиціи и до конца оставался того мнѣнія, что русская армія существуетъ вовсе не для возбужденія въ крестьянахъ ненависти къ русскому имени. За то недолго онъ и продержался на мѣстѣ.

Нѣтъ! что̀ бы ни говорила Сѣверная Почта, а перелистывая бумаги, изъ которыхъ я привожу эти выписки, мнѣ кажется, что я читаю отрывокъ изъ исторіи нашей администраціи въ Сѣверозападномъ краѣ, до ея отрезвленія и прозрѣнія, то есть передъ началомъ мятежа. И тамъ и здѣсь разыгрывается, какъ бы по нотамъ, одна и та же твердо затверженная партитура.

Въ сферѣ высшаго управленія, въ Петербургѣ, результаты достигнутые балтійскою тактикою еще осязательнѣе. Достаточно указать на комитетъ по дѣламъ остзейскимъ, въ теперешнемъ его составѣ и при теперешнемъ, установившемся въ немъ порядкѣ производства законодательныхъ дѣлъ. Этотъ комитетъ составляетъ какъ бы маленькое укрѣпленіе in par-

леніе; я имѣлъ честь представиться ему вмѣстѣ съ членами этой коммиссіи; потомъ, по приглашенію князя, обѣдалъ у него одинъ разъ, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, П. А. Валуевымъ. Никакихъ другихъ сношеній между нами не было; никогда никакихъ порученій князь Суворовъ мнѣ не давалъ, ни о какихъ дѣлахъ меня не спрашивалъ, никакихъ дѣлъ мнѣ не сообщалъ. Административная, оффиціальная его дѣятельность въ Ригѣ принадлежитъ исторіи; я считаю себя въ правѣ относиться къ ней такъ же свободно, какъ относится, напримѣръ, издатель лифляндскихъ Вкладовъ къ управленію ген. Головина, гр. Перовскаго, гр. Протасова и гр. Шувалова, съ тою однако разницею, что я никогда не позволю себѣ ни оскорбительныхъ эпитетовъ, ни заподозриванія намѣреній. Затѣмъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что управленіе князя Суворова принесло Россіи неисчислимый вредъ, я этого не скрывалъ, повторяю теперь и постараюсь доказать фактами документально засвидѣтельствованными и бумагами имъ самимъ подписанными.

tibus Russorum, выстроенное въ самомъ центрѣ высшаго правительства, и въ стѣнахъ котораго балтійская интеллигенція нашла себѣ неприступный операціонный базисъ и вѣрное убѣжище отъ всякихъ нападеній извнѣ. Услуги, въ этомъ отношеніи оказанныя ей остзейскимъ комитетомъ (дѣйствующимъ иногда въ расширенномъ, а иногда въ сокращенномъ составѣ) до сихъ поръ еще не были оцѣнены по достоинству. Благодаря ему, для законодательныхъ дѣлъ Балтійскаго края установился какой-то совершенно особенный, домашній порядокъ производства и разрѣшенія Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ, что удалось, напримѣръ, не то что отмѣнить, а такъ сказать заклеить въ Сводѣ Законовъ капитальную статью о смѣшанныхъ бракахъ, не только безъ участія, но даже безъ вѣдома того высшаго учрежденія, до котораго дѣло прямо касалось, или, что цѣлыя уложенія о крестьянахъ, минуя Государственный Совѣтъ, восходили на Высочайшее утвержденіе и вводились въ дѣйствіе въ видѣ опыта, на срокъ болѣе или менѣе продолжительный. При этомъ обыкновенно заявлялось, что не стоитъ очень строго разсматривать постановленія, которымъ сами составители придавали значеніе опытовъ, и о достоинствѣ которыхъ предстояло еще впереди имѣть окончательное сужденіе; а между тѣмъ, этими постановленіями, вводившимися въ видѣ опытовъ, разрѣшалось помѣщикамъ отрѣзывать участки отъ крестьянскихъ земель безповоротно и безвозвратно. Государственный Совѣтъ, или главный комитетъ по дѣламъ крестьянъ, пожалуй призадумался бы подвергать цѣлый народъ такого рода опытамъ; но на то именно и нуженъ спеціальный остзейскій комитетъ, чтобъ разрѣшать не задумываясь все что подвертывается ему изъ Риги.

Пропаганда въ высшемъ столичномъ обществѣ, кажется, окончательно исполнила свое дѣло и достигла всего чего только можно было отъ нея ожидать [1]. Мы склонили го-

[1] Объ успѣхахъ ея въ самое важное для Лифляндіи время, мы находимъ у издателя Лифляндскихъ Вкладовъ слѣдующее свидѣтельство: „Въ зиму 1845—1846 года, лифляндскій ландмаршалъ фонъ-Лиліенфельдъ и секретарь дворянства фонъ-Енгельгардъ отправились въ Петербургъ съ цѣлью, не только поискать

ловы передъ обличеніями; повѣрили всѣмъ небылицамъ, которыми заѣзжіе бароны раздражали наше воображеніе и повинились во всемъ: въ подговорахъ къ вѣроотступничеству, въ нагломъ нарушеніи всевозможныхъ правъ и договоровъ, въ низкой зависти къ нѣмецкой цивилизаціи, въ намѣреніи испортить ее прививкою къ ней нашего русскаго варварства и т. п.

Остается только всѣ эти наши провинности поскорѣе искупить.

„Ces bons Allemands, toujours si fidèles et toujours méconnus! Nous leurs devons une réparation ne fut ce que pour sauver notre honneur et repousser toute solidarité avec ce soit disant parti Russe qui n'est au fond que la révolution déguisée“.

„Ah madame! Nous le savons bien, vous êtes dans les bons principes, si tout le monde pensait et sentait comme vous! Mais hélas!...

Кто не слыхалъ въ петербургскихъ гостиныхъ безконечныхъ варіацій на эту тему? А извѣстно, что русскій человѣкъ высшаго полета пьянѣетъ отъ удовольствія и безъ оглядки вдается во всякій обманъ, когда Нѣмецъ или Полякъ даетъ ему чувствовать, что онъ, Русскій, un accident heureux parmi les siens.

Третьимъ орудіемъ, клеветою и политическимъ доносомъ, die loyale baltische Ritterschaft владѣетъ такъ же беззастѣнчиво какъ и польская справа, но нѣсколько ловчѣе. Развер-

помощи у правительства отъ бѣдствій православной пропаганды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подѣйствовать спасительно (разумѣется для Лифляндіи) на высшее петербургское общество разоблаченіемъ происходившихъ у насъ мерзостей. И дѣйствительно, эта, такъ сказать, салонная миссія шла отлично до возвращенія покойнаго Государя изъ Палермы. Петербургское общество, повидимому, совершенно убѣдилось изъ разсказовъ въ позорныхъ продѣлкахъ православнаго духовенства и приняло горячо сторону Лифляндіи. (Livl. Beitr. B. II. Lief. II. S. 81, 82).“ Такого рода миссіонеры, остзейскіе и польскіе, никогда не переводятся въ тѣхъ же кругахъ; и теперь какъ и тогда, наше высшее общество слушаетъ ихъ развѣся уши, не подозрѣвая даже какое безконечное презрѣніе оно внушаетъ имъ своею ребяческою довѣрчивостью, а еще болѣе легкостью, съ которою оно выдаетъ имъ головою все свое (т. е. русское) и всѣхъ своихъ.

ните любую брошюру балтійскаго издѣлія, изъ числа выходящихъ во множествѣ за границею, и прочтите что̀ въ нихъ разсказывается про всѣхъ безъ исключенія Русскихъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ мѣстною, провинціальною интригою и которые передъ нею не пасовали (какъ напримѣръ: про покойнаго гр. Уварова, про преосвященныхъ Иринарха, Филарета и Платона, про генералъ-губернатора Головина, про Ханыкова, про графа Толстого, про Шафранова и другихъ) или даже про тѣхъ, которые, хотя и не имѣли случая заниматься дѣлами Балтійскаго края, но могли казаться опасными для переду (напримѣръ про Милютина) или наконецъ про тѣхъ, которые, не состоя даже на службѣ и не имѣя никакого значенія въ оффиціальномъ мірѣ, слѣдили за рижскими газетами и печатно обсуждали, насколько это у насъ возможно, ихъ политическія теоріи (напримѣръ про Вольдемара, Каткова и Аксакова). Даже прежнія, признанныя заслуги не обезоруживаютъ систематической клеветы, дѣйствующей въ томъ отношеніи безъ лицепріятія, что нѣтъ такого лица, почему-либо безпокоящаго ее, для очерненія котораго она бы не подобрала приличнаго рецепта. Графъ Шуваловъ, будучи генералъ-губернаторомъ, вторилъ жалобамъ балтійскаго дворянства на какія-то возбужденія крестьянъ къ переходу въ православіе, обнаруживалъ негодованіе на распоряженія правительства по надѣленію землею батраковъ и всячески противодѣйствовалъ приведенію этой мѣры въ исполненіе (все это по свидѣтельству заграничной балтійской прессы) — въ то время онъ былъ угоденъ. Но графу Шувалову довелось взять въ руки испорченное его предшественниковъ дѣло о судебной реформѣ; онъ попытался (очень неудачно) провести мысль, что главныя основанія судоустройства принятыя для всей Россіи должны быть примѣнены и къ Балтійскому краю; онъ отстаивалъ учрежденіе присяжныхъ, и за это ему теперь приходится испытывать на себѣ comment on s'y prend pour démolir une réputation politique. Огласить его агентомъ русской революціи было бы конечно не совсѣмъ ловко; но вѣдь это только одинъ изъ пріемовъ, а есть и другой — „Графъ Шуваловъ (объявляетъ издатель Лифляндскихъ Вкладовъ) въ засѣданіяхъ коммиссіи,

обсуждавшей судебную реформу, иначе де никогда не отзывался о священной особѣ Монарха какъ съ тонкою, но очень замѣтною ироніею, къ счастью, оставившею слѣды въ протоколахъ коммиссіи, и этимъ де оскорбилъ онъ болѣе всего благородныя чувства (das loyale Gefühl) Остзейскихъ провинцій" [1]).—Я нисколько не опасаюсь послѣдствій этой клеветы за графа Шувалова; къ тому же, отъ печатнаго слова, да еще сопровождаемаго ссылкою, можно всегда защититься; но нашептыванье, для котораго существуетъ спеціальный терминъ, часто встрѣчающійся въ конфиденціальныхъ перепискахъ агентовъ балтійскихъ сословій съ ихъ довѣрителями — эти Privat-Insinuationen, отъ нихъ какъ уберечься, особенно тому кто не пользуется выгодами личнаго положенія графа Шувалова.

Указывать на систематическое возбужденіе заграничной нѣмецкой прессы, кажется не предстоитъ надобности. Оно-то собственно и подало поводъ къ открытію настоящаго изданія. Не говоря уже о крупныхъ газетахъ и обозрѣніяхъ, нѣтъ такого городка отъ Вислы до Рейна, гдѣ бы мѣстный листокъ, издаваемый для самаго ограниченнаго круга читателей, въ послѣднее время не помѣщалъ пасквилей на Россію въ формѣ корреспонденцій изъ Риги или Митавы и не подбивалъ Германіи къ заступничеству за ея будто бы обижаемыхъ единоплеменниковъ. Это должно быть извѣстно всѣмъ, но чтобъ дать понятіе читателямъ о томъ, до какихъ слоевъ проникла эта журнальная агитація, я приведу случай, котораго былъ свидѣтелемъ. Въ Берлинѣ, въ октябрѣ 1867 года, происходило собраніе Общества нѣмецкихъ работниковъ (des deutschen Arbeitervereins). Тутъ были въ сборѣ мастеровые, ремесленники, мелкіе торговцы и, въ очень ограниченномъ числѣ, художники. Они обсуждали, съ точки зрѣнія своихъ промышленныхъ интересовъ, разные современные вопросы и, въ томъ числѣ, нынѣшнюю политику Пруссіи. Одинъ изъ ораторовъ, нѣкто Швейцеръ, развивалъ ту мысль, что нѣсколько крутой и не совсѣмъ конституціонный образъ дѣйствій министерства искупался возвеличеніемъ Пруссіи, на ко-

---

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 14.

торую теперь всѣ сосѣднія державы смотрятъ съ уваженіемъ и страхомъ. На этомъ, десятки голосовъ перервали говорившаго криками: „und Russland, Russland (а Россія Россія)?“ Незнакомому съ настроеніемъ современной Германіи трудно бы было понять въ какомъ смыслѣ указаніе на Россію употреблялось въ этомъ случаѣ какъ возраженіе; но ораторъ понялъ это сразу и отвѣчалъ не задумываясь: „Господа, если бы Пруссія, по поводу нѣмецко-русскихъ провинцій, захотѣла придраться къ Россіи въ настоящую минуту (съ особеннымъ удареніемъ на эти слова), то либеральное мнѣніе не могло бы этого одобрить, повторяю: въ настоящую минуту“. Значитъ: и газетная агитація свое дѣло сдѣлала; она успѣла убѣдить Германію въ томъ, во-первыхъ, что на нашемъ Балтійскомъ поморіи частью совершаются, частью готовятся какія-то вопіющія беззаконія; во вторыхъ, что дѣйствія нашего правительства оскорбительны для Германіи, и въ-третьихъ, что по своему историческому призванію, она имѣетъ поводъ вступиться въ дѣло. Это первый моментъ. За этимъ, обыкновенно слѣдуютъ запросы, предлагаемые въ представительныхъ собраніяхъ вожаками крайнихъ партій, людьми отчаянными. Такихъ запросовъ было уже нѣсколько - это второй моментъ. Прусское министерство разъ уже на нихъ отвѣчало и отклонило отъ себя всякое вмѣшательство [1]); вѣроятно отклонитъ въ другой и въ третій разъ; но запросы будутъ продолжаться. Наконецъ (таковъ обыкновенный ходъ дѣла) правительство дружески къ намъ расположенной державы обратится въ Петербургъ съ ласковою просьбою сообщить ему что нибудь, въ формѣ, если не завѣренія, то хоть бы объясненія, чѣмъ бы оно могло унять у себя докучливую оппозицію и зажать ей ротъ. Я не говорю, чтобъ это могло

---

1) Балтійскіе публицисты остались очень довольны отвѣтомъ графа Бисмарка, которому они приписываютъ слѣдующія слова: «Еще до битвы подъ Танненбергомъ (1410) нынѣшняя восточная Пруссія, **такъ же какъ и Остзейскія провинціи нынѣ принадлежащія Россіи**, составляли части прусской земли (Preussisches Land) **какъ вѣковое владѣніе Нѣмецкаго ордена**. Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung, Wirkung etc. etc. Vortrag, gehalten zu Quedlinburg 3. Januar 1868. Berlin. S. 35 u. Livl. Beitr. B. I. Lief III. S. IX.

случиться теперь, когда Пруссіи угрожаетъ ежеминутно разрывъ съ Франціею; но утверждаю, что общественное мнѣніе Германіи настроено и подготовлено къ такого рода запросу для переду. Такъ какъ мы дѣйствительно ничего такого не замышляемъ и не творимъ въ чемъ бы не могли громогласно сознаться, то почему бы и не успокоить нашихъ добрыхъ сосѣдей? Но, разумѣется, мы этимъ никого не удовлетворимъ, а вызовемъ опять таки дружескій совѣтъ поступить такъ-то, или не дѣлать того-то, во имя спокойствія Европы и ради поддержанія тѣснаго союза съ державою желающею намъ всякаго добра. Вѣдь и Наполеонъ говорилъ намъ, что онъ лично вовсе не желалъ возбуждать польскаго вопроса, но что общественное мнѣніе Франціи lui forçait la main. Только бы завязался разговоръ или обмѣнъ мыслей о Балтійскомъ краѣ, а тамъ, мы быстро скользнемъ по отлогому, къ несчастію очень намъ знакомому скату, и какъ разъ очутимся на скамьѣ подсудимыхъ передъ трибуналомъ Европы. Конечно, можетъ быть и въ этотъ разъ найдется князь Горчаковъ, который подниметъ насъ за руку, поставитъ на ноги и выведетъ съ торжествомъ изъ залы, но всегда ли можно на это разсчитывать?

По поводу балтійской агитаціи за границею, я не могу не обратить вниманія на тѣсный союзъ заключенный между пропагандою нѣмецкою и пропагандою польскою. Въ Пруссіи, познанскіе Поляки, кажется, первые подняли голосъ за мнимо угнетенныхъ Балтійцевъ и продолжаютъ въ своихъ газетахъ оплакивать заранѣе горькую участь ожидающую лютеранство и нѣмецкую національность. Въ свою очередь, въ отплату за эту добрую услугу, балтійскіе публицисты поносятъ память покойнаго графа Муравьева, указываютъ Европѣ на угнетеніе латинскаго духовенства и негодуютъ на насильственое введеніе въ Западномъ краѣ русскаго языка. Разверните любую заграничную брошюру балтійскаго издѣлія и вы найдете въ ней всѣ знакомые вамъ мотивы польскаго изобрѣтенія; вы узнаете, напримѣръ, что Русскіе вовсе не Славяне, а выродившіеся Монголы, или Туранцы; что если бы русскія интриги не мѣшали дворянству, то крестьяне въ Балтійскихъ губерніяхъ давно бы были облагодѣтельство-

ваны своими помѣщиками и сдѣлались бы собственниками; что русскій Императоръ считается главою своей церкви не только въ мірскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, иначе (буквально) Кесаремъ-Папою; что латинству и протестантству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно какъ одно цѣлое, именно какъ западное христіанство (das abendländische Christenthum), объявить войну восточному христіанству (т. е. православію) [1]) и Москалю, этому исконному и непримиримому общему ихъ врагу (gegen den Erz—und Erbfeind, den Moscowiter) [2]).

Чтобъ разбить эту стачку, мы дѣлаемъ все что можемъ и гораздо болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Мы, напримѣръ, поясняемъ, что предоставивъ право, на извѣстныхъ условіяхъ, пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ краѣ исключительно лицамъ русскаго происхожденія, мы, подъ этимъ выраженіемъ, подразумѣвали и лицъ, оффиціально называющихъ себя Нѣмцами. Руководствуясь тѣмъ же взглядомъ, администрація Сѣверозападнаго края недавно еще благопріятствовала онѣмеченію Ковенской губерніи по системѣ графа Кейзерлинга, съ переводомъ крестьянъ изъ латинства въ лютеранство и съ учрежденіемъ нѣмецкихъ школъ и порядковъ; но и это не помогаетъ. Правда, балтійскіе дворяне не брезгаютъ дешевыми имѣніями и пользуются распространенными на нихъ льготами—это своимъ чередомъ; а тѣмъ временемъ, за границею, агенты ихъ продолжаютъ подвизаться рука объ руку съ Поляками, подъ однимъ знаменемъ, да еще въ добавокъ они же, по поводу нашихъ уступокъ, печатно надъ

---

1) Dem orientalischen Cäsaro-Papismus gegenüber, wie er beiden (dem Protestantismus und Römischen Catholicismus) gleich tief feindlich, in Russland entgegen - nicht nur, sondern auf den Nacken tritt, bilden Römischer Catholicismus und Protestantismus ein durch die Gemeinschaft des Feindes und der Gefahr zu engster Solidarität verbundenes Ganzes.—Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. gleichnamiger Factoren des öffentlichen Lebens etc. etc. von W. v. Bock. Berlin 1868. Seite 10. Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 36 177. Lief. III. S. 1, 2, 299.

2) Wesentl. Verschiedenheit etc. etc. S. 1, 30. Livländ. Beitr. B. I. Lief. I. S. 10, 110. Lief. III. S. 1, 2. B. II. Lief. I. S. 1, 30; etc. etc.—Appell an die Oeffentlichkeit v. Sievers. S. 9, 16.

нимъ издѣваются — и по дѣломъ [1]). Всего этого Сѣверная Почта вѣроятно не знала, когда укоряла русскую журналистику въ произвольномъ и оскорбительномъ сопоставленіи Балтійскаго края съ Сѣверозападнымъ...

„Понимаемъ, къ чему вы ведете“ — скажутъ иные читатели (это обыкновенный отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ)—„вамъ нужны политическія слѣдствія, военносудныя коммиссіи, военное положеніе, ссылки, конфискаціи — нуженъ прежде всего Муравьевъ для Балтійскаго края. Такъ что ли? Этого вы добиваетесь?“

Нѣтъ, господа, не этого. Я не хочу ни слѣдствій, ни военносудныхъ коммиссій, ни военнаго положенія, ни ссылокъ, ни конфискацій. Напротивъ: я нахожу несправедливымъ, возмутительнымъ, и въ то же время крайне неполитичнымъ, послѣ двадцатилѣтняго бездѣйствія и двадцатилѣтнихъ поблажекъ, опрокидываться на отдѣльныя личности, на удачу выхваченныя изъ ряду, на какого-нибудь Вальтера или Дебнера, ничѣмъ кромѣ большаго прямодушія не отличающихся отъ другихъ, и вмѣнять имъ въ преступленіе ихъ слова или поступки, тогда какъ то же самое, около нихъ, говорятъ и дѣлаютъ всѣ, въ глазахъ начальства, съ его вѣдома, подъ часъ даже съ его одобренія [1]). И если ужъ зашла рѣчь о

[1]) «Несмотря на то, что Россія въ своихъ польскихъ и литовскихъ владѣніяхъ принялась за дѣло еще съ большею страстью чѣмъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ ея рукахъ, опытъ руссификаціи оборачивается въ процессъ германизаціи (sein Russificirungsversuch ihm unter den Händen in den Germanisationsprocess umschlägt). Поляковъ вытѣснили, но такъ какъ ожидаемаго прилива чистой русской крови на рынокъ литовскихъ имѣній не оказалось (?), то были вынуждены (?!) прибѣгнуть къ смѣлой фикціи будто бы, въ указѣ о продажѣ имѣній, подъ категоріею лицъ русскаго происхожденія подразумѣвались и Нѣмцы, уроженцы Остзейскаго края» (Wesentliche Verschiedenheit etc. etc. S. 37).

«Ожидать отъ насъ, чтобъ мы, оставаясь Нѣмцами, въ то же время были душею и сердцемъ Русскими (Russes de coeur et d'âme, какъ выражался покойный Государь) все равно, что требовать, чтобы квадратъ, не измѣняясь въ своей формѣ, сдѣлался треугольникомъ» — (Livl. Beitr. B. II. S. 118, 119).— Вотъ вамъ и благодарность за всѣ наши уступки и поблажки.

[1]) Баронъ Ливенъ, отправляя въ ссылку Безбардиса, говорилъ ему между прочимъ, что онъ самъ (генералъ-губернаторъ) стоитъ за непремѣнное онѣмеченіе Латышей (по разсказу свидѣтеля), а оберъ-президентъ Вальтеръ за

Муравьевѣ, какъ о лицѣ типическомъ, то я не только не желаю Муравьева для Балтійскаго края, а напротивъ: потому именно позволяю себѣ относиться критически къ противоположному типу Мирковичей, Назимовыхъ, Суворовыхъ, Ливеновъ и Барановыхъ, что образъ дѣйствія, или точнѣе бездѣйствія, послѣднихъ всегда и неминуемо приводитъ къ печальной необходимости прибѣгать къ системѣ перваго. Я нахожу, что жалка та политика, которая умѣетъ только потворствовать или карать, вымещая на другихъ естественныя послѣдствія собственныхъ своихъ послабленій; я желалъ бы вызвать борьбу не съ лицами, а съ общественными силами; ибо я вижу ясно, что противъ насъ, въ Россіи и за границею, въ деревняхъ и въ городахъ, въ гостиныхъ и въ министерствахъ, работаетъ неутомимая, антирусская, политическая и общественная пропаганда, и я убѣжденъ, что противодѣйствовать ей съ успѣхомъ можно только не малодушнымъ задабриваніемъ и не карательными мѣрами, а прямо и рѣшительно заявленною системою національнаго, русскаго законодательства, національной, русской администраціи, и допущеніемъ той свободной, національной, общественной пропаганды, которая такъ противна Сѣверной Почтѣ. Слова мои кажется ясны и, я надѣюсь, что на сей разъ ихъ не перетолкуютъ.

Повторяю: политическая агитація, опознанная нами въ грубѣйшей ея формѣ уличнаго скандала и мятежа, имѣетъ въ своемъ распоряженіи много иныхъ средствъ, не менѣе если не болѣе дѣйствительныхъ, но къ которымъ мы, къ сожалѣнію, какъ будто не успѣли еще приглядѣться. Иной разъ, можно даже подумать, что мы преднамѣренно игнорируемъ ихъ, забывая, что если иногда цѣлыя полосы земли проваливаются мгновенно въ море отъ волканическихъ сотрясеній, то еще чаще случается, что море, незамѣтно, зали-

ту же мысль выраженную въ проповѣди, устраненъ отъ должности. Все лютеранское духовенство, ежедневно и ежечасно, въ журналахъ и съ каѳедръ, поноситъ православную церковь — этого не замѣчаютъ или не хотятъ слышать, а пасторъ пробстъ Дебнеръ подвергнутъ взысканію за то, что онъ, въ своей книгѣ, судилъ о церкви, о ея обрядахъ, о почитаніи креста и иконъ, какъ судятъ объ этихъ предметахъ всѣ протестанты. Гдѣ же справедливость?

ваетъ неукрѣпленный берегъ и шагъ за шагомъ отвоевываетъ его.

Вотъ въ чемъ сходство и въ чемъ несходство. Затѣмъ, я очень хорошо знаю, что мы не увидимъ въ Балтійскомъ краѣ шитыхъ знаменъ съ революціонными эмблемами и не услышимъ ни одного выстрѣла; что тамошніе дворяне никогда не пойдутъ до ляса (гдѣ бы ихъ всѣхъ перехватали Латыши) и ужъ конечно никогда не подумаютъ подкупать народъ къ возстанію отмѣною повинностей и даровыми надѣлами (за это ручается мудрая расчетливость тамошнихъ помѣщиковъ и общій характеръ всѣхъ сочиненныхъ ими крестьянскихъ положеній). Припоминая былыя времена XVI, XVII и начала XVIII вѣковъ, я вижу, что Балтійскій край никогда не бунтовалъ и не возставалъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова; онъ не отторгался насильственно ни отъ Польши ни отъ Швеціи, а, такъ сказать, отваливался отъ нихъ, въ ту минуту, когда онъ могъ это сдѣлать безъ особеннаго для себя риска, то есть когда сила измѣняла державѣ, которой онъ принадлежалъ, и переходила въ другія руки. Но я вижу также, что каждому изъ этихъ кризисовъ предшествовала продолжительная, глухая работа, которою онъ исподволь подготовлялся. Медленно и незамѣтно ослаблялись узы скрѣплявшія область съ государствомъ, осторожно и тихо подпиливались сваи, на которыхъ опиралась верховная власть; потомъ, заблаговременно предусмотрѣнный ударъ извнѣ довершалъ эту работу, и самые слѣды ея исчезали въ общей катастрофѣ.

Все это азбука исторіи; но мы разучились читать ее, книга вывалилась изъ нашихъ рукъ и мы (правительство и общество) спокойно дремлемъ подъ старую, давно затверженную пѣснь, которую намъ напѣваетъ наша нѣмецкая нянька: „Они такъ вѣрно служатъ, такъ много пролили своей крови на поляхъ сраженій и т. п. [1]).

Здѣсь опять приходится имѣть дѣло съ какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ, не знаю, вольнымъ или невольнымъ. Никогда никто не отрицалъ и не забывалъ личныхъ заслугъ

---

1) См. въ Сѣверной Почтѣ вышеприведенную статью.

служилыхъ людей вышедшихъ, не только изъ балтійскаго дворянства, но и изъ тамошняго средняго сословія. Вся Россія, съ почтительною признательностью, произноситъ имена Сиверса, Барклая, Графа Палена, Тотлебена и многихъ другихъ, не забывая при этомъ ни Женевца Лефорта, ни Шотландца Гордона, ни Ольденбуржца Миниха. Но мы все-таки не миримся съ мыслью, чтобы пролитая кровь давала право пропагандировать противъ Россіи въ латышскихъ деревняхъ, отрицать обязательность издаваемыхъ правительствомъ законовъ, не исполнять лѣтъ по двадцати Высочайшихъ повелѣній, надоѣдать графу Бисмарку жалобами на наше правительство и натравливать на насъ общественное мнѣніе Германіи.

Рѣчь идетъ не о личной службѣ въ рядахъ русской арміи, въ дипломатическомъ корпусѣ, или въ министерствахъ; идетъ рѣчь о настоящей и будущей судьбѣ цѣлаго края, объ отношеніяхъ его къ Россіи, о томъ, чтò можетъ съ нимъ случиться при той или другой политической компликаціи, а въ доказательство, что это не одно и то же, я опять сошлюсь на исторію.

Въ 1812 году́, въ то самое время, когда Курляндцы, съ честью, славою и самоотверженіемъ, сражались въ рядахъ нашихъ войскъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ и Тарутинымъ, въ Курляндіи дѣйствовало временное правительство, набранное Наполеономъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, и когда нашествіе было отражено, послѣдовалъ на имя рижскаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи именной указъ (31 декаб. 1812, № 25308) „О объявленіи прощенія нѣкоторымъ курляндскимъ жителямъ вступившимъ въ отправленіе должностей, порученныхъ непріятелемъ во время пребыванія его въ предѣлахъ Россіи.“ За нѣсколько передъ этимъ дней, послѣдовалъ точно такой же манифестъ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ [1]) „О прощеніи нѣкоторыхъ жителей отъ Польши

[1]) Въ указѣ о Курляндіи мы читаемъ: „Курляндскіе жители, во время пребыванія непріятеля въ предѣлахъ Нашихъ, не оказали никакой явной къ нему приверженности, выключая немногихъ вступившихъ въ отправленіе поручаемыхъ отъ него должностей, и то по неволѣ, устрашенные угрозами и насиліемъ; почему повелѣваемъ вамъ объявить однимъ изъ нихъ Наше бла-

присоединенныхъ областей."—Съ тѣхъ поръ, какъ Курляндія вошла въ составъ русскаго государства, политическая ея вѣрность подверглась испытанію только одинъ разъ—во время нашествія Французовъ; но именно въ этомъ случаѣ, исторія, а не московская журналистика, связала ее съ Сѣверозападнымъ краемъ. Замѣчательно при этомъ, что въ то самое время, когда всепрощеніемъ покрывались вины Курляндцевъ и Поляковъ, въ Смоленскѣ и Москвѣ учреждались слѣдственныя коммиссіи надъ лицами находившимися въ должностяхъ у непріятеля (Указъ 1813, марта 18, № 25356). И вѣрно: ни одинъ Русскій не скажетъ, чтобы тогдашнее правительство поступало несправедливо, преслѣдуя однихъ и милуя другихъ. Нѣтъ, оно конечно сознавало въ ту минуту, что для первыхъ Россія была отечествомъ, а для вторыхъ не болѣе какъ политическою силою, охранявшею ихъ безопасность и ихъ выгоды. [1])

Такъ было и прежде. Во время сѣверной войны, одинъ Паткуль (Рейнгольдъ—герой Лифляндіи, въ то время еще шведскій подданный) устраивалъ противъ Швеціи коалицію, а другой Паткуль, вѣроятно родственникъ перваго (Дитрихъ—генералъ-маіоръ и вицегубернаторъ на шведской службѣ) командуя шведскимъ гарнизономъ, покрывалъ себя славою защищая Ревель отъ Русскихъ. Лифляндія гордится обоими: но который же изъ нихъ служилъ вѣрой и правдой? Съ точки зрѣнія балтійскихъ понятій, тогдашнихъ и нынѣшнихъ, во-

---

говоленіе, а другимъ всеобщее прощеніе, предавая проступки ихъ забвенію и запрещая впредь имѣть какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе."—, А въ манифестѣ о Сѣверозападномъ краѣ: „Въ настоящую съ Французами войну, главная часть жителей въ прежде бывшихъ польскихъ, нынѣ же русскихъ областяхъ и округахъ, пребыли Намъ вѣрны . . . но другіе, различными образами, навлекли на себя праведный нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей Имперіи, устрашась насилія и принужденія, или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности; другіе и т. д. (Манифест. 1812 дек 12, № 25289).

[1]) Пока дѣло шло о взысканіяхъ и объ отвѣтственности, эта разница, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, не упускалась изъ виду; но она упразднилась, когда дѣло дошло до покупки въ Сѣверозападномъ краѣ имѣній по дешевой цѣнѣ и на льготныхъ условіяхъ.

просъ разрѣшается просто — оба. Повторяю: оба, разумѣется каждый по своему; ибо и тотъ и другой, съ одинаковымъ самоотверженіемъ, служилъ своей отчизнѣ, а отчизною въ Лифляндіи никогда не считалась ни Польша, ни Швеція, какъ не считается теперь Россія. Слово отчизна, для Лифляндца, имѣетъ двоякое значеніе; въ тѣсномъ смыслѣ родины, оно означаетъ Лифляндію, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, означаетъ das Deutschthum, Германизмъ, это нѣкогда отвлеченное понятіе, нынѣ воплотившееся въ могучій политическій организмъ, стоящій во всеоруженіи у нашей границы. Вотъ чему и кому служитъ балтійское рыцарство служа русскому правительству. Я сказалъ это въ 1848 году и за это былъ посаженъ въ крѣпость; но за меня заступился лифляндскій публицистъ, притомъ еще чиновникъ (по крайней мѣрѣ очень недавно состоявшій на службѣ) такъ что мнѣ теперь остается только на него сослаться. Вицепрезидентъ лифляндскаго гофгерихта, Г. В. фонъ-Боккъ; издатель не разъ уже цитованныхъ мною Livländische Beiträge, написалъ въ 1867 году статью подъ заглавіемъ: Пруссія и нѣмецкія Остзейскія провинціи Россіи (Preussen und die deutschen Ostee-Provinzen Russlands). Взявшись за перо съ цѣлью вызвать въ Германіи дѣятельное сочувствіе къ ея будто бы угнетаемымъ единовѣрцамъ и землякамъ, онъ перебираетъ и опровергаетъ одинъ за другимъ всѣ упреки, которымъ уроженцы Балтійскаго края подвергаются въ нѣмецкихъ либеральныхъ газетахъ, какъ извѣстно, ставящихъ имъ въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ посвящаютъ свои способности на службу государственнымъ интересамъ Россіи. По этому поводу, авторъ очень резонно замѣчаетъ, что его нисколько не удивляетъ ропотъ Русскихъ (der Stockrussen) на замѣщеніе множества первостепенныхъ должностей уроженцами Балтійскаго края, но что самый этотъ ропотъ долженъ бы былъ навести на умъ нѣмецкую, заграничную публику; затѣмъ онъ говоритъ (я цитую буквально): Deutschland namentlich sollte, in dem Maasse als es vom Cosmopolitismus zur Politik fortschreitet, nicht allzusehr splitterrichtern, wenn es, in dem gewaltigen Nachbarstaate, ein stammverwandtes Element gewahr wird,

das denn doch, bei seiner allseitigen und intensiv bedeutsamen Durchdringung des ganzen ungeheuern russischen Staats-Körpers, jedenfalls in Bezug auf die beständige, fieberhafte Neigung des „Ewigrussischen“ das deutsche „hinabzuziehen“ [1]) nothwendig retardirend, neutralisirend, gleichsam antiphlogistisch wirken muss, und so, unscheinbar zwar, aber doch unausgesetzt, deutsches Wasser in den russischen Wein giesst [2]). Понятно, что автору понадобилась. для возможнаго замаскированія его мысли, эта многочленная, неуклюжая, свинченная фраза; но всетаки смыслъ ея довольно ясенъ: вмѣсто того, чтобы осуждать своихъ балтійскихъ земляковъ, Германія должна бы радоваться, что люди, по отношенію къ ней свои, вступая въ русскую службу и овладѣвая государственными силами Россіи, пріобрѣтаютъ возможность мѣшать ей сдѣлаться вполнѣ русскою (въ законодательствѣ, управленіи, политикѣ) и, тѣмъ самымъ, подъ знаменемъ двуглаваго орла, служить Германіи [3]). Эти слова, произнесенныя корифеемъ современной балтійской интеллигенціи подвизающейся за границею, и отъ которыхъ никто не отрекся, не требуютъ комментарія. Имѣяй уши слышати да слышитъ [4]).

[1]) Намекъ на извѣстный стихъ Гёте: Das Ewigweibliche zieht uns hinan.

[2]) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 295, 296. Перевожу слово въ слово: Особенно Германія, по мѣрѣ того какъ она отъ космополитизма подвигается къ политическому сознанію, не должна бы позволять себѣ слишкомъ легкомысленныхъ осужденій, когда она, въ могучемъ сосѣднемъ государствѣ, усматриваетъ одноплеменный ей элементъ, всесторонно и въ значительной степени проникающій въ глубину весь громадный, русскій, государственный организмъ, такъ какъ этотъ элементъ (при постоянномъ и лихорадочномъ стремленіи неумирающей русской стихіи осадить все нѣмецкое) все-таки, естественно, долженъ дѣйствовать не иначе какъ сдерживая, неутрализируя, такъ сказать охлаждая, и, хотя непримѣтно, но непрестанно, подливая нѣмецкую воду въ русское вино.

[3]) Во второмъ выпускѣ своего изданія, тотъ же авторъ напечаталъ списокъ извѣстныхъ ему лицъ нѣмецкаго происхожденія состоящихъ на русской службѣ въ высшихъ и среднихъ должностяхъ. По счету, они составляютъ 26%: но если бы (прибавляетъ авторъ) можно было опредѣлить отношеніе вѣсомъ (то есть принять въ соображеніе степень власти, значенія и вліянія) то оказалось бы болѣе 74%.

[4]) Остается только прибавить, что и здѣсь дѣло обходится не безъ ироніи. Заявивъ какъ фактъ, что цѣлая фаланга чиновниковъ Балтійскаго края непре-

Итакъ, не во гнѣвъ Сѣверной Почтѣ будь сказано, я думаю, что русская публика имѣетъ достаточныя причины обращаться къ дѣламъ Балтійскаго края и буду къ нимъ обращаться, если не въ Россіи, гдѣ этого не допускаетъ вѣдомство, которому подчинены русская мысль и русское слово, то хоть изъ Праги. Для почина, я представлю краткій перечень результатовъ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи за послѣднее двадцатилѣтіе (съ 1847 г.) то есть съ того времени когда, въ лицѣ князя Суворова, водворилась правительственная система, которой его преемники слѣдовали неуклонно до нынѣшняго дня. Сообразивъ, что̀ въ этотъ промежутокъ времени сдѣлано и что̀ упущено, что́ пріобрѣтено и что̀ потеряно, читатели сами увидятъ чего можно ожидать отъ управленія не развлекаемаго никакимъ гласнымъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія; въ этомъ же перечнѣ, они получатъ программу тѣхъ вопросовъ, подробной разработкѣ которыхъ будутъ посвящены слѣдующіе выпуски настоящаго изданія.

станно парализируетъ въ государственномъ организмѣ національныя стремленія, авторъ, почти на каждой страницѣ, выставляетъ передъ Германіею безсиліе русской, народной стихіи, ся дряблость, вялость, неустойчивость, неспособность къ какой-либо иниціативѣ, непослѣдовательность въ предпріятіяхъ, неумѣніе постоять за себя, всегдашнюю уступчивость передъ напоромъ нѣмецкаго элемента, совершенное отсутствіе всякой притягательной силы и т. д.— die geistige und sittliche Impotenz der Russen und Russengenossen u. s w. Даже въ діавольскомъ искусствѣ подкупать и обманывать, Русскіе (замѣчаетъ г. фонъ-Боккъ) такіе же неучи какъ и во всемъ. (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 103. Lief. III. S. 237; B. II. Lief. I. S. 36, etc. etc.) Иными словами, и придерживаясь сравненія употребленнаго авторомъ, выходитъ слѣдующее: его земляки надѣваютъ русскій мундиръ, чтобъ имѣть возможность въ угоду Германіи, разсыропливать русское вино какою-то своею нѣмецкою подливкою; потомъ, они же отвѣдываютъ эту жижь, морщатся, оплевываются передъ лицемъ Европы и говорятъ ей: „Дрянь русское вино, ни крѣпости, ни вкуса, ни игривости, ничего въ немъ нѣтъ“.—Еще бы!

I.

Учрежденія, права и обычаи балтійскихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, по завоеваніи Петромъ I Лифляндіи и Эстляндіи, и позднѣе, по принятіи Екатериною II Курляндскаго герцогства въ составъ Имперіи, были признаны русскимъ правительствомъ и утверждены гуртомъ, но, какъ извѣстно, не безоговорочно, а „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются" и „Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда" (согласно формулѣ временъ Петра I) или (согласно позднѣйшей, въ сущности тождественной формулѣ) „елико сообразны они съ общими государства нашего постановленіями и законами" [1]). Можно сказать, что Россія позволила балтійскимъ сословіямъ и обществамъ перевести съ собою, черезъ государственную нашу границу, весь юридическій свой багажъ, не подвергая его таможенному осмотру, и отложила обстоятельный переборъ его до другого времени, Затѣмъ, оставалось разумѣется опредѣлить въ точности, чтó въ немъ не противорѣчило и чтò противорѣчило времени,

[1]) Жалован. грам. 1710 сент. 30 (№ 2301). Высоч. грамота 1856 февр. 17 (№ 30185). Оговорка эта иногда прямо высказывалась и всегда подразумѣвалась— это относится спеціально до Лифляндіи и Эстляндіи, или, говоря точнѣе: до сословій и обществъ лифляндскихъ и эстляндскихъ; что же касается до Курляндіи, то она подчинилась Россіи не выпросивъ себѣ никакихъ особенныхъ правъ (unbedingte Subjection) и, вслѣдъ затѣмъ, получила ихъ отъ Екатерины II. (Имен. Указъ 1795. апр. 15 и Акты герц. Кур. 18 марта того жъ года).

нашей формѣ правленія, нашимъ кореннымъ постановленіямъ; что̀ могло оставаться и что́ требовало отмѣны или измѣненія. Задача была не легкая, и надъ нею трудились долго; наконецъ: хорошо ли, дурно ли, но все-таки разрѣшили ее изданіемъ Свода Мѣстныхъ Узаконеній для губерній Остзейскихъ. Этимъ достигался двоякій результатъ: во-первыхъ, изъ нестройной груды завѣщаннаго вѣками, постепенно накоплявшагося юридическаго матеріала, извлекалось все что долженствовало сохранить въ настоящемъ силу закона дѣйствующаго – извѣстно, что тѣмъ же процессомъ, изъ полнаго собранія законовъ, выработанъ былъ нашъ Сводъ; во вторыхъ, самымъ фактомъ изданія Свода Мѣстныхъ Узаконеній, такъ называемыя привилегіи, въ формальномъ отношеніи, упразднялись; иными словами: онѣ теряли характеръ привилегій, хотя содержаніе ихъ нисколько не отмѣнялось, а только переносилось, какъ мѣстное законодательство одной области (совершенно приравненное къ мѣстнымъ законамъ малороссійскимъ) въ общую систему государственныхъ законовъ[1]).

---

[1]) Въ Именномъ Указѣ 1845 года іюня 1 (№ 18146), при которомъ опубликованы были первыя двѣ части Мѣстнаго Свода, мы читаемъ: „По приведеніи дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ Имперіи Нашей законовъ въ стройный порядокъ и единство, изданіемъ общаго оныхъ Свода, мы нашли нужнымъ, для удобности жителей тѣхъ губерній и областей, въ коихъ имѣютъ силу нѣкоторыя особыя узаконенія, ввести ихъ, по принадлежности, въ самый составъ Свода, или же сдѣлать предметомъ отдѣльныхъ по тому же плану расположенныхъ собраній. Въ исполненіе сего предположенія, внесены въ общій Сводъ законовъ Имперіи, при новомъ ихъ изданіи въ 1842 году, всѣ древнія постановленія, кои, на основаніи дарованныхъ Малороссійскому краю предками Нашими правъ, сохраняютъ досель въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской полную силу и дѣйствіе. Сія мѣра не могла быть принята въ отношеніи къ дѣйствующимъ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской также особымъ узаконеніямъ. Они столь многочисленны (—итакъ вотъ причина), что было бы невозможно, безъ важныхъ неудобствъ, помѣстить ихъ въ общемъ Сводѣ Законовъ Имперіи. . Посему, предположивъ издать оныя въ видѣ особаго Свода. Мы повелѣли II отдѣленію Собственной Канцеляріи Нашей собрать, привести въ точную извѣстность и опредѣлительность всѣ имѣющіе силу въ Остзейскомъ краѣ, по дарованнымъ оному предками Нашими и утвержденнымъ Нами правамъ, постановленія, и потомъ изложить ихъ въ порядкѣ, совершенно соотвѣтсувующемъ плану общаго свода законовъ Имперіи, коего сіе собраніе мѣстныхъ узаконеній губерній Лифлянд-

Отсюда, само собою вытекало слѣдующее: если Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній есть дѣйствительно законъ (а не простое литературное упражненіе гг. Бунге и Бреверна) то, со дня введенія его въ дѣйствіе, всѣ возникающіе въ Балтійскомъ краѣ административные и судебные вопросы (разумѣется: по тѣмъ частямъ управленія и судопроизводства, для которыхъ онъ изданъ) должны были подлежать разсмотрѣнію въ предѣлахъ этого Свода и получать разрѣшеніе на основаніи содержащихся въ немъ статей; съ того же дня, ссылки на привилегіи должны были прекратиться; наконецъ, по всѣмъ предметамъ, о которыхъ въ Сводѣ Мѣстныхъ Узаконеній не встрѣчалось никакихъ особыхъ постановленій (то есть никакихъ изъятій изъ общихъ законовъ Имперіи) эти послѣдніе законы должны были воспріять полную, обязательную силу (какъ это и выражено во 2-ой ст. введенія къ 1-ой части Мѣстнаго Свода) [1]).

Никто конечно не рѣшится сказать, чтобы правительство, въ этомъ дѣлѣ, поступило слишкомъ спѣшно, или чтобъ оно не дало голоса представителямъ мѣстныхъ воззрѣній и интересовъ. Проектъ Свода для Остзейскихъ губерній составленъ былъ, подъ руководствомъ покойнаго графа Блудова, спеціалистами изъ тамошнихъ ученыхъ юристовъ и дѣльцевъ (гг. Бунге, Самсономъ, Раденомъ, Бреверномъ и др.); затѣмъ, онъ двукратно разсматривался на мѣстахъ, сперва въ особыхъ комитетахъ, по губерніямъ, потомъ въ одной общей коммиссіи, состоявшей изъ чиновниковъ и гражданъ того

ской, Эстляндской и Курляндской долженствуетъ быть дополненіемъ... Правительствующій Сенатъ имѣетъ при этомъ объявить: что сіи первыя части Свода Мѣстныхъ Узаконеній губерній Остзейскихъ должны воспріять полную силу и дѣйствіе закона съ 1-го янв. 1846 года; что, съ сего времени, статьи оныхъ должны быть приводимы и примѣняемы въ дѣлахъ всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ на томъ же основаніи какъ дѣлаются подобныя указанія на статьи общаго Свода Законовъ Имперіи".

[1]) Сіи (мѣстныя) узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены, и объемлютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣйствіе общихъ законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу.

края; послѣ этого, онъ поступилъ въ комитетъ изъ сенаторовь; и оберъ-прокуроровъ и наконецъ въ Государственный Совѣтъ.

Но если потребно было много времени и усилій для составленія Свода, то несравненно еще труднѣе было ввести его въ дѣйствіе; я разумѣю ввести дѣйствительно, то есть перенести мѣстное дѣлопроизводство на эту вновь очищенную, всѣмъ доступную, для всѣхъ открытую почву дѣйствующаго законодательства. Это была задача совершенно самостоятельная и осуществленіе ея не могло обойтись безъ упорной борьбы.

Можно смѣло сказать, что балтійская интеллигенція сама себѣ сочинила Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній, по своему вкусу; она включила въ него всѣ свои права, все чѣмъ она дорожила, въ томъ числѣ все содержаніе нѣкоторыхъ привилегій очень сомнительной подлинности (напр. знаменитой грамоты польскаго короля Сигизмунда Августа, которой не признавало ни польское, ни шведское правительство): наконецъ, собственно дворянству, удалось даже расширить прежнія свои права на счетъ другихъ сословій (н. п. рижскихъ гражданъ); но, не смотря на все это, мѣстныя сословія вообще и дворянство въ особенности отнеслись къ Своду Мѣстныхъ Узаконеній далеко не благосклонно. Онъ былъ имъ глубоко противенъ, не по содержанію своему, не ради той или другой статьи, а самъ по себѣ, по существу своему, именно какъ составная часть Свода Законовъ всей Имперіи, какъ итогъ подведенный всему историческому прошедшему края до присоединенія его къ Россіи, какъ прививка мѣстнаго законодательства къ общему. Имъ желательно было пользоваться Сводомъ Законовъ какъ новымъ и торжественнымъ утвержденіемъ ихъ особенныхъ правъ и, въ то же время, не признавать за нимъ значенія Свода, то есть завершенія всего предшествовавшаго развитія; иными словами: имъ хотѣлось уберечь и отстоять непрерывность своего мѣстнаго права и своего исключительнаго положенія въ составѣ Имперіи— die Continuität ihres bilateralen Rechtes vor jedem Einbruch zu bewahren, какъ выражаются мѣстные юристы. На практикѣ, это имѣло для нихъ огромное значеніе.

Въ архивахъ каждаго изъ мѣстныхъ учрежденій, сословій и обществъ, хранился цѣлый арсеналъ грамотъ, патентовъ, рескриптовъ, уставовъ, (шрагъ) постановленій и всякаго рода болѣе или менѣе подлинныхъ актовъ, разновременно изданныхъ, между собою несоглашенныхъ, никѣмъ критически неразобранныхъ и, даже безъ обстоятельнаго ихъ перечня, признанныхъ и утвержденныхъ при завоеваніи края. Эти склады письменнаго матеріала, и сверхъ того обычаи незаписанные, служили издревле неисчерпаемыми запасами доказательствъ и справокъ, одинаково пригодныхъ для подкрѣпленія всякаго рода антигосударственныхъ домогательствъ и для отраженія самыхъ естественныхъ требованій власти. По мѣрѣ надобности, и смотря по тому, чего именно, въ данномъ случаѣ, требовали мѣстные и частные интересы, ничего не стоило выхватить изъ той или другой пачки подходящій документъ и построить на немъ цѣлую теорію, разумѣется не упоминая ни о предшествовавшихъ, ни о позднѣйшихъ актахъ, буде они оказывались не подходящими. Такого рода приспособленія старины къ интересамъ настоящаго облегчались въ особенности: неопредѣленностью юридическихъ терминовъ, допускавшею разнообразныя толкованія, частыми ссылками на общее германское право и на добрые порядки незаписанные, совершенною для правительства невозможностью собирать, по поводу каждой ссылки, полныя справки и предпринимать критическія изслѣдованія подлинности каждаго предъявляемаго акта. Наконецъ, съ терминомъ привилегіи связывалось, конечно очень неопредѣленное и въ сущности вовсе имъ не свойственное, понятіе о какой-то загадочной святынѣ, будто бы на вѣчныя времена неприкосновенной, и предъ которою будто бы все должно было склоняться, тогда какъ сила статьи Свода Законовъ, степень ея обязательности и порядокъ, установленный для ея разъясненія, измѣненія или отмѣны, когда въ этомъ представлялась надобность, были всѣмъ хорошо извѣстны и для всякаго понятны. Отъ этого, при встрѣчѣ съ привилегіею, мѣстные представители власти каждый разъ становились въ тупикъ, и, повертѣвъ въ своихъ рукахъ непонятную для нихъ грамоту, почти всегда отступались отъ самыхъ спра-

ведливыхъ своихъ требованій изъ опасенія нарушить что-то такое, въ чемъ они не отдавали себѣ яснаго отчета, но чего боялись. Понятно, что для мѣстныхъ сословій, никогда не упускавшихъ изъ виду своихъ антигосударственныхъ поползновеній, было много причинъ дорожить этими стародавними пріемами, и что ввести между ними Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній въ дѣйствительное употребленіе было вовсе не легко. Это было одною изъ главныхъ заботъ генералъ-губернатора Головина во время его управленія, и, какъ бы строго къ нему ни относились по другимъ предметамъ, этой заслуги у него отнять нельзя. Несмотря на систематическое, на каждомъ шагу возобновлявшееся противодѣйствіе, онъ придалъ Своду Мѣстныхъ Узаконеній подобающую ему обязательную силу, по крайней мѣрѣ, онъ вынесъ всю тягость борьбы за него съ укоренившимися привычками, такъ что, послѣ него, оставалось только твердо держаться на отвоеванной имъ почвѣ. Къ сожалѣнію, этого-то именно его преемники не сумѣли или не захотѣли сдѣлать. Они уступили ее безъ боя, или, говоря точнѣе, можетъ быть сами того не замѣчая, дали себя съ нея сдвинуть. Само собою разумѣется, что Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній формально отмѣненъ не былъ; въ дополненіе къ первымъ двумъ частямъ, вышедшимъ въ 1845 году, была даже издана третья; но на практикѣ, въ обычномъ дѣлопроизводствѣ, Сводъ Мѣстныхъ и Общихъ узаконеній постепенно вытѣснялся старымъ юридическимъ матеріаломъ, который опять всплылъ на поверхность, и на сей разъ потянулъ за собою давнишніе, международные трактаты, ништатскій и абовскій

Кампанія противъ Свода Законовъ ведена была, въ стратегическомъ отношеніи, совершенно правильно. Въ 1865 году, въ Ригѣ и въ Ревелѣ, изданы были Сборники лифляндскихъ и эстляндскихъ Капитуляцій, съ приложеніемъ искусно подобранныхъ выписокъ изъ мѣстныхъ привилегій временъ польскаго и шведскаго владычествъ и нѣсколькихъ статей ништатскаго мирнаго договора, заключеннаго въ 1721 году между Россіею и Швеціею [1]. Это былъ какъ бы отвѣтъ на

[1] Die Capitulationen der Livländischen Ritter und Landschaft und der Stadt Riga von C. Schirren (преподавателя русской исторіи въ дерптск. уни-

изданіе Мѣстнаго Свода: вы (т. е. правительство) подводите итогъ нашему провинціальному законодательству, вводите его въ систему законовъ Имперіи и увѣряете, что наши мѣстные законы, какъ и общіе, заимствуютъ свою силу отъ единой власти самодержавной [1]); а мы возстановляемъ историческую связь своего мѣстнаго права съ источниками не русскими, прикрѣпляемъ его, на вѣчныя времена, къ моменту капитуляцій и ставимъ его подъ защиту международныхъ обязательствъ. Такимъ образомъ, сложилось понятіе о „Tractaten und capitulationsmässigem Landesrechte," о которомъ такъ много говорятъ новѣйшіе публицисты Балтійскаго края. Изъ этого такъ кстати подновленнаго и всѣмъ сподручнаго матеріала, мѣстныя присутственныя мѣста и сословныя представительства, разумѣется, не упустили извлечь для своихъ цѣлей нужную пользу. Въ рѣшеніяхъ судебныхъ инстанцій, въ представленіяхъ городскихъ магистратовъ, стали появляться ссылки, не только на такъ называемыя привилегіи польскихъ и шведскихъ королей, но и на ништатскій и абовскій трактаты—чего прежде не бывало. Освѣживъ такимъ образомъ свою историческую память и утвердивъ за собою твердый операціонный базисъ, мѣстные юристы приступили къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Началась своего рода ревизія [2]), съ точки зрѣнія мѣстнаго и международнаго права, всѣхъ общихъ и частныхъ законовъ изданныхъ русскимъ правительствомъ и, дотолѣ, безспорно примѣнявшихся къ Балтійскому краю. Въ результатѣ оказалось, что почти ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ критики—разумѣется: по увѣренію тамошнихъ ученыхъ и дѣльцовъ; что, напримѣръ, православная церковь, безъ явнаго нарушенія утвержденныхъ правительствомъ привилегій и связывающихъ его дипломатическихъ обязательствъ, не можетъ считаться господствующею въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ; что подчиненіе тамошняго мѣстнаго управленія лютеранской церкви управленію центральному для всей Имперіи

верситетъ). Dorpat 1865. Die Capitulationen der Esthländischen Ritterschaft und der Stadt Reval etc. etc. von Winkelmann. Reval 1865.

[1]) Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній губерній Остзейскихъ. Введеніе ст. 2.

[2]) „Eine ernste Revision." Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 90.

(генеральной консисторіи, учрежденной въ 1832 году) есть дерзкое нарушеніе неоспоримаго права; что введеніе въ оффиціальное употребленіе русскаго языка, хотя бы даже только въ коронныхъ мѣстахъ, было бы явнымъ отступленіемъ отъ порядка вещей временемъ и самимъ правительствомъ освященнаго; что переносъ, по апелляціи, судебныхъ дѣлъ изъ Балтійскаго края въ Сенатъ не долженъ имѣть мѣста; что подчиненіе дерптскаго университета высшему надзору министерства народнаго просвѣщенія есть нарушеніе торжественно гарантированнаго права балтійскаго рыцарства; что вообще никакой законъ, составленный безъ участія мѣстнаго дворянства, не долженъ бы имѣть въ Балтійскомъ краѣ обязательной силы и т. д. [1]). Всѣ эти выводы, мало по малу, переходятъ въ общественное сознаніе и, по мѣрѣ усвоенія ихъ мѣстными сословными представителями, обращаются въ ходатайства объ устраненіи будто бы несправедливыхъ посягательствъ на историческія особенности края и о возстановленіи въ немъ такъ называемаго правомѣрнаго порядка вещей, иначе: непрерывности его публичнаго права, временно разорванной вторженіемъ Свода Законовъ. Работа эта теперь въ полномъ ходу, а мы какъ будто и не подозрѣваемъ съ какою цѣлью она производится—точно Ташкентцы хлопавшіе глазами въ то время какъ Русскіе вели свои траншеи. Мало того, съ нашей стороны было уже сдѣлано нѣсколько важныхъ уступокъ, болѣе чѣмъ достаточныхъ для поддержанія охоты продолжать работу и вести ее до конца до расторженія всякой связи между мѣстнымъ законодательствомъ и общимъ для всей Имперіи. Въ этомъ отношеніи, сдѣланный нами попятный шагъ такъ очевиденъ, что балтійскіе публицисты даже не скрываютъ побѣды одержанной мѣстнымъ провинціализмомъ на поприщѣ права. Вотъ, напримѣръ, какую силу бывшій вицепрезидентъ гофгерихта придаетъ теперь словамъ Высочайшихъ подтвердительныхъ грамотъ, опредѣляющихъ отношеніе мѣстныхъ законовъ къ общимъ: „Формула: елико сообразны они (мѣстныя права и установленія) съ общими государства На-

---

1) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 35, 37, 39. Lief. II. S. 117. Lief. II. S. 259.

шего постановленіями и законами" — говоритъ онъ — „введена, въ отмѣну прежней, невинной (unverfänglich) формулы, только въ 1803 году и не имѣетъ никакого практическаго значенія (keinen praktischen Sinn); притомъ, всѣ Лифляндцы столь благородны (loyal) и такъ глубоко проникнуты чувствомъ всѣмъ имъ прирожденнаго уваженія къ величію и достоинству власти, что въ первой, то есть новѣйшей формулѣ, они ничего болѣе не хотятъ видѣть какъ простое изобрѣтеніе Императорской канцеляріи, просмотрѣнное Государемъ, и потому охотно даютъ вѣру распространившемуся въ 1803 году по всей Лифляндіи слуху, что введеніемъ этой формулы, одинъ изъ тогдашнихъ высокопоставленныхъ чиновниковъ отомстилъ рыцарству, отказавшему ему въ денежномъ вымогательствѣ" [1]). — Такъ какъ наши Государи самолично не занимаются редакціею законовъ, а возлагаютъ эту работу на свою канцелярію, или на Государственный Совѣтъ, то понятно, что усвоивъ себѣ такого рода обращеніе съ словами обожаемыхъ балтійскимъ рыцарствомъ Монарховъ, то есть рѣшившись выдавать за подлогъ, или за грязную канцелярскую продѣлку, все чтò въ оффиціальномъ выраженіи Высочайшей воли и мысли не подходитъ подъ мѣстныя воззрѣнія, ничего не стоитъ перешагнуть черезъ любой законъ. Далѣе, мы узнаемъ „что извѣстный балтійскій юристъ Бунге, участвуя какъ членъ коммиссіи въ составленіи 3-ей части Свода Мѣстныхъ Узаконеній, долженъ былъ подчиниться давленію какой-то незримой, враждебной силы (подъ руководствомъ покойнаго графа Д. Н. Блудова!) и одобрить, противъ совѣсти, одну изъ статей этого Свода; что этимъ онъ запятналъ свое доброе имя; что степень примѣнимости Свода Законовъ Имперіи къ Балтійскому краю есть вопросъ и предметъ спора, все еще продолжающагося между дѣльцами этого

---

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 108. Сказаніе это уже потому невѣроятно, что балтійское рыцарство и тамошніе города никогда никому не отказывали во взяткахъ, даже навязывали ихъ, за что неоднократно объявлялись имъ Высочайшіе выговоры. Не менѣе того, любопытно бы было узнать кого въ этомъ случаѣ обноситъ der loyale Baltiker?

края и государственными людьми Имперіи [1]); что впрочемъ, и независимо отъ этого обстоятельства, даже нравственный кредитъ Свода, въ Остзейскихъ губерніяхъ, окончательно подорванъ" [2]). Нельзя не прибавить, что примѣры безцеремоннаго съ нимъ обращенія, приводимые самимъ авторомъ „Лифляндскихъ Вкладовъ" подтверждаютъ какъ нельзя лучше его слова. Какъ заявленіе факта, они неоспоримы. Пріобрѣтеніе ли это для Россіи или потеря?—пусть судятъ читатели.

II.

Перейдемъ къ другому явленію. Движеніе крестьянъ изъ лютеранства въ православіе начавшееся въ 1841 году, въ то время насильственно подавленное экзекуціями, и четыре года спустя съ такою силою возобновившееся, съ 1848 года совершенно прекратилось. Это было заявлено княземъ Суворовымъ, въ одномъ изъ первыхъ его всеподданнѣйшихъ отчетовъ, и съ нѣкоторымъ даже торжествомъ; но въ то время, главное мѣстное начальство подавало по крайней мѣрѣ надежду, что новообращенные укрѣпятся въ своей вѣрѣ и что приложена будетъ заботливость объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ новонасажденной паствы. Къ сожалѣнію, ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась. Отводъ мѣстъ для устройства православныхъ церквей встрѣтилъ со стороны владѣльцевъ систематическое противодѣйствіе, засвидѣтельствованное самимъ княземъ Суворовымъ, и котораго онъ не одолѣлъ. Сооруженіе храмовъ подвигалось и теперь подвигается чрезвычайно медленно, а работы производятся такъ небрежно, что тотчасъ по сдачѣ новоотстроенной церкви, требуются значительныя суммы на ея ремонтъ. До сихъ поръ еще, въ 45 приходахъ, православное богослуженіе совершается въ

[1]) А ужъ протекло болѣе полутораста лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Балтійскій край вошелъ въ составъ Имперіи, и болѣе двѣнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ изданъ томъ Мѣстнаго Свода, въ которомъ этотъ вопросъ положительно и ясно разрѣшается. Кто бъ этому повѣрилъ?

[2]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 100, 102. Lief. III. S. 49.

наемныхъ, полуразвалившихся сараяхъ и овинахъ, продуваемыхъ вѣтромъ и пробиваемыхъ дождемъ и снѣгомъ. Эта жалкая внѣшняя обстановка церкви, по оффиціальной терминологіи господствующей, а по мѣстной терминологіи русской или царской, повергаетъ православную паству въ горькое уныніе, а иновѣрцами усердно разработывается какъ неистощимая тема глумленія и попрековъ. Графъ Бобринскій, въ 1846 году, по Высочайшему повелѣнію объѣхавшій нѣкоторые изъ лифляндскихъ приходовъ для изслѣдованія положенія православныхъ Латышей, живыми красками описалъ лишенія всякаго рода, которымъ подвергается въ томъ краѣ наше сельское духовенство, далеко недостаточное число священниковъ, по огромному протяженію приходовъ, и происходящее отъ этого отстутствіе живого общенія между сельскимъ православнымъ духовенствомъ и поселянами. Въ заключеніе рапорта поданнаго имъ на Высочайшее имя, онъ говоритъ: для поддержанія православія въ Лифляндіи оставалось бы одно средство, а именно: поднять всѣ учрежденія нашей церкви, всю обстановку ея, на одну высоту съ лютеранскими; къ несчастію, это средство потребовало бы огромныхъ расходовъ, а успѣхъ былъ бы теперь весьма сомнителенъ, послѣ девятнадцатилѣтняго упущенія по этой части (nach der versäumten Zeit der letzten 19 jährigen Periode) [1]. Вотъ вамъ и характеристика разсматриваемаго нами періода, сдѣланная лицемъ, котораго ни князь Суворовъ, ни баронъ Ливенъ, вѣроятно, не обвинятъ въ пристрастіи.

Въ Лифляндіи ходитъ слухъ, будто бы преосвященный Платонъ, докладывая Государю Императору объ этихъ обстоятельствахъ, просилъ и убѣдилъ Его поднять православіе въ глазахъ мѣстнаго народонаселенія, выстроивъ гдѣ-нибудь въ Балтійскомъ краѣ хоть одну церковь, но непосредственно отъ себя и на свой счетъ—это говорятъ православные священники—но будто бы, впослѣдствіи, Государь Императоръ

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 55. Я цитую по нѣмецкому печатному переводу, такъ какъ подлиннаго рапорта графа Бобринскаго я не читалъ. У насъ, въ Россіи, онъ почти никому неизвѣстенъ; но за то, вся Германія теперь знаетъ его.

отмѣнилъ свое намѣреніе, услышавъ, что исполненіе его было бы сочтено за пропаганду и могло бы возобновить движеніе крестьянъ—такъ повѣтствуютъ лютеране. Я привожу этотъ слухъ, нисколько не ручаясь за его достовѣрность, только какъ черту, характеризующую настроеніе края и положеніе занимаемое въ немъ церковью, по оффиціальной терминологіи господствующею.

Новообращенные Латыши и Эсты не только не укрѣпились въ своей вѣрѣ (какъ обнадеживалъ князь Суворовъ въ 1848 году) а напротивъ, по свидѣтельству графа Бобринскаго, относятся къ ней теперь, не только равнодушно, но враждебно, и умоляютъ Государя о разрѣшеніи перейти обратно въ лютеранство. Что они рано или поздно получатъ его—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; по крайней мѣрѣ нельзя себѣ представить какимъ бы образомъ правительство могло имъ въ этомъ отказать [1]).

Итакъ, въ продолженіи какихъ-нибудь 12—15 лѣтъ, духъ мѣстнаго сельскаго народонаселенія совершенно измѣнился. Въ 1846 году, крестьяне толпами валили въ полуотверзтыя врата церкви и напуганная полиція съ трудомъ ихъ удерживала; теперь церковь имъ опротивѣла и они ломятся изъ нея вонъ. Пока совершался этотъ странный переворотъ въ понятіяхъ полутораста тысячъ душъ, его не замѣчалъ ни князь Суворовъ, ни баронъ Ливенъ; по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, ни тотъ, ни другой объ этой мелочи не доводилъ до свѣдѣнія высшаго правительства; да и къ чему? На случай запроса было подготовлено объясненіе, которымъ,

---

[1]) Я утверждаю, что не слѣдуетъ разрѣшеніе невозбраннаго перехода изъ православія въ лютеранство не потому только, что этого домогается лифляндское дворянство, которому никогда и ни въ чемъ не бываетъ отказовъ, но еще и потому, что уголовныя преслѣдованія за вѣроотступничество составляютъ пятно безобразящее наше теперешнее законодательство гражданское и, въ особенности, церковное. Съ понятіемъ о вѣроисповѣданіи господствующемъ, въ смыслѣ нашихъ законовъ, можетъ еще мириться государство; но церковь, по самому существу своему, не должна бы была допускать его. Впрочемъ, о томъ чтó дѣлать съ новообращенными въ Лифляндіи и при какихъ условіяхъ могли бы быть отмѣнены карательныя мѣры за отступничество отъ православія, будетъ подробно говорено въ 3-мъ или 4-мъ выпускѣ настоящаго изданія.

какъ послѣ оказалось, всѣ удовлетворились. Намъ говорятъ: крестьянъ соблазняли къ переходу въ православіе священники и какіе-то тайные агенты, не безъ вѣдома и участія правительства сулившіе имъ всякаго рода мірскія выгоды; но возбужденныя надежды не сбылись и, какъ скоро эта искусственная агитація была прекращена, такъ естественно обнаружилось въ разочарованныхъ жертвахъ подговора тяготѣніе къ прежней, родной вѣрѣ, отъ которой онѣ внутренно никогда не отрекались. Въ этомъ смыслѣ написано было безчисленное множество записокъ, отчетовъ и донесеній, не говоря уже о печатныхъ статьяхъ; это твердили въ одинъ голосъ лютеране, въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ, въ этомъ созналось оффиціально министерство внутреннихъ дѣлъ [1]); этому повѣрило все наше высшее общество; говорятъ: повѣрилъ и Государь Императоръ; а все-таки это обманъ. На сей разъ, я ограничусь краткимъ указаніемъ на дѣйствительную причину отпаденія крестьянъ отъ православія, предоставляя себѣ, въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ, развить эту тему подробнѣе и обставить ее всѣми нужными доказательствами.

Покойный Императоръ, при всей односторонности нѣкоторыхъ своихъ убѣжденій, несомнѣнно обладалъ способностью, безъ которой нельзя быть историческимъ дѣятелемъ: онъ вѣрно угадывалъ инстинкты народныхъ массъ и, въ этомъ отношеніи, стоялъ безконечно выше всего своего правительства. Когда движеніе изъ лютеранства въ православіе охватило Лифляндію, онъ и онъ одинъ понялъ, что это была не искусственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная (spontannée), исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, и, въ то же время, изъ глубокаго недовольства всею внѣшнею обстановкою тогдашняго крестьянскаго быта. Не смотря на всѣ наговоры и на всѣ старанія барона Палена запугать высшее правительство, покойный Государь не остановилъ движенія,

---

[1]) Покойный С. С. Ланской, или точнѣе директоръ, написавшій для него бумагу по дѣлу о пасторскихъ повинностяхъ, и позднѣе П. А. Волуевъ.

но захотѣлъ, чтобъ оно само собою очистилось, такъ, чтобы крестьяне, не слыша съ одной стороны никакихъ соблазнительныхъ подговоровъ къ переходу, съ другой: не встрѣчая ни помѣхъ ни противодѣйствія, могли совершенно свободно чинить выборъ между двумя вѣроисповѣданіями. По его мысли, правительство должно было оставаться неутральнымъ, охраняя лишь внѣшній полицейскій порядокъ. Въ этомъ смыслѣ были составлены, въ руководство мѣстнымъ властямъ, правила неоднократно пополнявшіяся и въ сущности сводившіяся къ слѣдующимъ: никому не возбранять перехода въ православіе, предварительно удостовѣрившись (насколько это доступно правительству) въ искренности побужденій; за переходъ въ православіе не награждать никакими мірскими выгодами; но наблюдать также, чтобъ и наоборотъ, переходъ не подавалъ повода къ отнятію у новообращающихся тѣхъ выгодъ, которыми они прежде пользовались. Все это было прекрасно въ теоріи, но, къ сожалѣнію, свидѣтельствовало о совершенномъ незнакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ края. Упущено было изъ виду одно обстоятельство, а именно: что такъ какъ обращеніе крестьянъ въ православіе грозило подорвать въ самомъ корнѣ владычество нѣмецко-лютеранской колоніи, то ни одно изъ первенствующихъ сословій, изъ которыхъ набирался и набирается весь мѣстный правительственный штатъ, не останется неутральнымъ; что между всѣми пасторами, всѣми помѣщиками, всѣми полицейскими чиновниками, администраторами и судьями, естественнымъ образомъ, составится стачка, которой никакая сила не будетъ въ состояніи разбить, и что эта антиправославная коалиція, имѣя въ своихъ рукахъ проповѣдь, полицію, патримоніальную и правительственную, суды и даже военную силу, располагала средствами болѣе чѣмъ достаточными, чтобъ застращать крестьянъ и подавить движеніе. Съ другой стороны, для противодѣйствія грозному нѣмецко-лютеранскому заговору, былъ православный архіерей, жившій на своемъ рижскомъ подворьѣ, и десятокъ священниковъ, объѣзжавшихъ край въ сопровожденіи и подъ надзоромъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, разумѣется: Лифляндцевъ и лютеранъ. Собственно неутральнымъ оставался одинъ генералъ-губернаторъ, изолированный

въ своемъ замкѣ, имѣвшій при себѣ не болѣе трехъ или четырехъ русскихъ чиновниковъ, на которыхъ онъ могъ полагаться, со всѣхъ сторонъ опутанный интригою, безъ глазъ, безъ ушей, безъ рукъ, и въ добавокъ, ежечасно ожидавшій, что козни, ковавшіяся противъ него въ Петербургѣ, сломятъ ему шею. Наконецъ, и заступничество главнаго мѣстнаго начальника края, съ назначеніемъ князя Суворова, измѣнило православію. Это было неминуемо и не могло быть иначе; ибо нельзя же было требовать отъ человѣка, чтобъ онъ принялъ горячо къ сердцу интересы вѣроисповѣданія, которое, по его убѣжденію, внушенному ему нѣмецкою интригою, водворено было въ краѣ безчестными подкупами и поддерживалось насиліемъ. Итакъ, первая половина инструкціи покойнаго Государя выполнена была въ точности; присоединившіеся къ церкви ничего не пріобрѣли; вторая же половина осталась мертвою буквою; ибо, отказавшись отъ дѣятельнаго покровительства православію, высшее правительство развязало руки дѣятельной пропагандѣ антиправославной и, тѣмъ самымъ, нарушило то равновѣсіе между двумя вѣроисповѣданіями, о поддержаніи котораго оно такъ усердно заботилось. Новообращенные были, въ буквальномъ смыслѣ слова, выданы головою сложившейся противъ нихъ коалиціи, разорены и замучены помѣщиками, осмѣяны и обруганы пасторами [1]), и все это почти всегда въ предѣлахъ закона, болѣе или менѣе правильно примѣняемаго и толкуемаго, по крайней мѣрѣ безъ слишкомъ явнаго его нарушенія. Можно было заранѣе предсказать, что не всѣ Латыши и Эсты окажутся призванными къ мученичеству. Одинъ изъ балтійскихъ публицистовъ объявляетъ съ торжествомъ, что православная паства въ Лифляндіи находится теперь въ полнѣйшемъ разложеніи—in voller innerer Auflösung begriffen; другой замѣчаетъ съ ироніею, что наша церковь, не смотря на жалкую ея обстановку, все-таки не украсилась ореоломъ мученичества. Предположимъ, что это правда; но каково же слышать, что такой опытъ производился надъ церковью, по оффиціаль-

---

1) Это будетъ доказано въ особой статьѣ о Православіи въ Лифляндіи, свидѣтельствами лютеранскаго духовенства и мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, въ томъ числѣ и князя Суворова.

ной терминологіи господствующею, въ продолженіи цѣлаго двадцатилѣтія, въ Россіи, подъ крыломъ правительства и въ виду православнаго общества?

III.

Чтобъ заставить Латышей и Эстовъ, въ простотѣ своей считавшихъ православіе за вѣру, дѣйствительно господствующую во всей Имперіи, разувѣриться въ этомъ на опытѣ и горько покаяться въ своемъ заблужденіи—на то имѣлись на мѣстахъ средства разнообразныя и болѣе чѣмъ достаточныя; но нужно было, возбудивъ обратное стремленіе въ лютеранство, довести дѣло до конца, а именно: испросить для православныхъ Латышей и Эстовъ разрѣшенія невозбраннаго перехода изъ церкви въ протестантство. Объ этомъ лютеранское духовенство и лифляндское дворянство начали хлопотать съ 1864 года. Надежные люди ощупали почву въ Петербургѣ, но встрѣтили препятствія, повидимому, неодолимыя. Пришлось обойти ихъ, отказаться, хоть на время [1]), отъ нынѣшняго поколѣнія, то есть отъ принявшихъ православіе, и ограничиться отвоеваніемъ для протестантства будущихъ поколѣній. Достигнувъ этого, можно бы было, съ точностью почти математическою, опредѣлить тотъ годъ, въ который православіе окончательно вымретъ въ Лифляндіи. Такова была настоящая цѣль настойчиваго ходатайства объ отмѣнѣ общаго закона, въ силу котораго дѣти рождающіяся отъ браковъ иновѣрцевъ съ православными, должны быть крещаемы и воспитываемы въ православной вѣрѣ. Къ этой цѣли присоединялась другая. Выше было сказано, что по

---

[1]) Я говорю на время, потому что ходатайство возобновится, только съ другого конца. Балтійскіе публицисты теперь такъ увѣрены въ своей силѣ, что даже не берутъ на себя труда маскировать закладываемыя ими батареи. До сихъ поръ, за крестьянъ принявшихъ православіе, говорили и просили представители дворянства; теперь хотятъ побудить самихъ крестьянъ обратиться непосредственно къ высшему правительству и, для этого, разсчитываютъ воспользоваться введенными въ послѣднее время волостными общественными учрежденіями. Это пишетъ кто-то изъ Лифляндіи издателю Лифл. Вкладовъ. Livl. Beitr. B. II. Lief. I. S. 36.

балтійской теоріи, тамошняя лютеранская церковь считаетъ себя (на основаніи ништатскаго трактата) господствующею въ предѣлахъ Лифляндіи и Эстляндіи, или, по крайней мѣрѣ, равноправною съ православіемъ, и, во всякомъ случаѣ, совершенно самостоятельною, то есть не состоящею ни въ какой связи съ лютеранскою церковью въ другихъ областяхъ Имперіи. По той же теоріи, лютеранская церковь въ Балтійскомъ краѣ признаетъ свое фактическое подчиненіе генеральной консисторіи вопіющимъ нарушеніемъ своихъ правъ. Это считается на мѣстахъ вопросомъ окончательно разъясненнымъ и рѣшеннымъ, eine erwiesene Thatsache. Когда дворянство и духовенство положили, по общему соглашенію, возбудить вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, имъ пришлось учинить выборъ между двумя путями; можно было предъявить ходатайство объ отмѣнѣ общаго закона въ пользу лютеранъ вообще, и можно было ходатайствовать объ отмѣнѣ его только въ предѣлахъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Первое было бы очевидно гораздо логичнѣе и согласнѣе съ соображеніями духовнаго свойства; но второе представляло въ томъ отношеніи выгоду, что одно выпрошенное изъятіе изъ общаго закона въ пользу мѣстной балтійской церкви было бы первымъ шагомъ къ постепенному отрѣшенію ея отъ лютеранской церкви въ предѣлахъ всей Имперіи, и, впослѣдствіи, послужило бы основаніемъ для дальнѣйшихъ домогательствъ, клонящихся къ той же цѣли. Послѣ долгихъ объ этомъ преній, положено было дать предпочтеніе второму способу; слѣдовательно: повести атаку единовременно противъ уставовъ православной церкви и противъ общаго учрежденія о лютеранской церкви въ предѣлахъ Имперіи, причемъ, возбудивъ вопросъ на почвѣ мѣстныхъ привилегій, перенести его, нечувствительнымъ образомъ, въ область международнаго права, связавъ наглухо прибалтійскія учрежденія съ ништатскимъ трактатомъ. По этой программѣ, избранные дѣльцы принялись за дѣло; но само собою разумѣется, что объ этихъ своихъ видахъ, ни лифляндское дворянство, ни агенты его, ни служившая имъ пресса, слишкомъ громко и ясно до поры до времени не говорили. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, государственные сановники, на по.

кровительство которыхъ возлагалась главная надежда, послѣдовали той же системѣ благоразумной осторожности — дѣло, какъ видно, находилось въ надежныхъ рукахъ. По общему соглашенію, выкинуто было знамя свободы въ дѣлахъ совѣсти, der Gewissensfreiheit; но такъ какъ трудно было предположить, чтобы правительство, еслибъ оно захотѣло усвоить себѣ это высокое начало, вздумало примѣнить его только къ лютеранству и притомъ только въ территоріальныхъ границахъ трехъ Балтійскихъ губерній, то пришлось всю аргументацію въ пользу свободы совѣсти извлечь изъ арсенала балтійскихъ юридическихъ актовъ XVII и XVIII вѣковъ, иными словами: вычитать въ нихъ то, чего въ нихъ не было, что̀ даже никогда и на умъ не приходило ни тѣмъ кто ихъ выпрашивалъ, ни тѣмъ кто ихъ выдавалъ, наконецъ то, отъ чего бы отступились съ ужасомъ прадѣды и дѣды нынѣшнихъ бароновъ, настоящіе, коренастые протестанты XVIII вѣка. Сообразивъ трудность этой задачи, нельзя не подивиться мастерству, съ которымъ ведена была вся эта интрига, увѣнчавшаяся наконецъ, послѣ неоднократныхъ отказовъ, всемилостивѣйшимъ разрѣшеніемъ предъявленнаго ходатайства, въ томъ именно смыслѣ какого домогались просители. Тайна была соблюдена до конца; никто изъ посвященныхъ не проговорился; затѣявъ дѣло, мѣстныя сословія благоразумно притихли и пустили впередъ своихъ могучихъ ходатаевъ, изъ числа православныхъ; всякое серьезное обсужденіе вопроса было предупреждено. Въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ я разберу какъ сущность, такъ и самый ходъ этого дѣла, теперь во всей подробности передъ нами раскрытый, благодаря болтливости издателя „Лифляндскихъ Вкладовъ“, а на сей разъ ограничусь указаніемъ на достигнутые результаты. Свобода совѣсти ничего не выиграла и мы отъ нея такъ же далеки теперь какъ и прежде; но въ то самое время, когда вся система высшаго управленія, повидимому, клонилась къ скрѣпленію пограничныхъ областей Россіи съ ея средоточіемъ, Балтійскому краю удалось выхлопотать себѣ очень важное изъятіе изъ общихъ законовъ, издавна дѣйствовавшихъ въ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерніяхъ, новую, мѣстную привилегію, въ

полномъ значеніи этого слова (eine territoriale Bekenntnissfreiheit, als ein dem Boden der deutschen Ostseeprovinzen beiwohnendes Realreht) и сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ, конечно по направленію не къ Россіи, а отъ Россіи къ Финляндіи. Побѣда одержанная въ этомъ случаѣ балтійско-лютеранскимъ провинціализмомъ тѣмъ знаменательнѣе, что отмѣна закона о предбрачныхъ обязательствахъ, въ той формѣ въ какой она послѣдовала, объявлена и приведена въ дѣйствіе, заключала въ себѣ, во-первыхъ: отступленіе отъ общаго порядка производства законодательныхъ дѣлъ; во-вторыхъ: подразумѣваемое признаніе независимости мѣстной лютеранской церкви Балтійскаго края отъ общаго управленія лютеранскою церковью въ предѣлахъ Имперіи [1]); въ-третьихъ: такое оказательство пренебреженія къ законному представительству православной церкви и такое безцеремонное нарушеніе ея правилъ, какого она не испытывала даже во время Петра I-го.

---

1) Замѣчательно, что когда состоялось Высочайшее повелѣніе 14-го мая 1865 года о крещеніи дѣтей, рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ въ Лифляндія, оно было немедленно сообщено лифляндской консисторіи, а генеральной лютеранской консисторіи, министръ внутреннихъ дѣлъ даже и не поставилъ объ этомъ въ извѣстность, точно какъ будто бы дѣло до нея некасалось. Сама генеральная консисторія должна была испросить себѣ сообщенія упомянутаго Высочайшаго повелѣнія и, получивъ его, снеслась уже отъ себя съ лифляндскою консисторіею, причемъ не упустила намекнуть ей, что это только починъ, или первый шагъ, подающій поводъ ожидать дальнѣйшихъ. Въ отношеніи ея отъ 7 января 1866 за № 17 мы читаемъ: „Будемъ твердо стоять въ молитвѣ и въ соблюденіи существующихъ законовъ, даже тѣхъ, которые и теперь еще составляютъ для насъ тягость... будемъ выжидать пока Господу угодно будетъ даровать намъ дальнѣйшее исполненіе нашихъ молитвъ“ (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 229, 231, 232). Какія теперь выдвинуты будутъ домогательства, намъ уже заранѣе объявлено: разрѣшеніе перехода изъ православія въ лютеранство, провозглашеніе независимости мѣстной лютеранской церкви отъ генеральной консисторіи и т. д. Издатель Лифл. Вкладовъ не даромъ заявляетъ, что испрошенное Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ хорошо собственно тѣмъ, что въ немъ содержится подразумѣваемое (implicite) признаніе территоріальнаго (т. е. мѣстнаго) церковнаго права (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 57, 58).

IV.

Устройство хозяйственнаго быта поселянъ въ Балтійскомъ краѣ составляло, начиная съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, предметъ почти непрерывныхъ заботъ правительства. Припоминая множество произведенныхъ по его порученію изслѣдованій, учрежденныхъ имъ всякаго рода коммиссій, массу написанныхъ для него проектовъ и разновременно изданныхъ отъ имени его положеній, нельзя, поистинѣ, не придти въ восхищеніе отъ необыкновенной дѣятельности, по этой части выказанной; къ сожалѣнію, всматриваясь въ ея результаты, нельзя также не изумиться поразительной ея безплодности. Да еще хорошо коли бы только безплодности, но и это выраженіе не вполнѣ точно; ибо на практикѣ каждый разъ выходили результаты прямо противоположные намѣреніямъ и видамъ правительства. Теперь, балтійскіе публицисты считаютъ крестьянскій вопросъ окончательно рѣшеннымъ и навсегда закрытымъ; таково же убѣжденіе мѣстнаго дворянства, по крайней мѣрѣ, оно старается увѣрить въ этомъ себя и Россію; наконецъ, само высшее правительство, повидимому, держится того же мнѣнія. Тяжелый камень приваленъ, казенная печать приложена, у камня стоитъ недремлющая кустодія и, едва едва, доходитъ до слуха жалобный стонъ заживо замуравленнаго народа. А вопросъ все-таки не разрѣшенъ, онъ только окончательно испорченъ.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе, отъ 1848 по 1868 годъ, издано было правительствомъ, частью для всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерній, частью для каждой изъ нихъ порознь, не менѣе одиннадцати капитальныхъ Положеній [1]), касающихся раз-

---

1) Для Лифляндіи: Уложенія о крестьянахъ 9 іюля 1849 и 13 ноября 1860; для острова Эзеля: Положеніе 19 февраля 1865; для Эстляндіи: Положеніе 5 іюля 1865, Правила въ измѣненіе и отмѣну многихъ статей его 23 января 1859, Правила о вознагражденіи хозяевъ удаляемыхъ изъ ихъ усадебъ 18 февр. 1866; для Курляндіи: Положеніе 6 сент. 1863; общія для трехъ губерній Положенія: объ Отлучкахъ и Перечисленіяхъ крестьянъ 9 іюля 1863, объ Устройствѣ волостей 19 февраля 1866, объ Общественномъ Благосостояніи (значитъ

ныхъ сторонъ крестьянскаго быта, не считая ни множества Высочайшихъ повелѣній и указовъ относящихся до отдѣльныхъ, болѣе спеціальныхъ предметовъ, ни цѣлаго ряда мало у насъ извѣстныхъ инструкцій и регламентовъ, изданныхъ на мѣстахъ, въ поясненіе, дополненіе и, очень нерѣдко, въ искаженіе и отмѣну дѣйствующихъ законовъ. Ближайшими поводами къ составленію большей части исчисленныхъ Положеній, были опасенія за спокойствіе края, неудовольствіе поселянъ, начинавшіяся между ними волненія и дознанная неудовлетворительность ихъ быта; каждому приступу къ преобразованію его предшествовала строгая критика прежнихъ законодательныхъ мѣръ, приводившая къ чистосердечнымъ сознаніямъ въ учиненныхъ ошибкахъ, и, каждый разъ, правительство, въ новыхъ своихъ Положеніяхъ, не только впадало въ прежнія ошибки, но нерѣдко даже усугубляло ихъ. На практикѣ, обнаруживались явленія еще болѣе невѣроятныя; чѣмъ громче оглашались такъ называемыя „великодушныя пожертвованія дворянства", чѣмъ торжественнѣе объявлялись крестьянамъ новыя, такъ называемыя „благодѣянія" долженствовавшія даровать имъ счастье, тѣмъ бѣдственнѣе и безвыходнѣе становилось ихъ положеніе. Дѣло доходило до того, что окончательно осчастливленные поселяне, восчувствовавъ полновѣсность падавшаго на нихъ благополучія, съ отчаянія, бросали свою родину и собирались уходить на Амуръ или за Волгу, а иногда даже встрѣчали съ кольями воинскія команды, приносившія имъ на штыкахъ своихъ давно ожидаемыя улучшенія [1]). На всѣ этого рода явленія у балтійскаго дворянства имѣется издавна припасенное объясненіе, то самое, которымъ Поляки объясняютъ теперь жалобы Русскихъ въ Галиціи, а Венгерцы неудовольствіе южныхъ австрійскихъ Славянъ: „злонамѣренные подстрекатели — вотъ и все!" Кажется однако, что мы уже настолько успѣли присмотрѣться у себя дома къ ходу кре-

благоустройствѣ) въ волостяхъ 18 іюля 1866: о Видахъ и Мѣрѣ Наказаній, налагаемыхъ волостными и приходскими судами, 5 ноября 1866 года и т. д.

[1]) Какъ напр. въ Эстляндіи, при обнародованіи и введеніи въ дѣйствіе Положенія 1856 года.

стьянскихъ дѣлъ вообще, что пора бы было перестать морочить насъ этимъ ничего не объясняющимъ объясненіемъ.

Намѣреваясь посвятить одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ (а можетъ быть и нѣсколько выпусковъ) подробному изслѣдованію крестьянскаго вопроса въ Балтійскихъ губерніяхъ, я ограничусь теперь указаніемъ на главные моменты его развитія въ послѣдніе истекшіе года, причемъ однако, для ясности, долженъ буду упомянуть вкратцѣ о законодательныхъ мѣрахъ прежняго времени.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императоръ Александръ I, убѣдившись въ крайне бѣдственномъ положеніи лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ и усмотрѣвъ, что упадокъ ихъ благосостоянія произошелъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что съ теченіемъ времени, коренное положеніе, изданное и введенное шведскимъ правительствомъ для обезпеченія хозяйственнаго ихъ быта [1]), пришло въ забвеніе, рѣшился возстановить главныя основанія этого положенія, а именно: предоставить крестьянамъ неотъемлемое

---

1) Правилами этого строго обязательнаго положенія такъ мало стѣснялись въ Лифляндія и Эстляндіи въ первой половинѣ прошлаго вѣка, а нашему правительству они были такъ мало извѣстны, что въ 1739 году, на запросъ юстицъ-коллегіи о правахъ помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ, ландратъ Розенъ, отъ имени лифляндскаго дворянства, могъ позволить себѣ, не боясь быть уличеннымъ въ обманѣ, отвѣтить, что помѣщики, располагая личностью и всѣмъ имуществомъ своихъ крестьянъ какъ полною и неограниченною своею собственностью, могли облагать ихъ всякаго рода повинностями по своему усмотрѣнію; что, хотя и существовали опредѣленія о размѣрѣ барщины и даней, но эти опредѣленія исходили отъ доброй воли самихъ помѣщиковъ (aus blosser Willkühr der Herrschaft) отнюдь не имѣли въ отношеніи къ нимъ обязательной силы и нисколько не отнимали у нихъ права переступать установленный размѣръ повинностей (es ist die Masse der Gerechtigkeit und deren Dienste nicht etwa als nicht zu überschreiten seiender Anschlag von einer Landes-Herrschaft vorgeschrieben) и, наконецъ, что постановленія шведскаго правительства о повинностяхъ имѣли исключительною цѣлью обезпеченіе казеннаго интереса, то есть оцѣнку податной единицы, но не давали крестьянамъ никакихъ правъ и ни въ чемъ не стѣсняли полновластія помѣщиковъ. (Hermes oder kritisch. Jahrbuch der Literatur 3. 1821 über die neuerlich begründete Bauernfreiheit in den russ Ostseeprov. № 7). Вотъ каковы справки доставляемыя представителями балтійскихъ сословій изъ арсенала ихъ привилегій.

право наслѣдственнаго пользованія землею, издревле носившею названіе крестьянской, и опредѣлить обязательными правилами виды и размѣръ ихъ повинностей, по количеству и по степени производительности отведенной имъ земли. Въ этихъ видахъ, изданы были такъ называемые Регулативы для Эстляндіи въ 1802 и 1805 годахъ, а для Лифляндіи подробное Положеніе 1804 года. Путь избранъ былъ на сей разъ самый вѣрный и нѣтъ сомнѣнія, что при нѣкоторой настойчивости, имѣя готовую точку опоры въ прежнихъ, по своему времени образцовыхъ шведскихъ законахъ, правительство достигло бы своей цѣли, по крайней мѣрѣ, положило бы прочное основаніе дальнѣйшему, нормальному развитію крестьянской реформы. Но именно потому-то мѣстное дворянство и признало нужнымъ сманить его на другую дорогу, развернувъ передъ нимъ знамя въ то время моднаго либерализма, и, забѣжавъ такъ сказать впередъ, мнимымъ отреченіемъ отъ крѣпостного права на личность, побудить верховную власть отказаться отъ своихъ начинаній. Этотъ ловкій маневръ удался какъ нельзя лучше. Въ 1816, 1817 и 1819 годахъ, крестьяне трехъ Балтійскихъ губерній признаны были номинально свободными, безъ права выхода изъ губерній, къ которой они были приписаны, съ крайне стѣснительными ограниченіями права перечисленія въ города и въ другія сельскія общества, съ полнымъ подчиненіемъ волостного общественнаго управленія вотчинной конторѣ, и съ оставленіемъ за помѣщикомъ или за его повѣреннымъ прежняго произвола, подъ названіемъ вотчинной или мызной полиціи, то есть домашней расправы надъ крестьянами. Въ то же время, однимъ почеркомъ пера, были упразднены: во-первыхъ, исторически выработавшееся и только что передъ этимъ законодательнымъ порядкомъ признанное поземельное право крестьянъ (разумѣя подъ этимъ право наслѣдственнаго пользованія землею носившею названіе крестьянской) и, во-вторыхъ, всякое законное ограниченіе размѣра крестьянскихъ повинностей, отбываемыхъ въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ, обезпеченіе крестьянъ землею, безъ которой они не могли жить, равно какъ и опредѣленіе барщины или оброка предо-

ставлены были такъ называемому полюбовному соглашенію поселянъ и помѣщиковъ, какъ сторонъ будто бы равноправныхъ и другъ отъ друга независимыхъ. Послѣдствія этой, въ полномъ смыслѣ слова, революціонной мѣры [1]), вызванной ходатайствами консервативнѣйшаго изъ всѣхъ сословій въ мірѣ, стали обнаруживаться очень скоро, но обратили на себя вниманіе высшаго правительства не ранѣе какъ въ сороковыхъ годахъ, послѣ продолжительныхъ волненій и цѣлаго ряда экзекуцій, сперва въ Лифляндіи, а потомъ въ Эстляндіи (въ Курляндіи, гдѣ гораздо раньше, чѣмъ въ двухъ другихъ Балтійскихъ губерніяхъ, вошли въ обычай наслѣдственныя аренды и денежный оброкъ, крестьяне, до исхода пятидесятыхъ годовъ, находились въ положеніи сравнительно лучшемъ).—„Собственно говоря, только тогда (въ 1816—1819 годахъ) балтійскіе помѣщики и покорили себѣ весь край"—такъ выражается одинъ изъ тамошнихъ публицистовъ, притомъ дворянинъ и помѣщикъ.—„Да, говоритъ другой—это была конечно ошибка, разумѣется невольная и притомъ единственная, тогдашняго главнаго двигателя крестьянскаго дѣла, ландрата Самсона" [2])—(невольная ошибка одного изъ умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ дѣльцевъ Балтійскаго края!) А вотъ, въ заключеніе, приговоръ самого правительства, выраженный въ одномъ изъ журналовъ Государственнаго Совѣта: „Отъ новаго порядка, благосостояніе крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ." Какъ на ближайшую причину этого прискорбнаго явленія единогласныя свидѣтельства указывали, съ одной стороны, на систематическое отобраніе у крестьянъ лучшихъ земель, съ другой—на крайнюю обременительность ихъ повинностей. Послѣднее обстоятельство было такъ очевидно, что правительство вынуждено было наскоро (въ 1845 году) вернуться до нѣкоторой степени къ прежней, шведской системѣ и ограничить

---

[1]) Я называю ее революціонной, во-первыхъ, какъ радикальный разрывъ съ историческимъ прошедшимъ и легкомысленное упраздненіе сложившагося факта во имя отвлеченной теоріи; во-вторыхъ, какъ попытку осчастливить цѣлое сословіе, не принимая нисколько въ соображеніе собственныхъ его требованій, ожиданій и надеждъ, даже не справляясь съ ними.

[2]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 79.

размѣръ барщины высшею нормою, которой помѣщикъ не долженъ былъ переступать. Затѣмъ, изысканіе мѣръ къ прочному улучшенію быта поселянъ, правительство, по заведенному порядку, возложило опять таки на мѣстное дворянство, которое подслужилось ему такимъ добрымъ совѣтомъ въ 1816—1819 годахъ. Лифляндія управилась съ этою задачею прежде Эстляндіи; проектъ былъ составленъ, разсмотрѣнъ княземъ Суворовымъ, который не только одобрилъ, но даже расхвалилъ его, внесенъ въ остзейскій комитетъ, оттуда, минуя Государственный Совѣтъ [1]), представленъ на Высочайшее утвержденіе и введенъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта, на 6 лѣтъ (опытъ этотъ однако продолжался до 1860 года). И что же? Параграфомъ восьмымъ этого новаго Положенія, задуманнаго для исправленія столь чистосердечно и ясно сознанныхъ ошибокъ 1819 года, дается помѣщикамъ право, при регулированіи (отграниченіи) такъ называемой повинностной земли [2]), присоединить къ мызнымъ землямъ около трети земли, доселѣ во владѣніи крестьянъ состоящей, а параграфомъ вторымъ того же Положенія, всякое опредѣленіе размѣра повинностей, основанное на поземельной оцѣнкѣ, окончательно устраняется, какъ дѣло будто бы на основаніи опыта признанное не возможнымъ, по чрезвычайной обширности Лиф-

[1]) Государственный Совѣтъ разсматривалъ только часть этого проекта, именно положеніе о непрерывно доходномъ банкѣ, а все остальное, то есть самое существенное, призналъ окончательно рѣшеннымъ, въ силу Высочайше утвержденнаго Журнала остзейскаго комитета (Журналъ депар. госуд. экон. 28 мая и Общее собр. 6 іюня 1849).

[2]) Этотъ варварскій терминъ (Gehorchsland) выдуманъ и введенъ въ оффиціальное употребленіе съ единственною цѣлью вытѣснить прежній, историческій терминъ крестьянской земли (Bauerland). По этому поводу, я припоминаю, что ни одинъ изъ помѣщиковъ Сѣверо-и Югозападнаго края, принимавшихъ участіе въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій въ качествѣ членовъ коммиссій или депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, ни разу, ни на бумагѣ, ни въ разговорахъ, не назвалъ поземельнаго надѣла крестьянскою или мірскою землею. Они называли ее всегда малымъ владѣніемъ или малою собственностью. Такъ точно и теперь, ирландскіе помѣщики доказываютъ, что въ Ирландіи вовсе нѣтъ крестьянъ, а есть мелкіе фермеры. Поразительно это единство пріемовъ, при единствѣ побужденій, безъ всякихъ соглашеній или стачекъ.

ляндіи и по необыкновенной разносвойственности ея почвы. Иными словами: наше правительство не только не разрѣшило, но заявило себя навсегда несостоятельнымъ когда-либо разрѣшить въ одной губерніи ту задачу, которая, въ XVII вѣкѣ, была разрѣшена съ полнымъ успѣхомъ правительствомъ шведскимъ, была разрѣшена или разрѣшалась почти во всей Германіи, наконецъ, спустя девять лѣтъ, была возбуждена нашимъ же правительствомъ въ примѣненіи къ цѣлой Россіи и разрѣшена имъ спустя двѣнадцать лѣтъ [1]). Можно конечно до нѣкоторой степени примириться съ мыслью, что въ 1849 году правительство не имѣло еще случая выяснить себѣ главныя условія прочнаго обезпеченія крестьянскаго быта; но къ чему же было связывать себя напередъ, отнимая у себя право прибѣгнуть впослѣдствіи къ системѣ, не только не опровергнутой опытомъ, но въ то время у насъ даже серьезно еще не испробованной? При этомъ, была ли надобность, даже умѣстно ли было, вносить такую декларацію принципа въ крестьянское уложеніе, которое, въ добавокъ, вводилось въ видѣ опыта, и въ пригодности котораго само правительство, какъ видно, далеко не было убѣждено? Одною этою декларацією, правительство испортило все дѣло, не только въ настоящемъ но и въ будущемъ, лишило себя возможности поправить его, не впадая съ самимъ собою въ явное противорѣчіе, и добровольно выпустило всю суть вопроса изъ своихъ рукъ. Но это еще не все: даже только что передъ этимъ изданное постановленіе о высшемъ размѣрѣ барщины почему-то не нашло себѣ мѣста въ новомъ Положеніи 1849 года, хотя въ немъ были сведены и соглашены всѣ прежніе законы, циркуляры и мѣстныя распоряженія о крестьянахъ, и хотя, въ числѣ другихъ его достоинствъ, князь Суворовъ указывалъ именно на полноту этого Свода. Со стороны высшаго правительства, какъ видно изъ послѣдующаго дѣлопроизводства,

[1]) Кстати напомнить, что въ этой обширной Лифляндіи, въ которой цѣнность или доходность земли составляетъ будтобы неопредѣлимую величину, издавна существуетъ правильно устроенный поземельный кредитъ, которымъ не безъ причины хвалится тамошнее дворянство, и котораго главныя основанія заключаются въ правилахъ шведской оцѣнки.

это былъ простой недосмотръ; но примѣнимо ли это оправданіе къ дворянской коммиссіи сочинявшей проектъ положенія, къ лифляндскому ландтагу, который такъ долго взвѣшивалъ и обдумывалъ каждую его статью, наконецъ, къ ближайшей мѣстной власти, подъ наблюденіемъ которой положеніе изготовлялось и которая разсматривала его въ два если не въ три пріема?

Къ сожалѣнію, началамъ системы принятой въ 1849 г., правительство осталось вѣрно во всѣхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ изданныхъ имъ для трехъ Балтійскихъ губерній. Съ одной стороны, какъ будто связанное страннымъ запретомъ, имъ самимъ на себя наложеннымъ, или отуманенное напущенными на него софизмами, оно и не возбуждало вопроса о законодательномъ опредѣленіи размѣра крестьянскихъ повинностей, не только въ то время когда это вмѣнялось въ непремѣнную обязанность открытымъ во всей Россіи губернскимъ комитетамъ, но даже по утвержденіи Положенія 19 февраля 1861 года и по введеніи его въ дѣйствіе. О томъ, чтò казалось возможнымъ, естественнымъ и необходимымъ для огражденія русскихъ крестьянъ отъ русскихъ помѣщиковъ, о томъ, противъ чего почти никто изъ послѣднихъ даже не спорилъ, правительство какъ будто не дерзало и подумать въ примѣненіи къ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи.—„Какъ можно! Это все хорошо для полудикой страны, въ которой ничто не дѣлается иначе какъ изъ-подъ палки, по принужденію; но съ чего бы прибѣгать къ такимъ средствамъ въ благодатной странѣ гдѣ все разрѣшается само собою, полюбовными сдѣлками? У насъ вѣдь царство свободы! Давайте намъ только почаще воинскія команды, какъ только мы ихъ потребуемъ, да не мѣшайте намъ расправляться по своему съ злонамѣренными подстрекателями, и вы увидите какъ скоро водворятся между крестьянами и нами нормальныя отношенія, плодъ добровольныхъ соглашеній"—вотъ въ сущности чтò говорили, писали и чтò повторяютъ до сихъ поръ балтійскіе дворяне и публицисты. Не знаю вполнѣ ли они убѣдили правительство, но, во всякомъ случаѣ, судя по его дѣйствіямъ, оно вѣрило имъ безусловно: въ воинскихъ командахъ для подкрѣпленія теоріи

экономической свободы никогда не отказывало и терпѣливо выжидало, до сихъ поръ выжидаетъ, пока желанная гармонія нормальныхъ отношеній сама собою осуществится. Въ Лифляндіи, Положеніемъ 1860 года, высшій предѣлъ (maximum) барщины былъ однако возстановленъ; въ Эстляндіи, онъ былъ сохраненъ; но предѣлъ, въ этой послѣдней губерніи, былъ поднятъ на такую высоту, до которой не было физической возможности достигнуть — вотъ все чтó было сдѣлано для огражденія крестьянъ отъ вымогательствъ. Это было конечно не много; но все-таки это было что-нибудь; по крайней мѣрѣ, крестьянинъ отбывавшій барщину былъ обезпеченъ въ томъ отношеніи, что пока онъ исправно исполнялъ свои работы, помѣщикъ не имѣлъ права удалить его съ усадьбы подъ предлогомъ увеличенія повинности, даже по истеченіи контрактнаго срока.

Съ другой стороны, правительство продолжало, съ непостижимою легкостью, разрѣшать урѣзки отъ крестьянскихъ земель, то по поводу отобранія неправильно захваченныхъ полосокъ, то по поводу размежеванія и округленія усадьбъ, то наконецъ по поводу введенія денежнаго оброка, какъ бы въ вознагражденіе владѣльцевъ за отмѣну барщины. На этомъ послѣднемъ основаніи, эстляндскимъ помѣщикамъ въ 1856 году (ст. 17. Полож. 5 іюля 1856 года) а эзельскимъ въ 1865 (ст. 8. Полож. 19 февраля 1865 года) дано было право отобрать и прирѣзать къ мызнымъ землямъ до $^1/_6$ земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ, притомъ по выбору и усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ—позволительно думать что выборъ ихъ палъ не на худшіе участки. Здѣсь, невольно, приходитъ на мысль сравненіе Въ царствѣ свободы (то есть въ Балтійскихъ губерніяхъ) существуетъ, какъ всѣмъ извѣстно, очень и даже слишкомъ многочисленное сельское батрачество; крестьяне хозяева всегда держали при себѣ батраковъ, отбывавшихъ за нихъ почти всѣ работы на помѣщичьихъ хуторахъ, да и помѣщики, въ подспорье къ барщинѣ, постоянно прибѣгали къ наемнымъ работникамъ изъ того же класса сельскихъ батраковъ; на оборотъ, во внутреннихъ губерніяхъ полудикой Россіи, въ мѣстностяхъ издѣльныхъ, по свойству господствующей у насъ системы

землевладѣнія, батрачество составляло крайне рѣдкое исключеніе, и помѣщики располагали на барщинѣ исключительно рабочими силами тяглыхъ, то есть надѣленныхъ землею крестьянъ. Итакъ, скорѣе можно было опасаться, что у насъ, а не въ Балтійскихъ губерніяхъ, съ отмѣною барщины, окажется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и наступитъ для помѣщиковъ тяжелый хозяйственный кризисъ; поэтому, естественнѣе, по крайней мѣрѣ извинительнѣе было бы помѣщикамъ центральныхъ губерній выпрашивать себѣ, по поводу перехода на оброкъ, какого-либо вознагражденія на счетъ крестьянскихъ надѣловъ. Но къ чести нашего дворянства, никто, сколько мнѣ извѣстно, и не подумалъ предъявить подобное требованіе; по крайней мѣрѣ, оно никогда не доходило до обсужденія, а въ Балтійскихъ губерніяхъ, оно не только было предъявлено цѣлымъ сословіемъ, но было признано и удовлетворено правительствомъ, даже безъ всякихъ возраженій или споровъ. Очевидно: полудикая Россія не считалась примѣромъ для царства свободы; прибавлю, что къ счастью нашему, и мы не брали въ то время царства свободы за образецъ для нашей полудикой страны.

До сихъ поръ, рѣчь шла о Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то тамъ правительство даже и не помышляло ни объ установленіи высшаго предѣла повинностей, ни о предупрежденіи обезземеленія крестьянъ, не смотря на то, что именно въ этой послѣдней губерніи, какъ будто захотѣвшей разомъ догнать Лифляндію и Эстляндію, систематическое упраздненіе крестьянскихъ дворовъ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, приняло характеръ какой-то лихорадочной спекуляціи и производилось въ громадныхъ, дотолѣ неслыханныхъ размѣрахъ. Дѣло наконецъ дошло до того, что въ 1867 году, само курляндское дворянство, добровольно, издало постановленіе (конечно обязательное только для частныхъ лицъ, а не для всего сословія) которымъ запретило всякія дальнѣйшія урѣзки крестьянскихъ участковъ. Видно ужъ нечѣмъ было поживиться на счетъ крестьянъ.

Все это разрѣшалось и попускалось, на все это правительство смотрѣло сквозь пальцы, въ видахъ, во-первыхъ:

скорѣйшаго переложенія барщины на денежную повинность и, во-вторыхъ, выкупа крестьянскихъ земель. Къ этимъ двумъ цѣлямъ стремилось оно въ послѣднее время, и стремленію его, повидимому, вполнѣ сочувствовали балтійскіе помѣщики, почему-то вдругъ преисполнившіеся какого-то несказаннаго омерзѣнія къ барщинѣ. На ландтагахъ и во всѣхъ своихъ проектахъ, дворянство не переставало твердить, что издѣльная повинннность отжила свой вѣкъ, что скоро пробьетъ ея послѣдній часъ, и что уже теперь должно смотрѣть на нее какъ на преходящую, временную, только что терпимую форму хозяйственныхъ отношеній; правительство, слыша такія сужденія, радовалось, благодарило, кланялось на всѣ три стороны и повторяло вслѣдъ за дворянствомъ, что о барщинѣ много толковать не стоитъ, такъ какъ уже въ 1849 году она была окончательно признана формою несостоятельною и несвоевременною. Не знаю только: много ли отъ такого признанія стало легче тѣмъ крестьянамъ, которые, послѣ этого въ продолженіи цѣлыхъ 18-ти лѣтъ, по прежнему сѣяли, жали и молотили по наряду господскій хлѣбъ?—Посмотримъ же какъ совершилось въ Балтійскомъ краѣ переложеніе барщины на денежный оброкъ и какъ производится выкупъ крестьянскихъ земель. Такъ какъ я пишу преимущественно для русскихъ читателей, то прибѣгну опять къ сравненію порядка вещей введеннаго во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, въ 1861 году, съ порядкомъ почти единовременно установленнымъ, по распоряженію того же правительства, въ Балтійскомъ краѣ.

У насъ, никто не можетъ заставить крестьянина, состоящаго на барщинѣ, платить за землю, которою онъ пользуется, деньгами; но крестьянинъ можетъ, когда самъ захочетъ, освободиться отъ барщины и замѣнить ее денежною повинностью. Итакъ, у насъ, крестьянинъ переходитъ на оброкъ; это его право.

Въ Балтійскомъ краѣ, въ странѣ свободы, почему-то не догадались предоставить крестьянину такое же право, а вмѣсто этого, дали право помѣщику, по своему усмотрѣнію, отмѣнять барщину и требовать, чтобы крестьянинъ, арендующій у него усадьбу расплачивался за нее не работами, а

деньгами [1]). Безъ согласія помѣщика, крестьянинъ не могъ перейти съ издѣльной повинности на денежную; но когда помѣщикъ требовалъ оброка вмѣсто рабочихъ дней, крестьянинъ долженъ былъ покориться его требованію или сойти съ усадьбы. Итакъ, въ странѣ свободы, крестьянинъ не переходилъ, а переводился на оброкъ.

Далѣе, въ полудикой Россіи, размѣръ оброка установленъ закономъ и, въ точности, означенъ въ Уставной Грамотѣ; бо̀льшаго помѣщикъ требовать не можетъ и потому, переходя съ барщины на оброкъ, крестьянинъ переходитъ съ извѣстной, опредѣленной закономъ, на извѣстную же, тѣмъ же закономъ опредѣленную повинность. Не такъ въ странѣ свободы. Какъ было сказано выше, въ Лифляндіи и Эстляндіи, правительство ограничило вымогательства помѣщиковъ опредѣленіемъ высшаго размѣра барщины; но никакого подобнаго постановленія относительно денежнаго оброка издано не было; здѣсь, помѣщикъ можетъ требовать чего хочетъ, а крестьянинъ жаловаться не въ правѣ. Итакъ, въ странѣ свободы, переводъ съ барщины на оброкъ значитъ переводъ съ повинности, которой положенъ былъ предѣлъ, на повинность, которая можетъ быть возвышаема безъ ограниченія, по личному усмотрѣнію взимающаго ее. Ужъ не оттого ли балтійское дворянство такъ искренно возненавидѣло барщину, съ 1846 года, и такъ полюбило оброкъ, о которомъ (по крайней мѣрѣ, въ Лифляндіи и Эстляндіи) оно до этого времени не хотѣло и слышать?

Наконецъ, у насъ, поземельныя права крестьянъ, при замѣнѣ барщины оброкомъ, ни въ чемъ не измѣняются и нисколько не колеблются; чѣмъ владѣли издѣльные крестьяне, тѣмъ же владѣютъ и оброчные, такъ что потери для нихъ отъ перехода на оброкъ, въ этомъ отношеніи, нѣтъ и не можетъ быть. Въ Балтійскомъ краѣ, введеніе оброчной повинности навело помѣщиковъ на изобрѣтеніе новаго предлога къ удаленію хозяевъ изъ арендуемыхъ ими усадьбъ. Въ силу новѣйшихъ положеній, изданныхъ для Лифляндіи,

---

[1]) Впослѣдствіи, назначенъ былъ общій срокъ, къ которому помѣщики обязаны были отмѣнить отбываніе барщины.

Эстляндіи и Курляндіи, помѣщикъ объявляетъ крестьянину-хозяину, что онъ, помѣщикъ, отмѣняетъ барщину и требуетъ денежнаго оброка въ такомъ-то размѣрѣ; затѣмъ онъ спрашиваетъ у крестьянина согласенъ ли онъ платить такой оброкъ? Крестьянинъ божится и клянется, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не успѣлъ приготовиться, и умоляетъ продержать его еще годъ или два на барщинѣ; но помѣщикъ мотаетъ головою и говоритъ: „Не могу, любезный, и не хочу; барщина мнѣ надоѣла; это негодная, временная форма и, выводя ее въ своемъ имѣніи, я исполняю волю правительства. Рѣшайся, или—долой съ усадьбы; охотниковъ до нея довольно и мѣсто не останется празднымъ; ко мнѣ ужъ набиваются такой-то и такой-то“.—Крестьянинъ, покряхтѣвъ, предлагаетъ оброкъ на половину или на одну треть ниже назначеннаго помѣщикомъ, объясняя, что, по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, онъ не въ состояніи платить больше, но помѣщикъ твердо стоитъ на своемъ и, если крестьянинъ не соглашается подчиниться его требованіямъ, то онъ сгоняетъ его и передаетъ усадьбу другому, болѣе сговорчивому, болѣе состоятельному, или менѣе осторожному хозяину. Само собою разумѣется, что нѣтъ причины предполагать, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при введеніи оброка вмѣсто прежней барщины, крестьянскій дворъ переходилъ непремѣнно въ другія руки; но довольно и того, что эта операція допускается закономъ. Помѣщикъ, по предоставленному ему праву, сдаетъ участокъ какъ бы съ торговъ, тому кто предложитъ за него высшую плату, помимо прежняго хозяина. То же самое повторяется при каждой переоброчкѣ участка, по истеченіи контрактнаго срока. Повторяю—это не злоупотребленіе, а законъ, и потому прежній хозяинъ, превратившійся вдругъ въ бездомнаго бобыля, не въ правѣ на это жаловаться. Помочь ему въ этомъ горѣ никто не можетъ, ибо нѣтъ правила, которое бы ограничивало произволъ помѣщика въ запросѣ оброка, а нѣтъ такого правила потому, что правительство, еще въ 1849 г., признало соразмѣреніе повинностей съ цѣнностью земли задачею неразрѣшимою, а признало оно эту задачу неразрѣшимою потому, что Балтійскій край чрезвычайно обширенъ (вѣроятно по сравненію съ остальною Рос-

сіею) и что почва въ немъ разнокачественна. Мы видѣли что̀ значитъ введеніе денежнаго оброка въ полудикой Россіи, гдѣ личность подавляется деспотизмомъ общины, (какъ выражаются балтійскіе бароны) и въ благословенной странѣ свободы, гдѣ такъ высоко уважается и такъ бережно охраняется право личное.

Теперь перейдемъ къ выкупу. Объ немъ начали толковать и сочинять правила съ 1845 года; въ 1849 году, въ Лифляндіи, открытъ былъ крестьянскій непрерывно-доходный банкъ, въ видахъ облегченія выкупа крестьянскихъ земель; но онъ не оправдалъ ожиданій и черезъ нѣсколько лѣтъ прекратилъ свои дѣйствія Немного спустя, когда, послѣ благополучнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса у насъ, стали обнаруживаться между крестьянами Прибалтійскихъ губерній признаки какого-то нетерпѣливаго ожиданія, правительство выразило твердое свое намѣреніе предоставить имъ дѣйствительную возможность пріобрѣсти въ собственность остатокъ уцѣлѣвшихъ въ ихъ пользованіи земель. Это былъ послѣдній, удобный случай исправить сколько-нибудь рядъ сдѣланныхъ прежде ошибокъ и можно было надѣяться, или (разсуждая съ точки зрѣнія балтійскаго рыцарства) можно было опасаться, что хоть на сей разъ, правительство взглянетъ на дѣло своими глазами, тѣми же, какими оно смотрѣло на него въ 1861 году, въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; но и эта надежда не сбылась.

У насъ (по Положенію 19 февр. 1861 года) [1]) да и не только у насъ, а также въ Пруссіи, въ Австріи и въ другихъ земляхъ, выкупная операція (Ablösung, rachat) имѣетъ цѣлью возвести право обезпеченнаго пользованія крестьянскою землею въ право полной собственности; въ этомъ смыслѣ, она по справедливости разсматривается какъ завершеніе крестьянской реформы и этимъ отличается отъ всякой обыкновенной покупки и продажи. Иными словами: выкупная операція предпринимается вовсе не въ тѣхъ видахъ, чтобы та

[1]) Я намѣренно не привожу для сравненія законоположеній изданныхъ для Польши и для Западнаго края, такъ какъ читатели могли бы сказать, что въ этихъ мѣстностяхъ, политическія соображенія имѣли вліяніе на разрѣшеніе хозяйственнаго вопроса.

или другая полоска земли отошла отъ цѣлаго имѣнія и, изъ рукъ помѣщика, перешла въ чьи-нибудь иныя руки, а чтобъ она сдѣлалась собственностью именно того лица, юридическаго или физическаго (цѣлаго общества или семейства взятаго порознь) которое этою землею пользовалось. Отсюда вытекаетъ естественно, какъ непремѣнное условіе выкупной операціи, что выкупной платежъ долженъ быть соразмѣренъ съ средствами выкупающихъ, слѣдовательно: размѣръ его долженъ быть болѣе или менѣе точно опредѣленъ закономъ и, разумѣется, опредѣленіе это ни на чемъ иномъ основано быть не можетъ какъ на повинности, которою оплачивалось пользованіе выкупаемымъ участкомъ.

Въ Положеніи 19 февраля 1861 года, это начало выдержано во всей строгости и оттого въ тѣхъ мѣстностяхъ на которыя распространяется его дѣйствіе, выкупъ, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ не представлять для крестьянъ особенныхъ выгодъ; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ ставить ихъ въ необходимость подчиниться условіямъ болѣе для нихъ тягостнымъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ они держатъ помѣщичью землю въ обязательномъ пользованіи.

Совершенно иное представляется намъ въ Балтійскомъ краѣ. Во исполненіе требованія правительства, дворянство подвернуло ему проекты положеній не о выкупѣ (въ томъ смыслѣ какой это слово имѣетъ вездѣ) а о возможно выгодной для помѣщиковъ продажѣ земель состоящихъ въ пользованіи крестьянъ. Сущность этихъ проектовъ заключалась въ слѣдующемъ. Крестьянину, ни въ какомъ случаѣ, не предоставляется права требовать, чтобы ему была продана хотя бы самомалѣйшая часть земли состоящей подъ его усадьбою — продать или не продавать зависитъ исключительно и безусловно отъ доброй воли помѣщика. Напротивъ, послѣднему предоставлена въ этомъ дѣлѣ полная иниціатива. Онъ можетъ, во всякое время, пустить участокъ въ продажу и пріискивать себѣ покупщика, гдѣ ему вздумается, не выжидая запроса со стороны хозяина участка. Рѣшившись на продажу, помѣщикъ назначаетъ цѣну по своему усмотрѣнію — въ этомъ отношеніи, требованіямъ его не полагается никакихъ границъ. Затѣмъ, если крестьянинъ сидящій на продаваемой

землѣ не захочетъ купить ее, или найдетъ цѣну слишкомъ высокою, или признàетъ себя несостоятельнымъ къ ея уплатѣ, то ничто не мѣшаетъ помѣщику, помимо хозяина усадьбы, продать ее стороннему лицу, тому кто дастъ за нее больше, или кого онъ излюбитъ, хотя бы даже и не крестьянину (то есть не лицу записанному въ крестьянскій окладъ) а кому бы то ни было, мѣщанину, биргеру, пришедшему изъ Пруссіи колонисту, даже своему брату дворянину, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы покупщикъ причислился къ мѣстному волостному союзу, конечно не теряя при этомъ личныхъ правъ присвоенныхъ его состоянію. Въ такомъ случаѣ, такъ же какъ и при переводѣ на оброкъ или при возвышеніи оброка, прежній хозяинъ, отказавшійся, по неимѣнію средствъ, заплатить за свою усадьбу цѣну дѣйствительно или будто бы предлагаемую другимъ лицемъ, сгоняется со двора и остается безъ земли. Проекты, на изложенныхъ основаніяхъ выработанные мѣстными ландтагами, были утверждены правительствомъ безъ всякихъ измѣненій. Въ изданныхъ имъ законоположеніяхъ, вышеописанныя операціи названы: одна—непринужденнымъ введеніемъ оброчной системы, другая—свободнымъ и полюбовнымъ пріобрѣтеніемъ недвижимой собственности. На словахъ, это выходитъ благовидно, пожалуй даже умилительно; но переведите балтійскую терминологію на языкъ правды, и передъ вами раскроются осязательные результаты нашей слѣпой довѣрчивости. Личное поземельное право каждаго крестьянина владѣющаго усадьбою теперь окончательно отдано въ жертву произволу землевладѣльца, такъ какъ нежеланіе или неспособность крестьянина подчиниться ничѣмъ не ограниченнымъ требованіямъ помѣщика, какъ при замѣнѣ барщины оброкомъ, или при возвышеніи прежняго оброка, такъ и при выкупѣ, признаются законными поводами къ удаленію крестьянина изъ его усадьбы. Послѣднее право, которымъ все еще пользовались крестьяне какъ сословіе, именно: право, за исключеніемъ всѣхъ другихъ сословій, владѣть крестьянскою землею, теперь у нихъ отнято, такъ какъ всѣ желающіе, безъ различія званія и происхожденія допускаются къ пріобрѣтенію въ собственность крестьянскихъ усадьбъ. Наконецъ, по-

мѣщику дана полная возможность, подъ угрозою отобранія усадьбы у владѣющаго ею хозяина, вытянуть изъ него оброкъ или выкупъ несоразмѣрный, не только съ личными его средствами, но и съ цѣнностью самой усадьбы.

На это обыкновенно отвѣчаютъ, что вѣдь въ странѣ экономической свободы крестьянинъ не привинченъ къ своей усадьбѣ; законъ не обязываетъ его, противъ воли, держать помѣщичью землю и отбывать за нее повинность—тамъ вѣдь не то, что въ остальной Россіи: общинное владѣніе и круговая порука не сковываютъ рабочихъ силъ и не парализируютъ личной предпріимчивости; находитъ крестьянинъ, что предлагаемыя ему условія найма или покупки для него выгодны, онъ беретъ землю, а покажутся ему условія тягостными, онъ оставляетъ ее и уходитъ, куда хочетъ. На то его воля, которой никто не стѣсняетъ. Какъ же бы могъ помѣщикъ навязывать ему оброкъ или выкупъ?...

Все это однако не болѣе какъ фикція (если не злая насмѣшка). Всмотритесь серьезно въ хозяйственную обстановку прибалтійскихъ крестьянъ, и вы убѣдитесь, что, при заключеніи условій о наймѣ или о покупкѣ земли, равновѣсіе между свободнымъ запросомъ и свободнымъ предложеніемъ нарушается къ ущербу крестьянъ давленіемъ гнетущей нужды, силы не всѣмъ знакомой по личному опыту, но всемогущей надъ судьбою милліоновъ подвергающихся ея дѣйствію. Во-первыхъ, со времени упраздненія на бумагѣ личнаго крѣпостного права (въ 1816—1819) по настоящее время, число крестьянскихъ дворовъ (я разумѣю дворовъ тяглыхъ—Gesindewirthschaften) не смотря на прибыль сельскаго народонаселенія, въ общей сложности, не увеличилось, если не уменьшилось. Напримѣръ, въ Лифляндіи, сельское народонаселеніе составляетъ около 700,000 душъ; — тяглыхъ крестьянскихъ дворовъ, Гупель насчитывалъ въ 1789 году около 40,000, со включеніемъ дворовъ не надѣленныхъ пахотною землею (Loostreiberhütten) 40,900; а коммиссія, приводившая въ дѣйствіе Положеніе 1849 года, нашла уже не болѣе 38,962 крестьянскихъ дворовъ вообще [1]). Понятно, что при столь явной не-

[1]) Die Intensität der Livländischen Landwirthschaft etc. von C. Hehn Dorpat. 1858.

соразмѣрности числа дворовъ съ числомъ душъ, на каждое опроставшееся мѣсто является множество охотниковъ, вслѣдствіе чего, между съемщиками или покупщиками, открывается конкурренція для нихъ убійственная, но очень выгодная для отдатчика, у котораго крестьянскія земли разбираются на расхватъ. Во-вторыхъ, сельское народонаселеніе въ Балтійскомъ краѣ частью по неспособности или непривычкѣ, частью благодаря дѣйствію прежнихъ законовъ, не знаетъ почти никакихъ промысловъ и добываетъ себѣ пропитаніе исключительно земледѣліемъ. Тамошній крестьянинъ можетъ быть только пахаремъ или сельскимъ батракомъ; но прежде чѣмъ хозяинъ разжалуетъ себя въ батраки, онъ полѣзетъ въ петлю. Въ третьихъ, все имущество тяглаго крестьянина, иначе хозяина, заключается въ лошади, рабочемъ скотѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ; лишившись неожиданно осѣдлости, съ такого рода движимостью управиться невозможно; она обращается въ тягость и потому остается, поскорѣе, сбыть ее за безцѣнокъ, то есть разориться въ конецъ. Прибавьте къ этому естественную, до страсти доходящую, очень часто нерасчетливую привязанность крестьянина къ насиженному мѣсту, къ дому, который онъ выстроилъ или, по крайней мѣрѣ, чинилъ и поддерживалъ, къ полю, которое онъ удобрилъ, къ кустовой землѣ (Buschland), которую онъ распахалъ, очистилъ, изъ которой онъ создалъ пашню, и вы конечно согласитесь, что вовсе не трудно, пригрозивъ ему удаленіемъ изъ усадьбы, довести его до принятія условій для него не только не выгодныхъ, но даже разорительныхъ. Наконецъ, къ указаннымъ побужденіямъ, въ большей или меньшей степени дѣйствующимъ и въ другихъ мѣстностяхъ, присоединяется еще одно, особенное, можетъ быть не всѣмъ читателямъ извѣстное, такъ какъ оно нигдѣ не встрѣчается кромѣ Балтійскихъ губерній.

По дѣйствующимъ въ нихъ законамъ, крестьяне - хозяева (Gesindewirthe) и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ нареченные наслѣдники по хозяйству, не призываются къ рекрутскому жеребью; но лишаясь усадьбы, то есть переставая быть хозяевами, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаются и этой льготы и подпадаютъ подъ общее правило. Итакъ, можно сказать, что

казна даритъ балтійскому помѣщику столько рекрутскихъ квитанцій, сколько въ его имѣніи находится тяглыхъ дворовъ; ибо каждый хозяинъ, снимая въ оброчное содержаніе или покупая тяглый участокъ, всякій разъ, сверхъ суммы выражающей доходность или стоимость земли, оплачиваетъ вотчинной конторѣ и стоимость пріобрѣтаемаго имъ изъятія отъ рекрутства. Нельзя конечно оцѣнить въ точности сколько приноситъ помѣщику и во что обходится крестьянину очень понятное желаніе послѣдняго пріобрѣсти или сохранить, во что бы ни стало, эту драгоцѣнную льготу отъ самой тягостной изъ всѣхъ государственныхъ повинностей; но едвали мы ошибемся причисливъ и это желаніе къ причинамъ объясняющимъ баснословно высокіе оброки и выкупные платежи, принимаемые на себя крестьянами непринужденно (какъ гласитъ законъ и какъ говорятъ балтійскіе дворяне) или выжимаемые изъ нихъ (какъ сказалъ бы всякій, не тамошній дворянинъ и не членъ остзейскаго комитета).

Такимъ то образомъ завершилась въ Балтійскомъ краѣ крестьянская реформа. Въ концѣ концевъ, вышло далеко не то чего желало правительство—это очевидно; но дѣло ведено было такъ хитро, что мастерская подтасовка понятій, которою дворянство повѣнчало рядъ своихъ посягательствъ на историческія права крестьянъ и своихъ злоупотребленій довѣріемъ къ нему правительства, своевременно разоблачена не была. Ни волненія и экзекуціи, которыми сопровождалось въ Эстляндіи объявленіе „безпримѣрныхъ пожертвованій принесенныхъ дворянствомъ на пользу крестьянъ“ (такъ оно само аттестовало свой проектъ 1856 года), ни правдивое свидѣтельство довѣреннаго лица бывшаго на мѣстѣ и такъ ясно раскрывшаго обманъ, котораго невольными жертвами сдѣлалось сперва высшее правительство утвердившее этотъ проектъ [1]), а по-

[1]) «Въ основѣ всякаго законоположенія должна лежать правда и безъ нея никакой законъ не можетъ имѣть жизни и смысла; никакія формы и хитросплетенія не устоятъ при практическомъ примѣненіи ихъ къ жизни» — такъ выразился, говоря объ Эстляндскомъ Положеніи 1856 года, генералъ-адъютантъ Исаковъ; но и это сужденіе слишкомъ еще снисходительно. Дворянство торжественно заявило, что оно понижаетъ барщину на 26% (конечно противъ нормы никогда на практикѣ не существовавшей) и, съ свойственнымъ ему

томъ крестьяне не повѣрившіе въ его подлинность, ни добросовѣстный и превосходный трудъ скромнаго Русскаго скрывшаго свое имя (покойнаго Благовѣщенскаго, бывшаго цензора) объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ въ Эстляндіи [1]), ни голосъ курляндскаго дворянина Руттенберга [2]), раздавшійся изъ-за границы въ послѣднюю минуту, никого не вразумили и не предостерегли.

Предположите теперь, что какому-нибудь иностранцу разсказали бы, въ главныхъ чертахъ, ходъ крестьянской реформы въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и ходъ ея въ Балтійскомъ краѣ, не называя ему мѣстностей и не опредѣляя времени. Выслушавъ изложеніе, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ бы, что это двѣ системы, не имѣющія между собою ничего общаго, исходящія изъ совершенно различныхъ воззрѣній, ведущія къ цѣлямъ почти противоположнымъ, и, по всей вѣроятности, приводившіяся въ исполненіе въ двухъ различныхъ государствахъ, двумя различными правительствами. И вѣдь дѣло въ томъ, что иностранецъ былъ бы не такъ далекъ отъ истины какъ могло бы показаться на первый взглядъ [3]). У

самохвальствомъ, прибавило «что другого примѣра подобнаго пожертвованія въ пользу крестьянъ, исторія развитія крестьянскаго быта въ другихъ государствахъ нигдѣ не представляетъ». Къ сожалѣнію, великодушныя пожертвованія дворянства представлены были на утвержденіе правительства въ формѣ столь сложной и преднамѣренно запутанной, что правительство не высмотрѣло правды и почти вынуждено было повѣрить дворянству на слово. Между тѣмъ, на дѣлѣ обнаружилось, не говоря уже о другихъ неожиданностяхъ, что дворянство увеличило размѣръ конной барщины на счетъ пѣшей и, при переводѣ шведской поземельной мѣры на десятины, уменьшило величину поземельной единицы, по которой исчислялась барщина. Положеніе 1856 года, дѣйствительно, не имѣетъ себѣ подобнаго, даже въ Балтійскомъ краѣ, только не въ томъ смыслѣ какъ понимало это дворянство, а какъ идеалъ недобросовѣстности и безстыдства.

[1]) Der Esthe und sein Herr etc. etc. Berlin. 1861.

[2]) Mecklenburg in Kurland и Edelmann und Bauer von Otto von Rutenberg. Leipzig. 1863.

[3]) Иногда, само правительство, какъ будто сознавая невозможность согласить его дѣйствія по крестьянской реформѣ въ Балтійскомъ краѣ съ дѣйствіями его во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, находило не лишнимъ принимать мѣры для предупрежденія сравненій однихъ съ другими. Едвали не въ этихъ видахъ, Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1860 года, изданіе коего совпало

насъ, къ составленію проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ призывались, не дворянскія общества, а губернскіе комитеты состоявшіе изъ дворянъ, частью по назначенію отъ правительства, частью по выбору отъ дворянства; эти комитеты работали по заданной имъ программѣ, въ предѣлахъ заранѣе опредѣленныхъ общихъ началъ; въ случаѣ разногласій между членами комитетовъ, до высшаго правительства доводились и, въ послѣдующихъ работахъ, принимались въ соображеніе предположенія и мнѣнія не только большинства, но и меньшинства. Совершенно иначе шло дѣло въ Балтійскомъ краѣ. Тамъ правительство почти никогда не ограничивало изобрѣтательности составителей проектовъ какими-либо предустановленными началами, а довольствовалось простымъ заявленіемъ своихъ намѣреній или желаній; затѣмъ, предположенія, выработанныя приготовительными дворянскими коммиссіями, поступали на предварительное разсмотрѣніе всего дворянства, собраннаго на ландтагъ. Тамъ они обыкновенно встрѣчали сильныя возраженія и возбуждали горячіе споры, о которыхъ до правительства едва едва доходили темные и неопредѣленные слухи; предположенія неодобренныя большинствомъ собраній отбрасывались окончательно, слѣдовательно пропадали безслѣдно для дальнѣйшей разработки вопроса, и наконецъ, на утвержденіе высшаго правительства восходили уже проекты представляемые отъ лица цѣлыхъ дворянскихъ обществъ и облеченные въ форму сословныхъ постановленій. Я считаю излишнимъ налегать на существенное значеніе указанной мною разницы; пусть самъ читатель сообразитъ какое направленіе могла бы принять у насъ крестьянская реформа, если бы проекты губернскихъ комитетовъ, до отсылки ихъ въ Петербургъ, предварительно процѣживались сквозь цензурное рѣшето дворянскихъ собраній?

Далѣе, у насъ, Положеніе 19 февр. 1861 г. разсматривалось порядкомъ законодательнымъ, сперва въ главномъ ко-

---

по времени съ окончаніемъ законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу у насъ, не было пущено въ продажу. Всѣ печатные экземпляры этого Положенія, до сихъ поръ, лежатъ заарестованными въ Сенатской книжной лавкѣ.

митетѣ, потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и приведено было въ дѣйствіе какъ окончательно утвержденный законъ. Иной порядокъ установился на практикѣ для дѣлъ Балтійскаго края. Проекты дворянскихъ обществъ объ устройствѣ быта тамошнихъ крестьянъ поступали всегда на разсмотрѣніе комитета остзейскихъ дѣлъ [1]); оттуда почти всегда восходили прямо на Высочайшее утвержденіе и, подъ разными предлогами, по признанной ли недостаточности разработки вопроса, или просто для выигранія времени, немедленно приводились въ дѣйствіе въ видѣ опыта, иногда на опредѣленный срокъ, который потомъ обыкновенно растягивался, а иногда безъ опредѣленія срока, впредь до разсмотрѣнія дѣла законодательнымъ порядкомъ [2]). Такимъ

[1]) Остзейскій комитетъ состоялъ прежде подъ предсѣдательствомъ покойнаго графа Палена, а нынѣ собирается подъ предсѣдательствомъ ген. Гринвальда, иногда князя Суворова; въ составъ его, для обсужденія крестьянскихъ дѣлъ, въ послѣднее время, часто приглашались депутаты отъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, или тамошніе губернскіе предводители. Подъ Положеніемъ 18 февраля 1866 года, мы находимъ подписи: ген. Гринвальда, князя Суворова, барона Палена, графа Шувалова, мин. в. д. Валуева, мин. г. и. Зеленаго. Подъ Положеніемъ 19 февраля того жъ года, подписи: ген. Гринвальда, князя Суворова, графа Шувалова, князя Ливена, барона Палена, барона Рекке, мин. в. д. Валуева и мин. г. и. Зеленаго. Послѣдній приглашался, какъ говорятъ, въ качествѣ депутата отъ Россіи.

[2]) Утверждены не законодательнымъ порядкомъ, по докладамъ остзейскаго комитета, минуя Государственный Совѣтъ, и введены въ дѣйствіе въ видѣ опыта: Лифляндское Крестьянское Уложеніе 1849 (введено въ видѣ опыта на шесть лѣтъ и просуществовало безъ малаго двѣнадцать, до 1860 года); Эзельское 1865; Дополнительныя Правила 1859 къ Эстляндскому Положенію 1856 (введены въ видѣ опыта на три года, оставлены въ силѣ еще на шесть и, до сихъ поръ, законодательнымъ порядкомъ не разсмотрѣны и не утверждены); другія правила изданныя для той же губерніи въ 1866 (18 марта и 18 февраля); Курляндское Положеніе 1863; общее для трехъ Балтійскихъ губерній Положеніе объ устройствѣ волостей 1866 и того жъ года правила о благоустройствѣ въ волостяхъ. Всякій понимаетъ, что этотъ особенный и едва ли не безпримѣрный способъ утвержденія и введенія въ дѣйствіе законовъ, установился только потому, что балтійское дворянство находило для себя выгоднымъ отсрочивать до послѣдней возможности разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ изобрѣтаемыхъ имъ мѣръ; правительство же, въ этомъ случаѣ, отступая отъ общаго порядка, оказывало можетъ быть излишнюю уступчивость балтійскимъ вліяніямъ; а между тѣмъ, тамошніе публицисты, въ награду за это, надъ нимъ

образомъ, къ обсужденію самыхъ важныхъ законодательныхъ мѣръ, часто по существу дѣла неисправимыхъ, Государственный Совѣтъ призывался почти всегда много лѣтъ спустя по приведеніи ихъ въ дѣйствіе, когда уже приходилось имѣть дѣло не съ проектами, а съ совершившимися фактами; главный же комитетъ по дѣламъ крестьянъ, къ обсужденію вопросовъ касавшихся быта поселянъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, никогда доселѣ не призывался. Вспомните теперь кто были, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, главными дѣятелями въ крестьянской реформѣ у насъ, потомъ переберите личный составъ комитета остзейскихъ дѣлъ и тогда, все, что до сихъ поръ могло казаться вамъ загадочнымъ, уяснится само собою. Не знаю можно ли указать хоть на одно существенное измѣненіе къ лучшему, сдѣланное этимъ комитетомъ въ которомъ-либо изъ проектовъ, поступавшихъ на его разсмотрѣніе изъ Риги, Ревеля и Митавы.

Впрочемъ, судить о его дѣйствіяхъ я не считаю себя призваннымъ; думаю только, что если бы предположенія Балтійскаго дворянства по устройству быта крестьянъ восходили на Высочайшее утвержденіе по всестороннемъ ихъ обсужденіи, съ необходимыми къ нимъ комментаріями, безъ которыхъ нѣтъ никакой возможности понять ихъ, наконецъ съ разъясненіемъ всего того, что̀ въ нихъ не прописывалось, но подразумѣвалось на мѣстахъ и читалось посвященными въ дѣло промежь печатныхъ строкъ, то рука, обезсмертившая себя подписаніемъ Положенія 19 февраля 1861 года, изорвала бы въ клочки Лифляндское Положеніе 1860-го, Эзельское 1865-го, Эстляндскія 1856-го и 1866-го и Курляндское 1863-го годовъ. Я считаю себя въ правѣ это сказать, ибо воззрѣнія и намѣренія Царя, не отвергающаго названія Освободителя, ни для кого не могутъ быть тайною. Благословляя Его, Россія въ правѣ знать, и дѣйствительно знаетъ, за что она благословляетъ.

же издѣваются: «Versuchsweise, nach einer in der russischen Legislation beliebten Manier»—говоритъ съ ироніею издатель Лифляндскихъ Вкладовъ (Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 105, Lief. II. S. 43).

V.

Другая сторона крестьянскаго быта, общественная организація волостей, преобразована была въ послѣднее время, на основаніи особаго Положенія (19 февраля 1866 г.) изданнаго для трехъ Балтійскихъ губерній, также въ видѣ опыта, на шесть лѣтъ, и также минуя Государственный Совѣтъ. Первый законъ по этой части изданъ былъ въ 1804 г. и, по минованіи 62-хъ лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда опытовъ, все-таки не оказалось въ запасѣ достаточной опытности для установленія прочнаго и твердаго порядка, который бы положилъ конецъ опытамъ періодически возобновляемымъ надъ anima vili Латышей и Эстовъ. По сознанію самихъ балтійскихъ дворянъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые сколько-нибудь добросовѣстно судили о своей родинѣ, существовавшее въ ней до послѣдняго времени сельское общественное устройство (я разумѣю сходы, старшинъ, выборныхъ и суды) представляло собою не болѣе какъ декорацію, поставленную для замаскированія домашнихъ традицій и неограниченнаго произвола вотчинныхъ конторъ—der Gutsverwaltungen. Отправляя графа Шувалова въ Ригу, Государю Императору угодно было указать ему на необходимость устроить гражданскій и общественный бытъ тамошнихъ крестьянъ *на самостоятельныхъ и независимыхъ отъ помѣщичьяго вліянія основаніяхъ*. Я не отрицаю, что въ этомъ отношеніи, Положеніе 1866 года, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей (который, такъ еще недавно, восхвалялся кн. Суворовымъ, какъ идеалъ совершенства и неприкосновенная святыня) есть безъ сомнѣнія шагъ впередъ; но все-таки не могу не сказать, что оно далеко не представляетъ собою точнаго исполненія Высочайшей воли. Кажется даже, что составители сдѣлали все что могли, чтобы предупредить обновленіе общественнаго быта въ селахъ, не возбуждать въ нихъ жизни и не перерывать преданій патримоніальной юрисдикціи. Вотъ доказательства: во первыхъ, принято какъ *общее* правило, что каждое имѣніе составляетъ волость, слѣдовательно: сохранена прежняя единица вотчинной

администраціи. Во-вторыхъ, вотчинная полиція, не только оставлена въ силѣ и дѣйствіи въ предѣлахъ мызной земли, но, сверхъ того, сохранила въ крестьянскомъ общественномъ управленіи участіе болѣе чѣмъ достаточное для увѣковѣченія старыхъ, всѣми затверженныхъ ея пріемовъ. Вотчинной полиціи дано право представлять начальственному учрежденію [1]) не только о постановленіяхъ волостного схода противныхъ закону или нарушающихъ права помѣщика, но и о тѣхъ постановленіяхъ, которыя она признаетъ вредными для общественнаго благосостоянія. Такъ какъ о томъ что̀ полезно и что̀ вредно можно спорить много и долго, и такъ какъ, въ подобнаго рода диспутахъ. побѣда почти всегда будетъ оставаться за вотчинною полиціею, то понятно, что послѣ двухъ или трехъ такихъ представленій, сходы предпочтутъ подчиниться предупредительному контролю вотчинныхъ конторъ, какъ водилось изстари. Независимо отъ этого, вотчинной полиціи предоставлено общее право наблюденія и надзора за дѣйствіями волостного управленія по всѣмъ полицейскимъ дѣламъ и по дѣламъ общественнымъ сопряженнымъ съ интересомъ казны. Не прежняя ли это опека, переименованная въ надзоръ и наблюденіе? Какъ орудіе общей полицейской власти, волостной старшина имѣетъ надзоръ за лицами подозрительнаго поведенія, задерживаетъ бродягъ и дезертировъ, но не препровождаетъ ихъ

---

[1]) Die Aufsichtsbehörden—какъ значится въ нѣмецкомъ переводѣ, или, говоря точнѣе: въ нѣмецкомъ подлинникѣ, съ котораго русскій текстъ переведенъ довольно неточно и очень безграмотно. По § 32, старшины и ихъ помощники подчинены, по дѣламъ общественнаго управленія, приходскимъ судамъ (въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ) и уѣзднымъ судамъ (въ Курляндіи). Всѣ эти инстанціи, по организаціи ихъ и по установленному порядку замѣщенія судебныхъ должностей, находятся въ рукахъ дворянства. Жалобы на ихъ распоряженія приносятся губернатору, который, по обычаю, почти всегда назначается правительствомъ изъ мѣстныхъ дворянъ. По дѣламъ полицейскимъ, старшины и ихъ помощники подчинены уѣздной полиціи, которой всѣ чины назначаются по выбору дворянства, изъ его среды За маловажные проступки по должности, старшины, ихъ помощники и пр. могутъ быть подвергаемы штрафу до 5 руб. и аресту до 7-ми дней по распоряженію начальственныхъ учрежденій, слѣдовательно: нижнихъ судебныхъ инстанцій, уѣздныхъ полицій и губернаторовъ (§ 34).

прямо отъ себя куда слѣдуетъ, а сдаетъ ихъ вотчинной полиціи, соблюдавшимся доселѣ порядкомъ. Въ третьихъ, когда нѣтъ на лицо волостного старшины (о помощникахъ его, которые могутъ быть на лицо, въ Положеніи не упоминается) всѣ полицейскія права его переходятъ къ вотчинной полиціи; она охраняетъ и возстановляетъ порядокъ и безопасность и, вообще, принимаетъ всѣ необходимыя полицейскія мѣры. Теперь спрашивается: что̀ значитъ быть на лицо въ предѣлахъ волости, въ которой должно быть болѣе 200, а можетъ быть и болѣе 3000 душъ, разселенныхъ, большею частью, отдѣльными дворами и на огромномъ пространствѣ? Указанные недостатки не только не были ослаблены, а напротивъ, елико было возможно, усилены инструкціею 1866 года о введеніи въ дѣйствіе новаго общественнаго управленія, составленною подъ руководствомъ генералъ-губернатора и имъ утвержденною. Всякому понятно, что характеръ и степень самостоятельности новыхъ учрежденій во многомъ зависѣли отъ ихъ первыхъ дѣйствій, такъ какъ по нимъ крестьяне, не читавшіе самого Положенія, должны были составить себѣ наглядное представленіе о томъ, что̀ отъ нихъ требовалось, что̀ имъ ввѣрялось и что̀ они пріобрѣтали. Между тѣмъ, именно въ первоначальномъ устройствѣ волостей, на первыхъ сходахъ и выборахъ, помѣщику даны были такое участіе и такая инціатива, которыми не могли не замаскироваться, въ глазахъ крестьянъ, обѣщанныя имъ самостоятельность и независимость [1]).

Впрочемъ, дальнѣйшее развитіе балтійскихъ волостныхъ учрежденій находится въ полной зависимости отъ подготовляемой для этого края судебной реформы и особенно отъ условій и формъ, въ которыхъ установленъ будетъ мировой институтъ. И у насъ, гдѣ, даже при крѣпостномъ правѣ, крестьяне пользовались гораздо большею общественною самостоятельностью, чѣмъ въ Балтійскихъ губерніяхъ при мнимой свободѣ, и у насъ потому только удалось ввести дѣйствительное самоуправленіе въ селахъ и волостяхъ, что, на первыхъ по-

1) Подробный разборъ Положенія 19 февраля 1866 и свѣдѣнія о введеніи его читатели найдутъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ.

рахъ, новооткрытыя въ нихъ учрежденія поставлены были подъ охрану и руководство посредниковъ, на которыхъ сословная ихъ среда не имѣла слишкомъ исключительнаго вліянія и которые, за очень рѣдкими изъятіями, желали, не продолженія традицій помѣщичьяго управленія, а дѣйствительнаго, гражданскаго возрожденія крестьянъ. При строгой корпоративной замкнутости балтійскаго рыцарства, при существующемъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи способѣ замѣщенія всѣхъ полицейскихъ и судебныхъ должностей, найдетъ ли въ нихъ правительство такое же добросовѣстное содѣйствіе своимъ начинаніямъ, какое у насъ оказало ему помѣстное дворянство въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ? Можетъ ли оно даже надѣяться на это? [1]).

VI.

Общественное устройство и финансовое управленіе городовъ Балтійскаго края вообще, и значительнѣйшаго изъ нихъ, города Риги, въ особенности, нуждались въ коренномъ преобразованіи въ той же, если не въ большей степени чѣмъ сельскія волости. Это было признано высшимъ правительствомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ исправить вопіющія несообразности, устранить укоренившіеся безпорядки и пресѣчь скандалезныя злоупотребленія частными мѣрами, или предоставленіемъ преобразовательной инціативы самимъ городскимъ сословіямъ, правительство, въ сороковыхъ годахъ, поручило особой коммиссіи, составленной изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, подробное изслѣдованіе городского управленія въ Ригѣ и составленіе проекта о лучшемъ устройствѣ тамошняго общества. Употребивъ не мало времени и труда на

[1]) Издатель Лифляндскихъ Вкладовъ отзывается о волостномъ учрежденіи 1866 года очень неодобрительно — что понятно. Онъ пророчитъ, что отъ него произойдетъ много всякаго рода разстройствъ, «если, паче чаянія, правительство вздумаетъ отнестись къ нему серьезно и потребовать точнаго его исполненія»—въ чемъ, какъ видно, на мѣстахъ находятъ достаточные поводы сомнѣваться. Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 286.

одно приведеніе въ извѣстность существовавшаго и доселѣ существующаго безпорядка вещей [1]), эта коммиссія окончила свои работы къ самому пріѣзду князя Суворова. Но ея многотомные труды по ревизіонной части, въ которыхъ было раскрыто множество злоупотребленій и упущеній требовавшихъ немедленнаго исправленія, остались безъ всякихъ практическихъ послѣдствій. а составленный ею проектъ былъ забракованъ, почти безъ разсмотрѣнія, какъ трудъ чиновниковъ, будто бы незнакомыхъ съ мѣстными нуждами и потому относившихся къ дѣлу безъ живого къ нему участія. Князь Суворовъ объявилъ себя, съ перваго дня, горячимъ сторонникомъ тѣхъ стародавнихъ учрежденій, въ которыхъ находился корень всего неустройства, и захотѣлъ повторить еще разъ опытъ неудававшійся болѣе пяти разъ къ ряду, то есть: поручить составленіе проекта общественной организаціи тѣмъ самымъ привилегированнымъ корпораціямъ, которыя многократно уже обнаруживали свое упорное нежеланіе или свою неспособность въ чемъ-либо уступить духу времени. Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ, то есть крайне медленнымъ, черезъ цѣлый рядъ приготовительныхъ коммиссій, на обсужденіе гильдейскихъ собраній. На сей разъ, и мѣстныя газеты подоспѣли на помощь съ своими совѣтами; набрали кучу матеріаловъ, вывели на справку всевозможныя положенія, прусскія, виртембергскія и баварскія, не приняли въ соображеніе только русскихъ. Одинъ лишь изъ членовъ городского общества, русскій купецъ, по какому-то частному вопросу, робко и нерѣшительно, позволилъ себѣ указать на Петербургское Положеніе, да въ Рижской Газетѣ, кто-то замолвилъ слово въ его пользу; но эти изолированные голоса не вызвали даже серьезнаго обсужденія, такъ какъ, не смотря на разномыслія обнаружившіяся въ обществѣ по многимъ вопросамъ, всѣ привилегированныя корпораціи, съ самаго приступа къ дѣлу, были согласны въ одномъ: не только

---

[1]) Вслѣдствіе систематическаго сопротивленія всѣхъ городскихъ управленій, ревизія назначенная правительствомъ превратилась какъ бы въ осаду и графъ П. Д. Киселевъ, въ 1848 году, не безъ основанія спрашивалъ одного изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Вѣдь это кажется Вы, по порученію Л. А. Перовскаго, ходили подъ Ригу?»—

избѣгать всякого прямого заимствованія изъ общихъ и частныхъ законоположеній Имперіи, но даже стараться какъ можно дальше отъ нихъ отклониться. Это стремленіе выдержано было до конца и, какъ плодъ его, явился на свѣтъ проектъ Положенія дѣйствительно оригинальный, въ своемъ родѣ даже единственный и, въ то же время, до комизма безобразный [1]. Графъ Шуваловъ препроводилъ его въ Петербургъ съ нѣсколькими, крайне слабыми замѣчаніями едва касавшимися самыхъ яркихъ его несообразностей, и тамъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, законодательный трудъ рижскаго общества кажется обрѣлъ тихую и безмятежную кончину. Впрочемъ, надобно сказать, что трудно бы было пустить его въ ходъ. Ни объ утвержденіи его, въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ представленъ, ни даже объ исправленіи его не могло быть и рѣчи; оставалось начать все дѣло сызнова, съ того или другого конца. Вѣроятнѣе всего, что нынѣшній генералъ-губернаторъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, тоже захочетъ попытать своего счастья, обратившись еще разъ къ законодательнымъ способностямъ рижскаго общества. По счету, это будетъ, кажется, десятый опытъ къ ряду.

VII.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о преобразованіи городовъ, обсуждались, и до сихъ поръ ожидаютъ разрѣшенія, многократно возобновлявшіяся жалобы рижскихъ гражданъ русскаго происхожденія на систематическое ихъ устраненіе отъ общественныхъ должностей и отъ городскихъ бенефицій (доходныхъ мѣстъ). Въ просьбахъ своихъ, они домогались предоставленія имъ въ городѣ Ригѣ такихъ же правъ и такого же положенія въ составѣ общества, *какими пользовались Татары, въ Казани, и Евреи во всѣхъ городахъ Имперіи, въ которыхъ имъ дозволялось приписываться* (я привожу буквально подлинныя слова). Въ

[1] Подробный разборъ этого проекта явится въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

1847 году, дѣло казалось выясненнымъ и близкимъ къ удовлетворительному разрѣшенію и все-таки, до сихъ поръ, ни одинъ Русскій не удостоился выбора въ должность и ни одинъ не получилъ бенефиціи. Объясненіе этому странному факту, читатели найдутъ можетъ быть въ слѣдующихъ строкахъ: „О недопущеніи притѣсненій я постоянно заботился и обязанъ присовокупить, что мною не замѣчено, чтобы русскіе жители края вообще подвергались въ немъ какимъ-либо особымъ, исключительнымъ притѣсненіямъ [1]). Вообще, относительно быта Русскихъ въ Балтійскомъ краѣ, едва ли не слѣдуетъ принимать въ уваженіе, что они образуютъ въ немъ не природный слой населенія, а младшее [2]) по порядку времени изъ двухъ колонизированныхъ племенъ [3]). Русскіе выходцы, водворяясь среди неуступчивыхъ формъ германской средневѣковой гражданственности, естественно [4]), заняли въ городскихъ обществахъ второстепенное мѣсто и не пріобрѣли всѣхъ преимуществъ, присвоенныхъ себѣ германскими пришельцами, основателями и правителями тѣхъ обществъ". — Это писалъ, по крайней мѣрѣ подписывалъ, не какой-нибудь бургомистръ или эльтерманъ, не стряпчій или агентъ города Риги, а генералъ-

---

[1]) Надобно сознаться, что требованіе очень скромно.

[2]) Старшій слой, стало быть, Латыши и Эсты, а соотвѣтствуетъ ли ихъ положеніе этому праву старшинства?

[3]) Русскіе, какъ колонисты, т. е. какъ частныя лица, водворявшіяся на чужой сторонѣ, безъ всякихъ правъ, и въ ней терпимыя, жили въ Ригѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Лифляндіи, по историческимъ свидѣтельствамъ, во времена царя Алексѣя Михайловича. Послѣ того, случилось одно происшествіе, о которомъ не слѣдовало бы забывать, а именно: Россія отвоевала у Швеціи всю Лифляндію и Эстляндію, которыя сдѣлались частью Русскаго государства. Считать ли и затѣмъ Русскихъ проживающихъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Пернавѣ, выходцами или колонистами, обреченными на вѣкъ считаться младшими потому только, что формы германской гражданственности не уступчивы?

[4]) Если это естественно, то не крайне ли противоестественно, что жители завоеваннаго края приняты были въ составъ Имперіи, не какъ выходцы или колонисты, а какъ полноправные граждане, и, съ первой минуты, пріобрѣли въ составѣ обществъ всѣ преимущества, которыми пользовались коренные жители, т. е. Русскіе?

губернаторъ, князь Суворовъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 8 декабря 1848 года. Я привожу его слова какъ типическое выраженіе воззрѣнія при немъ сложившагося и переходившаго по традиціи отъ одного главнаго начальника края къ другому. Переведите приведенный отрывокъ на нѣмецкій или французскій языкъ, поставьте, вмѣсто Русскихъ, Пруссаковъ или Французовъ, вмѣсто Нѣмцевъ—познанскихъ Поляковъ, Ганноверцевъ или Савойцевъ, и постарайтесь представить себѣ, что бы почувствовалъ графъ Бисмаркъ и весь Берлинъ, или Наполеонъ III и Парижъ, если бы какой нибудь познанскій оберъ-президентъ или префектъ города Ниццы вздумалъ доказывать подобными доводами, что Пруссаки или Французы естественно должны довольствоваться въ завоеванныхъ ими областяхъ положеніемъ второстепеннымъ, и что довольно съ нихъ и того, что ихъ не подвергаютъ особеннымъ притѣсненіямъ. Вся сила дѣйствительно въ томъ, что формы германской гражданственности, какъ выразился князь Суворовъ, неуступчивы, а русскіе генералъ-губернаторы, и съ ними за одно все русское высшее общество, въ вопросахъ національнаго достоинства, черезъ чуръ уступчивы.

VIII.

Не знаю къ кому именно князь Суворовъ мысленно приравнивалъ русскихъ купцовъ когда онъ заявлялъ, что, по его наблюденіямъ, они не испытывали особенныхъ, исключительныхъ притѣсненій; но если онъ при этомъ имѣлъ въ виду ихъ земляковъ, состоявшихъ на службѣ, то нельзя не признать его наблюденія вѣрнымъ. Купцовъ и мѣщанъ держали конечно въ черномъ тѣлѣ, имъ не давали хода въ общественныхъ дѣлахъ; за то, имъ не мѣшали заниматься своимъ торговымъ дѣломъ пока они жили смирно, то есть молчали. Напротивъ, немногіе Русскіе занимавшіе должности, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не теряли своего національнаго и вѣроисповѣднаго закала (а не тѣ, которыхъ держали только для того, чтобъ имѣть возможность сказать при случаѣ: мы де имѣемъ при себѣ и Русскихъ) никогда въ Бал-

тійскомъ краѣ не уживались. Мѣстныя интриги спускали ихъ одного за другимъ, иногда съ скандаломъ, а чаще безъ шума, потихоньку, и всегда притаившись за личностью генералъ-губернатора, то есть чужими руками, руками самого правительства. Съ 1842 по 1867 годъ, изъ Балтійскаго края удалены были три епископа. Преосвященный Иринархъ принесенъ былъ въ жертву барону Палену и вывезенъ былъ изъ Риги почти какъ арестантъ; съ преосвященнымъ Филаретомъ не ужился князь Суворовъ, и еще недавно генералъ-адъютантъ Альбединскій, вѣроятно чтобъ не отставать отъ своихъ предшественниковъ, испросилъ удаленія преосвященнаго Платона. Въ сороковыхъ годахъ, генералъ Головинъ собралъ около себя небольшую группу русскихъ чиновниковъ, трудами которыхъ раскрыта была та незначительная доля правды, которую мы знаемъ о Балтійскомъ поморьѣ; хоть въ этомъ отношеніи, ихъ дѣятельность была не безполезна, не говоря уже о томъ, что они же возстановили въ глазахъ предубѣжденнаго нѣмецкаго общества нравственное достоинство русскихъ служилыхъ людей; но, по удаленіи изъ края генералъ-губернатора Головина, положеніе этой группы стало невыносимо и она скоро разбрелась. Наконецъ, въ самое послѣднее время, мѣстная интрига, опять-таки черезъ генералъ-губернатора Альбединскаго, добилась въ Петербургѣ удаленія послѣдняго вліятельнаго лица изъ Русскихъ, бывшаго управляющаго лифляндскою палатою государственныхъ имуществъ С. Н. Шафранова, на котораго вся русская колонія Балтійскаго края смотрѣла какъ на лучшаго своего представителя и ревностнѣйшаго заступника [1]. Я не принадлежу къ

[1]) Независимо отъ служебной своей дѣятельности, которая будетъ оцѣнена по достоинству только тогда, когда мы захотимъ серьезно узнать всю правду о Балтійскомъ краѣ (то есть, вѣроятно, тогда когда уже нельзя будетъ воротить упущеннаго), С. Н. Шафрановъ оставилъ по себѣ прочную память въ Ригѣ своими неутомимыми стараніями о подъемѣ общественнаго положенія Русскихъ. По общему ихъ свидѣтельству, ему, главнѣйшимъ образомъ, обязаны они основаніемъ Православнаго Братства, Русскаго Клуба и пріюта для обывателей Московскаго форштата. И все это было взято съ бою, при систематическомъ противодѣйствіи нѣмецкаго общества, при явномъ недоброжелательствѣ второстепенныхъ, нѣмецкихъ, въ сущности вліятельнѣйшихъ властей, и при полномъ равнодушіи высшихъ.

числу безусловныхъ почитателей системы управленія преосвященнаго Платона; думаю, что она могла бы, во многихъ отношеніяхъ, подвергнуться справедливой критикѣ и что ею, въ извѣстной степени, было подготовлено почти безвыходное положеніе православія въ краѣ; соображенія побудившія правительство удалить С. Н. Шафранова мнѣ рѣшительно неизвѣстны, и потому я объ нихъ не сужу; но вотъ что я положительно знаю, что знаютъ всѣ, и что можно легко доказать документальными свидѣтельствами: преосвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ навлекли на себя непримиримую ненависть Нѣмцевъ, первый, своими окружными посланіями, въ которыхъ онъ предостерегалъ свою православную паству отъ поношеній и клеветъ на церковь, печатно распространяемыхъ лютеранскимъ духовенствомъ, своими убѣдительными представленіями (окончательно уваженными высшимъ правительствомъ) по вопросу о повинностяхъ въ пользу пасторовъ, наконецъ, своимъ противодѣйствіемъ разрѣшенію свободнаго перехода изъ православія въ лютеранство; второй—точнымъ и усерднымъ исполненіемъ распоряженій высшаго правительства по водворенію въ казенныхъ имѣніяхъ безземельныхъ крестьянъ, преимущественно православныхъ. Эта мѣра была позднимъ, конечно крайне скуднымъ и недостаточнымъ вознагражденіемъ ихъ за всѣ испытанныя ими притѣсненія; но она, по крайней мѣрѣ хоть на время, поддерживала въ новообращенныхъ довѣріе къ правительству и угасавшую надежду на его заступничество. Таковы были настоящія, повторяю: всѣмъ извѣстныя причины единодушнаго остервенѣнія, съ которымъ интрига направила свои козни противъ двухъ лицъ, мѣшавшихъ осуществленію ея плановъ; но такъ какъ ни одна изъ нихъ не могла конечно подать законнаго повода къ жалобамъ, то пришлось прибѣгнуть къ обыкновенному средству, то есть къ клеветѣ. При этомъ, увѣренность въ успѣхѣ была такъ велика, что мѣстные поставщики лжеобвиненій не захотѣли даже взять на себя труда прикрыть свои побужденія сколько нибудь правдоподобными предлогами и, не думая долго, приписали преосвященному Платону и С. Н. Шафранову подговоръ крестьянъ къ бунту и къ поджогамъ (въ буквальномъ значеніи слова). Это обви-

неніе, печатно заявленное за границею [1]), разнеслось по всей Германіи и, вслѣдъ за тѣмъ, оба, преосвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ, были удалены изъ края. Очень можетъ быть, что не эти нелѣпые доносы пущены были въ ходъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ не въ этой грубой формѣ. Когда рижскіе руководители генералъ губернатора отправляли его туда съ порученіемъ спустить двѣ ненавистныя имъ личности, они конечно снабдили его хорошо обдуманною инструкціею и внушили ему что̀ говорить и о чемъ молчать; но я указываю на совпаденіе дерзкой клеветы, распущенной въ краѣ и за границею, съ распоряженіемъ правительства, какъ будто для того именно испрошеннымъ, чтобы придать ей видъ правдоподобія и, такъ сказать, подтвердить ее отъ имени власти. Публикѣ, непосвященной въ тайны переговоровъ, происходившихъ между генералъ-губернаторомъ и лицами стоящими во главѣ государственнаго управленія, но хорошо знавшей, что вся нѣмецкая партія давно подкапывалась подъ преосвященнаго Платона и подъ С. Н. Шафранова, оставалось предположить одно изъ двухъ: или, что распущенные про нихъ слухи оправдались (чему, можетъ быть, дѣйствительно повѣрили за границею, но ужъ конечно не въ Ригѣ), или что антирусская интрига всесильна̀ не только въ Ригѣ, но и въ Петербургѣ [2]). Таково было нравственное дѣйствіе и общее впечатлѣніе. Немногіе изъ Русскихъ, доселѣ занимающихъ второстепенныя мѣста въ Балтійскомъ краѣ, окончательно упали духомъ и зарубили себѣ на память, что ихъ терпятъ только подъ условіемъ всегдашняго угожденія мѣстному провинціализму и что, при малѣйшей размолвкѣ съ его представителями, они не найдутъ поддержки нигдѣ и ни въ комъ [3]).

---

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 24.

[2]) Теперь ужъ и не скрываютъ, что преосвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ пали жертвами балтійской интриги; многіе даже хвастаются своимъ въ ней участіемъ (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 72, 111).

[3]) Кажется, что у насъ вообще, при назначеніяхъ и смѣщеніяхъ, мало заботятся о томъ: какой смыслъ этого рода распоряженія могутъ или должны получить на мѣстахъ, помимо неизвѣстныхъ обществу соображеній, которыми руководствуется власть смѣняющая и назначающая. Есть личности, съ которыми общественное мнѣніе, основательно или неосновательно—это все равно, связываетъ цѣлую систему управленія. Такое значеніе имѣли С. Н. Шафра-

IX.

Послѣдствія недостатка надежнаго русскаго элемента въ мѣстной администраціи ни въ чемъ такъ ясно не обнаружились какъ въ поразительной безплодности усилій ввести русскій языкъ въ училища и въ оффиціальное употребленіе; а между тѣмъ, ни въ чемъ воля правительства не высказывалась такъ рѣшительно и такъ многократно. Вопросъ о русскомъ языкѣ въ училищахъ и вопросъ о русскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ состоятъ въ очевидной связи, и этою-то именно связью, мѣстная интеллигенція очень удачно пользовалась для отклоненія разрѣшенія того и другого. Когда правительство заявляло желаніе, чтобъ русскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ не какъ мертвый, чтобъ увеличено было число часовъ, посвящаемыхъ его изученію и чтобы нѣкоторые предметы преподавались на немъ, изъ Риги и Дерпта обыкновенно отвѣчали: „Помилуйте! къ чему тутъ принудительныя мѣры, когда мы сами очень хорошо сознаемъ необходимость знать по-русски и учимся русскому языку добровольно, притомъ съ полнымъ успѣхомъ!“ А когда мы настаивали на введеніи дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, хотя бы въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, намъ говорили: „Что вы это! да у насъ ни одинъ изъ служащихъ по-русски не смыслитъ; сперва нужно выучиться“. — Вотъ, напримѣръ, что писалъ князь Суворовъ, ссылаясь на слова графа Ува-

---

новъ въ Ригѣ и генералъ-адъютантъ Кауфманъ въ Вильнѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смѣщеніе послѣдняго отнюдь не было вызвано перемѣною системы (по крайней мѣрѣ, можно сказать это смѣло о Государѣ, если не о всѣхъ Его министрахъ); но именно такое значеніе придавали ему въ Сѣверо-западномъ краѣ рѣшительно всѣ, какъ желавшіе, такъ и опасавшіеся удаленія бывшаго главнаго начальника этого края. Послѣ того, преемникъ ген. ад. Кауфмана, кажется почти ежемѣсячно, объявлялъ циркулярно, что онъ будетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и съ одинаковою настойчивостью, и все-таки никто ему не повѣрилъ. Всѣ только улыбались или покачивали головами. Пусть же сообразятъ: все ли равно и одинаково ли легко приводить въ дѣйствіе программу управленія тамъ, гдѣ всѣ убѣждены, что правительство отъ нея не отступится и тамъ, гдѣ всѣ убѣждены, что, не нынче такъ завтра, она будетъ измѣнена?

рова, въ исходѣ 1848 года: „Надлежитъ признать, что въ дерптскомъ университетѣ, въ уѣздныхъ и народныхъ (!) училищахъ, и даже въ частныхъ пансіонахъ, русскій языкъ занялъ принадлежащее ему мѣсто и занялъ безъ насильственныхъ (!) распоряженій, такъ сказать, по сознанію края, что это орудіе необходимо для него нужно. Въ такомъ положеніи, всякое понудительное распоряженіе казалось бы изъявленіемъ нѣкотораго неудовольствія (?) правительства и недовѣрія къ собственнымъ усиліямъ жителей достигнуть указанной имъ цѣли“.— А что оказалось двадцать лѣтъ спустя, въ 1867 году — мы увидимъ ниже.

Перечитавъ множество брошюръ, журнальныхъ статей и докладныхъ записокъ балтійской фабрикаціи, я могу сказать, не боясь опроверженія, что вся балтійская интеллигенція, безъ исключенія, рѣшительно противится усиленію преподаванія русскаго языка. Разногласія въ этомъ отношеніи нѣтъ, но въ подкрѣпленіе общаго сопротивленія, приводятся разнообразные доводы: „Мы встрѣтили бы неустранимый недостатокъ въ учителяхъ, которыми и въ Россіи не могутъ обзавестись въ достаточномъ числѣ; пришлось бы сократить объемъ преподаванія другихъ предметовъ, дѣйствительно полезныхъ, и несравненно болѣе важныхъ, какъ напримѣръ языковъ англійскаго, французскаго и италіанскаго, а это непремѣнно разстроило бы всю систему преподаванія и понизило бы уровень мѣстнаго просвѣщенія [1]; къ тому же, оффиціальный языкъ управленія и суда есть и, въ силу неприкосновенныхъ привилегій, долженъ быть нѣмецкій, а потому мы вовсе не видимъ для себя необходимости

---

[1]) Одинъ изъ балтійскихъ публицистовъ недавно насчитывалъ до 26% своихъ земляковъ занимающихъ видныя мѣста въ Имперіи, на разныхъ поприщахъ государственной службы. Такъ какъ это одно доказываетъ, что всѣ они вполнѣ владѣютъ русскимъ языкомъ, и такъ какъ знаніе его не можетъ быть пріобрѣтено иначе (по увѣренію балтійскихъ педагоговъ) какъ въ ущербъ общему образованію, то любопытно бы было знать: дѣйствительно ли нѣмецкая фаланга нашихъ министровъ, посланниковъ, членовъ совѣта, сенаторовъ, директоровъ, генераловъ и т. д. стоитъ, въ общемъ своемъ образованіи, такъ безконечно ниже рижскихъ адвокатовъ, курляндскихъ гауптмановъ и ревельскихъ ратсгеровъ?

знать по-русски: наконецъ, старанія ввести русскій языкъ въ училища внушили учащейся молодежи глубочайшую ненависть къ Русскимъ“ [1]). Такъ вообще думають, говорятъ и пишутъ ученые, учителя, инспекторы, словомъ всѣ тѣ, въ чьихъ рукахъ находится учебная часть. Самъ почтенный попечитель дерптскаго учебнаго округа, какъ слышно, раздѣляетъ это мнѣніе и, при случаѣ, честно и открыто выражаетъ его [2]). Само собою разумѣется, что такое личное его воззрѣніе нисколько не мѣшаетъ ему одинаково честно исполнять распоряженія высшей власти исходящія изъ воззрѣнія прямо противоположнаго; но, признаюсь, я не вполнѣ увѣренъ, чтобы безукоризненное исполненіе служебнаго долга, во всякомъ дѣлѣ, могло восполнить отсутствіе личнаго сочувствія, и чтобы вѣрноподданническое послушаніе было всегда достаточно для обезпеченія успѣха въ любомъ предпріятіи, даже при полномъ несогласіи внутреннихъ убѣжденій исполнителя съ предписаніями начальства. Напримѣръ, хоть въ данномъ случаѣ, по истеченіи десяти или пятнадцати лѣтъ, обрадуетъ ли насъ такой исполнитель извѣстіемъ, что онъ ошибался, что ожиданія его не сбылись, что нашлись и учителя для преподаванія русскаго языка и время для его изученія, словомъ: что всѣ тѣ мѣры, которыя онъ оспаривалъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, или на оборотъ: услышимъ мы отъ него, что все сбылось по его предсказанію, что распоряженія правительства только разстроили систему преподаванія, что русскія гимназіи влачатъ плачев-

---

1) „Введеніе русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ всѣ считаютъ варварствомъ и тиранніею (ebenso barbarisch wie tyrannisch).—Навязываніе русскаго языка (der Sprachzwang) наполняетъ сердца учащейся нѣмецкой молодежи, сознающей свое превосходство надъ Русскими, глубочайшею къ нимъ ненавистью (mit dem tiefsten Russenhass)“,—что конечно нисколько не помѣшаетъ ей, впослѣдствіи, занять высшія мѣста на государственной службѣ. (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 3, 259).

2) Издатель Лифляндскихъ Вкладовъ прямо ссылается на него въ подтвержденіе своего мнѣнія о русскомъ языкѣ и прибавляетъ: „Назначеніе графа Кейзерлинга попечителемъ дерптскаго учебнаго округа, само по себѣ, служитъ уже ручательствомъ въ томъ, что Государь Императоръ охранитъ права нѣмецкой народности и нѣмецкаго языка отъ всякаго на нихъ покушенія.“ Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 32, 68.

ное существованіе, не будучи въ состояніи уравняться съ нѣмецкими, что даже въ послѣднихъ уровень пріобрѣтаемыхъ познаній понизился, и что, не смотря на всѣ старанія, никакими средствами не удалось пріохотить молодежи къ серьезному изученію русскаго языка? [1]). Не гораздо ли вѣроятнѣе, что мы услышимъ что-нибудь въ родѣ послѣдняго, а не перваго заявленія, потупимъ голову и скажемъ: „Да! онъ все предусмотрѣлъ и предсказалъ cet excellent Kayserling! но мы не уважили въ пору мудрыхъ его предостереженій и теперь казнимся за свое упорство!“ Подобныхъ случаевъ было уже не мало [2]).

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса. Въ началѣ 1850 года, состоялось Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: 1) Губернскимъ правленіямъ и всѣмъ короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на русскомъ языкѣ всю переписку, не только съ высшими и общими государственными установленіями и и властями и съ присутственными мѣстами внѣ Остзейскихъ губерній (это было предписано еще въ 1842 году) но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще,

---

[1]) Въ Лифляндіи разсказываютъ, что какой-то острякъ предрекъ русской, александровской гимназіи такую будущность: она вѣчно будетъ терпѣть недостатокъ въ двухъ условіяхъ, безъ которыхъ ей будетъ довольно трудно обойтись; въ ней не будетъ учителей и не будетъ учениковъ. — Передавая этотъ анекдотъ, издатель Лифляндскихъ Вкладовъ прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобъ эта злая сатира оправдалась на дѣлѣ“. (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 47). Удивляюсь какъ до сихъ поръ не отыскали этого пророка и не назначили его въ помощники къ графу Кейзерлингу собственно по части устройства русскихъ учебныхъ заведеній.

[2]) Я цѣню какъ нельзя болѣе высокое образованіе нынѣшняго попечителя дерптскаго учебнаго округа и неутомимую ревность съ которою онъ оберегаетъ интересы просвѣщенія своей родины, какъ онъ ихъ понимаетъ. Какъ Русскій—говорю это не безъ зависти—я былъ бы счастливъ, если бы судьба другихъ нашихъ университетовъ ввѣрена была рукамъ одинаково искуснымъ, опытнымъ и твердымъ; но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ думать, что тотъ не можетъ быть пригоднѣйшимъ орудіемъ для приведенія въ дѣйствіе какой-либо системы, кто внутренно увѣренъ въ ея вредѣ или несостоятельности.

находящимися въ тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ. 2) Генералъ-губернатору наблюдать, чтобы впредь члены присутствій коронныхъ мѣстъ и высшіе въ нихъ канцелярскіе чиновники были опредѣляемы преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ въ русскомъ языкѣ познанія достаточныя для производства наономъ дѣлъ. 3) Съ 1 января 1858 года, т. е. по окончаніи полнаго начинающими въ 1850 году высшее образованіе свое учебнаго курса въ гимназіяхъ и университетѣ дерптскаго учебнаго округа, во всѣ вообще должности, какъ членовъ такъ и канцелярскихъ чиновниковъ, по короннымъ присутственнымъ мѣстамъ Остзейскаго края, опредѣлять только лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ русскомъ языкѣ и могущихъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ. 4) Когда главное мѣстное начальство признаетъ, что такихъ чиновниковъ во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ достаточное число, то войти оному съ особымъ представленіемъ о назначеніи положительнаго и опредѣлительнаго срока для введенія всего въ нихъ дѣлопроизводства на одномъ только русскомъ языкѣ.

Это Высочайшее повелѣніе вошло въ продолженіе къ 1-й части Свода Мѣстныхъ Узак. (примѣч. 2 къ ст. 121) и, сколько мнѣ извѣстно, не вызвало въ свое время ни протестовъ, ни возраженій. Не мудрено, что тогдашній генералъ-губернаторъ и всѣ мѣстныя власти предпочли послѣдовать обыкновенной въ Балтійскомъ краѣ системѣ обращенія съ русскими законами, т. е. не говоря ничего, просто поступать такъ какъ будто бы ихъ вовсе не было. Во всякомъ случаѣ, по той ли по другой ли причинѣ, никто въ продолженіе 17-и лѣтъ не шевельнулъ пальцемъ для исполненія Высочайшей воли, которая, по выраженію комитета министровъ, во всѣхъ частяхъ своихъ, осталась мертвою буквою. А что если бы что нибудь подобное обнаружилось въ Московской, Калужской или Саратовской губерніи? Съ какимъ благороднымъ негодованіемъ накинулись бы на нее тѣ же самые Ливены, Палены, Эттингены, Кейзерлинги и другіе за столь непростительное пренебреженіе къ священной волѣ обожаемаго Монарха!... Наконецъ, въ прошломъ году, не знаю въ точности по какому случаю, высшее правительство вспомнило про законъ 1850 г.

и, не желая ни расшевеливать прошлаго, ни разыскивать виновныхъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ очевидна была стачка всѣхъ мѣстныхъ властей, ограничилось простымъ повтореніемъ и подтвержденіемъ приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, иначе: оно еще разъ заявило свое право и свое намѣреніе говорить въ Балтійскихъ губерніяхъ на собственномъ своемъ государственномъ языкѣ. И что же? Это простое повтореніе (сдѣланное вскорѣ послѣ того какъ правительство, снисходя къ усиленнымъ ходатайствамъ первенствующаго въ томъ краѣ сословія, отмѣнило одно изъ основныхъ правилъ господствующей церкви) вызвало бурю. Вся мѣстная интеллигенція ощетинилась; въ иностранныя газеты посыпались язвительнѣйшія жалобы на правительство; лифляндское дворянство пріосанилось и приготовилось къ рѣшительному отпору.—Сравните теперь 1850 годъ съ 1857, впечатлѣніе произведенное изданіемъ н о в а г о закона съ дѣйствіемъ произведеннымъ простымъ подтвержденіемъ закона давно изданнаго, и вамъ представится наглядно насколько въ 17 лѣтъ упалъ авторитетъ власти. Вотъ послѣдствія хваленой системы поблажекъ и потворста въ видахъ снисканія популярности въ одной области, точнѣе: въ тѣсномъ кругу одного или двухъ сословій, и въ явный ущербъ той популярности, которою правительство пользуется во всей остальной Россіи. Но оставимъ въ сторонѣ дворянскую оппозицію и журнальную агитацію; посмотримъ лучше, что сдѣлали мѣстныя власти, на которыхъ лежала обязанность исполнить волю правительства. Онѣ дѣйствительно засуетились и приступили очень усердно только не къ исполненію, а къ собиранію подробнѣйшихъ статистическихъ данныхъ для возраженія. Съ этою цѣлью, присутственныя мѣста потребовали отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ точныхъ свѣдѣній о степени ихъ познаній въ русскомъ языкѣ. Къ этому запросу прилагалась аккуратно составленная таблица, въ которую каждый обязывался вписать свое имя, въ ту или другую графу. Была графа для вовсе не знающихъ русскаго языка, другая для понимающихъ, но неспособныхъ писать по-русски, третья для владѣющихъ языкомъ вполнѣ; были, кажется, еще подраздѣленія. Которыя изъ этихъ графъ должны были наполняться именами и

которымъ предназначалось оставаться пустыми, всѣмъ было извѣстно напередъ; говорили—не знаю правда ли—что самъ начальникъ Лифляндской губерніи вписалъ свое имя во вторую графу [1]). Но не всѣ доставили требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія; такъ, одинъ изъ мѣстныхъ, коронныхъ чиновниковъ возвратилъ посланную къ нему таблицу съ отмѣткою, „что на подобнаго рода вопросы запрещаетъ ему отвѣчать его совѣсть (auf solche Fragen zu antworten, verbietet mir mein Gewissen). Все это разумѣется была комедія, придуманная умными людьми для выигранія времени, и чтобы дать возможность начавшейся агитаціи произвести свое дѣйствіе; въ сущности же никто въ краѣ не вѣрилъ въ дѣйствительное исполненіе воли правительства. Всѣ напротивъ были убѣждены, что оно спасуетъ передъ единодушнымъ сопротивленіемъ сословій и передъ тѣми затрудненіями, которыя воздвигали ему его собственные агенты; разсчитывали навѣрное, что оно дастъ отсрочки, согласится на уступки и что мертворожденная буква не оживетъ. Сбылись ли эти надежды— объ этомъ пусть судятъ читатели по прочтеніи слѣдующаго предложенія прибалтійскаго генералъ-губернатора начальникамъ подвѣдомственныхъ ему губерній отъ 26 октября 1867 года.

„Вслѣдствіе отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 14 минувшаго іюня № 11492 и на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 января 1850 года и 1 іюня сего 1867 года положенія комитета министровъ, относительно безотлагательнаго введенія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, М. Г. принять нынѣ же къ руководству по мѣстамъ вѣдомства министерства вну-

---

1) Въ недавно обнародованной корреспонденціи изъ Риги значится, что если бы всѣ мѣстныя власти лифляндскія, въ вопросѣ о языкѣ, послѣдовали примѣру гражд. губ. Эттингена, то все дѣло кануло бы въ воду. (Онъ былъ губернаторомъ съ 1862 по 1868 годъ и, какъ извѣстно всѣмъ, заправлялъ тремя генералъ-губернаторами). Livl. Beitr. B. II. Lief. I. S. 38. Впрочемъ, дѣло и безъ того кануло въ воду. Нынѣ носится слухъ, что г. Эттингена прочатъ въ министры удѣловъ. Такъ и слѣдуетъ: за успѣшное противодѣйствіе видамъ высшаго правительства въ Балтійскомъ краѣ нельзя не наградить.

тренних дѣлъ ввѣренной вамъ губерніи, нижеслѣдующія правила: 1) Въ губернскомъ правленіи, по всѣмъ его отдѣленіямъ, и въ канцеляріи губернатора производить на русскомъ языкѣ всю переписку, какъ съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами внѣ Остзейскихъ губерній [1]), такъ равно и съ тѣми, существующими въ сихъ губерніяхъ коронными присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, и которые поименованы въ прилагаемомъ спискѣ, или которые впредь могутъ быть учреждены въ здѣшнихъ губерніяхъ отъ короны, а также со всѣми вообще мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ [2]). 2) Въ вышеупомянутыхъ коронныхъ губернскихъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ (п. 1) ввести на русскомъ языкѣ вообще и все дѣлопроизводство, со включеніемъ журнальныхъ постановленій губернскаго правленія, резолюцій его членовъ, регистратуры, всякаго наименованія описей, книгъ, алфавитовъ, вѣдомостей, ассигновокъ и т. п. допуская исключенія въ отношеніи тѣхъ лишь журнальныхъ опредѣленій и резолюцій, которыя касаются дѣлъ слѣдственныхъ [3]), или въ силу коихъ составляются бумаги, обращаемыя въ мѣстныя учрежденія, поименованныя въ ст. 9 части 1-й Св. Мѣстн. Узак. (т. е. высшіе суды, суды первой степени въ уѣздахъ, мѣста и лица, принадлежащія къ земской полиціи, городскіе магистраты съ городовыми судами и управленіями) а также въ дворянскія и городскія общественныя учрежденія Прибалтійскихъ губерній и въ духовныя установленія евангелическаго и лютеранскаго исповѣданія [4]). Такія журнальныя постановленія

---

[1]) Это введено было еще въ 1842 году и подтверждено въ 1845. Сводъ Мѣст. Узак. част. 1. прим. къ ст. 121.

[2]) Все это есть не болѣе, какъ простое повтореніе пункта 1-го Высоч. повел. 1850 года.

[3]) Трудно понять цѣль этого изъятія.

[4]) Эти два послѣднія изъятія лишаютъ общее правило выраженное въ началѣ статьи всякаго серьезнаго значенія; ибо, конечно, если не по всѣмъ, то по огромному большинству журнальныхъ постановленій губернскаго правленія приходится написать хоть одну бумагу въ одно изъ существующихъ судебныхъ

могутъ быть составлены и на нѣмецкомъ языкѣ. 3) Въ смѣшанныхъ (?) губернскихъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ-то: въ приказѣ общественнаго призрѣнія, губернской коммиссіи народнаго продовольствія, въ комитетѣ и особомъ присутствіи о земскихъ повинностяхъ (въ Курляндіи) въ губернскомъ рекрутскомъ присутствіи, въ комитетахъ: статистическомъ, еврейскомъ (въ Курляндіи), попечительномъ о тюрьмахъ, общественнаго здравія, оспенномъ, рекрутскомъ, въ коммиссіяхъ крестьянскихъ дѣлъ и друг., состоящихъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, изъ членовъ отъ короны и мѣстныхъ сословій, дѣлопроизводство и переписку оставить на прежнемъ основаніи [1]).

или полицейскихъ мѣстъ или сословныхъ представительствъ. По-русски будутъ писаться только журналы о выдачѣ жалованья, ордера казначею, постановленія о покупкѣ перьевъ, бумаги и т. п. Предположимъ, что по одному и тому же постановленію, нужно будетъ войти въ сношеніе съ православнымъ архіереемъ и съ лютеранскою консисторіею (что случается часто); спрашивается: на какомъ языкѣ будетъ составленъ журналъ? По силѣ изъятія выраженнаго въ § 2, онъ напишется по-нѣмецки, ибо переписка съ лютеранскою консисторіею производится по-нѣмецки. Вообще, этотъ § есть не исполненіе, а отсрочка на неопредѣленное время исполненія 4 пункта Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

[1]) Это ужъ даже не отсрочка, а рѣшительная отмѣна Высочайшаго повелѣнія, основанная на совершенно произвольномъ и доселѣ неслыханномъ дѣленіи присутственныхъ мѣстъ на коронныя и какія-то смѣшанныя, о которыхъ законъ не вѣдаетъ; ибо, если всѣ мѣста, причисляемыя генералъ-губернаторомъ къ категоріи смѣшанныхъ, тѣмъ самымъ исключаются изъ числа коронныхъ, то ни одинъ изъ пунктовъ Высочайшаго повелѣнія 1850 къ нимъ не относится. Но откуда же взялось это новое понятіе о смѣшанныхъ мѣстахъ? Понятіе короннаго мѣста противопоставляется всегда понятію, не смѣшаннаго, а сословнаго или общественнаго. Изъ всѣхъ поименованныхъ генералъ-губернаторомъ мѣстъ и учрежденій, ни одно не отнесено по Своду Законовъ къ числу образованныхъ на основаніи особыхъ мѣстныхъ узаконеній; приказъ общественнаго призрѣнія прямо даже поименованъ въ числѣ мѣстъ учрежденныхъ въ губ. Остзейскихъ на основаніи постановленій вошедшихъ въ общій Сводъ Законовъ Имперіи (ст. 7 части 1 Св. Мѣст. Узак.), а по общему Своду никогда ни приказъ общественнаго призрѣнія, ни рекрутское присутствіе, ни коммиссія народ. продов не отличались отъ коронныхъ мѣстъ и не считались ни общественными, ни сословными. Если ужъ генералъ-губернаторъ считалъ себя въ правѣ до такой степени ограничивать силу Высочайшаго повелѣнія 1850 года, то неужели никто не сумѣлъ подсказать ему болѣе благовиднаго предлога?

4) Уѣзднымъ короннымъ и смѣшаннымъ учрежденіямъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ производить всю переписку съ мѣстами военнаго вѣдомства и съ учрежденіями внѣ Остзейскихъ губерній исключительно на русскомъ языкѣ [1]), съ сохраненіемъ въ своей силѣ нынѣ дѣйствующаго порядка въ отношеніи остальной переписки и всего дѣлопроизводства ихъ [2]).

5) Начальникамъ губерній имѣть строгое наблюденіе, чтобы къ занятію открывающихся вакансій по учрежденіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ допускались впредь преимущественно только такія лица, которыя имѣютъ основательныя познанія въ русскомъ языкѣ и могутъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ [3]).

6) Считаю однако необходимымъ присовокупить, что изъ доставленныхъ мнѣ Ваш. Прев. свѣдѣній о степени знанія русскаго языка чиновниками ввѣреннаго вамъ губернскаго правленія [4]), я усматриваю, что дѣлопроизводство въ той степени, какъ оно опредѣляется выше въ § 2, при безотлагательномъ примѣненіи во всемъ объемѣ, можетъ встрѣтить нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе чего я предоставляю вамъ право допустить на нѣкоторое еще время тѣ исключенія изъ означенной мѣры, которыя вы признаете необходимыми, по собственному усмотрѣнію Вашему, присовокупляя, что я буду смотрѣть

---

1) Новая путаница. Если генералъ-губернаторъ не считаетъ учрежденій уѣздныхъ смѣшанныхъ коронными, то онъ не имѣетъ никакого права требовать отъ нихъ исполненія 1-го пункта Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

2) Второю половиною статьи 4-й отсрочивается на неопредѣленное время исполненіе 4-го пункта Высочайшаго повелѣнія во всѣхъ уѣздныхъ мѣстахъ.

3) Это повтореніе, въ формѣ нѣсколько менѣе точной, пункта 2 Высоч. повелѣнія 1850. Вся разница въ томъ, что по этому пункту обязывался наблюдать генералъ-губернаторъ, который теперь, въ свою очередь, обязываетъ къ тому же губернаторовъ, прибавляя прилагательное строгое, не совсѣмъ гармонирующее съ удержаннымъ въ редакціи словомъ преимущественно. Простое (не строгое) наблюденіе генералъ-губернатора, въ продолженіе 17-ти лѣтъ, ни къ чему не повело это мы видимъ изъ опыта; посмотримъ: къ чему поведетъ строгое наблюденіе губернаторовъ.

4) Таблички, какъ видно, пригодились!

на это отступленіе какъ на порядокъ переходный и ненормальный [1]).

7) Губернаторамъ имѣть равномѣрно постоянное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ со стороны мѣстныхъ управленій посторонних вѣдомствъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ нихъ по настоящему дѣлу вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 6 іюня 1867 года" [2]).

Итакъ, срока для введенія всего производства на русскомъ языкѣ въ коронныхъ мѣстахъ, все-таки не назначено (пун. 4 Высоч. повел. 1850) а объ опредѣленіи въ должности съ 1-го янв. 1858 года только лицъ имѣющихъ основательныя познанія въ русскомъ языкѣ (п 3) даже и не упоминается. Наконецъ, Русскимъ, проживающимъ въ Балтійскомъ краѣ и въ немъ приписаннымъ, никто и не подумалъ предоставить право, которымъ, по закону, пользуются Русскіе, проживающіе во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи: я разумѣю право требовать, чтобъ судебныя мѣста Балтійскаго края принимали

---

[1]) Въ самомъ § 2 насчитано было столько исключеній, что правило въ немъ выраженное почти безусловно упразднялось; теперь допускаются еще новыя исключенія, всякія, безъ ограниченія какимъ-либо срокомъ и по усмотрѣнію губернатора. По-просту: мертворожденное слово остается таковымъ и на будущее время. Что генералъ-губернаторъ все таки будетъ смотрѣть на это, какъ на порядокъ ненормальный—это конечно утѣшительно; но несомнѣнно также, что, по прочтеніи его предложенія, мѣстныя власти и сословія взглянутъ на дѣло иначе и еще болѣе укоренятся въ своемъ убѣжденіи, что въ Балтійскихъ губерніяхъ неисполненіе Высочайшей воли явленіе совершенно нормальное Если нужно доказательство, то вотъ оно: въ недавно опубликованной корреспонденціи изъ Лифляндіи, мы читаемъ: „Изъ хода дѣла о введеніи русскаго языка, мѣстное рыцарство увидитъ, что тамъ на верху (въ Петербургѣ) политикою правитъ страхъ (wird Angstpolitik getrieben) такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ кружкахъ. Это напоминаетъ двухъ людей случайно другъ на друга натолкнувшихся въ потьмахъ Обоихъ прохватилъ страхъ, но тотъ изъ нихъ, который первый рѣшится окликнуть: кто идетъ! непремѣнно обратитъ другого въ бѣгство. Итакъ, будемъ продолжать во всю глотку кричать: кто идетъ! въ газетахъ и въ высшихъ слояхъ (an höherer Stelle) и трусливый призракъ исчезнетъ" (Livl. Beitr. B. II. Lief. I. S. 37). Корреспондентъ правъ: мы спасовали передъ крикомъ; но удивительна эта безцеремонная откровенность, съ которою намъ же печатно разсказываютъ, какими средствами насъ надуваютъ и стращаютъ.

[2]) Мнѣ неизвѣстно, въ чемъ онѣ состоятъ.

отъ нихъ всякаго рода бумаги на русскомъ языкѣ. По ст. 122 Св. Мѣстн. Узак. лифляндскій гофъ-герихтъ обязанъ принять просьбу писанную на русскомъ языкѣ, если она прислана къ нему по почтѣ изъ Москвы или Оренбурга, тамошнимъ купцомъ или дворяниномъ, и уже самъ гофъ-герихтъ распоряжается переводомъ ея на языкъ нѣмецкій; но тотъ же гофъ герихтъ не принимаетъ просьбы на русскомъ языкѣ отъ рижскаго купца русскаго происхожденія. Таково положеніе русской колоніи въ краѣ [1]).

Издатель Лифляндскихъ Вкладовъ, упоминая о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ разными вѣдомствами по поводу повторенія закона 1850 года о введеніи русскаго языка, называетъ ихъ рядомъ мѣръ насильственныхъ (eine ganze Reihe von Zwangsmassregeln) и прибавляетъ; „А впрочемъ, если онѣ наткнутся на сопротивленіе, то можетъ быть и не рѣшатся принудить къ исполненію [2]). Онъ угадалъ вѣрно: правительство повторило прежнее свое повелѣніе, встрѣтило оппозицію и отретировалось. Дѣло было обдѣлано въ Петербургѣ и безъ отправки депутатовъ.

X.

Въ заключеніе этого длиннаго перечня нашихъ уступокъ, нашихъ потерь и сдѣланныхъ нами промаховъ, нельзя умолчать о разгромѣ постигшемъ отъ нашихъ же рукъ первую попытку интеллигентныхъ Латышей поставить своихъ земляковъ въ прямыя и непосредственныя отношенія къ Россіи.

---

[1]) Въ Прагѣ всѣ присутственныя мѣста и власти принимаютъ всякаго рода просьбы, объявленія и т. п. на чешскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ безъ различія и, по общепринятому правилу, выдаютъ резолюціи на томъ языкѣ, на которомъ писана просьба. Таково положеніе государственнаго языка въ Чехіи; Русскій, въ Балтійскомъ краѣ, до сихъ поръ не получилъ и этого права, а между тѣмъ никто конечно не вздумаетъ приравнивать отношенія Чехіи къ Австріи къ отношенію Балтійскихъ губерній къ Россіи. Чехія издревле составляла отдѣльное королевство; Чехія завоевана не была; корона чешская перешла къ Габсбургскому дому, но, при этой посредственной, чисто династической связи съ другими владѣніями Габсбурговъ, Чехія всегда состояла, въ составѣ Австрійской Имперіи, на такихъ же правахъ, какъ Венгрія.

[2]) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 27.

Русскія газеты нѣсколько разъ уже заговаривали объ этомъ прискорбномъ явленіи, но, къ несчастію, правительство до сихъ поръ еще не усмотрѣло дѣйствительнаго его значенія и не оцѣнило нравственныхъ его послѣдствій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, основана была первая и до сихъ поръ единственная въ своемъ родѣ газета, издававшаяся на латышскомъ языкѣ, для Латышей, не онѣмечившимися Латышами. Ихъ было немного, человѣкъ пять или шесть, но всѣ они были даровиты, душею преданы своему дѣлу и цѣлое племя смотрѣло на нихъ какъ на лучшихъ своихъ представителей. Латыши-литераты, изъ которыхъ нѣкоторые получили полное университетское образованіе и, при всемъ томъ, не гнушались своего происхожденія и не измѣняли своимъ землякамъ, а напротивъ посвящали на служеніе имъ свои познанія и способности — это было явленіе совершенно небывалое, недавно еще казавшееся невозможнымъ. Въ новомъ литературномъ органѣ, цѣлое племя, въ первый разъ, пріобрѣтало голосъ для выраженія своихъ потребностей, желаній и стремленій. Направленіе изданія, въ политическомъ отношеніи, было не только безвредно для Россіи, но напротивъ такъ очевидно совпадало съ ея интересами понятыми вѣрно, что во всякой другой землѣ, въ Ирландіи, въ Венгріи, въ Познанскомъ герцогствѣ или въ Ганноверѣ, откройся тамъ литературный органъ такого же цвѣта, тамошнее правительство привѣтствовало бы его появленіе какъ самый счастливый симптомъ и приняло бы его подъ свое покровительство. Въ противность сепаратистическимъ стремленіямъ нѣмецкой балтійской прессы, эти неожиданные, какъ бы съ неба упавшіе къ намъ союзники проповѣдывали латышскому племени, что вся его будущность въ возможно полномъ объединеніи его съ Россіею; на адресы рыцарства и на громкія заявленія вѣрности обусловленной неприкосновенностью мѣстныхъ привилегій, граждане того же края латышскаго происхожденія отвѣчали заявленіемъ преданности безусловной и безоговорочной, не скрывая своего желанія, чтобы правительство даровало ихъ племени такіе же права и законы, такой же просторъ, такую же свободу, какими пользовались его коренные подданные въ другихъ областяхъ. Мы, разумѣется, пропустили

все это мимо ушей и не обратили ни малѣйшаго вниманія на скромный голосъ этихъ откуда-то взявшихся людей, говорившихъ на непонятномъ для насъ языкѣ. Но балтійское дворянство и лютеранское духовенство взглянули на дѣло иначе и встревожились не на шутку. Они очень хорошо поняли, что еслибы Латышамъ удалось вступить въ прямыя сношенія, на первый разъ, хотя бы съ русскою публикою, и проложить себѣ новый путь къ просвѣщенію, котораго они жаждутъ, именно путь изъ Россіи; то вскорѣ и въ правительственной средѣ поколебалась бы та странная, но общепринятая фикція, въ силу которой помѣщики принимаются за представителей и опрашиваются какъ представители интересовъ крестьянъ; что тогда открылся бы пожалуй новый источникъ для повѣрки оффиціальныхъ отзывовъ о благоустройствѣ и благосостояніи края; наконецъ, что изъ рукъ господствующей партіи, ускользнуло бы надежнѣйшее орудіе германизаціи туземцевъ. Всѣ обыкновенные пріемы, клеветы, доносы, застращиваніе, были употреблены въ дѣло, чтобъ отвратить эти бѣды и, разумѣется, съ обыкновеннымъ успѣхомъ. Прежде всего, добились черезъ генералъ-губернатора (барона Ливена) перевода цензуры латышской газеты изъ Петербурга въ Ригу, разсудивъ, очень основательно, что имѣя ее подъ рукою, гораздо легче будетъ задушить ее втихомолку; потомъ, испросили у министра внутреннихъ дѣлъ пріостановленія ея на нѣсколько мѣсяцевъ, а за тѣмъ запрещенія. Въ такихъ мелочахъ людямъ заслуженнымъ и пользующимся полною довѣренностью правительства, отказа не бываетъ. Но всего этого было мало; нужно было, рукою самого правительства, разбить группу людей собравшихся около латышской газеты, дабы, однимъ ударомъ, пришибить въ цѣломъ племени всякую надежду на заступничество со стороны власти и всякую вѣру въ ея сочувствіе. Въ этихъ видахъ, сложилась цѣлая коалиція, и, благодаря наговорамъ двухъ сословій (дворянства и духовенства [1]) благодаря усиленному ходатайству губернатора и генералъ губернатора, благодаря наконецъ предупредительной услужливости III отдѣленія и министерства внутреннихъ

[1]) На это есть печатное свидѣтельство, которое я приведу.

дѣлъ, административная кара обрушилась на невинныя головы бывшихъ редакторовъ и главныхъ сотрудниковъ. Подъ самыми вздорными предлогами, начались домашніе обыски и допросы; кого запугали, кого лишили мѣста и разорили, кого административнымъ порядкомъ отправили въ дальнюю ссылку, кого едва было не погубили по суду, если бы не вмѣшался въ дѣло Правительствующій Сенатъ и не остановилъ въ пору юридическаго убійства, къ несказанной досадѣ лифляндскаго гофъ-герихта [1]). Этимъ гоненіемъ, по своей произвольности и жестокости безпримѣрнымъ въ нынѣшнее царствованіе, отвѣтило правительство на первую попытку мирной эмансипаціи Латышей въ области мысли и слова.

Теперь посмотримъ, что сдѣлано было по нашей иниціативѣ въ Балтійскомъ краѣ, въ тотъ же двадцатилѣтній періодъ, дѣйствительно полезнаго.

XI.

Въ Ригѣ, отмѣнено стапельное право, то право, въ силу котораго иногородные русскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ иностраннымъ торговцамъ, а обязаны были сбывать ихъ гражданамъ города Риги (30 окт. 1861).

XII.

Въ томъ же городѣ, рядъ безконечныхъ усилій, послѣ многихъ отсрочекъ, увѣнчался наконецъ отмѣною обязательной браковки льна и объявленіемъ этой отрасли мѣстной торговли свободною (27 іюня и 23 декабря 1864).

XIII.

Наконецъ, во всемъ краѣ, средневѣковое право мѣстныхъ цеховъ на исключительное производство ремеслъ (Gewerbs- und Zunftzwang) отмѣнено и теперь вольно всякому, не рискуя попасть подъ судъ, добывать себѣ пропитаніе трудами

---

1) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 25, 26.

рукъ своихъ. Это было выговорено еще при сдачѣ города Риги въ 1710 году [1]), и было исполнено 156 лѣтъ спустя, въ 1866 году.

Кажется—это все чѣмъ мы можемъ похвалиться, по крайней мѣрѣ все дѣйствительно сдѣланное; но для полноты обозрѣнія, нельзя не заглянуть нѣсколько впередъ и не упомянуть о начинаніи первостепенной важности, далеко впрочемъ еще не осуществившемся и котораго осуществленіе подвержено даже многимъ сомнѣніямъ.

XIV.

Я разумѣю судебную реформу. Она должна возымѣть на всю будущность края послѣдствія громадныя. Какъ повѣдала намъ недавно Сѣверная Почта, правительство имѣетъ въ виду „особые оттѣнки при распространеніи на Прибалтійскія губерніи главныхъ началъ судебной реформы", иными словами: предполагается приспособить эти главныя начала къ мѣстнымъ условіямъ. Такъ, повидимому, понимаетъ задачу одинъ изъ оффиціальныхъ органовъ высшаго правительства; я говорю повидимому, ибо все это заявляется только для Россіи, а про себя, министерство внутреннихъ дѣлъ очень хорошо знаетъ, что на мѣстахъ, въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ, понимаютъ дѣло совершенно иначе и что высшее правительство почти ужъ окончательно уступило мѣстнымъ воззрѣніямъ. Когда тамошнія сословія призваны были къ выбору изъ своей среды депутатовъ въ коммиссію, на которую былъ возложенъ трудъ первоначальной разработки проекта судебной реформы, лифляндское дворянство снабдило своего депутата инструкціею, которою оно вмѣнило ему въ непремѣнную обязанность немедленно подать отъ себя протестъ и устраниться отъ всякаго участія въ занятіяхъ коммиссіи при первой попыткѣ заставить ее принять за исходную точку предстоявшихъ работъ восьмой пунктъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Го-

---

[1]) Договор. стат. города Риги и резолюціи фельд. Шереметева 4 іюня, 1710 (№ 2278), резолюція на п. 22.

сударственнаго Совѣта 29 сент. 1862 года [1]), иными словами: буде правительство будетъ стоять на томъ, чтобы къ Балтійскимъ губерніямъ были примѣнены основныя положенія, принятыя для всей Россіи. Затѣмъ, коммиссія, въ полномъ составѣ, 7 ноября 1866 года, подала тогдашнему генералъ губернатору барону Ливену особую записку, въ которой она единогласно и торжественно опротестовывала напередъ предположеніе, „будто бы она можетъ и соглашается считать себя стоящею на почвѣ основного положенія (als könnte oder wollte sie für formell auf dem Boden des „Fundamentalreglements" stehend und arbeitend angesehen werden). Баронъ Ливенъ принялъ эту записку безъ всякаго возраженія, слѣдовательно призналъ законность выраженной въ ней оговорки, и, такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ испортилъ все дѣло. Графъ Шуваловъ, вскорѣ послѣ того заступившій мѣсто барона Ливена, повидимому, не зналъ объ этомъ промахѣ своего предшественника (какъ это ни невѣроятно). По крайней мѣрѣ, онъ нѣсколько разъ пытался возстановить обязательность главныхъ основаній, но дѣлалъ это крайне неловко и неудачно. Вмѣсто того, чтобы вступить въ открытую борьбу съ антиправительственнымъ воззрѣніемъ представителей мѣстнаго провинціализма, онъ вздумалъ перехитрить ихъ, запутался въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ, уличенъ былъ членами коммиссіи въ противорѣ-

---

1) Въ этомъ пунктѣ значилось: сообщить основныя положенія преобразованія судебной части главнымъ начальникамъ Кавказскаго и Закавказскаго края, обѣихъ частей Сибири, Войска донского и вообще тѣхъ губерній и областей кои управляются не по общему положенію и спросить мнѣнія ихъ: какія измѣненія и дополненія въ общихъ для Имперіи основныхъ положеніяхъ необходимо сдѣлать при примѣненіи оныхъ къ судебнымъ учрежденіямъ сихъ мѣстностей, и т. д.– Подъ общимъ понятіемъ губерній и областей кои управляются не по общему положенію, Балтійскія губерніи подразумѣваемы быть не могутъ такъ разсуждало дворянство и ту же тему подробно развиваютъ теперь въ печатныхъ брошюрахъ тамошніе юристы. —Стало быть, заключаете вы, Балтійскія губерніи принадлежатъ къ числу управляемыхъ по общему положенію?– Опять нѣтъ – отвѣчаютъ вамъ тѣ же юристы.—Такъ какъ же, спрашиваете вы, относятся онѣ къ Имперіи?—Да такъ же! Онѣ находятся внѣ всякаго закономъ признаннаго отношенія составныхъ частей государства къ цѣлому государству.

чіяхъ, въ ссылкѣ на какое-то Высочайшее повелѣніе, котораго онъ предъявить не могъ, словомъ: потерпѣлъ позорное пораженіе и, послѣ какихъ-то успокоительныхъ увѣреній, будто бы полученныхъ представителями дворянства отъ самого Государя, сознался, въ исходѣ 1865 года, что онъ ошибался и что основныя положенія судебной реформы не имѣютъ для Балтійскаго края никакой обязательной силы [1]). Итакъ, дѣло повидимому окончательно нами проиграно; вопросъ поставленъ не о примѣненіи, распространеніи и приспособленіи существующаго у насъ (какъ увѣряетъ Сѣверная Почта) а объ изобрѣтеніи для Балтійскаго края чего-то совершенно новаго. Но предположимъ даже (чего я далеко не считаю вѣроятнымъ) что высшее правительство въ пору еще одумается; затѣмъ, при неоспоримой необходимости принять въ соображеніе мѣстныя особенности, возникнетъ вопросъ: что̀ считать главными началами и что̀ оттѣнками; въ какой мѣрѣ, изъ уваженія къ послѣднимъ, будетъ отступлено отъ первыхъ и вообще: восторжествуетъ ли желаніе еще болѣе обособиться, или обратное стремленіе къ объединенію? Кто, на мѣстахъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, будетъ представителемъ объединенія — мы еще не знаемъ, а что горячими сторонниками обособленія будутъ всѣ представители балтійской интеллигенціи и государственные наши сановники ею вдохновляемые — это не подлежитъ сомнѣнію. Изъ разныхъ брошюръ, изданныхъ за границею, изъ журналовъ и газетъ издающихся въ самомъ краѣ, мы знаемъ, что мѣстные юристы отнеслись къ нашимъ судебнымъ уставамъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ; этотъ трудъ (такъ разсуждаютъ они) можетъ быть пригоденъ для Россіи, но нѣмецкія, Прибалтійскія провинціи, такъ далеко опередившія ее во всемъ, имѣютъ полное право требовать для себя чего-нибудь лучшаго. Мы вычитали также, что дворянство никогда не откажется отъ своего сословнаго суда и не уступитъ права замѣщать судебныя долж-

---

[1]) Я заимствую эти подробности изъ Лифляндскихъ Вкладовъ (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 7–20). Авторъ очень подробно разсказываетъ весь ходъ дѣла, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе.

ности по выбору изъ своей среды. Впрочемъ, послѣднему заявленію нельзя придавать слишкомъ большого значенія; въ дѣлѣ торговомъ (а всякое преобразованіе, предпринимаемое правительствомъ, встрѣчается въ томъ краѣ какъ запросъ противной стороны) обыкновенный пріемъ: сперва заломить огромную цѣну, чтобъ было съ чего уступить и послѣ похвалиться оказаннымъ уваженіемъ. Вѣроятно, только это и имѣютъ въ виду Балтійцы дѣйствительно интеллигентные, хорошо знающіе, что судоустройство основанное на началѣ сословнаго разъединенія теперь уже немыслимо, и что, какимъ бы порядкомъ ни назначались судьи, нѣмецкая партія настолько сильна, что никогда личность ей неугодная, а тѣмъ паче Русскій, не проскользнетъ черезъ балтійскую заставу. Настоящая борьба завяжется на другихъ пунктахъ. Добиться отмѣны основныхъ началъ въ системѣ выбора мировыхъ судей и въ институтѣ присяжныхъ — вотъ, по всей вѣроятности, на что обращены будутъ всѣ усилія. Тутъ, конечно, приведутъ какъ доказательства и выставятъ ребромъ: отсутствіе и невозможность въ Балтійскихъ губерніяхъ всесословныхъ собраній, въ родѣ нашихъ земскихъ и городскихъ, которымъ бы могъ быть порученъ выборъ мировыхъ судей, разноплеменность и разноязычіе мѣстнаго населенія, грубость и необразованность Латышей и Эстовъ, грозящій впереди демократизмъ, необходимость, въ видахъ предусмотрительнаго консерватизма, сохранить за дворянствомъ прежнее его полновластіе и т. п. Если (что не подлежитъ сомнѣнію) эти соображенія встрѣтятъ въ высшихъ учрежденіяхъ сильную поддержку и (что довольно вѣроятно) не возбудятъ равносильнаго противодѣйствія, тогда, при нѣкоторой ловкости, будетъ весьма не трудно составить для Балтійскаго края свой особенный мировой институтъ и, подъ этимъ новымъ названіемъ, воскресить только что упраздненную правительствомъ вотчинную юрисдикцію, иначе: облеченный въ судебныя формы, и потому неприкосновенный, произволъ помѣщичьихъ конторъ. Это одна, ближайшая опасность; но дѣло можетъ принять еще худшій оборотъ. Мировой судъ, въ томъ видѣ въ какомъ онъ введенъ у насъ и въ какомъ онъ дорогъ Россіи, такъ глубоко

антипатиченъ балтiйскому рыцарству, что если агенты его встрѣтятъ въ Петербургѣ непреодолимое противодѣйствiе введенiю въ своемъ краѣ особаго мирового института, то очень вѣроятно, что они перемѣнятъ свою диспозицiю и, разумѣется не прямо отъ себя, а черезъ разныхъ преданныхъ имъ государственныхъ мужей, въ стачкѣ съ Поляками и съ какою-нибудь „Вѣстью“, поведутъ атаку противъ мирового суда вообще и постараются натолкнуть правительство на мысль преобразовать его во всей Имперiи по какому-нибудь Остзейскому идеалу. Многiе повидимому ничтожные признаки заставляютъ даже предполагать, что уже теперь, въ влiятельныхъ кругахъ, складывается такого рода замыселъ, который, въ случаѣ малѣйшаго успѣха, нанесъ бы рѣшительный ударъ нашей гражданственности и — говорю это не обинуясь — лишилъ бы верховную власть значительной доли ея популярности. Будемъ надѣяться, что въ рѣшительную минуту, счастливое вдохновенiе, одно изъ тѣхъ вдохновенiй какими такъ часто спасалась Россiя, обратитъ въ ничто зловѣщiя приготовленiя, за которыми она слѣдитъ издали съ недоумѣнiемъ и безпокойствомъ.

Не мудрено также, что институтъ присяжныхъ, послѣ нѣсколькихъ приспособленiй, совершенно утратитъ характеръ суда общественнаго и превратится въ судъ интеллигентнаго меньшинства, то есть нѣмецкой колонiи, надъ безгласнымъ большинствомъ; что правительство пожертвуетъ своимъ правомъ назначать по своему усмотрѣнiю судей и лицъ прокурорскаго надзора, или обяжется выбирать ихъ изъ списка кандидатовъ, которыхъ будутъ представлять ему первенствующiя сословiя, или, что оно, не принимая на себя формальнаго обязательства, de facto, будетъ замѣщать эти должности исключительно уроженцами Балтiйскихъ губернiй, устранивъ совершенно Русскихъ, и, такимъ образомъ, ввѣритъ приведенiе въ исполненiе судебной реформы лицамъ наиболѣе ей противодѣйствующимъ и наименѣе сочувствующимъ ея духу — все это было бы совершенно согласно съ установившимися издавна традицiями. Наконецъ, почему бы (также по очень многимъ бывшимъ примѣрамъ) не обойти и въ этомъ вопросѣ Государственнаго Совѣта,

и не представить проекта судоустройства для Балтійскаго края на Высочайшее утвержденіе прямо отъ остзейскаго комитета, съ тѣмъ разумѣется, чтобы ввести его въ видѣ опыта, и отложить обсужденіе его въ порядкѣ законодательномъ до той минуты, когда проектъ успѣетъ обратиться въ совершившійся фактъ? Если дѣло приметъ такой или похожій на это оборотъ, то отъ главныхъ началъ уцѣлѣетъ не многое, въ сущности, уцѣлѣетъ одно: Лифляндія, Эстляндія и Курляндія, доселѣ не имѣвшія ни одного общаго центральнаго присутственнаго мѣста, получатъ его въ судебной палатѣ—спорить противъ этого никто конечно не будетъ; онѣ сплотятся въ одно цѣлое, въ одинъ Остзейскій округъ (къ которому, безъ сомнѣнія, не причислятъ ни одной русской губерніи, чтобъ лучше изолировать его) и тогда Балтійскій край, въ судебномъ отношеніи, отвалится окончательно отъ Россіи. Онъ избавится „von der Calamität der Unterordnung unter dem russisch verhandelnden St. Petersburger Senat (отъ напасти подчиненія С. Петербургскому Сенату производящему дѣла по-русски) и получитъ наконецъ то, чего онъ не переставалъ настойчиво домогаться съ самой минуты его завоеванія, именно верховный трибуналъ для себя, и чего не давалъ ему Петръ I, даже въ то время, когда, въ упоеніи побѣды и на радостяхъ, что у него наконецъ завелись и нѣмецкіе подданные, онъ имъ ни въ чемъ не отказывалъ. Направить судебную реформу въ ту или другую сторону, то есть къ сближенію съ Россіею или къ обособленію отъ нея, призванъ теперь графъ Паленъ, назначенный министромъ юстиціи помимо всѣхъ русскихъ юристовъ, самимъ правительствомъ подготовленныхъ, и своими трудами по составленію судебныхъ уставовъ, кажется, оправдавшихъ возложенныя на нихъ надежды.

Но я не хочу, чтобъ меня упрекнули въ гаданіи и потому, отъ неизвѣстнаго будущаго, обращаюсь назадъ къ прошедшему, къ фактамъ совершившимся.

Сравненіе выведеннаго итога нашихъ жертвъ, потерь, уступокъ и промаховъ съ итогомъ нашихъ пріобрѣтеній и успѣховъ приводитъ къ заключенію, которымъ мы едвали въ правѣ похвалиться. Говоря словами Петра I-го, во аван-

тажѣ остается мѣстный провинціализмъ, а для Россіи балансъ сводится на минусъ. Это такъ очевидно, что, по отношенію къ результатамъ, истекшее двадцатилѣтіе въ Балтійскомъ краѣ, и особенно 14-ти лѣтнее управленіе внука великаго генералиссимуса (отъ 1848 до 1861 года) [1]) уподобляется даже не потерянному сраженію, а цѣлой несчастной для насъ кампаніи, въ продолженіе которой государственное знамя постоянно склонялось и отступало передъ значкомъ провинціализма и наконецъ упало такъ низко, что самая скромная попытка поднять его возбуждаетъ теперь негодованіе какъ неслыханная дерзость [2]).

„Скажите имъ, что я Императрица Всероссійская, а не герцогиня курляндская"—отвѣчала съ высоты своего престола Екатерина II на какое-то заносчивое домогательство своихъ балтійскихъ подданныхъ.

---

[1]) Не даромъ отъявленный врагъ Россіи, издатель Лифляндскихъ Вкладовъ, говоритъ объ управленіи князя Суворова съ такимъ сочувствіемъ, называя его временемъ отдыха и спокойствія, въ продолженіе котораго край сообразился, одумался и собрался съ силами. (Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 88).

[2]) Вотъ, напримѣръ, какого рода печатные отзывы мы теперь встрѣчаемъ о послѣднемъ пребываніи Государя Императора въ Ригѣ и о произнесенныхъ имъ въ этомъ городѣ словахъ, въ связи съ недавнею попыткою ввести русскій языкъ въ оффиціальное употребленіе, окончившеюся, какъ извѣстно, рѣшительнымъ отступленіемъ правительства передъ мѣстною оппозиціею. Издатель Лифляндскихъ Вкладовъ видитъ въ этой попыткѣ первый приступъ къ осуществленію какого-то давнишняго замысла подавить въ Остзейскихъ губерніяхъ германизмъ, эту стихію, которой царствующая династія обязана надежнѣйшими своими опорами (das Deutschthum—dieses Element im russischen Reiche, welchem die kaiserliche Dynastie ihre festesten Stützen zu verdanken hat) и говоритъ: „Для насъ, угнетаемыхъ (unterdrückten) всего больнѣе и обиднѣе при этомъ то обстоятельство, что распоряженіе правительства (Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ объ оживленіи мертвой буквы закона 1850) заключало въ себѣ разъясненіе загадочныхъ словъ произнесенныхъ Государемъ Императоромъ въ Ригѣ, въ то время какъ его тамъ принимали съ обычнымъ, честнымъ и довѣрчивымъ гостепріимствомъ (mit gewohnter loyaler und zutrauensvoller Gastlichkeit); мало того: сопоставленіе чиселъ (пребыванія въ Ригѣ и утвержденія упомянутаго положенія) доказываетъ, что Государь Императоръ, пользуясь этимъ гостепріимствомъ и принимая его, держалъ про себя (in petto) свое намѣреніе (настоять на введеніи русскаго языка)".—Итакъ, за то, что Государь Императоръ взялъ на себя трудъ лично предупредить Балтій-

„Помните, что мы чтимъ въ своемъ Государѣ не Императора Всероссійскаго, а лифляндскаго герцога, свободнаго отъ всякаго односторонно русскаго давленія (von einseitiger russischer Pression freien)"—отвѣчаетъ намъ теперь изъ-за границы дѣятельнѣйшій изъ балтійскихъ публицистовъ, вице-президентъ лифляндскаго гофъ-герихта г. В. фонъ-Боккъ [1]). И не онъ одинъ это говоритъ.

Между этими двумя политическими исповѣданіями—почти столѣтіе. Теперь видно въ какую сторону мы шли въ этотъ промежутокъ времени и сколько пройдено нами пути.

Но отчего такой поразительный fiasco, спроситъ вѣроятно читатель? Ужъ не оттого ли, что вся энергія правительства растрачивается на обузданіе нашихъ дворянскихъ и земскихъ собраній, да на гигантскую борьбу его съ московскими газетами, и что, за таковымъ расходомъ, ничего не остается въ запасѣ для нашей Балтійской окраины?—Но хотя бы даже и такъ, все-таки хотѣлось бы разъяснить себѣ: отчего же эта энергія обращается именно туда гдѣ можно бы было безъ нея обойтись, а не туда, гдѣ ощущается въ ней дѣйствительная надобность? Причинъ много—я укажу на двѣ.

Управлять Балтійскимъ краемъ очень трудно и въ то же время очень легко; все зависитъ отъ того: какъ понимать слово управлять. Если управлять значитъ быть адвокатомъ первенствующихъ сословій передъ высшимъ правительствомъ, то задача разрѣшается очень просто. Если жъ управлять значитъ быть дѣятельнымъ представителемъ государственнаго начала и проводникомъ его требованій, то должность генералъ-губернатора въ Ригѣ одна изъ самыхъ трудныхъ и неблагодарныхъ. Въ Балтійскомъ краѣ борются за-

скую публику о своихъ намѣреніяхъ, Его же теперь обвиняютъ въ какой-то двуличности, почти въ предательствѣ. Какъ де могъ Онъ помышлять о введеніи русскаго языка и о тѣснѣйшемъ объединеніи Балтійскаго края съ Россіею, когда Рига встрѣчала его гостепріимно и оказывала ему довѣріе!—Вотъ до чего доводитъ система угожденія, задабриванія, заискиванія и баловства (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. III, IV).

1) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 297, 300.

конъ съ юридическими традиціями и общее законодательство Имперіи съ провинціальнымъ; борются два вѣроисповѣданія, изъ коихъ одно считается господствующимъ во всей Имперіи, а другое считаетъ себя господствующимъ въ томъ краѣ (Landeskirche); борются три народности, господствующая по оффиціальной терминологіи, господствующая на самомъ дѣлѣ, и подавленная; наконецъ: тяжутся городская аристократія съ городскимъ пролетаріатомъ и обезземеленные крестьяне съ землевладѣльцами; въ этихъ борьбахъ и тяжбахъ жизнь всего края. Оттого, самыя обыкновеныя дѣла управленія до крайности усложняются и принимаютъ размѣры вопросовъ политическихъ, церковныхъ, народныхъ или сословныхъ, затрогивающихъ самые щекотливые интересы цѣлыхъ вѣроисповѣданій, корпорацій, даже цѣлыхъ націй. Въ Москвѣ, Петербургѣ или Одессѣ, генералъ губернаторъ не встрѣчаетъ ничего подобнаго. Далѣе, по принятому въ краѣ порядку дѣлопроизводства, всѣ возникающіе вопросы, споры и недоразумѣнія немедленно переносятся въ область историческаго права и обростаютъ множествомъ ссылокъ на документы не всегда достовѣрные, часто темные и обыкновенно допускающіе самыя разнообразныя толкованія. Для Русскаго, не спеціалиста по этой части, трудно даже усвоить себѣ мѣстную юридическую терминологію, выработанную вѣками для выраженія понятій, нигдѣ въ Россіи не встрѣчающихся. Чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, необходима юридическая подготовка, которая, къ сожалѣнію, не пріобрѣтается ни командованіемъ гвардейскимъ полкомъ, ни пріемомъ рекрутовъ, ни бѣглыми осмотрами по разнаго рода порученіямъ. Чтобъ сохранить независимость взгляда и воли, не подчиниться одностороннимъ вліяніямъ и не уклониться отъ борьбы съ провинціализмомъ въ его антигосударственныхъ притязаніяхъ, нужно болѣе чѣмъ обыкновенное представительство и умѣніе орудовать властью; нужно въ добавокъ гражданское мужество, въ полномъ значеніи слова. Ибо, какимъ бы личнымъ къ себѣ довѣріемъ верховной власти балтійскій генералъ-губернаторъ ни пользовался, онъ не можетъ не сознавать, что политическая его будущность въ значительной степени зависитъ отъ мнѣнія, которое составится объ немъ въ Ригѣ,

оттуда перейдетъ въ Петербургъ и тамъ укоренится въ вліятельныхъ кругахъ; а репутацію администратора популярнаго, умѣющаго привлекать сердца къ правительству, или ненавидимаго и возбуждающаго всеобщее неудовольствіе, составятъ ему конечно не Латыши, не православное духовенство и не русскіе купцы, а дворяне и такъ называемая интеллигенція края, то есть тѣ же представители мѣстнаго провинціализма. При такихъ условіяхъ, всякій ли рѣшится вступить съ нимъ въ борьбу?

Но эта незаманчивая обстановка главнаго мѣстнаго начальника мгновенно измѣняется какъ только онъ берется за управленіе въ другомъ значеніи этого слова. Трудности исчезаютъ, недоразумѣнія уясняются; оказывается, что все напередъ придумано, разрѣшено и написано (хотя и не совсѣмъ чистымъ русскимъ языкомъ), а ему, счастливому представителю власти, остается только подписывать. Приходится ли отвѣчать на щекотливый запросъ изъ Петербурга, или ѣхать туда отстаивать какое-нибудь произведеніе мѣстныхъ законодателей—ему подвертываютъ кучу искусно подобранныхъ фактовъ и цифръ, цѣлый арсеналъ аргументовъ, заранѣе подготовленныхъ въ отвѣтъ на всѣ возраженія, словомъ: его начиниваютъ, подогрѣваютъ, наставляютъ, и все-таки отпускаютъ въ путь не одного, а приставивъ къ нему надежнаго руководителя, который будетъ выручать его въ случаѣ надобности и въ то же время будетъ повсюду прославлять его популярность. Чего же лучше? Обыкновенно бываетъ такъ, что вновь назначенный генералъ-губернаторъ изъ Русскихъ [1]) пріѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ управлять въ настоящемъ смыслѣ слова, и мало по малу, нечувствительно, переходитъ къ противоположной системѣ управленія, то есть попадаетъ въ колею своихъ предшественниковъ. Это дѣлается

---

[1]) О генералъ-губернаторахъ изъ мѣстныхъ дворянъ я не говорю. Издатель Лифляндскихъ Вкладовъ характеризуетъ одного изъ нихъ слѣдующими словами: der wackere, echt deutsch und protestantisch gesinnte Gener-Gouv. Baron Wilhelm Lieven (бойкій, по истинѣ въ нѣмецкомъ и протестантскомъ духѣ настроенный баронъ Ливенъ).—Ту же характеристику можно примѣнить къ барону Палену и къ другимъ ихъ землякамъ. (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 263).

какъ-то само собою. При первомъ же докладѣ, онъ невольно испытываетъ непріятное ощущеніе человѣка заблудившагося въ лѣсу и обязаннаго указывать дорогу другимъ. Понятно, что чѣмъ онъ добросовѣстнѣе и умнѣе, тѣмъ невыносимѣе для него такое положеніе; онъ оглядывается по сторонамъ, ища совѣта, и, съ перваго шага, попадаетъ въ руки какого-нибудь мѣстнаго дѣльца, заранѣе подготовленнаго, который предупредительно выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу. Еще нѣсколько мѣсяцевъ — и настоящимъ главнымъ начальникомъ края дѣлается мѣстный ландмаршалъ, ландратъ или губернаторъ изъ ландратовъ, а генералъ-губернаторъ превращается въ его чиновника по особымъ порученіямъ, на котораго возлагается обязанность повторять и проводить въ Петербургѣ то, что внушается ему въ Ригѣ. Можно смѣло сказать, что съ 1847 года, государственное начало не имѣло въ Балтійскомъ краѣ ни одного серьезнаго представителя, и вотъ отчего самые ярые противники этого начала такъ дорожатъ должностью прибалтійскаго генералъ-губернатора „этимъ столь существеннымъ палладіумомъ всѣхъ надеждъ и стремленій направленныхъ къ укрѣпленію балтійскаго германизма“ (какъ выражается авторъ Лифляндскихъ Вкладовъ) [1]). Повторяю: быть адвокатомъ провинціальныхъ интересовъ и трубою провинціальныхъ воззрѣній легко и пріятно; но разъ принявъ эту роль, надобно держаться ея послѣдовательно, какъ дѣлалъ князь Суворовъ, и уже не позволять себѣ никогда порывовъ самостоятельности; иначе, можно легко нажить горькія непріятности и надѣлать промаховъ, какъ это случилось съ графомъ Шуваловымъ, когда онъ захотѣлъ было поддержать требованія правительства въ дѣлѣ судебной реформы, и какъ случилось недавно съ генералъ-адъютантомъ Альбединскимъ, неожиданно вздумавшимъ заговорить по-русски.

Дѣло происходило такимъ образомъ. Генералъ-губернаторъ на сей разъ вѣроятно не испросившій благословенія ни у г. Эттингена, ни у графа Кейзерлинга, послалъ въ ревельскій магистратъ какіе-то акты по частному, долговому взысканію,

---

1) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 72.

при предложеніи отъ себя писанномъ по-русски. Съ какою цѣлью это было сдѣлано—непонятно. Магистратъ отвѣчалъ ему по-нѣмецки слѣдующее (я перевожу буквально) [1]).

„Ваше Превосходительство, при предложеніи отъ 29 м. за № 2139 препроводили въ ревельскій магистратъ бумаги относящіяся къ дѣлу о передачѣ оффиціальнымъ путемъ проживающему въ Пестѣ Рудольфу.... остатка отъ вексельнаго долга Германа Ергелета. Сколь неважно это предложеніе по своему содержанію, столь, наоборотъ, многозначительно оно по своей формѣ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи, оно имѣетъ даже историческую важность. Болѣе полутораста лѣтъ, городъ Ревель пользуется высокимъ счастіемъ находиться подъ скипетромъ славноправящихъ Государей Русскихъ, и, за весь этотъ періодъ времени, въ первый разъ получаетъ ревельскій магистратъ отъ генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній бумагу писанную по русски".

„Если бы магистратъ упустилъ откровенно высказать Вашему Превосходительству какую важность онъ находитъ себя вынужденнымъ придать этому дѣлу (состоящему въ тѣснѣйшей связи съ правомъ спеціально обезпеченнымъ городу Ревелю) то онъ, магистратъ, тѣмъ самымъ измѣнилъ бы своему долгу и призванію быть оберегателемъ и стражникомъ особенныхъ правъ города. Въ пунктѣ 25 Капитуляціи 29 сент. 1710 года, заключенной при подчиненіи города Ревеля скипетру Его Величества въ Бозѣ почившаго Государя Императора Петра 1-го значится:

„Чтобъ въ семъ городѣ и землѣ нѣмецкаго языка искусный правитель или губернаторъ учрежденъ былъ, и всѣ бъ указы на нѣмецкомъ языкѣ изданы были, и никакого бъ языка кромѣ нѣмецкаго въ губернской и городской канцеляріяхъ, такожде въ судахъ, не употреблять (*и городъ гербовою бумагою не отягощать*)" [2]).

„Этотъ пунктъ, тогда же, представителемъ Его Величества

---

[1]) Текстъ напечатанъ въ Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 74.

[2]) Послѣднихъ, курсивомъ напечатанныхъ словъ, въ скобкахъ, магистратъ не привелъ, конечно потому, что они къ дѣлу не относились, а можетъ быть еще и потому, что qui prouve trop ne prouve rien, ибо, на основаніи Капи-

признанъ былъ вполнѣ справедливымъ и имѣющимъ основаніе въ несомнѣннѣйшихъ фактахъ; сверхъ того, этотъ пунктъ въ п. 33 той же Капитуляціи, объявленъ утвержденнымъ; затѣмъ, онъ же, вмѣстѣ съ другими пунктами Капитуляціи, обезпеченъ въ настоящемъ и на будущія времена генеральною конфирмаціею привилегій г. Ревеля Его Величествомъ славной памяти Государемъ и Императоромъ Петромъ I 13 марта 1712 года; наконецъ, этотъ же пунктъ, въ силу ст. 9 ништатскаго мира 30-го августа 1721 года получилъ значеніе обязательства международнаго (eine internationale Bedeutung)" [1]).

„Позднѣйшая, болѣе чѣмъ полуторастолѣтняя практика и обычай служатъ монументальнымъ истолкованіемъ этого обезпеченія по Капитуляціи, изъ чего обнаруживается, что предложеніе Вашего Превосходительства превращаетъ въ вопросъ старое, документально закрѣпленное право г. Ревеля, притомъ право формально признанное и въ новѣйшее время, въ области законодательной. Ибо второе примѣчаніе къ ст. 121 перваго продолж. къ 1 част. Мѣстнаго Свода для губер. Остзейскихъ основано на ясно высказанномъ предположеніи, что переписка всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ и властей въ Остзейскихъ губерніяхъ съ управленіями и судами производящими дѣла свои на нѣмецкомъ языкѣ, должна также производиться на этомъ языкѣ".

„Ревельскій магистратъ имѣетъ полное основаніе, съ самодовольствіемъ и даже съ гордостью, указывать на лѣтописи города за все продолжительное и счастливое время прожитое имъ въ соединеніи съ Россійскою Имперіею (замѣтьте: не въ составѣ Россіи)".

туляціи, городъ имѣетъ совершенно одинаковые поводы отказываться отъ платежа гербовыхъ пошлинъ и возвращать генералъ-губернатору бумаги писанныя по-русски.

1) Вотъ что значится въ этомъ пунктѣ: Его Царское Величество обѣщаетъ при томъ, что всѣ жители провинцій Лифляндской, Эстляндской, такожде и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные, и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, магистраты, цехи и цунфты при ихъ подъ свейскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

„Въ вѣрности и послушаніи, въ радости и въ горѣ, стоялъ городъ къ Императору и государству, считая за славу принадлежать имъ. А это послушаніе и эта вѣрность (въ соблюденіи коихъ на всѣ времена городъ и высшее городское управленіе будутъ полагать свою славу и свою гордость) покоятся на несокрушимомъ упованіи, что права [1]) и интересы города Ревеля, всегда и во всякомъ случаѣ, могутъ разсчитывать на защиту и благоволеніе верховныхъ владыкъ края и ихъ высокихъ представителей; въ этомъ упованіи заключается самое твердое основаніе вѣрности и послушанія. Нынѣ, обращаясь къ Вашему Превосходительству съ почтительнѣйшею и вмѣстѣ рѣшительно высказываемою просьбою (ebenso ehrfurchtsvoller als bestimmter Bitte) на будущее время облекать Ваши предложенія въ ту форму, которая одна только и соотвѣтствуетъ выведенному выше праву магистрата въ дѣлѣ оффиціальной переписки, магистратъ надѣется, что Ваше Превосходительство благоволите признать эту просьбу не за что иное, какъ за выраженіе того же невозмутимаго и несокрушимаго упованія". Ревель, сент. 1867 года. Слѣдуютъ подписи первоприсутствующаго и 12-ти бургомистровъ.

Что оставалось дѣлать бѣдному генералъ-губернатору по полученіи этой нотаціи? Можно было перенести вопросъ съ почвы международныхъ обязательствъ на почву Свода Законовъ и разъяснить, за одинъ разъ, всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ, что̀ есть трактатъ, что̀ привилегія и что̀ законъ. Случай былъ очень удобенъ, но чтобъ рѣшиться поднять такой вопросъ и быть въ состояніи сообразить впередъ дальнѣйшій ходъ его, нужна именно та научная подготовка, о которой было говорено выше, и которой не даютъ обыкновенныя занятія большей части лицъ призываемыхъ у насъ къ административнымъ должностямъ. Представлялся и другой путь: можно было, уклонившись отъ дерзкаго вызова ревельскаго магистрата, обратиться къ шведскому консулу и попросить его навести справку: позволитъ ли стокгольм-

---

[1]) Въ томъ числѣ, конечно, и право не платить гербовыхъ пошлинъ, которыя однако взыскиваются, и право не позволять незаписаннымъ въ цехи трудами рукъ своихъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, которое недавно отмѣнено правительствомъ.

ское правительство рижскому генералъ-губернатору говорить и писать по-русски? Можетъ быть мы къ этому и придемъ, когда насъ окончательно убѣдятъ, что ништатскій миръ связалъ насъ по рукамъ и по ногамъ и что мы должны управлять Балтійскимъ краемъ не на основаніи общаго и мѣстнаго Свода Законовъ, а на основаніи Шведскаго Кодекса XVII вѣка; но все же, въ настоящую минуту, и особенно генералъ-губернатору вновь назначенному, трудно было рѣшиться на такой шагъ. Затѣмъ, оставалось только одно: смириться. И генералъ-губернаторъ смирился.

Я готовъ допустить, что съ его стороны это было благоразумно; но представьте себѣ рядъ такихъ случаевъ (а ихъ можно бы насчитать не мало) и вы поймете отчего авторитетъ власти ежедневно падаетъ, отчего не удается судебная реформа и отчего введеніе въ оффиціальное употребленіе государственнаго языка пошло попятнымъ ходомъ. Лучше бы, кажется, и не предпринимать ничего подобнаго, чѣмъ всякій разъ обращаться вспять съ нахлобучкою.

Это одна причина. Другая, и самая существенная, заключается въ томъ, что высшее правительство, повидимому, не совсѣмъ ясно понимаетъ свое призваніе въ Балтійскомъ краѣ, именно въ настоящую минуту, а недостатокъ яснаго пониманія происходитъ въ свою очередь оттого, что господствующее представленіе объ этомъ краѣ устарѣло и отстало отъ дѣйствительности болѣе чѣмъ на цѣлое двадцатилѣтіе. Мы все еще продолжаемъ смотрѣть на него какъ на законченный продуктъ прошедшаго, когда-то нами признанный и этимъ какъ будто увѣковѣченный; мы воображаемъ себѣ, что сложившійся въ немъ порядокъ вещей только упирается и обороняется отъ покушеній на него извнѣ; мы бережемъ его какъ старую, почтенную развалину, и это суевѣрное къ нему уваженіе сдерживаетъ преобразовательную иниціативу къ которой мы призваны; а между тѣмъ, эта развалина разбирается заботливыми руками, и въ тихомолку, безъ нашего участія и вѣдома, перестраивается въ крѣпость обращенную противъ Россіи. Не замѣчаемъ же мы этого потому, что вся работа укрывается отъ насъ за средневѣковымъ фасадомъ, къ которому мы приглядѣлись, и который искусственно под-

держивается на прежнемъ мѣстѣ именно для того, чтобъ замаскировать на время производящуюся за нимъ перестройку. Такимъ образомъ, инціатива, отъ которой мы добровольно отказываемся изъ уваженія къ старинѣ, переходитъ въ другія руки, трудящіяся усердно, но только не для Россіи. Значеніе и цѣль этой внутренней, ускользающей отъ нашего наблюденія работы, можно выразить въ немногихъ словахъ: средневѣковыя перегородки, которыми взаимно разобщались сословія и корпораціи, постепенно падаютъ; а изъ разрозненныхъ нѣкогда частей стараго общества сплачивается новый организмъ—политическая національность.

Повѣрятъ ли читатели, что князь Суворовъ, первый, хотя и въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, намекнулъ на это явленіе, заявивъ тутъ же, что онъ отнюдь не намѣренъ ему противодѣйствовать? Вотъ что онъ писалъ въ 1848 году, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ: „Въ послѣдніе годы часто упоминаемо было о сопротивленіи германской народности и о враждѣ германскаго населенія края противъ Россіи. Я же постоянно руководствовался мыслію, что съ точки правительства [1]), германская народность въ Балтійскихъ губерніяхъ окончательно заключена [2]) въ предѣлахъ домашняго быта и что стародавнія германскія учрежденія и должностное употребленіе нѣмецкаго языка, историческое наслѣдство края, съ присоединеніемъ его къ Россіи, должно было утратить [3]) народностное (sic) значеніе. Какими бы побужденіями ни руководствовалось въ томъ или другомъ данномъ случаѣ мѣстное нѣмецкое населеніе, я считаю удобнѣйшимъ (!) оставлять встрѣчаемыя противодѣйствія оффиціально на уровнѣ (sic) сословныхъ или частныхъ явленій. Напротивъ того, оффиціальное признаніе ихъ народностными придало бы имъ, сколько мнѣ кажется, значеніе и единство, котораго они нынѣ не имѣютъ“.

---

1) Это конечно значитъ: въ интересахъ правительства.

2) Разумѣть слѣдуетъ: должна бы быть заключена.

3) То есть: должно бы было утратить.

Чтобъ понять эту выписку, надобно знать, что на языкѣ, который въ канцеляріи балтійскаго генералъ губернатора слылъ за русскій „народностный" значило заявляемый отъ имени народности, а „оставлять на уровнѣ" значило: принимать за. Итакъ, смыслъ приведенной выписки слѣдующій: въ оффиціальной моей дѣятельности, я встрѣчаю, со стороны лицъ и цѣлыхъ сословій, правда еще не успѣвшихъ сложиться въ плотную организацію, противодѣйствіе во имя нѣмецкой народности; но я притворяюсь будто бы не замѣчаю этого и продолжаю повторять, что нѣмецкая народность окончательно заключена въ предѣлахъ домашняго быта. Я знаю, что это неправда; знаю, что оффиціальный языкъ есть все-таки нѣмецкій, что на всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и законахъ лежитъ нѣмецкое клеймо, тщательно подновляемое, чтобъ оно не стерлось; но я все это игнорирую, находя болѣе удобнымъ довольствоваться словами, чѣмъ имѣть дѣло съ дѣйствительностью [1]).

Чье именно удобство имѣлось при этомъ въ виду — не объяснено; но очевидно, что для тѣхъ, которые руководили начинавшимся въ то время національнымъ движеніемъ, ничто конечно не могло быть удобнѣе этого преднамѣреннаго игнорированія со стороны мѣстнаго представителя государственныхъ интересовъ. Прямого отъ него содѣйствія, нельзя же было требовать, довольно было и того, что онъ имъ не мѣшалъ и какъ будто ихъ не замѣчалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ объединенію съ родною Германіею (mit dem Stammlande) подъ однимъ народнымъ знаменемъ, было прирождено ея балтійской колоніи, какъ она сама себя называетъ; но оно долго сдерживалось противоположнымъ ему началомъ сословнаго обособленія и

---

[1]) И вѣдь князь Суворовъ, въ самомъ дѣлѣ, руководствовался этимъ правиломъ. Въ 1848 году, курляндское дворянство представило ему для поднесенія Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ значилось „что вѣрность дворянства истекаетъ изъ чувства признательности къ справедливому Монарху охраняющему вѣру, національность и унаслѣдованныя отъ предковъ учрежденія Курляндіи." Князь Суворовъ уговорилъ вычеркнуть слово національность и отправилъ адресъ по принадлежности, какъ правдивое выраженіе политическаго образа мыслей дворянства.

стало брать верхъ надъ нимъ не ранѣе какъ послѣ и вслѣдствіе событій 1845 года. Въ это время, дворянство, лютеранское духовенство и среднее сословіе, если не въ массѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, многому научились. Они выразумѣли, чего имъ не доставало, чѣмъ они были слабы, и съ той поры нѣкогда безотчетное національное стремленіе стало постепенно возвышаться до сознательной системы. Теперь окончательно выработалась цѣлая программа дѣйствій обнимающая три задачи.

Прежде всего, лютеранское духовенство, глубоко пристыженное скоростью и легкостью отпаденія своей паствы, частью въ гернгутерство, частью въ православіе, не могло не усмотрѣть, что протестантское вѣроисповѣданіе не имѣло въ краѣ никакихъ корней. Это была казнь за вѣковое нерадѣніе и за высокомѣрное пренебреженіе къ простонародью и его нуждамъ. Помѣстное дворянство не менѣе живо почувствовало непрочность своего господства и убѣдилось, что ему нельзя и мечтать о какой бы то ни было политической роли, пока все крестьянство, массою, стояло противъ него, тянуло къ Россіи всѣми своими надеждами, и, тѣмъ самымъ, вызывало постоянное вмѣшательство со стороны правительства. Надоумились оба сословія, дворянство и духовенство, и принялись серьезно з а г е р м а н и з а ц і ю Л а т ы ш е й и Э с т о в ъ. Но такъ какъ совладать съ цѣлою массою, перевоспитать ее, побѣдить въ ней недовѣрчивость, вошедшую въ ея плоть и кровь, наконецъ: вырвать изъ ея сердца и помысловъ инстинктивныя чаянія заставлявшія ее обращаться къ Россіи, было бы невозможно, то естественно пришлось ограничить задачу. Она теперь опредѣлилась такимъ образомъ: отвлечь отъ массы простонародья и притянуть къ себѣ верхній слой крестьянства; онѣмечить его насквозь посредствомъ первоначальнаго школьнаго образованія, и подкрѣпить нѣмецкое общество этими свѣжими силами взятыми изъ народа; сосредоточить въ рукахъ онѣмеченныхъ, или, вообще, тѣмъ или другимъ способомъ оторванныхъ отъ массы туземцевъ, крестьянскую поземельную собственность и, такимъ образомъ, единствомъ поземельныхъ интересовъ, связать съ дворянствомъ эту своего рода мелкую шляхту, diese bäuer-

liche kleine Elite, какъ говорятъ Балтійцы; [1]) наконецъ: лишивъ массу сельскаго народонаселенія, не только всякаго участія въ землевладѣніи, но и всякой надежды когда-либо пріобрѣсти прочную осѣдлость, осадить ее какъ можно глубже и обречь на вѣчное батрачество крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Эта программа, въ настоящую минуту, приводится въ исполненіе съ замѣчательнымъ успѣхомъ, благодаря не только бездѣйствію, но, во многихъ отношеніяхъ, прямому, хотя конечно безсознательному, содѣйствію правительства. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Балтійскомъ краѣ, господствовало убѣжденіе, что учить и просвѣщать Латышей противно интересамъ высшихъ сословій; сами же Латыши, въ этомъ отношеніи, вовсе о себѣ не заботились. Теперь не то; школъ для народа открыто много и, съ каждымъ днемъ, открываются новыя; нѣмецкій языкъ постепенно входитъ въ кругъ предметовъ преподаванія; крестьяне учатся съ жадностью.--Такому успѣху нельзя не радоваться; а что, вмѣстѣ съ образованіемъ, вливается въ массы мѣстный германизмъ, то есть самая ѣдкая непріязнь къ Россіи и православной вѣрѣ—это конечно никого не удивитъ. Намъ вѣдь ужъ объявлено печатно, что балтійская интеллигенція опознала въ русской вѣрѣ грубѣйшее проявленіе цезаропапизма и прямое отрицаніе западнаго христіанства, а въ Москалѣ (dem Moskowiter) заклятаго и непримиримаго своего врага [2]). Все это, пожалуй, выходитъ довольно каррикатурно въ политическихъ брошюрахъ предназначаемыхъ для образованной публики; но получаетъ совершенно иное значеніе и дѣйствуетъ совершенно иначе, въ какой-нибудь сельской школѣ, гдѣ каждое слово наставника принимается съ жадностью двѣнадцатилѣтними Латышами, уставившими въ него глаза и настрочившими уши. Къ несчастью, мы мало объ этомъ думаемъ. Вопросъ о сельскихъ школахъ въ Балтійскомъ краѣ недавно занималъ правительство и рѣшенъ тѣмъ, что школы раздѣлены на православныя и лютеранскія; первыя отданы въ исключительное завѣдываніе пра-

---

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 274.

[2]) Livl. Beitr. B. II. Lief. I. S. 1.

вославнаго духовенства, а вторыя, тѣмъ самымъ, сохранили (или, точнѣе: получили) строго лютеранскій, вѣроисповѣдной характеръ. Это былъ одинъ изъ капитальныхъ промаховъ сдѣланныхъ въ послѣднее время; ибо, во-первыхъ, не трудно было предвидѣть, что православныя школы, при скудныхъ ихъ средствахъ, будучи лишены поддержки и покровительства со стороны первенствующихъ въ краѣ сословій, непремѣнно далеко отстанутъ отъ лютеранскихъ; во-вторыхъ, если гдѣ позволительно желать строгаго отдѣленія обученія предметамъ вѣры отъ преподаванія другихъ предметовъ, то конечно тамъ, гдѣ мѣстное вѣроисповѣданіе составляетъ нераздѣльную принадлежность и какъ бы подбивку чуждой народности, находящейся въ прямой оппозиціи къ господствующей. А что таково именно отношеніе протестантства къ германизму въ Балтійскомъ краѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ авторъ Лифляндскихъ Вкладовъ. Вотъ его слова: „Кто сколько-нибудь способенъ понимать кризисъ нынѣ переживаемый германизмомъ въ нѣмецкихъ, Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, тотъ не усомнится признать, что въ сущности и на практикѣ, онъ сводится окончательно къ вопросу: останется ли направленіе народной сельской школы въ рукахъ мѣстнаго рыцарства, или перейдетъ къ такъ называемому министерству народнаго просвѣщенія... Доктору Ульману [1]), болѣе чѣмъ кому-либо, обязаны мы тѣмъ, что проведена была черта строгаго разграниченія по вѣроисповѣданіямъ между сельскими, народными школами лютеранскими и греко-россійскими; благодаря этому, самое острое орудіе изъ всѣхъ служащихъ въ настоящее время доброму дѣлу протестантства и, косвеннымъ образомъ, германизма, осталось въ нашихъ рукахъ не притупленнымъ... ибо, въ Балтійскомъ краѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, судьба протестантства, въ принятой имъ формѣ областной лютеранской церкви, тождественна съ судьбами германизма... съ нею онъ стоитъ и съ нею бы вмѣстѣ упалъ“ [2]).—Спрашивается: кто, въ этомъ случаѣ, лучше понималъ дѣло: наше правительство, создавшее

---

1) Нынѣ вицепрезиденту генеральной лютеранской консисторіи.

2) Livl. Beitr. B. I. Lief. II, S. 103, 131, 135. Lief. I. S. 5.

на балтійской нашей окраинѣ систему протестантско-германскаго народнаго образованія, или заклятый нашъ врагъ, считающій это правительственное распоряженіе величайшею побѣдою своей партіи? Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что народное воспитаніе, это могучее орудіе, посредствомъ котораго, не только направляется въ ту или другую сторону, но создается духъ народный, въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, находится исключительно въ рукахъ лютеранскаго духовенства и лютеранскаго дворянства, дѣйствующихъ разумѣется за одно, и внѣ всякаго серьезнаго контроля со стороны правительства, такъ часто и такъ не кстати поговаривающаго о необходимости зорко слѣдить за первоначальными школами во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ [1]).

Я нисколько отъ себя не скрываю, что при нашихъ административныхъ средствахъ и обыкновенныхъ пріемахъ, отъ контроля за преподаваніемъ многаго ожидать нельзя; но, кромѣ наблюденія, есть и другія средства. Такъ, напримѣръ, правительство могло оказать очень дѣйствительное и притомъ ни для кого не обидное противодѣйствіе германизаціи Латышей, вступивъ въ свободную конкурренцію съ дворянствомъ и лютеранскимъ духовенствомъ, поднявъ и усиливъ народныя школы въ православныхъ приходахъ, открывъ на свой счетъ такія же школы въ казенныхъ имѣніяхъ и введя въ тѣхъ и другихъ преподаваніе русскаго языка — чего сами Латыши недавно домогались, какъ заявилъ печатно тамошній уроженецъ и ревностный германизаторъ. Къ сожалѣнію, слѣдуя системѣ князя Суворова, мы находили болѣе удобнымъ ничего не дѣлать, такъ что теперь остается лишь заявить отрицательные результаты нашей беззаботности и неумѣстной бережливости. Какъ это ни тяжело, а нельзя не сознаться, что графъ Бобринскій, въ своемъ очеркѣ православныхъ народныхъ школъ въ Лифляндіи, отнесся къ нимъ скорѣе снисходительно, чѣмъ строго; что г. Георгъ Сиверсъ

---

1) „Къ счастью, лютеранскія сельскія школы въ Балтійскомъ краѣ, до сихъ поръ, были избавлены отъ всякаго серьезнаго вмѣшательства со стороны министерства народнаго просвѣщенія и подлежатъ исключительному завѣдыванію мѣстныхъ земскихъ учрежденій“ — это говоритъ авторъ Лифл. Вкладовъ. (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 262).

говоритъ сущую правду, утверждая, что уровень преподаванія въ этихъ школахъ гораздо ниже, чѣмъ въ лютеранскихъ; что нельзя не согласиться и съ г. фонъ Боккомъ, увѣряющимъ, что православныя школы, благодаря усиліямъ того же доктора Ульмана (который, какъ видно, усердно объ этомъ старался) потерпѣли постыднѣйшее fiasco, и что не даромъ народная поговорка ходящая по Лифляндіи гласитъ, что православная молодежь ростетъ какъ безсловесное животное (wie das liebe Vieh). По первоначально составленнымъ печатнымъ правиламъ для православныхъ школъ въ Лифляндіи, обученіе русскому языку и живое упражненіе въ разговорахъ на немъ введены были въ кругъ предметовъ обязательнаго преподаванія, какъ въ приходскихъ такъ и въ вспомогательныхъ школахъ; но эти правила остались мертвою буквою. Недавно признали нужнымъ составить новыя и нынѣшній генералъ-губернаторъ Прибалтійскихъ губерній заявилъ при этомъ „что преподаваніе главнѣйшихъ правилъ русской, латышской или эстской грамматикъ, при совершенной неразработанности этихъ предметовъ, и за неимѣніемъ хорошихъ учебниковъ, можетъ быть слишкомъ обременительно для малолѣтнихъ, безъ особенной для нихъ пользы". Въ самомъ дѣлѣ! Стоитъ ли обременять бѣдныхъ малютокъ, а главное — самихъ себя, пріисканіемъ учителей и составленіемъ учебниковъ? Пусть нѣмечатся на здоровье!... Къ чему насъ приведетъ такая дальновидность нашей администраціи и такая настойчивость въ борьбѣ съ встрѣчаемыми затрудненіями, въ то время какъ нѣмецко-протестантская пропаганда съ каждымъ днемъ усиливается—угадать не трудно [1]).

---

1) Что народныя школы въ Балтійскомъ краѣ употребляются именно съ цѣлью германизировать Латышей, то есть поворотить ихъ лицемъ въ ту сторону, откуда тамошняя интеллигенція ожидаетъ избавленія отъ вавилонскаго плѣна—я могъ бы доказать множествомъ свидѣтельствъ. Напримѣръ: «Чтобы придать народной школѣ въ Лифляндіи подобающій ей темпераментъ и влить въ ея жилы жизненный огнь, на это нужна была пережитая нами буря 1841 — 1845 годовъ... „Правда, онѣмеченіе поселянъ латышскаго и эстскаго племени все еще не доведено до конца (noch nicht durchgeführt)... но между ними есть уже такъ называемые полу-нѣмцы, т. е. переживающіе

Кромѣ сельской школы, германизація владѣетъ и другимъ орудіемъ, еще сильнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ и по ближайшимъ результатамъ, которые имъ достигаются. Мы недавно убѣдились, въ Западномъ краѣ, что наше въ немъ владычество тогда лишь упрочится когда недвижимая собственность перейдетъ въ русскія руки; мы объявили объ этомъ съ барабаннымъ боемъ, возбудили въ Европѣ скандалъ, но мало извлекаемъ пользы изъ собственной своей смѣлости, подвигаясь къ цѣли какъ-то вяло, нерѣшительно и какъ будто нехотя. Въ Балтійскомъ краѣ, дѣлается то же самое, въ такихъ же политическихъ видахъ, но гораздо толковѣе, то есть безъ огласки, незамѣтно и живо. Тутъ правительство положительно помогло, не простымъ бездѣйствіемъ, а содѣйствіемъ. Во-первыхъ, оно ничего не сдѣлало для предупрежденія систематическаго обезземеленія крестьянъ принявшихъ православіе, хотя фактъ этотъ, заявленный во множествѣ поступавшихъ отъ нихъ жалобъ, былъ оффиціально признанъ [1]. Во-вторыхъ, какъ было по-

---

процессъ онѣмеченія (welche erst in der Germanisation begriffen sind)... „Латыши охотно принимаютъ отъ Нѣмцевъ образованіе и, еслибъ можно было добиться, чтобъ Русскіе, хотя бы въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, не тревожили, не подстрекали ихъ, и не расшевеливали бы безпрестанно крестьянскихъ учрежденій, тогда, начавшееся развитіе, при нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пошло бы наилучшимъ, быстрымъ, здоровымъ нѣмецкимъ ходомъ (deutschen Fortgang)“ — это сужденіе опытнаго сельскаго пастора (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 129. Lief. III. S. 245, 267, 269). А еще недавно, другой Лифляндецъ, фонъ-Сиверсъ, говорилъ о выходкахъ русской прессы, по поводу мнимыхъ поползновеній балтійскихъ провинціаловъ германизировать край (die angeblichen Germanisirungs-Gelüste)! Неужели онъ такъ плохо зналъ что̀ творилось на его родинѣ, передъ его глазами? (Appell an die Oeffentlichkeit. S. 1).

Австрія, въ послѣднюю войну, была побѣждена не прусскими генералами, а прусскими школьмейстерами—эта фраза теперь повторяется во всей Германіи и сдѣлалась общимъ мѣстомъ. У насъ, въ Балтійскомъ краѣ, дѣло конечно до генераловъ не дойдетъ, но, если оно будетъ идти какъ идетъ теперь, то тамошніе школьмейстеры побѣдятъ насъ въ томъ отношеніи, что окончательно отвоюютъ у насъ народъ. Вся разница въ томъ, что Австрійцевъ одолѣли школьмейстеры все-таки чужіе, ей не подвластные, а нашъ авторитетъ и нашу нравственную силу подтачиваютъ теперь россійскіе подданные, свои люди.

[1]) Даже князь Суворовъ не отрицалъ его, а только находилъ невозможнымъ

дробно объяснено выше (въ статьѣ о крестьянахъ IV), допустивъ, по ходатайству дворянства, отобраніе усадьбъ у владѣющихъ ими хозяевъ подъ предлогомъ отмѣны барщины и продажи участковъ, правительство окончательно потрясло личныя, поземельныя права крестьянъ и предоставило помѣщикамъ полную возможность, ничѣмъ не стѣсняясь, переводить крестьянскіе участки изъ рукъ въ руки, жаловать правомъ поземельной собственности кого имъ вздумается, даже сбывать вовсе Латышей и Эстовъ и разсаживать, въ отобранныхъ у нихъ усадьбахъ, колонистовъ и мѣщанъ нѣмецкаго происхожденія. Что мѣстное дворянство, при общемъ, отрыто заявленномъ его стремленіи „консолидировать" въ краѣ германизмъ, пользуется своими правами именно въ этихъ видахъ, то есть для сосредоточенія крестьянской недвижимой собственности въ рукахъ людей насквозь онѣмеченныхъ и для Россіи окончательно потерянныхъ—въ этомъ, я думаю, никто и не сомнѣвается. Наконецъ, нельзя не прибавить, что правительство, не только никогда не заботилось объ удержаніи за собою довѣрія и сочувствія Латышей и Эстовъ, а совершенно, наоборотъ, какъ будто старалось о томъ, чтобъ они объ немъ позабыли. Всѣмъ извѣстно, что ему принадлежала иниціатива всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія крестьянскаго быта, и что дворянство систематически, и до послѣдней минуты, противодѣйствовало намѣреніямъ власти; тѣмъ не менѣе, при объявленіи законоположеній дѣйствительно благопріятно дѣйствовавшихъ на судьбу крестьянъ (н. п. о возстановленіи высшаго размѣра барщины, объ упраздненіи вотчинной расправы и т. подоб.). правительство умышленно маскировалось въ глазахъ народа, давая передъ собою шагъ дворянству и уступая ему всю честь почина. Иногда, оно даже принимало мѣры для предупрежденія огласки лучшихъ и благодѣтельнѣйшихъ своихъ начинаній (н. п. распоряженія о надѣленіи батраковъ землею въ казенныхъ имѣніяхъ). Къ чему это?— и не странно ли, что до сихъ поръ, Латыши и Эсты ни разу

противодѣйствовать ему. Отзывъ его по этому вопросу будетъ приведенъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ.

не слыхали слова Монарха, непосредственно къ нимъ обращеннаго, тогда какъ это могучее слово, какъ давно ожидаемый благовѣстъ, разносилось по всѣмъ деревнямъ Россіи и Польши, сливая въ одинъ электрическій токъ горячей признательности сдержанные вздохи, неопредѣленныя чаянія, и долго безотвѣтные порывы? Приписать ли это скромности или пренебреженію къ черни—я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, едва ли разумно жертвовать популярностью не только правительства, но и Россіи, въ дѣлѣ столь близко касающемся ея политическихъ интересовъ на одной изъ самыхъ для нея важныхъ окраинъ Имперіи. Все какъ будто нарочно въ тѣхъ видахъ придумывалось, дѣлалось или упускалось, чтобъ отвлечь отъ насъ сочувствіе массъ, по крайней мѣрѣ не возбуждать его, а предоставить германизму полную свободу раскидываться во всѣ стороны, овладѣвать умами и водворять въ нихъ вѣру въ свое всемогущество. Этого ему и хочется; а когда онъ этого достигнетъ, когда простой народъ (который уже теперь, по отзыву г. фонъ-Бокка, сочувственнѣе относится къ Нѣмцамъ чѣмъ къ Русскимъ и быстро дозрѣваетъ до германизма) [1]) окончательно онѣмечится (dem vollen Deutschthum zugeführt wird) [2]), тогда — Балтійское наше поморіе дѣйствительно перестанетъ быть нашимъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ народно-бытовомъ; тогда—и государственное наше владычество въ этомъ краѣ потеряетъ самую прочную, ничѣмъ незамѣнимую свою основу, и, при первой обще-европейской компликаціи, сдѣлается вопросомъ; тогда — мы будемъ разомъ отброшены къ началу XVIII вѣка; но тогда же—какъ бы не проснулись негодующія тѣни Петра I и Екатерины II и не потребовали отчета въ ихъ легкомысленно растраченномъ наслѣдіи.

Итакъ—германизировать Латышей и Эстовъ—это первая задача нынѣшней балтійской политики.

А вотъ вторая: покончить скорѣе, домашнимъ порядкомъ,

---

1) Das mehr unrussische als undeutsche, dem Deutschthume rasch entgegenreifende Volk. Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 4.

2) Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. S. 22.

всѣ тѣ междоусобныя тяжбы и распри, которыя могли бы подать поводъ законодательной власти вмѣшаться во взаимныя отношенія первенствующихъ въ краѣ сословій, и, для достиженія этой цѣли, принести добровольно въ жертву все, что въ существующихъ правахъ и учрежденіяхъ мѣшаетъ внутреннему объединенію нѣмецкаго общества; но, измѣняя въ этихъ видахъ историческую старину, въ то же время, упорнѣе чѣмъ когда-либо отстаивать ее какъ святыню противу всѣхъ начинаній идущихъ отъ правительства и отбиваться отъ преобразованій даже очевидно полезныхъ, буде они влекутъ за собою, въ какомъ бы то ни было отношеніи, объединеніе съ Россіею или хотя бы только сближеніе съ нею. — Первая часть этой задачи ужъ болѣе чѣмъ на половину исполнена по иниціативѣ дворянскихъ сословій.

Матрикулированное рыцарство всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерній добровольно отреклось отъ своихъ не совсѣмъ благопріобрѣтенныхъ привилегій, которыми прочія сословія лишались вовсе права владѣть недвижимою дворянскою собственностью въ уѣздахъ, или подвергались праву перекупа; въ то же время, участіе землевладѣльцевъ нематрикулированныхъ въ обсужденіи земскихъ, хозяйственныхъ дѣлъ (на ландтагахъ) нѣсколько расширено и, вѣроятно, будетъ расширено еще болѣе; поговариваютъ о допущеніи ученыхъ и литераторовъ къ занятію нѣкоторыхъ должностей замѣщаемыхъ по выбору дворянства; даже проскакиваютъ иногда намеки на возможность предоставить, со временемъ, лучшимъ изъ крестьянъ, цвѣту сельскаго сословія (der Elite des Bauernstandes) т. е. крестьянамъ насквозь онѣмеченнымъ, право голоса въ выборѣ членовъ общихъ судебныхъ инстанцій [1]). Все это называется округленіемъ угловъ и выравниваніемъ шероховатостей, обращенныхъ внутрь (т. е. разобщающихъ мѣстныя сословія между собою) [2]). Между тѣмъ, очень еще недавно, суровая исключительность землевладѣльческихъ правъ рыцарства защищалась предста-

---

1) Appell an die europ. Oeffentlichkeit.

2) Какъ выражался какой то лифляндскій патріотъ въ 1859 году. Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 40, 63.

вителями мѣстнаго дворянства и ихъ патронами въ высшемъ правительствѣ какъ краеугольный камень, на которомъ будто бы держалось такъ называемое благоустройство края. Теперь, этотъ камень изъ подъ него выхваченъ; обобщеніе правъ, котораго такъ давно домогались цѣлыя сословія и общества (н. п. рижскіе граждане по вопросу о пріобрѣтеніи недвижимой собственности) частью совершилось, частью довершается; но никто, разумѣется, и не думаетъ сказать за это спасибо правительству, такъ какъ оно дѣйствительно ничего отъ себя не сдѣлало, а ограничилось лишь утвержденіемъ постановленій дворянства. Мало того, оно даже осталось въ накладѣ въ томъ отношеніи, что приносимыя дворянствомъ жертвы предназначались служить и дѣйствительно послужили политической цѣли совершенно противоположной нашимъ государственнымъ интересамъ, т. е. объединенію нѣмецкаго общества въ видахъ единодушнаго отпора наѣздному владычеству (der Fremdherrschaft) [1]).

Съ другой стороны, противодѣйствіе во имя неприкосвенной старины законодательнымъ предположеніямъ правительства, въ послѣднее время, усилилось и приняло особенный характеръ. Намъ долго твердили, и многіе до сихъ поръ убѣждены, что населеніе Балтійскаго края нѣмецкаго происхожденія чуждается Россіи потому, что для него безконечно дороги его законы, учрежденія и обычаи, уцѣлѣвшіе, какъ бы подъ колпакомъ, отъ среднихъ вѣковъ. Это и справедливо по отношенію къ прошедшему. Было дѣйствительно время, когда рыцарство и биргеры чистосердечно вѣрили въ возможность заключиться навсегда въ историческихъ рамкахъ XV вѣка и совершенно добросовѣстно считали всякое къ нимъ прикосновеніе преступнымъ посягательствомъ. Все это теперь измѣнилось. Тѣ же сословія, по крайней мѣрѣ сословныя интеллигенціи, думаютъ иначе; да и нельзя было не одуматься. Въ родной Германіи, гдѣ историческое развитіе общенѣмецкой гражданственности совершалось на свободѣ, при условіи полной политической независимости, замкнутыя корпораціи раскрывались, стушевывались и исчезали въ новыхъ

---

[1]) Livl. Beitr. B. II. Lief. I. S. 5.

общественныхъ группахъ, слагавшихся на основаніи единства экономическихъ или національныхъ интересовъ; поземельныя отношенія упрощались, торговля и промыслы выбивались на просторъ; личная свобода и гражданская равноправность отвоевывали одну за другою привилегированныя позиціи укрѣпленныя по средневѣковой системѣ; пути и поприща открытые для личной предпріимчивости расширялись. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ началось преобразованіе ея внутренняго устройства, совершалось явленіе аналогическое; при этомъ, въ общественной организаціи данной нашимъ селамъ, волостямъ, приходамъ и городамъ, въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и управахъ, въ нашемъ мировомъ институтѣ, въ нашемъ новѣйшемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, обнаруживалось гораздо болѣе сходства съ типами однородныхъ учрежденій выработанными новѣйшею европейскою цивилизаціею чѣмъ съ средневѣковыми учрежденіями Балтійскаго края. Итакъ, становилось очевиднымъ, во-первыхъ, что эти послѣднія учрежденія, отживъ болѣе чѣмъ законный свой вѣкъ, должны были преобразиться въ непродолжительномъ времени; во-вторыхъ, что всякое въ нихъ улучшеніе непремѣнно должно было сблизить ихъ съ порядкомъ вещей введеннымъ въ Имперіи и что, такимъ образомъ, самый естественный историческій прогрессъ велъ неминуемо къ постепенному упраздненію тѣхъ „временемъ освященныхъ особенностей", за которыми, какъ за бруствером, балтійскій германизмъ держалъ себя въ разобщеніи съ Россіею. По мѣрѣ того какъ это убѣжденіе проникало въ умы, измѣнялось и прежнее воззрѣніе на привилегіи. Чтò прежде было само себѣ цѣлью, теперь сдѣлалось средствомъ для цѣли внѣшней и, въ извѣстномъ смыслѣ, высшей. Прежде, нѣмецкое населеніе дичилось Россіи и сторонилось отъ нея, чтобъ сохранить въ неприкосновенности свои права и обычаи; теперь оно отстаиваетъ ихъ, несмотря на дознанную ихъ обветшалость, чтобъ имѣть законный предлогъ держать себя особнякомъ отъ Россіи. Если хотите въ этомъ убѣдиться, то прочтите чтó печатаютъ балтійскіе публицисты за границею, для родной Германіи; тамъ, на свободѣ, безъ цензуры, и ободряемые сочувственною имъ нѣмецкою публи-

кою, они высказываются всегда гораздо откровеннѣе чѣмъ у насъ. Одинъ изъ нихъ, нечуждый нѣкотораго либеральнаго оттѣнка, разсуждая о земскихъ учрежденіяхъ, говоритъ, что и Балтійцы были бы вовсе не прочь, со временемъ, допустить у себя всесословныя представительства, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ инициатива въ этомъ дѣлѣ оставалась за ними; иными словами: чтобъ выждать пока часть крестьянства будетъ окончательно онѣмечена и сдѣлать все по своему, безъ вмѣшательства правительства, и не соображаясь съ порядкомъ вещей введеннымъ въ Россіи [1]). Другой горько упрекаетъ своихъ земляковъ за то, что они не рѣшаются, изъ какого-то ложнаго стыда, прямо и откровенно признать необходимость, именно въ Балтійскомъ краѣ, крѣпко держаться за такія учрежденія, которыми конечно можно бы было пожертвовать не задумываясь, при бо̀льшей свободѣ и при другихъ, менѣе щекотливыхъ условіяхъ (unter unbefangenen und freien Verhältnissen) т. е. если бы пожертвованіе не было равносильно шагу впередъ на пути къ Россіи. Онъ же, подавая робкимъ примѣръ мужества, заявляетъ какъ несомнѣнную истину, что всѣ выгоды идущей отъ Россіи реформы балтійской юстиціи не могли бы вознаградить за бѣдствіе, которое постигло бы Остзейскія провинціи, еслибъ онѣ добровольно подчинились русскимъ, общимъ законамъ Имперіи [2]). Онъ же, въ статьѣ писанной

---

1) Appell an die europäische Oeffentlichkeit gegen die russischen Zeitungen von einem Deutschen, der, als geborener Livländer, russischer Staatsangehöriger ist (Воззваніе къ европейской публикѣ въ защиту отъ русскихъ газетъ. Писано Нѣмцемъ, который, будучи лифляндскимъ уроженцемъ, принадлежитъ къ русскому государству; стр. 19 и 20). Эта не разъ уже мною цитованная брошюра, въ трояномъ отношеніи, принадлежитъ къ числу отрадныхъ исключеній въ массѣ новѣйшихъ произведеній балтійской интеллигенціи. Во-первыхъ, авторъ ея, г. Егоръ Сиверсъ, выставилъ на ней свое имя полными буквами; во-вторыхъ, въ ней слышно честное прямодушіе и, въ самой запальчивости тона, болѣе негодованія (конечно очень неразумнаго) чѣмъ желчнаго, старческаго озлобленія; въ-третьихъ, на цѣлыхъ 24 страничкахъ ни одного доноса!

2) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 3. Lief. III. S. 7. „Dass alle Vortheile einer von Russland kommenden Reform der baltischen Justiz das Unheil nicht wettzu-

специально для Пруссіи, защищаетъ противъ общественнаго мнѣнія либеральной Германіи, такъ называемыя привилегіи своей родины, впрочемъ отнюдь не ради ихъ внутренняго достоинства, а только ради ихъ значенія, какъ оборонительнаго орудія противъ Россіи (die in ihrer defensiven Wehrkraft verkannten Institutionen) и, обращаясь къ своей публикѣ, предлагаетъ ей сообразить: чтò лучше и выгоднѣе для нѣмецкой націи: чтобъ цѣлая, значительная по своему протяженію область вовсе пропала для германизма, или чтобъ она, хотя бы и въ формахъ строго аристократическаго быта, сберегалась для него, въ чаяніи лучшихъ временъ? [1]) А если кто-либо изъ читателей захочетъ составить себѣ болѣе ясное и точное понятіе объ этихъ чаемыхъ, лучшихъ временахъ, то мы предложимъ ему обратиться къ довольно распространенному въ Германіи обозрѣнію Вестермана „Наше Время" (Unsere Tage) части 16-й, пріискать въ ней рядъ статей подъ заглавіемъ „Призваніе Пруссіи на востокѣ" (Preussens Beruf im Osten) и прочесть главу подъ № VII „О будучности нѣмецкихъ Остзейскихъ провинцій подъ владычествомъ Пруссіи (Zukunft der deutschen Osteeprovinzen unter Preussens Herrschaft). Послѣ такого ряда печатныхъ заявленій, отъ которыхъ никто не отрекся, не знаю рѣшится ли кто-нибудь (кромѣ развѣ редакціи Сѣверной Почты) упорствовать въ преднамѣренномъ игнорированіи правды. Наконецъ, я приведу еще одинъ отзывъ, какого-то патріота скрывшаго

---

machen vermöchten, welches über die Ostseeprovinzen durch willige Anerkennung ihrer-Unterstellung unter das russische Reichsrecht heraufbeschwören würde." – Это пишетъ вицепрезидентъ лифляндскаго гофгерихта, который самъ принималъ участіе въ занятіяхъ балтійской коммиссіи, обсуждавшей вопросъ о судебной реформѣ. А мы добродушно воображаемъ себѣ, что тамъ заботятся о наилучшемъ устройствѣ юстиціи!

[1]) Sollte es nicht im wohlverstandenen Interesse der deutschen Nation liegen, dass ein so ansehnliches Gebiet dem Deutschthume doch lieber in ritterschaftlichen und patricischen Lebensformen für bessere Tage herübergerettet worden ist, als gar nicht. (Livl. Beitr. B. I. Lief III. S. 246, 290). А Сѣверная Почта недавно увѣряла Россію, что московская журналистика клевещетъ на балтійскую интеллигенцію, приписывая ей сепаратистическія стремленія! Что это: наивность или дерзость?

свое имя, замѣчательный какъ полное изложеніе теоріи систематическаго противодѣйствія балтійскихъ сословій всѣмъ безъ изъятія законодательнымъ проектамъ правительства: „Оставляя въ сторонѣ сферу промышленности“ — говоритъ авторъ — „я полагаю, что въ настоящее время, мы должны добровольно ограничить себя охраненіемъ учрежденій и бытовыхъ формъ перешедшихъ къ намъ по наслѣдству отъ нашихъ отцевъ, какъ бы сильно онѣ ни отзывались средними вѣками и періодомъ позднѣйшей чопорности (des Zopfes). Въ этомъ, покуда, наше призваніе. Конечно, мы должны также постоянно заботиться объ округленіи угловъ и сглаживаніи шероховатостей обращенныхъ внутрь и ощущаемыхъ внутри, избѣгая въ то же время всякаго повода къ соблазну для внѣшнихъ (насколько это возможно безъ нарушенія нашей чести) и я совершенно раздѣляю мнѣніе, что на этомъ поприщѣ дворянство не только можетъ, но обязано взять иниціативу въ устройствѣ своихъ отношеній къ прочимъ нѣмецкимъ сословіямъ. Тѣ, которымъ такое призваніе могло бы показаться мелочнымъ и слишкомъ скромнымъ, въ сравненіи съ происходящею подлѣ насъ (въ Россіи) шумливою вознею, пусть вспомнятъ, что домашнія дѣла всегда кажутся ничтожными поверхностному наблюдателю; но что однако устройство скромнаго домашняго порядка, по своимъ плодотворнымъ, далеко простирающимся послѣдствіямъ, важнѣе всего на свѣтѣ. Прибавлю, что благоразумные домочадцы всегда терпѣливо переносятъ неудобства родного жилья, когда дѣло идетъ не о томъ какъ бы устроить себѣ наиудобнѣйшія палаты, а о томъ, какъ бы, взаимною другъ къ другу снисходительностью и единодушіемъ, предупредить разореніе родного крова и отводъ дарового помѣщенія въ казармѣ или фаланстерѣ [1]). Что же касается до обывателей нѣмецкаго (балтійскаго) блокгауза въ особенности, то они не только охотно перенесутъ его неудобства, но еще найдутъ ободреніе въ убѣжденіи, что все то, что̀ изъ ихъ старыхъ твореній и изъ ихъ учре-

---

[1]) Едвали нужно объяснять, что казарма значитъ Россія, а фаланстеръ устройство прочнаго крестьянскаго землевладѣнія.

жденій образовавшихся путемъ мѣстной автономіи, будетъ убережено отъ покушеній благотворительной славянщины, все это, даже ничтожнѣйшее, худшее и наиболѣе устарѣлое, все-таки чистое золото въ сравненіи съ прошедшими и вѣроятно даже съ будущими продуктами нескончаемыхъ опытовъ нашихъ сосѣдей (Русскихъ) въ области домашняго сословнаго и политическаго быта, религіи и художествъ. Кстати привести въ заключеніе слово Александра фонъ-Рейца: нужно защищать свое, хоть и негодное, ради того что оно свое" [1]).

---

[1]) Abgesehen von der rein industriellen Sphäre . . . . sehe ich unsere Aufgabe in einstweiligem resignirtem Conserviren unserer von den Vätern überlieferten Institutionen und Lebensformen, und ständen sie auch noch so sehr im Geruch der Mittelalterlichkeit und des Zopfs. Freilich werden wir dabei fort und fort bedacht sein müssen, ihre Ecken und Härten, soweit sie sich nach innen fühlbar machen, zu glätten und zu mildern, indem wir zugleich allen mit Ehren vermeidbaren Anstoss nach aussen zu vermeiden suchen, und hier bin ich gewiss der Erste, der Ihnen zugiebt, dass dem Adel, zumal in seinen Beziehungen zu den anderen deutschen Ständen, die Initiative nicht sowohl zusteht, als obliegt. Wem diese Aufgabe, gegenüber dem vollmauligen „jenseitigen" Treiben, klein und allzubescheiden dünken sollte, der möge bedenken, dass häusliche Angelegenheiten dem oberflächlichen Beobachter allezeit geringfügig erscheinen, dass aber doch die grössten und nachhaltigsten Wirkungen von der stillen Ordnung des Hauses ausgehen, und dass ferner die Genossen desselben seine Unbequemlichkeiten u. s. w. gern ertragen werden, wenn sie sich vergegenwärtigen, dass es sich für sie nicht darum handelt, den möglichst bequemen Palast herzustellen, sondern, durch gegenseitige Duldung und Einigkeit, zu verhindern, dass ihnen das väterliche Dach über dem Kopfe abgerissen und ihnen freie Wohnung angewiesen werde, sei es in der Kaserne, sei es im Phalanstere. Doch nicht nur gern ertragen werden die Genossen des deutschen Blockhauses seine Unbequemlichkeiten, sondern gehoben werden sie sich fühlen von dem Bewusstsein dass das Geringste, Schlechteste und Veraltetste, was ihnen von den alten autonomen Schöpfungen und Bildungen vor slavischer Weltbeglückung zu retten gelingt, immer noch Goldes werth bleibt, verglichen mit Allem, was bis hiezu «jenseits» auf irgend einem Gebiete des häuslichen, ständischen, politischen, religiösen und künstlerischen Lebens jemals herausexperimentirt worden und aller Wahrscheinlichkeit nach jemals herausexperimentirt werden dürfte. Ich schliesse mit dem Wahlspruch unseres Alexander v. Reitz: admo-

Откиньте нѣмецкое самохвальство и вы получите слѣдующую, совершенно выработанную, политическую программу: прежде всего нужно уберечь край для Германіи, въ ожиданіи лучшихъ временъ, а чтобъ этого достигнуть, необходимо держать его въ полномъ разобщеніи съ окружающею его русскою средою, какъ бы подъ колпакомъ его средневѣковыхъ учрежденій. Нельзя конечно оспаривать, что подъ этимъ колпакомъ душно, что эти учрежденія неудобны, тѣсны и дряхлы—все это мы знаемъ и ощущаемъ, и все-таки мы не примемъ отъ Россіи ни воздуха, ни простора. Положеніе дѣйствительно трагическое! Сближаться съ Россіею они рѣшительно не хотятъ, а между тѣмъ, та почва, на которй они до сихъ поръ держались въ разобщеніи съ нею, проваливается подъ ихъ ногами. Какъ же быть? – Этотъ естественно возникающій и неизбѣжный вопросъ служитъ какъ бы переходомъ къ новой задачѣ и, такъ сказать, наводитъ на нее.

Первая и вторая — онѣмеченіе Латышей и Эстовъ и внутреннее объединеніе нѣмецкаго общества — дѣло домашнее. Оно всѣмъ сподручно и по плечу; имъ орудуютъ на мѣстахъ помѣщики, пасторы, школьные учителя, каждый въ мѣру своего умѣнія и усердія.

Третья задача гораздо труднѣе и деликатнѣе; она касается внѣшнихъ отношеній края, какъ области, къ Россіи какъ государству, и потому ею завѣдуютъ преимущественно передовые люди, политики и публицисты высшаго полета, подвизающіеся на такъ называемомъ сословно-дипломатическомъ поприщѣ—auf ständisch-diplomatischem Wege [1]). Заключается она въ томъ, чтобы, такъ сказать, перелить провинціальный германизмъ изъ старыхъ, сильно поврежденныхъ сосудовъ сословныхъ привилегій, въ сосудъ новый, изъ другого, болѣе прочнаго вещества, который бы въ состояніи былъ выдержать ожидаемыя впереди столкновенія; иными словами: довести правительство, незамѣтнымъ для него путемъ, до признанія балтійскаго германизма за политическую національность.

dum tuenda sunt nostra nec non vitiosa, sed tamen propria» Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 63, 64.

1) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 65.

Я постараюсь доказать, что это вовсе не сумасбродная мечта какихъ-нибудь случайно разгорячившихся головъ, а гораздо болѣе. Для балтійской интеллигенціи, это совершенно правильный и неизбѣжный выводъ изъ всѣхъ ея политическихъ воззрѣній намъ уже отчасти извѣстныхъ; для насъ— это почти неизбѣжное, хотя на первый взглядъ и невѣроятное завершеніе цѣлаго періода бездѣйствія или криводѣйствія.

Какъ ни презрительно отзывается балтійская интеллигенція о такъ называемой старорусской партіи и о московскихъ ея органахъ, какъ ни твердо уповаетъ она на спеціальное, никогда ей не измѣнявшее покровительство главнаго управленія по дѣламъ печати, тѣмъ не менѣе не могла же она не признать какъ фактъ, что въ послѣднее время, въ Россіи, сталъ раздаваться какой-то новый, до тѣхъ поръ неслыханный голосъ. Прежде, она имѣла дѣло только съ правительствомъ и потому приспособила свои политическіе пріемы къ оффиціальнымъ сношеніямъ и къ придворнымъ интригамъ. Теперь, волею неволею, приходится еще имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, котораго нельзя ни усыпить лестью, ни подкупить напыщенными выраженіями условной вѣрности; изъ всѣхъ доселѣ служившихъ средствъ, остается одно: клевета и доносъ; но и это орудіе, такъ часто и такъ неразборчиво употребляется, что и оно скоро притупится. [1])

---

[1]) Политическій доносъ употребляется въ дѣло не только противъ лицъ, но и противъ цѣлаго общества, противъ всей Россіи. Замѣчательные образцы въ этомъ родѣ можно найти въ произведеніяхъ г. фонъ-Бокка. Я приведу два или три, взятые на удачу, для примѣра: «Шипами усѣянъ путь къ любимому Монарху, окруженному, осажденному и лишенному всякой свободы дѣйствій враждебными силами, все болѣе и болѣе разоблачающейся русской революціи» (Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 102).—Или: «Пора пріобрѣсти въ общественномъ мнѣніи Европы союзника Монарху, желающему добра, для подкрѣпленія его въ очевидно трудной и утомительной борьбѣ Его съ темными силами мѣшающими осуществленію Его благихъ желаній... Каждый честный Лифляндецъ все еще признаетъ самодержавную власть за принадлежность своего Государя; а не темной силы и страстной оппозиціи Москвичей; иными словами: онъ чтитъ не поліарха а Монарха, который самъ хорошо знаетъ какъ ему властвовать, съ одной стороны, надъ Камчадалами, Самоѣдами и Москалями, съ другой: надъ Финляндцами и Остзейцами... Стрѣльцы! Вотъ та загадочная власть, отъ которой терпятъ честный германизмъ и честное протестантство Остзейскихъ

А между тѣмъ, неугомонная русская пресса непрестанно обращается къ дѣламъ Балтійскаго края (какъ заявляетъ съ неудовольствіемъ Сѣверная Почта) и, повидимому, намѣревается не отставать отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не добьется категорическаго разрѣшенія коренного попроса о томъ: въ какихъ отношеніяхъ состоитъ и долженъ состоять этотъ край къ Россіи?

Страннымъ можетъ показаться; что это все еще вопросъ, открытая тема для спора, котораго мы не успѣли порѣшить въ полтораста лѣтъ: Странно! но что же дѣлать—это фактъ. У Балтійцевъ по этому предмету своя теорія, у Россіи — своя. Обѣ стороны давно знаютъ и чувствуютъ, что между ними стоитъ не простое недоразумѣніе, а коренное противорѣчіе, и обѣ, какъ будто по обоюдному соглашенію, обходятъ его и тщательно избѣгаютъ откровеннаго объясненія, какъ будто изъ опасенія договориться. Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ агитацій, интригъ и столкновеній; нерѣдко смущающихъ правительство въ Петербургѣ и постоянно подрывающихъ авторитетъ его въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ.

По балтійской теоріи, двѣ равноправныя, одна отъ другой

губерній, и которая, какъ кажется, посягаетъ и на авторитетъ Всероссійскаго Самодержца... Стрѣльцы! тѣ самые, которые, недавно, на этнографической выставкѣ, самодовольно любовались собою, роятся теперь подъ землею и подпалзываютъ во мракѣ, съ намѣреніемъ, выждавъ благопріятной минуты, выскочить изъ засады и вырвать изъ рукъ законнаго Государя бразды правленія. (Livl. Beitr. B. I. Lief. II. S. 29, 31, 33, 34)... «Какую стремительную силу въ послѣднее время пріобрѣли требованія московской политики видно между прочимъ изъ того, что добрѣйшій Государь вынужденъ былъ отказать своему вѣрному лифляндскому рыцарству въ просьбѣ выслать къ Нему депутатовъ для объясненія ему крайности, до которой они доведены жестокими испытаніями (т. е. подтвержденіемъ указа о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ русскаго языка) (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 6). Или еще: «Покойный Императоръ Николай I, во время своего пребыванія въ Палермѣ, далъ волю своимъ попамъ начать въ Лифляндіи православную пропаганду и, тѣмъ самымъ, вдохнулъ новую жизнь въ протестантство; преемникъ его, видя это, можетъ быть преднамѣренно дозволилъ русской партіи сдѣлать покушеніе на нѣмецкій языкъ, въ надеждѣ вызвать со стороны мѣстнаго германизма противодѣйствіе, и такимъ образомъ, въ подкрѣпленіе самому себѣ, оживить тѣ силы, безъ помощи которыхъ ему бы не устоять противъ напора ростущей волны русской революціи». (Livl Beitr. B. I. Lief. II. S. 130).

независимыя и ничѣмъ въ своей свободѣ неограниченныя стороны, балтійскія сословія и русское правительство, въ началѣ XVIII вѣка, заключили между собою договоръ (einen Vertrag) въ формѣ капитуляцій — таково историческое начало и таково, понынѣ, законное основаніе взаимныхъ ихъ отношеній. Съ перваго же слова, читатель видитъ, что балтійскіе юристы, такъ твердо знающіе свою старину; благоразумно забываютъ, что заключенію этого такъ называемаго договора предшествовала сѣверная война и что Россія отвоевала свое Балтійское поморье у Швеціи, а не у лифляндскихъ ландратовъ и не у ревельскихъ бургомистровъ. А впрочемъ, можетъ быть, въ мѣстныхъ дворянскихъ и городскихъ архивахъ хранятся какіе нибудь неизвѣстные намъ документы, доказывающіе, что Россія, цѣною неимовѣрныхъ усилій, выучилась наконецъ побѣждать Шведовъ только для того, чтобъ, очистивъ отъ нихъ Лифляндію и Эстляндію, потомъ ударить отбой, сложить руки и выслушать отъ тамошнихъ сословій какимъ образомъ угодно имъ будетъ распорядиться собою: не пожелаютъ ли они образовать изъ себя отдѣльное государство, или пристать опять къ Германской Имперіи, или какъ нибудь иначе устроить свою судьбу?

Какъ бы то ни было, по излагаемой теоріи, капитуляціи положили, въ основаніе отношеній Балтійскаго края къ Россіи, систему обоюдныхъ обязательствъ и правъ; затѣмъ, при заключеніи трактатовъ ништатскаго (1721) и абовскаго (1743) [1]), Россія, еще разъ, обязалась передъ Швеціею соблюдать на вѣчныя времена тѣ условія, которыми она предварительно связала себя въ отношеніи къ Лифляндіи и Эстляндіи. Такимъ образомъ, политическія права этихъ провинцій, выговоренныя въ капитуляціяхъ, пріобрѣли новую гарантію и стали подъ защиту международнаго права — ein völkerrechtlich garantirtes bilateralstipulirtes Landesrecht [2]).

---

[1]) Само собою разумѣется, что балтійскіе чины, въ то время состоявшіе въ подданствѣ Россіи, не принимали ни малѣйшаго участія въ заключеніи этихъ договоровъ.

[2]) Die aus anerkannter und acceptirter Rechtsübung hervorgegangenen Kapitulationen dienten dem Czaren zur Grundlage der ständischen Erbhuldigungen; diese hinwiederum zur Grundlage des erst eilf Jahre später zu Stande gekom-

Сущность установившихся на этомъ двойственномъ основаніи взаимныхъ обязательствъ между Россіею и Балтійскимъ краемъ заключалась въ слѣдующемъ: одна сторона—Россія, пріобрѣла право государственнаго владычества надъ Лифляндіею и Эстляндіею и право на политическую вѣрность тамошнихъ чиновъ; въ то же время, Россія обязалась соблюдать и охранять неприкосновенность ихъ стародавнихъ учрежденій, правъ и обычаевъ — короче: ихъ привилегій, притомъ: не которыхъ-либо изъ нихъ, а всѣхъ безъ изъятія и безъ ближайшаго ихъ обозначенія (слѣдовательно, въ томъ числѣ, и стапельнаго права и браковки льна и цеховыхъ шрагъ, и замѣщенія полицейскихъ и судебныхъ должностей изъ среды матрикулированнаго дворянства, по его выбору, и наконецъ даже крѣпостного права со всѣми его прелестями). Другая сторона — мѣстныя сословія и общества, пріобрѣли на вѣчныя времена это широкое обезпеченіе неприкосновенности и неизмѣнности своей старины, и, подъ этимъ условіемъ, приняли на себя политическія обязанности подданства. Итакъ, балтійскіе подданные Россійскаго Императора, присягая ему на вѣрность, предполагаютъ, что и онъ, съ своей стороны, будетъ вѣренъ своимъ обязательствамъ [1]). „Die Treue der Monarchen — это нѣсколько странное выраженіе, встрѣчающееся у балтійскихъ публицистовъ, по ихъ теоріи, имѣетъ, какъ видно, совершенно ясный и точно опредѣленный смыслъ. Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что никакая мѣстная привилегія не можетъ быть законнымъ образомъ не только отмѣнена, но даже въ чемъ либо измѣнена, безъ вѣдома, участія и согласія пользующейся ею стороны; иными словами: въ Балтійскихъ губерніяхъ, законодательная власть принадлежитъ не одному высшему правительству, а правительству въ совокупности съ представителями мѣстныхъ чиновъ—вотъ что̀ значитъ это право законодательной

neuen Nystädter Friedens (1721) gediehen, welcher, wie sein Nachfolger, der Aboer Friede (1743) jene Sonderrechte der Landeskirche und des Landesstaates in Liv- und Esthland auch unter völkerrechtlichen Schutz stellt (Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 254 Anmerk.).

[1]) Das bilaterale facio ut facias—какъ выражается издатель Лифлянд. Вкладовъ. B. I. Lief. II. S. 8.

иниціативы сословій, какъ называютъ его нѣкоторые, или право участія въ законодательствѣ, какъ называютъ его гораздо точнѣе другіе, право будто бы заключающееся въ привилегіяхъ и въ формулѣ ихъ утвержденія, но очень недавно въ нихъ открытое, и на которое балтійскіе публицисты стали такъ сильно налегать въ послѣднее время [1]). Во-вторыхъ, слѣдуетъ, что позволивъ себѣ, собственною своею властью, что-либо отмѣнить или измѣнить въ утвержденномъ ею порядкѣ вещей (а это случалось очень часто и теперь еще случается) [2]) верховная власть нарушила бы коренное условіе заключеннаго ею съ мѣстными чинами договора и сама потрясла бы свое право на ихъ политическую вѣрность. Тѣмъ самымъ, другая сторона пріобрѣла бы право располагать собою, не стѣсняясь условіями нарушенной сдѣлки, то есть, могла бы, по чистой (конечно балтійской) совѣсти, сложить съ себя обязанности подданства, могла бы также, отказавшись добровольно отъ этого права и оставшись къ правительству въ прежнихъ отношеніяхъ, выставить это обстоятельство какъ подвигъ своего необязательнаго долготерпѣнія, дающій ей право на особенную признательность со стороны власти. — „Die sehr geduldigen Livländer" говоритъ авторъ Лифляндскихъ Вкладовъ о своихъ землякахъ настоящаго времени, а другой землякъ его, перечисляя прежнія заслуги Эстляндцевъ, ставитъ правительству на видъ, между прочимъ и то обстоятельство, что они покорились указу Екатерины II о введеніи въ Балтійскихъ губерніяхъ общихъ учрежденій о намѣстничествахъ и терпѣливо вынесли это беззаконное насиліе [3]).

Въ-третьихъ, слѣдуетъ, что всякое нарушеніе правитель-

---

[1]) Das Recht der Mitberathung; иначе: das Recht, dass über Livland n i c h t s ohne der Livländer Vorwissen (nihil insciis Livonis) statuirt werde. На практикѣ, выраженіе insciis (безъ вѣдома) толкуется въ смыслѣ безъ согласія, или соизволенія. Livl. Beirt. B. I. Lief. II. S. 16, 18.

[2]) Не говоря уже о коренныхъ преобразованіяхъ Екатерины II, Александра I и Николая I, почти всѣ законы изданные правительствомъ для Балтійскаго края, съ первой четверти прошлаго вѣка, содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе рѣшительныя нарушенія стародавнихъ порядковъ.

[3]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 34. Lief. II. S. 184.

ствомъ мѣстныхъ привилегій можетъ послужить вполнѣ основательнымъ поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству Швеціи и побудить ее къ заступничеству за обиженную сторону. Правда, сама Швеція, повидимому, не признавала за собою такого права ни во времена Екатерины II, ни при покойномъ Императорѣ Николаѣ I; по крайней мѣрѣ, она имъ не пользовалась; но это не доказываетъ, чтобъ она не могла воспользоваться имъ впослѣдствіи, при другихъ обстоятельствахъ, когда наступятъ тѣ такъ называемыя лучшія времена, о которыхъ балтійскіе публицисты перекидываются теперь намеками съ своею германскою братьею. Что̀ сегодня кажется невѣроятнымъ и несбыточнымъ, завтра можетъ сдѣлаться дѣйствительностью. Кто бы, напримѣръ, повѣрилъ лѣтъ двадцать тому назадъ, что наступитъ минута когда намъ придется выслушивать отъ Турціи наставленія о томъ какъ привлекать къ себѣ сердца покоренныхъ племенъ? Наши дальновидные балтійскіе политики помнятъ это и потому находятъ не лишнимъ, на всякій случай, какъ можно чаще твердить о правѣ Швеціи и, кстати и не кстати, напоминать Европѣ о ништатскомъ трактатѣ. Кто знаетъ: въ будущихъ, чаемыхъ компликаціяхъ, ему предназначено можетъ быть разыграть такую же роль, какую игралъ еще такъ недавно вѣнскій трактатъ въ вопросѣ польскомъ?

Теорія условной преданности, въ вѣрноподданническихъ адресахъ и вообще въ оффиціальныхъ заявленіяхъ, обыкновенно нѣсколько замаскировывается формулою: „Мы были и будемъ непоколебимо вѣрны престолу изъ чувства признательности за охраненіе нашихъ стародавнихъ учрежденій и правъ", но въ произведеніяхъ балтійской интеллигенціи издающихся за границею, та же въ сущности мысль выражается опредѣлительнѣе: не за охраненіе, а въ той мѣрѣ и пока охраняются. Такъ какъ я излагаю не свои догадки, а только свожу чужія свидѣтельства, то считаю не лишнимъ привести нѣсколько печатныхъ заявленій. Развивая политическія воззрѣнія своихъ земляковъ, издатель Лифляндскихъ Вкладовъ говоритъ: „Балтійскія провинціи преданы Императору (sind gut kaiserlich) преданы и Россіи, но съ оговоркою (mit Vorbehalt); преданы же онѣ Императору соб-

ственно потому, что въ Императорѣ Всероссійскомъ онѣ видятъ лице обязанное, по договору, оберегать ихъ такъ называемыя привилегіи (den vertragsmässigen Schutzherrn ihrer sogen. Privilegien) которыхъ главное достоинство заключается именно въ томъ, что онѣ ограждаютъ край отъ гражданской и церковной руссификаціи" [1]). Далѣе, выясняя ту же мысль, авторъ продолжаетъ: „Счастливъ Императоръ Всероссійскій, что сыны Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи чтутъ въ немъ своего герцога, иными словами: могучаго, законнаго и свободнаго отъ всякаго односторонно русскаго давленія (von einseitig russischer Pression freien) оберегателя своихъ благопріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, обязавшагося передъ Богомъ и передъ людьми защищать ихъ данною ему властью" [2]). Это сказано какъ бы въ отвѣтъ на слова произнесенныя Государемъ Императоромъ въ послѣдній проѣздъ Его черезъ Ригу. Государь говорилъ представителямъ тамошнихъ сословій: вы конечно поймете, оцѣните и примете какъ слѣдуетъ то, чтò я долженъ буду предпринять въ краѣ въ общихъ интересахъ Россіи [3]), слѣдовательно, по балтійской терминологіи: то, чтó я сдѣлаю какъ Императоръ, а не какъ герцогъ.—„Ваше Величество кажется забываете—отвѣчаетъ на это балтійскій голосъ изъ-за границы—что Вы нашъ Государь совсѣмъ не потому, что Вы Всероссійскій Императоръ, а потому, что Вы герцогъ лифляндскій, эстляндскій и курляндскій.

Въ другомъ мѣстѣ, теорія отношеній Балтійскаго края къ Россіи выражена еще отчетливѣе. Въ какой-то запискѣ пущенной въ ходъ въ 1866 году, доказывалось, что Положеніе 1832 года о лютеранской генеральной консисторіи, какъ общій законъ, не могло отмѣнить ни мѣстной привилегіи, ни именного указа. Подхвативъ эти слова, издатель Лифляндскихъ Вкладовъ идетъ далѣе и говоритъ: „Мало того, никакой указъ, никакое одностороннее выраженіе воли высшаго правительства не можетъ отмѣнить обоюдуобязательнаго, госу-

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 245, 246.

[2]) Livl. Beitr. B. I. Lief. III. S. 297, 300.

[3]) Не имѣя подъ рукою подлиннаго текста, я привожу слова Государя Императора на память, но ручаюсь за вѣрную передачу смысла.

дарственнаго или международнаго договора (staatsrechtliche oder völkerrechtliche bilaterale Stipulationen) каковы капитуляціи 1710 и ништатскій и абовскій трактаты 1721 и 1743 годовъ. По существу этихъ договоровъ, принадлежащихъ къ области публичнаго и международнаго права, они, такъ же какъ и гражданскіе, частные договоры, могли бы быть отмѣнены или измѣнены не иначе какъ по обоюдному, добровольному соглашенію между Императоромъ съ одной стороны, рыцарствами и городами Балтійскаго края съ другой, и между Императорскимъ Всероссійскимъ и королевско-шведскимъ правительствами. Ничто инымъ путемъ совершаемое не можетъ имѣть законной, нравственно обязательной силы и не выходитъ изъ области чисто фактическихъ проявленій физическаго закона (т. е. силы). Но, какъ говоритъ Руссо: force ne fait pas droit (сила не создаетъ еще права" [1]).—Кажется, дѣло ясно и нельзя требовать болѣе радикальнаго отрицанія законодательнаго права верховной власти. Остается напомнить, что почти весь существующій нынѣ въ Балтійскихъ губерніяхъ порядокъ вещей, по увѣренію тамошнихъ публицистовъ, основанъ на насиліи. Недопущеніе перехода изъ православія въ лютеранство и подчиненіе мѣстныхъ лютеранскихъ консисторій генеральной—насиліе; подчиненіе мѣстныхъ судебныхъ инстанцій Сенату и дерптскаго университета министерству народнаго просвѣщенія—насиліе; введеніе въ оффиціальное употребленіе русскаго языка—насиліе, статья третья введенія въ 1-ю часть Свода Мѣстныхъ Узаконеній — насиліе и т. д. Какъ же послѣ этого не желать „лучшихъ временъ"?

Такого рода отношеніе какое предполагаютъ балтійскіе публицисты между своею родиною и Россіею, когда оно устанавливается между подданными одного государства и царствующею династіею, или между одною областью и государствомъ (какъ напримѣръ, между Финляндіею и Россіею) называется конституціоннымъ; но если предположить его между государствомъ съ одной стороны и отдѣльными сословіями и обществами съ другой (ибо капитуляціи заключались не съ Бал-

---

[1]) Livl. Beitr. B. I. Lief. I. S. 139.

тійскимъ краемъ, даже не съ Лифляндіею и не съ Эстляндіею, а съ тамошними рыцарствами, съ Ревелемъ, съ Ригою и т. д. порознь) то спрашивается: гдѣ тогда отечество? На этотъ вопросъ мы уже слышали отвѣтъ; остается только припомнить его: отечество наше (говорятъ балтійскіе публицисты) въ высшемъ и широкомъ значеніи слова—Германія; это стволъ, котораго мы вѣтвь—unser Stammland; родина наша: это Лифляндія, или Эстляндія, или Курляндія; а Россія — это государство, къ которому мы теперь приписаны. Мы состоимъ не въ немъ, а подъ нимъ, какъ состояли нѣкогда подъ Польшею и Швеціею—unter polnischer, unter schwedischer, unter russischer Herrschaft. И вотъ, подхватывая эту мысль, прусскіе публицисты, которымъ балтійская теорія приходится какъ нельзя болѣе по сердцу, проектируютъ теперь новый, будущій періодъ исторіи Балтійскаго края: die Ostseeprovinzen unter preussischer Herrschaft. На такое безцеремонное обращеніе съ русскою областью, конечно можно бы было кое-что возразить, даже съ точки зрѣнія законности, права и международныхъ трактатовъ; но кто сколько-нибудь знакомъ съ пріемами рижскихъ политиковъ и ихъ заграничныхъ друзей, тотъ не можетъ не знать, что все это строго обязательно только для Россіи; а когда доходитъ дѣло до Пруссіи, тогда вводятся въ аргументацію совершенно иного рода соображенія, какъ напримѣръ: „тяга Германіи на востокъ (der Drang, der grosse deutsche Zug nach Osten) ея историческое призваніе (der historische Beruf) и тому подобное. Надобно сознаться, что никто не выразилъ политической доктрины Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ такъ кратко и отчетливо какъ г. Егоръ Сиверсъ, въ придуманной имъ для самого себя квалификаціи: „Нѣмецъ (по національности) Лифляндецъ (по рожденію) и, какъ таковой, приписной къ русскому государству (ein Deutscher, der als geborener Livländer russischer Staatsangehöriger ist). Понятно, что если бъ когда-нибудь наступилъ тотъ четвертый періодъ, который теперь исподоволь подготовляется въ Пруссіи, то конечно это троичное и, что бы ни говорили, все-таки нѣсколько сложное и мудреное отношеніе, измѣнилось бы къ лучшему; по крайней мѣрѣ, оно упростилось бы въ значи-

тельной степени, ибо тогда можно бы было, по національности и по государственной припискѣ, тянуть къ одному центру, не дробя своихъ сочувствій на двое. Тотъ же балтійскій публицистъ объясняетъ намъ свою формулу историческимъ примѣромъ; по поводу гдѣ-то и кѣмъ-то будто бы заявленнаго въ русской прессѣ обвиненія Балтійцевъ въ наклонности къ Полякамъ и Шведамъ, онъ говоритъ: „Исторія Рейнгольда фонъ-Паткуля, этого мученика пострадавшаго за конституціонное право Лифляндіи (verfassungsmässige Recht) доказываетъ и ставитъ выше всякаго сомнѣнія, что мы покончили съ Швеціею, какъ прежде покончили съ Польшею. Если бы Польша умѣла сдержать данныя ею обѣщанія, она бы не утратила Лифляндіи, какъ не утратила бы ея впослѣдствіи Швеція [1]). Мы, Балтійцы, никогда не забываемъ испытываемыхъ нами преслѣдованій и нарушеній нашей конституціи (Verfassungsbrüche) [2]) и потому никогда не вернемся ни къ Польшѣ, ни къ Швеціи [3])— Рейнгольдъ фонъ-Паткуль былъ конечно человѣкъ одаренный замѣчательными политическими способностями и желѣзною волею; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которыхъ всегда пріятнѣе видѣть въ рядахъ непріятеля чѣмъ въ своихъ, а потому лучше бы было не тревожить такъ часто его праха. Въ сочувствіи къ Полякамъ, никогда никто не обвинялъ Балтійцевъ, но говорили, и съ полнымъ основаніемъ говорятъ, о стачкѣ балтійской интеллигенціи съ польскою, для совокупной агитаціи въ заграничной прессѣ; о сочувствіи къ Швеціи, кажется, также не было рѣчи; да и г. Егоръ Сиверсъ очевидно указываетъ на нее только въ предостереженіе другой державѣ; а чтобъ эта держава знала чтò

---

1) Авторъ рѣшительно игнорируетъ участіе въ историческихъ событіяхъ армій, международныхъ воинъ и дипломатическихъ трактатовъ; единственные историческіе дѣятели, по его мнѣнію, это кажется лифляндскіе ландраты и рижскіе бургомистры.

2) Однако, недавно еще эстляндскій публицистъ хвалился великодушіемъ, съ которымъ его земляки простили учрежденіе намѣстничествъ при Екатеринѣ II и перенесли допущеніе перехода Латышей въ православіе, при покойномъ Императорѣ.

3) Appell an die Oeffentlichkeit etc. etc. S. VII, 16.

это за права, нарушеніе которыхъ оправдываетъ государственную измѣну, онъ беретъ на себя трудъ перечислить ихъ и приводитъ между прочимъ: самоуправленіе посредствомъ чиновниковъ нами избираемыхъ; право избирать себѣ судей, и употребленіе нѣмецкаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ. Итакъ, намъ объявлено печатно, на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, что если правительство вздумаетъ серьезно настаивать на введеніи русскаго языка въ оффиціальное употребленіе, если оно захочетъ, чтобы судьи назначались въ Балтійскомъ краѣ такимъ же порядкомъ какъ и въ остальной Россіи, если, впослѣдствіи, оно потребуетъ, чтобы полиція, въ этомъ краѣ какъ и въ Россіи, была въ его рукахъ, а не въ рукахъ дворянства; тогда пробьетъ послѣдній часъ его законнаго владычества и вѣрноподданные рыцари, ничего никогда не забывающіе, вспомнятъ про своего героя Рейнгольда фонъ-Паткуля. Въ этомъ же духѣ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ исторія края и воспитываются молодыя поколѣнія.

Это одна теорія; а вотъ наша, основанная на историческомъ фактѣ, на смыслѣ и буквѣ капитуляцій, наконецъ на Сводѣ Законовъ. Хотя князь Суворовъ и утверждалъ, что мы, Русскіе, не болѣе какъ младшіе колонисты Балтійскаго поморія, но намъ все еще помнится, что наши предки отвоевали его у Швеціи, сперва на поляхъ Полтавы, а послѣ, въ довершеніе, подъ Ревелемъ и Ригою. Это относится до Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то хотя она сама отложилась отъ Польши, но подчинилась Россіи безоговорочно и безусловно (Императрица Екатерина II не понимала международныхъ, дипломатическихъ отношеній между цѣлымъ государствомъ и сословіями). Далѣе, мы вычитали въ Полномъ Собраніи Законовъ, что во всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерніяхъ, верховная власть дѣйствительно признала и затѣмъ разновременно утверждала особенныя учрежденія, права и обычаи тамошнихъ сословій и обществъ, но утверждала ихъ условно, оговаривая права верховной власти и общія государственныя установленія, слѣдовательно, подчиняя силу и обязательность частнаго и мѣстнаго, интересамъ общаго и цѣлаго. Этимъ оговоркамъ мы позволяемъ себѣ

придавать серьезное значеніе, никакъ не считая ихъ ни за риторическія украшенія, ни за канцелярскія продѣлки, и потому думаемъ, что соглашеніе мѣстныхъ учрежденій, правъ и обычаевъ съ государственными интересами и установленіями составляло задачу внутренняго законодательства, къ разрѣшенію которой призвана была верховная власть въ силу своего законодательнаго права, отъ котораго она никогда въ пользу балтійскихъ сословій не отступалась и которымъ никогда съ ними не дѣлилась.

Наконецъ, развертывая Сводъ Законовъ, мы въ немъ читаемъ, что Балтійскій край управляется на основаніи частью общихъ, частью особенныхъ для него изданныхъ узаконеній, но что тѣ и другіе заимствуютъ силу свою (не отъ договоровъ и международныхъ обязательствъ) а отъ единой власти самодержавной [1]). Чтó бы ни говорили балтійскіе публицисты, мы не считаемъ этихъ словъ за мертвую букву.

Противоположность двухъ изложенныхъ теорій такъ очевидна, что на первый взглядъ трудно даже понять, какъ она можетъ такъ долго держаться. Дѣло въ томъ, что если мы поставимъ странный, невѣроятный и все-таки неминуемый вопросъ: кто въ этомъ случаѣ правъ и кто ошибается, балтійская интеллигенція или русское общество вѣрящее слову закона, и если захотимъ обратиться за разрѣшеніемъ къ правительственной практикѣ, то мы найдемъ въ ней факты, повидимому, подтверждающіе и то и другое воззрѣніе.

Такъ, въ 1712 году, лифляндское шляхетство, ссылаясь на извѣстную (сомнительной подлинности) привилегію Сигизмунда Августа, представило на Высочайшее имя меморіалъ, которымъ просило о допущеніи уполномоченныхъ ландратовъ къ обсужденію въ мѣстныя коммиссіи и въ правленіе (Kaiserliche Regierung) въ то время, по широкимъ правамъ предоставленнымъ главному начальнику края, вѣдавшеё и дѣла чисто законодательнаго свойства. На это ходатайство, князь Менщиковъ, за отсутствіемъ Петра I и по уполномочію отъ него, отвѣчалъ: „Когда земскія будутъ

---

[1]) Св. Мѣст. Узак. для губ. Остзейск. Часть 1. введ. ст. 3.

случаться дѣла, тогда имѣютъ всегда ландраты противъ ихъ привилегій къ тому допущены быть, равно какъ въ шведскія времена въ обыкновеніи было, а чтобъ онымъ судить и опредѣленіе въ дѣлахъ чинить, того имъ позволить не можно [1]).

Изъ этихъ словъ можно заключить, что к. Менщиковъ, дававшій резолюціи именемъ Государя, какъ видно, имѣлъ о значеніи привилегій, о законодательномъ правѣ дворянства и о границахъ самоуправленія, не такое понятіе какое теперь проводятъ балтійскіе публицисты.

Позднѣе, однако все еще въ такое время, когда обстоятельства присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи были у всѣхъ въ живой памяти, Императрица Екатерина II преобразовала въ самомъ основаніи все тамошнее устройство администраціи, судовъ и сословій, ввела въ дѣйствіе общія учрежденія изданныя для всей Россіи, и нисколько не сочла этого ни превышеніемъ власти съ своей стороны, ни нарушеніемъ договора, которое могло бы лишить ее права на вѣрность ея балтійскихъ подданныхъ. Шведское правительство также не опротестовало ея преобразованій.

Повидимому, вопросъ рѣшенъ былъ окончательно и, если бы

---

1) Пол. Соб. Зак. 1710 марта 1 No. 2496. Въ 1865 году, въ Дерптѣ, вышло новое изданіе Лифляндскихъ Капитуляцій съ подтвердительными грамотами, выписками изъ привилегій и разнаго рода приложеніями, въ томъ числѣ и нѣмецкимъ переводомъ вышеприведенной резолюціи кн. Менщикова, выписанной буквально изъ Полнаго Собранія Законовъ. Вотъ она въ переводѣ: Soll so oft ins Künftige etwas von denen Landfairen wird vorgenommen werden, allezeit denen Landräthen, zufolge der Privilegien die Admittirung erlaubt seyn, gleich bei schwedischen Zeiten geschehen; was sie aber ferner suchen, diese Admittirung auch bei der kayserlichen Regierung zu haben, solches kann nicht verstattet werden. Вѣрность перевода засвидѣтельствована секретаремъ Абрамомъ Веселовскимъ. Очевидно, что смыслъ текста резолюціи искаженъ въ переводѣ преднамѣренно, пропускомъ самаго существеннаго, именно того, что конечно было очень не по сердцу лифляндскому дворянству. Какъ это случилось? — мы не знаемъ: но что бы стоило г. Ширрену, которому открытъ доступъ въ архивъ дворянства, поискать въ немъ: не найдетъ ли онъ въ секретныхъ актахъ объясненія этого страннаго lapsus calami? Порывшись хорошенько, онъ бы можетъ быть отыскалъ даже свѣдѣнія о цѣнѣ, въ которую обошелся дворянству вольный переводъ резолюціи кн. Менщикова.

насажденія великой Императрицы успѣли пустить корень, конечно новѣйшая теорія нами теперь узучаемая, никогда бы не увидала свѣта. Но ея преемникъ поспѣшилъ ввести вновь упраздненный ею старый порядокъ вещей, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, придавъ этому дѣйствію характеръ возстановленія нарушеннаго права. Въ томъ же разумѣется смыслѣ, было оно принято балтійскими сословіями, не замедлившими объяснить ему, что этимъ только и могъ онъ приковать ихъ опять къ своему престолу, то есть пріобрѣсти вновь право на ихъ вѣрность, утраченное его предшественницею. Впослѣдствіи, дворянство и города неоднократно по вергали къ подножію престола изъявленія своей условной преданности, а правительство, какъ будто не замѣчая болѣе или менѣе замаскированной оговорки, благодарило ихъ за рыцарское ихъ великодушіе. Когда возникали законодательные вопросы, почти всегда по иниціативѣ правительства, оно нерѣдко заявляло свои требованія въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, не допускавшихъ ни отговорокъ, ни возраженій; но затѣмъ, хотя въ большей части случаевъ нерасположеніе мѣстныхъ сословій къ перемѣнамъ, которыхъ оно требовало, ни для кого не могло быть тайною, оно ввѣряло имъ же законодательную работу составленія проектовъ. Потомъ, когда проекты оказывались рѣшительно негодными (что̀ случалось очень не рѣдко) правительство все-таки не брало дѣла въ свои руки, а поручало переработку тѣмъ же сословіямъ; это повторялось иногда по нѣскольку разъ и придавало дѣлу такой видъ, будто бы законодательная власть, сомнѣваясь въ своемъ правѣ, признавала необходимымъ склонить мѣстныя сословія къ предъявленію отъ себя ходатайствъ о тѣхъ мѣрахъ, которыхъ, въ сущности, требовало отъ нихъ правительство. Затѣмъ, проекты приведенные въ окончательный видъ, разсматривались почти всегда только для формы, сперва въ особомъ остзейскомъ комитетѣ, потомъ уже, по приведеніи ихъ въ исполненіе, въ Государственномъ Совѣтѣ, но и въ Петербургѣ, такъ же какъ въ Ригѣ, самыя дѣльныя возраженія почти всегда разбивались о всемогущее veto депутатовъ отъ мѣстнаго дворянства. Этотъ особенный порядокъ, установившійся исключительно для дѣлъ Балтійскаго

края, преимущественно для дѣлъ сопряженныхъ съ интересомъ тамошняго дворянства, и столь непохожій на порядокъ, которымъ разрѣшаются законодательные вопросы первой величины для всей Имперіи (н. п. упраздненіе крѣпостного права, преобразованіе полиціи, судебная реформа) дѣйствительно какъ будто оправдывалъ предположеніе, что въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, правительство не пользуется полнотою законодательной власти. Сторонники этого толкованія находили также нѣкоторое ему оправданіе въ обычной выдачѣ подтвердительныхъ грамотъ при вступленіи на престолъ, и, хотя при этомъ всегда оговаривалась свобода законодательной власти, но нельзя не признать, что, по крайней мѣрѣ послѣ изданія Свода Мѣстныхъ Узаконеній, самый актъ утвержденія особенныхъ правъ и обычаевъ одной области казался, по крайней мѣрѣ, излишнимъ и не вполнѣ согласовался съ основными положеніями, такъ ясно высказанными въ начальныхъ статьяхъ этого Мѣстнаго Свода; ибо если Балтійскія губерніи дѣйствительно „управляются на основаніи законовъ общихъ и частныхъ" и если тѣ и другіе „исходятъ изъ полноты самодержавной власти" то къ чему утверждать частные и мѣстные законы, когда не признается надобности утверждать общіе? Если, при вступленіи на престолъ, Государь не утверждаетъ общаго Свода Законовъ для всей Имперіи, къ чему утверждать Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній для губерній Остзейскихъ, составляющій дополненіе къ общему?

Вотъ чѣмъ, если не оправдывается, то по крайней мѣрѣ извиняется политическая теорія балтійскихъ чиновъ. Въ томъ, что она могла сложиться и что приходится опровергать ее, виноваты не они, а мы.

Всему однако долженъ быть конецъ, даже недоразумѣніямъ питаемымъ рижскою интеллигенціею. Кажется, что теперь и они клонятся къ разрѣшенію. Съ одной стороны, Россія, видя передъ собою нѣмецкое національное знамя такъ смѣло выкинутое тамошнею провинціальною оппозиціею, и слыша раздающіеся оттуда зовы къ Германіи еще не отрезвившейся отъ недавнихъ своихъ побѣдъ, естественно недоумѣваетъ и спрашиваетъ: да точно ли мы обязаны благоговѣйно скло-

няться передъ учрежденіями устарѣлыми и негодными, которыхъ единственное достоинство, по увѣренію ихъ почитателей, заключается въ томъ, что подъ ними наше Балтійское поморіе сберегается для Германіи въ чаяніи какихъ-то лучшихъ временъ? Правда ли, какъ увѣряютъ балтійскіе политики, что международные трактаты и государственное право ставятъ насъ въ необходимость, на вѣчныя времена, охранять и ремонтировать, въ завоеванной нашими предками пограничной области, передовое укрѣпленіе германизма? Наконецъ, хорошо ли мы дѣлаемъ, содержа въ немъ гарнизонъ людей, одѣтыхъ въ русскіе мундиры и печатно заявляющихъ Германіи, что они полагаютъ свое призваніе въ разбавленіи нашихъ народныхъ соковъ какою-то своею нѣмецкою подливкою? Все это такъ важно для политической будущности Россіи, что любопытство кажется позволительно.

Съ другой стороны, и дальновиднѣйшіе изъ вожаковъ балтійской фаланги уже не довольствуются игнорированіемъ, со стороны правительства, ихъ политическихъ теорій и тоже подвигаются, хотя осторожно, къ разрѣшенію вышеизложенныхъ противорѣчій. У нихъ на это есть особенныя причины.

Прислушиваясь къ неумолкающему шопоту въ самыхъ высшихъ слояхъ правительственныхъ и придворныхъ, они давно успѣли свыкнуться съ мыслью, что рано или поздно (и вѣроятно ранѣе чѣмъ бы слѣдовало) сама верховная власть призоветъ землю на совѣтъ и, въ той или другой формѣ, дастъ ей голосъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. Къ этой торжественной минутѣ они теперь исподоволь готовятся; но съ какимъ намѣреніемъ? Съ тѣмъ ли, чтобы воспользоваться случаемъ для прекращенія старыхъ счетовъ и споровъ? Чтобы побрататься съ Россіею, чистосердечно и безусловно, на горе и радость, per fas et nefas? Чтобы сложить у порога будущаго собранія всероссійскаго земства свои политическія мечты, и встрѣтить новую эру какъ встрѣтятъ ее представители другихъ областей, съ безоговорочною готовностью подчинить свои частные интересы, мѣстныя права и племенныя предубѣжденія благу общей отчизны?—Или съ тѣмъ, чтобы, по слѣдамъ своихъ дѣдовъ засѣдавшихъ въ законо-

дательной коммиссіи Екатерины II, и вдохновившись недавнимъ примѣромъ Венгріи, заявить во всеуслышаніе о нежеланіи своемъ объединиться съ Россіею и опротестовать заранѣе всякое прикосновеніе къ ихъ провинціальнымъ особенностямъ? Къ несчастію, настроеніе общественнаго мнѣнія въ Балтійскомъ краѣ, выражаемое лучшими тамошними публицистами и представителями мѣстныхъ сословій, таково, что этотъ вопросъ можно считать для нихъ разрѣшеннымъ окончательно, именно во второмъ смыслѣ. Сомнѣваться въ этомъ нельзя, а умышленно игнорировать было бы непростительно. Они снаряжаются на послѣднюю, рѣшительную битву. Но для борьбы съ новымъ противникомъ, нужно запастись и оружіемъ новымъ; старое не годится, оно отслужило. Отстаивать передъ лицемъ государственнаго представительства теорію условной, политической вѣрности было бы смѣшно—она бы лопнула какъ пузырь. Все это знаютъ. Знаютъ также, что заслониться такъ называемыми привилегіями и поставить подъ защиту ихъ мнимой неприкосновенности притязаніе цѣлаго края на политическое обособленіе, было бы крайне невыгодно. На этой почвѣ, не было бы даже мѣста для серьезнаго состязанія; ибо, во-первыхъ, привилегіи даны не Балтійскому краю, а дворянскимъ сословіямъ и городамъ; съ ними же заключены и капитуляціи; какъ юридическая личность, которая могла бы договариваться и обѣщать, Балтійскій край въ XVIII вѣкѣ не существовалъ и понынѣ не существуетъ. Во-вторыхъ, послѣ присоединенія его къ Россіи, все сельское народонаселеніе, считавшееся прежде дворянскою собственностью, пріобрѣло гражданскія права, и потому, прежде чѣмъ приковывать на вѣчныя времена будущее его развитіе къ результатамъ историческаго прошедшаго, въ которомъ оно не участвовало, справедливость потребовала бы опросить его и удостовѣриться въ его согласіи. Въ-третьихъ, съ точки зрѣнія формально юридической, оговорки сопровождавшія утвержденіе привилегій отнимаютъ всякую возможность отстаивать ихъ безусловную неприкосновенность, а что касается до ихъ содержанія, то можно смѣло сказать и доказать, что оно уже упразднено и отмѣнено болѣе чѣмъ на половину. Во всемъ мірѣ, столбовая дорога историческаго

прогресса усѣяна обломками привилегій и, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключеніе даже и Балтійскій край. Повторяю, тамошніе политически развитые агитаторы знаютъ все это лучше чѣмъ мы, и вотъ почему, даже теперь, они избѣгаютъ самого слова привилегіи и, мало по малу, вытѣсняютъ его другимъ, лучше гармонирующимъ съ понятіями и потребностями настоящей минуты, словомъ: Verfassung или Landesverfassung—земская конституція. Но земской конституціи, иначе: системы правъ и учрежденій общихъ всѣмъ сословіямъ и ограничивающихъ права верховной власти, въ наличности не имѣется; ее надобно сочинить, выработать изъ историческаго матеріала, вывести путемъ отвлеченія и обобщенія изъ массы частныхъ, сословныхъ и общественныхъ правъ. Абрисъ ея, этой будущей конституціи, теперь только что намѣчивается балтійскими публицистами, но читатель можетъ уже, до нѣкоторой степени, угадать ея будущія черты сквозь очень неопредѣленныя выраженія, далеко не все то высказывающія, что̀ подъ ними подразумѣвается: свобода совѣсти [1]), устройство мѣстной лютеранской церкви совершенно самостоятельное и независимое отъ общаго для всей Имперіи управленія протестантскою церковью, полное самоуправленіе, замѣщеніе, по выбору, судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ должностей, сословный судъ, замкнутое, корпоративное устройство дворянства (geschlossene Matrikel), нѣмецкій языкъ, какъ языкъ оффиціальный и языкъ преподаванія, самостоятельное завѣдываніе всѣми учебными заведеніями, участіе въ законодательствѣ, право голоса по всѣмъ дѣламъ касающимся края и т. д.

---

1) Когда въ брошюрахъ балтійскихъ публицистовъ, или въ проектахъ тамошнихъ законодателей, вамъ попадается такъ часто употребляемое ими слово свобода, будьте осторожны и глядите себѣ подъ ноги; это вѣрный признакъ ловушки. Такъ, напримѣръ, свобода труда и передвиженія значитъ утрата права на землю и запрещеніе переходить за границу губерніи; свобода взаимнаго соглашенія значитъ необходимость подчиняться произволу помѣщика въ опредѣленіи размѣра повинностей, свобода перехода недвижимой собственности изъ рукъ въ руки значитъ право сгонять крестьянъ съ усадебъ, свобода совѣсти значитъ стѣсненіе православной совѣсти (я это докажу при разборѣ вопроса о смѣшанныхъ бракахъ). Словомъ, въ Балтійскомъ краѣ, идѣже угнетеніе и стѣсненіе ту свобода.

Дѣло ясно: чтобъ отстоять свое изолированное положеніе передъ лицемъ народнаго представительства, нужно, до ожидаемой съ нимъ встрѣчи, заблаговременно заручиться такимъ выраженіемъ Высочайшей воли, которымъ бы верховная власть дѣйствительно себя связала, и черезъ которое призванная на совѣтъ Россія усомнилась бы перешагнуть; иными словами: нужно выманить у правительства признанія политическихъ правъ нѣмецкой народности, нынѣ, на нашемъ Балтійскомъ поморіи, постепенно сплачивающейся въ цѣльный организмъ.

Къ этому теперь все направляется; это главная цѣль передовыхъ дѣльцевъ. Судя по расположенію крупныхъ свѣтилъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и прислушиваясь къ голосу „Вѣсти" недавно возвѣщавшей „что обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ дальнѣйшему развитію тѣхъ идей, которыя составляютъ основу этого изданія", они знаютъ, что настоящая минута представляетъ для нихъ совокупность особенно счастливыхъ условій, и потому вѣроятно не захотятъ долго медлить [1]). Само собою разумѣется, что слово конституція произнесено не будетъ — къ чему пугать словами? Напротивъ, придумаютъ формулу самую не затѣйливую и скромную, предлогъ самый благовидный, хоть бы напримѣръ: словомъ благоволеніе и милости съ высоты престола упадающимъ, вознаградить вѣрный край за распускаемыя про него клеветы; заблаговременно подготовятъ всѣ пути, распредѣлятъ роли, разставятъ всѣхъ по мѣстамъ; при первомъ удобномъ случаѣ, пустятъ заведенную машину въ ходъ, и, въ одно прекрасное утро, проснувшаяся Россія, увидитъ на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, колыбель народившейся за ночь новой Остзейской Финляндіи.

Я не утверждаю, что это непремѣнно случится, но къ этому исходу, неотразимою силою логики и обстоятельствъ, ведутъ и должны вести какъ политическая теорія господствующая въ интеллигентныхъ слояхъ балтійскаго общества, такъ и тамошняя правительственная практика, по этой теоріи сло-

---

[1]) Чуть ли даже они не опоздали нѣсколькими мѣсяцами.

жившаяся. Затѣмъ, я еще позволю себѣ спросить: точно ли этотъ исходъ такъ несбыточенъ какъ съ перваго взгляда кажется, и наконецъ, еслибъ онъ даже былъ дѣйствительно и безусловно невозможенъ, даже при внѣшнихъ, для Россіи неблагопріятныхъ политическихъ компликаціяхъ, позволительно ли успокоиваться однимъ сознаніемъ такой невозможности, и не пора ли наконецъ понять, что самое стремленіе интеллегенціи цѣлаго края къ такому невозможному исходу, повторяю опять: стремленіе логически обусловленное существующимъ въ немъ порядкомъ вещей, есть уже само по себѣ явленіе болѣзненное, опасное и требующее скораго, радикальнаго врачеванія?

Вотъ въ какомъ отношеніи важна настоящая минута и почему необходимо, чтобъ именно теперь, Россія не спускала глазъ съ своей Балтійской окраины. Время, кажется мнѣ, такъ дорого, что я рѣшился, съ перваго же слова, высказать въ какомъ видѣ представляется мнѣ положеніе дѣлъ, хотя я нисколько отъ себя не скрываю, что, для меня лично, было бы гораздо выгоднѣе уклониться на первыхъ порахъ отъ столкновенія съ укоренившимися у насъ понятіями и предпослать общимъ выводамъ простое изложеніе фактовъ. Но, навлекая на себя добровольно упрекъ въ произвольности сужденій, я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, отъ него очиститься. За фактическими доказательствами дѣло не станетъ и читатели найдутъ ихъ въ изобиліи въ послѣдующихъ, уже подготовленныхъ выпускахъ. Въ этомъ отношеніи, я прошу не довѣрія къ себѣ, а нѣкотораго только терпѣнія.

Мнѣ остается, въ заключеніе, сказать еще слово. На предшествующихъ страницахъ, я указалъ, между прочимъ, въ чемъ сходство и въ чемъ разница между вопросомъ польскимъ и вопросомъ балтійскимъ (котораго, при всемъ моемъ нежеланіи, я все-таки, къ стыду нашему, не могу не признать) но одной, очень существенной разницы я не коснулся.

Въ вопросѣ польскомъ, наше общество и наше правительство долго находились подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, ошибались за одно, вмѣстѣ, въ одно время, и оттого, какъ ни тяжелы, какъ ни обидны были послѣдствія ошибокъ, сознаніе общей и нераздѣльной за нихъ отвѣтственности не

только не ослабило нравственнаго авторитета правительства, а напротивъ, въ минуту прозрѣнія, заставило общество еще тѣснѣе примкнуть къ нему.

Нельзя будетъ сказать того же о вопросѣ балтійскомъ, когда мы наконецъ перестанемъ его игнорировать.

Въ своевременныхъ предостереженіяхъ недостатка не было. Сами политическіе враги наши раскрыли передъ нами свои виды, замыслы и надежды, всю систему своихъ дѣйствій, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, такъ что мнѣ осталось только сгруппировать ихъ признанія и подвести имъ итогъ.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Выпускъ второй.

ЗАПИСКИ

ПРАВОСЛАВНАГО ЛАТЫША

ИНДРИКА СТРАУМИТА.

(1840—1845).

Отъ издателя [1]).

Имя выставленное въ заголовкѣ этихъ записокъ—Индрикъ Страумитъ—есть псевдонимъ; но авторъ дѣйствительно природный Латышъ изъ лифляндскихъ крестьянъ, и записки подлинны.

Само собою разумѣется, что издавая ихъ, я не принимаю на себя безусловнаго ручательства за фактическую достовѣрность каждаго разсказаннаго въ нихъ происшествія въ частности. Могу только сказать, что, по прочтеніи рукописи, я не нашелъ въ ней ничего не только невозможнаго, но даже неправдоподобнаго, хотя я напередъ знаю, что многое покажется невѣроятнымъ тѣмъ изъ читателей, которые сами не живали въ Балтійскомъ краѣ, а составили себѣ объ немъ представленіе по наслышкѣ отъ тамошнихъ уроженцевъ нѣмецкаго происхожденія. Бытъ лифляндскихъ крестьянъ въ сороковыхъ годахъ, тогдашнія ихъ отношенія къ помѣщикамъ и пасторамъ, общее настроеніе Латышей и Эстовъ, мысли, чувства и надежды, бродившія въ народной массѣ, незамѣтныя для поверхностнаго наблюденія, коренныя причины и случайные поводы обращеній изъ лютеранства въ православіе, характеръ противодѣйствія встрѣченнаго этимъ движеніемъ со стороны лютеранскаго духовенства, лютеранскихъ помѣщиковъ и лютеранскаго чиновничества—все это, въ главныхъ чертахъ, совершенно согласовалось съ моими собствен-

[1]) Ю Самарина.

ными воспоминаніями о тогдашней Лифляндіи. Не полагаясь однако на свою память и на свои впечатлѣнія, я провѣрилъ разсказы автора записокъ всѣми мнѣ доступными способами, частью справками, частью разспросами. Люди, подолгу жившіе въ лифляндскихъ деревняхъ, крестьянскою жизнью, засвидѣтельствовали мнѣ, какъ очевидцы, многіе факты; о нѣкоторыхъ отозвались незнаніемъ, но привели мнѣ изъ своихъ собственныхъ воспоминаній случаи совершенно однородные съ тѣми, которые разсказаны въ запискахъ, и не менѣе поразительные; наконецъ, всѣ безъ исключенія лица, которыхъ я опрашивалъ, подтвердили мнѣ, что картина вообще вѣрна, и что все разсказанное авторомъ записокъ, если и не случалось въ ихъ глазахъ, то, безъ сомнѣнія, могло происходить въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ и притомъ не какъ рѣдкое исключеніе, а въ обычномъ порядкѣ вещей.

Кажется, далѣе этого едва ли можетъ простираться отвѣтственность издателя чужихъ записокъ за фактическую достовѣрность ихъ содержанія.

Что касается до изложенія, до колорита и тона, то читатель съ первыхъ же строкъ увидитъ, что это не бѣглыя замѣтки туриста, смотрящаго на дѣло со стороны, не докладная записка чиновника-слѣдователя и не зрѣло обдуманный трудъ ученаго, а скорѣе жалобный стонъ глубоко уязвленной души. Все что здѣсь повѣтствуется выстрадано самимъ повѣтствователемъ и передается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вылилось изъ подъ его наболѣвшаго сердца. Я даже не пытался (хотя имѣлъ на то право) сгладить или смягчить слѣды замѣтнаго раздраженія, свидѣтельствующіе о личномъ, близкомъ отношеніи автора къ предметамъ его разсказовъ. Мнѣ казалось, что самое это настроеніе его, какъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе всей его жизненной обстановки, составляло какъ бы дополненіе, и очень существенное, къ изображенію описанной имъ среды. Это то же своего рода фактъ, конечно не вещественный, а психическій, котораго нельзя не принимать въ соображеніе, при обсужденіи тогдашнихъ лифляндскихъ событій.

Мое участіе, какъ издателя, ограничилось выпускомъ нѣкоторыхъ цитатъ и слишкомъ частыхъ повтореній, сокра-

щеніемъ слишкомъ растянутыхъ разсужденій, замѣной нѣкоторыхъ мѣстныхъ выраженій, не совсѣмъ понятныхъ для русской публики, другими болѣе употребительными, и, наконецъ, немногими подстрочными примѣчаніями.

Юрій Самаринъ.

Прага.
Апрѣль 1868.

I.

Болѣзнь и первыя судороги лифляндскаго разслабленнаго.

Въ Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1864 г. № 23-мъ, въ статьѣ: „О православіи между Латышами и Эстами въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“ стр. 701-ой, поставленъ между прочимъ слѣдующій вопросъ: „Какъ объяснить это необыкновенное явленіе въ XIX в. (т. е. присоединеніе Латышей и Эстовъ въ 1845 году) посреди иновѣрцевъ хвалящихся своимъ умомъ и образованностью?“

Далѣе, самъ авторъ, какъ нельзя лучше, разрѣшаетъ этотъ вопросъ указаніемъ на общіе, міровые законы предопредѣляющіе ходъ христіанскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи, онъ сказалъ все что нужно было сказать для людей способныхъ опознавать пути Промысла. Съ своей стороны, какъ очевидецъ этого необыкновеннаго явленія и какъ участникъ въ немъ, испытавшій лично на себѣ всѣ обстоятельства, которыми оно было подготовлено, я могу лишь подтвердить и дополнить слова автора моими собственными воспоминаніями. Считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это въ особенности потому, что я уроженецъ той мѣстности, гдѣ зародилось стремленіе къ истинной вѣрѣ, той самой мѣстности, откуда явились первые сѣятели православія въ Лифляндіи, и что съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ связанъ тѣснѣйшею дружбою.

Обыкновенно, родамъ предшествуютъ мучительныя боли— такъ было и здѣсь. Боль началась давно; въ 1841-мъ году,

она произвела судороги, а четыре года спустя, въ 1845-мъ году, послѣдовалъ кризисъ.

Въ Лифляндіи, какъ извѣстно, съ давнихъ временъ борятся двѣ народности: сильное меньшинство съ слабымъ большинствомъ. Извѣстно также, что хотя Лифляндія болѣе ста лѣтъ принадлежитъ Россійской Имперіи; но Россія всегда (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется) смотрѣла на этотъ край какъ на чужой. Не такъ смотримъ на Россію мы — Латыши и Эсты. Извѣстно ли это Россіи? Знаетъ ли она, что одна надежда на нее, только одна эта надежда и подкрѣпляетъ насъ въ нашей горькой долѣ; что мы всѣ одного просимъ, одного желаемъ, къ одному стремимся — слиться съ нею, съ русскимъ народомъ, имѣть съ нимъ одну вѣру, одинъ законъ, одинъ языкъ, какъ имѣемъ уже теперь одного Царя?—Можетъ быть и знаетъ, но кажется не хочетъ знать.

До сихъ поръ, она или вовсе не обращала на насъ вниманія, или, если и обращала, то какъ будто нехотя, урывками, и лишь въ тѣ минуты когда наши докучливые вопли до того становились громки, что тревожили ея покой. Но вслѣдъ за тѣмъ, прислушавшись, она тотчасъ же отворачивалась и нашимъ же недругамъ, отъ которыхъ мы просили у нея защиты, поручала унять и успокоить насъ. Мы знаемъ, что значитъ спокойствіе на ихъ языкѣ!

Мало того: Россія карала тѣхъ изъ своихъ дѣтей, лифляндскихъ туземцевъ, которые, получивъ образованіе, не хотѣли бросать своихъ отверженныхъ земляковъ и рѣшались поднимать за нихъ скромный и скорбный голосъ [1]).

Точно несчастная наша родина подарена Нѣмцамъ, а мы пошли въ придачу какъ рабочій инвентарь. Мы до того разобщены съ Россіею, что русскій Царь для насъ какъ будто бы не существуетъ; даже милости его скорѣе проникнутъ въ Сибирь, въ тюрьмы, рудники, на каторгу, чѣмъ къ намъ,

[1]) Намекъ на преслѣдованія, ничѣмъ рѣшительно незаслуженныя, которымъ, по проискамъ Нѣмцевъ, подвергались Латыши: Безбардисъ, братья Петерсоны и другіе за написаніе просьбъ и адресовъ, за изданіе латышской газеты и т. п. Объ этихъ преслѣдованіяхъ и проискахъ я сообщу подробныя свѣдѣнія въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ. Прим. Ю. С.

Латышамъ и Эстамъ. Онѣ какъ-то улетучиваются на пути къ намъ, или попадаютъ не въ тѣ руки, въ которыя предназначаются. Такъ напримѣръ, ходитъ въ народѣ слухъ, и слухъ достовѣрный, что нынѣ царствующій Императоръ, при восшествіи на престолъ, сложилъ намъ нѣсколько процентовъ съ долга на насъ лежащаго за хлѣбъ розданный въ ссуду въ голодный 1845 годъ. Но намъ это не объявлено, не разъяснено, а Царскою милостью пользуются не тѣ, которыхъ Царь хотѣлъ облагодѣтельствовать. Это дѣло страшно запутано и запутали его нарочно, для прикрытія злоупотребленій [1]).

Вообще, мы слышимъ и намъ говорятъ о Русскихъ только худое: слышимъ, напримѣръ, что Русскіе угнетаютъ народъ, при каждомъ возвышеніи аренды за землю, слышимъ отъ помѣщиковъ такія слова: „Что дѣлать! И мы обременены налогами на Царя, и насъ притѣсняетъ казна!“ — Намъ даже никогда не говорятъ: „Нашъ Царь“ а все: „Русскій Царь“ — и все въ образѣ грозы, а не милости. Подари Нѣмецъ желѣзнаго пѣтуха на кирку — объ этомъ прогремятъ по всей Лифляндіи, а милость Царя подъ спудомъ [2]).

Лыки да вѣники—не богата была дань русскимъ князьямъ отъ нашихъ предковъ, и этой дани Нѣмцы, кажется, не увеличили, чуть ли даже не уменьшили. Но за то, сами разжились на славу. Не только всѣ доходныя мѣста и должности были ими заняты, даже всѣ промыслы и кормленія были въ ихъ рукахъ, такъ что Латышу къ нимъ и приступа не было, не потому, чтобъ онъ не хотѣлъ или былъ неспособенъ, а по закону и обычаю; если жъ и дѣлались исключенія, то въ пользу тѣхъ Латышей, которые окончательно отрывались отъ своихъ земляковъ и дѣлались орудіями ихъ угнетенія въ нѣ-

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ говорится яснѣе въ другомъ мѣстѣ этихъ записокъ. Прим. Ю. С.

[2]) Напримѣръ, когда правительство рѣшилось наконецъ отводить въ казенныхъ имѣніяхъ участки земли крестьянамъ, которыхъ помѣщики выгнали изъ своихъ имѣній за переходъ въ православіе, это дѣлалось по секрету и намѣренія правительства тщательно скрывались, точно какъ будто бы оно стыдилось своего дѣла. Понятно, въ чьихъ интересахъ оно облекалось тайною. Прим. Ю. С.

мѣцкихъ рукахъ. А до тѣхъ поръ, имъ не позволяли ни пироговъ печь, ни сапоговъ шить.

„Lops“ — любимое Нѣмцами названіе, которымъ они величали простого Латыша на каждомъ шагу. Они употребляли всѣ силы, чтобъ это роковое слово, такъ сказать, пристало къ нему, чтобъ онъ самъ себѣ усвоилъ его, какъ свое имя. Lops (быдло), рабочая сила, иначе: человѣкъ, въ которомъ уже не осталось человѣка. Пусть онъ даже забудетъ Творца и Промыслителя, лишь бы ихъ, Нѣмцевъ, считалъ за обладателей неба и земли. Помѣщики изнуряли плоть Латыша, духовенство изнуряло плоть его и кормилось его душею.

И однако, этотъ угнетенный, измученный, изувѣченный народъ, при всей дѣйствительной немощи его плоти, все-таки не умиралъ, а жилъ надеждою, какъ разслабленный евангелія.

Въ 1841-мъ году, Латыши и Эсты попробовали приподнять голову; но она была опять придавлена. Что же заставило ихъ зашевелиться? Отвѣтъ на это простой: имъ хотѣлось жить. Лифляндскаго разслабленнаго привелъ въ движеніе голодъ—да голодъ, и не только плотской, какъ увѣряютъ, но и душевный голодъ.

Въ то время, т. е. около 1840 года, я былъ еще малъ, но все-таки въ тѣхъ лѣтахъ, что уже могъ присматриваться, прислушиваться и понимать. Я уже „пасохъ стадо отца моего“, и ясно видѣлъ, да и теперь помню все что дѣлалось въ нашемъ домѣ.

Я видѣлъ какъ мой отецъ, который былъ крѣпокъ и тѣломъ и духомъ, работалъ какъ волъ, и ѣлъ, такъ же какъ волъ—мякину. Зналъ и видѣлъ, что работники непремѣнно должны были по воскреснымъ днямъ являться къ 8-ми часамъ вечера для наряда на барщину. Тогда, управляющій, или sub- или sub-sub-управляющій давалъ приказъ кому, куда выходить на какую работу; при этомъ, онъ, хоть и такой же мужикъ какъ и всѣ, но уже не простой, а съ хворостиной въ рукѣ, всегда браковалъ орудія. Зналъ я, что этотъ глазастый магнатъ ломалъ сохи за то, что насошники коротки, и рубилъ бороны за то, что легки и малы: зналъ, что онъ безошибочно узнавалъ работника и лошадь

волостного засѣдателя, форминдера [1]), хозяина первой статы [2])—этихъ онъ обходилъ и не замѣчалъ каковы у нихъ орудія; имъ и работа назначалась не тяжелая: пахать гдѣ полегче, или слоняться на мызѣ, перетаскивая всякую мелочь. Совсѣмъ иное бывало съ работниками, которыхъ высылали хозяева второй и третьей стати; этихъ хворостина никогда не миновала при ревизіи орудій и за работою. Нечего дѣлать—поѣзжай домой за новыми орудіями. Справишь новыя—смотришь: на бороны еще приказываютъ навалить дерна (глыбы). Послѣ работы, къ субботѣ, лошаденки едва, едва ноги волочатъ, такъ что работники тащатъ ихъ домой за поводъ и проходятъ съ ними въ часъ не болѣе версты, да еще съ долгими роздыхами. Случалось, что и работниковъ браковали, особенно малорослыхъ; а такихъ, въ то время, являлось множество; даже можно было опасаться, что во всемъ краѣ народонаселеніе выродится и наплодятся карлики. Такихъ обыкновенно гоняли назадъ свиней пасти, разумѣется—хлыстнувъ ихъ предварительно по спинѣ, хотя они со слезами завѣряли, что они высланы на работу хозяевами, такъ какъ они не дѣти и уже были на конфирмаціи.

Слышалъ я какъ работники, отправляясь на барщину, выпрашивали у матерей своихъ другой рубашки и получивъ, надѣвали ее, приговаривая чуть ли не съ улыбкою: „Ну, теперь не такъ больно будетъ, не такъ скоро пройметъ палка!“ Видѣлъ, какъ работники плакали, отправляясь въ праздники на винокурни, отбывать дневную и ночную работу, безъ хлѣба, съ однимъ картофелемъ. Они выпрашивали себѣ ради Бога браги; но имъ очень резонно отвѣчали: „А чѣмъ же мы будемъ быковъ и свиней поить?...“ Господи! какъ глу-

---

1) Форминдерами (Vormünder) называютъ въ Лифляндіи низшихъ церковнослужителей, избираемыхъ изъ крестьянъ въ помощь пастору. Они извѣщаютъ пастора обо всемъ происходящемъ въ приходѣ, приглашаютъ его для исполненія требъ, побуждаютъ прихожанъ къ отбыванію повинностей въ пользу пастора, прослушиваютъ (экзаменуютъ) дѣтей и сами совершаютъ крещеніе надъ новорожденными, по нуждѣ—что впрочемъ въ Лифляндіи случается довольно часто, когда пасторъ въ отлучкѣ, или когда ему некогда заниматься простыми крестьянами. Прим. Ю. С.

2) Т. е. богатый, первостатейный хозяйнъ. Пр. Ю. С.

боко прочувствовали мы слова Твои: и желаша насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свиніи, и никтоже даяше (Луки 15, 16). Положительно, иной разъ приходило въ голову, что лучше бы родиться безсловеснымъ.

Видѣлъ я какъ и работницы, дѣвушки, плакали, отправляясь на мызу таскать огромные ушаты браги изъ винокурни въ хлѣва, и жаловались, что страшно трудно и тяжело. Видѣлъ, какъ по приходѣ домой, онѣ смазывали свои плечи, испесчренныя ссадинами и гнойными ранами. Видѣлъ и слышалъ, какъ дѣвушекъ таскала за косу и какъ отпускала имъ полновѣсныя оплеухи какая-нибудь коровница. Впрочемъ, иногда сама барыня или дочь ея до того снисходила, что удостоивала своеручно отщелкать по щекамъ или вытаскать за косу провинившуюся, а потомъ еще нажаловаться на нее мужу или папенькѣ, за что бѣдная получала еще прибавку звонкими оплеухами или березовою кашею. Слышалъ я какъ дѣвушки, иногда по цѣлымъ ночамъ выли въ лѣсу какъ волчицы, выкликая оттуда, по приказу, какую-нибудь заблудившуюся корову или теленка.

Видѣлъ, какъ въ темные осенніе и зимніе вечера, въ слякоть, въ мятель, женщины плелись на мызу молотить, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, съ мѣшечкомъ картофеля на спинѣ, съ цѣпомъ черезъ плечо. Придетъ въ мызный овинъ, не успѣетъ отдохнуть, перевить ребенка, сжевать крошку черстваго хлѣба или закусить мерзлымъ кортофелемъ—„берись за работу! семеро одного не ждутъ". Начиналась молотьба и продолжалась всю ночь. Не смѣй выходить изъ ряда!

Ребенокъ плачетъ, а мать ходитъ по барскому хлѣбу и какъ будто не слышитъ голоса дитяти! Она гуляетъ съ цѣпомъ въ рукахъ, захлебываясь слезами... О, какъ горько, какъ тошно отзывается на душѣ это сдержанное всхлипываніе! Вамъ вѣроятно не случалось плакать такъ, чтобы другой не слышалъ? Нѣтъ! такъ вы никогда не плакали настоящими слезами и не знаете пользы и благодатной силы слезъ.— Эти тайныя слезы спасительны; онѣ однѣ предохраняютъ человѣка отъ отчаянія, а напротивъ ведутъ его къ покаянію... Попробуйте, и вы удивитесь сами, что будете плакать,

зная явнаго виновника вашихъ слезъ, а между тѣмъ, въ сердцѣ вашемъ не будетъ мѣста для гнѣва; вы совсѣмъ про него забудете и погрузитесь въ бесѣду съ Богомъ, то есть въ самоосужденіе...

Видѣлъ: какъ почти цѣлое лѣто, всѣ, кромѣ какой-нибудь дряхлой старухи, проживали на мызѣ, на барскихъ поляхъ. Тамъ обрабатывалась пашня, убиралось сѣно, воздвигались зданія, вырубались лѣса, выжигались сѣчи (ляды), расчищались и выравнивались новые поля и луга, расширялись старые. Работамъ не было ни начала, ни конца; онѣ шли колесомъ, безостановочно. Дома, на себя, крестьяне работали лишь въ продолженіе краткихъ паузъ мызныхъ работъ. Понятно, что поля крестьянъ не могли обрабатываться своевременно и какъ бы слѣдовало. Часто крестьянскіе дворы пустѣли и тогда эти участки обрабатывалъ помѣщикъ на себя, но, разумѣется, не своими средствами; онъ подраздѣлялъ эту добавочную работу между наличными хозяевами, а всѣ плоды и доходы поступали въ мызные амбары. А когда же удавалось мужику поработать на себя? — Право не знаю, но знаю, что не въ надлежащую пору.

Сѣно частенько косили весною. Подобно тому какъ раны на тѣлѣ заживая постепенно умаляются и сжимаются, такъ точно поля у крестьянъ заростали съ краевъ травою, а луга покрывались кустарникомъ. Ихъ убогія хаты кривились, перекашивались, боченились, прислонивались одна къ другой своими обнаженными ребрами и наконецъ разваливались. Такъ и казалось, что пока хозяинъ съ работниками и работницами отбывалъ барщину, все хозяйство его страшно самовольничало и не слушалось дряхлой старухи. Бывало: хозяинъ придетъ домой на пару дней, и видитъ съ грустью: сѣно не скошено, рожь уже сыплется, яровое поспѣваетъ, овинъ стоитъ безъ крыши, полъ въ избѣ, фундаментъ, изрыты свиньями, облизаны и обгложены коровами, овцами и козами; печь заняла свинья съ поросятами; и тошно станетъ хозяину глядѣть на такой безпорядокъ. Что дѣлать? Малодушный на все махнетъ рукой и скажетъ: а ну! пусть ихъ гуляютъ! пойду и я гулять—въ корчму!

Въ хлѣбѣ, мука постепенно вытѣснялась мякиною. Стали питаться одною путрою, изъ негодной, ржаной или ячменной муки или крупы, съ приправой: зимою—ложки мерзкихъ, прогорькшихъ сыворотокъ, а лѣтомъ: съ подливкою козьяго молока, и тоже не безъ сыворотокъ. Привыкли люди къ кислой ѣдѣ. Да впрочемъ, это была не ѣда, а питье, на вкусъ очень похожее на ту жижь, которую выливаетъ на дворъ русскій мужикъ, когда выполаскиваетъ квасную кадку. Такова была наша незабвенная путра, которая пріобрѣла такую громкую славу, и намъ—Латышамъ, пошла въ придачу къ фамиліи! А неугодно ли еще отвѣдать нашей насущной похлебки? Хоть одинъ пальчикъ обмокните въ эти выполоски и лизните языкомъ; не бойтесь, она же безъ соли. А! вамъ противно! А какъ же работники, отправляясь на барщину съ однимъ сухимъ хлѣбомъ, завидовали этому кушанью, которымъ лакомились сидѣвшіе дома? Правда впрочемъ и то, что послѣдніе завидовали хлѣбу работниковъ. Взгляните кстати и на хлѣбъ нашъ. Право, это хлѣбъ, не обманъ! Конечно, на видъ и на вкусъ, онъ походилъ не столько на хлѣбъ сколько на торфяную кочку.—Такъ и хрустѣлъ на зубахъ; я ѣдалъ его, хотя и недосыта, не давали, вотъ бѣда! Зимою, все говорили: пусть остается хлѣбъ на сѣнокосную пору; а лѣтомъ была своя отговорка. А какъ любили мы этотъ хлѣбъ, какъ дорожили имъ! Бывало: если хоть крошка упадетъ на землю, то непремѣнно отыщешь, дунешь и съѣшь; если и грудной ребенокъ, въ капризахъ, броситъ корку хлѣба, то это и ему никогда не прощалось.

Когда батракъ или батрачка, съ барщины, приходили домой, мы дѣти, бросались къ нимъ на встрѣчу, хватали мѣшокъ, развязывали, выгребали крохи, открывали лубошку и тамъ почти всегда находили завѣтную корку хлѣба, а иногда и крошки конопли. И батракъ или батрачка, съ флегматическою улыбкой, всегда бывало надѣлитъ насъ всѣхъ, соразмѣряя доли съ возрастомъ, старшему побольше, младшему меньше, по нисходящей линіи. И съ какою алчностью мы съѣдали и сосали эти крохи. Тѣ изъ насъ, которые были постарше, прятались по угламъ отъ младшихъ, зная напередъ, что послѣдніе раньше всѣхъ покончатъ съ своими порціями, а

потомъ станутъ просить и отнимать у старшихъ. Мы точно походили на голодныхъ котятъ.

Взглянули бы вы еще на супъ изъ нечищеннаго картофеля или на печеный картофель; но, чуръ! не лупить, а только слегка повалять въ ладоняхъ, обдуть золу и песокъ, а потомъ глотать какъ есть, съ мундиромъ! А вѣдь нельзя сказать, чтобы въ Лифляндіи не было хлѣба. Хлѣба было достаточно, только, по милости владѣльцевъ, почти весь хлѣбъ шелъ не на пищу, а на питье Хлѣба у насъ не было, а водкой—хоть пару поддавай.

Водка, въ то время и даже до недавняго времени, стоила въ Лифляндіи: на мызахъ—когда брали цѣлую бочку—5 к. сер штофка, когда полъ бочки или четверть—$7\frac{1}{2}$ к. сер. а въ корчмахъ 15 к. сер. Разсчитывайте сами, мои добрые читатели, сколько штофовъ водки можно выгнать изъ пуда муки?—и дайте сами себѣ отвѣтъ на вопросъ: былъ ли, или могъ ли быть голодъ въ этомъ краю, въ этомъ пресловутомъ раю [1]) въ сороковыхъ годахъ?

Водка гналась въ такомъ же количествѣ какъ и прежде; хлѣба изводилось столько же: столько же откармливалось брагой быковъ и свиней; по той же цѣнѣ продавалась водка, столько же отправлялось ея въ Ригу, а былъ голодъ. Хлѣбъ стоилъ тогда почти два рубля серебромъ пудъ. Неужели изъ фунта ржаной муки можно выгнать штофъ въ 65 градусовъ?

Отправка водки, почти всегда, выпадала (не знаю почему) тоже во время крестьянскихъ посѣвовъ, покосовъ или уборки хлѣба, а чаще всего весною, во время пасхи и разлива рѣкъ, въ самое безхлѣбье, когда лошаденки смотрѣли пугалами. На все это, господа, арендаторы, управляющіе не смотрѣли. Имъ что за дѣло, что у мужика нѣтъ хлѣба, а у лошадей уши въ горизонтальномъ положеніи. Они радѣли объ общей пользѣ и удовольствіи, ставили жирное и дешевое мясо и дешевую водку. Извѣстно, что городъ Рига ведетъ огромную торговлю. Кораблей, ежегодно, приходитъ около 2000, до

1) Намекъ на извѣстную, старинную поговорку: Лифляндія для дворянъ—рай; для купцовъ—золотое дно; для крестьянъ—адъ. Прим. Ю. С.

1000 струговъ; плотамъ и лодкамъ счету нѣтъ. Сколько тутъ народу? Всѣ, разумѣется, разсчитывали на нашу дешевку. Всѣ спѣшили, всѣ торопились, перебивали другъ другу дорогу. Лифляндское, Курляндское и Эстляндское дворянство въ каретахъ; за ними—стада жирныхъ быковъ, за быками—тучныя свиньи, за свиньями—возы съ кормомъ, постилкой, метлами для барскихъ лошадей и быковъ, а позади всѣхъ: по всѣмъ дорогамъ, спѣшили Латышъ, Литвинъ, Курляндецъ, Эстъ—тоже туда куда и всѣ, на своей кляченкѣ, безъ хлѣба, а съ красной бочкой, въ скрипучей телѣгѣ, мѣсить грязь и глину, снѣгъ и песокъ. Мохнатая лошаденка работаетъ всѣмъ своимъ существомъ: ногами, грудью, машетъ головой, то въ одну, то въ другую сторону, тычетъ мордой въ землю, карабкается, ползетъ впереди барской бочки, и, кажется, чѣмъ-то занята очень интереснымъ. Шаги ли считаетъ, или показываетъ свою прыть и силу и шутитъ надъ своимъ хозяиномъ, что „я молъ немного дюжѣе тебя". Но только, взбираясь на гору, постоянно останавливается и озирается по сторонамъ, очень вопросительно. Зная, что въ трудныя минуты, хозяинъ всегда является къ ней на помощь, вѣрно и тутъ она его высматриваетъ и думаетъ про себя: да гдѣ жъ хозяинъ-то? что жъ онъ нейдетъ помогать? Тутъ, хозяинъ заткнетъ трубку, засунетъ ее въ штаны и впряжется въ пристяжку. Уцѣпится самъ за деревянную постромку, и работаютъ оба усердно, душею и тѣломъ; кажется, и гора-то какъ будто немного сдвинулась съ мѣста; лошаденка такъ вытянулась, что и въ оглобляхъ нѣтъ мѣста, а ужъ заднія ноги подъ передкомъ, и на колѣни станетъ—а бочка нейдетъ вверхъ. Тогда, уцѣпятся всѣ извозчики за одну бочку; кто за постромку, за гужи, кто за конецъ оси, кто сзади, напираютъ и руками и головой; кто, ухватившись за деревянныя, грязныя спицы колесъ усерднѣйшимъ образомъ вертитъ колесо; того и гляди: весь шаръ земной повернется въ другую сторону или совсѣмъ опрокинется!—За эти труды, полуголодные извозчики, въ награду себѣ просверливали бочки, выпускали водку, продавали ее, сами упивались до смерти. Затѣмъ, бочка дополнялась водою; но при сдачѣ, это воровство обнаруживалось и даромъ не обходилось, по правиламъ

строгаго правосудія. Впрочемъ, наказанія мало помогали: только и было утѣшенія что водка.

Она хороша была тѣмъ, что не нужно было далеко за нею идти; она сама стерегла и ловила Латыша на всѣхъ перекресткахъ и, такъ сказать, навязывалась ему, и притомъ не одна, а со всѣмъ своимъ скарбомъ, со всѣми своими неразлучными спутниками: лѣнью, воровствомъ, развратомъ. Да, многихъ моихъ братьевъ сгубила ты, дешевка!

И откуда, какими судьбами и путями могла ты пробраться въ нашъ бѣдный, безхлѣбный край? О дешевка! ты, для насъ, была слишкомъ дорога! Ты высасывала все доброе изъ зерна, намъ и шелухи не оставляла, а лишь одну мякину; то же самое ты дѣлала и съ людьми. Гибни же и ты теперь! Пусть могила твоя поростетъ терніемъ и крапивою, и пусть оплакиваютъ тебя тѣ, для которыхъ ты была полезна и выгодна. Пусть ставятъ тебѣ памятники, хоть изъ бочекъ, трубъ, чановъ и котловъ, разваливающихся и гніющихъ теперь безъ употребленія, на упраздненныхъ винокурняхъ! Мы же радуемся твоей кончинѣ; по крайней мѣрѣ, ты уже не въ состояніи причинять намъ теперь и десятой доли прежняго зла.

Представьте же себѣ какія чувства могъ питать Латышъ къ дворянству, которое лишало его хлѣба и опаивало водкою. Я помню, какъ мой отецъ все чаще и чаще плакалъ. Сидѣлъ онъ задумчивый и грустный; часто бормоталъ про себя: нѣтъ болѣе житья! что дѣлать? Ничего не придумаешь! Работаешь день и ночь, лѣто и зиму: а спроси: изъ-за чего? Изъ за дурной мякины, какъ блудный сынъ! Иное дѣло, еслибы Господь наказывалъ неурожаями, градомъ, мокротой или засухой; но этого нельзя сказать, даже и подумать грѣшно! А все-таки долженъ умирать съ голоду. Живешь— хуже скота! Коптишься какъ окорокъ въ овинѣ; бьютъ тебя какъ собаку, безъ суда и расправы; да еще смѣются и говорятъ: „Иди жаловаться!“ Конечно! попробуй; еще получишь.. Ну, просто, хоть живой ложись въ гробъ!

Писаннаго контракта съ помѣщикомъ не было. Тогда они не были въ модѣ и не употреблялись—также и законы. Можетъ быть, они и существовали; но хранились гдѣ-нибудь очень далеко, а во всѣхъ случаяхъ руководствовались лишь

преданіями и устными изреченіями der Gutsverwaltung. Деревянная бирка—вотъ твой контрактъ.

Взялъ полѣно и сострогалъ контрактъ; помѣщикъ одобритъ, возьметъ себѣ половину, другую отдастъ тебѣ.

Нарѣжутъ крестиковъ столько, что ты и счетъ потеряешь [1]). Когда, наконецъ, сводились счеты и оказывались лишніе, переработанные дни, попросишь у помѣщика или у его управляющаго вознагражденія, а онъ отвѣтитъ: „Пусть они лучше зачтутся въ будущемъ году или полугодьѣ, или пусть остаются въ пользу будущаго хозяина, а ты иди внизъ — тамъ староста дастъ тебѣ шнапсу“—это уже была милость на милость. А если бывало разсердится, то или посадитъ къ тебѣ на выгонъ новаго хозяина, или выгонитъ изъ дому. Что вздумаетъ то и сдѣлаетъ. Къ кому пойдешь жаловаться и съ чѣмъ пойдешь? Контракта нѣтъ: что предъявишь, когда судья (другой помѣщикъ) закричитъ на тебя: покажи контрактъ? Суды! Да мы и дороги не знали въ суды высшіе, а если когда и бывали тамъ, то ходили не по волѣ, а связанные и подъ конвоемъ. Идти въ судъ значило бы то же самое, что самому помѣщику жаловаться на помѣщика. Ужъ лучше ложись тутъ же, на мѣстѣ. Получилъ пятнадцать (палокъ), заплатилъ пятнадцать коп. серебромъ [2]), поцѣловалъ руку и дѣло съ концемъ, впередъ будешь умнѣе, не станешь грубить... Вотъ тебѣ и всѣ суды со всѣми законами!

Кто жъ утѣшитъ, кто заступится? Не пастырь ли духовный? Нѣтъ: „Воронъ ворону глазъ не клюетъ“ гласитъ пословица.

А впрочемъ, посмотримъ, что дѣлали и что подѣлываютъ наши отцы духовные—пасторы. Далеко намъ до нихъ, такъ они умны, учены и набожны: посмотрите какъ высоко они устроили себѣ каѳедры, надъ самымъ престоломъ, подъ са-

---

[1]) А какъ это все хорошо выходило въ печатномъ Положеніи и какъ этимъ любовались въ Петербургѣ: контрактъ, полюбовная сдѣлка, свободныя отношенія! Прим. Ю. С.

[2]) Въ Лифляндіи, еще недавно, существовалъ обычай съ высѣченнаго взыскивать деньги за розги. Утѣшительно вспомнить, что онъ отмѣненъ въ 1845 году, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (нынѣ императоромъ Александромъ II) во время отсутствія покойнаго Императора за границею. (Отношеніе министра внутр. дѣлъ гр. Перовскаго къ генер.-губ. Головину 8 дек. 1845 г. Nr. 3569).

мымъ потолкомъ. Оттуда громятъ они свою паству грозными обличеніями. Но не въ этомъ дѣло; не громкія слова намъ нужны, а добрыя дѣла, безъ которыхъ и вѣра мертва. Взглянемъ же на дѣла. Но съ чего бы начать? А хоть бы вотъ съ чего:

Въ нашей волости N., проживалъ нищій по имени Петръ; былъ онъ не то чтобы совсѣмъ безъ ума, а такъ себѣ, съ очень небольшимъ притязаніемъ на человѣческій умъ. Бывало: дадутъ ему въ руки ложку, онъ хлебалъ ложкой; не дадутъ: пилъ и такъ путру—ртомъ, какъ теленокъ. Которую изъ лаптей надѣвать на правую ногу и которую на лѣвую—этого онъ узнать никогда не могъ. Пальцамъ своимъ счета не зналъ; платье надѣвалъ какъ попало; на изнанку ли, такъ ли какъ слѣдуетъ, было для него все одно. Спать ложился когда вздумаетъ, вставалъ когда выспится, требовалъ кушанья когда захочется, иногда среди ночи —Ухаживать за нимъ нужно было внимательнѣе чѣмъ за малымъ ребенкомъ. Въ кирку онъ не ходилъ, да и не пустили бы, на конфирмаціи не былъ, къ причастію не допускался. Онъ содержался поочередно каждымъ хозяиномъ одну недѣлю. По истеченіи недѣли, въ субботу, его отправляли въ другой домъ.—Такъ онъ прожилъ 19 лѣтъ. Вотъ человѣкъ! Не человѣкъ, а скорѣе загадка: родился—не крестился, умеръ—не покаялся.

Въ 1840 или 1841 году, хорошенько не припомню—былъ рекрутскій наборъ. Жребій съ № 1-мъ выпалъ работнику волостного. Парень былъ хорошій, по имени Иванъ. Волостной присовѣтовалъ ему подпоить полоумнаго Петра и нанять его вмѣсто себя. А дальше, что будетъ нужно, то ужъ дѣло мое. Сказано, сдѣлано Вѣрный служитель алтаря и Царя выдалъ метрическое свидѣтельство; коммиссія, съ удовольствіемъ, приняла на царскую службу безумнаго Петра, а умный Иванъ остался на службѣ у волостного. И какъ еще пасторъ радовался счастью Ивана и волостного, какъ убѣждалъ не только Ивана, но и всю волость лобызать ноги у волостного!

И все это съ каѳедры!—Слава Богу! наша волость освободилась отъ пугала! Въ день ухода этого пугала, его родная сестра, Мадде, горько рыдала провожая его не только на

царскую службу, но и въ неминуемую могилу, проклиная волостного, помѣщика, а болѣе всѣхъ пастора. Но кто же слышалъ вой бѣдной дѣвки? Миръ праху твоему. Петръ! Не ты первый, не ты послѣдній, и не только изъ нашего прихода, но и изъ другихъ.

Вспомнивъ объ этомъ жалкомъ юродивомъ, я не могу кстати не упомянуть о тѣхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, которыя совершались повсемѣстно въ Лифляндіи по рекрутскимъ дѣламъ. По закону, то есть на бумагѣ, эта повинность отбывалась по жеребьевой системѣ, а на дѣлѣ, все зависѣло отъ вотчиннаго или мызнаго управленія (Gutsverwaltung), то есть отъ помѣщичьяго произвола, которому законъ же предоставлялъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ неограниченную власть, и которому такъ называемыя общественныя учрежденія, волостные старшины, волостные суды и т. п. служили безгласными и покорными орудіями. Этотъ произволъ, узаконенный въ лицѣ помѣщика и всякаго кому онъ передавалъ свои права (арендатора и управляющаго) былъ тѣмъ ужаснѣе, что именно въ рекрутскихъ дѣлахъ, онъ не только служилъ интересамъ, прихотямъ и страстямъ самого помѣщика, но сверхъ того, безпрестанно возбуждался и приводился въ дѣйствіе домогательствами самихъ крестьянъ. Помѣщикъ освобождалъ отъ рекрутства тѣхъ, которые были ему нужны по его хозяйству и, владѣя правомъ увольненія, располагалъ самымъ надежнымъ средствомъ закабаливать себѣ лучшихъ работниковъ въ услуженіе почти безвозмездное, при случаѣ, такъ какъ все отъ него зависѣло, онъ могъ также, сдачею въ рекруты, сбыть кого хотѣлъ изъ своей вотчины и этимъ средствомъ держалъ ее въ страхѣ. Съ своей стороны, крестьяне, всегда готовые на всякія жертвы для избавленія своихъ дѣтей и ближнихъ отъ военной службы, естественно обращались съ просьбами къ тому же всемогущему помѣщику, и конечно, въ подобныхъ случаяхъ, льготы и изъятія всегда доставались зажиточнымъ, исправнымъ хозяевамъ и должностнымъ крестьянамъ: волостнымъ старшинамъ, засѣдателямъ, сотскимъ, отличавшимся покорностью и умѣвшимъ угождать вотчинному правленію. Такимъ образомъ, въ средѣ волостныхъ обществъ, образовались цѣлые

привилегированные классы, а вся тяжесть рекрутской повинности пала на бѣдняковъ, сиротъ, бобылей, вообще на тѣхъ безгласныхъ и беззащитныхъ, въ которыхъ никто не нуждался, словомъ: на быдло—lops.

Вотъ, между прочимъ, какъ это дѣлалось.

Во первыхъ, помѣщикъ, или заступавшій его мѣсто, имѣлъ право выбирать изъ своей волости себѣ въ услуженіе: кучеровъ, конюховъ, садовниковъ, лѣсничихъ, къ нимъ помощниковъ, работниковъ для корчмарей и т. д. Онъ набиралъ ихъ изъ молодыхъ людей, не достигшихъ двадцатипятилѣтняго возраста, и, этимъ самымъ, они освобождались отъ жеребья. Во-вторыхъ, крестьяне отбывавшіе должности по волости, форминдеры, зажиточные хозяева, имѣли право, съ согласія помѣщика, брать себѣ въ помощники по своему хозяйству одного изъ сыновей своихъ. Разумѣется, они выбирали того, который первый достигалъ двадцатилѣтняго возраста, и, по лѣтамъ, подлежалъ призыву. Эти помощники назывались намѣстниками хозяина, но они хозяйничали только для вида, а контрактъ или бирка (для учета повинностей) оставались у отца. Вся сила была въ томъ, чтобы попасть въ намѣстники, потому что съ этимъ сопряжено было увольненіе отъ жеребья. Въ-третьихъ, и бездѣтные хозяева могли также выпрашивать себѣ помощниковъ, для той же цѣли, и выбирать ихъ въ любомъ домѣ. Случалось даже, хотя очень рѣдко, что выборъ падалъ на сына простого работника, простой бобыльки, или на круглаго сироту, если онъ, съ ранняго дѣтства до девятнадцати лѣтъ, оставался въ услуженіи у хозяина, безъ жалованья, изъ одной одежи, предварительно выношенной хозяиномъ, изъ какихъ-нибудь штановъ сшитыхъ изъ старой юбки или дырявыхъ мѣшковъ. Я сказалъ, что подобные случаи бывали рѣдки; притомъ, они могли имѣть мѣсто только въ домахъ совершенно бездѣтныхъ хозяевъ. Но если у хозяина была хоть дочь, то ему ни за что бы не позволили взять въ помощники сына работника или бобыля; онъ долженъ былъ непремѣнно выбрать его изъ числа сыновей волостныхъ начальниковъ, форминдеровъ или хозяевъ первостатейныхъ Это отъ того, что помощникъ предназначался въ преемники избравшему его хозяину, по

смерти послѣдняго, или при жизни его. когда онъ по дряхлости сдѣлается неспособнымъ; при этомъ, принимая хозяйство, помощникъ получалъ и хозяйку, то есть онъ долженъ былъ непремѣнно жениться на дочери своего патрона — хозяина, а сдѣлаться мужемъ хозяйской дочери — объ этомъ сынъ бобыля, или работника, не посмѣлъ бы и подумать. Это было бы противно заведенному Нѣмцами порядку, несовмѣстно съ ихъ понятіями о благоустройствѣ, оскорбительно, почти безнравственно, какъ совокупленіе паршиваго волка съ овцою, какъ смѣшеніе дня съ ночью, свѣта съ тьмою (сами Нѣмцы взяли на себя трудъ намъ это разъяснить [1]); да и пасторъ не повѣнчалъ бы такого брака. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, огласить: работника и хозяйскую дочь? Не даромъ въ народѣ поется пѣснь: „Кто ворону меду дастъ? Кто работнику хозяйскую дочь? Клюй вороненокъ болотный мохъ, бери работникъ дочь работницы!“— То что я описываю относится къ временамъ до 1845 года. Въ этомъ году, всѣ нѣмецкіе добрые порядки пошатнулись. Движеніе крестьянъ въ православіе вынудило правительство внимательнѣе и пристальнѣе всмотрѣться въ ихъ положеніе; обнаружилось много безгласныхъ, дотолѣ невѣдомыхъ злоупотребленій и, въ томъ числѣ, ограничены были поводы къ изъятію отъ призыва къ жеребью.

Что дѣлать? Нужда изощряетъ изобрѣтательность, и придумали вотъ что. У хозяина сынъ двадцати лѣтъ; по старой привычкѣ, отецъ идетъ къ помѣщику или къ управляющему: нельзя ли, молъ, какъ-нибудь, освободить сына отъ рекрутчины?—„Можно, говоритъ мызное управленіе, но вотъ на какихъ условіяхъ: контрактъ на твою усадьбу я переведу, законнымъ порядкомъ, въ приходскомъ судѣ, на имя твоего сына; въ глазахъ начальства и на бумагѣ, онъ будетъ хозяиномъ, на дѣлѣ же, заправлять всѣмъ, по прежнему, будешь ты, а сынъ твой пусть прослужитъ у меня на мызѣ. Я буду держать его якобы для того, чтобъ испытать: способенъ ли онъ быть хозяиномъ или нѣтъ, а тѣмъ временемъ,

[1]) См. газет. Эсти Поетишесъ и латыш. газ. Mahjas Weesis за 1867 годъ. Пр. автора.

онъ по лѣтамъ уйдетъ отъ рекрутчины. Потомъ, если удастся, можно будетъ поступить также и съ другимъ твоимъ сыномъ". — Недолго однако продержалась эта продѣлка. Народъ, Богъ знаетъ какъ, пронюхалъ, что помѣщикъ не имѣетъ права увольнять отъ жеребья мызныхъ работниковъ и зароптатъ. Возникло дѣло, и мызныя управленія вынуждены были распустить подставныхъ хозяевъ по тѣмъ домамъ, на которые они имѣли контракты въ своихъ карманахъ. Но и къ этому придралось непривилегированное быдло.—„Какіе это, въ самомъ дѣлѣ, хозяева ни въ чемъ не похожіе на настоящихъ? Своего, кромѣ контрактовъ, у нихъ нѣтъ ничего: ни орудій, ни скотины, а получаютъ, какъ и мы, жалованье, отъ старшаго въ домѣ, отца или брата?" — Пришлось и тутъ уступить ропоту. Теперь отцы или старшіе (вышедшіе изъ лѣтъ) братья-хозяева, вмѣстѣ съ контрактами, стали дѣйствительно, а не фиктивно, сдавать хозяйства молодымъ, девятнадцатилѣтнимъ повѣсамъ. При этомъ, разумѣется, все-таки выговаривается тайное условіе (извѣстное впрочемъ волостному суду, помѣщику и приходскому суду), что новый хозяинъ не станетъ самовольничатъ и будетъ во всемъ слушаться старшаго. Но такая семейная сдѣлка рѣдко остается въ силѣ долѣе какъ до первой, домашней ссоры; обыкновенно, парнишка, неожиданно попавшій въ хозяева, скоро начинаетъ выживать старшихъ. На увѣщанія, онъ отвѣчаетъ ссылкою на контрактъ и, такъ какъ право на его сторонѣ, то онъ выигрываетъ дѣло, женится на дочери волостного старшины или форминдера и пріобрѣтаетъ приданое и сильныхъ покровителей. Передъ судомъ, онъ заявляетъ готовность отвести на своей усадьбѣ уголокъ престарѣлому своему отцу, если послѣдній согласится жить смирно, скромно, ни во что не вступаясь; а не то—милости просимъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, многіе старики, легкомысленно сдавшіе свои усадьбы сыновьямъ или братьямъ, лишились родного крова и пошли скитаться по міру. Есть еще лазейка. Если у родителей хозяевъ одна дочь и нѣтъ другихъ дѣтей, то эта единственная дочь, выбравъ себѣ жениха, тѣмъ самымъ освобождаетъ его отъ рекрутства. Понятно, что такая рѣдкая невѣста, съ такимъ приданымъ,

у всѣхъ на примѣтѣ и что молодые люди за нею гонятся какъ борзыя за зайцемъ. Она же, зная себѣ цѣну, долго прихотничаетъ, бракуетъ и ломается; наконецъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, рѣшается осчастливить какого-нибудь молодого поклонника, который дѣлается на всю жизнь ея крѣпостнымъ рабомъ. Да и какъ не важничать! Право, котораго лишился помѣщикъ—увольнять отъ рекрутчины, въ ея рукахъ. Такихъ невѣстъ, сыновья старшинъ и богатыхъ хозяевъ отыскиваютъ по всей губерніи. Скажутъ: не можетъ же домъ оставаться безъ хозяина? Единственная дочь не въ состояніи съ нимъ управиться, и, чтобъ хозяйство не пришло въ упадокъ, чтобъ было кому призрѣть стариковъ родителей, необходимо, чтобъ тотъ, кто женится на дочери, оставался навсегда при нихъ.—Понятно—хотя впрочемъ, на практикѣ, часто случается, что проживъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ и приживъ дѣтей, зять выталкиваетъ старуху тещу или тестя, или обоихъ вмѣстѣ. Но вотъ что для меня рѣшительно непонятно: я знаю солдатскую жену; она правда еще молода, у нея трое дѣтей, мужъ отданъ въ службу. Ихъ было два сына; еще при жизни отца, старшаго И. отдали въ солдаты, а младшій Д. оставленъ въ домѣ, при престарѣлыхъ своихъ родителяхъ. Чтобъ было кому управиться въ домѣ, обшить и обмыть, этотъ Д. женился. Вскорѣ послѣ того, одинъ за другимъ, умерли его родители; овдовѣла его сестра и онъ назначенъ былъ опекуномъ къ ея дѣтямъ; самъ прижилъ троихъ дѣтей. Объявили наборъ: обыкновеннаго матеріала, изъ котораго ставятся рекруты, то есть работниковъ и сиротъ, въ то время не хватило, и волостные начали подбирать недостающихъ, конечно не изъ своихъ сыновей, не изъ богатыхъ домовъ, а изъ безотвѣтныхъ, хотя бы женатыхъ и семейныхъ. Въ числѣ другихъ, притянули и Д.: жребій выпалъ ему и его сдали. Никто не подумалъ, что жена съ тремя малютками остается одна безъ мужа, дѣти—безъ отца, племянники—безъ опекуна. Гдѣ же равноправность? Не помогло и то, что на этотъ разъ заступался помѣщикъ и выговаривалъ волостнымъ. Вотъ до чего мы теперь доведены. Произволу, воспитавшему насъ и испортившему народную жизнь удалось и въ среду угнетенныхъ крестьянскихъ обществъ

внести раздвоеніе, раздоръ, вражду, взаимное ожесточеніе и зависть. Завелись и между нами привилегированные бара, и они теперь, къ неописанной радости нашихъ недруговъ, губятъ и грызутъ своихъ. Да неужели жъ мы, подданные одного государя, никогда не доживемъ до той минуты, когда каждый помѣщикъ и крестьянинъ, хозяинъ и бобыль, будетъ чувствовать надъ собою не палку, не капризъ, не произволъ, а одинъ общій, для всѣхъ обязательный законъ? Всѣ работники, бобыли, сироты ждутъ и просятъ одного: чтобъ былъ введенъ у насъ тотъ самый порядокъ отбыванія рекрутчины, какой существуетъ въ Россіи, или, какъ они выражаются: чтобъ брали рекрутъ и изъ фамилій, по числу душъ, не обходя никого. Усадьбы въ Лифляндіи довольно велики. Я знаю напримѣръ вотчину, или волость, въ 500 душъ мужского пола; въ ней не болѣе 25-ти крестьянскихъ усадьбъ; слѣдовательно, столько же привилегированныхъ семействъ, и это вовсе не исключеніе. Теперь, отсчитайте хозяйскихъ дѣтей, родню живущую съ ними подъ однимъ кровомъ, и сообразите сколько остается затѣмъ батраковъ, несущихъ на своихъ плечахъ всю тягость рекрутской повинности. Говорятъ, что законъ изданъ, и что мы и такъ живемъ подъ закономъ. Изданъ! Да не въ томъ дѣло. Неужели Россія до сихъ поръ не знаетъ, что Лифляндіею правитъ не законъ, а обычай? И какая намъ польза отъ закона, котораго не исполняютъ и котораго никто изъ насъ не знаетъ? Да! не знаетъ, потому что не можетъ узнать, а не можетъ потому, что его скрываютъ отъ насъ, что намъ не объявляютъ, не истолковываютъ его; мало того: нерѣдко намѣренно измѣняютъ и искажаютъ его въ переводахъ на мѣстный, народный языкъ. Обратите вниманіе на переводы русскихъ законовъ и не довѣряйте этого важнаго дѣла людямъ, сознательно и преднамѣренно старающимся разобщить насъ съ Россіею [1]).

[1]) Не зная латышскаго языка, я, разумѣется, не могу лично засвидѣтельствовать справедливости, впрочемъ не разъ доходившихъ до меня слуховъ, о невѣрности переводовъ русскихъ законовъ на мѣстные языки. Не могу и отвергнуть этого слуха, зная по опыту въ какого рода переводахъ на русскій

О созданіи въ волостныхъ обществахъ своего рода крестьянской шляхты и о проведеніи между нею и быдломъ возможно рѣзкой черты, посторы хлопотали еще усерднѣе чѣмъ помѣщики. У первыхъ были при этомъ свои расчеты. Хозяева ими возвеличеные и, при ихъ содѣйствіи, выдѣлившіеся изъ круга своихъ собратьевъ, разумѣется, должны были щедрѣе расплачиваться за требы. Случалось, что какойнибудь парень, попавшій на даровую службу къ помѣщику, управителю или пастору, таскался по кабакамъ, повѣсни-

или quasi-русскій языкъ поступаютъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора Балтійскаго поморія, на разсмотрѣніе и утвержденіе высшаго правительства, нѣмецкіе проекты тамошнихъ сословій. Многое, конечно, въ этомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что, по господствующимъ въ томъ краѣ понятіямъ, право не знать русскаго языка и безцеремонно коверкать его составляетъ одну изъ привилегій мѣстныхъ чиновниковъ, служащихъ правительству, и одну изъ неприкосновенныхъ кондицій, которыми обусловливается ихъ вѣрность престолу. Но попадаются нерѣдко такія странныя неточности, для объясненія которыхъ предположеніе самой крайней небрежности или почти невѣроятнаго невѣжества оказывается недостаточнымъ. Для назиданія читателей, я приведу одинъ примѣръ, на удачу. Въ исходѣ 1849 года, вышло Высочайше утвержденное Лифляндское Крестьянское Поземельное Уложеніе, разработанное на ландтагѣ 1847 года. Это Уложеніе составляетъ третій моментъ въ поучительной исторіи постепеннаго, нынѣ довершаемаго ухудшенія быта тамошнихъ крестьянъ. Въ русскомъ переводѣ (который разсматривался въ особомъ, остзейскомъ комитетѣ, въ департаментѣ и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, утвержденъ покойнымъ Государемъ и, слѣдовательно, получилъ значеніе подлиннаго текста) мы читаемъ между прочимъ такого рода статьи: „Пространства въ предѣлахъ повинностной земли лежащія, но, по вакенбуху не вошедшія въ аншлагъ, не принадлежатъ къ повинностнымъ дачамъ, если они, на планѣ помѣстья, именно не причислены къ выгонамъ“. По русски это значитъ: участки, лежащіе въ чертѣ крестьянскаго надѣла, но по вакенбуху не принятые въ расчетъ, не считаются составною частью крестьянскаго надѣла, если на планѣ дачи не причислены къ выгону (§ 14). Или: „Для поощренія земледѣлія, для обезпеченія денежныхъ оброчекъ и для удобнѣйшаго обращенія таковыхъ оброчекъ въ недвижимое владѣніе крестьянъ, дворянство учреждаетъ банкъ“. На томъ языкѣ, который въ канцеляріи генералъ-губернатора слыветъ за русскій, оброчка значитъ оброкъ, недвижимое владѣніе значитъ недвижимая собственность; и выходитъ, что оброкъ можетъ обратиться въ поземельный участокъ, плата за квартиру — въ домъ. Все это значитъ: учреждается банкъ, для облегченія крестьянамъ платящимъ поземельный денежный оброкъ, возможности пріобрѣтать участки, которыми они пользуются, въ собственность (§ 23, п. 1). Или: „Каждый оброчный уча-

чалъ, развратничалъ и, отслуживъ свой срокъ, выходилъ отъявленнымъ негодяемъ. Затѣмъ, онъ обыкновенно подбиралъ себѣ невѣсту изъ такихъ же, то есть изъ числа прогулявшихъ всякій стыдъ съ разными „Gutsverwaltung'ами" и тогда новая чета получала какую-нибудь лачужку въ лѣсу, куда укрывала свой позоръ. А какъ бывало праздновались этого рода свадьбы! Что за пиры, что за проводы въ кирку и оттуда! Пасторъ оглашалъ точно не людей, а ангеловъ, приписывая имъ добродѣтели, которыхъ они и во снѣ не видали.

стокъ имѣетъ право продать часть своего поземельнаго дохода (банку)[1].—Легко ли догадаться, что это значитъ: каждому хозяину, платящему съ участка, состоящаго въ его пользованіи, поземельный оброкъ, предоставляется право перевести часть этой повинности на банкъ. Все это конечно отъ безграмотности; но чѣмъ объяснить слѣдующее. Во многихъ статьяхъ Положенія, въ нѣмецкомъ текстѣ, говорится о правахъ der Gutsverwaltung (вотчиннаго или мызнаго управленія, по просту: помѣщичьей конторы), а въ русскомъ текстѣ, терминъ этотъ передается не однимъ, а двумя различными терминами, употребляемыми въ перемежку: волостное управленіе и вотчинное управленіе (См. §§ 334, 335, 336, 343, 347, 371 и др.). Такую шаткость терминологіи въ законѣ трудно объяснить; но вотъ къ чему она приводитъ. Изъ §§ 354 и 371, читатель узнаетъ, что старшины, предсѣдатель и засѣдатели мірского суда избираются мірскимъ обществомъ и утверждаются волостнымъ правленіемъ; и такъ какъ волость соотвѣтствуетъ нѣмецкому Gemeinde и есть единица общественная, такъ какъ волостной старшина, волостной писарь, волостной судъ, волостной магазинъ, суть чины, учрежденія и заведенія общественныя, то читатель естественно приходитъ къ заключенію, что всѣ вышеупомянутыя должностныя лица, избираемыя обществомъ, общественнымъ (т. е. волостнымъ) правленіемъ и утверждаются. Такъ, вѣроятно, поняли эту статью графъ Киселевъ и графъ Перовскій, читавшіе Положеніе на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ, утверждаются они помѣщикомъ или его повѣреннымъ, и въ нѣмецкомъ текстѣ стоитъ не Gemeinde-Verwaltung, а Guts Verwaltung. Случайно ли произошла эта ошибка, дающая совершенно превратное понятіе о сущности дѣла, или нужно было, именно въ эту капитальную статью, подпустить тумана и залѣпить глаза правительству? – Какъ бы то ни было, проектъ ландтага, въ этомъ переводѣ отрекомендованный княземъ Суворовымъ какъ идеалъ совершенства и благонамѣреннаго либерализма, удостоился утвержденія почти безъ измѣненій, и дѣло объ устройствѣ быта крестьянъ Высочайше повелѣно зачислить рѣшеннымъ. Однако, черезъ 11 лѣтъ, пришлось рѣшать его вновь; въ 1860 году, оказалось нужнымъ издать новое положеніе; и если когда-нибудь правительство серьезно захочетъ положить дѣлу конецъ, то нельзя будетъ миновать новаго пересмотра, съ самаго начала Пр. Ю. С.

Стыдно было слушать какими прилагательными онъ ихъ чествовалъ; да и самъ пасторъ, въ такихъ случаяхъ, жмурилъ глаза, не знаю отъ стыда ли, но не краснѣлъ. На мѣсто выбывшихъ, поступали во временную кабалу другіе и шли тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ, народъ хорошій портился и становился никуда негоднымъ, а въ рекруты поступалъ отсѣдъ мѣстнаго народонаселенія.

Домашняя жизнь и служебная дѣятельность пасторовъ была исключительно посвящена интерасамъ земнымъ. Они были ни болѣе ни менѣе какъ трубою дворянства. На каѳедрѣ— мѣдь звенящая, да еще дурно звенящая, и все на одинъ ладъ, да еще не въ тонъ. Задача ихъ жизни: какъ бы только сократить расходы и увеличить доходы; къ этому были устремлены всѣ помыслы и усилія:— какъ бы накопить побольше, какими бы то ни было средствами, и оставить по себѣ столько, чтобъ сынъ могъ купить себѣ мызу. Поэтому, семейные пасторы оставались неотлучно у себя дома, даже въ воскресные и праздничные дни. Дни эти они сократили такъ, что едва, едва удержались воскресные и самые большіе праздники, которыхъ они не могли уничтожить. Все время они проводили въ смотрѣніи за ходомъ хозяйственныхъ работъ, и тоже не безъ тросточки; чинили судъ и расправу вездѣ и всякимъ манеромъ: и тросточкой, и ладонью, и щелчками, и щипками, разумѣется—чисто по-отечески.

Главнымъ ихъ развлеченіемъ было ходить на охоту съ помѣщиками, и гонять звѣря стаями собакъ всѣхъ породъ и мастей. Это дѣлалось конечно для потѣхи, а не для какой-либо корысти. На этихъ охотахъ бывало шумно, весело и задорно: умные, образованные, степенные люди разсказывали всякія небылицы, хвастались, врали, спорили и отпускали другъ другу колкости. Тѣмъ временемъ, разношерстная стая псовъ усердно работала и ногами и горломъ, гоняясь въ разсыпную за зайчикомъ, бѣленькимъ какъ комокъ снѣга, за этимъ хищнымъ лифляндскимъ звѣремъ [1]). Это я слышалъ и видѣлъ, а вотъ что я самъ испыталъ.

---

1) Крестьяне обязаны были, по наряду, выходить на облаву, для истребленія хищныхъ звѣрей; подъ этимъ предлогомъ, въ Лифляндіи какъ и въ Польшѣ, ихъ заставляли безвозмездно гонять зайцевъ. Прим. Ю. С.

За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, къ исправленію ихъ должности, сгонялись Латыши. Съ октября по январь включительно, особенно когда снѣгъ былъ не слишкомъ глубокъ,—то и дѣло устраивались облавы, или такъ называемыя: „клапперъ-яхты“. Въ воскресенье, въ мызной корчмѣ, отдавался приказъ, чтобы въ такой то день, утромъ засвѣтло, въ такой-то деревнѣ непремѣнно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ загонщиковъ на два дня кряду. Нечего дѣлать: посылай работника, или бѣгуна—мальчишку, а за неимѣніемъ таковыхъ иди самъ хозяинъ, съ работницей или дѣвченкой. Слишкомъ малыхъ не принимали, потому что эти охоты устраивались все-таки подъ предлогомъ истребленія волковъ,—дѣла серьезнаго и не безопаснаго.

Но мужики очень хорошо знали въ чемъ дѣло и тутъ-же, въ корчмѣ, потихоньку между собою пересмѣивались, говоря. „Ну, развѣ что помѣщикъ или пасторъ, бѣгая за гончими, какъ-нибудь изорвалъ свою старую волчью шубенку; можетъ быть какой-нибудь лоскутикъ ея и остался на сучкѣ, а теперь хочетъ выгнать цѣлаго волка изъ лѣсу! дудки, мы знаемъ, что подъ волкомъ разумѣй зайцевъ“.

Къ назначенному часу начинали сбираться люди всякаго разбора: охотники на коняхъ, охотники пѣшіе, а кто въ санкахъ, въ телѣгахъ, въ дрожкахъ и всѣ съ ружьями. А мы, гончія, всѣ пѣшкомъ, но также не безъ орудій. Ну какъ въ самомъ дѣлѣ попадется волкъ! Поэтому, какимъ кто творилъ себѣ волка въ своемъ воображеніи, такое на скорую руку припасалъ и орудіе. Разъ, я захватилъ свиной пузырь и думалъ про себя: „Попадись только волкъ, я его тресну такъ, что онъ махнетъ на дерево“. И какихъ не было тутъ орудій? У кого колотушка изъ старой лопаты лифляндскаго произведенія; у кого кусокъ, неизвѣстно откуда добытый, ржавой жести; у кого высушенный пузырь съ нѣсколькими въ немъ горошинками; у иного трещетка; у другого пучекъ лучинъ, а у иныхъ просто палки, которыми ударяли въ лѣсу по каждому дереву.

Нарядовъ не стану описывать; ихъ можетъ видѣть читатель на нищихъ, на деревенскихъ ярмаркахъ и церковныхъ

папертяхъ. У меня бывали разныя одежи: иной разъ отцовскій камзолъ, или полукафтанъ, такой длинный, широкій, съ нѣсколькими хвостами, и такими длинными, что въ лѣсу иной разъ оторопѣешь и оглянешься, точно что-то ползетъ за тобою. Дырамъ и прорѣхамъ не было ни счету, ни мѣры.

И поведетъ бывало лѣсничій эту мохнатую, полуголодную, двуногую стаю всѣхъ возрастовъ и половъ, а въ томъ числѣ и такихъ, о которыхъ на видъ трудно было сказать: что это, мальчикъ или дѣвочка? да и сами они едвали знали; — поведетъ къ лѣсу, разставитъ въ рядъ, на разстояніи отъ ста и болѣе шаговъ, какъ лѣсъ великъ, отдастъ приказъ: шумѣть какъ можно больше и громче, не забѣгать впередъ, не сходиться въ кучку, не отставать, домой не бѣгать и т. д. Но эта инструкція не всегда соблюдалась, грѣшили противъ нея всѣ, и малые и большіе. Лѣсничій подастъ штурмовой сигналъ. Вотъ бы вамъ послушать, а описать я не берусь, потому что самъ бывалъ въ этомъ дѣлѣ участникомъ а не слушателемъ. Эта такая суматоха, что и разобрать нельзя: крикъ, вой, лай, звонъ, дребезжаніе пузыря, ауканье, стукъ по деревьямъ. Подъ часъ мнѣ становилось такъ страшно, что волоса становились дыбомъ. Пузырь развяжешь и выпустишь воздухъ: слышалъ, что волки мясо любятъ; наконецъ разорвешь его, выберешь горошинки и съѣшь, а пузырь бросишь, чтобъ и духу мясного не было. Иной мальчуганъ такъ навостритъ лыжи со страху, что выбѣжитъ на охотниковъ прежде перваго зайца; охотникъ, съ досады, схватитъ его за макушку, выдеретъ за волосы и прогонитъ въ лѣсъ. Смотришь: бѣжитъ назадъ мальчуганъ, плачетъ и кричитъ, что шапку потерялъ и проситъ вернуться поискать ее. Куда тутъ! До шапки ли? Мимо идетъ большой и говоритъ: „Иди впередъ, мы выгонимъ шапку изъ лѣсу!“ И дѣйствительно, выйдутъ къ охотникамъ, и тутъ отдаетъ шапку тотъ самый охотникъ, на котораго налетѣлъ загонщикъ, и который оттаскалъ его за чубъ; а мальчикъ въ страхѣ и не замѣтилъ, что шапка осталась въ его рукахъ и твердо вѣритъ, что ее выгнали изъ лѣсу.

По опушкѣ стояли охотники, притаившись, какъ коты завидѣвшіе мышенка; тутъ и помѣщикъ, и пасторъ, корчмарь,

докторъ, управляющій, кистеръ, аптекарь, староста, мужикъ сотскій, сынъ помѣщика, старшина, сынъ пастора, лакей и т. д. Имъ хорошо было, потому что у всѣхъ была съ собою закуска и фляжка съ теплородомъ. А спросите-ка: намъ, голоднымъ шакаламъ, каково было бѣжать со страхомъ и трепетомъ, падая, озираясь, увязая, засоряя глаза, царапая лицо, путаясь въ сучьяхъ сосенъ и ельника; перелѣзая черезъ повалившееся дерево, съ огромными сучьями, за которые иной разъ уцѣпишься и повиснешь на воздухѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Сгоряча не разсчитаешь, что вѣдь цѣлый день или два нужно выдержать. Тутъ и гончая, четырехногая собака обратится въ коромысло, а тѣмъ болѣе двуногая. Перевалитъ за обѣдъ: тутъ вспомнишь, что всунулъ за подкладку стараго отцовскаго камзола корку хлѣба. Хвать, въ одну, въ другую: — нѣтъ корки. Еще пройдешь, еще и еще обыщешь, нѣтъ какъ нѣтъ! Тутъ, къ ужасу, найдешь предательницу дыру въ длинномъ камзолѣ; вотъ куда улизнула моя корка! А какъ бы ты мнѣ теперь пригодилась! Смотришь: и народу-то собачьяго какъ будто поменьше стало, особенно большихъ что-то маловато! А! и они вѣрно въ дыру провалились и сидятъ теперь по домамъ, около печей, и грѣются. — До этого времени было жарко. Рубашенка взмокла отъ поту и сыплющагося съ еловыхъ сучьевъ снѣга. Грубые, портяные штанишки тоже мокры и лѣзутъ все ниже и ниже; ноги тоже, лапти отказываются служить; ужъ видна красная пятка. Самъ голоденъ; въ ляшкахъ сперва зудъ, а потомъ боль, и все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, становится невыносимо. Отцовскій камзолъ отказывается грѣть и даже показываетъ явное намѣреніе сползти съ плечъ долой и какъ будто повторяетъ часто слышанное: охъ ты, мерзлякъ сопливый! Ты ужъ никакъ не на шутку готовишься плакать! Вотъ тебѣ впередъ наука! не пори горячку! На горячихъ, не только воду возятъ, но и слезы тоже!

Спустишь и засученные рукава, такъ что руки кажутся длиннѣе всего туловища; нужно согрѣться, но нѣтъ! Холодно! невыносимо холодно, весь окоченѣлъ! Голосъ отнялся, силъ тоже нѣтъ, и начинаетъ ужъ клонить ко сну. Кончилась наконецъ охота. Иди домой! а домъ-то далеко, и точно нарочно

уходитъ все дальше и дальше въ тьму ночную. Темно! страшно! Что дѣлать? Разумѣется что: затянуть ту пѣснь, съ которою родился на Божій свѣтъ, въ нѣсколько измѣненномъ тонѣ Она начинается съ буквы „ы", тянется долго, но больше вы ничего не услышите. Гончая обратилась въ теленка! А чрезъ недѣлю этотъ же теленокъ опять превращается въ гончую, бодрую и задорную. Встрѣчается съ товарищемъ отъ одного смычка и говоритъ ему: „Мнѣ сегодня ѣсть не захочется" и въ доказательство приставляетъ большой палецъ къ животу, пониже сердечной ямочки и повыше пупка, колышетъ свой широкій животъ и говоритъ: послушай-ка, Онджа! какъ путра-то играетъ; славно налакомился! Точно у добраго коня селезенка бьется: гукъ, гукъ, гукъ! Я и хлѣба то не взялъ, чтобъ рѣзвѣе бѣжать".—Но смотришь, къ вечеру, этотъ хвастунъ опять дрожитъ и мычитъ.

Помню какъ теперь: въ послѣдній разъ я былъ на облавѣ въ ноябрѣ 1846 года. Въ этотъ разъ, я былъ не такъ ретивъ въ началѣ охоты и не такъ плаксивъ въ концѣ. Но какая-то невыносимая тоска сопровождала меня туда и обратно. Не знаю: какая тому была причина? То ли, что хозяинъ погналъ меня вмѣсто своего работника, должно быть на томъ основаніи, что мы у него занимали квартиру великолѣпную, при самомъ овинѣ, безъ фундамента, безъ дверей, съ прогнившею, соломенною покрышей? То ли, что мать моя была больна послѣ двукратнаго, тюремнаго ея заключенія въ Ригѣ [1]), больна при смерти и некому было подать ей напиться? То ли, что я уже былъ въ то время не сынъ хозяина, а сынъ горемычной, обиженной до глубины души, ограбленной самымъ наглымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, истерзанной, измученной, больной — бобыльки? Жалость ли по добромъ отцѣ, который лежалъ въ сырой, дальней, чужой землѣ, и оставилъ насъ, не сказавъ намъ послѣдняго „прости", не благословивъ насъ послѣднимъ, видимымъ благословеніемъ отца? То ли, что въ то время я уже былъ православный, и что всѣ надо мною смѣялись? А поводомъ къ насмѣшкамъ

---

[1]) О причинѣ хожденія матери автора въ Ригу, будетъ говорено ниже. Прим. Ю. С.

послужилъ святой крестъ, довольно большого размѣра, который предательски высунулся изъ моихъ лохмотьевъ. Его замѣтилъ управляющій и указалъ другимъ, проговоривъ громко, внятно и ядовито: „Вотъ и эта собака пришла со всѣмъ своимъ кламберомъ". — То ли, что этотъ самый управляющій былъ однимъ изъ первыхъ виновниковъ постигшихъ насъ бѣдствій? Что тутъ были на лице всѣ злоумышленники и лжесвидѣтели, сгубившіе моего отца, и нагло радовались своему торжеству?—То ли, что мы собрались въ той самой деревнѣ, гдѣ мы такъ недавно радовались и рѣзвились, а послѣ отпраздновали похороны отца? То ли, что на дверяхъ бывшаго нашаго двора видны еще были трещины и дыры отъ дѣйствія лома и насошниковъ, которыми взломали двери среди бѣлаго дня, чтобъ вынести наше имущество и продать его съ аукціона? То ли наконецъ, что я долженъ былъ гонять зайцевъ въ тѣхъ самыхъ болотахъ и тундрахъ, гдѣ я еще такъ недавно пасъ стадо моего отца, рѣзвился, зябъ, голодалъ, насыщался, радовался, словомъ жилъ какъ малый лѣсной звѣрокъ, не вредя никому, кромѣ самого себя, когда бывало слетишь съ березки на землю? — право не знаю... Но я невольно забѣжалъ впередъ и разговорился самъ съ собою припоминая былое время. Пора вернуться къ предмету.

Пасторы и сами содержали и содержатъ собственныя псарни, не пренебрегая и ружейною охотою. Иные изъ нихъ стрѣляли зря и во все: въ птицу ли, въ звѣря ли, попадая подъ часъ и въ своего прихожанина, сидящаго около печки въ хатѣ, или въ женщину съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Бывали такіе случаи, и все сходило даромъ, все было ни почемъ. Но, все это и многое другое, какъ говорится, моталось на усъ, хотя Латышъ и не носитъ усовъ. — Когда-нибудь можетъ и онъ ихъ отпуститъ; но все это впереди, далеко впереди.

Своимъ духовнымъ дѣломъ, пасторы занимались всего меньше. Отъ кирки и службы уклонялись, а Латыша буквально ненавидѣли. Почти всѣ свои обязанности они сдавали своимъ помощникамъ, такъ называемымъ форминдерамъ, которыхъ наставили множество во всѣхъ деревняхъ. Эти форминдеры за нихъ крестили, принимали женщинъ съ сороковою

молитвою, хоронили, совершали всякаго рода требы, кромѣ однако браковъ, и все это безвозмездно. Навѣщать больныхъ, ѣздить къ нимъ и напутствовать ихъ св. таинствомъ— это и теперь дѣлается рѣдко, а въ тѣ времена, пасторы даже какъ будто и не знали, что это ихъ непремѣнная обязанность. Они считали, и считаютъ, что попеченіе о больныхъ исключительное дѣло доктора, а докторъ былъ того мнѣнія, что это по части пастора. Пока они между собою спорили и сбирались размежеваться обязанностями, много поколѣній, много Латышей и Латышекъ, умерло, не встрѣтивъ помощи ни отъ того, ни отъ другого. Ни тотъ ни другой въ хату Латыша не заглядывалъ. По части медицины обходились и должны были обходиться домашнимъ образомъ: требы исполняли форминдеры, слѣдовательно: къ пастору незачѣмъ было и ходить. Доктора съ аптекой замѣнялъ проныра—жидъ. У него были всѣ лѣкарства: перецъ и лавровыя ягоды противъ поноса; имбирь противъ зубной боли, и т. д. слѣдовательно, и къ доктору незачѣмъ было ходить, да и не ходили; только разъ, мать приносила къ нему ребенка оспу привить. У насъ господствовали двѣ болѣзни: поносъ, отъ слишкомъ дурной и однообразной пищи, и горловая, отъ слишкомъ дурныхъ помѣщеній. Помѣщики, пасторы и доктора, единодушно, признали перцовку и настойку на лавровыхъ ягодахъ, за единственное средство противъ поноса: поэтому и не давали ровно ничего отъ этой болѣзни, и мы должны были обращаться въ этихъ случаяхъ къ корчмарю и жиду. Противъ второй болѣзни, помѣщикъ отпускалъ намъ щедрою рукою, изъ своей аптеки—виноватъ—изъ своего амбара, безъ счета и мѣры, хоть цѣлый возъ: крысинаго помета [1]). Его нужно было мѣшать съ медомъ и ѣсть; но только меду не давали, а помета сколько угодно, хоть весь амбаръ вымети. И вѣдь дѣйствительно помогало! Мой отецъ лѣчился, и лѣчился, всѣ лѣчились, и взрослые и дѣти. — Добрый читатель! Вы посмѣетесь; васъ стошнитъ отъ одного чтенія; и господа наши тоже смѣялись, я думаю, и разсказывали какъ

---

1) Это не выдумка, не шутка, а дѣйствительный фактъ бывшій со мною и съ моимъ отцемъ. Прим. автора записокъ.

забавный анекдотъ про свое остроумное медицинское изобрѣтеніе, про это наглое свое глумленіе надъ простодушіемъ презрѣннаго Латыша. И чего не видѣлъ, чего не испыталъ я въ этомъ родѣ? Мы гибли какъ мухи, да и по правдѣ сказать, много ли мы были лучше мухъ въ глазахъ и понятіяхъ помѣщика, пастора и доктора?

Мы сами даже не дерзали звать пастора къ больнымъ. Бывало, только услышитъ слово „flims“ больной — такъ и начнетъ барахтаться и отмахиваться, чтобъ поскорѣе убирались изъ его хоромъ. Иной разъ, болѣзнь самая обыкновенная, мужицкая, такая что никакъ не можетъ пристать къ благородному, къ пастору; напримѣръ: мужикъ раздробилъ себѣ ногу топоромъ и умираетъ безъ медицинской помощи, но желаетъ пріобщиться св. таинъ, а пасторъ все-таки кричитъ во всю глотку, что болѣзнь заразительна. Поэтому, онъ и не зналъ гдѣ и какъ живетъ и какъ умираетъ его прихожанинъ. Часто не зналъ къ нему и дороги, если не заходилъ въ ту сторону на охотѣ.

Попросятъ у него молитвы о больномъ или о домашнемъ хозяйствѣ; если проситъ хозяинъ и заплатитъ положенную цѣну, то пасторъ помянетъ съ каѳедры: волость, усадьбу, имя и прозвище хозяина, даже и жены его; если проситъ мужикъ первостатейный, то въ добавокъ нанижетъ столько похвальныхъ прилагательныхъ, сколько ихъ имѣется въ латышскомъ діалектѣ, даже во всѣхъ степеняхъ.

А работникъ или бобыль и не приходи! Да и о чемъ бы онъ сталъ молиться? Добродѣтелей свойственныхъ какому-нибудь засѣдателю или хозяину первой руки, онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Животныхъ тоже никакихъ не имѣетъ, кромѣ развѣ самого себя, да и то негоднаго. Затѣмъ, нѣтъ и не будетъ ни мелкаго, ни крупнаго скота, ни даже птицы. У хозяина все-таки есть хоть какое-нибудь четвероногое и курица съ цыплятами, поэтому, послѣ похвальныхъ прилагательныхъ, можно помолиться: „о мелкихъ животныхъ, о лошадиной силѣ и обо всемъ домашнемъ скарбѣ“ [1]).

---

[1]) Буквальный переводъ молитвенной формулы на латышскомъ языкѣ. Прим Ю. С.

Школъ для крестьянъ тогда не было вовсе. Да и не было въ нихъ надобности—такъ разсуждали пасторы. „Латышъ—мужикъ (баурисъ) такъ глупъ и безтолковъ, что нѣтъ возможности чему либо научить его“ или: „да стоитъ ли каждаго баура учить? Еще вздумаетъ умничать“.

Эти отзывы я слышалъ много лѣтъ, слишкомъ 18 лѣтъ, въ разныхъ мѣстахъ Лифляндіи, и все отъ стариковъ и старухъ. Всѣ говорили и говорятъ одинаково, безъ всякихъ прибавленій или варіантовъ, слово въ слово.

Какимъ образомъ, отъ кого сами крестьяне это узнали, мнѣ неизвѣстно; но несомнѣнно, что они повторяли повсемѣстно эти объ нихъ сужденія и повторяли съ негодованіемъ, особенно на пасторовъ. Итакъ, школъ у насъ не было. Доказательствомъ тому можетъ служить и статистика барона Гершау, въ которой этотъ баронъ перевелъ между прочимъ на русскій языкъ лифляндскіе законы, съ маленькими прикрасами. Онъ начинаетъ статью о школахъ въ Лифляндіи, не съ 1819 года, когда Лифляндія, по оффиціальнымъ бумагамъ, избавилась отъ крѣпостного права, а съ 1848 года. Почему? Потому, что не захотѣли сказать всей правды. Позвольте сдѣлать маленькое отступленіе и исправитъ статистику барона Гершау, разумѣется—не всю, на это бы не достало времени! Почему началъ онъ именно съ 1848 года? А потому, что православіе тогда уже имѣло три года отъ роду въ Лифляндіи, и, съ перваго же шагу устроило, втиснуло въ тѣсныя квартиры причтовъ, при всѣхъ церквахъ, приходскія школы. А въ самомъ городѣ Ригѣ, существовалъ уже однолѣтній младенецъ подлѣ самаго Верманскаго Сада. Имя этому младенцу дали такое: „Рижское Православное Духовное училище“, съ переводомъ на латышскій языкъ подъ русскою надписью.

Это было любимое насажденіе дорогого намъ всѣмъ Латышамъ и Эстамъ, незабвеннаго Филарета, епископа Рижскаго. Туда вписалъ онъ и меня, по смерти моего отца, едва ли не первымъ въ число учениковъ, за два года до открытія заведенія, именно въ 1845 году, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, и далъ слово моей матери, что одинъ изъ ея сыновей будетъ принятъ въ училище, а если будетъ

угодно Богу, то будетъ и священникомъ. И это слово свое онъ сдержалъ.

Это-то училище, помѣщавшееся въ одной изъ лучшихъ частей города Риги, да еще съ латышскою надписью золотыми буквами на голубомъ полѣ, сильно кололо Нѣмцамъ глаза, какъ молчаливый упрекъ и обличеніе ихъ безучастія къ намъ. И не мудреная кажется надпись: „Рижское, Православное Духовное Училище“ но промежъ строкъ читалось вотъ что: по православному русскому обычаю, помолившись усердно Богу, мы принимаемся за дѣло трудное и новое; мы попробуемъ, дѣйствительно ли Латышъ и Эстъ—бауръ грубѣе и глупѣе лѣсного звѣря и неспособенъ ничего воспринять? Мы попробуемъ, нельзя ли изъ нихъ, изъ этихъ отверженцевъ, воспитать и приготовить священниковъ, а тамъ и наставниковъ?—Понятно, что это многимъ не нравилось.

Я долженъ однако оговориться, чтобъ устранить возраженіе: бывали конечно примѣры, что и Нѣмцы учили Латышей; но образованіе предлагалось имъ подъ непремѣннымъ условіемъ забыть свой родной языкъ и даже усвоить себѣ нѣмецкій выговоръ, выучиться картавить какъ Нѣмцы и передъ каждымъ латышскимъ словомъ, нѣсколько разъ повторять беззвучную, нѣмецкую букву: ö, ö, ö.

Эта часто, передъ каждымъ словомъ повторяемая буква, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ, что говорящій уже не Латышъ, а выработанный изъ Латыша Нѣмецъ. Онъ какъ будто сбирается плюнуть на свой родной языкъ, и знайте—навѣрное: вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старается забыть о своемъ происхожденіи, онъ гнушается его и обижается, когда ему напоминаютъ, что онъ все-таки Латышъ, хотя и выучившійся ломать свой языкъ.

Рѣдко, очень рѣдко, выходилъ изъ училища какой-нибудь выродокъ — по нѣмецкимъ понятіямъ, а по нашимъ: здоровый и зрѣлый плодъ привитаго къ латышскому корню образованія. Изъ тѣхъ, которые, научившись чему-нибудь, отдавали себя на службу Нѣмцамъ, изъ за куска хлѣба, мало по малу слагался какъ бы особый классъ отступниковъ отъ своей народности, нѣчто въ родѣ лифляндской мелкой „шляхты“. А тѣ, которые учились для того, чтобы принести пользу сво-

имъ братьямъ, дѣйствительно нуждающимся въ руководителяхъ, и оставались вѣрны своему призванію — тѣ заранѣе обрекали себя самой жалкой участи и неутомимымъ, разнообразнымъ преслѣдованіямъ, какія только могла придумать изобрѣтательная злоба Нѣмцевъ [1]).

Система пасторовъ сводилась къ слѣдующему правилу: если Латышъ получилъ образованіе, то онъ долженъ окончательно отступиться отъ своихъ единоплеменниковъ и сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Нѣмца. А не то, для Латыша достаточно и того образованія, какое онъ получаетъ отъ матери за прялкой, при свѣтѣ березовой лучины, и отъ пастора на конфирмаціи.

О конфирмаціяхъ нужно поговорить обстоятельнѣе; дѣло этого стоитъ.

Для пасторовъ, конфирмаціи были очень выгодны. Какихъ-нибудь 200 или 300 молодыхъ людей согнанныхъ вмѣстѣ работали въ его пользу и на его удовольствіе: чистили дворъ, дорожки въ саду, возили навозъ, за недостаткомъ вилъ, руками собирали пометъ и валили въ телѣгу; дѣвушки стирали бѣлье, щипали перья и т. п.

Вечеромъ, приходилъ пасторъ и спрашивалъ по одиночкѣ каждаго и каждую: „Какая у тебя вѣра?“ Но это продолжалось недолго; ему становилось скучно и онъ уходилъ, сказавъ намъ на прощанье жалобнымъ голосомъ: „Милыя дѣти! я больше не могу говорить, у меня болитъ голова“. Правда, иногда, для разнообразія, онъ приносилъ магнитъ и показывалъ какъ бѣгаетъ за нимъ стальная иголка.

На конфирмацію собирали парней отъ 18 до 25 и дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Ночевать ходили всѣ вмѣстѣ въ корчму и спали въ одной залѣ. Шумъ, крикъ, щипаніе, визгъ, смѣхъ, плачъ, ругательства, брань и драки! Чистѣйшій Содомъ и Гоморръ! Парни выбирали невѣстъ; дѣвушки высматривали жениховъ. Тутъ ревновали, сплетничали, ссорились, плакали, смѣялись, торжествовали, выкидывали разныя шутки, разумѣется, самаго неприличнаго свойства. Много

[1]) Стоитъ только напомнить имена Бевбардиса и обоихъ Петерсоновъ. Прим. Ю. С.

было между наличными и такихъ, которыя уже успѣли вкусить запрещеннаго плода; всѣмъ хотѣлось вкусить его поскорѣе. „Ну чтобы“ — думала иная — „этому молодцу взять меня ночевать съ собою; я бы и ломаться не стала, а то просто смерть, привязался этотъ сопливый табачникъ! Я же хозяйская дочь и онъ хозяйскій сынъ!“ — Надобно знать, что до 1846 года, за величайшій грѣхъ и преступленіе считали: дочь хозяина просватать за работника (батрака), или сыну хозяина взять за себя дочь работника или бобыля. — Это тоже былъ плодъ ученія гг. пасторовъ. Парни сильно дрались изъ за невѣстъ, дѣвушки злобно ругались изъ за жениховъ. Приходили и изъ сосѣднихъ деревень парни уже бывшіе на конфирмаціи спать къ дѣвушкамъ конфирмаціонкамъ. Съ конфирмаціи только позволялось и позволяется парню и дѣвушкѣ спать вмѣстѣ, а до конфирмаціи, это преступленіе строго наказывалось.

За то, послѣ конфирмаціи, давалась полная воля.

Этотъ обычай древній, очень древній, можетъ быть идущій отъ временъ язычества, какъ будто признанъ христіанствомъ и освященъ конфирмаціями. Въ этомъ находили свои выгоды пасторъ и помѣщикъ. На барщину, гдѣ только производились работы обоими полами вмѣстѣ, парни и дѣвушки сами охотно напрашивались; по той же причинѣ рвались и на конфирмаціи. Такое ужъ было заведеніе, что нужно непремѣнно поспать вмѣстѣ нѣсколько ночей, а иногда и нѣсколько лѣтъ, и затѣмъ уже можно свататься, а безъ этого нельзя.

Вотъ что значили эти конфирмаціи. Онѣ-то послужили поводомъ, прикрытіемъ и оправданіемъ той безнравственности, которая до того достигла у Латышей, что отцы и матери не стыдятся уступать свою кровать дочери и повѣсу съ нею связавшемуся, если онъ попотчевалъ ихъ шнапсомъ, а сами ложатся на сырую землю. О! пастыри душъ—развратители, а не пастыри! Вы все это знали и видѣли, все покрывали, всему творили поблажку. Какой-то отвѣтъ вы дадите за насъ?

Загляните лѣтомъ въ Лифляндію и, особенно, въ Курляндію: дѣвушка, дочь хозяина, бывшая уже на конфирмаціи, съ ранней весны до поздней осени, ночуетъ въ клѣти. Въ суб-

боту вечеромъ, она украшаетъ эту свою спальню цвѣтами и вѣтвями, посыпаетъ полъ листьями и пескомъ; стелетъ бѣлую простыню, ставитъ столикъ и сальный огарокъ; мать готовитъ блюдечко свѣжаго масла, грѣтаго творогу, сыру, сладкаго молока, ложки по числу ожидаемыхъ повѣсъ. Затѣмъ ложатся и ждутъ прибытія домовыхъ. Для пущей важности, запрутся изнутри и пропустятъ въ засовъ небольшую лучину. Это для того, чтобъ гость не могъ отворить ее сразу, а долженъ былъ стучаться, проситься, отпускать прибаутки и ласки, отъ которыхъ уши краснѣютъ. Тутъ онъ бывало прикинется и купцемъ, и жидомъ съ перцомъ, лавровыми ягодами, свинымъ табакомъ [1]), и коноваломъ и нищимъ и даже мясникомъ. Впрочемъ, послѣднее слово считалось обидою; какъ разъ щелкнетъ замокъ и уже не попадешь въ клѣть а услышишь извнутри такого рода отвѣтъ: „Иди въ хлѣва, здѣсь коровъ яловыхъ нѣтъ".—Это значило: иди къ батрачкамъ, которые ночевали въ соломенномъ сараѣ, около хлѣвовъ или въ самомъ хлѣву. Сорвавшееся съ языка слово „мясникъ" нужно было искупать долгими мольбами, стоя у дверей, во тьмѣ кромѣшной. Затѣмъ, умилостивленная красавица потихоньку подойдетъ, отопретъ дверь и начнетъ осмѣивать гостя разными колкостями, наконецъ назоветъ его безсильнымъ; тогда онъ упрется въ дверь, лучинка переломится и повѣса растянется на полъ, при громкомъ хохотѣ. Сядутъ, наѣдятся и лягутъ, каждый къ своей безстыдницѣ. Пріѣзжаютъ всегда верхомъ, иногда изъ далекой стороны, особенно къ дочерямъ какого-нибудь волостного засѣдателя, форминдера или хозяина первостатейнаго; лошадей оставляютъ за воротами, на свободѣ; пусть себѣ идутъ, куда глаза глядятъ, и покормятся. Эти лошади, иной разъ надѣлаютъ столько убытка, что бывало досадно до слезъ смотрѣть на истоптанныя, вытравленныя поля и разбросанныя копны. Иной повѣса таскался такимъ образомъ до сѣдыхъ волосъ и не одну оставлялъ съ плодомъ незаконной любви, не у одного хозяина травилъ скирды хлѣба. А отецъ хозяинъ не смѣлъ обижаться. Много вреда, грѣховъ, преступленій, даже убійствъ

[1]) Какое-то растеніе, употребляемое для лѣченія свиней. Прим. Ю. С.

понадѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать этотъ нехристіанскій, языческій обычай. Надобно было видѣть, какъ грызлись эти псы, когда бывало ихъ соберется много, и каждый хочетъ быть обладателемъ одной красавицы. Послѣдствій не стану описывать: гдѣ любовь растрачивается, тамъ не можетъ быть и нѣтъ супружескаго счастія.

И все это такъ въѣлось въ нравы, что столѣтія не изгладятъ поскудныхъ дѣлъ и обычаевъ моихъ братьевъ!

Время на конфирмаціяхъ проводилось такъ весело, что возвращаясь оттуда, парни ревѣли, а дѣвки пищали. Причина ихъ горя пастору была извѣстна лучше чѣмъ кому-либо; но онъ почему-то считалъ нужнымъ притворяться незнающимъ и напутствовать насъ трогательными рѣчами: „Вижу, милыя дѣти—говаривалъ онъ— что вамъ жаль со мною разстаться! Вѣкъ бы жили у меня, подъ моимъ надзоромъ, какъ цыплята подъ крыльями курицы; вѣкъ бы слушали мои поученія! Все это я знаю! объ этомъ свидѣтельствуютъ ваши слезы!. . . Но, увы! Наступила минута разлуки. Вы знаете, что она неизбѣжна. Берегите и храните все то, чему вы отъ меня научились, не забывайте меня. Я всѣ свои силы, все свое знаніе, весь умъ, открылъ вамъ. Не оставляйте меня, посѣщайте храмъ Божій. Вы теперь и между собою сдружились, а потому, если кого постигнетъ печаль, тотъ приходи сюда и здѣсь онъ встрѣтитъ знакомыхъ и любимыхъ братьевъ и сестеръ!“—Иногда пастору удавалось самого себя довести до слезъ; плакали и слушатели, только не о пасторскихъ куриныхъ перьяхъ, не о навозѣ, даже не о его магнитѣ, а совсѣмъ о другомъ. Эти минуты бывали забавнѣе моихъ облавъ.

Собирали и собираютъ на конфирмаціи всегда весною, за двѣ недѣли до вербнаго воскресенія, гдѣ Латыши позажиточнѣе, а гдѣ господствовали положительная бѣдность и постоянный голодъ, тамъ собирали и собираютъ осенью. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ, пасторы довольствовались за свои труды цыплятами, гречневою крупою, свининою, бараниною и разнымъ хлѣбомъ. Эти господа берутъ все, конечно изъ снисхожденія къ Латышу.

Каждый долженъ самъ привести своего сына или дочь и

представить лично пастору, разумѣется, не безъ „того". Кто былъ обученъ, тотъ приносилъ изъ честолюбія, зная, что пасторъ публично похвалитъ, что и дѣлалось. А кто ничему обученъ не былъ, тотъ тоже приносилъ, изъ боязни быть публично осмѣяннымъ. Впрочемъ, вообще, лучше телѣгу мазать, пока она еще не скрипитъ; а заскрипитъ, такъ нужно смазывать вдвое. Пасторъ зналъ гдѣ раки зимуютъ. Кто изъ необученыхъ ничего не принесетъ, или принесетъ, но не въ соразмѣрности съ своимъ невѣжествомъ, того онъ тягалъ на конфирмаціи по 3 и по 4 года, словомъ, до тѣхъ поръ, пока сумма приношеній сравняется съ степенью невѣжества и тогда только допускалъ къ причастію. Дѣти засѣдателей волостныхъ судовъ и хозяевъ первостатейныхъ пользовались особенными поблажками. Иной не въ состояніи былъ и „Отче нашъ", прочитать, поведенія былъ самаго дурного, во всѣхъ проказахъ былъ коноводомъ, а кончалъ курсъ магистромъ, дѣлался потомъ хозяиномъ и засѣдателемъ и все-таки не умѣлъ отличить ни одной буквы. И этого-то разбора люди оглашали законы, циркуляры, чинили судъ и расправу, писали, или подписывали протоколы до незавидной своей кончины, гдѣ-нибудь въ корчмѣ, подъ столомъ, или въ придорожной канавѣ. Таково было во всей Лифляндіи большинство должностныхъ крестьянъ. На нѣмецкомъ діалектѣ, крестьяне этого разбора назывались „толковыми мужиками". И дѣйствительно, какъ не назвать толковымъ того, кто бывало съ перваго слова пойметъ и сейчасъ исполнитъ все, что скажетъ помѣщикъ, управляющій, арендаторъ, писарь и проч. Иной разъ, не успѣютъ и договорить, а ужъ онъ поддакиваетъ, и одобряетъ головой и голосомъ: „Да, да, да! такъ, такъ, милостивый, великій господинъ!" На оборотъ, что толку въ тѣхъ, которые подъ часъ говаривали: „Нѣтъ!" „такъ нельзя!" „это несправедливо!" „Въ законѣ— вотъ что сказано". Послушали, посмотрѣли бы вы, что слѣдовало за такими рѣчами!

„Я законъ!" —И схватитъ бывало милостивый господинъ волостного за грудь и трясетъ его, а затѣмъ кирхшпильсрихтеръ (приходскій судья) лишитъ его голоса на волостномъ судѣ. Это бывало зачастую.

До ухода съ конфирмаціи, въ субботу (въ пятницу отпускались домой, въ баню сходить) всѣ должны были еще разъ явиться лично къ пастору, съ платой: за свѣчи, или за свою же лучину, за труды, за проторы и убытки. Дѣвушка должна была поднести пару новыхъ, шерстяныхъ перчатокъ или рукавицъ, или носковъ, или 15 коп. сер. деньгами, за неимѣніемъ перчатокъ; парни: сынъ хозяина — деньги, въ непремѣнномъ количествѣ 30 к. сер., а затѣмъ, далѣе, позволялось жертвовать и 50 к. и рубль, и два, и три, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, тѣмъ веселѣе пасторъ. Сынъ работника, бобыля, круглый сирота давалъ 15 к. сер. непремѣнно, и выше; съ неучами, былъ другой счетъ. Невѣжеству, порокамъ и недостаткамъ таксы не было. Сдачи не давали, мелкихъ денегъ никогда не водилось. „Что съ возу упало, то пропало!" А развѣ иной разъ окажетъ милость и скажетъ: „Иди на кухню, поваръ дастъ тебѣ путры похлебать". Довольно бы кажется и побывать на кухнѣ, и то ужъ много.

А безъ платы и не думай приходить; кто осмѣливался, подвергался епитимьѣ: не допускался къ причастію, подъ предлогомъ незнанія грамоты, или шалости, или другихъ причинъ, разумѣется: всегда уважительныхъ, законныхъ (мало ли ихъ!) и долженъ былъ приходить еще, еще и еще! Когда мой отецъ былъ на конфирмаціи, нѣкій прихожанинъ два уже года къ ряду не допускавшійся къ причастію и вновь устраненный, явился къ пастору и публично сказалъ ему слѣдующую рѣчь: „Почтенный батюшка, отдайте мнѣ мой полъ талера (30 к. сер.) и полъ барана: я пойду домой и умру со всѣми моими грѣхами!"

Такъ какъ лютеранскіе приходы очень велики — отъ 7000 до 15000 обоего пола душъ, то конфирмаціантовъ бывало ежегодно отъ 300 до 500 обоего пола и больше, такъ что отъ одной этой статьи получался порядочный доходъ. Столько же, приблизительно, совершалось и браковъ. За каждый бракъ взималось не менѣе 50 к. серебр. и то еще бывало пасторъ посмотритъ косо—нужно больше. За запись умершаго младенца $10^1/_2$ к. сер., за взрослаго 21 к. сер.; за запись при крещеніи младенца—30 к. сер. и ужъ никакъ не меньше 15

к. сер.; за запись къ причастію 3 к. сер. съ души. Были назначенные дни, пятница или суббота, когда можно было и мужику приходить съ визитомъ къ пастору; но эти дни не были опредѣлены закономъ и частехонько случалось, что въ два, три, и болѣе мѣсяцевъ не увидишь пастора. Записалъ онъ или нѣтъ — неизвѣстно, лишь бы получилъ свои 3 к., а тамъ, хоть и не приходи къ причастію; но если вздумаешь придти не заплативъ, тогда — держись! Такого нагоняя получалъ, что Боже упаси, и съ каѳедры и въ волостномъ судѣ.

Вообще, какъ пасторы такъ и землевладѣльцы отъ положеннаго не отпускали и не уступали ни гроша. Въ аккуратности, Нѣмецъ первый и послѣдній; у него — дружба братская, а расчетъ жидовскій.

Да! пасторы получали и получаютъ такія деньги и столько хлѣба, они такъ надежно обезпечены, что рѣдкому помѣщику, за расходомъ, очищается такой доходъ. Они до того избаловались и возгордились, что и доступу къ нимъ не было. Сами крестили только въ киркѣ, а хоронить покойниковъ, особенно работниковъ и бобылей, отказывались наотрѣзъ; объ этомъ даже не смѣли ихъ и просить. Сейчасъ спросятъ: отъ какой болѣзни померъ? А самъ стоитъ въ другой или третьей комнатѣ, и непремѣнно закричитъ: иди скорѣе, скорѣе вонъ изъ моего дома; эта болѣзнь заразительна и прилипчива Довольно и того, что онъ вычеркнулъ покойника изъ приходскаго списка, я думаю—тоже не безъ страху какъ бы не заразиться. Впрочемъ, иногда, пасторы являли и самоотверженіе, пренебрегали заразою, за 3 или за 5 руб. и хоронили какого нибудь опившагося волостного начальника.

Когда въ одинъ день приходилось хоронить нѣсколько покойниковъ, пасторъ обыкновенно поступалъ какъ покупатель въ лавкѣ. Одну вещь купитъ, а прочія оставитъ другимъ. Работники и бобыли, по отдаленности отъ кирки и за неимѣніемъ лошадей, крестили своихъ дѣтей дома, тутъ же, въ банѣ. Крестилъ форминдеръ, а отецъ дитяти долженъ былъ за это его угостить и поднести пару рукавицъ за труды. Хоть роди, а подавай! Этого требовалъ устный законъ.

Извѣстно, что каждый пасторъ для своей приходской черни,

держитъ при себѣ помощниковъ изъ крестьянъ болѣе грамотныхъ, такъ называемыхъ „форминдеровъ" отъ одного до трехъ въ каждой волости, смотря по ея величинѣ. Крестили и крестятъ и сами хозяева своихъ дѣтей, особенно въ зимнее время. Но такъ какъ у хозяевъ водятся лошади, то большею частью они крестили въ киркѣ; это даже требовалось отъ хозяина. Крестилъ обыкновенно самъ пасторъ, предварительно объявивъ съ каѳедры, что у такого-то „благочестивѣйшаго" и его супруги родилось дитя, и, чтобы еще болѣе отличить его отъ дитяти плебея, записывалъ какъ можно больше кумовьевъ. Впрочемъ, тутъ былъ и другой расчетъ, ибо каждый изъ кумовьевъ долженъ былъ положить свою лепту на перилы алтаря, пастору за труды. Это обычай нѣмецкій; но у Нѣмцевъ онъ находится въ связи съ другимъ обычаемъ: давать ребенку при крещеніи нѣсколько именъ; онъ и Генрихъ, и Адольфъ, и Георгъ, и Карлъ и Фридрихъ. Если кому придетъ охота назвать Нѣмца по русскому обычаю, то есть по имени и отчеству, то стоитъ только знать нѣсколько нѣмецкихъ именъ, и сказать на удачу „здравствуйте Эдуардъ Карловичъ!" и непремѣнно будетъ въ попадъ; а у Латышей нѣтъ такого обычая и они смѣются, когда слышатъ, что у одного человѣка нѣсколько именъ.

Публичныя вымогательства пасторовъ часто доходили до наглости Когда меня крестили, по окончаніи обряда, пасторъ внимательно посматривалъ: кто сколько клалъ ему за то, что онъ потрудился снять перчатку съ правой руки и обмочить кончики пальцевъ въ воду, да еще въ самое жаркое время года, а именно въ іюлѣ. Моя родная тетка Эдда—ее можно и по имени назвать—положила мѣдный грошъ. Этотъ несчастный грошъ, хотя былъ и большой, но достоинство имѣлъ то же самое, какое и теперешній малый. Пасторъ взялъ его, вставилъ ребромъ между указательнымъ и среднимъ большимъ пальцами правой руки, поднялъ вверхъ, и, передъ всѣмъ народомъ, сказалъ громогласно: „Милый приходъ! Этимъ талеромъ можно поквитаться съ пасторомъ, школьмейстеромъ, звонаремъ и купить новое блюдо для крещенія!"

Эту остроту я записалъ, чтобъ наконецъ отъ нея отдѣ-

латься, такъ она мнѣ надоѣла. Поминая ее, вся родня смѣялась надо мною и теперь смѣется.

Допустите ли вы, что все это наконецъ могло надоѣсть Латышу и что этому неучу могло придти въ его тупую голову поискать другихъ пастырей, другой вѣры?... Къ несчастью, и Русскіе придерживались, да и теперь крѣпко держатся нашей поговорки, что „за ученаго двухъ неученыхъ даютъ". Мало того, въ придачу къ этимъ двумъ, даютъ за каждаго ученаго Нѣмца по нѣскольку тысячъ Латышей и Эстовъ; отдаютъ ихъ всѣхъ, безъ счета, отдаютъ даже много своихъ, Русскихъ. Смотрите: кончится тѣмъ, что и Русскихъ не хватитъ; пожалуй придется накинуть и Поляковъ и вы останетесь не при чемъ, не заслуживъ даже искренняго спасибо.

При такихъ огромныхъ приходахъ, каковы лифляндскіе, изъ трехъ или четырехъ православныхъ священниковъ, едвали бы одинъ, въ теченіе 10 лѣтъ, могъ отлучиться безъ вреда для своей паствы хотя бы на 28 дней; но малосемейные пасторы находили время почти ежегодно уѣзжать на цѣлое лѣто. Правда, въ ихъ отсутствіе, навѣщали сосѣдніе пасторы; но если и свой былъ наемникъ, то каковъ же былъ наемникъ наемника? Гдѣ одному человѣку удовлетворить духовнымъ потребностямъ 20000 душъ? Ихъ тянуло за границу, на родину, въ отечество; у насъ имъ было скучно и душно. У насъ они были на заработкахъ, правда вѣрныхъ, выгодныхъ и легкихъ, но все же непріятныхъ.

По возвращеніи изъ-за границы съ пустымъ кошелькомъ, они долго толковали съ каѳедры про свое путешествіе и про свое отечество. Это давало темы для многихъ и многихъ такъ называемыхъ проповѣдей. Какъ тамъ хорошо, тепло, отрадно и мило, жаль только, что дорого все, до малѣйшей подробности, отъ минеральнаго источника до послѣдняго, запыленнаго кустика. По части религіознаго назиданія, мы узнавали только, что благочестивый паломникъ побывалъ въ томъ домикѣ, гдѣ Мартинъ Лютеръ переводилъ библію; побывалъ и въ той комнатѣ, гдѣ Лютера искушалъ діаволъ; видѣлъ и знаменитое чернильное пятно на стѣнѣ.

Тутъ же показывались разныя рѣдкости: колосья, камушки,

разныя шишки [1]), а наконецъ, иногда, и собственные свои кулаки. И по дѣломъ, ибо слушая занимательныя проповѣди, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ богомольцевъ дремали и даже похрапывали. Былъ при мнѣ такой случай: пока пасторъ водилъ своихъ слушателей по Европѣ, одному изъ нихъ пригрезился волкъ, должно быть страшный и назойливый. Съ перепугу, во снѣ, несчастный закричалъ какъ на облавѣ: у—у—у—ра!

Пасторъ примолкъ, повелъ глазами, прислушался и приказалъ дознать кто кричитъ. Въ эту минуту, волкъ, вѣроятно испугавшійся, отвязался, и крестьянинъ, все еще спавшій, притихъ. Пасторъ опять принялся за прерванный свой разсказъ и благополучно добрался до послѣдняго города своей родины, какой-то Мемельской Дрекъштрасъ-Фельзъ, какъ вдругъ показался опять тотъ же неотвязчивый волкъ и раздался новый крикъ. На этотъ разъ, проснулись и сосѣди и выдали спящаго.

Форминдеръ выпроводилъ бѣднаго изъ кирки, а раздраженный пасторъ осыпалъ толпу картечью своего краснорѣчія. По правдѣ сказать, проспавшій проповѣдь все-таки былъ въ выигрышѣ противъ прослушавшихъ ее. Первый, по крайней мѣрѣ, могъ разсказать, что волкъ тянулъ его за кафтанъ изъ кирки, а что могли разсказать послѣдніе?—Ничего. Всѣ говорили: „Пасторъ сказки да басни разсказываетъ! Лѣнится написать проповѣдь. Мы не за тѣмъ ходимъ въ кирку и не на то храмы Божіи!“

Разъ, одинъ проповѣдникъ — объ этомъ было даже напечатано и въ латышскихъ газетахъ—видя, что всѣ спятъ и никто не слушаетъ, на минуту примолкъ и вдругъ закричалъ неистовымъ голосомъ: „Uggans! uggans!“ (огонь! огонь!) Всѣ встрепенулись: „Kur? Kur?“ (гдѣ? гдѣ?) — „Ellê, — ellê!“ (въ аду, въ аду) отвѣчалъ проповѣдникъ. Это оригинальное

[1]) У дюжинныхъ лютеранскихъ проповѣдниковъ, такъ называемое духовное поученіе очень часто принимаетъ характеръ болтовни о житейскихъ предметахъ. Въ 1847 году, одинъ, въ присутствіи члена бывшей ревизіонной коммиссіи, говорилъ съ каѳедры о томъ: изъ какой матеріи выгоднѣе шить кафтаны. Пр. Ю. С.

средство, къ которому пасторы часто прибѣгали, дѣйствительно производило на слушателей желанное дѣйствіе.

Наконецъ, однако, Латыши начали серьезно опасаться, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ Господь не покаралъ ихъ. Но какъ уйти отъ его гнѣва и гдѣ искать спасенія? Надъ этимъ вопросомъ стоило призадуматься и не Латышу. Какъ бы въ самомъ дѣлѣ, достигнуть того, чтобъ сонъ не смыкалъ глазъ въ киркѣ, чтобъ сердце не оставалось безучастно и холодно? Проповѣдь пастора его не грѣетъ, даже не затрогиваетъ — это ужъ извѣдано, а проповѣди печатныя, изданныя для того, чтобъ ихъ читали дома, когда пастору некогда идти въ кирку, всѣми уже заучены наизусть. Скучно, безотрадно и пусто на душѣ; но еще разъ, куда, къ кому обратиться? Самая мысль куда-нибудь обратиться, такъ, безъ спросу, отъ себя, невольно наводила страхъ. Вникните въ наше положеніе и вы поймете это чувство.

Представьте себѣ вѣсы съ двумя громадными и неподвижными чашками. На одной, высоко поднявшейся къ верху, нагромождены: покорность, безотвѣтность, безгласность, безмысліе, нужда, суевѣріе, невѣжество, голодъ, плотской и духовный—предметы все легкіе, а на другой, опустившейся до земли, даже отъ тяжести ушедшей въ землю, красуется лифляндскій рай, тотъ рай, въ который не допускаются Русскіе и котораго тайны только намъ дано созерцать лицемъ къ лицу. И чего въ немъ нѣтъ? Какихъ драгоцѣнностей? Есть и германскія, рыцарскія, польскія, шведскія, русскія, и все старинныя, испытанныя и прочныя. Какъ полна эта чаша и какъ обильна! Вы тутъ не встрѣтите ничего легкаго и хрупкаго, а только предметы увѣсистые, цѣнные и устойчивые; это все свое, завоеванное, купленное, выпрошенное, отнятое и отбитое: сила, свобода, своевластіе, законность безъ закона, правда безъ правды; а надъ всею этою вѣками накоплявшеюся благодатью величаво развѣвается знамя привилегій, съ грозною надписью: „Не тронь меня“.

Но, по какому-то мановенію свыше, эти вѣсы зашевелились. Пасторы говорили и говорятъ, что это было по внушенію злого духа. Не думаю, злой духъ не сталъ бы имъ вредить.

Какъ бы то ни было, Латышъ проснулся; разслабленный зашевелился; юродивому откуда-то дался голосъ; онъ заговорилъ разумною, грозною рѣчью, и все лифляндское духовенство какъ будто сдвинулось съ своего пьедестала, съ крѣпкой своей позиціи. Сперва говорили про себя, потомъ заговорили между собою, но тихо и осторожно, потомъ все громче и громче, не только за глаза, но и въ глаза пасторамъ. Говорили конечно не всѣ, а сколько-нибудь начитанные и глубже другихъ прохваченные духовною жаждою, но эти немногіе говорили за всѣхъ и то что чувствовалось всѣми. Говорили они вотъ что:

„Да! дѣйствительно, насъ одолѣлъ сонъ какъ и учениковъ Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ; но онъ пройдетъ когда и мы узримъ своего Спасителя. Теперь, Онъ еще не окончилъ своей молитвы! Но Онъ придетъ, тогда и мы встанемъ, и, пожалуй, иной вооружится мечемъ апостола Петра.

„Пора бы впрочемъ и вамъ проснуться отъ духовнаго усыпленія. Мы этого ждемъ давно, ждемъ и не дождемся. Мы видимъ въ васъ не друзей, не учителей, а эконома „иже ковчежецъ имяше“.

„Вы насъ предаете, вы гнушаетесь насъ, вы браните и поносите насъ, не обличенія и исправленія нашего ради, а въ оправданіе вашего безчувственнаго къ намъ презрѣнія. Пьянство и пьянство! Все одинъ упрекъ — Правда, мы одурѣли отъ пьянства, но чтобы вамъ подумать и о причинѣ. Вникните же наконецъ въ наше положеніе; взгляните хоть на хлѣбъ нашъ--къ концу недѣли, его не проглотишь не смочивъ горла. Посмотрите гдѣ живутъ работники, не сходящіе съ барщины, гдѣ они должны ночевать? Въ корчмахъ, или въ такой лачугѣ у самой корчмы, гдѣ только волковъ морозятъ. Съ ранняго утра до поздней ночи, они на поляхъ, или въ лѣсу на морозѣ; выходя изъ этого волчьяго гнѣзда, рано утромъ, не смѣютъ затопить печи и оставить за собою огня, иначе и въ Сибири мѣста не найти. Вернулись вечеромъ: прозябли, продрогли; согрѣться надо, а негдѣ; затопятъ печь, не печь, а что-то въ родѣ пещеры; избенка отъ полу до потолка наполнится дымомъ; нельзя дышать. Куда жъ идти? Въ корчму! Она всегда къ услугамъ, всегда близка, тепла,

освѣщена лучиной и тянетъ къ себѣ неотразимымъ соблазномъ дешевой водки. Вы бы, г.г. пасторы, чѣмъ насъ поносить, поговорили бы объ этомъ съ помѣщиками. Корчма! Да развѣ вы забыли, что мы должны, волей неволей, непремѣнно спѣшить туда за 10 и болѣе верстъ каждый воскресный и праздничный день! Не тамъ ли объявляется намъ нарядъ на работы? Не вы ли сами сбираете въ корчмы нашихъ дѣтей для прослушанія (экзамена)? Не въ корчмахъ ли вы записывали и къ причастію? Не корчмы за нами гонятся, а вы, вы насъ и нашихъ дѣтей туда загоняете. Вездѣ корчмы, куда ни посмотришь, въ деревнѣ, въ полѣ, даже въ лѣсу. Въ самые храмы Божіи лѣзутъ корчмы [1]) и ужъ успѣло сложиться повѣріе, что кирки нельзя построить не поставивъ прежде рядомъ корчмы.

„А еще вы говорите, что это для нашей же пользы, чтобъ было гдѣ лошадей поставить. Отъ васъ ли мы это слышимъ? Неужели бы мы не могли выстроить двора и содержать его всегда готовымъ, къ нашимъ услугамъ, но только—безъ продажи вина? Нѣтъ! вы пожалуй готовы бы были дозволить и въ самой киркѣ продавать водку, если бы только того пожелали помѣщики!"

„Вы насъ развращаете и спаиваете. Посмотрите: пьяны всѣ, отъ сѣдого старика до грудного младенца, и тотъ пьянъ! Пьянъ! Мать его напоила, подливъ водки въ пиво или молоко, которое взяла съ собою. Мать! На то ли ты родила его на свѣтъ Божій? А что же помѣщики и пасторы? Тѣмъ временемъ они играютъ въ карты и приговариваютъ съ улыбкою: хотятъ увѣрить, что въ Лифляндіи народъ бѣдствуетъ; а вотъ же, пусть бы взглянули, какъ весело живутъ Латыши! Да— весело!

„Кто уничтожилъ утреннее богослуженіе? Кто упразднилъ многіе праздники? Кто переводилъ новозавѣтные изъ одного времени года въ другое, до тѣхъ поръ пока праздники затерялись и даже память объ нихъ изгладилась? Кто чаще посѣ-

---

1) Помѣщикъ, на землѣ котораго стоитъ кирка, имѣлъ право поставить корчму на такомъ близкомъ отъ нея разстояніи, что едва оставалось мѣсто для позорнаго столба. Пр. автора.

щаетъ кирку? Мы ли, которымъ часто приходится пройти пѣшкомъ туда и назадъ двадцать и тридцать верстъ, или вы, выѣзжающіе на четверкѣ? Сколько разъ въ теченіе года пріѣдете вы въ церковь, въ воскресный или праздничный день только для того, чтобы сказать намъ: „Я боленъ," или „мнѣ некогда?" Гдѣ вамъ радѣть объ насъ, когда у иного изъ васъ нервы до того нѣжны, что не выносятъ тяжелаго воздуха въ наполненной народомъ киркѣ! [1])

„Посмотрите еще: стоитъ огромная, великолѣпная кирка и противъ парадныхъ дверей или алтаря — позорный столбъ! Высокій, черный, съ двумя поставленными крестъ на крестъ пучками розогъ на кругловатой, головообразной верхушкѣ; большія кольца, цѣпи и двѣ диры. Ну здѣсь ли ему мѣсто? Не оттого ли вамъ понадобилось имѣть его подъ рукою, что вы привыкли въ своихъ проповѣдяхъ указывать намъ на него чаще чѣмъ на священное писаніе? . . ." [2])

Памятенъ и мнѣ этотъ столбъ, особенно по одной сценѣ, которой я былъ свидѣтелемъ и въ вѣкъ не забуду. На мызѣ Р. въ приходѣ Л — В. усадьбѣ С. былъ крестьянинъ Янъ Кальнинъ. Въ 1841 году, онъ захотѣлъ перейти въ православіе, но за это хотѣніе (въ то время оно называлосъ бунтомъ) ему выбрили голову и отправили въ Беверсгофъ [3]). Тамъ, его три раза прогоняли сквозь строй, но на поселеніе

---

[1]) Это фактъ. Когда пастору, приводившему это обстоятельство въ оправданіе своего нерадѣнія, замѣтили, что православные священники служатъ въ церквахъ несравненно болѣе тѣсныхъ и душныхъ чѣмъ кирки, онъ отвѣтилъ: „Да! русскіе попы нюхаютъ табакъ и обкуриваютъ церкви отъ зловонія напускаемаго Латышами; оттого и выдерживаютъ"—Я это слышалъ самъ, слышалъ и Д. Баллодъ, указывавшій на это какъ на одну изъ причинъ своего отвращенія къ посторамъ. Пр. автора

[2]) Многіе еще помнятъ эти столбы, теперь уже убранные. Въ воскресные и праздничные дни, пасторъ объявлялъ съ каѳедры, кто въ чемъ провинился, и за что, и какъ будетъ наказанъ. Исполненіе слѣдовало непосредственно за церковною службою. Приговореннаго подводили къ столбу: ему пропускали руки въ двѣ продѣланныя въ немъ диры; затѣмъ, отсчитывалось опредѣленное число ударовъ. Иногда, наказываемаго придерживали форминдеры - помощники пастора въ исполненіи требъ. Прим. автора. — Подтверждено и дополнено свидѣтельствомъ старой Латышки. Пр. Ю. С.

[3]) О Беверсгофской экзекуціи будетъ говорено ниже. Пр. Ю. С.

не сослали. Въ 1845 году, онъ однако поставилъ на своемъ, то есть присоединился къ церкви и сказалъ другимъ, что теперь можно всѣмъ присоединяться, что теперь приказано [1]) священникамъ присоединять всѣхъ, и въ доказательство показалъ свой наперстный крестъ. За это (съ тѣмъ, что къ этому прибавили Нѣмцы) его посадили въ тюрьму, въ Ригѣ. Потомъ, разнеслась вѣсть, что въ такой-то день и въ такомъ-то мѣстѣ, Яна Кальнина будутъ наказывать у позорнаго столба. Его привели, въ дырявомъ полушубкѣ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, подъ сильнымъ конвоемъ, за недѣлю до экзекуціи. Всѣ могли ходить смотрѣть на него, но строго запрещено было подавать ему милостыню деньгами или съѣстнымъ. Семь дней держали несчастнаго подъ стражею въ кирочной корчмѣ стоящей на московской столбовой дорогѣ. Къ воскресному дню назначенному для исполненія приговора, сошлось и съѣхалось множество народу, даже изъ дальнихъ концевъ Лифляндіи и Курляндіи; кирка, корчма, даже площадь у кирки были полны. День былъ холодный, морозный и ясный (въ исходѣ 1845 или въ началѣ 1846 г.). Пасторовъ также съѣхалось много и произнесено было нѣсколько проповѣдей. „Смотрите и научайтесь какъ мы заградимъ путь въ русскую вѣру" этими и подобными словами оканчивались всѣ проповѣди. Когда отошла служба и начали вызванивать, въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ: ведутъ, ведутъ! Дѣйствительно, подвели Кальнина къ столбу; какой-то господинъ прочиталъ приговоръ, котораго никто не разслышалъ и не понялъ—слышали только, что за что-то Кальнинъ получитъ сейчасъ 90 ударовъ и на 7 лѣтъ сошлется. Изъ Риги приведенъ былъ палачъ; на немъ была красная рубашка; это былъ рослый и плотный мужчина съ звѣрскимъ лицемъ. Латыши ломали передъ нимъ шапки, бабы цѣловали у него руку. Можжевеловыя палки тоже были привезены изъ Риги. По прочтеніи приговора, осужденнаго раздѣли; въ однѣхъ штанахъ подвели къ столбу, на обѣ руки надѣли петли и

---

1) Во второй части этихъ записокъ авторъ объясняетъ, какое значеніе въ устахъ Латышей имѣли слова запрещено, приказано и позволено. Пр. Ю. С.

подтянули . . . Описывать того, что было дальше—я не стану; мы всѣ плакали и не могли смотрѣть, а бывшіе при этомъ господа смотрѣли. Послѣ наказанія, несчастнаго опять увели въ Ригу, оттуда погнали въ ссылку и черезъ 7 лѣтъ вернули назадъ въ ту же мызу, гдѣ онъ умеръ въ 1865 году; жена его осталась въ рижской тюрьмѣ и тамъ умерла. Точно ли заслужилъ Кальнинъ такое наказаніе—я не берусь рѣшить; не знаю также: можетъ быть въ Остзейскихъ законахъ есть статья повелѣвающая именно при киркахъ имѣть каторжные столбы и чинить наказаніе вслѣдъ за богослуженіемъ; если не окажется въ законахъ гражданскихъ, можетъ быть найдется такая статья въ церковныхъ. Все это можетъ быть, но я и не разсматриваю дѣла со стороны законности, а передаю только впечатлѣнія оставшіяся во мнѣ отъ моего дѣтства.

Итакъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Лифляндіи, началось что-то новое, для пасторовъ совершенно неожиданное, никогда не приходившее имъ на умъ. Въ толпѣ возникъ какой-то ропотъ, стали ходить странныя рѣчи—отрывки изъ нихъ сохранившіеся въ моей памяти я привелъ какъ образчики. У Латышей, вскормленныхъ и вспоенныхъ всякаго рода униженіями, откуда-то взялась способность чувствовать наносимыя имъ оскорбленія; мало того, чувство боли начало имъ самимъ выясняться и облекаться въ форму сужденій, даже осужденій.

Около того же времени Латыши стали болѣе чѣмъ прежде сближаться съ Русскими, интересоваться ихъ бытомъ, всматриваться въ ихъ вѣру, стали сравнивать, повѣрять и сличать. Тѣсный кругъ понятій, въ которомъ проходила жизнь крестьянъ, видимо расширялся. Изъ доходившихъ до меня толковъ, я замѣчалъ, что вообще Латышей какъ будто пугала „неисполнимость" требованій православія; они находили „русскую" вѣру строгою, но говорили о ней съ почтеніемъ, какъ о вѣрѣ старой и святой, въ которой видимо, по ихъ понятіямъ „обитала благодать Божія". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, издавна существовалъ между Латышами обычай ходить въ ближайшія къ нимъ православныя церкви служить молебны, а также и въ католическіе костелы служить какіе-то проклинательные молебны

противъ лицъ наносившихъ имъ обиды, оскорбленія и побои. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, особенно славился и оказывалъ Латышамъ большія услуги шембергскій костелъ въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Шембергъ. Оно было хорошо извѣстно почти всѣмъ Латышамъ. Иной не зналъ дороги къ мызамъ своего прихода, а въ Шембергъ ходилъ среди ночи и не сбивался съ пути.

Я былъ еще ребенкомъ, но очень помню, что въ день богоявленія отправлялись Латыши за св. водою, украдкою отъ домашнихъ, въ ближайшіе города. Пасторы объ этомъ знали давно и не обращали вниманія. Но въ концѣ 40-выхъ годовъ стали уже опасаться и взыскивать. Посыпались проклятія изъ устъ пасторовъ, съ каѳедръ, а потомъ и въ печати, на Латышей, но, преимущественно, на Русскихъ и на все русское. Священниковъ русскихъ называли, впрочемъ и теперь называютъ: обманщиками, волками въ овечьихъ кожахъ, людьми, которыхъ неприлично и слушать. Затѣмъ, когда услышали, что Латыши до того дошли, что несутъ освящать яблоки и сѣмена въ православныя церкви, стали печатно отвращать ихъ оттуда такими рѣчами: „Вы идете въ чуждыя намъ церкви, несете туда сѣмена и плоды освящать чуждою намъ молитвою; думаете и вѣрите, что къ этимъ предметамъ можетъ пристать благодать Божія также легко какъ синька (синяя краска) къ шерсти и пряжѣ [1]).

О Русскихъ, пасторы, дворяне, вообще Нѣмцы и онѣмечившіеся Латыши (такъ называемыя „обезьяны") говорили всегда какъ о пьяницахъ, ворахъ, идолопоклонникахъ, поганыхъ, и печатно увѣряли, что за всѣ эти добродѣтели, священники гладятъ ихъ по головкѣ, и что тамъ (у Русскихъ) каждый можетъ вѣровать, во что ему вздумается [2]).

О землѣ Русской печатали: „Если чертъ когда-нибудь станетъ искать себѣ пристанища на сушѣ, то ей Богу нельзя

---

1) Выписано буквально изъ лютеранскаго духовнаго журнала: „Latweeschu Draugs"—Другъ Латышей, издающагося по-латышски Пр. автора.

2) Изъ того же изданія 1841 г. стр. 44. и 1842 г. листъ 7, стр. 27. Пр. автора.

отрекомендовать ему мѣста болѣе приличнаго и удобнаго какъ Русскую землю [1]).

Нѣмцы, а за ними и ихъ приверженцы изъ Латышей, иначе не называли и не называютъ Русскаго и въ особенности солдата, какъ „Kreews" поганый (это слово считается величайшею обидою) но огромное большинство Латышей, наоборотъ, смотрѣло и смотритъ на русскую вѣру и на русскій народъ съ благоговѣніемъ и сочувствіемъ. Я, напримѣръ, часто слышалъ такого рода отзывы: случится ли ѣхать въ городъ за русскими извозчиками—просто благодать. Случится ли какое несчастіе на дорогѣ, свалится ли возъ, всѣ остановятся и идутъ на помощь, чего Латышъ для Латыша незнакомаго, даже и знакомаго, но изъ другой артели, почти никогда не сдѣлаетъ. Сознаніе превосходства Русскихъ и уваженіе къ нимъ принимаетъ даже суевѣрный характеръ. Есть повѣріе, что если что-нибудь украдешь у Русскаго, стянешь съ воза, то ни за что не сойдешь съ мѣста. Отсюда поговорка: „Привязался какъ къ русскому возу".

Вообще, про Русскихъ много было говору у Латышей въ сороковыхъ годахъ; многіе даже пробовали говорить по-русски, и, въ этомъ отношеніи, мы дѣти, подражали взрослымъ; но все это было робко, нерѣшительно, такъ что, когда приходилось говорить съ Русскимъ, то обыкновенно отнекивались и отговаривались незнаніемъ.

Трудно и перечислить всѣ тогдашніе толки, свидѣтельствовавшіе о какомъ-то необыкновенномъ, тревожномъ состояніи умовъ. Народное воображеніе разыгралось. Увѣряли, что мертвые стали воскресать, пророчили, что будетъ большое смятеніе и голодъ, что уже близко второе пришествіе, что скоро придетъ вѣра, та вѣра, о которой наши дѣды говорили, вѣра: старая, крѣпкая, святая, и придетъ отъ сѣвера—такъ и пророками предсказано; что явятся святые люди и уже явились, тамъ-то и тамъ-то, а тамошніе говорили, что они явились у насъ. Воскресали женщины проповѣдывавшія, что всѣ тѣ, которые носятъ крашеную синюю одежду, будутъ горѣть въ аду. И теперь го-

[1]) Оттуда же: стр. 24. Пр. автора.

ворятъ, что являлись такія, что ихъ видѣли сами и разговаривали съ ними и вы ничѣмъ не разувѣрите.

Изъ этого броженія, изъ этой тоски, изъ этихъ неудовлетворенныхъ потребностей цѣлаго племени, метавшагося туда и сюда въ исканіи чего-то, должно было наконецъ выйти что-нибудь. Но нельзя было ожидать единодушія и единомыслія въ стремленіяхъ. Нѣмцамъ давно уже удалось провести и въ народную массу начало сословнаго разъединенія, разбить ее на части, на степени, и разобщить ихъ между собою, даже противопоставить одну другой.

Между проснувшимися Латышами обозначились двѣ группы. У каждой, была своя задача и своя цѣль.

Одна рѣшилась оставить свою родину и свою вѣру; другая: остаться на мѣстѣ, но преобразовать и очистить свою вѣру, перевоспитать своихъ пасторовъ, наставить ихъ на истинный путь, или вовсе обойтись безъ нихъ. Это была своего рода реформація, зачинавшаяся въ темной, народной массѣ.

Впрочемъ, обѣ группы, хотя и расходились въ путяхъ своихъ, сознавали единство двигавшихъ ими побужденій и были крѣпко между собою связаны.

Вторая напрягала всѣ свои силы, чтобъ избавиться отъ томившей ее духовной жажды. Первая искала утоленія отъ жажды духовной и отъ плотского голода.

Второй группѣ предстояло менѣе опасности чѣмъ первой. Вторая должна была бороться исключительно съ іезуитствомъ, фарисействомъ, нерадѣніемъ, распущенностью и корыстолюбіемъ пасторовъ. Первой предстояла борьба и съ духовенствомъ и съ дворянствомъ.

Вторая группа извѣстна подъ названіемъ „гернгутеровъ“, сама же себя называетъ „братствомъ“. Члены этого братства собирались на сходки, разсуждали, предлагали совѣты и вопросы и постановляли рѣшенія. Они составили себѣ правила, которыя держались въ большомъ секретѣ, а исполнялись строго, съ буквальною точностью. Новыхъ членовъ принимали не иначе какъ по строгомъ и тщательномъ испытаніи, подъ условіемъ полнаго послушанія законамъ и уставамъ братства. Допускались и мужчины и женщины; но не у

всѣхъ были одинаковыя права. Немногіе, пользовавшіеся правомъ голоса, составляли высшую степень; затѣмъ, были члены второ-и третьестепенные, или такъ называемые оглашенные, которыхъ просили выходить изъ молитвенныхъ собраній, послѣ извѣстной молитвы, а если не выходили, то выводили вонъ.

Послѣ долгихъ совѣщаній, братство рѣшило: строить молитвенные дома, проповѣдывать и учить; проповѣдниковъ назначать по выбору, изъ своей среды, по тщательномъ испытаніи поведенія, познаній и ревности.

На постройку молитвенныхъ домовъ, стали собирать деньги; гдѣ было больше братчиковъ, тамъ молитвенные дома появились раньше, подлѣ кирокъ; гдѣ меньше, тамъ собирались у того изъ крестьянъ—хозяевъ, у котораго изба была просторнѣе и удобнѣе для собраній, и туда же сзывали членовъ и слушателей. Обыкновенно избирали избу на дорогѣ въ кирку, или на такъ называемой прямой дорогѣ туда, черезъ лѣса и болота.

Усердіе и ревность членовъ братства въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилоеь проходить туда до 90 верстъ. Пришлаго изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плотскою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, распрашивали обо всемъ, радовались и горевали, обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты и укрѣпляли противъ гонителей и поносителей ихъ собраній и обществъ. При этомъ, часто повторяли: мы глупы, необразованы, темны, мы не въ состояніи поучать словами; но въ замѣнъ, Господь далъ намъ другой даръ, это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣніемъ или незнаніемъ. Дѣла въ нашей власти; и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей цѣли и нашихъ собраній.

Дворянство не только не препятствовало гернгутерамъ, но даже покровительствовало. Иные помѣщики, безвозмездно, отпускали матеріалы для постройки молитвенныхъ домовъ. Другіе, хотя ничего не давали, однако, по крайней мѣрѣ,

не мѣшали и оставались нейтральными, даже защищали и прямо говорили пасторамъ: по всему видно, что вы ужъ окончательно излѣнились и опустились; иначе; на что бы имъ принимать на себя такіе труды и заботы? — Вопли и мольбы пасторовъ помѣщиками пропускались мимо ушей. Послѣдніе видѣли, что хозяева гернгутеры самые исправные и добропорядочные, а батраки самые добросовѣстные, трезвые и работящіе. Поэтому, гернгутерство быстро росло и развивалось. Оно проникало не только во всѣ лифляндскія усадьбы, но и во всѣ мызы и въ города; съ нимъ, рука объ руку, распространялась грамотность успѣшно и быстро; религіозное вдохновеніе какъ будто развязало языки и, въ самое короткое время, явились между Латышами истинно даровитые проповѣдники. Укажу на замѣчательнѣйшаго изъ нихъ, и вмѣстѣ поэта: Венденскаго уѣзда, мызы Зербенъ, усадьбы Яунитесъ—Анджа Курмиса.

Я много слышалъ объ этомъ даровитомъ крестьянинѣ и теперь охотно вѣрю разсказамъ о немъ потому, что имѣю передъ собою его пѣсенникъ, въ которомъ отразилась свѣтлая его душа. Особенно часто вспоминалъ о Курмисѣ Давидъ Баллодъ, нѣкогда тоже одинъ изъ главныхъ членовъ гернгутерства, а потомъ священникъ православной церкви. Приведу здѣсь одинъ изъ его разсказовъ. У помѣщика N. N. умерла любимая дочь; при погребеніи ея, говорили проповѣди и рѣчи, разумѣется предварительно написанныя и затверженныя, всѣ пасторы приглашенные на отпѣваніе. Когда они кончили, отецъ покойницы обратился къ Курмису, который тутъ же присутствовалъ съ слѣдующими словами: „Слышь, Курмисъ! ты меня любишь, ты любилъ и дочь мою, и она тебя любила; ты знаешь, какъ я ее любилъ - скажи что-нибудь и ты мнѣ въ утѣшеніе!“ И этотъ крестьянинъ, тутъ же, безъ всякаго приготовленія, произнесъ такую чудную рѣчь, что вызвалъ слезы умиленія не только у отца, но и у постороннихъ. Глубоко тронутый помѣщикъ поцѣловалъ его въ лобъ и поблагодарилъ его сказавъ: „Спасибо тебѣ! Ты одинъ меня утѣшилъ и успокоилъ мое сердце“. И этотъ помѣщикъ публично и не разъ стыдилъ пасторовъ, доказывая имъ, что простыя слова необразованнаго мужика проникали душу, тогда какъ

ихъ холодная проповѣдь никогда до нея не доходила. Изъ благодарности въ Курмису, онъ сталъ еще больше прежняго помогать и покровительствовать гернгутерамъ [1]).

Но эти успѣхи не обходились имъ даромъ.

Пасторы не могли внутренно не сознавать, что самый фактъ распространенія гернгутерства заключалъ въ себѣ неопровержимое обличеніе ихъ духовной неключимости и этимъ объясняется свирѣпое ожесточеніе, съ которымъ они опрокинулись на гернгутеровъ. Крестьяне приходившіе въ церковь, вмѣсто проповѣдей и поученій, должны были выслушиватъ возмутительнѣйшія клеветы, грубѣйшее поношеніе и площадную брань на гернгутеровъ, точь въ точь какъ впослѣдствіи и теперь на православныхъ. Такъ, напримѣръ, толкуя о томъ правилѣ духовнаго братства, въ силу котораго, послѣ извѣстной молитвы, непринятыхъ въ члены братства выводили вонъ, пасторы увѣряли, что тогда остававшіеся подражали Содомлянамъ. Всѣ знали, что это была грубая клевета и, разумѣется, такими неразборчивыми средствами, лютеранское духовенство не могло ни убить гернгутерства, ни поднять себя въ мнѣніи массъ; ему удалось только вдохнуть въ слѣпыхъ своихъ послѣдователей свое озлобленіе противъ невинныхъ братьевъ.

Другая группа сочувствовала гернгутерамъ, помогала имъ своими средствами, ходила въ ихъ собранія, даже вступала въ ихъ братства, но не удовлетворялась ихъ ученіемъ, чувствуя въ немъ какой-то недостатокъ.

Не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, она смутно понимала несостоятельность искусственной, самодѣльной вѣры, сложившейся подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ; она искала вѣры *старой*, къ которой бы можно было *пристать* съ полною увѣренностью. Многіе, присутствуя при богослуженіи въ православныхъ церквахъ, какъ будто ощущали присутствіе той вѣры, которой они искали и чувствовали внутреннее къ ней влеченіе Но тутъ нужно было

---

[1]) Встрѣчаются и теперь въ Лифляндіи, между православными Латышами, личности подобныя Курмису. Я могъ бы даже назвать одного такого пропагандиста по призванію, но это бы значило выдать его. Пр. Ю. С.

побѣдить много предубѣжденій. Надобно знать, что Нѣмцы издавна и преднамѣренно успѣли распространить между Латышами самыя превратныя и невыгодныя понятія о русской вѣрѣ и о Русскихъ. Нельзя сказать, чтобъ Латыши рѣшительно усвоили себѣ эти понятія, но они сомнѣвались и колебались; имъ захотѣлось узнать правду и они стали очень подробно и обстоятельно обо всемъ разспрашивать Русскихъ, которыхъ въ Лифляндіи было довольно много, особенно кирпичниковъ и пильщиковъ. Послѣдніе, видя къ себѣ такое вниманіе, сдѣлались невольно пропагандистами и мнѣ часто случалось слышать отъ нихъ такого рода рѣчи:

„Такъ какъ же? По вашему, мы значитъ разбойники? Кого же изъ вашихъ мы убили? Кажется и не приколотили ни одного изъ васъ. А вонъ вашъ Нѣмецъ, среди бѣлаго дня дерется, да такъ, что мужикъ, вашъ братъ, на полѣ и растянется. Ужъ если онъ днемъ такъ шибко дерется, такъ чего добраго, онъ пожалуй и на дорогу съ ножемъ выйдетъ. Когда слыхано, чтобъ русскій извозчикъ тронулъ въ дорогѣ Латыша? Можетъ не случится помочь, а ужъ ни за что не обидитъ. Въ городѣ васъ тоже Нѣмецъ толкаетъ въ шею изъ лавки или шинка, а Русскій самъ зоветъ. Здѣсь и пять верстъ пройти страшно, а въ Россіи и пять сотъ пройдешь, никто тебя не обидитъ. Вы вѣрите Нѣмцу! Эхма! что они знаютъ про Россію? Вишь ихъ задоръ беретъ, что русскія бабы ихъ щами обваривали, когда они съ Французомъ приходили Москву разорять. У насъ Царь самъ христосуется на Святой съ мужикомъ, а не то чтобы выгонялъ изъ церкви, а вашъ Нѣмецъ и въ кирку войти не хочетъ, когда вашего брата понаберется; а взойдетъ, такъ вашъ братъ не смѣетъ и къ дверямъ подойти! Они васъ хуже собакъ держатъ . . . У насъ Царь батюшка и Николай чудотворецъ! Вы и Богу-то молиться не умѣете! Живете какъ свиньи! Вашей путры наша свинья ѣсть не станетъ. А лошади какія? Да у насъ больше бываетъ жеребенокъ когда родится, чѣмъ ваша въ 4 года. Смотри вонъ: подъ какого-то барина съ краснымъ воротникомъ впрягаютъ, такъ никакъ не подберутъ подъ каретное дышло. Которую ни подведутъ все ниже дышла, а о длинѣ и не говори, хоть тройку запрягай гусемъ!

Вона! запрягли никакъ десятерикъ, а дышло-то, дышло, такъ и ходитъ надъ головами, ушей не задѣваетъ. Хорошо что дорога гладка, а чуть ямочка, такъ пожалуй и прихлопнетъ. Нѣтъ, у насъ не то; у насъ ваши господа лошадей покупаютъ у мужиковъ?"

Но съ особеннымъ услажденіемъ и благоговѣніемъ слушали Латыши, когда постоялецъ изъ Русскихъ разсказывалъ про своихъ Святыхъ и про ихъ чудеса.—„Что жъ это, подумали наконецъ Латыши, съ чего же Нѣмцы-то распускали слухи, что русскіе купцы убили такого-то мужика изъ такой-то далекой мызы, что будто бы нашли его въ подвалѣ или въ погребѣ и т. п.?" Увѣряли также (намѣренно), что во всѣхъ русскихъ лавкахъ понадѣланы западни съ кольцами; что какъ только Латышъ войдетъ одинъ въ лавку, такъ хозяинъ ногой надавитъ кольцо и Латышъ провалится; что тамъ его убьютъ и что въ погребахъ, у Русскихъ, всегда находятъ много убитыхъ Латышей. И Латыши этому вѣрили долго, а все-таки ходили въ русскія лавки, ходили и побаивались, и потому принимали мѣры предосторожности, именно: входили всегда самъ-третей или самъ-четвертъ. Русскіе купцы, разумѣется, были этому рады. Распущенныя въ народѣ нѣмецкія бредни объ нихъ имъ же обратились въ пользу. Глядя на собиравшіяся къ нимъ артели, они только посмѣивались, приговаривая: „Мое ко мнѣ всегда придетъ" и становились еще ласковѣе и привѣтливѣе къ Латышамъ. Русскіе солдаты ворчали на Лифляндію и этимъ, вовсе того не подозрѣвая, также внушали высокое понятіе о Россіи. Они говорили: „Что за проклятая страна! Просто—каторга, ничего не найдешь! Ни вару, ни кожи лоскутика, хоть лыкомъ чини сапоги. Латышъ и не знаетъ что такое варъ и дратва... Ни одного не увидишь въ сапогахъ. А все, въ какія-то плетенки съ ушками обуты, да въ пасталы изъ сырой, коровьей или лошадиной кожи, со всею шерстью; да добро бы внутрь шерстью надѣвалъ, такъ нѣтъ же! наружу носитъ! Да и скверно живетъ, словно скотина. Содралъ шкуру у околѣвшей коровы, притащилъ сырую, растопырилъ на землѣ. посередь избы, прибилъ по всѣмъ угламъ деревянными спицами, посыпалъ золой, и лежитъ это безобразіе въ избѣ пока понадобится

рѣзать на пасталы. Все, на что ни посмотришь, какъ то не по людскому!"

Наконецъ, уставъ разсказывать про Россію или ворчать на Лифляндію, импровизированный пропагандистъ, бывало, самодовольно оглянетъ благоговѣйно внимающую толпу, ухватитъ какого-нибудь Латыша за шею, обниметъ и запоетъ: „Пойдемъ братцы въ Русскую землю! Въ Русской землѣ житье!"

Таковъ былъ характеръ русской пропаганды, таковы были тѣ эмиссары революціи, тѣ тайные, неуловимые агенты, которыхъ выслѣживала лифляндская полиція, таковы были тѣ страшные слухи, распускаемые неблагонамѣренными людьми и которыхъ люди благонамѣренные никакъ не могли заглушить. Собственно говоря, были двѣ пропаганды: одна дѣйствительно злонамѣренная, и совершенно сознательная, началась очень давно и продолжается съ полнымъ успѣхомъ теперь. Она имѣла цѣлью вселить въ Латышей боязнь и отвращеніе къ Россіи. Эта пропаганда производилась съ каѳедръ, въ проповѣдяхъ, на мызныхъ дворахъ, въ газетахъ, особенно латышскихъ. Другая, вызванная первою, производилась всѣми русскими людьми (разумѣется простыми, не чиновными).

Можно сказать, что вся Россія, невольно, пропагандировала за себя и, такъ сказать, всею своею массою вдвигалась въ сознаніе Латышей. Точно ли отъ этого готовилась бѣда для Россіи и имѣетъ ли она причины радоваться, что благонамѣренные люди въ пору пресѣкли это зло? — Говорятъ!

Какъ бы то ни было, Латыши, слыша отъ многихъ одно и то же, стали дѣйствительно толковать о переселеніи въ Россію.

На эту тему сложилась даже пѣсня. Ее можно было слышать тогда вездѣ, на каждомъ шагу, ее пѣли даже малыя дѣти: „Пойдемъ братцы Русской землю; Русской земли добра жива". Эту пѣсню я зналъ тогда еще, когда бѣгалъ босикомъ и безъ штановъ; зналъ ее и маленькій братъ мой; и онъ, бывало, наѣвшись и накормивъ кошку, выгребалъ остатокъ мучицы изъ шайки, надѣвалъ ее на голову,

и весь облитый путрой, вставалъ на ноги и пѣлъ про Русскую землю.

Нѣмецкіе крики и брюшюры не только не смущали Латышей, а напротивъ производили на нихъ обратное дѣйствіе. Они стали даже знакомиться съ русскимъ языкомъ [1]). Съ солдатами, которые ставятся къ намъ на квартиры, мы теперь говоримъ уже по-русски, по крайней мѣрѣ мы ихъ понимаемъ, и они насъ, даже хвалятъ, что мы „хорошо говоримъ по-русски". Трудно уловить и передать народную молву. Но вотъ какого рода рѣчи я припоминаю:

„Русскій народъ хорошій! Они вовсе не Поляки, какъ мы ихъ называли. Пасторы, помѣщики, всѣ Нѣмцы зовутъ ихъ Поляками, но это вздоръ. У Поляковъ нѣтъ бороды, а только усы, и всѣ они черные; а у Русскихъ борода, и всѣ русые; смотри какъ они сердятся, когда ихъ зовутъ Поляками: „Я тебѣ такого Поляка дамъ, что и своихъ не узнаешь!" Не нужно ихъ ругать Поляками! У нихъ и вѣра не польская, а русская, та самая, какая и у Царя. Значитъ ихъ вѣра царская и въ эту вѣру можно перекреститься когда угодно, а изъ ихъ вѣры въ нашу нельзя. Это мы знаемъ изъ нашего катихизиса, тамъ говорится, чтобъ мы, особенно кто поступаетъ въ солдаты, остерегались и не принимали бы причастія отъ русскихъ священниковъ и не давали бы имъ дѣтей крестить [2]).

„Въ Ригѣ, мы все покупаемъ у Русскихъ. Они все держатъ такой товаръ, въ какомъ мы нуждаемся: листовой табакъ, селедки, желѣзо, трубки, кремень, соль, сырыя кожи, шапки и пр. Продаемъ тоже больше все Русскимъ, и останавливаемся на русскихъ постоялыхъ дворахъ; тамъ хозяинъ хоть сѣно не крадетъ для своихъ коровъ. У русскаго купца не нужно руки цѣловать, какъ у Нѣмца, и шапки не нужно ломать. Хоть въ русской лавкѣ стоитъ икона и всегда горитъ передъ нею огонь, однако хозяинъ самъ зоветъ и про-

---

[1]) Не мѣшаетъ напомнить, что авторъ разсказываетъ о своей мѣстности Прим. Ю. С.

[2]) Латыши, помнящіе старый свой катихизисъ подтвердили мнѣ это. Прим. Ю. С.

ситъ, а Нѣмецъ не хочетъ и въ лавку пустить. Русскій купецъ пересчитываетъ всѣ предметы, не нужно ли того, да того.—Если и забудешь что либо, онъ непремѣнно напомнитъ десять разъ.

„А Нѣмецъ не скажетъ ни за что что̀ есть, спроси хоть двадцать разъ. Онъ и не слышитъ, потому что разговариваетъ съ товарищемъ. Стоитъ вѣчно въ самыхъ дверяхъ лавки, руки въ бока уперши, или въ штаны засунувъ и щупаетъ ляжки; не обращаетъ и вниманія, что Латышъ стоитъ около лавки и хочетъ пролѣзть, да боится—пожалуй прибьетъ. Стой хоть цѣлый день передъ нимъ, не спроситъ: что надо?

„Мало того: случается частенько, что приказчикъ Нѣмецъ вытолкаетъ въ шею, или выведетъ за волосы Латыша за то, что тотъ осмѣлился стоять передъ нимъ въ шапкѣ, или вздумалъ поторговаться. Выведетъ на тротуаръ, дастъ колѣномъ по изсѣченной части, крикнетъ заученную съ колыбели фразу: „heraus, du dummer Bauer!“ и шапку швырнетъ ногой на улицу въ грязь, или схватитъ и броситъ ему въ затылокъ.

„А тотъ, бѣдный, и радъ, что дешево обошлось. Пойдетъ оттуда къ Русскому—объ немъ жалѣютъ и говорятъ: зачѣмъ туда идешь, куда не просятъ? Вишь, какъ Нѣмецъ отщипалъ виски и затылокъ-то намозолилъ“.

Слово „Bauer“ или, какъ произносятъ Латыши „бауръ“ самое для нихъ обидное и оскорбительное. Этого слова Латышъ терпѣть не можетъ. Не знаю почему именно. Потому ли, что нѣмецкое и было первымъ и послѣднимъ собственнымъ прозвищемъ Латыша, которое онъ слышалъ отъ всѣхъ и оттого принималъ за однозначущее съ словомъ „lohps“ скотина; или потому, что слово „бауеръ“ созвучно латышскому глаголу „baurot“, рычать, и что Латышъ приписывалъ слову „бауеръ“ смыслъ своего глагола? Какъ бы ни было, слово бауеръ было для него обиднѣе слова „lohps“.

Понятно, что Латышъ любилъ больше и русскаго купца, и русскую торговку чѣмъ Нѣмца и торгашку Латышку, показывающую себя передъ Латышемъ Нѣмкою.

Въ русской лавкѣ, онъ могъ копаться цѣлый день, перерыть, торговаться сколько угодно, сулить одну копѣйку за рублевый котелъ—купецъ нисколько не обидится, а только

сострить: „Деньги хорошія, да маловато" и не обидится, не выгонитъ изъ лавки. Работы надѣлаетъ на рубль, а купитъ на копѣйку. Обманывали, это правда! но за то личной обиды не наносили. Латышъ иногда и пожалуется ему на него же самого, что обвѣсилъ, или обмѣрилъ, или далъ не ту вещь, которую выбралъ: купецъ въ карманъ за оправданіемъ не полѣзетъ. Скажетъ, что ошибка или нечаянно случилось и прибавитъ: да вѣдь, ты любезный обѣднѣлъ то не оттого, что я тебя надулъ на копѣйку; поди: баринъ-то деретъ и шкуру съ плечъ и корову за рога тащитъ изъ хлѣва. Латышъ подумаетъ: „Резонно говоритъ купецъ"—однако, возразитъ еще: „Да зачѣмъ же въ шерсти изорванные листы табаку и отметки?"—„Тебѣ же не убытокъ; табакъ вѣдь ты куришь, а кожи лоскутьевъ, поди—дѣти еще чай не видали. Пусть поиграютъ, и самому пригодятся".—„Что правда, то правда! А теперь не обманешь?"—„Ни, ни, и не обманывалъ. Такъ случилось. Ты не обѣднѣлъ, я не разбогатѣлъ"—Латышъ совершенно убѣждался въ невинности русскаго купца, и опять у него покупалъ. Онъ продаетъ дешевле Нѣмца, въ придачу потчуетъ шнапсомъ, даетъ листовъ пять табаку, известковую трубку, самъ еще засунетъ за ленточку шапки; если при тебѣ сынъ, или кто-либо изъ малыхъ, и того не забудетъ, крендель или пряникъ грошевой подаритъ; при прощаніи, руку подастъ, спроситъ изъ какой мызы, усадьбы, какъ имя, фамилія, служба, званіе. Пріѣдешь въ другой разъ въ городъ, а ужъ онъ тебя издали опозналъ, зоветъ по имени! Лестно! Еще въ шутку назоветъ гордецомъ. Ну, взойдешь: чего нужно? Спроситъ: здорова ли жена, дѣти? Хоть онъ и знать не знаетъ, водятся ли у него жена и дѣти. До здоровья ихъ, тоже дѣла мало, а все-таки, въ случаѣ, укажетъ и лѣкарство: нужно, молъ, выпариться или чайку напиться. „А есть у васъ чай?"—„Есть"—„Почемъ? Грошей на пять можно?"—„Можно"—Купецъ отпуститъ цыдулку трехгрошевую вмѣсто пятигрошевой, но во время вѣшанья и упаковки непремѣнно спроситъ: давно ли въ Ригу пріѣхалъ, каковъ урожай, умолотъ, посѣвъ озимаго, что привезъ, кому, за сколько продалъ, пожалѣетъ, что дешево продалъ, онъ молъ больше бы далъ. Взойдетъ другой крестьянинъ—купецъ бросаетъ раз-

спросы на полсловѣ, а Латышъ все тянетъ свой разсказъ, котораго купецъ не слушаетъ и даже не имѣлъ намѣренія слушать; онъ ужъ торгуется съ другимъ, зоветъ третьяго. Кончилъ Латышъ разсказъ, расплатился; тутъ лавочникъ еще ласковѣе проведетъ, поблагодаритъ за разсказъ, котораго не слушалъ, похвалитъ умъ, котораго тотъ не выказалъ; спроситъ еще: не волостной ли онъ? Мужикъ начинаетъ новую повѣсть про волостныхъ, ихъ глупость, несправедливости... а вотъ кабы я былъ, вотъ бы я! — Да, да! Ваша правда, скажетъ лавочникъ, кабы вы были волостнымъ, и намъ бы лучше было, а то просто бѣда; я удивляюсь, почему вы не волостной, такой право умный!" — Все это для мужика Латыша, много и очень много значило.

И вотъ какъ сложилось наконецъ убѣжденіе, что нѣтъ на свѣтѣ народа лучше русскаго, нѣтъ хуже, гордѣе, наглѣе, драчливѣе, несправедливѣе Нѣмца. — „Русскій народъ добрый, и вѣра ихъ святая, самая старая — это мы знаемъ. Наша вѣра самая младшая, слабая, хоть и легкая, а та трудная.

„Правда, у нихъ постъ, да вѣдь и мы постимся круглую зиму, по нуждѣ. Этимъ насъ не испугаешь. Мы давно весь мѣсоѣдъ оставили господамъ.

„Русскій мужикъ, даромъ что крѣпко держитъ постъ, однимъ блюдомъ не доволенъ; подавай другое, а мы Латыши двухъ-то не умѣемъ и ѣсть. Русскій поѣстъ хорошаго, полновѣснаго хлѣба, запьетъ квасомъ, чего-нибудь еще потребуетъ, за то и не зябнетъ; идетъ зимою: грудь вольная, шея вольная и голая, а самъ красный, какъ будто изъ бани вышелъ, паръ такъ и валитъ, какъ съ добраго коня. А мы, кутаемся въ своихъ лохмотьяхъ, такъ, что и повернуться нельзя, а все зябнемъ. Надѣнешь камзолъ, кафтанъ, шубу изъ разныхъ шкурокъ околѣвшей овцы, козла, теленка: козлиныя и телячія на спину и въ рукава, да сверхъ этой шубы еще шинель, а все зябнешь, все продуваетъ вѣтеръ, да и какъ не зябнуть! Столько одежи напялилъ, а все голь гдѣ-нибудь сквозитъ".

Таково было общее настроеніе, когда пришла въ Ригу вѣсть о т е п л о й з е м л ѣ, объ Е й с к ѣ, близь Чернаго моря.

Не знаю, да и никто не знаетъ откуда, отъ кого, какими

путями, пришла къ Латышамъ эта вѣсть; знаю только, что изъ Риги. Чего-нибудь подобнаго, какого-нибудь названія для бродившихъ въ народѣ надеждъ, всѣ ждали давно. Наконецъ, оно упало въ массу, какъ будто съ неба, и вся Лифляндія заколыхалась, даже Петербургъ засуетился.

Только и было толковъ что о „теплой землѣ"; но и они бы, можетъ быть, утихли сами собою, если бы помѣщики и особенно пасторы, не заговорили о ней и о Россіи слишкомъ невоздержно и ядовито, и тѣмъ не обнаружили слишкомъ явно своего страха и озлобленія. Этимъ, они не уняли, а распалили народное воображеніе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, кто не успѣлъ прежде заслужить довѣрія массъ, кто, долговременнымъ пренебреженіемъ, навсегда утратилъ право на ихъ сочувствіе, кого онѣ считаютъ заклятымъ врагомъ своимъ— тотъ лучше молчи; отъ него не примутъ и правды. Въ такія минуты, и крикъ и угрозы, откуда бы они ни шли, тоже не достигаютъ цѣли.

Разгоряченному и ослѣпленному внезапно блеснувшею передъ нимъ надеждою, говорить гнѣвныя рѣчи и стращать его—все равно что подливать масло въ огонь.

Не это нужно! Нужно внимательно и терпѣливо выслушать мужицкія, глупыя рѣчи; нужно умѣть вызвать крестьянъ на объясненіе ихъ жалобъ, надеждъ, желаній и плановъ, какъ бы они ни были и противозаконны и нелѣпы; нужно еще умѣть понимать мужиковъ, знать заранѣе, что, по неумѣнію обращаться съ фактами, понятіями и словами, мужикъ часто переступаетъ мѣру, говоритъ больше или меньше чѣмъ сколько есть, и оказывается неспособнымъ оправдать самую несомнѣнную правду; нужно помнить, что подобныя, повидимому совершенно безотчетныя колебанія въ массахъ никогда не бываютъ безъ общихъ, часто не съ разу видныхъ причинъ; нужно умѣть различать причины отъ поводовъ; сверхъ того—и это главное—нужно имѣть искреннее желаніе и непоколебимое мужество добраться до самаго корня и вырвать его; нужно доискаться его непремѣнно и не останавливаться на полудорогѣ въ ту минуту, когда, не найдя его въ крестьянской избѣ, приходится идти за нимъ въ дворянскій замокъ, въ тотъ самый, гдѣ мы стоимъ, гдѣ насъ

ласкаютъ, гдѣ намъ такъ хорошо и пріятно въ кругу своихъ. Не тамъ ли, въ самомъ дѣлѣ, онъ спрятанъ, этотъ вѣчно ускользающій, вѣчно подрѣзываемый, и вѣчно проростающій корень всѣхъ лифляндскихъ волненій?

Да! этого рода дѣла трудны и крайне непріятны для слѣдователей, но надобно же когда-нибудь положить имъ конецъ. Вспомните: въ теченіе пятидесяти лѣтъ, сколько потрачено заботливости объ улучшеніи быта лифляндскихъ крестьянъ? Сколько издано для нихъ положеній? Сколько принесено было дворянствомъ такъ называемыхъ жертвъ, которыхъ однако народъ не замѣчалъ; сколько объявлено дворянству благодарностей и благоволеній? И неужели вопросъ еще не рѣшенъ? Зная близко народный бытъ, я отвѣчаю смѣло: нѣтъ, не рѣшенъ. Корень волненій не вырванъ, они были, они есть теперь, они будутъ, можетъ быть въ формѣ новой и худшей.

Но чего же, наконецъ, хотятъ Латыши? Что имъ нужно? Имъ нужно то, что̀ имѣетъ Россія, что ей дано: живая вѣра, одинъ Царь, не тысячи царьковъ, свобода обезпеченнаго быта и ощущеніе надъ собою закона, а не переодѣтаго въ законъ произвола; имъ нужно: сліяніе съ Россіею полное, во всѣхъ отношеніяхъ.

Они говорили: „Мы хотимъ бѣжать въ Россію" но это былъ неразумный вопль отчаянія. Это значило: перенесите сюда Россію, вдвиньте ее въ Лифляндію. Къ несчастію, этого не поняли.

Движеніе 1841 года охватило почти весь Остзейскій край. Одна Курляндія (мнѣ кажется) осталась въ покоѣ, но не осталась въ долгу. Она тоже ясно заявила, хотя гораздо позднѣе, свое желаніе переселиться въ Россію, получить то, что получилъ русскій крестьянинъ и свое недовольство лютеранствомъ; но народъ въ Курляндіи слишкомъ предубѣжденъ противъ православія, и оттого, неудовлетворенная религіозная потребность проложила себѣ тамъ другое русло—въ анабаптизмъ [1]).

[1]) Авторъ не совсѣмъ правъ, или, можетъ быть, эти строки были писаны до послѣднихъ происшествій въ Курляндіи и особенно на ковенской ея границѣ. Дѣйствительно, тамъ свирѣпствуетъ, съ сильнымъ озлобленіемъ противъ

Латыши и Эсты повалили со всѣхъ сторонъ въ Ригу записываться въ православіе и въ Ейскій край.

Ихъ пороли на мызахъ, въ Ригѣ, не только въ орднунгсъгерихтѣ и въ полиціи, но и на городскихъ улицахъ. Сами пасторы теперь проговариваются и сознаются, что только розгами и палками и удалось удержать Латышей въ лютеранствѣ [1].

И все-таки Латыши и Эсты не унимались, такъ что наконецъ вздрогнула вся губернія, всѣ власти. Тутъ, раздалась зловѣщая вѣсть: въ Беверсгофѣ бунтъ, въ Эстляндіи, въ трехъ мѣстахъ, тоже бунтуютъ.

Какъ только удалось закрѣпить за народнымъ движеніемъ это страшное названіе—бунтъ, такъ все какъ будто прояснилось. Пора тревожнаго недоумѣнія прошла. Бунтъ—дѣло понятное и, какъ дѣйствовать противъ бунта—извѣстно всѣмъ властямъ. На это есть инструкціи и традиціи.

А все-таки я скажу, что этотъ Беверсгофскій бунтъ [2]) въ 1841 году, правильнѣе было бы назвать не бунтомъ, а развѣ болѣзнью передъ родами; я назову его первымъ кризисомъ лифляндскаго разслабленнаго.

лютеранскаго духовенства, секта анабаптистовъ, но именно въ послѣднее время тамъ же обнаруживались явные признаки и стремленія къ православію, разумѣется, всѣми мѣрами подавляемые сверху. Прим. Ю. С.

[1]) Въ слѣдующемъ выпускѣ, я представлю въ доказательство печатныя свидѣтельства. Прим. Ю. С.

[2]) Мѣстное дворянство и тогдашній генералъ-губерн. баронъ Паленъ давно искали по всей Лифляндіи бунта. Наконецъ, имъ удалось найти или сочинить его на мызѣ Ней-Беверсгофъ Рижскаго уѣзда. Туда были посланы: рота шлиссельбургскаго полка, 4 роты ладожскаго и 50 казаковъ. Распоряженіе этимъ отрядомъ было ввѣрено депутату дворянства фонъ-Нуммерсу. Вотъ именно чего хотѣлось дворянству: показать Латышамъ, что русская военная сила отдана въ услуженіе помѣщикамъ, и повести дѣло такъ, чтобъ эта сила надолго оставила по себѣ слѣдъ въ памяти крестьянъ кровавою экзекуціею. И была произведена экзекуція страшная, о которой и въ 1846 году всѣ еще говорили съ ужасомъ. Это дѣло, когда обстоятельства его дошли до свѣдѣнія покойнаго Государя, было одною изъ причинъ заставившихъ его потерять всякое довѣріе къ барону Палену. Прим. Ю. С.

II.

Второй кризисъ.

Первый кризисъ прошелъ. Виновники бунта, отчасти и подозрѣваемые въ участіи въ немъ, даже нѣкоторые крестьяне изъ другихъ мызъ, которые только желали оставить свою вѣру и свою родину, получили достойную мзду. Многіе нашли въ Беверсгофѣ конецъ своему жалкому существованію. И лучше: двухъ смертей не видать, а одной не миновать. Многіе потеряли совершенно свои внутренности; многимъ перепортили только животы, но впрочемъ такъ, что они уже болѣе не годились для перевариванія мякины; нѣкоторые, нечаянно, уронили въ этой суматохѣ свои ребра, спѣша сквозь строй, или вставая съ мѣста, чтобъ уступить другому солому и лужу крови, чтобъ могъ и онъ подлить въ нее своей. Долго надъ полями беверсгофскими кружились вороны и сороки и долго, я думаю, эти поля, не требуя удобренія, давали хорошіе урожаи. Эту катастрофу нѣсколько разъ принимался разсказывать мой отецъ - онъ тоже былъ командированъ туда изъ нашей волости, смотрѣть это кровавое зрѣлище, для острастки, такъ какъ онъ былъ человѣкъ правдивый, характера прямого и потому состоялъ на счету неблагонадежныхъ и опасныхъ—но онъ ни разу не могъ досказать всего; онъ захлебывался слезами.

У него, дѣйствительно, былъ престранный нравъ, а душа была бабья. Гдѣ только могъ помочь ближнему, помогалъ, не откладывая до другого разу. Попросятъ у него чего-ни-

будь, если онъ имѣлъ — отдавалъ; а не могъ помочь, бывало заплачетъ. Хозяинъ онъ былъ исправный, имѣлъ много скота, рогатаго и свиней и овецъ, и почтеннаго козла, мою верховую лошадь, и пару большихъ псовъ, моихъ друзей и товарищей; правда, онъ оставилъ по себѣ и должокъ; 5 пуръ, т. е. 11 пудовъ казенной муки. Съ этимъ долгомъ мы бы и по сю пору не справились, если бы не помогли—спасибо имъ—волостной старшина, помѣщикъ и кирхшпильсъ - герихтъ. Пришли они на подмогу съ топоромъ и ломомъ, разломили клѣти, отбили замки, и продали все, что нашли съ публичнаго торгу; затѣмъ насъ взяли подъ опеку, то есть выбросили безъ куска хлѣба на большую дорогу, и очутились мы на новой, великолѣпной квартирѣ: безъ крыши, дверей, фундамента и оконъ, въ помѣщеніи, гдѣ прежде хранилась мякина. Да это еще не все: взялись серьезно хлопотать о нашемъ долгѣ, потащили мать мою въ городъ и посадили ее въ тюрьму: словомъ: измучились изъ-за насъ сердечные и наконецъ таки выплатили долгъ, да такъ, что и всѣмъ заботамъ конецъ—ничего не осталось: ни долгу, ни денегъ. Какъ это они такъ устроили, вѣдаетъ Богъ. Вотъ что значитъ разумный старшина (ein verständiger Vorsteher... [1]).

Но я уклонился въ сторону и невольно забѣжалъ впередъ. Я сказалъ, что отецъ мой не могъ обстоятельно описать всего беверсгофскаго побоища; однако, все отъ него слышанное глубоко врѣзалось въ мою память. „Это было—говаривалъ онъ — не наказаніе людей, это была бойня. Людей такими жердинками не наказываютъ. Да и счетомъ многовато, несообразно ни съ лѣтами, ни съ поломъ. Мальчишку лѣтъ 12 или 13-ти сѣкли такъ, что и взрослому не вытерпѣть. Какой нибудь дряхлой старухѣ, изсохшей и растрескавшейся какъ древесный грибъ, отсчитывали до 100 палокъ.

„Или, старика съ виду похожаго на еловую шишку, гоняли два раза сквозь строй; а онъ и разу путемъ не прошелъ. Положатъ его на колеса и везутъ солдаты мертваго, колотятъ какъ по мѣшку, палками, а начальникъ идетъ позади фронта, съ мѣлкомъ въ рукѣ, и ставитъ на спинѣ крестъ

---

[1]) Лифлянд. Крест. Уложеніе 1850 года, § 353.

тому, кто не ударитъ или ударитъ мягко. Этихъ несчастныхъ тутъ-же раскладывали и страшно сѣкли. Но были и герои, въ полномъ смыслѣ этого слова. Нѣсколько молодыхъ парней прошли сквозь строй и не крикнули. Одинъ, ужъ пожилой мужикъ—имени его не запомню, но прозвище знаю, не забуду никогда—онъ былъ должностной по волости, стараго покроя мужикъ, носилъ еще заплетенную позади косу. Мужикъ былъ дѣйствительно толковый и горевалъ, что другіе его не понимали и портили все дѣло. Фамилія этого героя—Апша. Тотъ, кажется, прошелъ сквозь строй три раза, его, и нѣсколькихъ другихъ, наказывали строже всѣхъ. И этотъ Апша не издалъ ни одного звука, ни одного стона, только вздрагивалъ при каждомъ ударѣ; шелъ бодро, прямо, мѣрно, на концахъ поворачивалъ скоро и круто. Только въ третій разъ, началъ то блѣднѣть, то темнѣть. Прошелъ и сталъ; ему принесли рубашку и солдаты хотѣли надѣть на него; но онъ самъ взялъ ее; пока докторъ смазывалъ чѣмъ-то его избитую до костей спину, онъ обрывалъ самъ свою кожу, которая болталась на немъ какъ тряпье. Выпилъ шайку воды, широко перекрестился и надѣлъ рубашку, благословивъ и ее крестнымъ знаменіемъ". — Вотъ вамъ и лифляндскій Остапъ! По окончаніи этой кровавой сцены, какой-то страшный господинъ, съ возвышеннаго мѣста, съ котораго читались приговоры каждому изъ осужденныхъ, объявилъ всѣмъ согнаннымъ зрителямъ: „Такъ будетъ наказанъ всякій кто пожелаетъ идти въ теплую землю, кто вздумаетъ принять русскую вѣру, кто осмѣлится не слушаться помѣщиковъ и пасторовъ, а будетъ вѣрить обманщикамъ — возмутителямъ". Все это выстоялъ и выслушалъ мой отецъ, и всетаки не послушался. Ровно черезъ 4 года, онъ присоединился къ русской, православной вѣрѣ. За то же и Нѣмцы сдержали слово, и уморили его въ тюрьмѣ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Видя такой исходъ задуманнаго ею дѣла, первая группа (т. е. та часть Латышей, которая искала не преообразованія лютеранства, а новой вѣры и новой земли), понурила голову какъ апостолъ Петръ; когда онъ отсѣкъ ухо архіерейскому слугѣ Малху, и когда Спаситель сказалъ ему: „Вложи мечъ твой въ ножны". Не то же ли было сказано и Латышу въ

Беверсгофѣ? Наступила какая то мертвая, гробовая тишина, перерываемая только проклятіями пасторовъ и мелкими экзекуціями на мызныхъ дворахъ. Пригорюнилась первая группа, призадумалась и, наконецъ, почти вся цѣликомъ, пристала ко второй группѣ, т. е. къ гернгутерамъ и съ ними слилась.

Гернгутеры, тѣмъ временемъ, работали неутомимо, даже неоглядываясь на поношенія и насмѣшки сыпавшіяся на ихъ головы.

Ихъ молитвенные дома умножались, не только въ селахъ, но и въ городахъ; на мѣсто душныхъ избъ, стали появляться новыя, нарочно выстроенныя помѣщенія, часто близъ самыхъ кирокъ. Братства росли не по днямъ, а по часамъ. Клеветамъ, доносамъ, ругательствамъ со стороны пасторовъ сознававшихъ свое безсиліе не было конца.

Но все это переносилось съ неподражаемымъ терпѣніемъ. Посудите сами: человѣкъ отправляется каждый воскресный и праздничный день въ кирку, и при этомъ навѣрное знаетъ, что онъ не услышитъ ровно ничего такото, что бы утѣшило, ободрило или вразумило его, а услышитъ все старое, давно избитое: сплетни, брань и клеветы.

И все таки, онъ идетъ, встаетъ рано утромъ, иногда не давъ себѣ времени отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, спѣшитъ сперва на утреннюю молитву въ молитвенный домъ, потомъ къ службѣ—въ кирку, потомъ опять въ молитвенный домъ, слушать бесѣды своего же брата крестьянина. Говорили больше люди начитанные и опытные, по очереди, одинъ за другимъ. Говорившій садился за особый столикъ, на первое мѣсто; говорили все на память, и разумѣется, безъ приготовленія. Выраженія, тонъ, мысли и слова—все было библейское.

При этомъ, особенно замѣчательно, что въ этихъ бесѣдахъ совершенно перестали обличать пасторовъ и отвѣчать на ихъ клеветы и ругательства, такъ глубоко братчики приняли къ сердцу свое коренное правило: доказывать свою вѣру не словами, а дѣлами.

Нѣкоторые изъ этихъ самородныхъ проповѣдниковъ, правда, слишкомъ громко вскрикивали, размахивали руками и горячились, но они не имѣли успѣха. Слушатели предпочитали

тихую, спокойную рѣчь, проникнутую сдержаннымъ чувствомъ. Бывали между ними истинно даровитые, которыхъ слово лилось изъ глубины души и приводило въ умиленіе. Посѣщая молитвенные дома, я самъ слышалъ такихъ и, между прочими, замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ — Давида Баллода. У него такъ называемое „возбужденіе чувства“ являлось не въ концѣ только проповѣди, а проникало ее всю, отъ начала до конца. Въ скорбяхъ, въ болѣзняхъ, несчастіяхъ, я не встрѣчалъ подобнаго отцу Давиду утѣшителя. Объ немъ еще будетъ говорено ниже.

Однако, терпѣніе и покорность Латышей не обезоружили ихъ гонителей.

Казалось, что расплата за беверсгофскій бунтъ никогда не кончится. Объ немъ безпрестанно напоминали и мстили за него по мелочамъ, всѣмъ попадавшимся подъ руку, мужчинамъ и женщинамъ. Истязанія на поляхъ и мызахъ стали учащаться, палки, какъ будто, стали толще. Смотрите: управляющій приказываетъ старостѣ взять мужика за ноги, пропустить ихъ себѣ подъ мышки и держать крѣпко, а самъ дубинкой работаетъ по заду сколько душѣ угодно—я это видѣлъ самъ. Разскажу еще одну, послѣднюю этого рода сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, такъ какъ вскорѣ послѣ того, я поступилъ въ школу. Собирали на мызѣ картофель, впрягли нѣсколько четверокъ въ бороны, и раздѣлились собиратели; за хорошими боронильщиками пошли хорошіе собиратели, а за плохими—плохіе. За послѣдними (плебеями) пошелъ и управляющій. Мужикъ (знаю имя и фамилію и прозвище) былъ невзрачный, такъ же какъ и мы, вѣроисповѣданія православнаго. Управляющій хлыстнулъ его по спинѣ: разъ, другой, третій... насъ пронялъ страхъ; у боронильщика выступили слезы, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „Вскачь я не могу гнать!“ Это было все то же, что спичку поднести къ огню. Тутъ пошла такая тростниковая дробь, что я и счетъ потерялъ; съ перепугу, какъ слѣпая курица, хваталъ комки земли и камни, и клалъ ихъ вмѣсто картофеля въ ведро; наложилъ полное ведро, сталъ сыпать. Смотрю: мужикъ не выдержалъ, вырвалъ камышевую трость съ желѣзнымъ набалдашникомъ изъ рукъ управляющаго и хотѣлъ переломить,

но не осилилъ ее, только перегнулъ ее, впрочемъ такъ, что она стала негодна въ употребленіе. Дѣло было около самой мызы, недалеко отъ большого дуба, на вершинѣ котораго аистово гнѣздо. Управляющій пошелъ на мызу, но тутъ показался въ воротахъ самъ помѣщикъ. Остановились, переговорили, подошли оба къ намъ Помѣщикъ приказалъ остановить работу; подозвалъ къ себѣ солдата ходившаго по билету и приказалъ ему вырѣзать десять палокъ. Мы всѣ стояли безъ шапокъ, и солдатъ рѣзалъ безъ шапки. Помѣщикъ приказалъ провинившемуся мужику снять камзолъ, а другому держать его за воротъ рубашки обѣими руками, подъ самое горло. Солдатъ, ударивъ палкой разъ, бросалъ ее и бралъ новую, до тѣхъ поръ пока перебралъ всѣ десять [1]). По окончаніи работы, избитый мужикъ пошелъ къ мѣстному священнику. Черезъ нѣсколько времени, ихъ потребовали въ приходскій судъ. Дѣло было слишкомъ явно, потому что случилось днемъ, то есть въ то время, когда въ Лифляндіи занялась было заря православія и правды. Увертокъ не могло быть, ибо, за отсутствіемъ другихъ свидѣтелей, могла бы свидѣтельствовать изсѣченная спина крестьянина.

Поэтому, повернули дѣло на мировую. Спросили у мужика, чего онъ хочетъ? Управляющій отдѣлался, кажется, 10 руб. серебромъ. Значитъ: „Дѣло въ шапкѣ—говорили крестьяне—и теперь ужъ можно и деньгу получить за побои, а прежде, съ сѣченнаго брали по 15 к. сер. за труды“.

Упоминать ли еще о томъ, что этотъ же помѣщикъ, собственноручно, въ этихъ же воротахъ, отхлесталъ мать мою хворостиной, которою пастухи гоняютъ коровъ, за то, что та осмѣлилась прийти на мызу и попросить для насъ, дѣтей своихъ, хлѣба? Моя мать отнесла эту хворостину въ Ригу, показала ее преосвященному Филарету, а Филаретъ отправилъ ее, вмѣстѣ съ моею матерью, къ генералъ-губернатору

---

[1]) Вспомните, что все это дѣлалось съ людьми свободными, что крѣпостное право было отмѣнено 40 лѣтъ тому назадъ, и что правительство находило ненужнымъ вступаться въ хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и опекать первыхъ, такъ какъ они считались полноправными личностями. Прим. Ю. С.

Головину[1]). Это я слышалъ, но очевидцемъ при этомъ не былъ.

Я сказалъ, что гернгутеры находились въ положеніи сравнительно лучшемъ. Во-первыхъ, за нѣкоторыми исключеніями, помѣщики оказывали имъ терпимость, а иногда и покровительство; во-вторыхъ, главные члены и руководители братствъ принадлежали къ деревенской аристократіи, то есть къ разряду состоятельныхъ крестьянъ хозяевъ и форминдеровъ; за то, они подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ со стороны пасторовъ, которымъ не разъ удавалось разгонять ихъ сходки и запечатывать ихъ молитвенные дома. Въ то время, покончивъ съ первою группою, лютеранское духовенство, не предусматривало для себя опасности со стороны православія и въ возможность его распространенія въ народѣ не вѣрило, несмотря на нѣкоторые довольно знаменательные признаки. Такъ, въ одномъ приходѣ, гернгутеры выведенные изъ терпѣнія своимъ пасторомъ, сказали ему прямо: „Мы всѣ перейдемъ въ православіе, если вы не перестанете ругаться!“ — Пасторъ на это отвѣчалъ: „Что жъ! идите! я тоже перекрещусь, и навѣрное новое начальство оставитъ меня тутъ же, надъ вами священникомъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что гернгутерство имѣло значеніе только какъ протестъ и какъ свидѣтельство искренней, живой и неудовлетворенной религіозной потребности. Само по себѣ, оно было не въ силахъ создать что-либо самостоятельное и потому, рано или поздно, должно было примкнуть къ православной церкви. Но также несомнѣнно и то, что слѣпое озлобленіе пасторовъ ускорило это движеніе и втолкнуло гернгутеровъ въ единственныя отверзтыя передъ ними врата церкви. Какъ это случилось, можно всего лучше видѣть по примѣру одного человѣка, того же Давида Баллода, о которомъ я уже упоминалъ, этомъ бывшемъ крестьянинѣ, потомъ проповѣдникѣ въ гернгутерской общинѣ, наконецъ, православномъ священникѣ Лаудонской Іоанно-Предтеченской церкви.

---

[1]) Понятно ли теперь отчего лифляндское дворянство такъ часто настаивало на томъ, чтобы священники не принимали отъ крестьянъ никакихъ жалобъ и не вмѣшивались въ мірскія дѣла? Не въ свойствѣ ли этихъ дѣлъ, разгадка домогательствъ? Прим. Ю. С.

Я разскажу нѣкоторыя черты изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, съ которымъ я много бесѣдовалъ въ то время когда я былъ молодъ, а онъ уже въ сѣдинахъ: его состязанiе съ пасторомъ, его дѣйствiя въ должности волостного, преслѣдованiя имъ испытанныя и, наконецъ, его обращенiе. Пасторъ того прихода, въ которомъ проживалъ Баллодъ былъ человѣкъ вспыльчивый и ожесточенный врагъ гернгутеровъ. Видя, что проповѣди его, произносимыя съ каѳедры, не производятъ никакого дѣйствiя, онъ разъ прибѣжалъ самъ въ молитвенный домъ, послѣ службы въ киркѣ, въ то время, когда уже началась бесѣда и сталъ горячиться. Его остановили, очень спокойно замѣтили ему, что тутъ не мѣсто спорить, потому что много народу, и попросили его въ другую комнату. Едва только пасторъ перешагнулъ порогъ, какъ затопалъ ногами и закричалъ; но его опять попросили быть потише и прибавили: безъ шума, безъ гнѣва, вы можете говорить все; мы все выслушаемъ и дадимъ отвѣтъ. Начался диспутъ.

Пасторъ: „Какъ вы смѣете проповѣдывать? Кто вамъ далъ на то право?"

Баллодъ: „Такъ же, какъ и вы; тотъ же кто и вамъ. Покажите: гдѣ сказано, что вы имѣете право, а намъ запрещено—вотъ библiя?"

П. „Кто васъ избралъ и поставилъ на эту должность?

Б. „Тѣ же кто и васъ. Вы избраны и насъ они же избрали себѣ въ учителя, а вамъ въ помощники".

П. „Не нужны мнѣ такiе помощники, не нужны; развѣ я самъ не проповѣдую?"

Б. „Если вы не нуждаетесь, то они нуждаются. Посмотрите сколько народу! Пока не было насъ, сколько разъ случалось, что кирка бывала пуста, а корчмы полны?—Посмотрите теперь: они насъ слушаютъ охотнѣе чѣмъ васъ. Вы звали въ кирку, кричали, кляли, а люди все не шли; а теперь, и къ утрени сюда придутъ, и въ киркѣ посидятъ, и къ вечернѣ придутъ сюда же. Значитъ: мы нужны, необходимы, если не для васъ, то для нихъ. Вы проповѣдуете, это правда, но очень рѣдко; хорошо—но чаще клянете; за что же?"

П. „Почему вы въ киркѣ не остаетесь? тамъ бы и проповѣдывали?"

Б „Если вы насъ и отсюда гоните, то неужели потерпѣли бы насъ въ киркѣ?"

П. „Ваши собранія—собранія развратниковъ!"

Б. „Говорите, господинъ пасторъ, но говорите обдуманно! Давно мы слышимъ обвиненія въ развратѣ отъ людей въ развратѣ погрязшихъ и не требуемъ отъ нихъ доказательствъ—ихъ обличаютъ ихъ дѣла Слышали мы то же обвиненіе и отъ васъ, съ каѳедры, и приписывали это тому, что вы были въ гнѣвѣ. Теперь, мы стоимъ лицемъ къ лицу, изъ устъ въ уста говоримъ; укажите виновныхъ. Назовите ихъ и предъявите доказательства. Скажите намъ: сколько довелось вамъ окрестить незаконнорожденныхъ дѣтей прижитыхъ нами и тѣми, которые посѣщаютъ наши собранія? Вы этого не скажете. Мы наполняемъ кирки народомъ, а вы его гоните. У насъ научаются и взрослые и дѣти познавать Бога, читать и пѣть, а въ киркахъ забываетъ и тотъ кто зналъ. Чьи дѣти лучше читаютъ: дѣти ли тѣхъ, которые насъ поносятъ, или тѣхъ, которые сюда ходятъ? А вы—мы знаемъ это: вооружаете противъ насъ, обязуете присягой не ходить сюда, возстановляете противъ насъ молодыхъ людей на конфирмаціяхъ, въ томъ числѣ и нашихъ же дѣтей противъ насъ, ихъ родителей! Грѣхъ вамъ и грѣхъ тяжелый! Вы мертвите вѣру, и за то, что мы живимъ ее, вы насъ гоните какъ Савлъ".

Долго еще длился споръ; наконецъ, пасторъ выбѣжалъ хлопнувъ дверью; но не могъ простить своего пораженія и бѣдный Баллодъ поплатился дорого за свою побѣду.

Это случилось правда не сейчасъ. Долгое время доносы и жалобы пастора помѣщику той мызы оставались безъ всякаго дѣйствія. Помѣщикъ видѣлъ въ Баллодахъ трудолюбивыхъ, умныхъ и благочестивыхъ крестьянъ и потому не трогалъ ихъ.

Давида Баллода, несмотря на его молодость, избрали въ должность волостного старшины. Быть старшиною, въ Лифляндіи, значитъ: смотрѣть за общественнымъ сундукомъ съ деньгами, принимать, разбирать на мѣстѣ и улаживать жалобы и споры, а чего не удастся уладить, то передавать волостному суду, гдѣ старшина, по судебной части, не имѣетъ голоса. Главная же его обязанность состоитъ въ смотрѣніи

за хлѣбнымъ магазиномъ, въ выдачѣ весною хлѣба и сѣмянъ всякому хозяину, который въ томъ нуждается или проситъ, а осенью, въ истребованіи возврата и въ пріемѣ ссудъ.

Отецъ Баллодовъ обучилъ своихъ сыновей писать и отчасти ариѳметикѣ. Давидъ Баллодъ отказывался быть старшиной, ибо зналъ изъ опыта, что это должность опасная и сопряженная со многими непріятностями. Весною все просили, а осенью, никто не хотѣлъ возвращать, отговариваясь неимѣніемъ хлѣба и прося отсрочки.

Однако, Баллоду не удалось отвертѣться. Зная какіе подлоги и несправедливости позволяли себѣ его предшественники, онъ повелъ дѣло совершенно иначе чѣмъ они. Выдачи записывалъ волостной писарь, но, независимо отъ этого, самъ Баллодъ завелъ для себя карманную тетрадку и аккуратно отмѣчалъ въ ней: кто, когда, сколько и чего взялъ изъ общественнаго магазина, а осенью, опять отмѣчалъ: кто, когда, сколько и чего возвратилъ.

Въ этомъ отношеніи, ему помогъ своими предостереженіями старшій его братъ Иванъ, который тоже былъ старшиною въ томъ же судѣ. Заведя строгій учетъ по пріему и отпуску хлѣба, Давидъ Баллодъ навѣрное зналъ, что непріятностей ему не миновать, но онъ былъ характера твердаго и правдиваго и, при этомъ, надѣялся, что въ случаѣ надобности, всегда будетъ въ состояніи доказать передъ какимъ угодно судомъ свою правоту.

Весною, волостные засѣдатели первые заявили, что имъ нужно то да то. Давидъ Баллодъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что они вовсе не нуждались ни въ чемъ, но нечего было дѣлать, нельзя было отказать.

Наступила осень и Баллодъ объявилъ всей волости, что пора возвратить въ магазинъ занятой хлѣбъ.

Многіе, со слезами, умоляли дать имъ отсрочку, увѣряя, что нечего внести; но Д. Баллодъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ отдали хоть что-нибудь и чѣмъ-нибудь, хоть картофелемъ или капустою, и наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, добился таки того, что всѣ внесли отпущенный имъ хлѣбъ, кромѣ однако волостныхъ засѣдателей.

Д. Баллодъ потребовалъ и отъ нихъ. За такую неожидан-

ную дерзость, они ему пригрозили и сказали: „Мы тебя проучимъ!“ —„Сдѣлайте милость, учите“ отвѣчалъ Баллодъ „вы старше меня: я всегда готовъ выслушать умный совѣтъ“.

Прошла недѣля, другая, а засѣдатели не везутъ хлѣба въ магазинъ. Тутъ уже Баллодъ потребовалъ настоятельно и объявилъ, что если въ слѣдующую недѣлю хлѣбъ не будетъ внесенъ, то онъ огласитъ это по всей волости и будетъ жаловаться въ высшій судъ.

Тутъ Баллодъ услышалъ отъ засѣдателей обѣщанное наставленіе: „Зачѣмъ намъ возвращать взятый хлѣбъ?—Лучше и ты бери свою часть безъ возврата, мы ужъ знаемъ какъ это дѣло устроить. Не первый разъ!“ Давидъ Баллодъ, выслушавъ ихъ, отвѣчалъ: „Такъ вотъ оно обѣщанное мнѣ наставленіе? И вы, не зная меня, такъ-таки прямо и совѣтуете мнѣ примкнуть къ шайкѣ воровъ? Вы хотите, чтобъ и я обкрадывалъ своихъ бѣдныхъ братьевъ? По мнѣ, такіе воры опаснѣе ночныхъ. Имъ даже не нужно прибѣгать къ взлому, потому что имъ же вручены ключи, какъ отъ магазина, такъ и отъ сундука! Напрасно однако вы хлопочете: я не изъ тѣхъ волостныхъ и магазинщиковъ, о которыхъ давно уже ходитъ слишкомъ, къ несчастію, вѣрная поговорка. Если кто спроситъ у Латыша: „Есть у васъ воры?“ то онъ, не задумываясь, отвѣчаетъ: нѣтъ у насъ всѣ воры размѣщены по должностямъ и выбраны въ засѣдадели или въ старшины.— Пора положить этому конецъ. Я приказываю и требую въ послѣдній разъ, чтобы не далѣе какъ завтра, весь отпущенный вамъ хлѣбъ былъ ссыпанъ“.

Нечего было дѣлать—пришлось исполнить. Засѣдатели, на другой же день, привезли хлѣбъ, молча ссыпали и молча посматривали какъ Баллодъ ровнялъ мѣру и записывалъ; онъ не простилъ имъ и процентовъ; отдали все, какъ слѣдовало, какъ и простые мужики. Они сгорали отъ стыда и досады; да и не они одни,

Такое неожиданное осрамленіе старыхъ, опытныхъ засѣдателей и внезапное искорененіе обычнаго злоупотребленія не пришлось по душѣ ни пастору, ни управляющему. По истеченіи трехлѣтняго срока службы, Баллода вновь не вы-

брали и онъ выбылъ изъ должности; но его недоброжелатели этимъ не удовольствовались.

Пасторъ, давно на него злившійся, обрадовался случаю отомстить ему подъ предлогомъ заступничества за „толковыхъ и опытныхъ“ засѣдателей Gott sei Dank — подумалъ онъ: вотъ теперь-то время благопріятно! Теперь я имѣю такое орудіе, которымъ могу навѣрное выжить Д. Баллода если не изъ своего прихода, то, по крайней мѣрѣ изъ этой волости, и тѣмъ избавиться отъ близкаго сосѣдства съ молитвеннымъ домомъ и хоть отъ одного самороднаго проповѣдника.

Пасторъ намекнулъ, что Д. Баллода мало наказали, лишивъ должности, и что нужно выгнать его изъ дома. Управляющему стоило для этого сказать одно всемогущее слово: „Ты долженъ очистить усадьбу“ — сказано и сдѣлано. Къ несчастію, этотъ управляющій, человѣкъ безграмотный, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ помѣщика и что хотѣлъ то и дѣлалъ. Помѣщикъ этого имѣнія, хотя и былъ человѣкъ добрый но пойти противъ желанія управляющаго, который ради его пользы отказался отъ выгодной женитьбы, было для него невозможно.

Такимъ образомъ, по проискамъ пастора, который научилъ управляющаго, Баллодъ, безъ всякой вины, лишился своей усадьбы, служившей сборнымъ мѣстомъ для гернгутеровъ. Зная непримиримую злобу и мстительный характеръ пастора, Баллодъ не могъ не ожидать новыхъ преслѣдованій и, хотя благодушный но слабый помѣщикъ жалѣлъ его, какъ трудолюбиваго хозяина и благочестиваго христіанина, рѣшился продать свое имущество и уйти совершенно, подальше отъ глазъ своего пастора.

Онъ взялъ паспортъ и перебрался на жительство въ Ригу, а въ прежнемъ своемъ приходѣ оставилъ своего старшаго брата Ивана, трудиться на пользу своимъ братьямъ и бороться съ пасторомъ. Съ этимъ братомъ — Иваномъ Баллодомъ, пастору не легко было тягаться. Они жили въ самомъ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ, почти ежедневно встрѣчались и почти ежедневно спорили.

Иванъ Баллодъ жилъ недалеко отъ кирки, въ корчмѣ, былъ

кузнецъ и, въ то же время, обрабатывалъ землю придѣленную къ корчмѣ. Онъ былъ засѣдателемъ въ волостномъ судѣ, потомъ въ приходскомъ, и получилъ, какъ я читалъ въ латышскихъ газетахъ, медаль за усердіе.

Избралъ онъ себѣ для жительства корчму не ради прибыли, а единственно для посильнаго вразумленія и исправленія своихъ братьевъ Латышей. Стариковъ онъ всѣхъ почти привлекъ на свою сторону; но съ молодежью ничего не могъ подѣлать. Какъ только она побываетъ на конфирмаціи, въ рукахъ пастора, наслушается у него всякихъ клеветъ на гернгутеровъ, присягнетъ не имѣть съ ними общенія, такъ послѣ этого и бросалась въ распутство и безвѣріе. Ив. Баллодъ все это видѣлъ и зналъ, но не падалъ духомъ. Пасторъ не разъ уже запечатывалъ молитвенный домъ; онъ даже упросилъ того же управляющаго и того хозяина, на чьей землѣ былъ выстроенъ этотъ молитвенный домъ, опахать его кругомъ, до самыхъ стѣнъ и дверей, такъ, чтобы къ нему не оставалось и прохода. Словомъ, пасторъ работалъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока не раздавилъ гернгутеровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не уничтожилъ въ своемъ приходѣ всякую вѣру вообще, оставивъ свою паству при одномъ названіи лютеранъ, а на самомъ дѣлѣ, при полнѣйшемъ безбожіи. Я уже сказалъ выше, что въ корчмы ходили ночевать молодые конфирмаціанты. Около самой кирки и пастората, корчемъ было довольно, никакъ три или четыре.

Въ одной изъ нихъ, жилъ Ив. Баллодъ. Послѣ долгихъ трудовъ и многихъ непріятностей, ему удалось таки наконецъ добиться, чтобы всѣ дѣвушки, однѣ дѣвушки, ходили обѣдать и ночевать особнякомъ отъ мужчинъ и только въ его корчму. Цѣль его была, насколько онъ могъ, избавить ихъ отъ соблазна и разврата. Хотя и здѣсь пасторъ всячески ему мѣшалъ, но это однако удалось Ив. Баллоду, такъ какъ онъ былъ силенъ и словомъ и дѣломъ, имѣлъ вѣсъ по занимаемой имъ должности, и главное—былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ приходомъ. Онъ взялся за искорененіе сквернаго обычая горячо и круто. Во время конфирмацій, по ночамъ, вставалъ самъ, обходилъ спящихъ и частехонько находилъ парней въ дѣвичьей. Для нихъ у него нарочно была припасена

нагайка и многіе на себѣ испытали дѣйствительность этого орудія Иногда и дѣвки пропадали по ночамъ, ускользая отъ его надзора; сперва, онъ ихъ усовѣщивалъ, а попадавшихся по нѣскольку разъ, тоже наказывалъ, заставляя ихъ стоять на колѣняхъ, на щебнѣ. Молодежь зароптала на строгаго наставника, а пасторъ этимъ воспользовался и раздулъ неудовольствіе. Это было очень не трудно; стоило только разными намеками насулить всякихъ поблажекъ разгоряченнымъ страстямъ.

Наконецъ, черезъ того же управляющаго, пастору удалось и Ивана Баллода выжить изъ корчмы. Предлогомъ послужилъ какой-то овинъ выстроенный имъ на слишкомъ близкомъ разстояніи отъ молитвеннаго дома и въ ненастную погоду служившій пріютомъ для приходившихъ на молитву рано утромъ, когда еще домъ не былъ отпертъ.

Между тѣмъ, другой Баллодъ, Давидъ, перебравшійся въ Ригу, нашелъ тамъ ту же духовную жажду въ пасомыхъ, то же нерадѣніе въ пастыряхъ, ту же съ ихъ стороны ненависть къ Латышамъ.

Городскіе Латыши обрадовались прибытію своего знаменитаго проповѣдника. По неотступной ихъ просьбѣ, онъ долженъ былъ, во что бы ни стало, открыть гернгутерскій молитвенный домъ не вдалекѣ отъ православной Покровской церкви, на Петербургскомъ форштатѣ.

Собрали деньги, наняли домъ, устроили все какъ слѣдуетъ, и Д. Баллодъ открылъ свою гернгутерскую каѳедру. Много и долго боролся онъ съ городскими пасторами; но главнымъ, заклятымъ врагомъ его былъ пасторъ кирки Св. Яна, Трей—редакторъ и издатель извѣстной газеты: „Другъ Латышей“ тотъ самый, который за поношеніе православной церкви словесно и печатно, былъ осужденъ, по донесенію Д. Баллода преосвященному Филарету [1]).

Послѣ нѣсколькихъ, для него очень неудачныхъ состязаній съ гернгутерами, пасторъ Трей бросилъ всякую надежду по-

---

1) Отдѣльная брошюра и статьи латышской газеты, въ которыхъ пасторъ Трей поносилъ православіе, стали выходить еще до беверсгофскаго бунта, когда движеніе Латышей въ православіе только что готовилось. Прим. автора.

бѣдить ихъ словомъ и обратился къ обыкновенному, въ подобныхъ случаяхъ, средству, т.-е. къ доносу. Онъ представилъ полиціи, что собранія гернгутеровъ побуждаютъ Латышей къ бунту и уговорилъ ее запечатать ихъ недавно устроенный въ Ригѣ молитвенный домъ. Полиція конечно знала, что это была клевета, но все-таки не отказалась послужить орудіемъ ненависти пастора.

Баллодъ и его послѣдователи, когда узнали объ этомъ, собрались на совѣщаніе, поговорили, обсудили свое положеніе и порѣшили на томъ, что больше ничего не остается, какъ всѣмъ перейти въ русскую вѣру. Баллодъ захотѣлъ однако еще разъ поговорить съ своимъ гонителемъ; онъ взялъ подъ мышку библію и отправился къ п. Трею узнать причину: почему именно онъ запечаталъ молитвенный домъ?

Состязаніе между ними продолжалось долго. Давидъ Баллодъ пересчиталъ по пальцамъ всѣ обвинительные пункты противъ лютеранскаго духовенства; онъ указалъ на безвѣріе, нерадѣніе, лѣность, вымогательства, надменность и недоступность какъ самого Трея, такъ и другихъ пасторовъ; потомъ открылъ библію, прочиталъ ему 34 гл. изъ книги прор. Іезекіиля, закрылъ книгу и сказалъ: небо и земля прейдутъ, но не прейдетъ ни одно слово, ни одна іота изъ этой книги. Вы не вѣрите, что прочтенный мною приговоръ написанъ для васъ? Невидимый перстъ Божій уже начертываетъ роковыя слова: „исчислено, измѣрено, взвѣшено!“ а вы еще смѣетесь! Я не въ силахъ вразумить васъ, но скоро дѣло докажетъ, относятся ли къ вамъ слова пророка о нерадивыхъ пастыряхъ, пасущихъ не овецъ имъ ввѣренныхъ, а самихъ себя“. Понятно, что послѣ такого объясненія, не могло быть мѣста для мира.

Изъ покоевъ Трея, Давидъ Баллодъ отправился прямо къ преосвященному рижскому епископу Филарету, разсказалъ ему, хотя и ломаннымъ русскимъ діалектомъ все, какъ свое личное, такъ и общее дѣло, и выразилъ отъ себя и за своихъ братьевъ твердое желаніе присоединиться къ православію, на что, разумѣется, получилъ благословеніе незабвеннаго нашего архипастыря. Такимъ образомъ, Давидъ Баллодъ присоединился къ православной церкви. Присоединился! Давидъ Баллодъ присоединился!...

Вѣсть объ этомъ разнеслась по Лифляндіи и Эстляндіи съ быстротою молніи. Она проникла въ трущобы, въ лѣса и болота, повидимому совершенно разобщенныя съ міромъ, и заглянула въ такія жилья куда не проникалъ никогда и солнечный свѣтъ.

Дѣйствіе ея было потрясающее. Всѣ остальныя заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи или, какъ говорили Латыши, о перекрещеніи Давида Баллода. При этомъ замѣчательно, что никому, ни на минуту, не пришло въ голову взглянуть на это происшествіе, какъ на явленіе случайное и единичное, то есть, какъ на дѣло лично относящееся до одного Баллода; но всѣ, не сговариваясь, почуяли въ немъ разомъ начало общаго движенія и какъ бы переломъ въ ихъ собственной судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что Латыши давно уже чувствовали, что они непремѣнно присоединятся, во что бы ни стало; но никакъ не ожидали, чтобы это могло совершиться именно въ этотъ моментъ, такъ скоро и — это главное — такъ безпрепятственно. Беверсгофское побоище было еще у всѣхъ свѣже въ памяти. И впослѣдствіи: присоединялись, а все какъ будто не довѣряли самимъ себѣ, дѣйствительно ли присоединились, не во снѣ ли это? Очнулись лишь тогда, когда начали сажать въ тюрьмы и пороть вездѣ, въ городахъ и на мызахъ. Кто хоть разъ былъ наказанъ, тотъ уже дѣлался въ собственныхъ своихъ глазахъ рѣшительно православнымъ.

Удивительное было настроеніе массы! Ее нисколько не удивляли, даже не раздражали эти наказанія, преслѣдованія и гоненія. Все это казалось необходимымъ. Наказанные крѣпли въ православіи, а лютеране, смотря на это, какою-то невидимою силою побуждались присоединяться. Наказаній не гнушались, а напротивъ ими гордились, не только сами наказанные, но и семейства ихъ. Этого состоянія духа я не умѣю описать, но приведу въ примѣръ одинъ случай изъ многихъ. Вытребовали на мызу 20 человѣкъ присоединившихся. Управляющій спрашиваетъ: „Что для васъ лучше: здѣсь ли получить 40 палокъ, или въ приходскомъ судѣ 60?“ Спросили: „Да въ чемъ же наша вина? Что мы сдѣлали?“

Отвѣтъ: „Я не знаю, но если вы не примете здѣсь 40 или въ приходскомъ судѣ 60 палокъ, то я не могу оставаться на мѣстѣ: вѣдь вы перекрестились? — „Да“ — „Ну такъ какъ же?“ — Гмъ!... Поразсудили и порѣшили на томъ, что лучше получить 40 палокъ на мѣстѣ, чѣмъ шляться, а то пожалуй тамъ совершенно изувѣчатъ; однако спросили еще: „Тутъ ли конецъ наказанію, или будетъ продолженіе?“ — Отвѣтъ: „Тутъ и конецъ“ — „Ладно!“ — Одинъ говоритъ: „Съ кого же начать? Пожалуй хоть съ меня“. — Скидываетъ свои доспѣхи и становится, отогнавъ отъ себя тѣхъ, которые хотѣли поддержать его — „Неужто сорока ударовъ не вытерплю?“ — Ему отсчитываютъ сорокъ ударовъ. Онъ крестится, одѣвается и говоритъ прочимъ; „Ну, теперь, становитесь и вы, а я пойду тѣмъ временемъ покурю“ — Это фактъ, фактъ [1]) Всѣмъ исполосовали спины и всѣ, съ радостью, пошли домой. Эти повѣрили, что они православные, а другіе недоумѣвали.

На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали отъ всѣхъ одно и то же, отъ корчмарей, отъ проѣзжающихъ, отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Баллодъ, что и всѣмъ теперь можно, и все-таки нарочно сами ѣздили въ Ригу узнать отъ самого Д. Баллода.

Да! дѣйствительно присоединился, и крестъ на груди носитъ, и крестное знаменіе творитъ не такъ какъ мы, всею рукою: а тремя перстами, и не по нашему, а прежде кладетъ на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ комнатѣ, и лампадка горитъ Многіе ходили съ Давидомъ Баллодомъ въ Алексѣевскую церковь и, по возвращеніи оттуда, присоединялись.

Къ числу недовѣрявшихъ слуху о Баллодѣ принадлежалъ и гонитель его, бывшій его пасторъ. Онъ встрѣтилъ около кирки ѣхавшаго въ Ригу своего прихожанина, родственника Д. Баллода — Мартина Зелтыня и строго наказалъ спросить самого Д. Баллода: „Дѣйствительно ли онъ присоединился, и

---

1) Тѣхъ изъ читателей, которые подумаютъ, что это клевета, я попрошу отсрочить свой приговоръ до тѣхъ поръ, пока они прочтутъ въ 3-мъ или 4-мъ выпускѣ подлинное свидѣтельство лютеранскаго пастора о такихъ же истязаніяхъ за обнаруженіе намѣренія перейти въ православіе, свидѣтельство съ одобреніемъ этого рода мѣръ. Прим. Ю. С.

что побудило его?“ Мартинъ Зелтынь исполнилъ порученіе и получилъ отъ Д. Баллода слѣдующій короткій отвѣтъ для передачи пастору: „Скажи маддалинскому пастору такъ: маддалинскій пасторъ N. началъ меня гнать (въ православіе), а насторъ Трей окончилъ“.—Это собственныя слова Д. Баллода. М. Зелтынь передалъ ихъ пастору, который, выслушавъ ихъ молча, повернулся медленными шагами, пошелъ въ свой кабинетъ и легъ на диванъ. Легъ и началъ новое гоненіе уже не на гернгутеровъ, а на православныхъ.

Таково было начало второго кризиса, въ которомъ главными дѣятелями были Давидъ Баллодъ и пасторъ Трей. Повтореніе одного и того же явленія послѣ четырехлѣтняго промежутка, послѣ беверсгофской экзекуціи, не доказываетъ ли само по себѣ, что и первый кризисъ былъ не бунтъ, по крайней мѣрѣ—не простой бунтъ, и что къ нему отнеслись какъ къ бунту потому что не разобрали дѣла? Не лучше ли бы было сказать тогда же: „Пусть присоединяются“ — чѣмъ карать и проливать кровь?

Впрочемъ, пути Промысла неисповѣдимы!

Второй кризисъ Господь устроилъ такъ, что и фарисеи не могли предупредить его. Они сами, своими руками, разобрали крышу дома, который принадлежалъ не имъ, а Самому Спасителю, и опустился къ ногамъ Его разслабленный Латышъ, еще не умѣвшій исповѣдать своей вѣры въ своего исцѣлителя...

Самъ Богъ, также, устроилъ и время года и опредѣлилъ настать этому кризису тогда, когда всѣ полевыя работы на мызахъ были окончены или кончались. Только и оставалось, что ленъ мять и чистить, да молотить. Но молотьба, мѣстами, не имѣла ни начала, ни конца, даже въ эти голодные года, поэтому, тутъ и самъ Богъ не могъ ничего сдѣлать, не могъ улучить минуты.

Мирно, тихо, спокойно, безъ шума, съ величайшимъ благоговѣніемъ, никого не трогая, ни дома, ни по дорогѣ, никого не задѣвая ни словомъ, ни дѣломъ, ни помѣщиковъ, ни пасторовъ, потекли Латыши и Эсты густыми толпами, со всѣхъ концевъ, въ городъ Ригу, принимать новую вѣру, вѣру православную.

Присоединеніе совершалось подъ рукою представителя православія, епископа Филарета, въ церкви св. Алексія, человѣка Божія. Она стояла подлѣ самаго архіерейскаго дома, а теперь соединена съ нимъ совершенно.

Здѣсь приняли православіе тысячи Латышей и Эстовъ, въ этой усыпальницѣ русскихъ вельможъ, надъ прахомъ ратниковъ земли русской: князя Никиты Васильевича Репнина, князя Василія Репнина, Василія Абрамовича Лопухина, Зыбина, князя Владиміра Долгорукаго. Дорогія воспоминанія связаны съ этою церковью для меня и для моихъ братій! Человѣкъ Божій Алексій! Ты много видѣлъ слезъ, много и моихъ. Тамъ, въ этомъ храмѣ, намъ, дѣтямъ присоединенныхъ, былъ произведенъ публичный экзаменъ, въ первый и въ послѣдній разъ, въ 1854 году 15 іюля. Тамъ, мы, въ послѣдній разъ, по окончаніи экзамена, слушали рѣчь знаменательную нашего архипастыря Платона.

Тамъ же и въ тотъ же день, мы обмѣнивались между собою напутственными рѣчами, прощаясь съ товарищами.

Въ томъ же храмѣ, совершилось на мнѣ второе великое таинство св. пр. церкви: я услышалъ, что я одинъ изъ своихъ единоплеменниковъ поступаю на служеніе своимъ братьямъ, одинъ, одинокій и съ скуднымъ запасомъ познаній.

Первый выступилъ тогда, первый выступаю и теперь и не остановлюсь до конца, договорю все. Хочу, наконецъ, подѣлиться съ другими тяжелою ношею личныхъ моихъ воспоминаній.

Едва ли нужно изображать досаду, негодованіе и ярость пасторовъ при видѣ движенія народа. По всему, что было разсказано прежде, можно представить себѣ, что́ они чувствовали и говорили. Какъ ни противно имъ было гернгутерство, но все-таки они видѣли въ немъ не болѣе какъ безсильный протестъ и несостоятельную попытку создать новую вѣру. Теперь же, напротивъ, ихъ паства убѣгала отъ нихъ въ отверзтыя врата церкви, притомъ церкви господствующей, слѣдовательно: уходила отъ нихъ навсегда. Они умоляли, угрожали, проклинали, клеветали и лгали на православіе и этимъ еще болѣе поощряли крестьянъ къ переходу. Латыши перестали даже съ ними спорить, а выслушавъ спокойно, отвѣчали только: а мы все-таки примемъ православіе.

Дворянство, по причинамъ одинаково понятнымъ, также смотрѣло на переходы въ православіе иными глазами чѣмъ на развитіе гернгутерства; поэтому, оба первенствующія въ краѣ сословія очень скоро стакнулись. Такъ какъ убѣжденія не помогали, то нужно было силою остановить движеніе. Сила была въ рукахъ правительства; слѣдовательно, нужно было его увѣрить, что переходъ въ православіе есть бунтъ, или слѣдствіе обманчивыхъ обѣщаній и подговоровъ. Начали сперва раздражать крестьянъ, чтобъ вызвать шумъ, непокорство и подобіе бунта; но, при всей своей простотѣ, Латыши высмотрѣли ловушку. Они говорили: если мы теперь не устоимъ, то наше святое дѣло опять кончится тѣмъ же, чѣмъ кончилось въ 1841 году, въ Беверсгофѣ и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи.

За отсутствіемъ зазорныхъ дѣлъ, стали придираться къ словамъ, чтобъ основать на нихъ обвиненіе въ подговорахъ. Шпіоны наплодились по всей Лифляндіи; въ корчмахъ, на поляхъ, по дорогамъ, въ лѣсахъ, подъ окнами хатъ, въ сумеркахъ, управляющіе, мызные старосты, форминдеры, подслушивали что говорили мужики между собою; этою арміею шпіоновъ руководили главнѣйшимъ образомъ пасторы. Шпіоновъ посылали и въ Ригу—присутствовать при присоединеніи. И вотъ какимъ образомъ удалось наконецъ создать и пустить въ ходъ извѣстную фикцію объ эмиссарахъ православія, то-есть о священникахъ, будто бы злонамѣренно мутившихъ воображеніе крестьянъ, суля имъ помѣщичью землю.

Правда, мужики между собою поговаривали и про землю, но не про остзейскую, не про свою родину, а про землю Е й с к о й губерніи, про теплую землю, а не про свою холодную. Они знали и знаютъ твердо, что въ Остзейскомъ краѣ господамъ принадлежатъ: земля, лѣса, деревни, звѣри, птицы, рыбы, время, погода и самъ крестьянинъ, весь, всѣмъ существомъ своимъ. Говорили и о выгодахъ, о тѣхъ, о которыхъ, я думаю, позволительно мечтать и скотинѣ — если она мечтаетъ, то есть о томъ, что можетъ быть наступитъ такое время, когда можно будетъ жить - не болѣе. А образованные люди отнесли мечты о даровомъ надѣлѣ къ своей землѣ, и подняли тревогу въ защиту своей собственности.

Да даже и нынче, мужикъ купившій усадебку не вѣритъ, чтобъ она могла принадлежать ему и его роду навсегда; онъ прямо говоритъ, что можетъ быть, черезъ нѣсколько времени, ее отнимутъ господа.

Въ сущности, пасторы и помѣщики дѣйствительно боялись, но только не тѣхъ пугалъ, которыми они стращали правительсво, а совершенно иного. Они чувствовали, что тща тельно скрываемая правда о крестьянскомъ быту, разными путями, начинала доходить до правительства, что пожалуй скоро наступитъ время когда придется дать мужику на самомъ дѣлѣ то, что давно было дано на бумагѣ, только на бумагѣ, и что пожалуй захотятъ слить въ одну линію двѣ параллельныя, никогда въ Лифляндіи не сливавшіяся: теорію и практику.

Опасеніе понятное, даже извинительное; я и не виню никого, но я защищаю свою совѣсть и совѣсть моихъ братьевъ. Нѣтъ, не оттого мы приняли православную вѣру, что будто бы въ то время намъ обѣщали то, чему мы и теперь не можемъ повѣрить и чего даже теперь не можемъ себѣ представить, не только на яву, но и во снѣ.

Никто не обѣщалъ намъ даровыхъ надѣловъ въ отплату за отступничество (какъ говорятъ Нѣмцы) и если бы православные священники, сами не имѣющіе горсти собственной земли, вздумали прельщать насъ такого рода посулами, то мы бы имъ не повѣрили. Дѣйствительно, измученные и обремененные повинностями, мы ожидали также облегченій и улучшеній; но ожидали какъ исполненія давно намъ обѣщаннаго, ожидали и просили только, чтобы все вами же, помѣщиками, начертанное въ законѣ перешло наконецъ изъ области фикцій въ жизнь. Отчасти, такъ и случилось.

Бытъ крестьянъ нѣсколько улучшился самъ собою, потому что не могъ не улучшиться; я разумѣю бытъ лютеранъ, ибо на насъ, православныхъ, обрушились всею своею тяжестью всѣ права, всѣ преимущества, вся принудительная сила, по закону, оставленная помѣщикамъ. Мы поплатились за всѣхъ; съ насъ стали безпощадно взыскивать недоимки, насъ стали сгонять съ усадьбъ. Отецъ и мать лишенные послѣдняго

рубища, съ малютками дѣтьми, сидѣли въ лѣсу, подъ елкой, цѣлое лѣто — это фактъ и много было подобныхъ; вся Лифляндія это знаетъ [1]).

Говорили также, говорятъ и теперь, что насъ соблазняли въ православіе даровою раздачею хлѣба; но и это нѣмецкое объясненіе также несостоятельно какъ и первое. Хлѣба мы точно просили и ждали съ нетерпѣніемъ (года, какъ извѣстно, были голодные, особенно 1845); но о даровомъ хлѣбѣ мы не дерзали и мечтать и не эта надежда влекла насъ къ православію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить обстоятельства того времени. Узнавъ наконецъ о бѣдственномъ положеніи Лифляндіи, правительство приняло противъ голода чрезвычайныя мѣры и разрѣшило выдачу хлѣба всѣмъ нуждающимся, разумѣется—безъ различія вѣроисповѣданія; а на дѣлѣ, воспользовались имъ преимущественно лютеране и, въ несравненно меньшей степени, православные. Отчего это произошло—извѣстно всѣмъ Хлѣбъ раздавался крестьянамъ хозяевамъ, т. е. владѣльцамъ усадьбъ, а большинство крестьянъ, перешедшихъ въ православіе принадлежало къ разряду работниковъ и бобылей. Далѣе, раздача производилась только въ 1845 и 1846 годахъ, а присоединенія продолжались и въ послѣдующихъ годахъ, когда начали уже взыскивать розданный хлѣбъ: съ лютеранъ снисходительно, а съ православныхъ съ безпощадною строгостью. Тутъ не помогали ни просьбы, ни слезы, ни обѣщанія; послѣдняя корова или коза продавалась съ аукціона. Нечего сказать: хороша приманка къ переходу въ православіе! [2]).

---

[1]) О томъ, что помѣщики дѣйствительно выживали православныхъ крестьянъ изъ своихъ имѣній, отбирая у нихъ усадьбы, въ третьемъ выпускѣ приведено будетъ свидѣтельство; если не нѣмецкое, то равносильное нѣмецкому—свидѣтельство князя Суворова. Прим. Ю. С.

[2]) Старая басня нѣмецкаго изобрѣтенія о мнимомъ подкупѣ Латышей раздачею хлѣба повторена въ безымянной брошюрѣ вышедшей въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ (Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde etc. etc.). Въ доказательство приводится, что Эсты, въ окрестностяхъ Пернавы, донынѣ называютъ розданный въ 1846 году хлѣбъ: „usuleib“ по нѣмецкому переводу „Glaubensbrod“—хлѣбомъ вѣроисповѣданія (стр. 85 прилож.). Авторъ видитъ въ этомъ намекъ на посулы, которыми будто бы сопровождались подговоры къ переходу въ православіе. Нужно ли доказывать натянутость этого

Кстати объ этомъ хлѣбѣ — пора бы привести въ ясность обстоятельства сопровождавшія выдачу и возвратъ ссудъ и разрѣшить наконецъ: въ какой мѣрѣ основателенъ всеобщій, распространенный въ народѣ слухъ о разныхъ бывшихъ при этомъ злоупотребленіяхъ Предупреждаю, впрочемъ, что раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ будетъ очень не легко; оно запутано нарочно, лицами орудовавшими имъ и потому запросы къ мѣстнымъ властямъ и ревизіи производимыя мѣстными чиновниками никогда не наведутъ на правду, а напротивъ, затрутъ всякій къ ней слѣдъ. Я разскажу только, что́ мнѣ лично извѣстно и что́ происходило въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, нисколько не обобщая моихъ наблюденій. Хлѣбъ отпущенный правительствомъ въ голодные года раздавался въ волостяхъ не по душамъ, и не по дворамъ, и не всѣмъ членамъ общества, а только нуждавшимся въ пособіи, и изъ числа нуждавшихся, опять таки не всѣмъ, а только и исключительно тѣмъ хозяевамъ, которые, своимъ личнымъ движимымъ имуществомъ, могли обезпечить возвратъ, какъ капитальнаго долга, такъ и процентовъ. Слѣдовательно, это былъ долгъ не общественный, а частный, долгъ каждаго домохозяина порознь, а не цѣлой волости, притомъ: долгъ лежавшій не на землѣ, а обезпеченный движимостью. Такъ по крайней мѣрѣ было у насъ и, сколько мнѣ извѣстно, въ бо́льшей части имѣній. Мало того, я знаю положительно, что въ нѣкоторыхъ вотчинахъ, мука отпущенная на волость даже и не сдавалась въ общественный магазинъ, а поступала прямо въ господскій амбаръ, оттуда на господскій винокуренный заводъ; тамъ изъ нея гнали водку, а помѣщикъ отъ себя раздавалъ хозяевамъ рожь зерномъ. Дѣло это, какъ и всѣ дѣла такъ называемыя общественныя, было въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ оффиціалистовъ и арендаторовъ, а выборные отъ крестьянъ, призывавшіеся къ участію только для формы, не знали и не

толкованія и не очевидно ли для всякаго, что для отличія хлѣбнаго долга 1846 года отъ множества другихъ насчитываемыхъ на нихъ долговъ, крестьяне просто пріурочили этотъ долгъ къ одновременному событію всѣмъ имъ памятному? Иными словами: ussuleib—хлѣбъ розданный въ то время когда стали перемѣнять вѣру. Прим. Ю. С.

понимали, что̀ творилось отъ ихъ имени, для нихъ и черезъ нихъ. Въ волости N. былъ такой случай, разсказанный мнѣ самими волостнымъ писаремъ и засѣдателями. Въ 1858 г., откуда-то пришло отношеніе съ грознымъ запросомъ: отчего де волость такая то, которой въ голодный годъ выдано въ ссуду деньгами 1000 р. сер. не уплачиваетъ не только капитала, но и процентовъ на эту ссуду? Стали рыться въ книгахъ — не оказалось никакихъ слѣдовъ займообразной ссуды. Пришелъ помѣщикъ, разыскивалъ и онъ въ своей конторѣ и также ничего не нашелъ. Тогда, волостной судъ отвѣтилъ коротко и ясно, что де волость такая-то никогда тысячи рублей въ ссуду не получала. Но сверху прислали улику: четко написанную росписку въ полученіи, скрѣпленную крестиками толковыхъ и разумныхъ засѣдателей. Потянули къ отвѣту засѣдателей: они ли ѣздили отъ волости, они ли подтянули кресты, они ли получили деньги? И опознали засѣдатели свои кресты; точно, они ѣздили по приказу арендатора; они же деньги получили, выдали квитанцію, привезли деньги и отдали тому же арендатору, по его же приказу; вотъ и все, а что было дальше, того они не вѣдаютъ и то не ихъ дѣло. Это одинъ изъ очень многихъ образчиковъ, по которымъ можно судить о томъ, что называется въ Лифляндіи общественнымъ (волостнымъ) управленіемъ свободнаго сословія сельскихъ обывателей. Взысканіе розданнаго въ голодные года хлѣба и процентовъ по этой ссудѣ производилось въ точности сообразно изложенному выше способу раздачи, а именно: порознь съ каждаго хозяина получившаго ссуду, безъ привлеченія къ участію общества, притомъ съ безпощадною строгостью (особенно съ православныхъ крестьянъ). Снисхожденія не оказывалось, и, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, у него отбирались и продавались съ аукціона послѣдняя корова, послѣдняя коза, дѣти его отдавались въ заработки и т. д. Многіе были разорены въ конецъ, но долгъ съ процентами взысканъ если не со всѣхъ, то съ многихъ. Такъ шло дѣло до конца прошлаго царствованія. При восшествіи на престолъ Императора Александра II, въ народѣ распространилась вѣсть, что всемилостивѣйшимъ манифестомъ прощены

проценты по хлѣбной ссудѣ голоднаго года. Нѣкоторые говорили, что сложены всѣ проценты сполна, другіе говорили, что только часть процентовъ, но ничего достовѣрнаго объ этомъ крестьяне не узнали до сихъ поръ.

На разспросы ихъ, мызныя управленія отвѣчали иногда, что слухъ этотъ не имѣетъ никакого основанія, а иногда, по секрету, что дѣйствительно послѣдовала Высочайшая милость, но что признано цѣлесообразнымъ приберечь ее до поры до времени, на какой-то будущій голодный годъ. Какъ бы то ни было, со дня обнародованія манифеста, свойство хлѣбнаго долга какъ будто измѣнилось. Онъ теперь признанъ долгомъ общественнымъ и поземельнымъ и, вслѣдствіе этого, вся та сумма, отъ которой правительство отказалось, зачисляется общественнымъ капиталомъ и употребляется на построеніе лютеранскихъ школъ, помѣщеній для волостныхъ судовъ и т. п. или поступаетъ въ раздѣлъ между всѣми домохозяевами. Пока дѣло шло объ отвѣтственности и взысканіяхъ, общество оставалось въ сторонѣ, и хозяева не занимавшіе хлѣба на свое имя тщательно уклонялись отъ всякаго участія въ тягостяхъ падавшихъ исключительно на должниковъ; а когда дѣло дошло до льготъ и милостей, къ дѣлежу сбѣжались всѣ, разумѣется все-таки кромѣ бобылей и работниковъ. Повторяю опять: не знаю вездѣ ли такъ было, но во многихъ мѣстахъ крестьяне положительно заявляютъ, что Высочайшая воля отъ нихъ скрыта, и что милость оказанная Государемъ досталась не тѣмъ, въ чью пользу она предназначалась.

Заподозривая побужденія массъ, Нѣмцы, разумѣется, не упускали и случая чернить въ глазахъ народа людей, которымъ онъ вѣрилъ. Давидъ Баллодъ, въ этомъ отношеніи, стоялъ на виду и потому не могъ избѣгнуть клеветы. Стали распускать про него всякаго рода небылицы, между прочимъ, будто бы онъ разбойничалъ, по вечерамъ выходилъ на дороги грабить Латышей, будто бы онъ обобралъ своего брата Ивана, будто бы его давно слѣдовало сослать въ рудники и сослали бы непремѣнно, если бы Русскіе не поставили его священникомъ[1]).

---

[1]) Въ дополненіе къ этому, я могу прибавить, что въ 1847—1848 годахъ, по доносу лютеранской консисторіи, въ рижской полиціи производилось слѣд-

Все это я слышалъ своими ушами. На такія рѣчи Латыши отвѣчали смѣхомъ: „Не проведете! Мы знаемъ Баллода не со вчерашняго дня! вѣдь онъ прежде не воровалъ; мы бывали у него не разъ, когда онъ содержалъ постоялый дворъ, останавливались у него съ товаромъ, и покражъ не случалось. А теперь нечего и воровать; мы ѣздимъ въ Ригу порожнякомъ—для присоединенія, а не за покупками; развѣ что крестъ отнять, а болѣе нечего!“ Наконецъ, стали придираться къ латышскому діалекту, къ словамъ, къ ихъ производству и значенію. Извѣстно, что латышскій языкъ также бѣденъ какъ и его обладатель; о языкѣ и о хозяинѣ, до сихъ поръ, одинаково мало заботились; оба были въ загонѣ и никуда не смѣли высунуться. Это не языкъ, а рубище нищаго. Латышъ (тутъ я разумѣю Латыша настоящаго, первобытнаго) говоритъ чисто по дѣтски, пробиваясь скуднымъ запасомъ словъ, едва достаточныхъ для выраженія самыхъ эле-

---

ствіе по обвиненію Баллода въ подговорѣ Латышей къ переходу въ православіе и въ составленіи подложной довѣренности отъ ихъ имени. На другого православнаго священника, также родомъ Латыша и также имѣвшаго сильное вліяніе на своихъ земляковъ, на отца Михайлова, заведено было обвиненіе въ растратѣ какихъ-то суммъ, въ то время когда онъ, до поставленія его, занималъ должность въ имѣніи гр. Шереметева. Слѣдствія о Баллодѣ я не читалъ и не имѣлъ случая дознать на чемъ основано обвиненіе отца Михайлова, такъ что, по этимъ двумъ дѣламъ, я не могъ составить себѣ положительнаго убѣжденія. Но я считаю себя вправѣ, въ этомъ случаѣ, не вѣрить на слово, ибо знаю, что всѣ этого рода обвиненія распространялись тою же партіею, которая когда-то доказывала, что Ломоносовъ былъ не болѣе какъ пьяница мѣшавшій успѣхамъ нашей Академіи; той партіи, которая теперь возводитъ Бирона на степень непризнаннаго просвѣтителя и благодѣтеля Россіи; той партіи, которая въ нынѣшнемъ году печатно заявила, что объѣздъ Лифляндіи преосвященнымъ Платономъ сопровождался революціоннымъ подстрекательствомъ поселянъ (revolutionäre Aufstachelung des Landvolks) и служилъ сигналомъ къ систематическому возбужденію ихъ противъ нѣмецкой полиціи и нѣмецкихъ судовъ (zu einer systematischen Revolutionirung des Landvolkes gegen die deutsche Landespolizei und Landesjustiz); что управленіе казенными имѣніями въ Лифляндіи направлено къ высказанной цѣли (ausgesprochene Absicht) поддерживать крестьянъ, въ частныхъ имѣніяхъ, въ возбужденномъ настроеніи противъ помѣщиковъ; что министръ государств. имуществъ ген. ад. Зеленый пытался лишить частныхъ владѣльцевъ Балтійскихъ губерній послѣдняго остатка ихъ свободной недвижимой собственности (um den letzten Rest ihres freien Grundvermö-

ментарныхъ и рѣзкихъ понятій. Оттѣнковъ, для него не существуетъ. Рѣчь его всегда выражается въ формѣ строго положительной или строго отрицательной. Въ тѣ же двѣ, одна другой противоположныя категоріи, положенія и отрицанія, укладываются и рѣчи къ нему обращенныя. Посредствующихъ терминовъ онъ не вмѣщаетъ. Напримѣръ: Латышъ взойдетъ въ вашу комнату, и вы, уходя куда либо, хоть въ другую комнату, скажете ему: „Ты можешь тутъ постоять, я скоро приду". Затѣмъ, войди кто-либо другой, только не вы, и скажи ему: „Какъ ты тутъ смѣешь стоять? Убирайся вонъ, хоть въ кухню!"—онъ ни за что не пойдетъ, а непремѣнно скажетъ: „Мнѣ приказано здѣсь стоять". И вы сами его не убѣдите, что вы ему не приказывали, а только позволили. Латышъ будетъ спорить и доказывать, что вы приказали, приказали—да и только [1]).

gens zu bringen); что и графъ Шуваловъ, сбросивъ наконецъ тѣ личины, которыя онъ иногда охотно надѣвалъ на себя въ Ригѣ (die Masken, die er von Zeit zu Zeit in Riga zu tragen liebte), усвоилъ себѣ коммунистическую теорію своего товарища; что вожаки антинѣмецкой партіи, которыхъ должно искать въ средѣ православнаго духовенства и вѣдомства государственныхъ имуществъ (Арх. Платонъ и бывшій управл. лифл. палат. гос. им. Шафрановъ) въ самое послѣднее время, пытались, въ окрестностяхъ Феллина, терроризировать нѣмецкихъ помѣщиковъ посредствомъ краснаго пѣтуха (eine Terrorisirung der deutschen Gutbesitzer durch den „rothen Hahn") и произвели рядъ тендеціозныхъ, церковно-политическихъ поджоговъ (eine Reihe kirchlich-politischer Tendenzbrände). Все это, и многое другое, одинаково правдоподобное, всякій можетъ прочесть въ брошюрѣ не разъ уже мною цитованной (Livländische Beiträge zur Verbreitung etc. etc. 17, 18, 19, 21, 22, 24) правда запрещенной у насъ, но свободно расходившейся въ Ригѣ, и теперь выставленной во всѣхъ книжныхъ лавкахъ Германіи. Нужно ли прибавлять, что тутъ же поименно названы тайные подготовители и вожаки русской революціи (die geheimen Vorbereiter und Leiter der russischen Revolution) Перовскіе, Головины, Милютины, Ханыковы, Самарины, Катковы, и другіе (стр. 104, 110)? Кто знакомъ съ полемическими пріемами der loyalen, hochedlen baltischen Ritterschaft и отчасти испыталъ ихъ на себѣ, тому позволительно не вѣрить на слово. Прим. Ю. С.

[1]) Не могу не остановить вниманія читателей на этомъ глубокомъ наблюденіи. Оно содержитъ въ себѣ самое простое и естественное объясненіе многихъ явленій доселѣ непонятыхъ, или понятыхъ ложно единственно потому,

Слова: „дозволено" и „приказано" взвѣшивались, разбирались и служили темою для обвиненій въ распространеніи ложныхъ слуховъ, не только въ мірскихъ, но и въ высшихъ судахъ. „Дозволено" то есть (такъ понимаетъ и такъ говоритъ Латышъ)—приказано переходить въ Царскую вѣру, и вотъ онъ дѣлается неожиданно злонамѣреннымъ толкователемъ Высочайшей воли, подстрекателемъ и распространителемъ ложныхъ слуховъ. За это непонятное для него преступленіе, онъ расплачивается своими ребрами или сидѣніемъ въ тюрьмѣ, мѣсяцъ, два и болѣе, а иногда: и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

И сидитъ онъ, пока не выпустятъ по ходатайству епископа Филарета и по приказанію генералъ-губернатора Головина; выпустятъ, но уже не въ своей одеждѣ, а въ нарядномъ костюмѣ арестантовъ, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ, и съ какою-то надписью.

что толкователи исходили изъ предположенія яснаго сознанія и умысла тамъ, гдѣ ихъ не было. Представьте себѣ человѣка, у котораго, съ самаго его рожденія, отшибли свободную волю, по крайней мѣрѣ, всякую возможность обнаруживать ее въ чемъ бы то ни было; вся его житейская обстановка опредѣлена безъ его согласія, участія и вѣдома; онъ родился въ тискахъ, живетъ въ тискахъ и въ нихъ умретъ; отъ людей власть имущихъ и, вообще, въ какомъ бы то ни было отношеніи стоящихъ выше его, онъ не слыхалъ и не надѣется услышать другихъ словъ какъ только: приказываю или запрещаю. И вдругъ, этому человѣку говорятъ, что ему предоставляется на выборъ остаться протестантомъ или перейти въ православіе. Онъ непремѣнно приметъ это за насмѣшку или за ловушку. Въ киркѣ ему говорятъ, что, кто перейдетъ въ православіе, будетъ проклятъ и наказанъ, но онъ плохо вѣритъ своему пастору и идетъ за справкою къ православному священнику. Онъ спрашиваетъ: „Точно ли запрещено переходить въ ту вѣру, которую исповѣдуетъ Царь?"—Священникъ отвѣчаетъ: „Неправда; православная церковь открыта для всѣхъ".—„А! значитъ такъ и есть: приказано всѣмъ переходить въ Царскую вѣру!"—„Опять нѣтъ! не приказано, а дано всѣмъ на волю переходить или оставаться".—„Какъ на волю? На чью же?"—„Да на вашу". — „Что вы это, на нашу! Да вы насъ морочите. Дураки мы что ли? Мы хотимъ знать, что приказалъ Царь?"—„Да ничего не приказалъ".—Какъ ничего! Такъ значитъ, по-вашему, ему все равно: будемъ ли мы молиться въ киркѣ или въ той церкви, въ которой онъ молится самъ? Еще разъ: хочетъ ли Царь, чтобъ мы перешли въ его вѣру? Есть ли на то приказъ?"—„Повторяю: приказа нѣтъ"... „А если нѣтъ, такъ значитъ пасторъ-то правъ: не смѣй переходить".—Такъ длится разговоръ, часъ, другой, третій и возобновляется ежедневно. Теперь,

Затѣмъ, его препровождаютъ на мѣсто жительства, связаннымъ, подъ конвоемъ, съ выбритою или полувыбритою головою, въ арестантской шапкѣ сшитой изъ черныхъ и сѣрыхъ клиньевъ, и водятъ нарочно эту чучелу зигзагами по всей Лифляндіи, на показъ, особенно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ начиналось движеніе въ православіе, чтобъ видѣли люди и знали, какія блага и выгоды сопряжены съ перемѣною вѣры. Много я видѣлъ такихъ и пишу съ натуры; а вотъ и слухъ, но переданный мнѣ человѣкомъ, которому я вѣрю вполнѣ, Давидомъ Баллодомъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, Латыши жаловались, что ихъ не пускали въ Ригу для присоединенія, то есть не выдавали изъ мызныхъ управленій свидѣтельствъ въ Ригу, а выдавали въ уѣздный городъ, гдѣ еще не было православнаго священника; тамъ ихъ приводили въ орднунгсъ-герихтъ и сѣкли, сѣкли больно, потомъ, вмѣсто мѵропомазанія, пачкали имъ лица дегтемъ. Кажется, впрочемъ, что это было еще во время перваго кризиса, въ 1841 году.

скажите по совѣсти, если въ виду явной стачки помѣщиковъ и пасторовъ, стращающихъ крестьянъ всевозможными карами за переходъ въ православіе, въ виду недоумѣвающей толпы, ожидающей одного слова, чтобы склониться на ту или другую сторону, именно одного слова и не принимающей никакихъ другихъ словъ ни объясненій; если, при этой въ своемъ родѣ исключительной обстановкѣ, это слово сорвется съ языка священника; если онъ скажетъ: „Да Царь желаетъ, чтобъ вы перешли въ его вѣру" — рѣшитесь ли вы осудить его и скажете ли вы, вслѣдъ за пасторами и баронами, что священникъ лгунъ, обманщикъ и эмиссаръ революціи, прикрывающій свои замыслы авторитетомъ Царскаго имени?

Мы видѣли у себя совершенно аналогическое явленіе, въ 1861 году, во время составленія уставныхъ грамотъ. Помѣщики спрашивали у крестьянъ: хотите ли вы сохранить на время всю землю, которою вы владѣете или перейти на высшій надѣлъ; хотите ли отбывать барщину, или платить оброкъ, или перейти на выкупъ? Мировые посредники читали и толковали имъ подходящія статьи Положенія, а крестьяне отвѣчали: ничего мы не беремъ и рукъ ни на что не даемъ, а будемъ ждать указа; что̀ Царь прикажетъ, тому и быть. Я знаю, что къ счастію, наши крестьяне не Латыши а наши помѣщики не остзейскіе бароны; но знаю также, что если бы правительство вздумало отнестись къ нашимъ крестьянамъ и къ нашимъ мировымъ посредникамъ съ тѣми понятіями и требованіями, какія оно примѣняло къ Лифляндіи, въ 1845 году, то половину Россіи пришлось бы отдать подъ судъ за распространеніе ложныхъ слуховъ и перетолкованіе Высочайшей воли. Прим. Ю. С.

И за что такія гоненія? За слова, за приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ городъ; за то, что не туда поѣхалъ, не въ тотъ городъ, куда мыза прописала билетъ, а въ тотъ, куда зналъ дорогу, куда ѣхать было удобнѣе или ближе. Конечно, это были только предлоги или поводы къ истязаніямъ.

А вѣдь если разобрать дѣло съ точки зрѣнія темныхъ Латышей, разобрать серьезно, то нельзя не прійти къ заключенію, что дѣйствительно было даже нѣкоторое основаніе утверждать, что не только разрѣшено, а приказано переходить въ православіе.

Основаніе къ такому заключенію дали сами пасторы и помѣщики своими происками; ибо вотъ какъ разсуждали Латыши: мы ужъ давно задумывали присоединиться къ православной церкви, еще до 1841 года, а вотъ теперь намъ говорятъ, что и въ то время дорога въ церковь была открыта для всѣхъ; но вы перегородили намъ путь, вы просто запретили намъ присоединеніе; вы насъ били и сѣкли вездѣ, на мызахъ, въ полиціяхъ, на поляхъ беверсгофскихъ, и что же?— Тѣ самые изъ нашихъ, которые въ то время желали и не могли перейти въ православіе, теперь переходятъ. Запретить намъ этого вы уже не смѣете, вы можете только мстить намъ и мучить насъ. Не ясно ли, что теперь не только дозволено, но уже и „приказано“ присоединять насъ, и вотъ мы присоединяемся, а иначе мы и теперь не могли бы исполнить своего желанія.

Дѣйствительно, обстоятельства измѣнились. Правительство настолько прозрѣло, что уже нельзя было напугать его призракомъ бунта. Отъ надежды повторить беверсгофскую экзекуцію и еще разъ показать Латышамъ русскую силу въ ненавистномъ образѣ солдата вооруженнаго палкою, пришлось отказаться. Мелкія экзекуціи на мызахъ тоже не помогали противъ общаго движенія массы. Но оставалось другое, страшное орудіе, страшное тѣмъ, что оно причиняло не временную боль, а губило окончательно, безъ скандала и шума, безукоризненно и з а к о н н о. Можно было, если не засѣчь, то р а з о р и т ь православныхъ крестьянъ; можно было, на основаніи вотчинныхъ правъ и не выступая изъ нихъ, обезземелить крестьянъ—хозяевъ, владѣльцевъ усадьбъ,

а батраковъ оставить безъ работы. Разумѣется, не нужно было слишкомъ явно высказывать настоящую, дѣйствительную причину, а на случай какого-либо запроса, имѣть въ готовности другіе, благовидные предлоги. Эта система дѣйствій примѣнена была въ широкихъ размѣрахъ, по всей Лифляндіи, и характеризуетъ гоненіе начавшееся послѣ второго кризиса и продолжающееся донынѣ. Я не стану описывать его въ подробности, и разскажу только судьбу нашего дома. Подобное тому что постигло насъ, испытали многіе.

Въ концѣ октября, или въ началѣ ноября мѣсяца 1845 года, были въ послѣдній разъ на причастіи, въ киркѣ, отецъ мой и мать моя..

Тамъ, какъ и всегда, они выслушали не то что проповѣдь, а площадное ругательство на православіе. Пасторъ говорилъ между прочимъ: „Тѣ которые валяются въ грязи, живутъ во тьмѣ, всю жизнь проводятъ въ пьянствѣ, вотъ кто выдумалъ эту запись и новую вѣру!“

По выходѣ изъ кирки, мой отецъ, ѣдучи домой, разговорился съ другими своими собратьями.

„Я знаю навѣрное—говорилъ онъ—что Сибирь тому, кто побуждаетъ или принуждаетъ къ переходу въ русскую вѣру; но Сибирь и тому, кто мѣшаетъ. Думаю, что и пасторъ и всѣ его сотоварищи и помѣщики знаютъ этотъ законъ. Странно однако, что первая половина его слишкомъ широко исполняется, а другая совершенно брошена, даже и не объявлена. Тѣ сидятъ въ тюрьмѣ, которые сговорились ѣхать вмѣстѣ въ Ригу и тамъ приняли православіе; даже ѣздившіе въ одиночку и присоединившіеся и тѣ посажены: зачѣмъ самого себя побуждаешь къ принятію православія! А тѣ, которые съ такимъ озлобленіемъ удерживаютъ народъ побоями, угрозами, ругательствами и клятвами, тѣ вѣрно чада Божія. Ихъ никто не трогаетъ; вотъ напримѣръ, хоть нашего же пастора и другихъ, до корчмаря и волостного“.

Слова эти были переданы пастору агентами его тайной полиціи. Пасторъ, сейчасъ же, написалъ письмо къ помѣщику съ просьбою присмотрѣть за моимъ отцомъ, не перейдетъ ли онъ въ русскую вѣру? По прибытіи домой, отецъ мой, въ слѣдующую же недѣлю, пошелъ на мызу, взялъ у

помѣщика билетъ на проѣздъ въ Ригу, отправился и присоединился. Въ то время (когда еще можно было присоединяться не объявляя объ этомъ впередъ вотчинной полиціи) пасторы, помѣщики, управляющіе и форминдеры рыскали повсюду разузнавая о присоединявшихся. Волостные начальники и первостатейные хозяева были всѣ въ разгонѣ— они занимались доставкою присоединявшихся въ городскія тюрьмы, связанными и подъ сильнымъ конвоемъ. Но не всегда удавалось доводить ихъ незамѣтно до этой тихой пристани. Случалось, что изъ партіи привезенныхъ въ Ригу православныхъ узниковъ, одинъ улизнетъ съ постоялаго двора; какой-нибудь русскій купецъ пропуститъ его черезъ свою лавку, на улицу, и освободившійся бѣжитъ безъ оглядки, переулками и закоулками, чтобъ какъ-нибудь ночью добраться до Баллода, О. Якова Михайлова, или самого епископа Филарета, который почти всегда бодрствовалъ. Такимъ путемъ, черезъ него, высшее мѣстное начальство узнавало о невинныхъ арестантахъ, которыхъ привозили изъ разныхъ имѣній, и на другой день, къ неописанной ихъ радости, имъ объявлялась свобода. Тутъ, въ первый разъ, узнавали Латыши или начинали догадываться, что есть на свѣтѣ правда и власть выше помѣщичьей. Видя, что грубое насиліе не всегда удается, Нѣмцы придумали новое средство. Подъ предлогомъ предупрежденія безпорядковъ отъ единовременныхъ выѣздовъ большого числа крестьянъ, они успѣли испросить распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ отправляться въ Ригу для принятія православія, не предувѣдомивъ о томъ мызнаго управленія и не получивъ отъ него билета, и чтобы ѣздили записываться въ русскую вѣру (какъ выражались въ Лифляндіи) не куда кто пожелаетъ, а именно въ тотъ городъ который прописанъ на билетѣ. Но въ то время, православные священники были далеко не во всѣхъ городахъ; они еще только приготовлялись ѣхать туда изъ Риги. Для Нѣмцевъ, тѣмъ разумѣется было лучше. Нужно было спѣшить, исполнять буквально и живо. Крестьянину прописываютъ билетъ въ Венденъ или Лемзаль, зная, что туда еще не прибылъ священникъ, приказываютъ съ билетомъ явиться въ полицію или въ ордкунгсъ-герихтъ, а тамъ—свои люди,

умѣющіе читать промежъ строкъ, зарубливаютъ на спинахъ предъявителей пестрыя отмѣтки, на память и вразумленіе, чтобъ не пропала поѣздка даромъ. А кто вздумаетъ пойти въ Ригу, вмѣсто Вендена или Лемзаля, того также пороли, за ослушаніе и неповиновеніе распоряженіямъ русскаго епископа Филарета. Видите, какіе ревнители! Преосвященный далъ предписаніе въ облегченіе Латышамъ: куда ближе или удобнѣе, туда пусть и идутъ, а не въ одну Ригу; а Нѣмцы ухитрились повернуть это такъ, что затруднили присоединеніе и подали поводъ Латышамъ усомниться въ намѣреніяхъ епископа. Притѣсненіямъ этого рода наиболѣе подвергались крестьяне проживавшіе въ уѣздахъ отдаленныхъ отъ губернскаго города; тѣмъ же, которые были приписаны къ Рижскому уѣзду, было гораздо легче присоединяться, такъ какъ они отправлялись въ Ригу. Тутъ, въ глазахъ главнаго мѣстнаго начальства и архіерея, противникамъ православія труднѣе было употреблять насиліе или грубый обманъ, а нужно было прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобъ ускользнуть отъ наблюденія и провести свой грузъ прямо въ орднунгсъ-герихтъ.

Мой отецъ былъ уже предупрежденъ въ Ригѣ; онъ зналъ, что нужно быть крайне осмотрительнымъ и осторожнымъ, даже на словахъ, и что противъ него замышляли что-то недоброе. Но на умныхъ и ловушки устраиваются похитрѣе. Такъ было и съ отцемъ моимъ. Его таки перехитрили пасторъ, помѣщикъ, управляющій, волостные и ихъ шпіоны. Дали знать, чтобъ собирались ѣхать въ Ригу за мукой. Засѣдатель самъ зашелъ на нашъ дворъ и приказалъ, чтобъ мой отецъ непремѣнно ѣхалъ самъ съ засѣдателями и другими наряженными хозяевами. Мы всѣ почуяли бѣду. Невольно поразило насъ: во-первыхъ, то обстоятельство, что на сей разъ засѣдатель не вошелъ даже въ хату, а далъ приказаніе на дворѣ, вызвавъ къ себѣ отца моего; во-вторыхъ, зловѣщею показалась намъ настойчивость требованія и не однократное повтореніе, чтобъ отецъ непремѣнно самъ ѣхалъ въ Ригу; къ этому еще было прибавлено, какъ бы въ объясненіе, что онъ наряженъ вмѣстѣ съ управляющимъ и засѣдателями подтянуть кресты въ кон-

торѣ [1]), что наша волость дѣйствительно взяла столько-то муки, не болѣе и не менѣе. Засѣдатель даже пригрозилъ, что если отецъ самъ не поѣдетъ, то помѣщикъ строго его накажетъ за ослушаніе. Все это насъ смутило и заставило пригорюниться.

Во всю дорогу, засѣдатели и управляющій обращались съ отцемъ моимъ очень ласково. Прибыли въ Ригу благополучно; въ лавкѣ, утромъ, выпили водки и отправились всѣ вмѣстѣ, какъ говорили засѣдатели и управляющій, будто бы въ контору, для отдачи мызнаго документа и чтобъ узнать откуда получить муку. Но предатели повели не въ контору, а къ заднему крыльцу орднунгсъ-герихта. Какъ только вошли туда, предсѣдатель принялъ бумагу, прочиталъ и спросилъ только: кто изъ нихъ N. N.?—Указали на моего отца. Его немедленно заковали и отправили подъ строгимъ конвоемъ въ городскую тюрьму. Какъ я сказалъ, онъ выѣхалъ изъ дому съ зловѣщимъ предчувствіемъ, но только тутъ, когда увидалъ знакомый красный околышекъ, сторожей съ ружьями, да желтыя пуговицы вицмундира, понялъ онъ, что его заманили въ ловушку и что онъ погибъ; однако онъ спросилъ у судьи: „За что меня заковываютъ? Я не знаю, мнѣ не объявлено въ чемъ мое преступленіе?“ Но судья не удостоилъ его отвѣтомъ. Товарищи и спутники его тоже молчали, но перемѣнились въ лицѣ, прежнее доброжелательство и лукавыя улыбки исчезли. Такимъ образомъ, мой отецъ получилъ, вмѣсто муки, муку.

Впрочемъ, не долго торжествовали и предатели; ихъ тоже постигла незавидная участь. Управляющаго скоро выгнали изъ имѣнія; онъ скитался по городу Ригѣ разносчикомъ, обиталъ въ шинкахъ, ночевалъ на тротуарахъ.

Старшій засѣдатель спился совершенно и окончилъ жизнь свою въ канавѣ; другой засѣдатель, при новомъ владѣльцѣ, былъ выгнанъ изъ своей усадьбы и скитается по волости и по корчмамъ, также спился съ кругу и вѣроятно кончитъ какъ его товарищъ. Подговоренный лжесвидѣтель бродитъ

---

[1]) То есть: расписаться въ полученіи, проставивъ за безграмотностью кресты. Прим. Ю. С.

по окрестнымъ мызамъ и слыветъ никуда негоднымъ работникомъ.

Лошадь нашу съ возомъ пригнали домой едва живою. Дорогой, никто ея не кормилъ; возъ навалили почти двойной, да кромѣ того, на него садились засѣдатели и кто хотѣлъ. Доѣхавъ до своего дома, засѣдатель прислалъ къ намъ своего работника съ приказомъ, чтобъ кто-нибудь изъ нашего дома пришелъ за лошадью, хозяинъ молъ остался въ Ригѣ. Это былъ для насъ громовой ударъ. Всѣ залились слезами. Мать сама пошла на мызу за лошадью, разспрашивала: куда дѣлся мужъ, за что его посадили? Обращалась то къ одному, то къ другому, но никто не удостоилъ ее отвѣтомъ. Никто ни слова не говорилъ съ нею. Только, когда уже начало смеркаться, одинъ работникъ шепнулъ ей: „Такъ приказано. Кто одно слово скажетъ тебѣ въ отвѣтъ, тотъ самъ туда же попадетъ". Мы, оставшіеся дома, хотя и плакали, однако все-таки питали надежду, что отецъ придетъ съ мызы вмѣстѣ съ матерью. Но нѣтъ! Мать пришла одна, не успѣвъ даже узнать положительно, что сталось съ ея мужемъ: хоть поминай его умершимъ.

Тѣмъ временемъ, и онъ плакалъ въ городской тюрьмѣ, смотря на православный Петро-Павловскій соборъ. Латыши уже знали, что кто попадетъ въ городскую тюрьму изъ деревни, тому ужъ не видать болѣе своихъ.—Это было дознано горькимъ опытомъ многихъ.

Въ тюрьмѣ отецъ мой нашелъ, въ числѣ другихъ право славныхъ арестантовъ, двухъ своихъ близкихъ сосѣдей: П. П. и Р. Б. и спросилъ ихъ: „Вамъ сказали, за что васъ посадили въ тюрьму?" Тѣ отвѣчали: „За то, что мы, какъ и всегда, поѣхали вмѣстѣ въ Ригу и тамъ присоединились; намъ сказали, что вѣрно мы сговорились еще дома".—Такъ вы, по крайней мѣрѣ, знаете въ чемъ васъ обвиняютъ, а мнѣ не сказали; вѣрно выдумали страшное преступленіе, что не хотятъ и объявить!" — Вспоминая о своей женѣ и о дѣтяхъ, и представляя себѣ какъ они по немъ тоскуютъ, онъ плакалъ и рыдалъ долго денно и нощно. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, у него какъ будто и слезъ не стало. Онъ исчерпалъ до дна и этотъ послѣдній источникъ утѣшенія и тогда сказалъ своимъ

товарищамъ: „Чувствую, что подступаетъ ко мнѣ предсмертная тоска... Скажите тюремному надзирателю: я умру исповѣдникомъ св. вѣры... умру не узнавъ своей вины, не видавъ своихъ лжесвидѣтелей. Скажите женѣ и дѣтямъ мое послѣднее прощаніе и благословеніе“. Это намъ передали наши сосѣди П. П. и Р. Б. когда ихъ выпустили изъ тюрьмы; они и теперь живы. — Послѣ мы узнали и двухъ лжесвидѣтелей показывавшихъ на моего отца: І. Б. и А. У.; они были подкуплены и подучены пасторомъ и помѣщикомъ; а вины моего отца мы и теперь не знаемъ; правда помѣщикъ объяснялъ ее, но все еще не вѣрится.

Послѣ уже смерти отца моего, когда мать горько рыдала у помѣщика, онъ, повидимому тронутый ея горемъ, сказалъ ей ласковымъ тономъ: „Женщина! Не сѣтуй на меня Я не виноватъ въ смерти твоего мужа, виноватъ пасторъ. Онъ мнѣ жаловался въ письмѣ, что будто бы твой мужъ, во время проповѣди, въ киркѣ, осмѣлился ему перечить; поэтому я не могъ его здѣсь оставить“. Это подлинныя слова, сказанныя моей матери г. фонъ-Б. владѣльцемъ мызы N.

Разсудите сами: можно ли этому вѣрить, а если поневолѣ приходится вѣрить, то есть ли въ этомъ обвиненіи хоть тѣнь правдоподобія? Какъ! Въ воскресный день, когда было много причастниковъ, когда кирка была полна народу, отецъ мой будто бы возражалъ пастору, а не могли подобрать и выставить болѣе двухъ свидѣтелей? Какъ разъ двухъ, не болѣе, и то еще: изъ нихъ, одинъ, кажется не былъ въ киркѣ, а потому не могъ и слышать разговора происходившаго по выходѣ изъ нея на пути къ дому. Да наконецъ, если бъ даже мой отецъ и въ самомъ дѣлѣ возразилъ пастору на его грубыя выходки противъ православія, неужели у насъ, въ Россіи, такой поступокъ можетъ считаться преступленіемъ, да еще такимъ, за которое безъ суда и слѣдствія, набиваютъ кандалы и сажаютъ въ тюрьму?

А пасторъ все тутъ, на мѣстѣ, и я, родной сынъ замученнаго имъ, долженъ съ нимъ встрѣчаться и имѣть съ нимъ дѣло. Не скажу, чтобъ это испытаніе было изъ числа легкихъ.

Мать отправилась въ Ригу отыскивать отца, а мы остались дома одни. Глядя на нее, волостные начальники гово-

рили между собою: пусть идетъ и ее посадятъ туда, гдѣ и свѣта Божьяго не увидитъ. Въ первый разъ въ жизни довелось матери быть въ Ригѣ; она не знала куда идти, къ кому обратиться, гдѣ найти проводника къ Д. Баллоду, къ епископу Филарету и въ тюрьму. Опять помогъ русскій купецъ, нашелъ Латыша проживавшаго въ Ригѣ, который, разумѣется, зналъ уже всѣ закоулки. Побывала у всѣхъ; ее утѣшили, обнадежили, осушили слезы, но не на долго.

Добралась и до тюрьмы. Здѣсь нашла она много подобныхъ ей горемыкъ, которымъ угрожало преждевременное вдовство. У каждой изъ пришедшихъ тюремный надзиратель спрашивалъ: кого желаетъ видѣть изъ заключенныхъ, а самъ смотрѣлъ въ списокъ; дошла очередь и до матери. Тюремный смотритель объявилъ ей, что она не можетъ быть допущена къ мужу, а другихъ женъ пустили въ тюремный замокъ, поговорить 5 минутъ въ корридорахъ съ мужьями, въ присутствіи надзирателя. Мало того, часовому было приказано прогнать мою мать отъ дверей тюрьмы. Она сѣла на крыльцѣ Петро-Павловскаго каѳедральнаго собора и уставила глаза въ тюремныя окна, изъ которыхъ выглядывало, сквозь рѣшетки, множество латышскихъ физіономій.

Наконецъ, форточка открылась и мать услышала желанный голосъ ее подзывавшій. Она соскочила съ крыльца и подошла къ тюрьмѣ: „Учи дѣтей! Пусть обо мнѣ не плачутъ. Я еще живъ! Поспѣши сама присоединиться и дѣтей присоедини. Правь домомъ, ка́къ слѣдуетъ"... Тутъ, къ ужасу, эта проповѣдь православія выходившая изъ тюремнаго окна. какъ-то коснулась слуха надзирателя; онъ крикнулъ на часового и на отца;—форточка тотчасъ закрылась и послѣднее свиданіе прекратилось. Мать сѣла опять на паперти собора и уставила глаза въ ту же сторону; но тюремный надзиратель и тутъ не оставилъ ее въ покоѣ, а велѣлъ солдату прогнать ее въ шею, хотя на этой же паперти преспокойно сидѣли и стояли нищіе—въ это время кончалась въ соборѣ литургія.

Черезъ недѣлю мать опять отправилась въ Ригу.—Баллодъ, въ то время уже діаконъ, о. Михайловъ и самъ преосвященный Филаретъ обнадежили ея и другихъ, что въ скоромъ

времени всѣ будутъ выпущены, а нашъ отецъ—непремѣнно. Но, не смотря на эти повидимому благопріятныя извѣстія, сердце у матери моей замирало, чуя что-то недоброе. Можетъ быть на нее дѣйствовалъ и видѣнный ею передъ этимъ зловѣщій сонъ, будто бы она ѣла хорошій, сухой горохъ, и должна была таскать тяжелые мѣшки — горохъ означаетъ у насъ слезы, а мѣшки—покойниковъ. Собравъ послѣднія свои силы, она поплелась къ знакомому собору и, на колѣняхъ, стала упрашивать тюремнаго сторожа пустить ее къ мужу обмѣняться не болѣе какъ парою словъ и передать ему лубошку творогу. Доложили надзирателю и вышелъ приказъ, что теперь уже можно ее пустить, но предварительно хорошенько перещупавъ ее и отобравъ у нея всѣ вещи. Явился самъ надзиратель и сказалъ ей въ упоръ съ пріятною улыбкой: „Твой мужъ умеръ. Хочешь его видѣть?"

Повели ее въ какой-то подвалъ; тамъ лежало на кирпичномъ, засоренномъ полу нѣсколько труповъ мужчинъ и женщинъ. Это мѣсто было страшное и видомъ и запахомъ. Надзиратель, отворивъ дверь, сказалъ: „Тутъ и твой мужъ! Разыскивай сама!"—Мать узнала его, и кинулась съ неимовѣрной быстротой на совершенно обнаженное тѣло. Только и было при немъ что гнилое полѣно подъ головой. Лицо и животъ были покрыты красноватыми пятнами, челюсти были судорожно сжаты; какая-то красноватая пѣна сочилась изо рту. Обезумѣвшая мать впилась въ него, цѣловала руки и ноги, звала его, спрашивала; но онъ молчалъ. Видно, все что намъ нужно было отъ него услышать, было сказано въ тюремную форточку. Бывшіе съ нимъ вмѣстѣ сосѣди наши передали намъ, что онъ долго лежалъ, крѣпко сомкнувъ уста: когда докторъ поднесъ ему ложку лѣкарства, онъ не хотѣлъ принимать—однако принялъ одну и сказалъ: „Теперь довольно". Ему хотѣли вторично открыть ротъ, но не могли; тогда докторъ брызнулъ ему чѣмъ-то въ глаза, и черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Насильно оттащили мать мою отъ покойника; она очнулась уже на улицѣ, куда часовой вытолкалъ ее изъ тюрьмы, пригрозивъ ей прикладомъ.

Съ трудомъ добрела она до архіерейскаго дома. Преосвя-

щенный Филаретъ принялъ ее по прежнему ласково. Этотъ добрый, сострадательный архипастырь, выслушалъ печальный разсказъ ея, разспросилъ обо всемъ, до малѣйшей подробности: какъ велико семейство, въ какомъ положеніи хозяйство, есть ли такой, который бы могъ помогать, править домомъ, отбывать повинности, есть ли долги и сколько? Спросилъ также: долго ли намѣрена она пробыть въ Ригѣ и есть ли на что похоронить мужа? Мать сказала, что пріѣхала провѣдать мужа, не зная о его кончинѣ, поэтому и не думала брать съ собою ни покрывала, ни простыни, а денегъ маловато. Преосвященный пошелъ искать денегъ и нашелъ у себя не болѣе пяти рублей, извинился что мало и спросилъ: довольно ли будетъ? Мать поблагодарила и сказала, что достаточно.—„Да! у тебя вѣдь четыре сына? Одного изъ нихъ я возьму въ школу, а именно—втораго К...а". Взялъ перо: записалъ и сказалъ „Можетъ быть онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ. Училище, которое скоро откроется, будетъ духовное. Изъ Латышей я еще девять возьму, кромѣ твоего сына, и постоянно буду принимать; тамъ не нужно будетъ ничего платить; все будетъ готовое. Если окажутъ успѣхи, сынъ твой и другіе удостоятся священства".—Затѣмъ, онъ благословилъ мать мою и обратился къ другимъ посѣтителямъ. Тутъ были люди всякаго разбора, Латыши и Эсты, ограбленные, избитые. Иной снималъ съ себя, страшно морщась, свою одежду и показывалъ издали свою изсѣченную, окровавленную спину. Эти пріемы у преосвященнаго походили на выставку всякаго рода истязаній и мукъ. Сколько тутъ было заботъ и труда архипастырю! Всѣмъ нужно помочь, дать совѣтъ и притомъ—одному, съ однимъ только письмоводителемъ. Онъ не зналъ, что такое отдыхъ, работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера, обѣдалъ когда удосуживался, часто ничего не ѣлъ кромѣ просфоры и промачивалъ чаемъ свое засыхавшее горло. Я самъ видѣлъ его комфортъ: кожаная лежанка, простой столикъ, огромная кипа бѣлой и исписанной бумаги, чернильница, песочница и на краю стола стаканъ чаю. Тутъ онъ и почивалъ и работалъ своею изсохшею, усталою рукою.

На пожертвованные имъ 5 р. мать купила простыню, рубашку, сама одѣла покойника—изъ тюрьмы дали лошадь,

потащилась одна за гробомъ, изъ четырехъ необстроганныхъ досокъ, и похоронила сама, не зная на которомъ кладбищѣ, безъ христіанскаго обряда, этого новаго исповѣдника. Она пріѣхала домой полуживая и привезла намъ въ утѣшеніе рубище нашего отца, въ которомъ мы его проводили изъ дому; эти остатки ей удалось выпросить у тюремнаго начальства. Привезла на рукахъ, какъ теперь помню: шинель сѣраго, грубаго сукна, полушубокъ изъ разныхъ шкурокъ, сѣраго же сукна жилетъ, новыя, на дорогу сдѣланныя пасталы (лапти) изъ сырой кожи. Все это мать разложила, какъ драгоцѣнность, на кровать свою и сказала: „Вотъ вамъ, мои милые, вашъ отецъ!“ Мы всѣ кинулись къ кровати, обступили ее и намъ казалось будто мы видимъ въ этой знакомой одеждѣ самого отца. Въ домѣ поднялся плачъ и стонъ:—это было единственное отпѣваніе добраго и примѣрнаго труженика, неутомимо работавшаго всю жизнь свою и заработавшаго себѣ мученическую смерть въ этой юдоли плача, въ этомъ плѣну вавилонскомъ, въ этомъ проклятомъ раю лифляндскомъ, у входа въ который поставленъ Россіею не ангелъ, а Нѣмецъ.

Миръ праху невѣдомаго страдальца! Не онъ былъ первый и не онъ послѣдній!... Черезъ нѣсколько дней, мать отправилась на мызу къ помѣщику, поговорить съ нимъ на счетъ нашего житья въ слѣдующемъ 1846 году. Нельзя было медлить, такъ какъ уже близка была пора для найма работниковъ. Помѣщикъ принялъ ее очень ласково, утѣшилъ вышеприведенною рѣчью, свалилъ всю вину въ смерти ея мужа на пастора и сказалъ ей: „Живи спокойно. Я тебя не сгоню съ усадьбы. Твой мужъ мнѣ не долженъ ни гроша, у тебя хорошій зять. Онъ можетъ быть тебѣ за хозяина и опекуна. Онъ человѣкъ честный; вотъ уже второй годъ служитъ мнѣ овинщикомъ и я его люблю. Будь спокойна!“ Вскорѣ послѣ этого, пасторъ объявилъ, что будетъ прослушивать (допрашивать) дѣтей. Всѣ собрались въ корчму. Пасторъ опять началъ съ притчей и намековъ все противъ русской вѣры, русскаго духовенства и всего русскаго. Многіе ему возражали, въ томъ числѣ и мать моя. Между прочимъ, прямо спросила у него: за что онъ погубилъ ея мужа и нашего

отца? Онъ замялся, сконфузился и не придумалъ въ свое оправданіе ничего лучшаго какой-то притчи на тему: кто больше и дальше видитъ, тотъ ли, кто стоитъ на горѣ, или кто стоитъ внизу?—Это былъ не отвѣтъ на вопросъ, а пустая отговорка. Послѣ этого, что ни скажетъ пасторъ, бабы перебивали и сбивали его; онъ краснѣлъ, досадовалъ, но очень злиться не смѣлъ, чтобъ не раздражить женщинъ, которыя еще были всѣ лютеранки. Наконецъ, онъ сѣлъ и началъ вызывать дѣтей, но вмѣсто испытанія, онъ задавалъ всѣмъ одинъ вопросъ: въ какой вѣрѣ они хотятъ жить и умереть? Первымъ былъ вызванъ мой старшій братъ. Мы уже всѣ знали, что пасторъ, а не кто другой погубилъ нашего отца; тѣмъ не менѣе, онъ прикинулся ласковымъ и кроткимъ, сталъ слегка трепать брата по щекамъ и спросилъ у него: „Ну что, милое дитятко, ты ужъ конечно останешься въ своей прадѣдовской, святой, лютеранской вѣрѣ?"—Но братъ уклонился отъ ласки и отвѣчалъ наотрѣзъ: „Нѣтъ! Я хочу умереть въ той вѣрѣ, въ которой умеръ мой отецъ".—Пасторъ оттолкнулъ его отъ себя, разсвирѣпѣлъ и закричалъ: „Прочь! къ черту, на погибель, въ адъ!"—Въ толпѣ поднялся смѣхъ, а мать поскорѣе взяла брата подъ руку, и увела домой. Вотъ, подумали мы, новый поводъ къ гоненію; погубилъ отца, не пощадитъ и дѣтей.

Полагаясь на слова помѣщика, мы однако жили спокойно. Зять взялся за хозяйство, работалъ и распоряжался какъ отецъ. Подошла весна. Тутъ слышимъ: новый хозяинъ, а не зять, подряжаетъ работниковъ на нашу усадьбу. Мать пошла къ помѣщику, но тотъ не допустилъ ея до себя; пошла спросить у волостныхъ засѣдателей, что бъ это могло значить и сослалась на обѣщаніе помѣщика. Ей отвѣтили съ презрительной усмѣшкой: помѣщикъ тебѣ отказалъ, и остается тебѣ убираться вонъ и больше ничего. Мать поспѣшила въ Ригу, къ преосвященному Филарету; тотъ препроводилъ ее при запискѣ къ генералъ-губернатору Головину. Генералъ-губернаторъ, выслушавъ мать, сказалъ ей: „Ступай домой, тебя не смѣютъ выгнать". Пріѣхала домой, а пасторъ ужъ объявилъ съ каѳедры, что въ мызѣ N., на нашей усадьбѣ, въ такой-то день, будутъ продаваться съ торговъ лошади, ско-

тина, земледѣльческія орудія и разная домашняя утварь. Мать опять отправилась въ Ригу, къ генералъ-губернатору, который вторично ее обнадежилъ и сказалъ: „По твоему дѣлу бумага уже послана въ приходскій судъ“. Мать сказала на это, что пасторъ въ киркѣ, съ каѳедры, ужъ объявилъ аукціонъ—„Не будетъ никакого аукціона; они не могутъ этого сдѣлать, живи спокойно“—сказалъ генералъ-губернаторъ, и приказалъ послать вторую бумагу. Когда мать вернулась домой, она уже не нашла ничего; все было пусто, все продано, всѣ амбары и клѣти взломаны, замки и запоры отбиты. Мать опять поѣхала въ Ригу. Генералъ-губернаторъ пожалъ плечами и сказалъ: „Я этого дѣла такъ не оставлю, не выходи изъ усадьбы“. На сей разъ, по возвращеніи, мать и дѣтей своихъ уже не нашла на старыхъ пепелищахъ. Съ мызы прислали работниковъ, и насъ, со всѣмъ скарбомъ, отвезли къ одному хозяину, подлѣ большой дороги, побросали все, въ старый, когда-то бывшій сарай, но уже по ветхости не занятый ничѣмъ; туда насъ загнали: меня, другого брата 7-ми, и третьяго 5-ти лѣтъ; старшій братъ былъ отданъ матерью къ кузнецу, съ которымъ сговорился еще отецъ.

Хороша была и старая наша квартира, но эта куда лучше. Въ ней, когда то, хозяинъ сберегалъ мякину, потомъ, давно уже ее забросилъ; иногда только ночевали въ ней свиньи и хозяйская собака, да сами хозяева заходили въ ненастную погоду, по своей надобности. Но, благодареніе весеннему вѣтру! онъ успѣлъ уже осушить что было понеприличнѣе и приготовилъ квартиру къ нашимъ услугамъ, правда—безъ дверей, безъ фундамента, съ нѣсколькими охабками гнилой соломы, съ поломъ покрытымъ толстымъ слоемъ навозу разнаго рода, безъ печки, словомъ: въ родѣ италіанской гостиницы. Соръ и навозъ намъ пригодились на постель, хоть и незавидную, но все же лучше голой и мокрой земли. Поплакали, закусили черствымъ хлѣбомъ, напились какъ цыплята прямо изъ лужи, свалили навозъ въ одинъ уголъ, легли прижавшись другъ къ другу въ кучку, покрылись, заснули и проспали всю ночь сномъ праведника. У матери отняли лошадь, на которой она ѣздила въ Ригу. Помѣщикъ

взялъ ее къ себѣ на мызную конную мельницу; тамъ, цѣлый годъ, на этой лошади мололи, потомъ ее продали, а денегъ намъ не отдали... Вотъ какого рода мірскія выгоды пріобрѣтались переходомъ въ православную вѣру. Это ужъ не слова, не обѣщанія, не посулы, а факты совершавшіеся въ виду всѣхъ. Выводы изъ нихъ и пояснительные къ нимъ комментаріи излагались въ киркахъ, съ каѳедръ, и на мызныхъ дворахъ.

Не понять эту проповѣдь, подкрѣпленную такими осязательными доказательствами, и не распознать по нимъ гдѣ были выгоды и гдѣ невыгоды—было довольно трудно.

Вскорѣ по прибытіи матери моей изъ Риги, ее потребовали въ приходскій судъ... Но не довольно ли, и нужно ли продолжать этотъ разсказъ?

Индрикъ Страумитъ.

Послѣсловіе.

Надѣюсь, что авторъ будетъ продолжать; а между тѣмъ, позволю себѣ обратиться съ двумя словами къ читателю.

О движеніи Латышей изъ лютеранства въ православіе мы много разъ читали, по крайней мѣрѣ слышали, сужденія, отзывы и разсказы лютеранскаго духовенства, лютеранскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ (большею частью также лютеранъ) и изрѣдка православныхъ священниковъ (въ мало распространенныхъ духовныхъ журналахъ). Въ первый разъ услышали мы теперь голосъ Латыша, одного изъ тѣхъ, которые пережили въ своей совѣсти тяжелый кризисъ 1841—1845 годовъ и на себѣ самихъ испытали ближайшія его послѣдствія.

Можетъ быть, читатель подумаетъ, что именно по этой причинѣ, авторъ не можетъ относиться безпристрастно къ дѣлу; положимъ, но во-первыхъ, онъ относится къ дѣлу съ полнымъ знаніемъ дѣла, какъ экспертъ, разумѣя въ этомъ случаѣ, подъ дѣломъ тѣ внутреннія побужденія, которыя влекли Латышей въ православіе. Во-вторыхъ, есть ли достаточныя причины предполагать большее безпристрастіе въ сужденіяхъ тѣхъ свидѣтелей того же событія, которымъ мы повѣрили на слово, и вѣримъ до сихъ поръ? Я разумѣю лютеранское духовенство, терявшее съ присоединеніемъ бывшей своей паствы къ православію не только свои доходы, но и свою raison d'être, и лютеранское помѣстное дворянство,

прямо заявлявшее, что послѣдняя, нравственная связь его съ народомъ обрывалась.

Скажутъ еще, что это не объективное изображеніе дѣйствительности, не документальное свидѣтельство, на которое бы можно было ссылаться какъ на доказательство, а случайный наборъ личныхъ впечатлѣній, свидѣтельствующихъ только о темпераментѣ повѣствователя. Къ чему, напримѣръ, такъ подробно и съ такимъ паѳосомъ описывать какую-нибудь зимнюю облаву и ставить ее въ одинъ рядъ съ дѣйствительно жестокими истязаніями, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ или жертвою? Точно, это не болѣе какъ личныя воспоминанія; и потому ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что иногда происшествія воспроизводятся авторомъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ не столько ихъ сравнительной важности, сколько тому впечатлѣнію, которое они произвели на него въ былое время, напримѣръ, когда его, тринадцатилѣтняго мальчика, въ добавокъ плохо обутаго и голоднаго, высылали гонять зайцевъ по лѣсамъ и болотамъ. Но что же изъ этого? и можетъ ли такой недостатокъ, бросающійся всякому въ глаза, притомъ почти неизбѣжный въ частныхъ запискахъ, ввести кого-нибудь въ заблужденіе?

Пожалуй есть недостатки болѣе существенные. Тамъ гдѣ авторъ, не ограничиваясь простою передачею того что онъ видѣлъ и слышалъ, вдается въ объясненія (наприм. говоря о порядкѣ отбыванія рекрутской повинности) онъ иногда принимаетъ злоупотребленіе за законъ, а иногда наоборотъ—законъ за злоупотребленіе. Но все-таки, практику онъ передаетъ вѣрно—это главное; а неточности въ объясненіяхъ доказываютъ только, что онъ смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія крестьянъ, которые, по его же свидѣтельству, рѣшительно не знали, чего отъ нихъ требовалъ законъ и потому не были въ состояніи отличать легальное отъ произвольнаго.

Я готовъ пойти далѣе и сдѣлать широкія уступки господствующимъ у насъ понятіямъ. Предположите, что авторъ наложилъ на свою картину слишкомъ густыя тѣни, и что иное происшествіе, котораго онъ самъ свидѣтелемъ не былъ, попало въ нее въ томъ преувеличенномъ видѣ, въ какомъ оно

донеслось до него на крыльяхъ народной молвы; отбросьте даже совсѣмъ то, что покажется вамъ невѣроятнымъ и натянутымъ; скиньте на личное раздраженіе автора сколько хотите процентовъ; затѣмъ, соберите мысленно все остальное, сосредоточьте въ себѣ ваши впечатлѣнія и рѣшите про себя: слышна ли въ разсказѣ правда, и гдѣ ея больше—въ тѣхъ ли комментаріяхъ, къ которымъ вы давно прислушались въ петербургскихъ гостиныхъ, и которые теперь печатаются за границей для раздраженія нѣмецкой публики, или въ безыскусственномъ повѣтствованіи Латыша, съ которымъ вы теперь случайно столкнулись? Этотъ страшный итогъ высчитанныхъ имъ обидъ, оскорбленій, ругательствъ и истязаній, что это?—бредъ ли больного воображенія, или можетъ быть злонамѣренная клевета, или горькая дѣйствительность, носящая въ себѣ самой неотразимое свидѣтельство своей подлинности?

Мнѣ кажется, что послѣдняго нельзя не признать.

Когда зашевелилась Лифляндія, лютеранское духовенство поспѣшило заявить, что въ движеніи массъ не было и тѣни религіозной потребности, и что онѣ искали не новой вѣры, а только и исключительно мірскихъ выгодъ. Дворянство прибавило, что это бунтъ, и что поэтому нужны не священники съ крестами, а казаки съ нагайками. Все дѣло объяснялось подговорами, подкупами, дѣйствіями какихъ то эмиссаровъ и чьихъ-то агентовъ. Въ этомъ смыслѣ доносилъ покойному Государю тогдашній генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, то же повторялъ графъ Бенкендорфъ; этому, наконецъ, повѣрилъ и вѣритъ до сихъ поръ весь Петербургъ [1]).

---

1) Кстати привести здѣсь отрывокъ изъ неизданнаго дневника покойнаго лифляндскаго ландрата Самсона, подъ 2 мар. 1846 года: „Депутація отъ лифляндскаго дворянства (вызванная въ Петербургъ для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ): фонъ-Лиліенфельдъ, баронъ Нолькенъ, фонъ-Эгтингенъ, Самсонъ фонъ-Гиммельстіерна (авторъ дневника) и баронъ Фелькерзамъ были представлены Государю Наслѣднику (нынѣ Императору) ген.-губерн. Головинымъ. Пріемъ былъ самый снисходительный и милостивый. Государь Наслѣдникъ сказалъ намъ: въ томъ, что вы слышали отъ Государя Императора, заключается такое признаніе давнишнихъ заслугъ дворянства на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, такая увѣренность въ продолженіи того же отличнаго его расположенія, что вы провинились бы даже передъ лифляндскимъ

Ясно ли теперь, что все это несостоятельно и придумано pour les besoins de le cause, то есть для замаскированія правды? что въ сороковыхъ годахъ, въ Лифляндіи, разыгрывалась не мелкая, подпольная интрига, а одна изъ тѣхъ историческихъ драмъ, которыхъ значеніе, для современниковъ, привыкшихъ вращаться въ области анекдотовъ, сплетень и осязательныхъ, на поверхности лежащихъ причинъ, почти всегда остается неразгаданнымъ, частью потому что оно умышленно затемняется и перетолковывается лицами и пар-

дворянствомъ, если бы дали въ себѣ мѣсто малѣйшему сомнѣнію или безпокойству. Вѣрность Государя Императора вашимъ привилегіямъ и вашимъ учрежденіямъ (des Kaisers Treue gegen unsere Rechte und Verfassung) и участіе имъ принимаемое въ вашемъ благосостояніи перейдутъ ненарушимо, по наслѣдству, ко мнѣ и къ моему сыну. Вамъ нечего опасаться, даже при тѣхъ треволненіяхъ (Zerwürfnisse), которыя вызваны были стремленіемъ поселянъ къ переходу въ греко-россійскую церковь; къ тому же, можно надѣяться, что эти треволненія найдутъ скорый и удовлетворительный конецъ. Правительство не можетъ воспротивиться переходу отдѣльныхъ лицъ (der einzelnen) и ограничится принятіемъ ихъ (въ православную церковь).—Государь Наслѣдникъ очень удивился, когда узналъ..... (пропускъ въ текстѣ). Наше заявленіе, что всякая нравственная связь между помѣщиками и крестьянами неминуемо порвется, если послѣдніе перейдутъ въ другую вѣру, и что, къ сожалѣнію, новообращенные, по всей вѣроятности, составятъ не болѣе какъ новую секту и останутся безъ всякаго наставленія въ вѣрѣ — эти слова, повидимому, произвели на Государя Наслѣдника глубочайшее впечатлѣніе. Генералъ-адъютантъ Веймарнъ разсказывалъ впослѣдствіи, что великій князь, тотчасъ послѣ свиданія съ нами, обнаруживалъ на бывшемъ смотру видимое безучастіе и какую-то сосредоточенность въ себѣ самомъ, чего, въ то время, никто себѣ объяснить не могъ; что черезъ день, великій князь навѣстилъ его (Веймарна), говорилъ съ нимъ о происходившемъ свиданіи съ нами и выражался съ глубокимъ прискорбіемъ о разрывѣ нравственной связи между помѣщиками и крестьянами, равно какъ и о заявленномъ опасеніи какъ бы поселяне, съ переходомъ въ другую церковь, не лишились наставленія въ вѣрѣ, которымъ они прежде пользовались, и къ которому привыкли. — Государь Наслѣдникъ разспрашивалъ насъ еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ къ тому же предмету относящихся и, между прочимъ, сказалъ отъ себя, что безъ всякаго сомнѣнія были при этомъ какіе-нибудь агенты, которые сбили съ толку (bethört—буквально: одурачили) крестьянъ въ такой значительной массѣ, и что удивительно только какъ не удалось ихъ выслѣдить. Затѣмъ, Государь Наслѣдникъ, съ видимымъ участіемъ и плѣнительною благосклонностью, повторилъ намъ прежнія, ободрительныя слова свои и отпустилъ насъ, пожавъ на прощаніе руку ландмаршалу Лиліенфельду".

тіями, находящими въ этомъ свой интересъ, частью же потому, что для оцѣнки этого рода крупныхъ явленій, обыкновенная оффиціальная терминологія не даетъ ни подходящихъ мѣрилъ, ни готовыхъ опредѣленій.

Всмотримся ближе въ ходячія объясненія, которыми мы до сихъ поръ удовлетворялись.

„Все было дѣломъ подговора и подкупа“.—Значитъ все было сдѣлано православными священниками (которыхъ было въ краѣ пять или шесть человѣкъ) или агентами правительства (вѣроятно тоже православными), о которыхъ само

Точность передачи этого свиданія остается на отвѣтственности автора; съ своей стороны, я могу только засвидѣтельствовать, что весь разговоръ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, тотчасъ же сдѣлался извѣстенъ въ Ригѣ, обѣжалъ всю Лифляндію, и что при этомъ поспѣшили довести до свѣдѣнія крестьянъ, присоединившихся къ церкви, или изъявившихъ желаніе присоединиться, что Государь Наслѣдникъ не вѣритъ въ искренность ихъ побужденій. Это я слышалъ отъ православныхъ священниковъ которые въ свою очередь слышали отъ крестьянъ, да и не могли узнать другимъ путемъ.

Теперь, въ виду современныхъ обстоятельствъ, то что въ 1845 году, дѣйствительно, должно было представляться страннымъ и загадочнымъ, кажется, объясняется довольно просто. Въ самомъ дѣлѣ, польскія и венгерскія газеты ежедневно свидѣтельствуютъ о цѣлыхъ легіонахъ агентовъ русскаго правительства, будто бы шныряющихъ по всѣмъ славянскимъ землямъ, и о массѣ разсыпаемыхъ тамъ же рублей; а между тѣмъ, ни одного изъ этихъ агентовъ полиціи до сихъ поръ не удалось накрыть. Не по той же ли самой причинѣ и лифляндская полиція (состоявшая и состоящая исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, которые такъ боялись за свою нравственную связь съ народомъ) не могла выслѣдить ни одного изъ тайныхъ эмиссаровъ, будто бы подбивавшихъ крестьянъ къ перемѣнѣ вѣры?

Приведенный въ буквальномъ переводѣ отрывокъ изъ дневника ландрата Самсона обнародованъ издателемъ Livländ. Beiträge (B. I. Beit. 2. S. 133—134 Anmerk.) и оканчивается слѣдующею замѣткой самого издателя: „Кстати о Веймарнѣ, весною 1845 года, оба доблестные брата, Фердинандъ и Петръ фонъ-Веймарны, оба генералъ-адъютанты, оба отличавшіеся мужественнымъ заступничествомъ за дѣло германизма и протестантства въ Лифляндіи, одинъ вскорѣ послѣ другого (какъ значится въ дневникѣ) умерли внезапною смертью—отъ русскаго яда (an russischem Gifte), какъ разсказывали въ то время и вѣрили всѣ“.—Вотъ какъ пишется для современной Германіи и въ какомъ видѣ передается потомству новѣйшая исторія Россіи лифляндскими нашими согражданами и вѣрноподданными Русскаго Государя—die loyale Ritterschaft. Правда, что они отлично служатъ и потому, повидимому, многое могутъ позволять себѣ.

правительство ничего не знало. Я допускаю на минуту это предположеніе, становлюсь на указанную точку зрѣнія и спрашиваю: а чѣмъ же объясните вы широкое и быстрое распространеніе, въ той же Лифляндіи, гернгутерства—это отпаденіе лучшихъ изъ крестьянъ отъ лютеранской церкви, предшествовавшее переходамъ въ православіе, и которымъ это послѣднее явленіе было подготовлено? Кѣмъ, на чьи деньги, сдѣлана была эта попытка своего рода реформаціи снизу, въ средѣ самого лютеранства? Какого рода обѣщаніями и посулами подбивались Латыши къ образованію изъ себя такъ называемыхъ духовныхъ братствъ? Неужели и въ этомъ случаѣ дѣйствовали агенты правительства? Неужели православное духовенство проповѣдывало и гернгутерство? Неужели и въ этомъ движеніи не было никакихъ слѣдовъ религіозной, духовной потребности, напрасно искавшей себѣ удовлетворенія въ вымершемъ организмѣ оффиціальнаго лютеранства? А вѣдь развитіе гернгутерства, непосредственно связанное съ переходомъ въ православіе, такой фактъ, о которомъ могли благоразумно умалчивать генералъ губернаторы баронъ Паленъ и князь Суворовъ, въ своихъ донесеніяхъ, и дворянскіе депутаты, въ своемъ разговорѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, но котораго все-таки нельзя отрицать. Скажите еще: какими искусственными возбужденіями объясняется развитіе въ той же народной массѣ, и преимущественно въ Курляндіи (до которой православное духовенство не касалось), другой секты, анабаптизма, быстро плодящагося въ настоящее время и отличающагося рѣдкимъ озлобленіемъ противъ кирокъ и пасторовъ, по свидѣтельству самихъ балтійскихъ газетъ? [1]) Тутъ кто агитируетъ, подкупаетъ и соблазняетъ?

„Переходившіе въ православіе побуждались житейскими расчетами, ожиданіемъ выгодъ, надеждою получить землю, зажить лучше—стало быть убѣжденіе было не при чемъ, и

1) Наприм. въ корреспонденціи изъ Митавы (Рижск. Газета 1867, окт. 5. № 231), мы читаемъ: Въ какую бы сторону мы ни оглянулись вездѣ мрачно и опасно; въ деревняхъ свирѣпствуютъ баптисты противъ нашихъ церквей и нашего духовенства (im Lande wühlen die Baptisten gegen unsere Kirchen und Geistlichkeit).

они просто продавали свою вѣру“.—Странный выводъ, и что за удивительное легкомысліе въ этомъ стало быть! Человѣкъ взятый порознь, и тотъ очень рѣдко, въ любомъ своемъ дѣйствіи, слѣдуетъ одному побужденію, всецѣло и безраздѣльно наполняющему душу; а наоборотъ, почти всегда, при нѣкоторомъ вниманіи, подмѣчаетъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ двигателей, единовременно направляющихъ его волю: это общій законъ человѣческой природы; а тутъ дѣло идетъ о цѣлой массѣ людей темныхъ, неразвитыхъ, не обладающихъ способностью внутренняго анализа, людей лишенныхъ всякой возможности отрѣшиться даже мысленно отъ своей житейской обстановки и перенестись въ область отвлеченныхъ вопросовъ; а мы не хотимъ понять, что, говоря словами автора записокъ, ихъ мучили и томили единовременно двѣ неудовлетворенныя потребности: голодъ плотской и жажда духовная. Чтобъ цѣлый народъ, самъ собою, могъ пожелать обратиться изъ лютеранства въ православіе, это намъ кажется почему-то до такой степени дикимъ и невѣроятнымъ, что мы хватаемся съ радостью за всякое другое, подвертываемое намъ объясненіе, лишь бы оно обходилось безъ участія духовныхъ инстинктовъ, и при этомъ не замѣчаемъ, что предлагаемое намъ толкованіе, которому мы добродушно поддакиваемъ, во сто разъ невѣроятнѣе. Продать свою вѣру, вѣру отцевъ и дѣдовъ, за кусокъ хлѣба или за клочекъ земли, даже за простое обѣщаніе хлѣба и земли—это какъ будто ни по чемъ. Пусть бы однако попытались, хотя бы даже и въ голодный годъ, предложить такую-же сдѣлку, не говорю уже православнымъ русскимъ крестьянамъ, но хоть бы польскимъ, ирландскимъ, татарскимъ, какимъ угодно. Отчего же вѣроотступничество въ массахъ, невозможное и немыслимое въ другихъ земляхъ, такъ легко и быстро совершалось именно въ Лифляндіи? Этотъ фактъ, самъ по себѣ, не доказываетъ ли до очевидности, что Латыши и Эсты, которыхъ ихъ господа, въ XVI вѣкѣ, даже не справляясь съ ихъ образомъ мыслей, просто перечислили за собой изъ латинства въ лютеранство, нисколько не дорожили вѣрой, навязанной имъ безъ ихъ вѣдома и не считали ея своею. На обращавшихся въ православіе мы смотрѣли какъ на лю-

дей мѣнявшихъ одну вѣру на другую, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они просто искали вѣры, какой-нибудь, и, послѣ попытки составить себѣ самодѣльную вѣру (гернгутерство) ухватились за ближайшую къ нимъ, которая пришлась имъ по сердцу.

„Они не имѣли и не могли имѣть о православіи яснаго понятія". — Да оттого-то они цѣлыми толпами и валили въ наши церкви, что, чувствуя инстинктивное влеченіе къ православію, желали узнать его и, въ то же время, очень хорошо сознавали, что ихъ пасторы умышленно старались своими клеветами и поношеніями очернить въ ихъ глазахъ русскую вѣру. — „Ясное понятіе!" Этого-то именно они отъ насъ и ждали. Или, можетъ быть, имъ слѣдовало сперва пройти курсъ богословія, а потомъ попросить тогдашняго генералъ-губернатора барона Палена, чтобъ онъ нарочно для нихъ устроилъ публичное состязаніе православныхъ богослововъ съ учеными пасторами и далъ бы имъ возможность, выслушавъ обѣ стороны и наведя нужныя справки, учинить выборъ? Вспомните: такъ ли при святомъ Владимірѣ крестилась Россія, и разспросите: такъ ли, въ настоящую минуту, въ Ковенской губерніи, балтійскіе помѣщики, скупившіе большую часть имѣній по дешевой цѣнѣ, втихомолку разводятъ въ нихъ лютеранство?

Все дѣло въ томъ, что православіе представлялось Латышамъ и Эстамъ совсѣмъ не какъ доктрина, а какъ православный людъ, въ цѣльномъ и живомъ образѣ православной Россіи, съ ея православнымъ Царемъ во главѣ. Иначе оно и не могло имъ представляться. Они потянули къ нему всѣми своими пробудившимися потребностями, нигдѣ и ни въ чемъ не находившими удовлетворенія; не одно, а многія разнообразныя побужденія, какъ подземныя струи, пробившіяся наружу и слившіяся въ одинъ потокъ, несли толпу; она просила и живой вѣры, и хлѣба, и обезпеченнаго клочка земли, и закона, въ которомъ бы она могла видѣть и почитать не переодѣтый въ мундиръ произволъ помѣщиковъ, а проявленіе верховной власти, то есть силы нравственной, свободно признаваемой, какъ бы подъ часъ она тяжела ни была. Безъ всякихъ подкуповъ и агентовъ, православная

Россія, сама того не вѣдая и даже не желая, какъ магнитная гора. тянула къ себѣ непреодолимою силою всю эту латышскую пыль, которую высокородные рыцари и спѣсивые пасторы такъ долго мѣсили и утрамбовывали своими ногами, и которая вдругъ, поднятая какимъ-то таинственнымъ вихремъ, закружилась надъ ихъ головами. Ясно ли это теперь, по прочтеніи записокъ православнаго Латыша?

Ясно ли, наконецъ, что мы не только не вышли на встрѣчу къ этому несчастному народу, который бросался въ наши объятія, а напротивъ оттолкнули его отъ себя нашимъ холоднымъ недовѣріемъ къ искренности его движенія?

Мы какъ будто испугались стремительности неожиданнаго къ намъ сочувствія, котораго мы не вызывали, и, по неумѣнію ли, по нежеланію ли на него отозваться, мы повернулись къ нему спиной и обратили свою сострадательную заботливость въ противуположную сторону. Въ то самое время какъ цѣлыя партіи такъ называемыхъ разглашателей ложныхъ слуховъ (по просту простолюдинъ, повторявшихъ общую молву носившуюся въ воздухѣ) гремя цѣпями и съ перебритыми головами, медленно двигались по лифляндскимъ дорогамъ, въ то время какъ на тамошнихъ мызныхъ дворахъ пороли подозрѣваемыхъ въ желаніи принять православіе и заставляли наказанныхъ платить за розги, въ это время, мы думали больше всего о томъ, какъ бы не порвалась нравственная связь помѣщиковъ съ народомъ. Сами-то они очень берегли ее! Впрочемъ и то сказать: кто бы въ то время былъ въ состояніи понять и кто бы могъ рѣшиться объяснить, что мы сами подрывали довѣріе этого народа къ Россіи и, упуская единственную минуту прикрѣпить его къ ней навсегда, связью дѣйствительно нравственною, добровольно отказывались отъ силы, которая сама давалась намъ въ руки....

Записки православнаго Латыша раскрыли внутреннія причины обращенія въ православіе; въ слѣдующемъ выпускѣ, я разскажу какими мѣрами это движеніе было подавлено и какимъ образомъ оно впослѣдствіи перешло въ обратное движеніе изъ православія въ лютеранство. Тутъ уже мы будемъ имѣть дѣло съ оффиціальными документами.

RÉPONSE

DE

G. SAMARINE

A UNE LETTRE ANONYME DE BADEN-BADEN

SUR SES BROCHURES

„ОКРАИНЫ РОССІИ“.

Un écrit anonyme publié à Baden-Baden sous le titre: „Lettre à Mr. Samarine sur ses brochures: „Окраины России“ m'est tombé sous les yeux il y a quelques mois. Après l'avoir lu, je trouvai d'abord inutile d'y répondre. L'auteur, plutôt que de me réfuter, ayant préféré s'en prendre à mes opinions politiques vraies ou supposées, il me semblait qu'une discussion portée sur ce terrain personnel ne serait d'aucun intérêt pour le public et n'éclaircirait en rien le sujet de mes brochures. D'ailleurs, il m'était revenu de source certaine, que même dans les provinces Baltiques — des personnes d'une honorabilité reconnue avaient manifesté hautement l'indignation que leur inspiraient les procédés de mon adversaire inconnu. C'était plus que je n'espérais et j'avais tout lieu de supposer que cette désapprobation lui venant de la part des siens, éveillerait en lui des sentiments peut-être nouveaux et suffirait pour lui faire regretter ses allures peu chevaleresques. C'était pourtant une illusion. — La brochure de Baden-Baden circule et se répand à Pétersbourg, grâce aux soins obligeants d'une main qui ne se montre pas; on dit même qu'une seconde édition (je ne l'ai pas vue) vient de paraître à Berlin. En face de cette persistance, je renonce au silence que je m'étais imposé et que des âmes charitables essayeraient peut-être de faire passer pour un aveu.

La lettre en question renferme deux explications qui n'expliquent rien, une accusation qui porte sur ce que je n'ai pas

dit et ce qu'au gré de l'auteur j'aurais dû dire, deux imputations gratuites et une insinuation que je m'abstiens de qualifier. Je vais les passer successivement en revue.

J'avais avancé, sur la foi de témoignages publics et de correspondances nombreuses venant de Riga, que les efforts réunis du corps nobiliaire et du clergé protestant des trois provinces Baltiques tendaient à germaniser en toute hâte les indigènes d'origine Finnoise et que c'était surtout l'enseignement populaire qu'on faisait servir à ce but. Là-dessus, l'auteur me reprend et me fait observer: „qu'ayant reçu l'instruction primaire, une partie des Lettois devait fatalement aspirer à l'instruction secondaire pour laquelle l'insuffisance de la langue Lettoise est positive.... qu'en choisissant l'Allemand, les habitants de race Allemande suivaient une pente naturelle.... qu'ils donnaient ce qu'ils avaient sans arrière-pensée et que l'instruction qu'ils mettaient à la portée des Lettois était greffée sur celle dont profitaient leurs propres enfants“. — Tâchons d'abord de nous entendre. Je n'ai, que je sache, ni contesté que la population rurale des trois provinces éprouvât un désir sincère (un besoin fatal, comme dit l'auteur) de s'instruire, ni poussé la naiveté jusqu'à trouver contraire à la nature des choses que des Allemands attirassent cette population dans le courant d'idées qu'eux mêmes suivent, en lui enseignant la langue dans laquelle leurs propres enfants reçoivent l'instruction. La question est ailleurs. Il s'agit de savoir si le but unique et réel de cette propagande est bien d'éclairer les masses et si de Finnoises qu'elles sont, elles deviennent peu à peu Allemandes sans qu'on le veuille, sans presque qu'on y songe, par l'effet naturel de l'enseignement qu'on leur offre, ou si c'est dans l'intention préconçue de les germaniser qu'on veut bien les instruire? J'ai entendu vanter si haut, si souvent et avec tant d'emphase, les beaux résultats qu'on obtenait dans ce dernier sens, que j'ai fini par y croire. Si par hasard j'avais été induit en erreur, en supposant une intention arrêtée là où il ne fallait voir que des gasconnades, que l'auteur s'en prenne à ses nombreux compatriotes moins bien informés ou peut-être plus indiscrets que lui. Je n'ai fait que constater les déclarations

d'origine Baltique, que je trouvais en masse dans les journaux Allemands et pour me donner raison sur ce point, on pourrait même se passer des aveux de Mr. de Bock, l'enfant terrible de la bande. Il suffirait de relire le fameux discours du révérend Walter, qui n'est ni bilieux, ni excessif, prononcé à l'ouverture de la session du corps nobiliaire en 1863. Le plan de tout un système conçu et recommandé en vue de consolider l'élément Germanique en dénationalisant les masses, cette arrière-pensée, dont mon contradicteur veut bien ignorer l'existence, s'y retrouve en entier.

D'ailleurs, ne serait-elle pas, elle aussi, une conséquence fatale de la nature de certaines choses? La colonie Allemande qui règne et gouverne dans nos trois provinces Baltiques, ne se croit-elle pas appelée à se constituer en nationalité politique? N'est ce pas là le but avoué, de ses efforts constants? Qu'on ose le nier? Or, quel degré de vitalité, et au besoin, quelle force de résistance pourrait posséder une nationalité qui n'aurait pas pour soi la masse du peuple? A quoi servirait une avant-garde qui ne suivrait pas le gros de l'armée? Quoi de plus naturel encore une fois que de tâcher de l'entraîner? Si quelque chose en effet peut étonner, ce ne sont certes pas les efforts, un peu tardifs, qu'on fait, à l heure qu'il est, pour se saisir de l'enseignement populaire comme d'un levier, c'est au contraire qu'on n'en soit venu à y songer sérieusement que depuis une vingtaine d'années. Jusques là, et avant qu une intention essentiellement politique n'ait attiré de ce côté l'attention des meneurs, on s'accommodait assez bien, et pour cause, de l'ignorance des masses—personne ne l'ignore. Mais de ce que la tendance des classes privilégiées à germaniser les Lettois n'est que naturelle au point de vue des intérêts Allemands, s'en suit-il qu'au point de vue des intérêts Russes (qui, comme l'affirme mon contradicteur, sont aussi les siens) il n'y ait qu'à s'en réjouir et à laisser faire? L'exprésident du tribunal suprême de Livonie, élu à ce poste éminent par le corps des chevaliers (Ritterschaft) de la province, malgré son caractère bilieux, passionné et excessif[1]) (singulier caractère

1) Ce sont les propres termes dont se sert l'auteur de la lettre.

pour un magistrat!) prétendait, il y a quelques mois, que la jeunesse lettrée des trois provinces s'imprègne dans les écoles qu'elle fréquente d'un sentiment d'hostilité profonde envers la Russie. Si le fait est vrai (ce que personne ne conteste) et si, comme l'affirme aujourd'hui mon adversaire anonyme, l'instruction que les habitants de race Allemande mettent à la portée des Lettois est greffée sur celle dont profitent leurs propres enfants, aurions-nous tort, nous autres Russes, de nous en préoccuper?

J'avais également constaté la résistance opiniâtre qu'oppose la population Allemande des trois provinces aux efforts du gouvernement, tendant à introduire l'emploi du Russe dans certaines branches de l'administration locale, ainsi qu'à favoriser l'étude de cette langue dans les écoles publiques. Ici, comme toujours, ne faisant qu'enrégistrer des aveux de provenance Baltique, j'avais motivé cette opposition locale par la volonté clairement exprimée de s'isoler autant que possible du reste de la Russie, afin de maintenir le pays sur le pied de poste avancé du Germanisme.

Au dire de l'auteur, je me serais encore trompé. Sans aller jusqu'à contester un fait par trop évident, il l'explique à sa manière. „Les provinces Baltiques, qui peuvent se vanter (c'est l'auteur qui l'affirme) d'avoir une magistrature intègre, redoutent les employés Russes et voient dans l'usage de la langue Allemande au sein des tribunaux, ainsi que dans les chancelleries, un mur qui les garantit contre le fonctionnarisme Russe. Cette garantie est pour elles une condition sérieuse de prospérité etc. etc“.

L'explication n'est pas neuve et je la connais de longue date. Elle possède l'incontestable mérite de renfermer à l'adresse des fonctionnaires Russes en masse une injure, qu'on ne serait pas fâché de faire accepter sous forme de justification. Ce serait faire d'une pierre deux coups et voilà pourquoi on y tient. Qu'il me soit permis de réserver pour plus tard mon opinion sur les magistrats d'origine Baltique, ainsi que sur le témoignage moins flatteur dont l'auteur se sert comme de repoussoir, pour faire ressortir leur intégrité; pour le moment, je me borne à deux observations.

Quand même l'explication serait reconnue suffisante pour justifier l'opposition que rencontre l'introduction du Russe comme langue officielle, faudrait-il encore se rendre compte du mauvais vouloir, tout aussi incontestable, à accorder à notre langue, comme simple objet d'étude, la place qui semblerait lui revenir de droit dans le système d'enseignement public. Craindrait-on par hasard, qu'un contact trop intime avec la grammaire Russe ne souillât la candeur immaculée des jeunes intelligences Baltiques, de même que l'exemple de nos fonctionnaires mettrait les vertus civiques des magistrats Livoniens à trop rude épreuve? Ou bien, une connaissance moins superficielle de notre langue, n'aurait-elle que l'inconvénient d'ôter aux champions des provinces la précieuse excuse d'ignorance pour le cas où il leur plairait de falsifier, en les traduisant, les opinions politiques de leurs adversaires Russes? L'explication n'est donc ni sérieuse, ni suffisante; en outre, elle me semble ne pas trop s'accorder avec d'autres arguments très en faveur aujourd'hui dans le camp de mon adversaire.

En effet, après tant d'efforts pour attirer sur soi l'attention de l'Allemagne, pourquoi se rapetisser à ses yeux en renonçant gratuitement au mérite d'une opposition franchement nationale et politique? Ignorerait-on que l'étranger ne lui accorde ses encouragements platoniques, que par ce qu'on la lui a vantée comme telle et qu'il a cru y reconnaître ce double caractère? Ne craindrait-on pas de voir cesser tout à coup ces applaudissements d'outre-mer, auquels on attache une si haute valeur, du moment où le public Allemand, n'apercevant plus entre les mains de ses frères le grand drapeau Germanique, viendrait à ne reconnaître pour mobile de leur résistance qu'un pauvre petit intérêt de clocher? Songez y bien à deux fois. Ou bien se réserverait-on de recourir tour à tour à deux explications contradictoires, l'une à l'adresse de l'étranger, l'autre à l'usage intérieur? Ce seraient alors comme deux voix sortant d'une même poitrine, l'une aigue et stridente pour éveiller l'Allemagne, l'autre douce et flûtée pour endormir la Russie. Ainsi, tout récemment encore, pendant que la voix flûtée reniait à Pétersbourg Mr. de Bock et repoussait toute idée de séparatisme, la grosse voix criait

à Berlin et à Augsbourg: „n'en croyez rien, c'est un faux qu'a commis le gouvernement, en nous attribuant ce que nous n'avons pas dit"? — Le procédé, quoique ingénieux, ne serait pourtant pas d'un long usage, car du jour où nous en viendrions à comparer sérieusement ce qu'on affirme ailleurs en bon Allemand avec ce qu'on rétracte chez nous en mauvais Russe ou en Français, faudrait-il bien se décider à faire un choix, se prononcer clairement et se résigner à ne plus avoir qu'un visage, une voix, une seule et unique profession de foi politique. Deux vaudraient mieux peut-être, mais que voulez-vous!

Je passe à l'accusation. Il s'agit du pêché d'omission volontaire. En parlant du droit exorbitant accordé aux propriétaires Livoniens d'expulser leurs fermiers avant terme, sous prétexte de vendre à un tiers la terre affermée ou de convertir la corvée en redevance pécuniaire, j'aurais passé sous silence les articles de la loi favorables au fermier dépossédé, qui lui accordent, soit une indemnité pécuniaire, soit le privilége d'acquérir le fond au prix le plus élevé qu'un tiers aurait offert. Rien n'est plus vrai; la loi existe et je n'en ai pas parlé! Mais avant de s'armer de mon silence pour s'attaquer à mes intentions, l'auteur aurait bien pu, ce me semble, ne pas oublier que dans mon premier travail, je m'étais borné à un aperçu général de la réforme agraire, en prenant l'engagement formel de revenir sur la question, pour la traiter à fond. J'avais pour but seul et unique de constater que le droit d'usage des paysans à une portion de la terre (Bauerland), droit établi par la législation Suédoise, confirmé et régularisée plus tard par le statut de 1804, puis violé par celui de 1819, puis rétabli en principe en 1846, a été définitivement confisqué par les dernières lois sur la conversion des corvées et la vente des terres. Si j'avais mentionné les articles que cite l'auteur et dont on s'était habilement servi pour couvrir l'odieux d'une iniquité flagrante, j'aurais dû aussi, pour rester dans le vrai, faire voir l'insuffisance de ces soit-disant compensations accordées aux fermiers et signaler la manière dont on s'y prenait sur les lieux, pour les rendre tout à fait illusoires. Mais ce sujet aurait exigé des citations et des développements, qui m'auraient fait dépasser de beaucoup les limites

de mon premier travail. Je les ai réservés pour plus tard et, comme je l'ai déjà déclaré, je reprendrai en temps opportun la question pour l'épuiser. L'auteur peut prendre note, s'il lui plaît, de l'engagement que je contracte.

Voici maintenant la première imputation. Je cite textuellement: „Vous avez pour principe en matière de propriété que le champ est à celui qui le laboure".—En d'autres termes, me voilà signalé comme communiste de la plus grossière espèce. A ce procédé courtois je n'ai à opposer qu'une simple dénégation. Non, Monsieur, je n'ai jamais ni affirmé, ni insinué, ni pensé que le travail affecté à la culture de la terre rendît à lui seul le cultivateur possesseur du sol. Je vous défie de citer une ligne, un mot prononcé ou écrit par moi pour justifier votre inqualifiable imputation et j'ajoute que pour avoir eu le triste courage, dont vous avez fait preuve en cette circonstance, il a fallu pouvoir se dire que sous le voile d'un anonyme impénétrable, on pouvait à la rigueur se dispenser de rougir. Ce que j'ai toujours dit et ce que je répète, c'est qu'en bonne législation agraire, il fallait avant tout reconnaître au paysan cultivateur et possesseur de maison (Wirth) un droit d'usage (Nutzungs-Recht) et non de propriété au bien fond qui le faisait vivre. J'étais d'accord en cela avec les législations Suédoise, Prussienne, Autrichienne et Russe; je ne faisais même que répéter, ce qu'avait proclamé en principe tout le corps nobiliaire de Livonie (qui certes n'est pas communiste) en 1803, ce qu'après bien des essais dans des voies contraires, avait reconnu de nouveau la commission nobiliaire de Dorpat en 1842, et ce qu'avait soutenu en 1846 le Baron H. de Fölkersam, gentilhomme Livonien. Bien plus, j'ai dit et imprimé, il y a nombre d'années, qu'un système de rachat facultatif ou obligatoire devait être le couronnement nécessaire de toute législation agraire; or, en bonne logique, admettre que pour devenir propriétaire d'une chose il fallait l'acheter, c'est reconnaître implicitement, qu'avant de l'avoir achetée, on ne la possédait pas à titre de propriété. Tout cela n'est que l'a b c de la question agraire, mais est-ce ma faute s'il faut y revenir sans cesse? On marche vite à reculons par le temps qui court. L'auteur ne va-t-il pas jusqu'à prétendre que reconnaître aux

paysans un droit d'usage à la terre qu'ils cultivent pour leur propre compte, quand même chacun d'eux serait le maître d'y renoncer (jamais, que je sache, personne ne l'a entendu autrement), serait un renouvellement voilé de l' „adscriptio glebae, préjudiciable à la liberté individuelle comme à la propriété“. Peut-être, en effet, un voyageur dont on aurait vidé les poches, se sentirait-il plus léger pour continuer sa route et plus libre de cette douce liberté, que depuis tantôt 50 ans on fait goûter aux paysans des provinces Baltiques?...

La seconde imputation est de la même force. En parlant de mon opinion sur le rôle politique que joue chez nous le corps nobiliaire des provinces Baltiques, l'auteur dit en terminant: „j'ai peur de devoir attribuer cela à la haine que vous avez vouée depuis longtemps à toute noblesse—haine éloquemment exprimée dans des discours qui ne sont pas oubliés“.—S'ils ne sont pas oubliés, du moins paraît-il qu'ils n'ont guère été compris. Un jour, dans une assemblée provinciale à laquelle j'assistais, un de mes collègues proposa une série de mesures motivées par un tableau repoussant, qu'il croyait fidèle, de l'abrutissement moral de notre population agricole. Je fis ce que je pus pour écarter la motion, et dans le but de faire sentir à l'assemblée ce qu'aurait d'inconvenant la discussion d'une espèce de réquisitoire dirigé contre toute une classe de notre corps social, j'essayai de faire voir, qu'en se servant des mêmes procédés, en grossissant à plaisir les défauts, en généralisant les monstruosités accidentelles, en passant sous silence les côtés lumineux, on pourrait aisément tracer une charge tout aussi fausse et tout aussi peu concluante du corps nobiliaire en masse. Il ne s'agissait pour moi que de prévenir une série de récriminations, auxquelles ce corps se serait indubitablement exposé lui-même, en permettant de discuter en pleine séance le caractère moral de toute autre classe. J'y ai réussi—si c'était faire preuve de haine, je n'hésite pas à m'avouer coupable.

Reste l'insinuation. Il plaît à l'auteur de prétendre „que j'ai mentionné avec ironie le dévouement dynastique de la noblesse des provinces Baltiques à la personne de l'Empereur“. Cette intention qu'il veut bien me supposer, dans l'espoir très-pro-

bablement que tous les lecteurs de sa lettre n'auront pas sous la main mes brochures [1]), l'amène à constater „l'existence en Russie d'un parti, qui regarde l'Empereur comme le premier valet de l'Empire et qui n'accepte ses services, qu'en attendant que les circonstances permettent à la Russie de se pourvoir ailleurs". En méconnaissant la sincérité des sentiments dynastiques, que professent les trois provinces, je donnerais en plein dans les erreurs de ce parti—mon adversaire anonyme le fait entendre—et s'il tarde encore à m'y faire entrer, c'est uniquement par ce que j'aurais déclaré dans ma préface n'être d'aucun parti.

J'avoue ne pas comprendre ce que veut dire l'auteur par „se pourvoir ailleurs"; c'est une indication voilée dont je n'ai pas le secret; peut-être l'auteur avait-il en vue des lecteurs plus avisés et qui sauront en tirer parti. Mais à travers ce réseau d'insinuations mystérieuses et de réticences perfides, j'aperçois bien une chose, c'est que l'auteur voudrait bien m'arracher un aveu de ce qu'il considère comme une hérésie politique. Je ne puis d'ailleurs que lui savoir gré de la candeur avec laquelle il laisse percer son impatience et vais au devant de ses désirs. Si, comme je le suppose, valet n'est qu'un euphémisme pour serviteur, j'accepte et signe la définition. Oui, en effet, le Souverain de Russie est à mes yeux le premier serviteur de l'Empire, serviteur irresponsable, je le sais, n'ayant à subir aucun contrôle constitué, mais pourtant serviteur, et comme tel, soumis à une puissance impalpable quoique réelle, que j'appellerais volontiers le génie national. Cet Empire, qu'il gouverne à sa guise, est bien son patrimoine, mais c'est avant tout sa patrie, comme c'est la mienne. La définition n'est d'ailleurs pas nouvelle et personne que je sache ne l'a proclamée plus haut en parole et de fait que Pierre I et feu l'Empereur Nicolas. Tous deux se connaissaient en matière de pouvoir et tous deux, en gouvernant le pays,

---

1) Je m'y bornais à demander par quel prodige de restriction mentale on parvenait à concilier ce dévouement, si hautement proclamé, avec la manière plus que légère dont on traite la volonté et les paroles du Souverain, avec le système de non exécution qui paralise sur les lieux l'action des lois par lui sanctionnées, et enfin avec les efforts incessants de la presse Baltique pour transformer une question intérieure en complication internationale.

ont toujours affirmé non pas seulement user d'un droit, mais surtout et avant tout remplir un devoir. Je n'hésite pas un instant à croire qu'ils étaient parfaitement sincères, quand eux-mêmes se nommaient serviteurs du pays et que c'est bien à ce titre, bien plus qu'en vue d'un intérêt dynastique, que tous deux lui ont voué leur labeur et leur âme. C'est aussi ce dévouement absolu à une même patrie qui constitue chez nous le lien moral, qui unit d'une manière indissoluble le souverain et ses sujets. L'histoire est là pour dire si ce lien est solide.

Je pourrais me borner à cette déclaration de principe, mais puisque l'auteur semble prendre intérêt à mes opinions politiques, je veux encore lui épargner la peine de tirer les conséquences pratiques, auxquelles aboutit ce qu'il suppose n'être chez nous que l'opinion d'un parti. S'il entrait jamais dans les vues de la Providence de laisser venir un jour néfaste, où, égaré par de mauvais conseils, le pouvoir viendrait à opposer ses intérêts dynastiques à ceux du pays, tout bon Russe se croirait en devoir, non pas de se révolter, ni même de se soustraire à l'action du gouvernement, mais bien de lui retirer sa coopération active et de vouer, à ses risques et périls, tous les efforts de son intelligence à éclairer son Souverain ainsi que son pays. Je vais plus loin et j'affirme que ce devoir, avec tous les dangers qu'il peut impliquer, est en même temps la condition morale qui, seule, rend le gouvernement monarchique absolu non seulement acceptable, mais préférable à tout autre dans des circonstances données. Telle est l'opinion d'hommes qui, j'ose le dire, se sentent libres dans leur for intérieur, quoique ne possédant aucune garantie personnelle qui puisse leur servir d'abri. Le jour dont je parle—Dieu veuille qu'il n'arrive jamais!—serait aussi celui, où le parti qui fait sonner si haut le caractère dynastique de son dévouement, se verrait fatalement poussé à redoubler de zèle pour bien signaler de fait, ce que valent des serviteurs soumis (ici le terme de valets serait peut-être plus à sa place) qui, leur intérêt personnel et local une fois bien garanti, tiennent à honneur d'exécuter les ordres du maître quand même. Ici la divergence est radicale et je ne fais que la constater. Entre ces deux genres de services le pouvoir a-t-il fait son choix? Ou les

accepte-t-il sans distinction? Ou bien se réserve-t-il de les employer tour à tour, selon les besoins du moment? ce sont là des questions sur lesquelles je suppose l'auteur bien plus à même que moi de se bien renseigner. Je sais d'ailleurs, que la théorie professée par lui ne manque pas d'arguments suffisants pour lui attirer des faveurs; je n'ignore pas non plus, que celle que je reconnais pour mienne, pourrait facilement se convertir entre les mains habiles de mes adversaires en arme offensive, dont je sentirais peut-être la pointe. Il suffirait pour cela d'un peu de cette bonne volonté qui ne leur manque jamais, de deux ou trois citations tronquées, et d'une ou deux intentions charitablement supposées. Tous ces procédés semblent familiers à l'auteur; qu'il prenne donc note de mes paroles et qu'il en fasse l'usage qui lui semblera le plus profitable à sa personne et à sa cause....

Je me suis servi d'une langue qui ne m'est pas familière; du moins, cette fois mes adversaires, s'il leur plaisait de continuer à me répondre en Français, éviteraient-ils les erreurs de traduction, comme celles déjà relevées par la Gazette de Moscou, erreurs qu'a fait commettre à l'auteur, bien contre son gré, j'en suis sûr, sa connaissance imparfaite de la langue Russe, qu'en bon Allemand des provinces Baltiques, il tient probablement à honneur de ne pas connaître à fond [1]).

G. Samarine.

Moscou,
Février 1869.

---

[1]) J'avais dit dans ma brochure, que la Russie libre à l'intérieur de suivre les inspirations de son génie national, porterait à ses frontières une liberté qui ne serait pas un mensonge (comme dans les provinces Baltiques) et y améliorerait la situation matérielle et morale des masses. Pour rendre mon idée, je m'étais servi d'un terme, qui en Russe signifie r e l e v e r et non pas s o u l e v e r, a u f r i c h t e n, mais ni a u f w i e g e l n, ni a u f h e t z e n, sur quoi l'auteur de la lettre, en traduisant mot à mot, m'accuse de vouloir m e t t r e s u r p i e d, puis de vouloir s o u l e v e r l e s m a s s e s p o p u l a i r e s, et enfin d'o u v r i r u n v a s t e c h a m p a u j e u d e s m a u v a i s e s p a s s i o n s (pages 11, 14 et 15). Que l'erreur, toute grossière qu'elle soit, ait été involontaire, encore une fois, je l'admets volontiers; mais quand on croit entrevoir des intentions mauvaises dans les écrits d'un adversaire qui signe son nom et n'émigre pas, un peu plus de réflexion serait assez de saison...

ОТВѢТЪ

Гг. БОККУ и ШИРРЕНУ

по поводу

ОКРАИНЪ РОССІИ.

„Окраинам России" не посчастливилось. Вскорѣ по выходѣ первыхъ двухъ выпусковъ онѣ подверглись у насъ строгому цензурному запрещенію, недопускавшему никакихъ изъятій; стало быть изданіемъ моимъ осталось недовольно правительство, смотрѣвшее на него конечно съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ: другой точки зрѣнія у него и быть не можетъ. Но одинаково недовольными оказались и балтійскіе агитаторы, гг. фонъ-Боккъ, Ширренъ, Экгардтъ и другіе, которыхъ можно заподозрѣвать въ чемъ угодно, только не въ доброжелательствѣ къ Россіи. Такимъ образомъ совпали въ осужденіи два воззрѣнія, повидимому неимѣвшія между собою ничего общаго и исходившія изъ побужденій, совершенно противоположныхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ долгихъ увѣщаній со стороны правительственныхъ агентовъ (обнаружившихъ въ этомъ дѣлѣ много усердія и еще болѣе политической безтактности) лифляндское дворянство, предварительно, какъ слѣдуетъ, поломавшись и поморщившись, соблаговолило наконецъ уполномочить своихъ представителей процѣдить сквозь зубы какое-то двусмысленное объясненіе (которому въ Петербургѣ придано было значеніе общественнаго отреченія отъ сепаратистическихъ стремленій г. фонъ-Бокка съ компаніею. Намъ, то есть русской публикѣ, подлиннаго объясненія не показали, но содержаніе его было обнародовано въ оффиціальномъ ор-

ганѣ [1]), изъ чего можно заключить, что правительство осталось довольно поднесеннымъ ему успокоительнымъ завѣреніемъ, найдя въ немъ именно то, чего оно домогалось, все-таки съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ.

Но и г. Боккъ, какъ кажется, не безъ основанія остался одинаково доволенъ политическимъ исповѣданіемъ своихъ земляковъ и печатно объявилъ, что онъ самъ охотно бы подъ нимъ подписался. Это второе, не менѣе курьезное совпаденіе въ одобреніи. Видно: кому какъ на роду написано; иному ничто не удается, а другіе умѣютъ угождать всѣмъ.

Причины, вызвавшія осужденіе моей книги со стороны правительства, разумѣется, остаются для меня тайною. Цензура, бракующая заграничныя изданія, не мотивируетъ своихъ приговоровъ, и потому входить съ нею въ объясненія невозможно. Иное дѣло балтійскій ржондъ народовый.

Съ этой стороны на меня посыпалось столько разнородныхъ возраженій, опроверженій, обличеній и обвиненій, что я рѣшительно не въ состояніи отвѣчать порознь всѣмъ и на все; впрочемъ, въ этомъ и не предстоитъ особенной надобности. Въ слѣдующихъ выпускахъ Окраинъ Россіи приведены будутъ документальныя доказательства главныхъ тезисовъ, только затронутыхъ въ предисловіи къ первой серіи, и простое изложеніе фактовъ, надѣюсь, послужитъ мнѣ достаточнымъ оправданіемъ передъ читателями. Я не могу однако теперь же не остановиться на нѣкоторыхъ изъ заграничныхъ публикацій, противъ меня направленныхъ; я разумѣю во-первыхъ тѣ, которыя, если бъ онѣ прошли безъ отвѣта, могли бы

---

[1]) Читатели вѣроятно помнятъ, съ какимъ комическимъ негодованіемъ заграничные органы Прибалтійскаго края встрѣтили эту публикацію. Они увидѣли въ ней оскорбительную нескромность и почти предательскій поступокъ со стороны правительства. — Какъ! мы снисходимъ на Ваши просьбы, которыми Вы намъ такъ долго надоѣдали, мы объявляемъ Вамъ на ухо, по секрету, что мы не желаемъ отторженія отъ Россіи; а Вы трубите объ этомъ на всю Европу? Что жъ послѣ этого подумаютъ объ насъ въ передней графа Бисмарка?" — Но, къ счастію, все дѣло очень скоро объяснилось и, благодаря комментаріямъ остзейскихъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ, въ передней графа Бисмарка тотчасъ же поняли, что это былъ наборъ пустыхъ фразъ, ни къ чему не обязывающихъ и заказанныхъ съ единственною цѣлью отвести глаза русскому обществу.

поколебать довѣріе публики къ моей добросовѣстности въ передачѣ чужихъ мнѣній и свидѣтельствъ, во вторыхъ тѣ, которыми я самъ имѣю причину дорожить, какъ неожиданными подтвержденіями того, что я писалъ объ Остзейскомъ краѣ, и чему многіе у насъ отказывались вѣрить Въ первомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе 2 й и 4-й выпуски II-го тома „Лифляндскихъ Вкладовъ" г. фонъ-Бокка, а во второмъ—„Лифляндскій Отвѣтъ" бывшаго профессора дерптскаго университета г. Ширрена. Самый этотъ выборъ послужитъ читателямъ доказательствомъ, что я не уклоняюсь отъ встрѣчи съ сильнѣйшими, или, по крайней мѣрѣ, съ азартнѣйшими изъ моихъ противниковъ. Съ своей стороны я постараюсь соблюсти въ отношеніи къ нимъ не только строгое безпристрастіе, но и невозмутимое спокойствіе тона. Ихъ брошюры такъ поучительны, какъ спасительныя предостереженія отъ неприличій, до которыхъ можетъ довести раздраженіе, что имѣя ихъ передъ глазами, было бы непростительно выйти изъ границъ умѣренности.

Ю. Самаринъ.

Москва 1870.

I.

Балтійскимъ публицистамъ, домашнимъ и заграничнымъ, представлялось два способа раздѣлаться съ безпокойнымъ издателемъ Окраинъ Россіи. Можно было постараться погубить его въ мнѣніи правительства, и можно было заподозрѣть его въ мнѣніи публики. Для большей вѣрности г. фонъ-Боккъ рѣшился употребить оба средства вдругъ. Это понятно: онъ пишетъ не для одной Германіи, но и для Россіи и хорошо знаетъ, что частное лице, какъ бы далеко ни стояло оно отъ средоточія власти, все же испытываетъ на себѣ, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо, послѣдствія сдѣланной противъ его имени неблагопріятной отмѣтки. При избранной моимъ противникомъ тактикѣ нужно только, чтобъ доносъ, обращенный къ правительству и доносъ, обращенный къ обществу, были между собою согласны, по крайней мѣрѣ явно бы одинъ другому не противорѣчили. Удалось ли ему соблюсти это условіе—читатели увидятъ сами изъ слѣдующаго перечня.

По словамъ г. ф. Бокка сущность или „сердцевина" Окраинъ Россіи [1]) сводится къ семи пунктамъ:

Я провожу мысль, что русское правительство распадается на два враждебныхъ лагеря, національный и антинаціональный; стараюсь доставить первому исключительное господство, а на второй нападаю съ крайнею враждебностью.

1) Der Kern des Inhalts Livl. Beitr. Band II. Liefg. 4 pag. II.

Я обвиняю „всѣхъ русскихъ Самодержцевъ, начиная съ Екатерины II, въ легкомысленной растратѣ [1]) государственной власти.

Я заявляю, „что послѣ Головина всѣ остзейскіе генералъ-губернаторы были безсмысленными, бездарными и необразованными чучелами [2]) въ рукахъ нѣмецкихъ сословій.

Я осмѣиваю преданность балтійскихъ Нѣмцевъ ихъ Монарху какъ притворное идолопоклонство [3]).

Я осуждаю Высочайшее утвержденіе докладовъ, непосредственно восходящихъ изъ остзейскаго комитета, какъ устраненіе Государственнаго Совѣта, противное національнымъ интересамъ и государственному учрежденію.

Я предсказываю, какъ почти неминуемое послѣдствіе этой безсознательной стачки между крайне хитрыми остзейскими Нѣмцами, балтійскими генералъ-губернаторами, министрами, не имѣющими въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшительнаго голоса [4]), и самимъ легкомысленнымъ (?!) Государемъ [5]), образованіе изъ Остзейскихъ губерній самостоятельнаго политическаго организма, на подобіе Финляндіи, черезъ что Россія была бы отброшена къ началу XVIII вѣка.

Я утверждаю, что можно предупредить это бѣдствіе только однимъ способомъ, а именно: положивъ конецъ Самодержавной власти Императора [6]), съ нею заодно особеннымъ правамъ вѣрныхъ ему Остзейскихъ губерній, и созваніемъ русскаго народнаго представительнаго собранія.

Словомъ: моя книга не иное что, какъ яростное нападеніе на верховную власть Всероссійскаго Самодержца [7]).

Все это, какъ видятъ читатели, писано собственно про третье отдѣленіе; но для публики, особенно нѣмецкой, этого

---

[1]) Leichtfertige Preisgebung. Livl. Beitr. II. 4. II. — [2]) Hampelmänner. Livl. Beitr. II. 6. II. — [3]) Heuchlerischer Götzendienst. Тамъ же. III. — [4]) Die im Reichsrathe nicht maasgebenden Minister. Тамъ же. — [5]) Dem leichtsinnigen Kaiser selbst. Тамъ же. — [6]) Dass der autokratischen Gewalt des Kaisers ein Ende gemacht werde. Тамъ же.

[7]) Ein wüthender Angriff auf die souveraine Gewalt des Selbstherrschers aller Reussen. Livl. Beitr. II. 6. IV.

было мало. Подвергать дѣйствія должностныхъ лицъ критикѣ, хотя бы и рѣзкой, не желать, чтобъ изъ окраины единаго государства образовалось нѣчто въ родѣ отдѣльнаго государства, не одобрять отступленій отъ общаго порядка движенія законодательныхъ дѣлъ, самою верховною властью установленнаго, наконецъ: желать конституціи (если бъ я даже дѣйствительно желалъ ея)—одни эти преступленія вѣроятно еще не заставили бы читателей отшатнуться отъ меня съ ужасомъ и, стало - быть, вторая цѣль не была бы еще достигнута. Собственно къ публикѣ, русской и нѣмецкой, г. фонъ-Боккъ обращается съ иною рѣчью. Послушайте:

Во-первыхъ, авторъ Окраинъ очень глупъ [1]).

Во-вторыхъ, въ прежнее время, состоя на службѣ, онъ былъ употребленъ въ шайкѣ негодяевъ, получавшей направленіе изъ мрака панславистическихъ клубовъ и собравшейся около вѣшателя Головина. Иначе: онъ участвовалъ въ ревизіонной коммиссіи, мѣтившей на права и на карманъ города Риги [2]).

Въ-третьихъ, онъ былъ смѣщенъ и удаленъ отъ должности княземъ Суворовымъ [3]); слѣдовательно теперь, критикуя дѣйствія послѣдняго, даетъ волю личной мести.

---

[1]) Dumm, Dummheit — этими аттестаціями пересыпаны послѣдніе выпуски Лифляндскихъ Вкладовъ. Въ одномъ мѣстѣ авторъ прямо обращаетъ ко мнѣ стихъ Гёте: «Du weisst wohl nicht, mein Freund, wie dumm du bist». (Livl. Beitr. II. 6. 472, также стр. III. предисл. 387 и др.). Въ другомъ мѣстѣ авторъ возводитъ грубость въ систему, какъ право, безъ котораго онъ не можетъ обойтись (Livl. Beitr II. 4. 268). Это ужъ дѣло личнаго вкуса и воспитанія.

[2]) Der General - Gouverneur Golovin, der Henker der Verschworenen von 1825, sammt seiner Bande, den Chanikoff, Samarin, etc.... jene nichtswürdige, aus dem Dunkel panslavistischer Clubs geleitete Bande.... (Эта шайка панславистовъ состояла изъ Ханыкова, Штакельберга, Капгера, Вульфа, Рудницкаго и меня) — Livl. Beitr. II. 4, 279, 280. Далѣе о той же коммиссіи: denn auf die Verfassung und den Beutel Riga's war es hauptsächlich abgesehen. Livl. Beitr. II. 6. 432.

[3]) Samarin, welcher 1848 durch den Fürsten Suwaroff aus der einflussreichen Stellung entfernt wurde...., welchen Fürst Suwaroff absetzte. Livl. Beitr. II. 6. 423, 424, 481. Недавно балтійскій корреспондентъ какой-то нѣмецкой газеты сообщалъ, какъ достовѣрное свѣдѣніе, что князь Суворовъ, найдя меня въ Ригѣ, обошелся со мною какъ съ роднымъ сыномъ, и что я отплатилъ ему

Въ-четвертыхъ, онъ же (авторъ Окраинъ) писалъ доносы на князя Суворова и на другихъ высокостоявшихъ чиновниковъ Балтійскаго края, за что при покойномъ Императорѣ былъ посаженъ въ крѣпость [1]).

Въ-пятыхъ, онъ агентъ правительства [2]), написалъ свои Окраины Россіи по заказу и получилъ пособіе отъ правительства [3]) на изданіе этой книги, которая однако есть не иное что, какъ яростное нападеніе на Самодержавіе, по словамъ самого г. Ф. Бокка, и которая, какъ ему вѣроятно не безызвѣстно, строго запрещена цензурою.

Наконецъ, онъ же (авторъ Окраинъ), цитуя въ переводѣ изданіе г. фонъ-Бокка, преднамѣренно искажаетъ смыслъ подлинника, иначе: дѣлаетъ подлоги [4]).

Не рискуя заслужить упрекъ въ недостаткѣ заботливости о моей репутаціи, я считаю себя вправѣ оставить всю эту дребедень безъ вниманія, кромѣ однако послѣдняго пункта, въ которомъ говорится объ искаженіи текста. На этомъ обвиненіи я долженъ остановиться не столько потому, что самъ г. Ф.-Боккъ придаетъ ему особенную важность „для характеристики моей субъективности" сколько потому, что на мнѣ лежитъ обязанность избавить читателей отъ скучнаго труда сличенія моего перевода съ подлинникомъ. Къ моему счастью, въ этомъ пунктѣ, и только въ немъ, опредѣлительность обвиненія даетъ возможность выяснить дѣло на чистоту.

Въ моихъ цитатахъ г. фонъ-Боккъ подмѣтилъ четыре

за отеческую ласку черною неблагодарностью. Не понимаю, отчего г. Ф. Боккъ кстати ужъ не подобралъ и этой черты къ моему портрету.

1) Livl. Beitr. II. 4. 276.

2) Der ganze Herr Samarin, mit all seiner hochtrabenden Unabhängigkeits-Parade, ist weiter nichts als ein Agent der russischen Regierung. Livl. Beitr. II. 6. 428. Подражая ли г. Ф. Бокку, или по собственному вдохновенію, г. Ширренъ не побрезгалъ тѣмъ же оружіемъ. По его словамъ я исправляю подъ маскою Гракха полицейскую службу. Livländische Antwort. стр 2.

3) Wird nach jetzigen russischen Begriffen gerade für rein genug gehalten, um im Auftrage und mit Unterstützung der Regierung ein Buch zu schreiben etc. etc. Livl. Beitr. II. 4. 276. и II. 6. 443. примѣчаніе.

4) Ein falsarius. Livl. Beitr. II. 6. 11, 111, 422.

неточности и не задумываясь, называетъ ихъ „преднамѣренными подлогами и притомъ глупыми [1])“. Глупость очевидна, ибо каждый подлогъ сопровождается у меня точною ссылкою на номеръ выпуска и на страницу искаженнаго въ переводѣ подлинника, такъ что я самъ кладу читателямъ въ руки легчайшій способъ уличить меня. Иной критикъ, можетъ быть, усмотрѣлъ бы въ наивности этого пріема [2]) доказательство невольности моихъ ошибокъ, но по особенному складу своей природы и по свойству преслѣдуемой имъ цѣли г. фонъ-Боккъ предпочитаетъ гипотезу сочетанія въ одномъ лицѣ дурного умысла съ почти невѣроятною глупостью, а чтобы придать обвиненію въ преднамѣренности видъ правдоподобія, онъ прописываетъ мнѣ лестную аттестацію „въ совершенствѣ моихъ познаній по части нѣмецкаго языка, доказанныхъ вѣрностью и мастерствомъ моихъ переводовъ съ этого языка на русскій [3])“. Мыслима ли при этомъ невольность въ ошибкѣ!

Иное дѣло самъ г. фонъ-Боккъ. Онъ и не претендуетъ на одинаковую степень совершенства въ знаніи русскаго языка и, сбираясь угощать своихъ читателей переводами изъ Окраинъ, заранѣе „испрашиваетъ для себя снисхожденія, въ которомъ авторъ этой книги (по его словамъ) отнюдь не нуждается [4])“. Итакъ публика, призванная къ суду, подготовлена какъ слѣдуетъ; противъ меня она вооружена съ головы до ногъ, а въ отношеніи къ моему противнику она обезоружена его скромнымъ признаніемъ. Если обнаружится ошибка въ моей книгѣ, то мнѣ не миновать двойного осужденія, за глупость и за безсовѣстность, а если въ такой же погрѣшности уличенъ будетъ мой противникъ, объ немъ только пожалѣютъ. Да и придется ли даже жалѣть? Неужъ-то въ самомъ дѣлѣ ожидать и требовать отъ Балтійца, судящаго о русскомъ народѣ, о русской исторіи и русскихъ законахъ, чтобъ

[1]) Тамъ же: предисловіе.

[2]) Г. Ширренъ, напримѣръ, гораздо осторожнѣе; половина его брошюры содержитъ въ себѣ повтореніе моихъ или будто бы моихъ словъ; но онъ рѣдко цитуетъ буквально, а почти вездѣ заставляетъ меня говорить по-своему, не обременяя себя указаніемъ на страницы.

[3]) Livl. Beitr. II. 6. V. — [4]) Livl. Beitr. II. 6. V.

онъ предварительно взялъ на себя трудъ основательнаго изученія нашего варварскаго языка?—

Какъ ни невыгодно для меня состязаніе на такихъ условіяхъ, я однако принимаю вызовъ. Пускай публика, нетолько русская, но и нѣмецкая, выслушавъ мои объясненія, рѣшитъ: заслуживаю ли я упрека въ злонамѣренномъ искаженіи чужихъ мыслей. Съ своей же стороны я охотно допускаю въ пользу г. фонъ-Бокка осторожную оговорку, за которою онъ укрывается, и признаю, что онъ дѣйствительно крайне слабъ по части русскаго языка; да и нельзя бы было не признать этого въ виду доказательствъ, которыми переполнены послѣдніе его выпуски [1]). Наконецъ, я напередъ устраняю всякій вопросъ о намѣренности безчисленныхъ искаженій моего текста, которыми кишатъ его переводы. Пусть земляки г. фонъ-Бокка, встревоженные его болтливостью, доходящею иногда до цинизма, стараются выставить его личность въ невыгодномъ свѣтѣ, чтобъ сколько-нибудь ослабить значеніе вырывающихся у него признаній [2]); у насъ же вообще не принято въ литературномъ спорѣ бросать грязью въ своихъ противниковъ, да и субъективность г. ф. Бокка не представляетъ для насъ особеннаго интереса.

Теперь къ дѣлу. Я разберу каждый изъ четырехъ пунк-

---

1) Для примѣра я приведу одно изъ нихъ, не лишенное комизма. Подъ словомъ «палата» (въ смыслѣ присутственнаго мѣста), которое почему-то часто употребляется въ дѣловыхъ бумагахъ Остзейскаго края, писанныхъ по-нѣмецки, г. ф. Боккъ даетъ въ подстрочномъ примѣчаніи слѣдующее объясненіе этого, какъ онъ выражается, варварскаго термина: «Палата по-русски значитъ то же что палатка (heisst so viel wie Zelt); изъ чего можно заключить, что это слово указываетъ на былыя времена монголокочевого быта Русскаго государства (auf die weiland mongolisch-nomadischen Zustände des russischen Reichs)»—Итакъ мы обогащаемся за разъ двумя открытіями, филологическимъ и историческимъ. Оказывается, во-первыхъ, что коренное значеніе слова заключается въ уменьшительной его формѣ, а что значеніе простой формы есть переносное; во-вторыхъ, мы узнаемъ, что Монголы застали Русскихъ на степени кочевого племени, или, что Русскіе переняли у Монголовъ формы кочевого быта. Это одно изъ основныхъ положеній русской исторіи, приспособленной остзейскими учеными ad usum balticae juventutis, и г. ф. Боккъ ссылается на него довольно часто. (Livl. Beitr. II. 6. 554).

2) Смот. характеристику г. ф. Бокка въ безыменной брошюрѣ, изданной за границею: Lettre à M. Samarin sur ses brochures, etc. etc.

товъ, на которыхъ построено обвиненіе въ подлогѣ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они приведены въ предисловіи къ 6-му выпуску 2-го тома Лифл. Вкладовъ.

Первый подлогъ. Г. фонъ Боккъ обнародовалъ, что бывшій остзейскій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ, рекомендуя тамошнимъ дѣльцамъ введеніе суда присяжныхъ, будто бы указывалъ на это учрежденіе, какъ на самое дѣйствительное орудіе онѣмеченія Латышей, и будто бы гдѣ-то говорилъ кому-то, что хотя онъ, генералъ-губернаторъ, настаивалъ на введеніи присяжныхъ, но что, будь онъ на мѣстѣ Государя, который не хочетъ, чтобъ Латыши нѣмечились, то онъ, конечно, никогда бы не допустилъ этой формы суда. Оставляя на отвѣтственности автора достовѣрность этого заявленнаго противорѣчія между державною волею и личными намѣреніями ея исполнителя, я передалъ свидѣтельство г. ф. Бокка съ буквальною точностью, прибавивъ отъ себя, что гр. Шувалову приписывается произнесеніе приведенныхъ словъ въ одномъ изъ засѣданій центральной коммиссіи, разработывавшей вопросъ о судебной реформѣ. Это была съ моей стороны догадка, которою я заранѣе отвѣчалъ на неминуемый вопросъ всякаго читателя, и на которую навелъ меня самъ г. ф. Боккъ. Вотъ подлинныя его слова: „Въ анекдотахъ (которые я немедленно записывалъ по мѣрѣ того, какъ узнавалъ объ нихъ непосредственно отъ нашего представителя, принимавшаго самое видное участіе въ трудахъ и преніяхъ балтійской центральной коммиссіи) я нахожу слѣдующую буквально приводимую мною замѣтку о нѣкоторыхъ переговорахъ, происходившихъ съ графомъ Шуваловымъ въ началѣ августа 1865 года". Затѣмъ самый разсказъ начинаетъ словами: „Во время переговоровъ..... съ графомъ Шуваловымъ, послѣдній, желая склонить насъ къ принятію суда присяжныхъ, сказалъ между прочимъ" и т. д. [1]). Какъ видятъ читатели, г. ф. Боккъ не назвалъ лица, къ которому обращены были при-

[1]) Im Verlaufe der Verhandlungen des.... mit dem Grafen Schuwaloff, hatte letzterer, um uns für Annahme des Geschworenen-Gerichts zu stimmen, unter anderem auch geäussert etc. etc. Livl. Beitr. I. 3. 19, 20.

писанныя генералъ-губернатору слова и вмѣсто имени проставилъ точки; онъ также умолчалъ о мѣстѣ, гдѣ происходили переговоры; но, во первыхъ, предметъ ихъ прямо относился къ кругу занятій центральной коммиссіи; во-вторыхъ, передъ выписаннымъ мѣстомъ и вслѣдъ за нимъ рѣчь шла о ходѣ дѣлъ въ этой коммиссіи; въ-третьихъ, анекдотъ переданъ былъ однимъ изъ ея членовъ; наконецъ, употребленное повѣствователемъ выраженіе: склонить насъ, давало поводъ предполагать, что бесѣда происходила не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи многихъ.

Оказывается однако, по словамъ г. ф. Бокка, что я ошибся въ моей догадкѣ собственно о мѣстѣ, гдѣ происходилъ разговоръ, и эту-то ошибку мою онъ называетъ преднамѣреннымъ подлогомъ. Вотъ какъ, по послѣднимъ его объясненіямъ, происходило дѣло: „$^{3}/_{15}$ августа, 1865 года графъ Шуваловъ проживалъ подъ Ригою, въ Дуббельнѣ; тамъ-то между нимъ и покойнымъ предсѣдателемъ коммиссіи, барономъ Говеномъ, (онъ же былъ въ то время и предсѣдателемъ гофгерихта) происходили упомянутые переговоры; къ нему, барону Говену, обращены были вышеприведенныя слова о присяжныхъ и онъ-то вечеромъ того же дня поспѣшилъ передать ихъ, прежде чѣмъ они успѣли остыть (brühwarm, tout chaud) своему сотоварищу г. ф. Бокку [1])“.

Итакъ выходитъ изъ объясненій самого г. ф. Бокка, что все это не болѣе какъ *сплетня*, къ которой графъ Шуваловъ подалъ поводъ, рѣшившись съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, вступить съ балтійскимъ дѣльцомъ въ интимный разговоръ о серьезномъ предметѣ. Со стороны бывшаго генералъ-губернатора было, конечно, крайне неосторожно полагаться на скромность, или хотя бы на добросовѣстность своего собесѣдника; но кто же подъ часъ не забывается! И самого г. ф. Бокка не слишкомъ ли далеко завлекло въ настоящемъ случаѣ его желаніе уличить меня въ мнимомъ подлогѣ? Ему ли было, заодно съ покойнымъ его сотоварищемъ, публично наказывать графа Шувалова за неумѣстную его довѣрчивость?

---

1) Livl. Beitr. II. 6. 11. прим.

Этотъ случай напоминаетъ мнѣ другой, очень сходный, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. Въ 1846 или 1847 году тогдашній остзейскій генералъ-губернаторъ Е. А. Головинъ разъ въ недѣлю давалъ у себя вечера. На одномъ изъ нихъ ландратъ С. (одинъ изъ балтійскихъ героевъ г. ф. Бокка) подсѣлъ къ покойному Я. В. Ханыкову и сталъ его увѣрять, что движеніе крестьянъ въ православіе неминуемо вызоветъ народный бунтъ и рѣзню. Ханыковъ, разумѣется, возражалъ; онъ доказывалъ, что ничто не оправдывало этихъ опасеній, и что, напротивъ, по всѣмъ извѣстіямъ движеніе приняло правильную форму, согласную съ изданными инструкціями. Но ландратъ С. не унимался и все твердилъ свое о возстаніи и кровопролитіи, котораго жертвою будто бы неминуемо сдѣлается дворянство. Тогда, исчерпавъ всѣ доказательства противнаго, Ханыковъ наконецъ сказалъ ему: „Во всякомъ случаѣ, если бъ даже, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, народъ позволилъ себѣ какое-нибудь буйство, Вы не имѣете повода опасаться, чтобы правительство не сумѣло или не захотѣло обуздать его; ибо Вамъ очень хорошо извѣстно, что въ 1841 году, по первымъ признакамъ самоуправства крестьянъ, оно не усомнилось нарядить военную экзекуцію и прибѣгнуть къ ultima ratio власти, къ шпицрутенамъ". На этомъ разговоръ прекратился. Черезъ недѣлю въ той же залѣ ландратъ С. подошелъ къ кружку, въ которомъ стоялъ Ханыковъ, и по привычкѣ своей склонивъ голову на сторону, съ свойственною ему улыбкою сказалъ ему: „Знаете ли, тотъ разъ, послѣ нашего разговора, я долго не могъ заснуть; все обдумывалъ и соображалъ Ваши слова". —„Какія же?"—„Да вотъ: что почему бы молъ правительству и не вызвать народнаго бунта, если только оно владѣетъ достаточными средствами для обузданія его въ пору".—У Ханыкова приподнялись брови, раздвинулись зрачки и нѣсколько секундъ онъ не въ состояніи былъ произнести слова; потомъ, опомнившись, онъ уставилъ глаза въ своего собесѣдника и сказалъ ему во всеуслышаніе: „Вамъ, г. ландратъ, извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ, что я никогда этого не говорилъ; объясняться передъ тѣми, кто меня знаетъ, я считаю излишнимъ, но благодарю Васъ за урокъ, которымъ я воспользуюсь. Частныхъ разговоровъ

между нами, конечно, больше не будетъ, а по дѣламъ службы, если встрѣтится надобность, мы будемъ вести переписку".— Ландратъ С. началъ было что-то объяснять, но скоро отретировался передъ взглядомъ, уставленнымъ на него въ упоръ, отвѣшивая мелкіе поклоны и съ прежнею, не сходившею съ его лица улыбкою. Такъ-то въ Балтійскомъ краѣ удерживаются въ памяти, передаются и заносятся въ собранія анекдотовъ чужія слова; а моя догадка, можетъ быть, и ошибочная, выдается за подлогъ! Съ какою же однако цѣлью отнесъ бы я преднамѣренно къ засѣданію коммиссіи разговоръ, происходившій въ Дуббельнѣ? Что бы я черезъ это выигралъ?

Второй подлогъ очень сходенъ съ первымъ. Въ третьемъ выпускѣ 1-го тома Лифляндскихъ Вкладовъ г. ф. Боккъ приводитъ текстуально четыре строки изъ предложенія графа Шувалова объ обязательности для Остзейскихъ губерній Высочайше утвержденныхъ основныхъ началъ судебной реформы. Вотъ онѣ въ буквальномъ переводѣ: „Послѣ того какъ это положеніе (объ основныхъ началахъ) Высочайшимъ повелѣніемъ примѣнено было спеціально и къ тремъ Остзейскимъ управленію моему ввѣреннымъ губерніямъ и т. д. [1]) Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ содержаніе бумаги, изъ которой это мѣсто выписано, авторъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Благородныя чувства Остзейскихъ провинцій и прежде не разъ оскорблялись тѣмъ, что графъ никогда иначе не упоминалъ о священной особѣ своего и ихъ Монарха, какъ въ томъ же тонѣ, хотя и сдержанной, но все-таки очевидной ироніи, которою дышетъ и выше приведенное мѣсто, къ счастью, неоднократно закрѣпленное въ формѣ акта (mehrfach actisirte Stelle) и отъ котораго поэтому нельзя отречься. Этотъ тонъ, какъ извѣстно, возвышался до крайней степени рѣзкости, когда мѣстныя сословія на произвольныя, оскорбительныя, отмѣченныя пренебреженіемъ ко всякому праву и вызывающія притязанія графа отвѣчали воззваніемъ къ верховному,

---

[1]) Nachdem diese Verordnung mittelst Allerhöchsten Befehls auch speciell auf die meiner Oberverwaltung anvertrauten drei Ostsee-Gouvernements ausgedehnt worden ist, u. s. w. Livl. Beitr. I. 3 14.

личному суду самого Монарха. Кто захотѣлъ бы припомнить извѣстные переговоры, непосредственно предшествовавшіе выходкамъ 19-го августа 1865 года, тотъ (если бъ онъ могъ это сдѣлать по своему положенію, не подвергая риску своей личной безопасности) засвидѣтельствовалъ бы, что мы не только не сказали въ этомъ случаѣ ничего лишняго, а скорѣе многаго не договорили" [1]). Все здѣсь буквально переведенное, я сжалъ и передалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Графъ Шуваловъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, обсуждавшей судебную реформу, иначе де никогда не отзывался о священной особѣ Монарха, какъ съ тонкою, но очень замѣтною ироніею, оставившею слѣды въ протоколахъ коммиссіи, и этимъ де болѣе всего оскорблялъ онъ благородныя чувства Остзейскихъ провинцій" [2]). Подлогъ! восклицаетъ опять г. ф. Боккъ; въ текстѣ не говорится ни о засѣданіяхъ, ни о протоколахъ коммиссіи. Совершенно справедливо, но при переводѣ я остановился въ недоумѣніи передъ загадочными словами подлинника: „mekrfach actisirt" и не могъ не предугадать, что то же самое случилось бы непремѣнно со всякимъ читателемъ. О какихъ именно актахъ идетъ рѣчь? Составлялись ли они съ вѣдома графа Шувалова и за его подписью, или безъ его участія? Наконецъ: кѣмъ и гдѣ составлялись? Никакого отвѣта на эти вопросы текстъ не давалъ. Невозможно было отнести выраженіе „mehrfach actisirt" только и исключительно къ коротенькой выпискѣ изъ предложенія гр. Шувалова, во-первыхъ потому, что самая зоркая придирчивость не открыла бы въ нихъ и тѣни ироніи; во-вторыхъ, что не было никакой надобности многократно облекать въ форму неоспоримаго акта одно предложеніе, уже подписанное лицемъ, отъ котораго оно исходило; наконецъ, въ текстѣ говорилось о многихъ и частыхъ проявленіяхъ ироническаго тона. По существу дѣло шло все-таки о судебной реформѣ; вопросъ этотъ обсуждался не только въ центральной коммиссіи, но и въ другомъ, совѣщательномъ комитетѣ, который открытъ былъ графомъ Шуваловымъ, въ которомъ онъ самъ предсѣдательствовалъ, и ко-

---

1) Тамъ же стр. 14 и 15. — 2) Окр. 1 стр. 34, 35.

торый велъ протоколы своимъ засѣданіямъ, какъ видно изъ словъ самого г. ф. Бокка [1]). Не естественно ли было прійти къ заключенію, что на эти-то протоколы онъ и намекалъ въ приведенномъ мѣстѣ? Неправда! объявляетъ нынѣ г. ф. Боккъ, не на нихъ я указывалъ. — Но если такъ, то о какихъ же именно актахъ идетъ рѣчь? — спрашиваю я и спроситъ вѣроятно всякій читатель. Однако и на этотъ разъ г. ф. Боккъ почему-то уклоняется отъ прямого отвѣта. Вотъ его слова: „Многократное документированіе происходило въ другомъ мѣстѣ (?), на столько ясно указанномъ въ т. I. выпуск. 3. стр. 13 Лифл. Вклад., что г. Самаринъ не могъ проглядѣть его" [2]). Я раскрываю выпускъ 3-й на указанной страницѣ, перечитываю ее внимательно отъ начала до конца и что же я нахожу?—Указанія, во-первыхъ, на протоколъ совѣщательнаго комитета 7 ноября 1864 года, во-вторыхъ, на предложенія графа Шувалова (тождественныя между собою по содержанію) лифляндскому и эстляндскому дворянскимъ сословіямъ, въ-третьихъ, на проектъ судебной реформы, составленный по указаніямъ графа Шувалова. Выходитъ, что мнимо ироническіе отзывы нашли мѣсто все-таки, какъ я предполагалъ, въ протоколахъ комитета, или (что еще невѣроятнѣе) въ предложеніяхъ, которыя самъ графъ Шуваловъ диктовалъ и подписывалъ, или (чего и предполагать нельзя) въ проектѣ судебнаго устава, отъ него же исходившемъ. Отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій и предоставляя самимъ читателямъ, буде они почувствуютъ къ тому охоту, поломать себѣ голову надъ загадками г. Бокка, я позволю себѣ только замѣтить, что уклоненіе его отъ прямого отвѣта крайне подозрительно. Взвести такое обвиненіе, нетолько не приведя ни одного доказательства, но отказываясь даже назвать источникъ, куда бы можно было обра-

---

1) Livl. Beitr. I. 3. 12.

2) Was die mehrfache Actisirung anlangt, so hat sie weder in den Protocollen der Baltischen Central-Justiz- Commission vorkommen können, noch auch ist sie Seitens des Herausgebers von den Protocollen des Berathungs - Comité behauptet worden. Vielmehr ist der anderweitige Ort der mehrfachen Actisirung Livl. Beitr. 1. 3. Seite 13 deutlich genug angegeben, um dem Herrn Samarin keinenfalls haben entgehen zu können. Livl. Beitr. II. 6 III.

титься за справками — это близко напоминаетъ особенный видъ литературнаго застращиванія, извѣстный у Французовъ подъ техническимъ терминомъ chantage. Я де имѣю въ рукахъ бумагу, которою могу Вамъ сильно повредить; до поры до времени я не предъявлю ея, но берегитесь и держите ухо востро!—А кто знаетъ: подъ неоспоримыми документами не разумѣетъ ли авторъ собственнаго своего сборника анекдотовъ, которые онъ записывалъ со словъ своихъ пріятелей, усердно снабжавшихъ его разнаго рода служебными сплетнями? Одинъ образчикъ мы уже видѣли.

Третій подлогъ. Въ Лифляндскихъ Вкладахъ говорится слѣдующее объ освобожденіи крестьянъ безъ земли: „Если, съ одной стороны, дворянство, переведя крестьянъ съ положенія наслѣдственныхъ на положеніе временныхъ съемщиковъ земли [1]), впало, можетъ быть, въ политическую ошибку, то съ другой, слѣдуетъ по всей справедливости принять въ соображеніе, что это было единственное вознагражденіе, когда-либо истребованное и полученное дворянствомъ за отреченіе его отъ крѣпостного права на личность.... и что первый опознавшій эту ошибку былъ никто другой какъ ландратъ Самсонъ, представитель политики 1818 года [2]). „Смыслъ этихъ словъ я передалъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: „Да! говоритъ другой публицистъ

---

[1]) Не могу здѣсь не замѣтить, что г. ф. Боккъ или вовсе не понимаетъ дѣла, или маскируетъ его. Срочное пользованіе въ замѣнъ потомственнаго — такъ выходитъ изъ приведенныхъ словъ, тогда какъ, въ сущности, было вовсе не то. До 1819 года въ Лифляндіи существовалъ крестьянскій надѣлъ (Bauerland), иными словами: часть помѣщичьей земли отведена была навсегда въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, и помѣщикъ не могъ ни давать ей другого назначенія, ни отбирать ее въ свое распоряженіе. Говоря языкомъ закона, эта земля была неполною собственностью помѣщика. Въ 1819 году она сдѣлалась полною его собственностью; онъ пріобрѣлъ право вовсе не отдавать ее въ пользованіе крестьянамъ, а дѣлать съ нею, что самъ за благо разсудитъ. До 1819 года крестьяне пользовались ею по праву; а съ 1819-го стали пользоваться подъ условіемъ добровольнаго на то согласія помѣщика. Итакъ, у крестьянъ конфисковано было прежнее ихъ право, а юристъ г. ф. Боккъ, такъ горячо стоящій за дѣйствительныя или мнимыя права своихъ земляковъ нѣмецкаго происхожденія, какъ будто этого не замѣчаетъ.

[2]) L. B. I 1. 19.

(ф. Боккъ), это была конечно ошибка, разумѣется невольная, и притомъ единственная тогдашняго главнаго двигателя крестьянскаго дѣла, ландрата Самсона [1])". Сопоставляя эти слова съ текстомъ, авторъ объявляетъ „что мнѣ понадобилось утаить отъ читателей единственное вознагражденіе подъ единственною ошибкою, тогда какъ послѣднее выраженіе совершенно ему чуждо, какъ по буквѣ такъ и по смыслу [2])". Въ этомъ упрекѣ есть доля правды; дѣйствительно, отнесеніе прилагательнаго единственный къ существительному ошибка, а не къ существительному вознагражденіе было съ моей стороны недосмотромъ, въ которомъ я охотно каюсь. Еще охотнѣе поспѣшаю я заявить, что мы, повидимому, хоть отчасти сходимся съ г. ф. Боккомъ въ оцѣнкѣ Положенія 1819 года. Такъ! кромѣ капитальной ошибки, заключавшейся въ конфискаціи права крестьянъ на землю, въ немъ было еще много и другихъ ошибокъ. Но я рѣшительно отвергаю, чтобъ я непремѣнно обязанъ былъ по совѣсти тутъ же привести въ цитатѣ мысль г. ф. Бокка о вознагражденіи. Я не утаилъ ея, а просто устранилъ, имѣя на то полное право и достаточный поводъ. Дѣло шло о практическихъ послѣдствіяхъ безземельнаго освобожденія, и потому вовсе некстати было говорить о соображеніяхъ, которыми старались оправдать эту мѣру при ея обсужденіи. Если бъ я упомянулъ о теоріи вознагражденія, въ то время игравшей первостепенную роль и теперь подновляемой г. ф. Боккомъ, то мнѣ пришлось бы тутъ же выяснить и несостоятельность ея. Я долженъ бы былъ показать, что, какъ выразился самъ ландратъ Самсонъ на одномъ изъ ландтаговъ сороковыхъ годовъ (прежде чѣмъ онъ перешелъ изъ рядовъ такъ называемой либеральной партіи въ ряды противоположной, болѣе чѣмъ консервативной) дворянство въ 1819 году сдѣлало хорошую аферу (ein gutes Geschäft gemacht), стало-быть, не только вознаградило себя за свое пожертвованіе, но еще ухитрилось выудить въ искусственно возмущенной имъ водѣ кое-что весьма существенное. Современемъ я все это ра-

[1]) Окр. I. стр. 76. — [2]) L. B. 11. 6. 10.

зовью и докажу; но въ первомъ выпускѣ Окраинъ тема эта отвлекла бы меня слишкомъ далеко отъ моей задачи.

Четвертый и послѣдній подлогъ. Г. ф. Боккъ сказалъ: „Счастливымъ долженъ почитать себя Русскій Императоръ до тѣхъ поръ, пока сыны Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи почитаютъ его въ сердцахъ своихъ (хотя бы до поры до времени и не въ канцелярской терминологіи) за истиннаго своего герцога, то есть за могучаго, провомѣрнаго, свободнаго отъ всякаго односторонно русскаго давленія, оберегателя ихъ благопріобрѣтенныхъ мѣстныхъ, церковныхъ и земскихъ правъ“ [1]). Та же мысль въ иной формѣ повторяется и въ другихъ мѣстахъ. [2]) Здѣсь суть дѣла заключается въ противопоставленіи двухъ понятій (которымъ два титула, Императорскій и Герцогскій служатъ прозрачными символами) и въ особенномъ удареніи мысли на второй титулъ. Мы чтимъ верховную власть въ лицѣ Императора - это значитъ: мы признаемъ Имперію за одно нераздѣльное цѣлое, котораго наша область есть только часть и слѣдовательно добровольно подчиняемъ наши областные права и интересы высшимъ интересамъ и правамъ Имперіи. Наоборотъ: мы чтимъ верховную власть въ лицѣ своего герцога—значитъ: мы, какъ самостоятельная область, относимся непосредственно къ своему областному Государю, помимо всякаго отношенію къ его Имперіи; мы признаемъ его власть надъ нами въ той формѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она выработалась у насъ на мѣстѣ, въ какихъ она нужна для насъ же для огражденія нашихъ мѣстныхъ правъ; мы сами по себѣ, и потому не допускаемъ мысли, чтобъ интересы Имперіи могли служить правомѣрнымъ основаніемъ или поводомъ къ какому либо измѣненію нашего областного быта.—Такъ понималъ смыслъ обоихъ титуловъ

---

[1]) Und wohl dem Kaiser von Russland, so lange ihn die Söhne Liv-, Esth- und Kurlands, wenn auch zeitweilig nicht in der Kanzleiformel, doch in ihrem Herzen, als ihren wahren Herzog, d. h. als den mächtigen, rechtsfrohen und von einseitig russischer Pression freien Schutzherrn ihrer wohlerworbenen landeskirchlichen und landesstaatlichen Rechte und Freiheiten verehren etc. etc. L. B. I. 3. 297.

[2]) Тамъ же, стр. 300 и др.

и покойный Государь Императоръ. Одинаково ясно понималъ онъ и непримиримость двухъ политическихъ теорій, подъ ними подразумѣваемыхъ и вслѣдствіе этого пониманія запретилъ указомъ именовать себя герцогомъ. Это была не мелочная придирка, а гораздо болѣе. Раньше Екатерина II сдѣлала то же самое, отвѣтивъ остзейскимъ депутатамъ: я не герцогиня курляндская, а Императрица Всероссійская. Теперь, когда политическое значеніе герцогскаго титула окончательно выяснено и отвергнуто верховною властью, г. ф. Боккъ вводитъ его вновь въ свою терминологію и подчеркиваетъ его, какъ вѣрнѣйшее выраженіе политическаго исповѣданія Остзейцевъ. Короче, онъ становится въ прямое противорѣчіе съ Екатериною II и Николаемъ I. Чтобы выразить это противорѣчіе въ сжатой и осязательной формѣ, я выписалъ отвѣтъ Екатерины и облекъ вышеприведенныя слова г. ф. Бокка въ такую же форму прямого обращенія: помните, что мы чтимъ въ своемъ Государѣ не Императора Всероссійскаго, а лифляндскаго герцога, свободнаго отъ всякаго односторонно русскаго давленія [1]). Тутъ сохранены слова текста, измѣненъ только оборотъ рѣчи, но ничего самопроизвольно не навязано автору (какъ онъ увѣряетъ); напротивъ, совершенно вѣрно передана его мысль, основная тема всѣхъ его изданій.

Вотъ и всѣ такъ называемые мои подлоги. По внимательной и конечно не снисходительной переборкѣ моей книги, разложивъ ее такъ сказать по волоскамъ, г. ф. Боккъ высмотрѣлъ въ ней не болѣе четырехъ мѣстъ, показавшихся ему сколько-нибудь пригодными, чтобъ заподозрить въ глазахъ читателей мою добросовѣстность, а между тѣмъ въ Окраинахъ Россіи болѣе 80 выписокъ и ссылокъ на его изданія. Насколько сильны и убѣдительны приведенныя имъ четыре улики — пусть разсудятъ читатели.

Кажется, что теперь я имѣлъ бы право начать встрѣчный искъ и, въ свою очередь, выставить искаженія моего текста, встрѣчающіяся въ переводахъ и ссылкахъ г. ф. Бокка, но если бъ я погнался въ этомъ дѣлѣ за полнотою перечня, то мнѣ пришлось бы наполнить цѣлую книгу одними сличеніями.

---

1) Окраины 1. стр. 134.

Дорожа вниманіемъ читателей: я конечно не заведу ихъ въ этотъ лабиринтъ, а чтобъ не заподозрѣли меня въ бездоказательности заявленія, ограничусь немногими примѣрами, взятыми почти на выдержку.

1. Въ ст. XIV перваго выпуска Окраинъ (о судебной реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ) я повторилъ со словъ г. ф. Бокка, что баронъ Ливенъ не захотѣлъ или не сумѣлъ отстоять обязательности главныхъ основаній новаго судоустройства и что объ этой капитальной поблажкѣ своего предшественника графъ Шуваловъ, повидимому, ничего не зналъ— „какъ это ни невѣроятно" прибавилъ я въ скобкахъ [1]). По-нѣмецки это значитъ: so unwahrscheinlich es auch sein mag—а г. ф. Боккъ переводитъ: wie das durchaus nicht unwahrscheinlich ist [2]), то есть: „что́ отнюдь не невѣроятно"—да еще печатаетъ эти слова крупнымъ шрифтомъ, да приписываетъ къ концу цитата: sic! предупреждая этимъ завѣреніемъ всякое сомнѣніе въ точности перевода, да приводитъ это мѣсто въ числѣ буквальныхъ по его словамъ подтвержденій [3]) одного изъ взведенныхъ имъ на меня обвиненій. Вотъ до чего доводитъ незнаніе языка!

2. Въ ст. VIII перваго выпуска Окраинъ, говоря о предположеніи водворить въ казенныхъ имѣніяхъ тѣхъ изъ православныхъ крестьянъ, которыхъ помѣщики выгнали изъ ихъ усадьбъ, я сказалъ, „что мѣра эта была бы позднимъ, конечно крайне скуднымъ и недостаточнымъ вознагражденіемъ ихъ (то есть крестьянъ) за всѣ испытанныя ими притѣсненія" [4]). Всѣмъ извѣстно, что слову вознагражденіе соотвѣтствуетъ нѣмецкое Entschädigung; но г. ф. Боккъ переводитъ Belohnung—награда и заключаетъ, что въ этомъ случаѣ, оно по смыслу тождественно съ подкупомъ [5]). Дѣйствительно, въ понятіи вознагражденія заключается предположеніе предшествовавшей потери, а въ понятіи награды—предположеніе заслуги, въ настоящемъ случаѣ—перемѣны вѣроисповѣданія; и выходитъ, что правительство, награждая отводомъ земель

---

1) Окр. 1 стр. 128. — 2) Liv. B. II. 6. 476.
3) Wörtliche Belege. Liv. B. II. 4. предис. II. III. и II. 6. 46.
4) Окр. 1. стр. 108. — 5) L. B. II. 6. 475 прим.

за переходъ въ православіе, тѣмъ самымъ подкупало къ переходу. Чтобъ окончательно навязать мнѣ это мнимое признаніе, оставалось только какъ-нибудь обойти слова: „за всѣ испытанныя ими притѣсненія". Самъ г. ф. Боккъ не рѣшился однако перескочить черезъ это препятствіе, но болѣе ловкій г. Ширренъ съ разбѣгу перескочилъ черезъ него. Обращаясь ко мнѣ, онъ говоритъ прямо: „Дѣло само собою устроится, когда возобновится временно прерванная въ казенныхъ имѣніяхъ раздача участковъ, которой Вы съ такимъ достоинствомъ и такъ настойчиво требуете какъ награды (Belohnung) за перемѣну вѣры" и прибавляетъ: „Это слово (награда) произнесли Вы" [1]). Такимъ-то образомъ, вознагражденіе за обиды, вызванныя переходомъ въ православіе, преобразились подъ двумя дружными перьями, въ награду за этотъ переходъ, или въ подкупъ къ переходу. И это, вѣроятно, отъ незнанія языка?

3. Выше я привелъ главное противъ меня обвиненіе: въ желаніи положить конецъ Самодержавію созывомъ народнаго представительства. Это своего рода „слово и дѣло" было произнесено г. ф. Боккомъ въ сентябрскомъ выпускѣ прошлаго года и потомъ повторено нѣсколько разъ [2]). Какъ ни привыкъ я къ безцеремонному обращенію балтійскихъ публицистовъ съ русскими изданіями, это обвиненіе меня удивило. Мнѣ хорошо помнилось, что предупреждая всякія недоразумѣнія, я очень ясно высказался на этотъ счетъ, заявивъ на первыхъ же страницахъ моего изданія, „что по моему убѣжденію далеко еще не наступило время для Россіи думать объ измѣненіи существующей формы правленія... что историческое призваніе Самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи [3]). Понятно, что вычитавъ въ Лифляндскихъ Вкладахъ обвиненіе въ политическихъ стремленіяхъ прямо противоположнаго свойства, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ г. ф. Боккомъ буквальныхъ указаній въ подтвержденіе этого обвиненія.

---

[1]) Das Wort ist von Ihnen—Livl. Antwort an H. Samarin. v. C. Schirren 39.

[2]) Напримѣръ въ Liv. B. II. 6. 399, 423, 530, 531 и т. д.—[3]) Окр. 1. къ читат. стр. II.

Главная улика заключается въ слѣдующихъ моихъ строкахъ: „Прислушиваясь къ неумолкающему шопоту въ самыхъ высшихъ слояхъ правительственныхъ и придворныхъ, они (дальновиднѣйшіе изъ Остзейцевъ) давно успѣли свыкнуться съ мыслію, что рано или поздно (и вѣроятно ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало) сама верховная власть призоветъ землю на совѣтъ и въ той или другой формѣ дастъ ей голосъ въ дѣлахъ государственнаго управленія“ [1]).—Но что жъ изъ этого слѣдуетъ?—подумалъ я и подумаетъ вѣроятно каждый читатель. Вѣдь здѣсь, во-первыхъ, вовсе не высказывается личное желаніе автора, а передается слухъ; во-вторыхъ, говорится не о перемѣщеніи власти, а о предоставленіи землѣ совѣщательнаго голоса; наконецъ, если и это считать за ограниченіе Самодержавія, то все-таки предполагается неограниченіе извнѣ, а свободное дѣйствіе самой власти, слѣдовательно самоограниченіе. Гдѣ жъ тутъ посягательство на Самодержавіе? — Г. ф. Боккъ очевидно предчувствовалъ эти возраженія и потому въ буквальный переводъ приведеннаго мѣста онъ вставилъ отъ себя слѣдующее коротенькое объясненіе: подъ верховною властью, которая созоветъ земскую думу, должно разумѣть „по теоріи г. Самарина, конечно, не Императора, а Государственный Совѣтъ [2]). Но изъ чего же это слѣдуетъ?—Изъ того, отвѣчаетъ г. ф Боккъ: „что авторъ Окраинъ ставитъ Государю въ вину, что онъ обходитъ Государственный Совѣтъ [3]), А это гдѣ сказано?—Въ отвѣтъ г. ф. Боккъ указываетъ на слѣдующія строки: „Благодаря остзейскому комитету (о которомъ въ нашихъ законахъ нѣтъ и помина) для законодательныхъ дѣлъ Балтійскаго края установился какой-то совершенно особенный, домашній порядокъ производства и разрѣшенія. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ, что удалось, напримѣръ, не то что отмѣнить, а такъ сказать заклеить въ Сводѣ Законовъ капитальную статью о смѣшан-

---

1) Окр. 1. стр. 182.

2) Nach H. Samarin's Theorie also jedenfalls nicht der Kaiser, sondern der Reichsrath selbst. Liv. B. II. 6. 482.

3) Der Kaiser, den er der Umgehung des Reichsraths anklagt. Liv. B II. 6. 482.

ныхъ бракахъ не только безъ участія, но даже безъ вѣдома того высшаго учрежденія, до котораго дѣло прямо касалось (т. е. Синода) или, что цѣлыя уложенія о крестьянахъ, минуя Государственный Совѣтъ, восходили на Высочайшее утвержденіе и вводились въ видѣ опыта [1]). Итакъ вотъ въ строго логическомъ порядкѣ аргументація моего обличителя: авторъ Окраинъ доказываетъ, что дѣло страдаетъ отъ существующаго особеннаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ Прибалтійскаго края помимо общихъ для всей Имперіи совѣщательныхъ учрежденій; онъ желалъ бы, чтобъ Государственный Совѣтъ, созданный верховною властью, вѣдалъ всѣ дѣла, вѣдѣнію его подлежащія, на основаніи законовъ, служащихъ выраженіемъ Высочайшей воли — слѣдовательно, выводитъ г. ф. Боккъ, онъ отнимаетъ верховную власть у Императора и передаетъ ее Государственному Совѣту [2]).

Далѣе, авторъ Окраинъ говоритъ, что, можетъ быть, наступитъ такая минута, когда сама верховная власть призоветъ землю на совѣщаніе, слѣдовательно, онъ желаетъ, чтобъ Государственный Совѣтъ о т ъ с е б я учредилъ народное представительство и положилъ бы конецъ Самодержавію.

Неужели однако дерзость, съ которою приписываются мнѣ всѣ этѣ нелѣпости, свидѣтельствуетъ только о слабости г. ф. Бокка по части русскаго языка, а не о пораженіи въ немъ внутренняго органа, называемаго обыкновенно литературною совѣстью?

Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній авторъ Лифляндскихъ Вкладовъ говоритъ о самомъ себѣ, „что въ Остзейскихъ губерніяхъ личный кредитъ его относительно правдивости такъ твердъ въ кругу друзей и недруговъ, что простое обнаруженіе недовѣрія къ прямымъ его завѣреніямъ съ первой же минуты показалось бы тамъ притворнымъ или вынужденнымъ [3]).

---

1) Окр. 1. стр. 31. 32.

2) На томъ же основаніи, если бъ я сказалъ: желательно, чтобъ судебныя дѣла рѣшались не иначе, какъ судебными приговорами, г. ф. Боккъ вывелъ бы изъ моихъ словъ, что я передаю окружнымъ судамъ и палатамъ верховную власть. Donnez-moi une ligne de l'écriture d'un homme et je le fais pendre — въ этомъ искусствѣ балтійскіе юристы превзошли всѣхъ

3) L. B. II. 6. 423, 424 прим.

Если и послѣ сдѣланныхъ мною сличеній того, что я говорилъ и думалъ съ тѣмъ, что приписываетъ мнѣ г. ф. Боккъ, этотъ кредитъ его не поколеблется, то конечно неисправимая довѣрчивость прибалтійской публики будетъ вполнѣ доказана.

Въ томъ же примѣчаніи и въ другихъ мѣстахъ своего изданія г. ф. Боккъ утверждаетъ, что я не посмѣлъ заподозрѣть достовѣрности ни одного изъ его показаній, и даже пользовался его свидѣтельствами какъ несомнѣнными. Эта прямая на меня ссылка ставитъ меня въ необходимость высказаться съ полною откровенностью. Я прочелъ въ Лифляндскихъ Вкладахъ столько небылицъ, и въ томъ числѣ столько совершенно для меня новыхъ біографическихъ подробностей о самомъ себѣ, что уже по одному этому, не говоря о другихъ основаніяхъ, считаю себя вправѣ ни въ чемъ не вѣрить г. ф. Бокку на слово. Личное его свидѣтельство въ глазахъ моихъ не имѣетъ ни малѣйшей цѣны; но само собою разумѣется, что это отнюдь не обязываетъ меня отвергать огуломъ всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Они распадаются для меня на три категоріи. Нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что не имѣя никакихъ средствъ провѣрить ихъ, я иногда привожу ихъ безъ всякаго съ своей стороны ручательства за ихъ подлинность, только какъ признаки теперешняго настроенія умовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Другія, по моему убѣжденію, несомнѣнно достовѣрны или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятны, и потому я пользовался ими съ благодарностью и впредь буду пользоваться какъ драгоцѣннымъ матеріаломъ. Наконецъ, многія положительно невѣрны и даже лживы; я могу это доказать и буду доказывать при случаѣ, когда увижу въ томъ надобность.

Этимъ я разъ навсегда кончаю мои объясненія по личнымъ на меня обвиненіямъ г. ф. Бокка. Чего бы онъ впослѣдствіи на меня ни возводилъ и въ чемъ бы меня ни заподозрѣвалъ, я не пророню ни слова въ свою защиту. Предоставляю ему самому объяснить себѣ причину моего молчанія и перехожу къ другому противнику.

II.

Въ ряду современныхъ дѣятелей, дружными усиліями которыхъ подготовляется политическое обособленіе Прибалтійскаго края, г. Ширренъ за долго до выхода его послѣдней брошюры занималъ уже не послѣднее мѣсто. Онъ служилъ народовому дѣлу своихъ земляковъ двоякимъ образомъ: какъ издатель и какъ преподаватель. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ лифляндскаго дворянства, открывшаго ему доступъ въ тайники своего сословнаго архива, онъ выбралъ оттуда все, что показалось ему пригоднымъ для подкрѣпленія притязаній остзейскаго провинціализма и сложилъ свою добычу въ изданныхъ имъ сборникахъ привилегій, капитуляцій, жалованныхъ грамотъ и постановленій лифляндскихъ ландтаговъ. Это своего рода юридическій арсеналъ, заблаговременно припасенный для будущихъ состязаній на почвѣ права. Еще важнѣе и плодотворнѣе (въ смыслѣ остзейскомъ) была профессорская его дѣятельность въ дерптскомъ университетѣ. Здѣсь, встрѣчаясь лицемъ къ лицу съ воспріимчивою молодежью, онъ снаряжалъ живыя силы на боевую службу той партіи, которой самъ былъ орудіемъ и готовилъ будущихъ исполнителей ея программы. По какой-то злой насмѣшкѣ судьбы, ему отведена была, какъ предметъ преподаванія, не какая-либо другая наука, а именно русская исторія, то есть та область знанія, которая для политическаго воспитанія юношества въ духѣ враждебномъ Россіи представляла наиболѣе

матеріала. Это вѣдь не то что алгебра или химія. Теперь, имѣя передъ глазами брошюру г. Ширрена и исходя изъ простого предположенія, что профессоръ и публицистъ въ одномъ лицѣ не могли руководствоваться убѣжденіями противоположнаго свойства, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ, что̀ показывалось подъ именемъ Россіи въ дерптской его аудиторіи и какого рода впечатлѣнія выносили изъ нея его слушатели. „Русскіе не знаютъ прошедшаго и не имѣютъ будущности"—это подлинныя слова г. Ширрена [1]). Такого рода научный нигилизмъ въ Москвѣ или Казани не далъ бы корня; но пересаженный въ Варшаву или Дерптъ, онъ естественно пораждаетъ политическій сепаратизмъ. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ г. Ширренъ, не кривя душею, совѣтовать своимъ слушателямъ связать свою судьбу съ судьбою Россіи, когда по его понятіямъ это значило бы заживо похоронить себя въ объятіяхъ какого-то чудовищнаго продукта слѣпой случайности, обреченнаго на неминуемое разложеніе? Всмотрѣвшись въ тотъ фантастическій образъ, который онъ выводилъ передъ ними подъ именемъ Россіи, могли ли они сами, даже безъ всякихъ совѣтовъ или внушеній съ его стороны, не почувствовать нѣкотораго отвращенія, нѣкоторой боязни заразиться, и очень естественнаго желанія спасти себя для исторической жизни, пристроившись къ какому-нибудь другому, здоровому организму? Можетъ быть, иному читателю покажется страннымъ, что преподаваніе русской исторіи ввѣрено было лицу, не признававшему за Россіею права на историческое бытіе; однако это фактъ, и при оцѣнкѣ его не должно забывать, что дѣло происходило въ области, состоящей на особыхъ правахъ, во многихъ отношеніяхъ не подходящихъ подъ общепринятыя понятія. Если находятъ возможнымъ оставлять въ Лифляндіи судъ и администрацію въ рукахъ сословія, не признающаго обязательности Свода Законовъ, то ничего особенно мудренаго нѣтъ и въ томъ, что въ лицѣ г. Ширрена, остзейскій сепаратизмъ, переименованный въ русскую исторію, обзавелся на счетъ казны особою каѳедрою и по распоряженію правительства сдѣлался, какъ самостоятельная

---

[1]) Стр. 105.

наука, предметомъ обязательнаго преподаванія и обязательнаго слушанія.

Само собою разумѣется, что бывшій попечитель дерптскаго учебнаго округа, почтенный графъ Кейзерлингъ, этого и не подозрѣвалъ; его берегли, и политическое исповѣданіе г. Ширрена до послѣдней минуты окончательнаго его разоблаченія передъ всею публикою оставалось для него непроницаемою тайною [1]). Но въ подобныхъ случаяхъ учащаяся молодежь бываетъ обыкновенно зорче своихъ руководителей. Она, какъ кажется, высоко цѣнила даровитаго профессора, оберегавшаго ея будущность спасительными своими предостереженіями, и при первомъ удобномъ случаѣ по-своему выразила ему свое сочувствіе, перебивъ окна и задавъ кошачій концертъ другому профессору того же университета, безвинно заподозрѣнному въ неодобреніи политическаго православія г. Ширрена. Надобно полагать, что въ новѣйшихъ Аѳинахъ Великой Греціи (какъ назвалъ недавно Лифляндію одинъ изъ ея сыновъ [2]) подобнаго рода манифестаціи считаются признакомъ высшей культуры и заявленіемъ уваженія къ свободѣ мнѣній.

Все было шито и крыто до появленія „Окраинъ Россіи". Къ несчастію, эта вредная книга нарушила на время ти-

1) По слухамъ, кажется, достовѣрнымъ графъ Кейзерлингъ даже не ожидалъ появленія брошюры г. Ширрена, о которой до выхода ея иностранныя газеты проговаривались въ довольно прозрачныхъ намекахъ. По прочтеніи ея онъ былъ глубоко огорченъ и озадаченъ, ganz bestürzt, и чуть ли не первый представилъ ее въ Петербургъ, послѣ того какъ цѣлый заводъ ея разошелся по рукамъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Говорятъ даже, что онъ самъ потребовалъ удаленія г. Ширрена отъ каѳедры русской исторіи, которую послѣдній занималъ не болѣе какихъ-нибудь пяти или шести лѣтъ. Любопытно знать, изъ какого нѣмецкаго города выпишутъ ему преемника?

2) „Быть гаванью и Великою Греціею Россіи, таково политическое призваніе нашего Остзейскаго края".—Смот. брошюру: Политическое призваніе Остзейскаго края, Очеркъ. Б. К. Г. С. Петерб. 1870, стр. 53. Неизвѣстный авторъ этой брошюры совѣтуетъ Русскимъ учиться не въ заграничныхъ и не въ русскихъ университетахъ, а въ Дерптскомъ, „такъ какъ чисто русскіе университеты не окружены еще со всѣхъ сторонъ общимъ духомъ образованности въ той степени, въ какой онъ въ Остзейскомъ краѣ проникъ уже во всѣ почти слои общества и т. д. (стр. 36). Въ самомъ дѣлѣ, Katzenmusik мы еще не успѣли перенять у нашихъ просвѣтителей.

шину и стройное согласіе стремленій, которыми наслаждался не только дерптскій университетъ, но и весь Остзейскій край. Фактическая сторона ея настолько обратила на себя вниманіе русской публики, что почувствовалась надобность отвѣтить на нее чѣмъ нибудь посерьезнѣе площадной брани, и тогда взоры всѣхъ естественно остановились на г. Ширренѣ. Его спеціальная научная подготовка въ связи съ извѣданною непріязнью его къ Россіи прямо на него указывали, какъ на человѣка болѣе другихъ способнаго найти приличное выраженіе для накипѣвшей досады, и онъ не отказался сослужить своимъ землякамъ эту послѣднюю службу, хотя конечно и онъ и они не могли не предвидѣть, что послѣ этого каѳедра русской исторіи, такъ удачно имъ приспособленная къ мѣстнымъ потребностямъ края, едва ли за нимъ останется.

Выходки противъ моей личности, которыми г. Ширренъ пересыпалъ свою книгу, вѣроятно, въ надеждѣ оскорбить меня, не помѣшаютъ мнѣ отдать ему подобающую справедливость. Онъ выполнилъ свою задачу въ совершенствѣ. Нельзя было сказать больше и лучше, то есть обиднѣе для Россіи и лестнѣе для Остзейцевъ; но послѣ этой книги для нихъ становится невозможнымъ отступленіе, а для насъ дальнѣйшее игнорированіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ на нашей Прибалтійской окраинѣ. Авторъ бросилъ замаскированныя позиціи, съ такимъ долготерпѣніемъ укрѣпленныя на черный день остзейскими стратегиками старой школы, онъ разнесъ за собою мосты и пожегъ свои корабли. Книга его знаменуетъ крутой переломъ въ прежней балтійской тактикѣ (на что бы онъ конечно не рѣшился безъ благословенія своихъ руководителей) и въ этомъ главнѣйшимъ образомъ заключается ея значеніе, а въ моихъ глазахъ—ея великое достоинство

Передъ выпускомъ моего введенія въ первую серію Окраинъ Россіи, я старался предугадать, какъ отнесутся къ нему люди серьезные, или слывущіе таковыми, и всякій разъ сличеніе тѣхъ выводовъ, къ которымъ привели меня личныя мои наблюденія съ господствующими у насъ представленіями объ Остзейскомъ краѣ, приводило меня въ раздумье. Многіе ли

возьмутъ на себя на трудъ провѣрить общепринятыя, да еще въ добавокъ успокоительныя мнѣнія, избавляющія отъ тяжелыхъ заботъ, не требующія ни изысканія новыхъ мѣръ, ни рѣшимости на приведеніе ихъ въ исполненіе? Скажутъ, что я преувеличиваю, увлекаюсь, пожалуй даже клевещу— это вѣдь гораздо легче, чѣмъ переувѣриться и признать дѣйствительность на первый взглядъ невѣроятнаго. Я ссылаюсь на г. ф. Бокка; но мнѣ возразятъ, что изолированная личность ничего не значитъ, притомъ еще личность, никогда не пользовавшаяся популярностью въ кругу своихъ, извѣстная неуживчивостью своего характера, крайностью своихъ мнѣній и въ послѣднее время порвавшая всѣ свои связи съ родиною. Г. ф Боккъ самъ по себѣ, а благоразумное большинство остзейскаго общества само по себѣ; между ними нѣтъ солидарности и горячечный бредъ перваго не можетъ служить симптомомъ политическаго темперамента послѣдняго. Я указываю на факты, привожу выписки изъ подлинныхъ бумагъ; но серьезные люди улыбнутся и скажутъ, что это исключенія, случайности, которыхъ нельзя обобщать. Наконецъ, мнѣ возразятъ свидѣтельствомъ Остзейцевъ, проживающихъ въ Петербургѣ и пользующихся заслуженнымъ довѣріемъ правительства: „Они де очень хорошо понимаютъ необходимость тѣснѣйшаго объединенія ихъ края съ Россіею, лишь бы дали время объединенію совершиться исподоволь, свободно, и не вздумали бы поступать съ нимъ, какъ съ мятежною Польшею. Вѣдь это такъ?“

Все это я дѣйствительно слышалъ, и все, что смущало меня, сбылось; но признаюсь, я не предугадывалъ, что сами противники мои собственными своими признаніями выведутъ меня изъ затруднительнаго положенія и подслужатся мнѣ такими подтвержденіями, послѣ которыхъ мнѣ останется только посторониться и предоставить имъ говорить за меня. Прошу читателей вникнуть въ нижеслѣдующее простое сопоставленіе моихъ словъ съ свидѣтельствами г. Ширрена.

Къ числу мнимыхъ моихъ натяжекъ и явныхъ будто бы невозможностей, выдаваемыхъ мною за дѣйствительность, разсудительные люди отнесли заявленіе мое, что изданный пра-

вительствомъ Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній для губерній Остзейскихъ въ настоящее время утратилъ въ томъ краѣ свою силу и не считается обязательнымъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ бывшій дерптскій профессоръ: „Что не имѣетъ по себѣ обязательной силы закона, то не пріобрѣтаетъ ее, хотя бы и включено было въ Сводъ, и наоборотъ, что̀ имѣетъ силу закона по себѣ, не теряетъ ея, хотя бы и не нашло мѣста въ Сводѣ" [1]). Другими словами: такъ какъ Сводъ есть собраніе всѣхъ постановленій, имѣющихъ силу и дѣйствіе, или, короче, всѣхъ законовъ, то выходитъ по аргументаціи г. Ширрена, что въ немъ могутъ встрѣчаться юридическіе афоризмы, не имѣющіе обязательной силы закона дѣйствующаго, и равномѣрно внѣ Свода могутъ существовать законы, дѣйствующіе и обязательные, хотя они и не вошли въ него. Слѣдовательно помѣщеніе или непомѣщеніе въ Сводѣ того или другого правила не можетъ служить признакомъ для безошибочнаго различенія законовъ дѣйствующихъ отъ постановленій отмѣненныхъ или утратившихъ обязательную силу, а совершенно наоборотъ, по большей или меньшей сообразности свода съ тѣмъ, что считается въ краѣ закономъ дѣйствующимъ, подобаетъ судить о большей или меньшей степени обязательности Свода, а потому вопросъ о томъ, что законъ и что не законъ, не разрѣшается изданіемъ Свода, а остается по прежнему открытымъ. Между тѣмъ извѣстно, что предпринимая нелегкій трудъ извлеченія Свода Общихъ и Мѣстныхъ узаконеній изъ груды накопившагося въ теченіе вѣковъ юридическаго матеріала, правительство руководилось не однимъ желаніемъ потѣшить себя размѣщеніемъ этого матеріала по рубрикамъ, а прежде всего глубокимъ убѣжденіемъ въ дознанной опытомъ необходимости однимъ законодательнымъ актомъ порѣшить наконецъ именно этотъ вопросъ. Въ указѣ, при которомъ обнародованы были первыя двѣ части Мѣстныхъ Узаконеній для губерній Остзейскихъ, значилось: „Мы повелѣли второму отдѣленію Собственной Канцеляріи Нашей собрать, привести въ точную извѣстность и опредѣлительность всѣ имѣющія силу въ Остзейскомъ краѣ постановле-

---

[1]) Стр. 143.

нія, потомъ изложить ихъ въ порядкѣ, совершенно соотвѣтствующемъ плану общаго Свода Законовъ Имперіи и т. д.“ и правительство, какъ кажется, пребывало доселѣ въ сладкой увѣренности, что второе отдѣленіе, разные комитеты, коммиссіи и послѣ всѣхъ Государственный Совѣтъ, разсматривавшіе проектъ Мѣстнаго Свода, исполнили удовлетворительно возложенную на нихъ задачу; но г. Ширренъ думаетъ объ этомъ иначе и объявляетъ намъ что Сводъ Законовъ не представляетъ полнаго итога законовъ дѣйствующихъ Далѣе, въ пунктѣ 1 мъ распорядительной части того же указа, правительство выразило положительное требованіе, чтобы съ 1 го января 1846 первыя двѣ части Свода Мѣстныхъ Узаконеній воспріяли полную силу и дѣйствіе закона; но и на это г. Ширренъ согласиться не можетъ, ибо въ Сводъ могли попасть и такія статьи, которымъ онъ и друзья его вовсе не намѣрены подчиняться. Наконецъ, тѣмъ же указомъ было повелѣно приводить и примѣнять статьи Мѣстнаго Свода на томъ же основаніи, какъ дѣлаются подобныя указанія на статьи общаго Свода Законовъ Имперіи; но вѣдь и это требованіе основано было на признаніи обязательности Свода, какъ установленнаго мѣрила законности, а если законность самого Свода подвержена сомнѣнію, то очевидно гораздо удобнѣе и вѣрнѣе ссылаться прямо на источники, на привилегію Сигизмунда Августа, на ништатскій трактатъ и на другіе акты, которыхъ законность и обязательность стоитъ превыше всякаго сомнѣнія. Такъ теперь и дѣлаютъ.

Что же послѣ этого Сводъ? спроситъ вѣроятно читатель. Что онъ не новый законъ, не уложеніе — это мы знали и прежде, а теперь узнаемъ, что нельзя признать его и за полный итогъ всѣхъ дѣйствующихъ и притомъ только однихъ дѣйствующихъ законовъ въ отличіе отъ недѣйствующихъ. Какая же разница между Сводомъ и ни для кого необязательною компиляціею, составленною какимъ нибудь частнымъ лицемъ? Съ точки зрѣнія г. Ширрена разницы нѣтъ, и Сводъ превращается въ литературное упражненіе гг. Бреверна, Сиверса, Бунге и Самсона, только напечатанное не на ихъ счетъ, а на счетъ казны.

Въ сущности, это воззрѣніе не заключаетъ въ себѣ для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ понятіями остзейскихъ юристовъ, ничего особенно новаго. Ту же мысль о сомнительности обязательной силы Мѣстнаго Свода проводилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ тамошнихъ ученыхъ, который въ добавокъ еще самъ принималъ дѣятельное участіе въ его составленіи; но г. Ширрену удалось вычитать подтвержденіе балтійскаго понятія о Сводѣ Законовъ (то есть, въ сущности, отрицаніе Свода, какъ полнаго итога дѣйствующихъ мѣстныхъ законовъ) въ томъ самомъ Высочайшемъ указѣ, при которомъ онъ былъ обнародованъ [1]). Въ этомъ состоитъ личная заслуга г. Ширрена, и я прошу позволенія остановить на ней вниманіе читателей, какъ на образчикѣ діалектическихъ пріемовъ его въ истолкованіи текстовъ. Въ послѣднемъ, 5-мъ пунктѣ упомянутаго указа значится буквально: „Въ отношеніи къ сему Своду Мѣстныхъ Узаконеній губерній Остзейскихъ, коимъ такъ же, какъ и общимъ Сводомъ Зоконъ Имперіи, не измѣняются ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій, и оныя только приводятся въ единообразіе и систему, порядокъ, установленный на случаи неясности самого закона въ существѣ его, или же недостатка или неполноты въ его изложеніи, для поясненія и дополненія законовъ остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ“. Приведенный пунктъ указа, какъ видитъ читатель, содержитъ въ себѣ два предложенія, одно главное, другое вставочное. Оба относятся именно къ Своду, а не къ чему-либо иному, и смыслъ обоихъ для всякаго понимающаго по-русски и не мудрствующаго лукаво совершенно ясенъ. Главнымъ предложеніемъ примѣняется къ Своду Законовъ прежній порядокъ, установленный для разрѣшенія вопросовъ о поясненіи и дополненіи дѣйствующихъ законовъ, чѣмъ еще разъ подтверждается, что всякая статья Свода есть въ полномъ смыслѣ дѣйствующій законъ. Въ вставочномъ же предложеніи поясняется разница между Сводомъ, какъ систематическимъ итогомъ дѣйствующихъ законовъ и новымъ закономъ или уложеніемъ. Теперь посмотримъ, что̀ открылъ въ

---

[1]) Именной 1 іюля 1845 № 19146.

этой статьѣ зоркій взглядъ г. Ширрена. Я перевожу буквально: „Въ указѣ предусматривается, что можетъ встрѣтиться неясность, недостатокъ, неполнота въ изложеніи того, что имѣетъ силу закона, и заявляется требованіе, чтобы подобные случаи не вели къ ослабленію силы и дѣйствія самыхъ законовъ. Самыхъ законовъ! (г. Ширренъ повторяетъ эти два слова и перепечатываетъ ихъ крупнымъ шрифтомъ), слѣдовательно, насъ опять таки обращаютъ къ источникамъ, которые древнѣе этого Мѣстнаго Свода, къ правамъ, обычаямъ, уставамъ, привилегіямъ и льготамъ, имѣвшимъ силу и дѣйствіе, прежде чѣмъ онъ воспріялъ силу и дѣйствіе, „къ жалованнымъ грамотамъ и указамъ нашихъ высокихъ прародителей" и такимъ образомъ идя вспять, шагъ за шагомъ, отъ 1856 къ 1827, отъ 1827 къ 1801, къ 1796, 1762, 1742, 1741, 1728, 1725, 1721, до ништатскаго мирнаго трактата и до конфирмацій 1710 года, мы опять очутимся у самаго источника нынѣ дѣйствующаго нашего права и нашихъ законовъ, далеко выше всевозможныхъ кодификацій, конфискацій и т. д. [1]). Итакъ Высочайшій указъ, говоря о Сводѣ Законовъ, различаетъ въ немъ содержаніе (самый законъ по существу) отъ формы или редакціи, а г. Ширренъ посредствомъ довольно ловкой подтасовки понятій подвертываетъ читателю, вмѣсто формы—Сводъ, а вмѣсто содержанія—самый законъ, какъ нѣчто остающееся въ силѣ внѣ Свода, и выходитъ, что Сводъ самъ по себѣ, а законъ самъ по себѣ. Если вы затѣмъ все-таки пожелаете узнать, что же такое эти самые законы, то вамъ укажутъ на тѣ 32 фоліанта всякаго рода латинскихъ, нѣмецкихъ, польскихъ и шведскихъ документовъ, которыми остзейскіе дѣльцы при первомъ приступѣ къ составленію Свода Мѣстныхъ Узаконеній думали застращать правительство и отбить у него охоту когда-либо вывести на свѣтъ Божій секреты остзейскаго права; а если вы не испугаетесь и позволите себѣ замѣтить, что вѣдь это не болѣе какъ собраніе расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ матеріаловъ, и что вся задача состоитъ именно въ извлеченіи изъ нихъ обязательныхъ законовъ, сохраняю-

[1]) Стр. 143.

щихъ донынѣ силу и дѣйствіе, то вамъ дадутъ почувствовать, что вы черезчуръ любопытны, и что на то есть мѣстные юристы, до которыхъ вамъ нѣтъ никакого дѣла, но которые пожалуй не откажутся, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, давать вамъ нужныя объясненія и подходящія къ дѣлу справки. Словомъ, вамъ присовѣтуютъ вернуться къ старой практикѣ прошлаго вѣка, когда Сенатъ по поводу каждой поступавшей къ нему изъ Остзейскихъ губерній жалобы или просьбы начиналъ съ того, что спрашивалъ: какіе же именно законы дѣйствуютъ въ томъ краѣ? по нѣскольку лѣтъ не получалъ отвѣта, или получалъ отвѣты уклончивые, сердился, выходилъ изъ себя, и наконецъ кончалъ все-таки тѣмъ, что не добившись толку, подписывалъ опредѣленіе, подсунутое ему какимъ-нибудь подосланнымъ оттуда же нѣмецкимъ ябедникомъ.

Изъ вышеприведенныхъ сужденій г. Ширрена о силѣ и значеніи Свода Мѣстныхъ Узаконеній само собою обнаруживается, что онъ порицаетъ въ немъ не исполненіе, а самую задачу, поставленную правительствомъ. Всякая вообще попытка ввести установленія и обычаи Прибалтійскаго края въ систему общихъ и мѣстныхъ законовъ есть уже сама по себѣ посягательство на мѣстное провинціальное право и актъ произвола; ибо по новѣйшей балтійской теоріи мѣстныя юридическія особенности этого края имѣютъ свое основаніе не въ законахъ, а въ государственныхъ договорахъ и международныхъ обязательствахъ. Этимъ отрицается законность всего Мѣстнаго Свода огульно, а не того или другого постановленія, въ немъ содержащагося. Во второй статьѣ этого Свода сказано положительно, что какъ общіе законы, дѣйствующіе единообразно въ Имперіи, такъ и узаконенія мѣстныя заимствуютъ силу свою отъ единой власти самодержавной.

Неправда—отвѣчаетъ на это г. Ширренъ: „Общій Сводъ Имперіи дѣйствительно исходитъ всецѣло отъ верховной неограниченной власти, но Мѣстный Сводъ выросъ отъ другого, собственнаго своего корня; онъ содержитъ въ себѣ часть, подверженную измѣненіямъ, и часть неизмѣнную; поэтому признаніе его не зависитъ исключительно отъ верховной не-

ограниченной власти, а отчасти отъ той же верховной власти, ограничившей самое себя [1])“.

Я теперь не спрашиваю, кто правъ и кто ошибается, г. Ширренъ и съ нимъ за одно вся балтійская интеллигенція, или высшія правительственныя учрежденія и сама верховная власть, утвердившая Мѣстный Сводъ? Мое дѣло указать на коренное противорѣчіе въ ихъ понятіяхъ. Оно такъ существенно, что самая возможность возникновенія и укорененія его представляетъ собою явленіе въ своемъ родѣ безпримѣрное. Легко сказать: верховная власть и цѣлая область расходятся въ своихъ понятіяхъ объ источникѣ законодательной власти, и этого до сихъ поръ не замѣчали, по крайней мѣрѣ не заявляли наши кавалерійскіе генералы, управлявшіе краемъ! А меня обвиняютъ въ натяжкахъ и преувеличеніяхъ!

Да не подумаетъ читатель, чтобы протестъ г. Ширрена противъ второй статьи Мѣстнаго Свода относился собственно къ нынѣшней формѣ верховной законодательной власти. Его возмущаетъ не право Самодержца по личному своему усмотрѣнію издавать и отмѣнять законы, а вообще введеніе Остзейскаго края въ общую для всей Имперіи систему законовъ и подчиненіе его законодательной власти, дѣйствующей во всей Имперіи, въ какихъ бы впрочемъ формахъ и подъ какими бы условіями эта власть ни проявлялась [2]). Для уясненія дѣла заглянемъ впередъ; предположимъ, что нынѣшняя форма правленія измѣнилась, и что вся Россія и въ составѣ ея Балтійскія губерніи на равныхъ правахъ съ другими допущены въ лицѣ своихъ представителей къ участію въ законодательствѣ; законы составляются, утверждаются, вводятся въ дѣйствіе и отмѣняются уже не однимъ Самодержцемъ, а въ совокупности съ народнымъ представительствомъ и не иначе, какъ съ вѣдома и согласія всей земли. Царство единоличнаго произвола кончилось, а протестъ г. Ширрена все-таки остается во всей своей силѣ, и при первой попыткѣ

---

[1]) Seine Anerkennung (des Provinzial Swod) ruht nicht allein bei der souverainen Macht, die unbeschränkt ist, sondern, zum andern Theile—bei der souverainen Macht, die sich selbst beschränkt hat. Стр. 157. Также стр. 43, 44.

[2]) Стр. 45, 46, 47, 61.

будущаго народнаго представительства облечь свою коллективную волю въ форму закона, обязательнаго для Балтійскаго края, тамошніе депутаты, ученики г. Ширрена, должны будутъ встать и, обращаясь къ земской думѣ, повторить тотъ самый аргументъ, которымъ онъ теперь подрываетъ силу законодательной воли единаго Самодержца. Онъ самъ предусмотрѣлъ этотъ случай и подготовилъ на него отвѣтъ: власть законодательнаго учрежденія, единоличнаго или коллективнаго—все равно, не можетъ выходить изъ предѣловъ, опредѣляемыхъ закономъ, а наши мѣстныя права имѣютъ основаніе не въ законахъ, а въ государственномъ договорѣ; трактатъ выше законовъ; онъ утвержденъ разъ навсегда, и ваше народное представительство обязано передъ нимъ склониться [1]).

Безъ законовъ однако обойтись нельзя, а неизбѣжное движеніе законодательства предполагаетъ законодательную власть. Кому же принадлежитъ эта власть? Выслушайте отвѣтъ г. Ширрена; онъ разрѣшитъ вамъ всѣ сомнѣнія: „При заключеніи договора съ Россіею лифляндскія корпораціи выговорили себѣ полнѣйшую автономію и она была признана за ними на вѣчныя времена. Автономія заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, право корпорацій оставаться тѣмъ, что онѣ суть (zu bleiben was sie sind)“ [2]).—Иными словами, право остановить всякое преобразованіе, идущее сверху, рѣшительнымъ veto. „Не позволямъ“—и дѣлу конецъ.—„Во-вторыхъ, право преобразовываться изнутри, пользуясь при этомъ заключенными договорами, какъ прикрытіемъ отъ всякаго принужденія извнѣ“, т. е. со стороны правительства. Итакъ корпораціи могутъ всему помѣшать и все, что имъ вздумается, съ собою сдѣлать; правительство не можетъ ничего ни сдѣлать отъ себя, ни остановить Трудно было бы выразить отрицаніе государственной законодательной власти въ формѣ болѣе категорической. Строго логическое примѣненіе этой теоріи приводитъ г. Ширрена между прочимъ къ слѣдующему сужденію. Извѣстно, что Императрица Екатерина II, будучи сама Нѣмка по происхожденію, не считала себя обя-

---

1) Стр. 159.—2) Стр. 187.

занною благоговѣть передъ нѣмецкими порядками Балтійскаго края, а относилась къ нимъ довольно свободно и даже критически. Всмотрѣвшись въ нихъ пристально, и не ожидая ничего путнаго отъ инниціативы мѣстныхъ сословій, она, не испрашивая у нихъ разрѣшенія, собственною своею властью преобразовала на общихъ для всей Имперіи основаніяхъ все мѣстное управленіе, введя въ томъ краѣ положенія о намѣстничествахъ и о городахъ. О теоріи г. Ширрена Императрица, какъ видно, ничего не знала, не знали и сами Остзейцы того времени, безропотно подчинившіеся ея требованіямъ. Спрашивается, хорошо ли они поступили? Такъ нехорошо, отвѣчаетъ г. Ширренъ, „что въ наказаніе за покорность (Unterwürfigkeit), съ которою они приняли Екатерининскій законъ, стоило бы продержать ихъ долѣе подъ его гнетомъ“ [1]). Строгость этого приговора можетъ служить свидѣтельствомъ происшедшей съ тѣхъ поръ перемѣны въ понятіяхъ. Нынѣшніе Остзейцы давно образумились, покаялись за своихъ дѣдовъ и, конечно, не впадутъ въ тотъ же грѣхъ унизительнаго повиновенія законамъ. Мы давно могли убѣдиться въ этомъ на практикѣ, а теперь мы предупреждены вдвойнѣ—намъ разъяснено, почему такъ должно быть.

Примѣръ Екатерины уяснилъ намъ, чего верховная законодательная власть не должна себѣ позволять, буде она не желаетъ наткнуться на систематическое неисполненіе законовъ, возведенное новѣйшею балтійскою теоріею въ гражданскій долгъ. Оставалось показать, какимъ порядкомъ и на какихъ условіяхъ позволительно измѣнять существующіе законы, приспособляя ихъ къ требованіямъ времени. Тутъ г. Ширренъ ссылается на Петра I, завѣщавшаго своимъ преемникамъ для ихъ руководства „великое ученіе о балансированіи равноцѣнныхъ правъ (die grosse Lehre von der Aequivalenz der Rechte), которое онъ самъ проповѣдывалъ на практикѣ“. Это нѣсколько загадочное выраженіе объясняется слѣдующимъ примѣромъ. Сомнительной подлинности привилегія Сигизмунда Августа признавала за дворянствомъ между прочимъ право живота и смерти надъ кре-

1) Стр. 186.

стьянами (das Recht über Hals und Hand). Петръ I спеціально подтвердилъ ее и обѣщался возстановить дворянство во всѣхъ прежнихъ правахъ его (in integrum). При этомъ онъ, конечно, включилъ въ конфирмацію Аккордныхъ Пунктовъ оговорку: „елико оныя (права и привилегіи) къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и все-таки (замѣчаетъ г. Ширренъ) онъ поступилъ не по-вашему (т. е. не по-моему), не отмѣнилъ этого права собственною своею властью, а выждалъ, пока само дворянство заявило, что оно не требуетъ его возстановленія. Мало того, и тогда оно было не отнято, а замѣнено другимъ; ибо въ противномъ случаѣ возстановленіе въ прежнихъ правахъ было бы не полно, не всецѣло. Привилегіи вообще подлежатъ не сокращенію, а, напротивъ, умноженію (sind zu mehren, nicht zu mindern), и оттого, когда дворянство добровольно отреклось отъ своего права, Царь урѣзалъ отъ своихъ верховныхъ правъ, сколько призналъ за нужное, для вознагражденія дворянства и предоставилъ ему замѣщеніе всѣхъ судебныхъ должностей. Въ Россіи выборъ судей до недавней отмѣны его имѣлъ характеръ монаршей милости, въ Лифляндіи онъ основанъ на правѣ [1]).

Фактъ этотъ въ томъ значеніи, какое придаетъ ему г. Ширренъ, то есть какъ образецъ для будущаго, какъ частный случай, въ которомъ наглядно выразилось ученіе о такъ называемомъ балансированіи правъ—это непремѣнное условіе правильнаго движенія въ области законодательства, дѣйствительно крайне поучителенъ. Отмѣна прежняго права въ приведенномъ случаѣ очевидно вызывалась не частными интересами власти, а высшими соображеніями нравственнаго свойства—законность и равноправность постепенно вытѣсняли частный произволъ и привилегированность, слѣдовательно это было пріобрѣтеніе для всѣхъ, для всего края, а не для одного правительства, а все-таки расплатиться за него пришлось правительству. Хорошо, что позднѣе не вздумали примѣнить эту систему къ отмѣнѣ пытки; иначе за нее вѣроятно заломили бы такую цѣну, что, пожалуй, и сдѣлка бы

---

1) Стр. 189.

не могла состояться. Но и впереди предстоитъ еще много всякаго рода преобразованій, и потому не мѣшало бы серьезно сообразить, не ведетъ ли законодательная инипіатива къ неизбѣжному правительственному банкротству? Предположимъ, напримѣръ, что правительство захотѣло бы ввести въ Лифляндіи судъ присяжныхъ, котораго тамъ, кажется, не долюбливаютъ [1]), или передать дѣла земскаго хозяйства, нынѣ находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи дворянства, какому-нибудь всесословному представительству, въ родѣ нашихъ земскихъ управъ и собраній. Дворянство, конечно, сперва поламается, чтобъ сразу не уронить цѣны, потомъ, движимое высшими побужденіями рыцарскаго великодушія, рѣшится на благородное самозакланіе и наконецъ представитъ подробный счетъ съ точною оцѣнкою своего безкорыстнаго пожертвованія. Чѣмъ же мы отдаримъ его? Дадимъ ли мы ему верховный провинціальный трибуналъ, на которомъ бы засѣдали непремѣнно чистокровные Остзейцы, или право назначать по своему выбору членовъ остзейскаго комитета? Или не потребуетъ ли Лифляндія по примѣру Финляндіи, чтобъ наши ассигнаціи не пользовались въ ея предѣлахъ принудительнымъ курсомъ? А далѣе, лѣтъ черезъ десять или двадцать, когда возникнутъ новыя потребности, когда придется входить въ новыя коммерческія сдѣлки и расплачиваться за новыя пожертвованія?... Скорое истощеніе правительственнаго капитала вознагражденія такъ очевидно, что невольно приходитъ на умъ: не лучше ли, во избѣжаніе угрожающаго банкротства, просто на просто отказаться заразъ отъ законодательной власти? Чуть ли не къ этому и склоняетъ насъ г. Ширренъ, прикрывая свой добрый совѣтъ теоріею балансированія равноцѣнныхъ правъ, вѣроятно не мало насмѣшившею его самого и добрыхъ друзей его, посвященныхъ во всѣ его заднія мысли.

Я сказалъ, что русская національность въ Остзейскомъ краѣ не пользуется не только преимуществами господствующей, но даже равноправностью съ нѣмецкою, и что вслѣдствіе этого русскіе люди въ тамошнихъ городахъ находятся

[1]) Стр. 86.

до сихъ поръ на положеніи терпимыхъ пришельцевъ. Мнѣ отвѣчали, что это фантазія и при томъ зловредная; фантазія потому, что этого быть не должно и слѣдовательно не можетъ быть, а зловредная потому, что противопоставленіемъ двухъ народностей раздувается племенная вражда. Выслушайте же г. Ширрена: „Нѣтъ сомнѣнія, что естественную границу Имперіи образуетъ балтійское прибрежье, но одинаково несомнѣнно, что господствующей породѣ (der herrschenden Race) положена граница у Чудскаго озера; за этою чертою господство ея превращается въ иго".

Далѣе: „Здѣсь (въ Балтійскомъ краѣ) Русскіе занимаютъ такое точно положеніе, какое должны занимать по праву и какое изстари занимали на дѣлѣ. Они гости, и въ качествѣ гостей могутъ у насъ жить, но не должны у насъ обстраиваться. Но, къ несчастью, какъ бы хорошо ни жилось въ гостяхъ, гость все-таки былъ бы не прочь и похозяйничать въ чужомъ домѣ, пока въ погребѣ и подвалѣ водятся кое-какіе запасы" (sie sind Gäste mit dem Vorrechte des Gastes zu wohnen ohne zu bauen) [1]). Дѣло ясно: въ Балтійскомъ краѣ люди русской породы считаются чужими; они не пользуются, да и не должны пользоваться положеніемъ полноправныхъ гражданъ; они то же, что Французы, Италіанцы или Англичане. Но вѣдь однако этотъ край все-таки есть часть Имперіи, носящей названіе Россійской вѣроятно потому, что совокупленіе въ одно политическое цѣлое составныхъ ея элементовъ было дѣломъ не Татаръ, не Хивинцевъ и не Нѣмцевъ, а именно людей русской породы; стало быть, въ этомъ смыслѣ, какъ государственное пріобрѣтеніе, Лифляндія принадлежитъ намъ и мы, повидимому, имѣли бы нѣкоторое основаніе, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ другими согражданами нашими, принадлежащими къ другимъ (не породамъ, а) племенамъ, ступивъ на ея почву, считать себя дома, а не въ гостяхъ? — Съ чего вы это взяли, отвѣчаетъ г. Ширренъ. „Почва, на которой мы стоимъ, принадлежитъ Царю, Имперіи и намъ, но отнюдь не народу вашему [2]). — Чтобъ добыть ее, нужны были неимовѣрныя усилія—этого я

[1]) Стр. 94 и 95.—[2]) Стр. 115.

не отрицаю, но вашъ народъ не имѣетъ доли въ добычѣ, и пора наконецъ заявить это" (der Boden, auf dem wir stehen, gehört nicht ihrem Volke, nächst Kaiser und Reich ist er unser etc. Ihr Volk hat keinen Antheil am Preise, und es ist gut, es zu constatiren etc. [1]).

Изучая исторію сѣверной войны, продолжаетъ г. Ширренъ, я напрасно искалъ въ числѣ участвовавшихъ въ ней народа, одушевленнаго сознаніемъ своего историческаго призванія; народа не оказалось—его никто не спрашивалъ, никто не собиралъ земской думы на совѣтъ. Я видѣлъ только мѣднаго всадника, возсѣдавшаго на упрямомъ конѣ, которому онъ всаживалъ свои шпоры въ бока, и конь кобенился, становился на дыбы и все-таки покорялся своему повелителю. Скажите въ самомъ дѣлѣ: гдѣ была Россія въ то время, когда Царь на морѣ и на сушѣ встрѣчалъ враговъ своей Имперіи? Искать ли ея между олонецкими плотниками, или воронежскими крестьянами, или тѣми мошенниками, которыхъ воротили съ пути въ Сибирь строить новую столицу? Или не обратиться ли за справками къ соловецкимъ монахамъ, къ приволжскимъ бурлакамъ, къ стрѣльцамъ, къ старовѣрамъ, къ бородачамъ, къ обритымъ, приберегавшимъ свои бороды ко дню послѣдняго суда, или къ духовенству, или къ астраханскимъ бунтовщикамъ и т. д. [2]).

Эта краснорѣчивая выходка, которую я привожу въ сокращеніи, крайне поучительна. Петръ I воевалъ, мирился и раздвигалъ предѣлы своей державы самъ по себѣ, отъ себя и для себя, а вовсе не по уполномочію отъ русскаго народа и не въ качествѣ его представителя. Народъ не оказывалъ сознательнаго и вольнаго содѣйствія своему повелителю; напротивъ, онъ мѣшалъ, насколько могъ, осуществленію великихъ его предначертаній и тѣмъ самымъ лишилъ себя всякаго права примазываться къ нему заднимъ числомъ.

Послѣ такой отповѣди, намъ, повидимому, оставалось бы только раскланяться, отойти въ сторону и въ утѣшеніе себѣ прибавить новый стихъ къ извѣстному Виргиліеву четверостишію: sic vos non vobis etc. Но бывшій дерптскій профес-

---

1) Стр. 115, 117.—2) Стр. 117, 118, 119, 140.

соръ и знатокъ русской исторіи самою суровостью приговора, которымъ онъ побиваетъ наши скромныя надежды въ настоящемъ, наводитъ насъ на новую мысль. до которой безъ помощи его мы вѣроятно бы не додумались. Кто знаетъ: и мы со временемъ преобразимся, можетъ быть, изъ породы въ народъ, изъ подданныхъ въ гражданъ—я знаю, что въ Дерптѣ это кажется несбыточнымъ, но вѣдь бываютъ на свѣтѣ и не такія чудеса. Можетъ быть, измученный конь съ надодранными боками, котораго намъ сейчасъ показывали, къ изумленію своихъ конюховъ обрѣтетъ голосъ—вѣдь и Валаамова ослица заговорила — тогда ничто не помѣшало бы поднять вопросъ сызнова и сказать, что такъ какъ Петръ I давалъ обѣщанія за себя и за своихъ наслѣдниковъ, а не за насъ, не призывая земской думы на совѣтъ, то мы, не считая себя связанными его словомъ, полагали бы обсудить вновь...

— Что Вы это! прерываетъ меня г. Ширренъ: „Державная воля высказалась разъ навсегда и ваше будущее народное представительство обязано передъ нею склониться“ [1]).

Итакъ дерптская логика дошла до слѣдующаго результата: когда Царь совокупными силами своей державы что-нибудь пріобрѣтаетъ, народъ не долженъ претендовать на долю въ его пріобрѣтеніи, ибо Царь и народъ не одно лице; а когда Царь выдаетъ обязательства, весь народъ долженъ считать себя связаннымъ, ибо Царь и народъ одно лице. Въ барышахъ намъ нѣтъ части, а за долги мы отвѣчаемъ.

Я сказалъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмецкая партія перешла уже отъ оборонительнаго образа дѣйствія къ наступательному, быстро перестраиваясь изъ разобщенныхъ между собою сословій въ политическую національность. Это тоже показалось невѣроятнымъ и мнѣ возразили свидѣтельствомъ князя Суворова, мною же приведеннымъ, что съ присоединеніемъ Балтійскаго края къ Россіи тамошній германизмъ окончательно заключился въ предѣлахъ домашняго быта. Посмотримъ, какъ думаетъ объ этомъ г. Ширренъ. Въ самомъ концѣ своей брошюры, сливая въ одинъ заключительный аккордъ разыгранныя имъ фантазіи, онъ перепе-

---

1) Стр. 193.

чатываетъ крупными буквами цитатъ изъ введенія въ Капитуляцію лифляндскаго рыцарства: „Нѣмецкая нація и ея потомство въ здѣшнемъ краѣ и здѣшній край для нѣмецкой націи и ея потомства на вѣчныя времена (die deutsche Nation und deren Nachkommen in diesen Landen und diese Lande für die deutsche Nation und deren Nachkommen) [1]). — Вотъ сумма всей Капитуляціи! Найдите болѣе ясное выраженіе для великаго права".

Нѣсколько выше, разсуждая о задачѣ настоящей минуты и ближайшей будущности, г. Ширренъ опредѣлялъ ее слѣдующимъ образомъ: „Отъ мелкихъ привилегій отказаться, а существенныя и основныя возвести мало по малу на степень общаго достоянія всего мѣстнаго народонаселенія" [2]). Дѣйствительно трудно себѣ представить господство національности при отсутствіи цѣльной и живой націи, а такъ какъ въ настоящую минуту ея не оказывается, то ее подобаетъ создать изъ разрозненныхъ, сословныхъ элементовъ. Особенной трудности въ этомъ не встрѣтится, ибо коренныя права, о которыхъ идетъ рѣчь, по содержанію и существу своему суть права земскія (Landesrechte), хотя въ моментъ присоединенія края къ Россіи носителями и оберегателями ихъ были сословные и корпоративные организмы. Остается только перелить это содержаніе изъ многихъ, слишкомъ тѣсныхъ для него сосудовъ въ одинъ болѣе прочный и объемистый. Городскія привилегированныя корпораціи преобразятся въ го-

---

[1]) Стр. 194. Эти слова въ русскомъ текстѣ и въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ выражаютъ вовсе не право и даже не домогательство, а предположеніе, истолкованіе факта: Всевышній, имѣя многократныя причины поразить своимъ гнѣвомъ эту землю и въ конецъ искоренить ея обывателей, оказывалъ имъ пощаду, изъ чего для всѣхъ должно быть очевидно, что милосердый Богъ взглянулъ благосклонно на намѣреніе первоприбывшихъ въ этотъ край Нѣмцевъ (апостоловъ-меченосцевъ) и „дѣйствительно и совершенно сію націю въ потомкахъ ихъ и оную землю даже до окончанія свѣта въ милости сохранить изволитъ". Какъ видитъ читатель, въ русскомъ текстѣ о сохраненіи земли именно для нѣмецкой націи нѣтъ и помину; но мы готовы приписать это неточности выраженія, такъ какъ иначе пришлось бы допустить, что пути Промысла не совсѣмъ совпадали съ политическою программою лифляндскаго рыцарства, а это конечно было бы слишкомъ невѣроятно.

[2]) Стр. 186.

родское общество, рыцарство съ своей стороны разомкнется и приметъ въ свою среду группу землевладѣльцевъ, не внесенныхъ въ матрикулы, высшее и среднее сословіе сблизятся и, наконецъ, сами крестьяне, которыхъ мы научили стоять на ногахъ (это все говоритъ г. Ширренъ), будутъ мало по малу, въ мѣру развитія ихъ экономическаго, политическаго и нравственнаго образованія, восходить все выше и выше, отъ приходовъ черезъ уѣзды, и пріобщаться къ общимъ правамъ [1]). Такимъ образомъ автономія, которою пользовались прежде сословія, каждое про себя въ своемъ ограниченномъ кругѣ дѣйствія, но которая не была предоставлена всей землѣ, какъ цѣлому (dem Lande ist sie nicht gewährt worden [2]) — подлинныя слова г. Ширрена) незамѣтнымъ образомъ сдѣлается достояніемъ провинціи, иначе, изъ права общественнаго преобразится въ право политическое.

Программа, начертанная г. Ширреномъ, очень плѣнительна; но почтенный авторъ, можетъ быть, не безъ намѣренія предоставилъ догадливости самихъ читателей разрѣшить естественно возникающій вопросъ о соглашеніи ея съ выведенною выше суммою привилегій. Если по Божественному предопредѣленію Балтійское поморье создано для Нѣмцевъ и если въ силу капитуляцій они одни, за исключеніемъ всякаго другого племени, должны въ немъ хозяйничать, то тѣмъ самымъ высказывается, что масса мѣстнаго населенія, издревле окрещенная выразительнымъ прозвищемъ Ненѣмцевъ (der Undeutschen), по самой природѣ своей не должна и мечтать о равноправности съ тамошними хозяевами и владыками. Съ другой же стороны, такъ какъ въ постепенномъ подъемѣ простого народа до равноправности съ другими сословіями заключается цѣль обѣщаннаго намъ развитія мѣстной автономіи, то и самый процессъ этого развитія, такъ искусно начертанный г. Ширреномъ, потерялъ бы всякій смыслъ. Къ счастью, изъ этого затрудненія представляется естественный выходъ, и всякій умѣющій читать промежъ строкъ легко найдетъ его въ вышеприведенныхъ словахъ о постепенномъ образованіи крестьянъ въ экономическомъ, политическомъ и нрав-

1) Стр. 187, 188.— 2) Стр. 187.

ственномъ отношеніяхъ. По просту это значитъ: прежде чѣмъ предоставлять имъ права и преимущества, недоступныя имъ въ качествѣ Латышей и Эстовъ, нужно ихъ насквозь онѣмечить, ибо иначе Балтійскій край пересталъ бы быть только для Нѣмцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ улетучилось бы и все содержаніе Капитуляцій. Но если Латыши и Эсты, какъ самостоятельныя племена, не имѣютъ политической будущности, и если высшее развитіе доступно имъ лишь подъ условіемъ примкнуть къ другой національности, то почему бы намъ Русскимъ не войти въ конкурренцію съ Нѣмцами и не попытаться втянуть коренное населеніе края въ нашу историческую среду? Оказывается однако, что этого нельзя. Г. Ширренъ видитъ и предугадываетъ малѣйшее наше движеніе. Какъ неподкупный часовой, подозрительно оглядывающій всѣхъ подходящихъ къ оберегаемой имъ тюрьмѣ, онъ выпрямляется и повелительнымъ тономъ кричитъ намъ: „Ваше дѣло управлять, а не руссифицировать!"—regieren, nicht russificiren [1])!

Итакъ германизировать можно, даже должно, во исполненіе Божественнаго предопредѣленія, нельзя только руссифицировать. Не мѣшаетъ и это признаніе принять къ свѣдѣнію.

Я сказалъ, что существующія отношенія трехъ Балтійскихъ губерній къ Россіи по крайней неопредѣленности своей, съ одной стороны, не соотвѣтствуютъ самымъ кореннымъ условіямъ государственнаго единства, а съ другой, не удовлетворяютъ быстро возрастающимъ притязаніямъ мѣстнаго провинціализма, а потому и не могутъ считаться окончательно установившимися. Сила вещей ведетъ къ развязкѣ и къ разрѣшенію старыхъ недоразумѣній; но съ нашей стороны не замѣтно ни яснаго разумѣнія предстоящей намъ задачи, ни послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, тогда какъ, наоборотъ, балтійскій сепаратизмъ слѣдуетъ отчетливо выработанной программѣ. Цѣль его: „Выманить у правительства признанія политическихъ правъ нѣмецкой народности, постепенно сплачивающейся въ цѣльный организмъ. Само собою разумѣется, что слово конституція при этомъ произнесено не будетъ—къ чему пугать словами? Напротивъ, придумаютъ формулу

---

1) Стр. 42, 191.

самую незатѣйливую и скромную, предлогъ самый благовидный, подготовятъ всѣ пути, распредѣлятъ роли, разставятъ всѣхъ по мѣстамъ, при первомъ удобномъ случаѣ пустятъ заведенную машину въ ходъ, и въ одно прекрасное утро проснувшаяся Россія увидитъ на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи колыбель народившейся за ночь новой остзейской Финляндіи".—Кажется, что ничто въ моей книгѣ не возбудило такой досады и такого негодованія, какъ именно эти выписанныя изъ нея строки. Видно, я попалъ въ самое чувствительное мѣсто. Состоящіе при петербургскомъ дворѣ дипломатическіе агенты балтійской интеллигенціи по данному имъ изъ Россіи сигналу разгорячились не на шутку и огласили меня клеветникомъ, а солидные люди, прислушиваясь къ ихъ краснорѣчивымъ отреченіямъ, повѣрили имъ и пришли къ заключенію, что я увлекся и предположилъ небывалое. Но и въ этомъ случаѣ мой вѣрный союзникъ кстати подоспѣлъ мнѣ на помощь. Вотъ слова г. Ширрена: „Какъ! мы стали бы боязливо распредѣлять роли и указывать мѣста, чтобъ выкрасть право, которымъ мы искони владѣли? Стали бы выбиваться изъ силъ, чтобъ какъ-нибудь замаскировать нашу конституцію, которую нѣсколько уже вѣковъ къ ряду озаряетъ солнце, хотя подъ часъ по ней и пробѣгали тучи и тѣни? Кого морочите Вы этою фантасмагоріею? Знайте, что права, на которыхъ наша „конституція" зиждется, древнѣе понятій, нынѣ господствующихъ, и обезпечена присягою болѣе торжественною, чѣмъ дѣйствующіе законы [1]) ... Да! Лифляндія не губернія въ родѣ другихъ, а особая провинція, и уже полтораста лѣтъ тому назадъ Петръ I присоединилъ къ своей Имперіи не иное что, какъ именно то, чѣмъ вы насъ теперь пугаете, какъ грядущимъ привидѣніемъ, именно Балтійскую Финляндію [2]).

Стало быть, я не только не переступилъ черты, отдѣляющей дѣйствительность отъ порожденій фантазіи, а, напротивъ, не дошелъ до нея. Г. Ширренъ безоговорочно принимаетъ формулу, которою я выразилъ теперешнее политическое исповѣданіе остзейской интеллигенціи и вся ошибка моя по его

[1]) Стр. 193.—[2]) Стр. 115.

словамъ состоитъ въ томъ, что вторая Финляндія представлялась мнѣ въ будущемъ, тогда какъ онъ созерцаетъ ее въ настоящемъ. А въ Петербургѣ о балтійской конституціи всетаки какъ будто и не знаютъ и добродушно повторяютъ, что Остзейскія губерніи управляются на основаніи узаконеній, исходящихъ отъ единой власти самодержавной. Странное недоразумѣніе!

Изъ сдѣланныхъ мною сопоставленій читатели конечно убѣдятся, что простое чувство благодарности обязывало меня, приступая къ разбору брошюры г. Ширрена, прежде всего признать ту неоцѣненную услугу, которую онъ мнѣ оказалъ, подтвердивъ своимъ авторитетомъ фактическую достовѣрность моихъ наблюденій. Свидѣтельство его такъ важно для уясненія господствующихъ у насъ представленій, что я позволю себѣ еще разъ въ короткихъ словахъ повторить тѣ капитальныя положенія, которыя теперь, послѣ выхода его брошюры, смѣло могутъ быть приняты за выраженіе убѣжденій балтійской интеллигенціи.

Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній для губерній Остзейскихъ въ смыслѣ критеріума законности не обязателенъ.

Мѣстные законы исходятъ не отъ единой власти самодержавной, а имѣютъ свое основаніе въ государственныхъ договорахъ, отъ которыхъ верховная власть не вправѣ отступить.

Остзейскія привилегированныя корпораціи пользуются автономіею и слѣдовательно могутъ не подчиняться законамъ, издаваемымъ безъ ихъ соизволенія.

Русскій народъ не участвовалъ въ пріобрѣтеніи Балтійскаго края Петромъ I, и потому Русскіе, въ этомъ краѣ водворившіеся, должны довольствоваться въ немъ положеніемъ гостей.

Задача будущаго развитія заключается въ возведеніи сословныхъ привилегій на степень провинціальныхъ, политическихъ правъ господствующей нѣмецкой національности.

Для достиженія этой цѣли можно и даже должно германизировать Латышей и Эстовъ.

Руссифицировать ихъ нельзя.

Лифляндія не губернія, а отдѣльная провинція, имѣющая

свою конституцію и состоящая въ одинаковомъ съ Финляндіею отношеніи къ Имперіи.

Само собою разумѣется, что мой ученый противникъ, такъ неожиданно превратившійся для меня въ дорогого союзника, сходится со мною только въ опредѣленіи признаковъ, характеризующихъ политическое настроеніе Балтійскаго края и рѣшительно расходится со мною въ ихъ оцѣнкѣ и въ дальнѣйшихъ выводахъ. То, въ чемъ я вижу законное требованіе государственнаго начала или господствующей народности, возмущаетъ его какъ проявленіе личнаго произвола или темныхъ инстинктовъ грубой породы, и наоборотъ то, въ чемъ я вижу вопіющія аномаліи, радуетъ его какъ торжество права и какъ признакъ пробужденія національности, чуть было не утратившей памяти о себѣ самой; но о разномысліяхъ рѣчь впереди, и я довольствуюсь на первыхъ порахъ закрѣпленіемъ признанныхъ фактовъ. Остзейскій сепаратизмъ выступаетъ въ нихъ такъ выпукло, что нельзя не замѣчать его, нельзя даже, какъ въ былыя времена покойной Сѣверной Почты, замазывать его оффиціальною риторикою; можно только противодѣйствовать ему, притомъ не одними словами, а дѣломъ, или сознательно и преднамѣренно игнорировать его, иначе—поблажать ему [1]).

---

[1]) Это было писано задолго до послѣдней дипломатической ноты въ формѣ адреса, полученной отъ лифляндскаго дворянства. Брошюра г. Ширрена, конечно, блѣднѣетъ передъ декларацією цѣлаго сословія, но въ то же время получаетъ отъ нея особенное значеніе. Первенствующая въ краю корпорація, какъ видно усвоившая себѣ политическую теорію бывшаго профессора, отрицаетъ законодательное право верховной власти и напоминаетъ ей о ненарушимости подписанныхъ ею договоровъ; правительство отвѣчаетъ, что Лифляндія управляется на основаніи не договоровъ, а законовъ, исходящихъ отъ единой власти самодержавной; поговоривъ такимъ образомъ, обѣ стороны расходятся, оставаясь каждая при своемъ, правительство—при Сводѣ Законовъ, котораго необязательность сдѣлалась политическимъ догматомъ Лифляндіи, а дворянство—при своемъ протестѣ, въ то же время удерживая въ своихъ рукахъ судъ и администрацію. Чего же лучше! Кажется всѣ довольны.

III.

Хотя поводомъ къ брошюрѣ г. Ширрена послужило появленіе Окраинъ Россіи, и хотя онъ постоянно обращается въ ней лично ко мнѣ, однако въ сущности она направлена не столько противъ меня, сколько противъ предложенія, недавно сдѣланнаго Лифляндіи, добровольно содѣйствовать тѣснѣйшему объединенію ея съ Россіею. На это предложеніе г. Ширренъ (вѣроятно не безъ предварительнаго соглашенія съ своими руководителями) отвѣчаетъ категорическимъ отказомъ [1]) и мотивируетъ его двоякаго рода соображеніями. Лифляндія уклоняется отъ сближенія съ нами, во-первыхъ, потому, что это было бы несовмѣстно съ ея достоинствомъ— мы этого не стоимъ [2]); во-вторыхъ, потому, что притязаніе ея на политическую изолированность, или (какъ выражается г. Ширренъ) на неутральность по отношенію къ русской народности [3]) имѣетъ правомѣрное основаніе въ торжественно гарантированныхъ ей привилегіяхъ. Повидимому, для предположенной авторомъ цѣли можно бы было ограничиться аргументами положительнаго свойства, то есть раскрытіемъ содержанія этихъ привилегій; но соображенія, почерпнутыя изъ сопоставленія двухъ народностей, русской и нѣмецкой, давали превосходный случай, какъ говорится, сорвать душу и облечь отказъ въ форму, наиболѣе для насъ обидную. Къ

1) Стр. 184, 185. — 2) Стр. 108, 105. — 3) Стр. 108.

тому же, прощаясь мысленно съ своею дерптскою каѳедрою, г. Ширренъ естественно могъ почувствовать желаніе представить какъ бы отчетъ въ своихъ научныхъ трудахъ и доказать, что онъ не даромъ получалъ за нихъ казенное жалованье.

Результаты его занятій русской исторіею изложены въ его брошюрѣ очень отчетливо и рѣзко, слогомъ ляпидарнымъ, съ нѣкоторымъ притязаніемъ на тацитовскую сжатость и на его диктаторскій пошибъ.

Во-первыхъ, мы Русскіе не народъ, а порода, eine Race—это слово повторяется на каждой страницѣ, изъ чего можно заключить, что г. Ширренъ очень имъ дорожитъ, какъ самымъ вѣрнымъ опредѣленіемъ той степени развитія, на которой мы стоимъ.

Во-вторыхъ—это слѣдуетъ само собою изъ даннаго опредѣленія—мы отличаемся отъ другихъ народовъ отсутствіемъ отчетливости въ нашихъ дѣйствіяхъ и разумнаго сознанія нашихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, Швеція и Польша въ былыя времена подобно намъ угнетали Лифляндію, но по крайней мѣрѣ суровость ихъ деспотизма облагораживалась высокими идеями, которымъ онѣ служили.—Польша вѣрила въ возможность вселенскаго единодержавія латинской церкви и преслѣдовала осуществленіе своего идеала; Швеція безпощадно ломала привилегіи, подводя стѣснявшія ее мѣстныя особенности края подъ общій административный уровень, но она дѣлала это во имя равноправности и общаго блага, тогда какъ наши покушенія на автономію Лифляндіи всегда исходили и теперь исходятъ изъ темнаго племенного инстинкта, которому не даетъ покоя низкое чувство зависти, растравляемое затаеннымъ сознаніемъ превосходства нѣмецкой крови надъ нашею. Оттого наше иго гораздо хуже и оскорбительнѣе даже монгольскаго [1]).

Въ-третьихъ, у насъ нѣтъ ни историческаго прошедшаго, ни историческаго призванія въ будущемъ—мы существуемъ какъ-то внѣ исторіи и неспособны создать ничего прочнаго [2]).

Нѣкоторыхъ способностей у насъ конечно отнять нельзя

---

[1]) Стр. 104, 105, 162-166 и др. — [2]) Стр. 103, 104, 105.

и между ними первое мѣсто занимаетъ наша достолюбезная непритязательность, наше умѣніе довольствоваться малымъ; но въ насъ нѣтъ ни выдержки, ни устойчивости, ни вѣры въ себя, словомъ, мы рѣшительно обдѣлены именно тѣми способностями, безъ которыхъ никакое племя не можетъ господствовать надъ другимъ [1]).

Вотъ въ общихъ чертахъ, что вынесъ г. Ширренъ изъ своихъ наблюденій надъ породою, съ которую онъ по порученію правительства знакомилъ остзейскую молодежь.

Въ одномъ мѣстѣ своей брошюры онъ говоритъ, что у него „вскипаетъ кровь во всѣхъ жилахъ" при чтеніи русскихъ газетныхъ статей о Балтійскомъ краѣ и прибавляетъ въ видѣ угрозы, „что авось въ скоромъ времени закипитъ и другая кровь" [2])—чья именно, не объяснено. Если онъ надѣялся своими сужденіями о русскомъ національномъ характерѣ отплатить намъ и произвести въ насъ такое же раздраженіе, то онъ ошибся. У русской породы кровь вскипаетъ не такъ легко и желчныя изверженія бывшаго профессора дерптскаго университета имѣютъ для насъ только патологическій интересъ, какъ печальное свидѣтельство упадка той безстрастной добросовѣстности, которою когда-то славились нѣмецкіе ученые, и какъ характерный признакъ настроенія той публики, которую человѣкъ науки тѣшилъ своимъ ученымъ гаерствомъ. Скажу болѣе: какъ бы мы ни были обижены природою, и сколько бы у насъ ни было всякаго рода племенныхъ недостатковъ, мы не обдѣлены способностью смотрѣть объективно, даже критически на самихъ себя. Непритязательность и сговорчивость наша—эти вѣрно подмѣченныя черты русскаго характера, относятся къ внѣшней нашей обстановкѣ, но къ самимъ себѣ мы вообще довольно строги, и г. Ширрену вѣроятно не безызвѣстно, что по крайней мѣрѣ одуреніе до самодовольствія (die Bethörung bis zum Selbstgefallen), котораго такъ боялся Фаустъ, какъ признака конечнаго духовнаго паденія, угрожаетъ не намъ. Твердо въ этомъ увѣренный, я скажу не обинуясь и нисколько не опасаясь оскорбить русскихъ читателей, что въ

[1]) Стр. 103, 105, 106 — [2]) Стр. 91.

выходкахъ г. Ширрена противъ Россіи есть нѣкоторая доля правды, конечно, не вся, не полная правда, но часть правды. Это и не мудрено; ибо хотя всякая жизнь, личная и коллективная, всегда содержитъ въ себѣ тайны, ускользающія отъ недоброжелательной критики и доступныя только сочувственному взгляду, однако нельзя отрицать, что и озлобленіе, возведенное въ высшую потенцію, доходитъ иногда до извѣстной степени ясновидѣнія. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ въ брошюрѣ г. Ширрена одно коротенькое восклицаніе, вѣроятно не обдуманное, невольное, но вырвавшееся изъ подъ самаго сердца и носящее на себѣ отпечатокъ несомнѣнной искренности. Вотъ оно въ буквальномъ переводѣ: „Въ состояніи ли вы по крайней мѣрѣ дать намъ систему управленія, хотя бы и притѣснительную, но за то твердую и послѣдовательную? Это было бы все-таки что-нибудь, и мы бы къ ней приладились". (Kämen sie uns ein drückendes, jedoch starkes und consequentes Regiment zu verheissen! Es wäre immerhin etwas, und wir würden uns einzurichten wissen [1]).—На повѣрку выходитъ, что мы и этого дать не можемъ, такъ что если бы когда-нибудь остзейскіе дѣльцы вздумали перемѣнить тактику и стали бы доказывать намъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права негодовать на возрастающую дерзость ихъ притязаній, нами самими поощряемыхъ, то диспутъ принялъ бы оборотъ, крайне для насъ невыгодный. Вотъ между прочимъ, что бы намъ пришлось выслушать молча: вы требуете нашего содѣйствія для предполагаемыхъ вами мѣропріятій, но прежде всего позвольте узнать, увѣрились ли вы въ собственномъ вашемъ содѣйствіи себѣ самимъ? Способны ли вы въ продолженіи хотя бы пяти лѣтъ къ ряду твердо хотѣть одного и того же? Мы такъ очень въ этомъ сомнѣваемся, припоминая ходъ всѣмъ извѣстныхъ дѣлъ по ревизіи городовъ, по устройству крестьянъ, по судебной реформѣ и по введенію русскаго языка. Легкость, съ которою вы отсупались отъ вашихъ требованій и быстрота, съ которою вслѣдъ за каждымъ начинаніемъ вашимъ наступала реакція, свидѣтельствуютъ о

---

1) Стр. 102.

вашей несостоятельности въ изобрѣтеніи и о поразительной вашей немощи въ исполненіи. Если же вы поступали такимъ образомъ не по природной вашей неустойчивости, а по расчету, въ надеждѣ вашею уступчивостью обезоружить наше сопротивленіе, то вы этимъ обнаруживали полнѣйшее неразумѣніе человѣческой природы вообще и нѣмецкой въ особенности. Можно, не теряя уваженія къ самому себѣ, подчиниться чужой волѣ, служащей зрѣло обдуманному плану и увѣренной въ своей силѣ — мы доказали это въ царствованіе Екатерины II—но чувство собственнаго достоинства не позволяетъ намъ уступать мимолетнымъ прихотямъ. Пора бы вамъ наконецъ понять, что потому-то именно и раздражаетъ насъ такъ глубоко періодическое возобновленіе вашихъ требованій, что мы не можемъ видѣть въ нихъ ничего болѣе, какъ одно безплодное дразненіе.

Вотъ что бы намъ отвѣтили, если бъ мы вздумали возражать, и потому благоразумнѣе на сей разъ смолчать и постараться воспользоваться для переду даннымъ намъ урокомъ. „Къ твердой, хотя бы и притѣснительной системѣ управленія мы бы приладились“. — Эти слова содержатъ въ себѣ цѣлую инструкцію и не слѣдавало бы пропускать ихъ мимо ушей.

Теперь я перейду къ положительной и серьезной сторонѣ брошюры г. Ширрена, къ комментаріямъ его на историческіе факты и документы, состоящіе въ связи съ началомъ русскаго владычества въ Лифляндіи. Ему хочется доказать: что Лифляндія не завоевана, а добровольно подчинилась Петру I на условіяхъ, равносильныхъ государственному договору, навсегда ненарушимому и закрѣпленному международнымъ трактатомъ; что хотя договаривались съ Петромъ I дворянскія и городскія корпораціи порознь, каждая отъ себя, тѣмъ не менѣе, въ сущности, договоръ заключенъ между Россіею и всею Лифляндіею, какъ цѣльною и единою областью; наконецъ, что оговорки, которыми сопровождалось первое утвержденіе привилегій при Петрѣ I, имѣли временное значеніе и теперь утратили всякую силу. Я подробно разберу эти тезисы, чтобъ показать читателямъ, до какого мастерства доведено въ Остзейскомъ краѣ подкрашиваніе прошедшихъ со-

бытій подъ модный цвѣтъ политической партіи, въ настоящее время дающей въ немъ тонъ.

Въ первомъ выпускѣ Окраинъ Россіи было сказано: наши предки отвоевали свое Балтійское поморіе у Швеціи, а не у лифляндскихъ ландратовъ и не у ревельскихъ бургомистровъ. Нѣтъ! отвѣчаеть г. Ширренъ—„ничто не завоевано; правда, по всей вѣроятности, стоило бы отпустить пороха еще на нѣсколько выстрѣловъ, чтобъ съ нами покончить; но хотя бы Петръ I десять разъ къ ряду отвоевалъ у Шведовъ Балтійское поморіе, оно бы все-таки не сдѣлалось его достояніемъ; онъ могъ только опустошать его, но не могъ имъ владѣть, развѣ бы область эта сама попросила его удержать ее за собою, а право просить его объ этомъ имѣли только одни лифляндскіе ландраты и бургомистры [1])“. Если-бъ это значило, что подчиненіе Лифляндіи русскому владычеству, вынужденное въ существѣ фактическимъ торжествомъ русскаго оружія надъ шведскимъ, выразилось въ формѣ дозволенной капитуляціи, то не было бы и повода къ спору, правда — не было бы и возраженія; ибо между дѣйствіемъ невольнымъ и дѣйствіемъ, котораго вольность вынуждена внѣшнею силою, разница въ словахъ. Но мысль г. Шеррена идетъ дальше. Онъ увѣряетъ, что русское владычество пріобрѣло въ глазахъ самого Петра I и западныхъ державъ свойство неоспоримаго права только съ той минуты, когда балтійскія сословія добровольно ему подчинились, и только въ силу ихъ политической автономіи, иначе—ихъ будто бы общепризнаннаго права располагать собою. До тѣхъ же поръ Петръ I завоевывалъ Лифляндію не для себя, а для польскаго короля, которому онъ самъ обязался, уступить ее по изгнаніи Шведовъ [2]). Въ доказательство г. Ширренъ ссылается на

---

1) Я передаю мысль г. Ширрена подлинными его словами, но въ сокращеніи. Стр. 115, 117, 126, 127, 128, 166, 167, 176.

2) Задолго до появленія брошюры г. Ширрена, та же мысль выражена была въ книжкѣ, изданной въ 1841 году въ Лейпцигѣ безъ означенія имени автора (ее приписываютъ рижскому бургомистру Миллеру). Die livländischen Landesprivilegien und deren Confirmationen. Я указываю на нее потому, что г. Ширренъ, нигдѣ объ ней не упоминая, заимствовалъ изъ нея значительную часть своихъ доводовъ и толкованій, во многихъ случаяхъ даже способъ выраженія

цѣлый рядъ договоровъ, заключенныхъ Петромъ I съ королемъ и рѣчью посполитою въ періодъ времени отъ 1699 до копенгагенскаго трактата $^{11}/_{22}$ октября 1709 года.

Фактъ политической сдѣлки между двумя государями извѣстенъ всѣмъ; извѣстно также, что о поддержаніи между ними союза заботился болѣе всѣхъ лифляндскій дворянинъ Рейнгольдъ Паткуль, объяснявшій королю Августу II между прочимъ, „что русская пѣхота очень способна работать въ траншеяхъ и гибнуть подъ выстрѣлами непріятеля, чѣмъ сберегутся войска его королевскаго Величества [1])". Жаль только, что, г. Ширренъ въ своемъ обозрѣніи дипломатическихъ актовъ того времени остановился именно на 1709 году этой скучной исторіи (какъ онъ ее называетъ); ступи онъ еще одинъ шагъ, и вся аргументація его рушилась бы сама собою, ибо вотъ что бы онъ прочелъ: „Понеже со стороны Его Королевскаго Величества польскаго отъ Его Императорскаго Величества требовано, дабы особливый артикулъ въ Торунѣ 1709 года октября въ 20 день между обоими ихъ Величествами учиненный, что княжество Лифляндское со всѣми городами и мѣстами Его Королевскому Величеству польскому, яко курфирсту саксонскому и его наслѣдникамъ, присвоено и уступлено быть имѣло, паки подтвержденъ былъ, того ради Его Царское Величество на то соизволилъ и помянутый особливый артикулъ симъ паки въ такой силѣ, въ какой тогда постановленъ, подтверждаетъ и содержать обѣщаетъ [2])". Это было писано и подписано уполномоченными отъ обѣихъ державъ въ польскомъ городѣ Ярославлѣ $\frac{\text{мая } 29}{\text{іюня } 9}$ 1711 года, слѣдовательно, черезъ годъ послѣ капитуляцій Риги и лифляндскаго рыцарства и черезъ шесть безъ малаго мѣсяцевъ по утвержденіи Петромъ I Аккордныхъ Пунктовъ.

Оказывается, что до капитуляцій Петръ I и Августъ II

и обороты рѣчи. Suum cuique. По глубокой своей враждебности къ Россіи и ко всему русскому, по безсовѣстности своихъ сужденій о нашемъ правительствѣ, наконецъ, по довольно прозрачнымъ намекамъ своимъ на ожидаемое заступничество германской отчизны авторъ этой книжки ни въ чемъ не уступаетъ г. Ширрену и дѣйствительно могъ служить ему образцемъ.

[1]) Устряловъ Исторія Царств. Петра Великаго III. стр. 312. 313.

[2]) Пол. Собр. Зак. IV. № 2363.

располагали судьбою Лифляндіи, не думая справляться съ желаніями ея чиновъ; то же дѣлалъ и самозванный ея агентъ, Рейнгольдъ Паткуль, отдававшій ее Польшѣ безъ спроса и вѣдома даже лифляндскаго дворянства, если вѣрить торжественному заявленію ландтага 1700 года, проклявшаго Паткуля какъ измѣнника и шельму (подлинныя выраженія) и отрекшагося отъ всякой съ нимъ солидарности [1]). По заключеніи капитуляцій король польскій не могъ не знать о якобы добровольномъ вступленіи лифляндскихъ чиновъ въ русское подданство, но, повидимому, не придавалъ этому совершившемуся факту большого значенія, ибо даже умалчивалъ объ немъ. Положимъ, онъ имѣлъ причины преднамѣренно игнорировать его; но замѣчательно, что и Петръ I несмотря на явный интересъ свой упразднить или ослабить обязательность прежней своей сдѣлки по отношенію къ Лифляндіи, по крайней мѣрѣ заявить или оговорить для будущихъ временъ свое новопріобрѣтенное право на нее, точно также ни единымъ словомъ не упомянулъ объ Аккордныхъ Пунктахъ. А какъ бы кстати было опереться на автономію Лифляндцевъ! Между тѣмъ мы видимъ, что капитуляціи не имѣли на прежній договоръ ни малѣйшаго вліянія; онъ остался въ полной силѣ. Итакъ, ни Петръ I, ни Августъ II не подозрѣвали исключительнаго права Лифляндцевъ располагать собою по собственному своему усмотрѣнію. Мало того, оказывается, что объ этомъ правѣ не знали сами Лифляндцы того времени, не читавшіе брошюръ г. Ширрена, не слушавшіе его лекцій, и которымъ онъ теперь, заднимъ числомъ, навязываетъ свою политическую теорію. Понимая вѣроятно не хуже его свои права и свои выгоды, они не только не хвалились мнимою добровольностью своего подчиненія Россіи, а, напротивъ, выбивались изъ силъ, чтобъ какъ-нибудь заявить во всеуслышаніе, что они были къ этому вынуждены необходимостью. Они даже просили самого Петра I помочь имъ при случаѣ оправдаться передъ шведскимъ правительствомъ: „Когда правленіемъ Божескимъ, чрезъ мирный трактатъ, сія провин-

---

[1]) См. Изданіе г. Ширрена: Die Recesse der livländischen Landtage. Стр. 291—295.

ція паки коронѣ шведской отдастся (то есть если бы была отдана)—(möchte abgetreten werden), то проситъ рыцарство и земство впредь покорнѣйше... дабы при такой отдачѣ отъ Его Царскаго Величества съ ними милостивѣйше поступлено было, такъ чтобъ то никому вообще, ниже особливо предосудительно и вредительно быть не могло, что городъ и земля для крайней нужды (aus extremer Noth) и понеже надлежащей обороны болѣе не имѣлось, отъ прежняго правительства по аккорду сдаться принуждены были (sich hat abgeben müssen)" — точь въ точь какъ Курляндцы въ 1812 году.—„Сіе Богъ не допуститъ, а ежели такая перемѣна приключится, то и о другомъ стараніе будетъ"—отвѣчалъ лаконически фельдмаршалъ Шереметевъ [1]).

Эти слова очень ярко обрисовываютъ тогдашнее положеніе лифляндскихъ чиновъ. Мы какъ будто видимъ передъ собою встревоженныя ихъ физіономіи. Они не только не вторгаются въ совершавшіяся событія и не претендуютъ на самостоятельное въ нихъ участіе, а напротивъ, съ своими привилегіями подъ мышкою, пятятся отъ нихъ подальше, боязливо оглядываются, кланяются на всѣ стороны, и болѣе всего заботятся о томъ, какъ бы ихъ не потянули на первый планъ и какъ бы не пришлось имъ принять на себя прямой отвѣтственности, неразлучной съ тою самостоятельною ролью, отъ которой они благоразумно уклонялись и на которую теперь г. Ширренъ, стоя позади, за кулисами, вздумалъ ихъ наталкивать. Дѣло въ томъ, что на тогдашней исторической сценѣ разыгрывался поединокъ между двумя гигантами, а для такихъ дѣятелей, какъ рижскіе бургомистры и лифляндскіе ландраты, было на ней не безопасно. Можетъ быть намъ возразятъ, что въ то время чувство преувеличеннаго страха заставляло ихъ утаивать свою автономію и прикрывать ее исторической необходимостью, но не гораздо ли правдоподобнѣе обратное предположеніе, а именно, что въ настоящую минуту противоположное чувство преувеличенной самоувѣренности внушаетъ невѣдомыя прошлому вѣку политическія притязанія и побуждаетъ къ изобрѣтенію небывалой автономіи?

---

[1]) Пол. Собр. Зак. IV. № 2279.

Не только у всякаго человѣка, но и у всякаго общества есть непремѣнно хоть одинъ любимый конекъ, а у Лифляндцевъ ихъ два: примѣрная вѣрность, великодушно прощавшая всѣ обиды, и политическая автономія, иначе: добровольность поочереднаго вступленія въ подданство польское, потомъ шведское и наконецъ русское. Оба конька служатъ исправно и одинаково хороши въ ѣздѣ, но только въ одиночку. До сихъ поръ опытные наѣздники старой школы бóльшаго отъ нихъ и не требовали. Иногда они выѣзжали на вѣрности и тогда не показывали добровольности, а когда приходилось выѣзжать на добровольности, тогда отводили въ сторону вѣрность и давали ей покой. Г. Ширренъ первый вздумалъ выѣхать разомъ на обоихъ конькахъ, не сообразивъ, что будучи рѣшительно негодны для парной ѣзды, они потянутъ въ разныя стороны, перегрызутся и сбросятъ его на земль. Если Остзейцы никогда самопроизвольно не отлагались, а переходили изъ подъ владычества одной державы подъ владычество другой всегда поневолѣ, уступая силѣ, съ которою не было возможности бороться, тогда не можетъ быть рѣчи о добровольности подчиненія и не остается мѣста для политической автономіи; если жъ, наоборотъ, они никогда не испытывали завоеванія, а всегда добровольно, по собственному своему хотѣнію, отдавались поочередно сосѣднимъ державамъ, тогда нѣтъ основаній хвалиться вѣрностью; дѣло сводится на расчетъ и остается отъ всѣхъ рыцарскихъ доблестей одно умѣніе пользоваться обстоятельствами, котораго никогда никто у нихъ не оспаривалъ.

Противопоставляя новѣйшимъ теоріямъ остзейскихъ публицистовъ ту мысль, что актъ утвержденія частныхъ привилегій (сколько бы ихъ ни было) вовсе не равносиленъ установленію конституціонныхъ отношеній между властью и подданными въ цѣломъ государствѣ или въ цѣлой области, я между прочимъ напомнилъ, что привилегіями опредѣлялись права сословій и корпорацій, что самыя капитуляціи при Петрѣ I заключены были не съ Балтійскимъ краемъ, даже не съ Лифляндіею и не съ Эстляндіею, а съ тамошними рыцарствами или шляхетствами, съ Ревелемъ, Ригою и т. д. порознь, наконецъ, что ни Балтійскій край, ни Лифляндія,

отдѣльно взятая, въ то время не представляли, да и теперь не представляютъ цѣльной, юридической личности, которая могла бы договариваться и вступать въ обязательства. Я не привелъ свидѣтельствъ, ибо никакъ не предполагалъ, чтобъ указаніе на всѣмъ извѣстный фактъ могло подать поводъ къ спору. А все-таки непремѣнно нужно было что-нибудь возразить и на это, не потому только, что г. Ширренъ, кажется, обязался ни одного слова моего не пропускать безъ придирки, но и потому, что приведенный фактъ дѣйствительно бросаетъ на отношенія, установившіяся между Россіею и нѣмецкимъ обществомъ Прибалтійскаго края, вовсе не такой свѣтъ, въ какомъ желали бы выставить ихъ тамошніе публицисты. Верховная власть можетъ отказаться отъ своего полноправія въ дѣлѣ законодательства и управленія въ пользу цѣлой націи, или цѣлой области, или даже какого-нибудь одного сословія, за исключеніемъ массы не принадлежащихъ къ нему мѣстныхъ обывателей, если одно это сословіе въ цѣломъ краѣ пользуется корпоративною организаціею и правомъ неограниченнаго господства надъ остальнымъ населеніемъ. Но когда нѣсколько равноправныхъ и одна другой неподчиненныхъ корпорацій, хотя бы ихъ было не болѣе двухъ, подступаютъ къ правительству съ предложеніемъ вступить съ каждою изъ нихъ порознь въ договорныя отношенія, когда, какъ выразился лифляндскій дворянинъ на шведской службѣ генералъ-маіоръ Паткуль при сдачѣ Ревеля Русскимъ въ 1710 году, „всякаго состоянія всякій про себя договаривается—ein jeder Stand vor sich selbst accordirt“ [1]), трудно предположить, въ какую бы форму ни было облечено соглашеніе, чтобы правительство связало себя навсегда по отношенію къ каждой корпораціи, взятой порознь, признаніемъ безусловной неприкосновенности всѣхъ частныхъ правъ и привилегій, когда-либо ею пріобрѣтенныхъ, не оставивъ за собою послѣдняго слова и не выгородивъ, хотя бы подразумѣвательно, полноты своей законодательной власти. Каждое сословіе тянетъ въ свою сторону и проводитъ свои требованія до послѣднихъ границъ возможнаго, не будучи обязано за-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. IV. № 2297. п. 26.

ботиться о благѣ стоящихъ внѣ его—это его право. Между тѣмъ самымъ обособленіемъ своимъ оно выражаетъ признаніе другихъ самостоятельныхъ общественныхъ группъ, опредѣляя себя по отношенію къ нимъ, какъ часть какого-нибудь цѣлаго, какой-нибудь болѣе широкой единицы, политической, соціальной, или административной, можетъ быть и не имѣющей строго установленныхъ очертаній, но во всякомъ случаѣ предполагаемой. Въ комъ же олицетворялись бы интересы этого цѣлаго и откуда бы почерпалась сила, нужная для взаимнаго соглашенія и для подчиненія общей пользѣ и общимъ цѣлямъ разбѣгающихся въ разныя стороны, нерѣдко даже сталкивающихся частныхъ стремленій, если бы верховная власть навсегда связала себѣ руки множествомъ государственныхъ договоровъ, заключенныхъ порознь съ отдѣльными группами?

Находчивый г. Ширренъ отвѣчаетъ на это слѣдующее: конечно, лифляндскіе чины договаривались порознь, каждое про себя, но не исключительно за себя, а въ то же время и за другихъ, то есть за всѣхъ. Точно—капитуляціи были заключены главнѣйшимъ образомъ въ видахъ обезпеченія интересовъ сословныхъ, но эти сословія не забыли земли, ибо они не только сами пользовались мѣстнымъ правомъ, но въ то же время сознавали себя призванными охранять и оберегать его [1]).

Здѣсь, чтобъ не растеряться, нужно прежде всего ограничить вопросъ. Г. Ширренъ говоритъ объ одной Лифляндіи, не касаясь сосѣдней Эстляндіи, поэтому и я оставлю ее въ сторонѣ; далѣе, хотя онъ прямо этого и не высказываетъ, и даже употребляетъ слово сословіе, Stand, во множественномъ числѣ, но онъ очевидно приписываетъ попечительную заботливость о всей землѣ собственно одному шляхетству, а не городу Ригѣ, заключившему съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ особую капитуляцію, въ которой самый зоркій взглядъ не отыщетъ ни малѣйшаго намека на какія-либо права или интересы, кромѣ исключительно муниципальныхъ въ самомъ тѣсномъ значеніи слова. Будемъ же говорить о

---

1) Стр. 132, 187.

лифляндскомъ дворянствѣ. Чтобъ доказать свою тему, г. Ширренъ обращается къ буквѣ Аккордныхъ Пунктовъ. Въ нихъ попадаются выраженія: вся земля (das ganze Land), вся провинція (die ganze Provinz), просто земля или земство (das Land), всѣ обыватели края (alle Einwohner des Landes) и тому подобныя. Г. Ширренъ тщательно подбираетъ и сводитъ эти выраженія, перепечатываетъ ихъ крупными буквами и указываетъ на нихъ съ торжествомъ и цѣлымъ рядомъ восклицательныхъ знаковъ [1]). Постараемся однако, не ослѣпляясь ни шрифтомъ, ни риторическою оправою, въ которую вставлены приведенные термины, всмотрѣться въ нихъ поближе. Слово Land и производныя отъ него принадлежатъ къ числу самыхъ неопредѣленныхъ и тягучихъ. Въ лифляндскихъ актахъ XVIII столѣтія, они имѣютъ различныя значенія. Въ самомъ широкомъ смыслѣ Land (иногда das ganze Land) тождественно съ словомъ Provinz и означаетъ не юридическое лицо, а территорію, или административную единицу; въ этомъ смыслѣ оно переводится русскимъ земля или провинція. Въ смыслѣ болѣе тѣсномъ и наиболѣе употребительномъ, словомъ Land опредѣляется уѣздъ, или высшій чинъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ въ отличіе отъ города, или чина такъ называемыхъ среднихъ людей. Land und Stadt не значитъ вся земля и, въ добавокъ, часть этой земли, обнесенная городскимъ валомъ, не значитъ всѣ обыватели края и еще нѣкоторыя изъ нихъ, а значитъ уѣздъ и городъ, уѣздное общество и городское общество. Одно понятіе другого не обнимаетъ, они стоятъ рядомъ, одно подлѣ другого. Въ русскомъ текстѣ Land въ этомъ смыслѣ передается иногда словомъ земля, иногда словомъ деревня, иногда словомъ земство. Въ чинѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ различались двѣ группы: мѣстное дворянское сословіе—Ritterschaft, Adel, Noblesse, по-русски: рыцарство или шляхетство, и лица непричисленныя къ нему—Landschaft, въ позднѣйшей формѣ—Landsassen. Эта вторая, очень немногочисленная группа не имѣла самостоятельной корпоративной организаціи, а, такъ сказать, состояла при дворянствѣ и всегда шла съ нимъ неразлучно. Въ рус-

---

[1]) Стр. 127.

скомъ тексѣ Landschaft переводится словомъ земство, тѣмъ самымъ, которое часто употребляется и въ смыслѣ Land. Ritter und Landschaft, шляхетство и земство, исчерпывали собою понятіе земли или земства въ общеупотребительномъ смыслѣ общества всѣхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, разумѣется не считая крестьянъ, которые не пользовались никакими правами въ составѣ обществъ, а считались принадлежностью другихъ сословій. Читатели могутъ теперь сами представить себѣ, какъ нетрудно при столь сбивчивой терминологіи, играя словами, переходить незамѣтнымъ образомъ изъ одного понятія въ другое и подтасовывать ихъ для предвзятой цѣли.

Въ видѣ примѣра я укажу на одно мѣсто, которымъ особенно дорожитъ г. Ширренъ, какъ сильнѣйшимъ свидѣтельствомъ въ его пользу, именно на послѣднюю статью дополненія къ Аккорднымъ Пунктамъ шляхетства и земства. Въ русскомъ текстѣ мы читаемъ: „Здѣшнее рыцарство покорнѣйшее твердое упованіе имѣютъ, что сія капитуляція нетокмо генерально на всю провинцію Лифляндскую сочинена, но и особливо четыре дистрикта, которые къ сему герцогству принадлежатъ, въ оной именованы и изображены, такожде и понынѣ въ деревняхъ бывшіе, какъ изъ шляхетства и изъ другихъ земскихъ обывателей купно въ сіе право и въ совершенное пользованіе всѣхъ вышеописанныхъ Аккордныхъ Пунктовъ включены“ [1]). Въ нѣмецкомъ текстѣ: „Hat die hiesige Ritterschaft das demüthigste feste Vertrauen, dass diese Capitulation nicht allein generaliter auf die ganze Provinz Livland eingerichtet, sondern auch zugleich in specie die 4 Kreise, welche zu diesem Herzogthume gehören, mit benennet und exprimiret, desgleichen die bishero zu Lande gewesene sowohl von dem Corps der Noblesse, als von andern Einwohnern des Landes mit in das Recht und in den vollständigen Genus obiger gesammten Accords-Puncte eingeschlossen sein mögen [2]).

---

[1]) Пол. Собр. Зак. IV. № 2279.

[2]) Изданіе г. Ширрена: Die Capitulationen der livländ. Ritter und Landschaft etc. etc. 1865.

Ясно, что увѣреніе г. Ширрена, будто бы рыцарство представляло собою всю Лифляндію въ качествѣ политическаго опекуна ея и оберегало не только свои сословныя, но и всѣ мѣстныя права вообще, могло бы до нѣкоторой степени находить себѣ подтвержденіе въ выписанной статьѣ въ томъ лишь случаѣ, если бы подъ словами „zu Lande“ разумѣлась вся область (а не уѣзды въ отличіе отъ городовъ) а подъ словами „die Einwohner des Landes“ — дѣйствительно всѣ мѣстные жители, или по крайней мѣрѣ всѣ свободныя состоянія, не выключая низшихъ, какъ-то мѣщанъ, ремесленниковъ и т. д. Итакъ, вопросъ сводится къ тому: въ какомъ смыслѣ употреблено слово Land? а для разъясненія этого вопроса, кажется, всего ближе было бы заглянуть въ русскій текстъ, съ которымъ г. Ширренъ, разумѣется, никогда не справляется. Тамъ Land передано въ одномъ мѣстѣ словомъ деревня въ отличіе отъ города, а въ другомъ, гдѣ говорится объ обывателяхъ, прилагательнымъ земскіе, стало быть тѣмъ самымъ словомъ, которымъ въ другихъ статьяхъ передается и понятіе der Landschaft. Поэтому не гораздо ли естественнѣе предположить, что въ приведенномъ пунктѣ рыцарство испрашивало распространенія выговоренныхъ имъ условій не на всякаго чина людей безъ различія, а только на уѣздныхъ землевладѣльцевъ, не причисленныхъ къ рыцарству. Независимо отъ несогласія смысла, придаваемаго г. Ширреномъ нѣмецкому тексту, статьи съ русскимъ ея текстомъ, толкованіе его возбуждаетъ еще другое сомнѣніе. Можно спорить о значеніи слова Land и о томъ, за кого именно ходатайствовало рыцарство; но для всякаго очевидно, что въ статьѣ говорилось о пріобщеніи кого-то къ полному и совершенному пользованію всѣми безъ изъятія правами, перечисленными въ Аккордныхъ Пунктахъ, — in den vollständigen Genus obiger gesammten Accords-Punkte. Такъ неужели рыцарство въ порывѣ великодушія до того забыло всѣ свои историческія традиціи, что рѣшилось предоставить, напримѣръ, купцамъ или ремесленникамъ владѣніе населенными имѣніями на дворянскомъ правѣ или доступъ ко всѣмъ земскимъ должностямъ? При малѣйшемъ знакомствѣ съ лифляндскою стариною нельзя ни на

минуту остановиться на такомъ предположеніи, а между тѣмъ оно вытекало бы неизбѣжно изъ смысла статьи, если бы подъ выраженіемъ „другіе обыватели“ подразумѣвались дѣйствительно, какъ хочетъ насъ увѣрить г. Ширренъ, всѣ мѣстныя сословія безъ различія? Какъ же вывертывается онъ изъ этой трудности? Очень просто! Онъ приставляетъ отъ себя къ тексту статьи въ скобкахъ слѣдующее коротенькое ограниченіе, котораго въ ней нѣтъ: всѣ права „кромѣ привилегій сословныхъ (es sei denn ein Standesprivilegium“ [1]). Читатель видитъ передъ собою образчикъ одного изъ самыхъ обыкновенныхъ діалектическихъ пріемовъ г. Ширрена. Въ ссылкахъ своихъ на одинъ и тотъ же документъ, иногда на одну и ту же статью, онъ крѣпко держится за букву, пока она ему служитъ, и иногда на одномъ словѣ строитъ цѣлую систему; но какъ только буква начинаетъ измѣнять ему, онъ, ни мало не церемонясь, бросаетъ ее и подвертываетъ читателю какую-нибудь гипотезу, рѣшительно противную буквальному смыслу. „Всѣ взятые въ плѣнъ Лифляндцы, всѣ суды, всѣ обыватели!“ восклицаетъ г. Ширренъ и, обращаясь ко мнѣ, спрашиваетъ иронически: „Или по-Вашему, всѣ плѣнные значитъ, можетъ быть, не всѣ, а только нѣкоторые изъ нихъ? всѣ обыватели, пожалуй, тоже значитъ не всѣ, а только часть, напримѣръ, одни договаривающіяся сословія?“ и т. д. [2]) Но вслѣдъ за тѣмъ онъ натыкается на всѣ права; тутъ онъ внезапно понижаетъ тонъ и, наклонившись къ читателю, внушительно шепчетъ ему на ухо: ну! всѣ не всѣ, а развѣ только нѣкоторыя, какія-нибудь общія права, за исключеніемъ сословныхъ. — Такой пріемъ представляетъ большія удобства, но сомнительно, чтобъ онъ способенъ былъ внушить читателямъ большое довѣріе къ выводамъ автора.

Въ первомъ выпускѣ Окраинъ Россіи было сказано, что Россія цѣною неимовѣрныхъ усилій отвоевала у Швеціи свою естественную морскую границу. На этомъ словѣ перерываетъ меня г. Ширренъ замѣчаніемъ, что я выражаюсь неточно. Неимовѣрныхъ усилій онъ не отрицаетъ, но ему не

---

1) Стр. 133. — 2) Стр. 132, 133.

нравится, что я приплелъ къ дѣлу Россію. Петръ I передъ началомъ войны съ нею не совѣтовался и земской думы не созывалъ, стало-быть Русская земля была тутъ не при чемъ [1]). Положимъ; но удивляюсь, какъ могъ послѣ этого самъ г. Ширренъ, когда дѣло дошло до Лифляндіи, выразиться слѣдующимъ образомъ: „На универсалы Царя, земля отвѣчала капитуляціею 4 іюля" [2]). Здѣсь двойная неточность; ибо, во-первыхъ, отвѣтъ послѣдовалъ не на универсалы, выпущенные въ началѣ войны, а на требованіе сдаться; когда по словамъ г. Ширрена достаточно было бы не пожалѣть нѣсколькихъ выстрѣловъ, чтобы покончить съ Лифляндіею, или когда, по выраженію дворянства, „сія земля съ городами и обывателями отъ короны свѣйской взята и Его Царскому Величеству поддана и подвержена быть имѣла" [3]). Во-вторыхъ, вся земля ничего не отвѣчала, потому что была безгласна, а вмѣсто одного отвѣта ихъ было получено одновременно три. Первый далъ отвѣтъ отъ себя шведскій комендантъ Штрембергъ, какъ начальникъ рижскаго гарнизона; онъ же при этомъ обезпечилъ будущность всѣхъ обывателей: дворянъ, духовныхъ, горожанъ и т. д., но отнюдь не какъ цѣльнаго общества, а какъ подданныхъ шведскаго короля, котораго онъ, комендантъ, былъ въ этомъ случаѣ представителемъ. Затѣмъ отвѣчалъ отъ себя городъ Рига черезъ своихъ депутатовъ, наконецъ, тѣмъ же порядкомъ, то есть отъ себя и за себя, отвѣчало рыцарство и земство. Замѣчательно при этомъ, что и фельдмаршалъ Шереметевъ въ своихъ конфирмаціяхъ называлъ генеральною капитуляціею [4]) только Аккордные Пункты, представленные ему камендантомъ именно потому, что въ нихъ трактовалось обо всѣхъ обывателяхъ безъ различія принадлежности ихъ къ тому или другому сословію; слѣдовательно, онъ отличалъ эту капитуляцію, какъ общую, отъ двухъ другихъ, какъ частныхъ, то есть сословныхъ.

Теперь обратимся отъ буквы къ сущности дѣла и посмотримъ: подтверждается ли самымъ содержаніемъ Аккордныхъ

---

1) Стр. 140. — 2) Стр. 116. — 3) Пол. Собр. Зак. IV. ном. 2279. А завоеванія не было? — 4) Пол. Собр. Зак. IV. ном. 2278. п. 20.

Пунктовъ любимая мысль г. Ширрена, будто бы лифляндское дворянство при встрѣчѣ своей съ русскимъ правительствомъ почувствовало себя нравственно отвѣтственнымъ за всю землю. Этотъ приписываемый ему характеръ оберегателя не только своихъ, но и чужихъ интересовъ прежде всего долженъ бы былъ выразиться въ заботливости объ огражденіи выгодъ тѣхъ изъ обывателей края, которые, будучи сами лишены права подавать за себя голосъ, дѣйствительно нуждались въ опекунѣ. Такихъ было не мало. Крестьяне въ то время находились въ крѣпостномъ владѣніи у помѣщиковъ и слѣдовательно при перемѣнѣ владычества естественно шли, какъ бы въ придачу къ дворянству; но нельзя сказать, чтобъ они не имѣли никакихъ правъ. Шведское правительство признало за ними право собственности на ихъ движимость, даровало имъ опредѣленный надѣлъ — Bauerland и своего рода уставныя грамоты—Wakenbücher, иначе: норму повинностей. Въ Россіи XVIII вѣка не было ничего подобнаго, и потому наше правительство очень могло и не знать, что въ Лифляндіи существовали обязательныя правила, изданныя съ спеціальною цѣлью оградить крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола. Вспомнилъ ли кто-нибудь объ нихъ при заключеніи Аккордныхъ Пунктовъ? Вспомнили—Въ п. 21 мы читаемъ: „Також де и во время войны съ Россіею отвезенное крестьянство оттуда отпущается и каждый изъ оныхъ въ прежнее мѣсто безопасно отправляется, дабы земля крестьянъ имѣла, и чтобъ не осталась она въ явный вредъ отчасти не обработана" [1]). Иными словами: подайте намъ назадъ нашу рабочую силу, потому что для нашей земли нужны крестьяне — и болѣе ничего; о томъ же, что и для крестьянъ нужна земля, и что эта ихъ потребность была уже признана и удовлетворена закономъ—ни полслова. Но, можетъ быть, это былъ случайный пропускъ; дворянство было такъ занято другими предметами, напримѣръ, обезпеченіемъ роскошнаго содержанія своимъ ландратамъ, что о бауерландѣ и вакенбухахъ позволительно было на первый разъ и запамятовать. Посмотримъ, что будетъ дальше. Спустя тридцать лѣтъ послѣ

---

1) IV. ном. 2279.

утвержденія аккордныхъ пунктовъ русское правительство почему-то само вспомнило, что, кромѣ шляхетства, существовали въ Лифляндіи и крестьяне, юстицъ-коллегія обратилась въ гофгерихтъ съ вопросомъ о законныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крѣпостнымъ людямъ и получила отъ представителя дворянства, ландрата Розена, отвѣтъ: что де крестьяне лично, равно какъ и все ихъ имущество принадлежатъ помѣщикамъ на правѣ полной собственности, что существующія нормы повинностей отнюдь не имѣютъ силы обязательныхъ ограниченій этого права, и что это де не законъ, отъ правительства исшедшій, а не болѣе какъ добровольное распоряженіе самого дворянства, которымъ отнюдь не стѣсняется его свобода въ будущемъ. Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія дворянства, и оно одобрило отвѣтъ своего представителя — фактъ засвидѣтельствованъ бывшимъ лифляндскимъ ландратомъ Самсономъ [1]). По-нашему, это не значитъ охранять, а скорѣе хоронить чужія права. Другое, безгласное и въ полномъ смыслѣ слова обиженное сословіе составляли городскіе обыватели, не принадлежавшіе къ составу городскихъ обществъ, то есть не приписанные ни къ магистратамъ, ни къ торговымъ и ремесленнымъ гильдіямъ. Положеніе этихъ отверженцевъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже положенія крестьянъ. Земля, къ которой послѣдніе были привинчены, правда, поглощала ихъ невольный трудъ, но за то она же и кормила ихъ, тогда какъ первые лишены были всякой возможности законнымъ образомъ добывать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, такъ какъ торговля во всѣхъ ея видахъ, ремесла и всѣ вообще городскіе промыслы считались по праву кормленіемъ городскихъ гильдій и цеховъ. Заботливость этихъ привилегированныхъ корпорацій объ огражденіи себя отъ всякаго съ этой стороны подрыва ясно проглядываетъ въ рижской капитуляціи; но кто подумалъ объ отверженцахъ городского населенія?—„По сдачѣ и занятіи города каждому позволено будетъ по желанію обезпечить свое пропитаніе и заняться промысломъ" — эту статью, къ сожалѣнію, въ продолженіе

1) Inland, Beilage: Historischer Versuch etc. etc. 1838. стр. 44—47.

болѣе столѣтія остававшуюся мертвою буквою, предложили не бургомистры, не ратсгеры и не ельтерманы; ее приписалъ своею рукою представитель Россіи, фельдмаршалъ Шереметевъ, какъ поправку къ утвержденнымъ имъ пунктамъ [1]).

Но, можетъ быть, мы заходимъ слишкомъ далеко, спрашивая, что сдѣлали привилегированныя сословія для темной массы черныхъ людей; можетъ быть, заботливость не только о своихъ, но и о чужихъ правахъ, которую я просмотрѣлъ и которую открылъ г. Ширренъ въ буквѣ капитуляцій, ограничивалась болѣе тѣснымъ кругомъ высшихъ слоевъ нѣмецкаго общества? Посмотримъ же: каковы были взаимныя отношенія собственно привилегированныхъ сословій.

Шведское правительство готовится приступить къ такъ называемой редукціи, то есть къ отобранію казенныхъ имѣній, разными путями перешедшихъ въ частныя руки. Предчувствуя неминуемое разореніе, дворянство собираетъ послѣднія свои силы въ отпоръ правительству и по предложенію Паткуля учреждаетъ изъ среды своей постоянный комитетъ для огражденія своихъ правъ отъ самовластія шведскаго генералъ-губернатора и — отъ кого бы вы думали? — отъ притязаній рижскаго магистрата [2]). Это въ минуту самаго тяжелаго и неразборчиваго давленія сверху! Депутаты, отправленные въ Стокгольмъ, выдержавъ въ тамошнемъ государственномъ совѣтѣ нѣсколько крайне раздражительныхъ преній, собираются домой; король хочетъ чѣмъ-нибудь утѣшить ихъ, и вотъ на прощальной аудіенціи онъ заговариваетъ съ ними о рижскомъ городскомъ бурграфіальномъ судѣ (которому въ стѣнахъ города подвѣдомы были дворяне), обнаруживаетъ свое негодованіе, что рыцарство, благороднѣйшее сословіе, подвергается такому униженію, обѣщаетъ отмѣнить его (то есть нарушить право городского общества) и открываетъ депутатамъ государственный архивъ, чтобъ они могли извлечь изъ него аргументы противъ своихъ согражданъ. Король, какъ видно, хорошо зналъ, чѣмъ онъ могъ ублажить дворянъ. Цитированный выше авторъ брошюры 1841 года о Лифлянд-

---

1) IV. ном. 2278. п. 22.

2) Устряловъ, Истор. Петра Великаго III. стр. 300.

скихъ Привилегіяхъ строго порочитъ лукавую политику шведскаго правительства, сознательно натравливавшаго одно сословіе на другое, и прибавляетъ, что, обращаясь въ Стокгольмъ съ доносами другъ на друга, дворянство и граждане напрасно вредили общему дѣлу, тогда какъ было бы такъ легко покончить полюбовно домашнія распри и уже заодно стоять противъ общаго врага [1]). Но въ томъ-то и сила, что это не для всѣхъ бываетъ легко. Въ подобномъ случаѣ Русскіе, слѣдуя грубому инстинкту своей породы, можетъ быть и „сошлись бы въ любовь" (какъ выражались наши древніе лѣтописатели), а въ Лифляндіи, какъ видно, дѣйствовалъ инстинктъ, можетъ быть, и высшаго, но во всякомъ случаѣ противоположнаго свойства. Вскорѣ послѣ упомянутой поѣздки въ Стокгольмъ наступаетъ для Лифляндіи рѣшительный кризисъ. Шереметевъ стоитъ у разбитыхъ укрѣпленій Риги и ожидаетъ сдачи; но и въ эту минуту дворянство и горожане дѣйствуютъ не только не вмѣстѣ и не сообща, но даже другъ противъ друга, напередъ запасаясь оружіемъ въ видахъ предполагаемаго ими перенесенія своихъ сословныхъ тяжбъ на рѣшеніе новой власти, какъ только она установится. Такъ дворянство въ своей капитуляціи выговариваетъ себѣ преимущество въ полученіи въ арендное владѣніе казенныхъ имѣній „наипаче передъ гражданами рижскими" а Рижане испрашиваютъ себѣ особенной гарантіи своего владѣнія по заставному праву, казенными и дворянскими имѣніями и получаютъ ее 4-го іюля 1710 года [2]).

Проходитъ два года и дворяне подаютъ правительству длинный меморіалъ, въ которомъ они между прочимъ заявляютъ: что имъ, дворянамъ, Всемилостивѣйше даровано преимущество во владѣніи казенными имѣніями, а граждане хотятъ де

---

1) Стр. 96. прим.

2) Въ русскомъ текстѣ говорится о маетностяхъ, отданныхъ въ закладъ, въ нѣмецкомъ: объ имѣніяхъ составляющихъ einiges Pfand, но рѣчь идетъ о продолженіи дѣйствительнаго владѣнія имѣніями (могутъ оставить за собою и возвратить не прежде какъ, и т. д.) слѣдовательно о заставномъ правѣ, по которому кредиторъ, выдавъ ссуду, немедленно вступалъ на опредѣленный срокъ во владѣніе имѣніемъ своего должника и самъ выручалъ въ видѣ доходовъ съ него какъ проценты, такъ и самый капиталъ.

учинить въ семъ препятствіе подъ тѣмъ предлогомъ (?!), что имъ отъ Высочайшаго имени обѣщана защита во владѣніи ихъ по заставному праву, чѣмъ де они дворянскимъ привилегіямъ обиду чинятъ. Далѣе, продолжаютъ просители, въ шведскія времена тѣмъ дворянству сильное предосужденіе учинено, что гражданамъ владѣть маетностями позволено было; такъ нельзя ли отобрать у нихъ эти маетности и передать намъ, а мы бы, разумѣется, поручились кредиторамъ за исправную уплату сдѣланныхъ ими ссудъ. Съ чего бы имъ послѣ этого домогаться дѣйствительнаго владѣнія, тѣмъ болѣе, „что рѣшеніе сего единственно отъ Вашего Императорскаго Величества зависитъ". Иными словами: когда шведское правительство подвергло насъ редукціи, мы подняли гвалтъ на всю Европу противъ этого вопіющаго нарушенія нашихъ правъ; теперь мы желали бы предпринять такого-же рода редукцію въ нашу пользу противъ нашихъ Рижскихъ согражданъ. Разрѣшивъ намъ это, Вы конечно нарушили бы ихъ права, вчера Вами гарантированныя, но вѣдь Самодержцу стоитъ только захотѣть!—Совѣсть князя Менщикова, за отсутствіемъ Императора принявшаго просьбу лифляндскаго шляхетства, какъ извѣстно, не отличалась особенною щекотливостью въ денежныхъ дѣлахъ; но и его привела въ изумленіе безцеремонность лифляндскихъ „оберегателей и носителей права вообще" (по опредѣленію г. Ширрена). Онъ отвѣчалъ имъ: „Шляхта имѣетъ всегда прежде гражданъ къ арендамъ до публичныхъ маетностей допущена быть, однакожъ Его Царское Величество и оныхъ гражданъ обидѣть не хочетъ, которымъ отъ короны шведской публичныя маетности подъ закладъ отданы... Правда и то, что Его Царское Величество обѣщать изволилъ отъятыя маетности имъ (дворянамъ) паки возвратить, но понеже нѣкоторыя маетности отъ короны шведской прежде сего заложены (т. е. отданы въ заставное владѣніе) и немалая учинена будетъ неправда, ежели безвинно оныя отъ залогодержца отнять, того ради всемилостивѣйшее есть Его Царскаго Величества соизволеніе, чтобъ напредъ закладодержца удовольствовать какимъ-нибудь образомъ" [1]).

---

[1]) Пол. Собр. Зак. IV. ном. 2496.

Спрашиваю: кто тутъ является носителемъ и оберегателемъ права, не своего только, но и чужого, права вообще: лифляндское шляхетство или инстинктъ русской породы?

А что жъ такое были ландтаги? - спрашиваетъ г. Ширренъ, какъ не исконное представительство, не одного дворянства, а именно всей земли въ живой ея цѣльности, то есть рыцарства, уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городовъ Риги, Пернавы и т. д., въ совокупности; Ландтаги, почти безъ перерыва созывавшіеся одинъ за другимъ въ самыхъ первыхъ годахъ русскаго владычества до заключенія ништатскаго договора, ландтаги, которые и теперь въ нынѣшней исхудалой ихъ формѣ (verkrümmten Form) все-таки признаются за представительство всей земли, согласно послѣднимъ строкамъ капитуляціи 1710 года (слѣдующимъ за пунктомъ 30) и согласно свидѣтельству ст. 83 Св. Мѣстн. Узаконеній для губерній Остзейскихъ [1]).

Здѣсь (да не прогнѣвается г. Ширренъ) понятія и эпохи нѣсколько сбиты, а ссылки далеко не подтверждаютъ высказаннаго мнѣнія о ландтагахъ. Представительныя собранія бываютъ различныхъ родовъ. Уполномоченные отъ Россіи, Англіи и Франціи съѣзжаются для взаимнаго соглашенія по вопросу близко затрогивающему интересы каждой изъ этихъ державъ; состоится ли между ними соглашеніе—неизвѣстно; обмѣнъ мыслей можетъ заключиться договоромъ, но каждая сторона можетъ также остаться при особомъ мнѣніи, наконецъ, можетъ даже послѣдовать разрывъ. Депутаты отъ всѣхъ избирательныхъ округовъ Франціи съѣзжаются въ Парижъ для разрѣшенія состоящихъ на очереди законодательныхъ вопросовъ, и изъ преній непремѣнно выработается коллективная воля всей земли, потому что всѣ депутаты и всѣ избиратели ихъ признаютъ будущее рѣшеніе собранія безусловно обязательнымъ для всѣхъ. Въ первомъ случаѣ передъ нами представители многихъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ, полноправныхъ личностей; во второмъ—представители частей единой коллективной личности, одной земли. Вотъ два типа собраній въ самой рѣзкой ихъ противополож-

1) Стр. 131, 132.

ности. Ни къ тому ни къ другому нельзя отнести безоговорочно древнихъ ландтаговъ, собиравшихся въ Балтійскомъ краѣ до его распаденія и до подчиненія Лифляндіи Польшѣ; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они гораздо болѣе походили на дипломатическія конференціи, чѣмъ на парламентскія сессіи. Конечно, это былъ только зародышъ, изъ котораго современемъ, можетъ быть, и выработалось бы дѣйствительное представительство всей земли, если бы, во-первыхъ, внѣшняя, историческая судьба Лифляндіи сложилась иначе, и если бы, во-вторыхъ, въ самой Лифляндіи инстинктъ общенія и единенія взялъ верхъ надъ инстинктомъ эгоистическаго обособленія и сословной розни. Да дѣло въ томъ, что случилось обратное. Ландтаги приняли сперва характеръ преимущественно дворянскій, а потомъ исключительно дворянскій. Уже при шведскомъ владычествѣ дворяне съѣзжались на нихъ поголовно, тогда какъ немногіе привилегированные города отряжали туда не болѣе двухъ или трехъ выборныхъ. Теперь это право (очень ограниченное и въ томъ отношеніи, что члены собранія не изъ коренныхъ дворянъ пользуются правомъ голоса только по дѣламъ о добровольномъ самообложеніи) осталось за одною Ригою. Кто же вытѣснилъ депутатовъ отъ другихъ городовъ?—спроситъ, можетъ быть, читатель. Намъ объяснитъ это Отто Миллеръ, на котораго я уже ссылался и брошюрою котораго, не ссылаясь на нее, такъ много пользовался г. Ширренъ. Когда въ 1757 году (стало-быть не позднѣе, какъ по прошествіи 36 лѣтъ послѣ послѣдняго ландтага, о которомъ упоминаетъ г. Ширренъ) городъ Пернава вздумалъ напомнить о своемъ правѣ отряжать отъ себя депутатовъ на ландтагъ, рыцарство отвѣтило ему, что оно о такомъ правѣ ничего не знаетъ—sie wisse von einem solchen Rechte nichts [1]).

Такъ-то рыцарство дорожило всесословнымъ представительствомъ и оберегало чужія права. Посмотримъ теперь на ссылки г. Ширрена. Въ послѣднихъ строкахъ п. 30 Шляхетскихъ Аккордныхъ Пунктовъ мы читаемъ: „И что еще къ пользѣ рыцарства и земли (zu der Ritterschaft und des Lan-

---

1) Die Livländischen Landesprivilegien. Стр. 70, примѣч.

des Besten) напомянуть и договариваться иногда надобно будетъ, то и впередъ у оныхъ (т. е. у рыцарства, а не у ландтага, derselben—scilicet der Ritterschaft) никоимъ образомъ не отнято". Въ этой формѣ выражено ходатайство дворянства, а вотъ резолюція фельдмаршала Шереметева: „Какъ никому путь къ праву не запрещается, и то, что къ претензіи его принадлежитъ, объявить не возбраняется, такъ и благошляхетное рыцарство и земство (Landschaft а не Land) надѣяться могутъ, что и онымъ Его Царское Величество сіе не откажетъ, но паче Всемилостивѣйше на то воззритъ". Другими словами; пусть всякій и впередъ ходатайствуетъ о своихъ нуждахъ. Есть ли тутъ хоть тѣнь намека на ландтагъ, какъ на всесословное представительство всей земли? Противъ обыкновенія своего г. Ширренъ на сей разъ не побрезгалъ снизойти и до Свода Мѣстныхъ Узаконеній (лучше бы было прежде не плевать въ колодезь, пришлось же и изъ него напиться). Въ цитованной имъ 83 статьѣ значится, что предметомъ совѣщанія ландтага можетъ быть все, что касается правъ, пользъ и учрежденій дворянскаго общества или блага сего края. Но неужели говорить обо всемъ и говорить за всѣхъ, въ качествѣ представителя всѣхъ, значитъ одно и то же? Если бъ г. Ширренъ перевернулъ двѣ страницы, то онъ увидѣлъ бы, что весь отдѣлъ о ландтагахъ озаглавленъ словами: О собраніяхъ дворянства — таковыми признаетъ ихъ законъ.

Собраній земскихъ въ русскомъ смыслѣ, то есть собраній всесословныхъ, въ Балтійскомъ краѣ, кажется, никогда не было, по крайней мѣрѣ ихъ не было уже въ концѣ XVII вѣка, нѣтъ и теперь, и вѣроятно не будетъ до тѣхъ поръ, пока тамошній дворянскій ржондъ не убѣдится въ возможности сдѣлать изъ нихъ орудіе своей нѣмецкой національной политики. Пересматривая Аккордные Пункты, мы даже находимъ въ нихъ очень важное, хотя и не прямое свидѣтельство противъ теоріи г. Ширрена, заднимъ числомъ навязывающаго Лифляндіи XVIII вѣка внутреннее единство, о которомъ она и не заботилась. Ни въ одной изъ 33-хъ статей, представленныхъ шляхетствомъ русскому правительству на утвержденіе, даже не упоминается о ландтагахъ, а чего въ

нихъ нѣтъ! Говорится о привилегіяхъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, объ организаціи церкви, о личныхъ правахъ, о правахъ по имуществу, о землевладѣніи вотчинномъ, помѣстномъ и заставномъ, о судопроизводствѣ и управленіи, о нѣмецкомъ языкѣ и о нѣмецкихъ чиновникахъ, о содержаніи ландратовъ, объ изъятіи отъ податей, о торговлѣ и промыслахъ, и таки ни слова о ландтагѣ. Тревожимыя опасеніемъ, какъ бы окончательно не одолѣла Швеція, дворянскія и городскія корпораціи старались затянуть дѣло и по возможности умалить свою отвѣтственность за переходъ свой въ русское подданство; не естественно ли было бы при этомъ заявить въ той или другой формѣ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ ни одно сословіе не считаетъ себя вправѣ окончательно располагать собою, а можетъ только дать предварительное свое согласіе и напередъ подчиниться рѣшенію ландтага, какъ единственнаго законнаго представителя всей земли — если бы въ то время ландтагъ дѣйствительно имѣлъ въ общемъ сознаніи такое значеніе? Никто объ этомъ и не подумалъ. Это отсутствіе общаго совѣта, даже потребности въ соглашеніи въ самую критическую минуту, особенно поражаетъ насъ Русскихъ, какъ рѣзкая противоположность къ параллельнымъ явленіямъ нашей исторіи въ смутную эпоху, предшествовавшую избранію на царство Михаила Романова. У насъ государственная форма выработалась изъ земли и служила какъ бы внѣшнимъ обликомъ внутренняго, земскаго единства; въ Лифляндіи, наоборотъ, объединеніе пришло извнѣ; сперва Польша, потомъ Швеція накинули на нее сѣть своихъ государственныхъ учрежденій. Оттого, когда у насъ государство треснуло сверху до низу, изъ за осколковъ его выступило наружу единство земское, и вся Россія въ одинъ голосъ потребовала земскаго собора; а въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ только порвалась государственная сѣть, загнанныя въ нее сословія ушли въ себя и потянули каждое въ свою сторону. Это не попрекъ, а простое заявленіе факта: у насъ: инстинктъ самопожертвованія и общенія, тамъ—инстинктъ самосохраненія и обособленія!

Въ этомъ отношеніи крайне поучительна первая эпоха русскаго владычества до преобразованій Екатерины II и осо-

бенно первые года, непосредственно слѣдовавшіе за пріобрѣтеніемъ Лифляндіи. Никогда, ни прежде, ни послѣ тамошніе чины не пользовались такою широкою автономіею. Тогдашнее наше правительство разрѣшило имъ возстановить въ цѣломъ и въ частяхъ такъ называемый правомѣрный порядокъ вещей, иначе— старый провинціальный ихъ штатъ. Въ то время ничто бы конечно не помѣшало имъ покончить домашнимъ порядкомъ старыя свои междоусобныя распри и сложиться въ плотную массу; никто бы этого и не замѣтилъ. Какъ же воспользовались они этою драгоцѣнною минутою, и каковы были плоды ихъ внутренней, домашней работы, которой ничье непрошенное вмѣшательство со стороны не возмущало и не разстраивало? По практическимъ ея результатамъ мы составимъ себѣ безошибочное понятіе и о томъ: какое мѣсто интересы всей земли занимали въ заботахъ привилегированныхъ сословій въ минуту подписанія Аккордныхъ Пунктовъ. Выслушаемъ же отвѣтъ самого г. Ширрена: „Блекнутъ зародыши спасительнаго развитія, дворянство изолируется, города коченѣютъ, политическое развитіе останавливается на цѣлыхъ два поколѣнія" [1]). Къ этому приговору мнѣ нечего прибавлять отъ себя.

Разсуждая о мѣстныхъ особенностяхъ Прибалтійскихъ губерній въ существѣ, а не по отношенію къ формальной ихъ правомѣрности, я почти не затрогивалъ вопроса о правѣ верховной власти измѣнять ихъ въ порядкѣ законодательномъ. Мнѣ казалось достаточнымъ напомнить, что утверждая привилегіи остзейскихъ корпорацій, правительство оговаривало права верховной власти и общія государственныя установленія, слѣдовательно подчиняло силу и обязательность частнаго и мѣстнаго интересамъ общаго и цѣлаго. Но Остзейцы думаютъ объ этомъ иначе. Преслѣдуя въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, политическихъ брошюрахъ, общественныхъ приговорахъ, ходатайствахъ и адресахъ одну мысль о постепенномъ возведеніи сословныхъ привилегій на степень областной конституціи, они, съ одной стороны, присвоиваютъ себѣ, какъ мы видѣли, законодательную автономію въ самомъ ши-

[1]) Стр. 182.

рокомъ значеніи этого слова (хотя, по сознанію самого г. Ширрена, это право всей землѣ даровано не было), съ другой, они отрицаютъ у правительства право преобразовательнаго почина и противопоставляютъ ему огульныя конфирмаціи того порядка вещей, подъ который они же теперь подкапываются. Мы де будемъ понемногу разбирать старую свою храмину и перестраивать ее по новому плану, нами начертанному, до котораго никому нѣтъ дѣла, а васъ покорнѣйше просимъ не мѣшаться въ нашу работу и не забывать, что вы на вѣки вѣчные скрѣпили старый планъ своею подписью. На это обыкновенно возражали, что скрѣпа все - таки сопровождалась оговорками, и потому, чтобъ убѣдить правительство въ его безправіи, нужно было прежде всего постараться какъ-нибудь умалить ихъ значеніе до нуля. Въ этомъ то и заключается главная заслуга г. Ширрена. Онъ приступилъ къ дѣлу прямо, израсходовалъ на него много остроумія и, можно сказать, исчерпалъ вопросъ, разумѣется, въ видахъ той партіи, которой онъ служилъ.

Въ конфирмаціяхъ и жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются три оговорки:

1) „однакожъ Наше и Нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда" или: „однакожъ удерживаемъ мы при семъ Наше и государствъ нашихъ Высочество и права безъ предосужденія и вреда" [1]).

2) „елико оныя (т. е. привилегіи, статуты, права, обычаи и пр.) къ нынѣшнему правительству и времени приличаются" или: „елико оныя при нынѣшнемъ правительствѣ и времени возможно употребить" [2]).

3) „елико сообразны они съ общими государства Нашего постановленіями и законами" [3]).

Первыя двѣ формулы встрѣчаются вмѣстѣ, начиная отъ первой конфирмаціи Петра Великаго до Императора Александра I; при немъ онѣ исчезаютъ и на мѣсто обѣихъ вводится третья

---

[1]) Грамота Петра I 1710 сент 30-го (№ 2301). Екатерины I 1725 іюля 1-го (№ 4743). Елисаветы Петровны 1742 25 іюля (№ 8573).

[2]) Тамъ же.

[3]) Грамота Александра I 1801 сент. 15 (№ 20010). Николая I 1827 9 февр. (№ 889). Александра II 1856 февр. 17 (№ 30185).

формула, повторяющаяся въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго царствованія.

На первую оговорку г. Ширренъ не обращаетъ вниманія; она буквально переведена съ нѣмецкаго (uns und unserer Reiche Hoheit und Recht in allem vorbehältlich und sonder Nachtheil und praejudice) и, по крайней своей неопредѣленности, нисколько его не безпокоитъ.

Противъ второй онъ выводитъ слѣдующій аргументъ. Въ Аккордныхъ Пунктахъ, предложенныхъ рыцарствомъ фельдмаршалу Шереметеву, испрашивалось прежде всего огульное признаніе и утвержденіе всѣхъ когда-либо имѣвшихъ силу привилегій, правъ, обычаевъ и вольностей. Это составляетъ содержаніе генеральнаго пункта, какъ названъ онъ въ резолюціи Шереметева. За тѣмъ испрашивалось специальное утвержденіе правъ и кондицій, формулированныхъ въ слѣдующихъ 33-хъ пунктахъ. Этому же порядку въ точности соотвѣтствуютъ и Высочайшія грамоты, выданныя Петромъ Великимъ. Одна изъ нихъ, жалованная грамота дворянству княжества Лифляндскаго 30 сентября (№ 2301), служитъ отвѣтомъ на генеральное прошеніе и содержитъ въ себѣ генеральное подтвержденіе всѣхъ правъ, привилегій и вольностей рыцарства, но съ двумя оговорками, первою и второю. Другая, отъ 12 октября (№ 2304), содержитъ въ себѣ Высочайшія резолюціи на тѣ спеціальные пункты капитуляціи, которыхъ Шереметевъ не счелъ себя вправѣ принять собственною своею властью, при чемъ и всѣ остальные имъ уже разрѣшенные пункты окончательно утверждаются на сей разъ безъ всякихъ оговорокъ. А какъ (разсуждаетъ г. Ширренъ) общепринято, что сила оговорки, ограничивающей дѣйствіе многихъ правъ въ совокупности, не распространяется на отдѣльныя права спеціально утвержденныя, то оказывается, что включеніемъ двухъ оговорокъ въ генеральную конфирмацію Петръ I хотѣлъ только выразить, что онъ оставлялъ за собою право предварительнаго обсужденія законности тѣхъ притязаній и ходатайствъ, которыя въ этотъ моментъ не были еще выяснены, а могли быть предъявлены впослѣдствіи; что же касается до правъ, уже предъявленныхъ, въ точности формулированныхъ и признанныхъ, то они утвер-

ждены безоговорочно и навсегда (was einmal klar gestellt und bewilligt worden, ist auf immer bewilligt—unzweideutig gewährt und auf ewige Zeiten ohne Clauseln bestätigt) [1]).

Все это очень остроумно; жаль только, что г. Ширренъ, издавшій отдѣльною брошюрою Лифляндскіе Аккордные Пункты и ихъ конфирмаціи, не взялъ на себя труда указать намъ, гдѣ онъ вычиталъ выраженіе навсегда, или на вѣчныя времена, или за себя и за своихъ преемниковъ, или что-либо равносильное въ резолюціяхъ 12 октября 1710 года, на которыя онъ ссылается и которыя ему такъ дороги по отсутствію въ нихъ ненавистныхъ ему оговорокъ? Перебравъ эти резолюціи по складамъ въ русскомъ текстѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ по изданію г. Ширрена, я утверждаю, что въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго, то есть ни единаго слова, которымъ бы связывалась свобода правительства въ будущемъ. Въ резолюціяхъ Шереметева на Аккордные Пункты также не встрѣчается выраженій навсегда или вѣчно; въ самыхъ же Пунктахъ, предложенныхъ дворянствомъ, они встрѣчаются только два раза, именно въ начальной статьѣ, или въ такъ называемомъ генеральномъ прошеніи объ огульной конфирмаціи всѣхъ привилегій на вѣчныя времена и въ пунктѣ 1-мъ „о сохраненіи безъ перемѣны вѣчно евангелической вѣры". Между тѣмъ въ первой жалованной грамотѣ 30 сентября, въ которую включены оговорки и которая по мнѣнію г. Ширрена относится только къ генеральной просьбѣ, Петръ I съ особеннымъ удареніемъ подтверждаетъ непрестанное охраненіе Лифляндцевъ при ихъ правахъ и привилегіяхъ, не только за себя, но и за своихъ наслѣдниковъ, слѣдовательно навсегда. Такимъ образомъ, сопоставленіе двухъ конфирмацій 30 сентября и 12 октября приводитъ къ слѣдующему заключенію: что̀ утверждено навсегда (грамотою 30 сентября) утверждено съ оговорками; что̀ утверждено безоговорочно (грамотою 12 октября) утверждено безсрочно, но не навсегда. Понятно, что для цѣлей г. Ширрена этого было недостаточно; ему непремѣнно нужна конфирмація безогово-

---

[1]) Стр. 116, 139, 146, 150, 151, 153.

рочная и въ то же время вѣковѣчная, а такъ какъ таковой не оказывалось, то для полученія искомаго, онъ сперва строго разъединилъ обѣ конфирмаціи, чтобъ имѣть предлогъ не распространять на вторую силы оговорокъ, встрѣчаемыхъ въ первой, а потомъ принялъ ихъ за нѣчто единое и нераздѣльное, чтобъ имѣть основаніе ввести во вторую понятіе вѣковѣчности, которое такъ же, какъ и оговорка находится только въ первой. Выводъ его можно формулировать слѣдующимъ образомъ: такъ какъ оговорки встрѣчаются только въ первой грамотѣ, содержащей въ себѣ резолюцію на генеральное прошеніе, то не слѣдуетъ примѣнять ихъ къ резолюціямъ второй грамоты на частныя ходатайства; а такъ какъ въ резолюціи на генеральное прошеніе утвержденіе дано на вѣчныя времена, то ничто не мѣшаетъ предположить, что и утвержденія, послѣдовавшія на частныя ходатайства во второй грамотѣ, даны также на вѣчныя времена. Логической послѣдовательности въ этомъ конечно нѣтъ, за то нельзя отрицать твердой послѣдовательности въ намѣреніи, не отступающемъ ни передъ какими противорѣчіями.

Еще замысловатѣе другой доводъ, придуманный г. Ширреномъ для той же цѣли, то есть для ослабленія силы оговорокъ.

Генеральная конфирмація 30 сентября 1710 года по ея конструкціи совершенно сходна съ токовою же грамотою шведскаго короля 10 мая 1678 года. Послѣдняя, очевидно, служила образцомъ при редактированіи первой, такъ что многія мѣста даже буквально переведены. Г. Ширренъ доказываетъ это перепечатывая ихъ одну противъ другой, въ два столбца. Выходитъ между прочимъ, что оговорка: „Наше и Нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда" цѣликомъ заимствована изъ шведскаго документа Но другой оговорки: „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются" въ шведской грамотѣ нѣтъ; за то въ ней встрѣчается слѣдующая фраза: „Признаемъ, оставляемъ и утверждаемъ за лифляндскимъ рыцарствомъ и дворянствомъ тѣ привилегіи, права, вольности, владѣнія и т. д. которыя ими законнымъ образомъ, въ силу несомнѣнныхъ актовъ (ordentlich, bono titulo) пріобрѣтены и которыми они пользовались и т. д."

Таковъ же, заключаетъ г. Ширренъ, и смыслъ Царской генеральной конфирмаціи съ ея оговорками. Правда, оговорокъ въ ней больше, чѣмъ въ шведской грамотѣ, но сила одинакова [1]). Прошу читателей остановиться на этомъ выводѣ. Петръ I говоритъ: утверждаю въ той мѣрѣ, въ какой сообразны съ нынѣшнимъ русскимъ правительствомъ и съ условіями времени, слѣдовательно оставляетъ за собою и за преемниками своими право подвергать привилегіи разсмотрѣнію въ существѣ и откидывать все то, что оказалось бы непримиримымъ съ интересами государства и съ ходомъ времени. Король шведскій говоритъ: утверждаю все то, что имѣетъ законное основаніе, иначе: что можетъ быть въ формальномъ отношеніи оправдано, не касаясь вопроса о существѣ или содержаніи. А насъ хотятъ увѣрить, что это одно и то же „что въ силѣ оговорокъ нѣтъ разницы"— „ihre Tragweite ist unverändert"—Невольно приходится предположить, что и г. Ширренъ, приступая къ дѣлу, запасся про себя третьею невысказанною оговоркою, своего рода restriction mentale: буду толковать свидѣтельства въ настоящемъ ихъ смыслѣ, елико оный приличествуетъ интересамъ остзейскаго сепаратизма и предвзятой цѣли.

Сопоставивъ вторую оговорку (елико къ нынѣшнему правительству или времени приличаются) съ третьею, позднѣйшею (елико сообразны они съ общими государственными постановленіями и законами) я призналъ въ нихъ одну и ту же мысль въ двухъ различныхъ редакціяхъ. Напрасно—говоритъ г. Ширренъ: редакція 1710 года и редакція 1856-го вовсе не равносильны и не замѣняютъ одна другой; ибо послѣдняя встрѣчается и тамъ, гдѣ не было первой, напримѣръ, въ конфирмаціи привилегій эстляндскаго рыцарства. Вы—продолжаетъ г. Ширренъ, обращаясь ко мнѣ, конечно увѣряете, что тамъ, гдѣ оговорка буквально не выражена, ее надобно предполагать. Вольно Вамъ это говорить, но кто же повѣритъ Вамъ? [2])

Я могъ бы отвѣтить, что повѣрятъ, можетъ быть, тѣ самые довѣрчивые читатели, которымъ г. Ширренъ повѣдалъ,

---

[1]) Стр. 149, 150. — [2]) Стр. 138, 139.

что, гдѣ говорится въ документѣ о совокупности всѣхъ правъ, нужно предполагать: за изъятіемъ правъ сословныхъ, но я могу вовсе обойтись безъ вѣры на слово и удовольствоваться полнотою въ справкѣ. Я развертываю Полное Собраніе Законовъ на 1725 годѣ, на жалованной грамотѣ эстляндскому рыцарству и нахожу въ ней подтвержденіе привилегій съ буквально выраженною оговоркою: елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются [1]). Откуда жъ взялась бы она на другой годъ послѣ кончины Петра Великаго, въ первый годъ царствованія Екатерины I, которой правленіе было продолженіемъ государственныхъ традицій ея супруга, если бъ и при немъ эта оговорка не подразумѣвалась всегда и вездѣ и не считалась существеннымъ условіемъ утвержденія? Пусть разсудятъ читатели: что̀ вѣроятнѣе, мое ли предположеніе, противъ котораго протестуетъ г. Ширренъ, но въ пользу котораго свидѣтельствуетъ практика ближайшей къ Петру Великому эпохи, или объясненіе г. Ширрена, идущее въ разрѣзъ съ этимъ свидѣтельствомъ, будто бы Петръ I сознательно отказался отъ дальнѣйшаго употребленія оговорки, включенной въ лифляндскую жалованную грамоту вслѣдствіе вызванныхъ ею недоразумѣній и возраженій [2]).

Далѣе, продолжаетъ г. Ширренъ, хотя оговорки 1710 и 1856 годовъ (вторая и третья), повидимому, совпадаютъ между собою, но на самомъ дѣлѣ онѣ не имѣютъ ничего общаго, такъ какъ и самыя конфирмаціи, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, столь рѣшительно разнятся между собою въ существѣ, что ихъ нельзя даже ставить въ одинъ рядъ [3]).

Эта разница обнаруживается въ слѣдующемъ:

Конфирмація 1710 года связала не только Петра Великаго, давшаго ее, но и всѣхъ его наслѣдниковъ на вѣчныя времена, тогда какъ каждая изъ послѣдующихъ связывала только того Государя, который ее выдавалъ, на время одного царствованія.

Конфирмаціею 1710 года Петръ Великій утвердилъ дого-

---

[1]) 1725, іюля 1, ном. 4743. — [2]) Стр. 153, 155. — [3]) Стр. 138, 139, 155, 156, 157.

ворныя отношенія, установившіяся на основаніи капитуляцій, между двумя равноправными сторонами, русскою державою и еще неподвластными ей лифляндскими чинами. Какъ выраженіе обязательства, единожды навсегда принятаго, эта первая конфирмація не нуждалась ни въ повтореніи, ни въ подтвержденіи, а потому, если бы даже впослѣдствіи и прекратилось обычное при началѣ каждаго новаго царствованія подтвержденіе привилегій, то обстоятельство это нисколько бы не ослабило силы Петровской конфирмаціи 1710 года.

Позднѣйшія конфирмаціи выдавались Русскими Государями не въ качествѣ наслѣдниковъ Петра I (nicht als Nachkommen Peters des Grossen)—ибо какъ его наслѣдники они уже были связаны его конфирмаціею, и получались остзейскими чинами не въ качествѣ потомковъ, договаривавшихся въ 1710 году, а въ качествѣ подданныхъ; оттого онѣ и носятъ названіе жалованныхъ грамотъ (Gnadenbriefe).

Конфирмаціею 1710 года утверждена на вѣки цѣлая система вполнѣ законченныхъ и навсегда неприкосновенныхъ правъ, но, оставаясь неизмѣнными въ существѣ, эти права все-таки развивались послѣдующими узаконеніями, и позднѣйшія конфирмаціи заключали въ себѣ не болѣе, какъ признаніе именно этихъ преходящихъ фазисовъ или моментовъ развитія, этого (если можно такъ выразиться) постепеннаго, законодательнаго наращенія [1]).

Здѣсь, что ни слово, то натяжка или прямое противорѣчіе документальнымъ свидѣтельствамъ; ибо: во-первыхъ, генеральная конфирмація 30 сентября 1710 года, первая по старшинству, озаглавлена въ Полномъ Собраніи Законовъ, какъ и всѣ послѣдующія жалованною грамотою [2]), и слѣдовательно въ этомъ отношеніи нисколько отъ нихъ не разнится.

Во-вторыхъ, въ началѣ этой грамоты значится: „Понеже Наше благородное рыцарство и земство княжества Лифляндскаго, со всею тою провинціею по Божію милосердому управленію, Нашимъ справедливымъ и побѣдоноснымъ оружіемъ, по капитуляціи отъ Насъ прежде позволенной,

---

[1]) Стр. 138, 139, 156, 157. — [2]) № 2301.

Намъ сдались и подданными учинились и Намъ и Нашимъ законнымъ наслѣдникамъ торжественную присягу въ вѣрности учинили, и потомъ всеподданнѣйше просили, дабы мы всѣ ихъ древнія привилегіи и т. д. милостиво подтвердили и т. д., того ради Мы за справедливо разсудили, на ихъ покорнѣйшее прошеніе позволить и т. д.“. Вторая конфирмація, содержащая въ себѣ резолюціи на спеціальные пункты, подписана нѣсколькими днями позднѣе, 12 октября; слѣдовательно обѣ грамоты 1710 года выданы подданнымъ по принесенію ими присяги, а потому и въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ всѣхъ послѣдущихъ конфирмацій.

Въ-третьихъ, обѣщаніе какъ за себя, такъ и за своихъ законныхъ наслѣдниковъ, встрѣчается не только въ конфирмаціи Петра I 1710 года, но и въ послѣдующихъ Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, принцессы Анны и Елисаветы Петровны [1]; слѣдовательно эта формула не представляетъ собою исключительной особенности первой конфирмаціи въ отличіе отъ позднѣйшихъ.

Въ-четвертыхъ, сами лифляндскіе депутаты, въ началѣ каждаго царствованія испрашивая подтвержденія своихъ привилегій, не только не проводили рѣзкой черты между конфирмаціею Петра Великаго и послѣдующими, а совершенно наоборотъ, всякій разъ перечисляли ихъ къ ряду, не дѣлая между ними никакой разницы и основывая свои ходатайства на совершенномъ ихъ тождествѣ и на ихъ непрерывности. Прежніе владѣтели Лифляндіи, гермейстеры и гросмейстеры утверждали наши привилегіи; то же дѣлали короли польскіе, короли шведскіе и Ваши предки Петръ I и Его наслѣдники, такіе-то и такіе-то; мы просимъ Васъ всеподданнѣйше послѣдовать ихъ примѣру — это обыкновенная формула ходатайства. И Государь отвѣчаетъ: по примѣру прежнихъ владѣтелей Лифляндіи и моихъ предковъ, Петра, Екатерины и пр. и въ воздаяніе за вѣрную службу моимъ предкамъ, соизво-

---

[1]) 1725 іюля 1 (№ 4743) 1728 сент. 12 (№№ 5330, 5332) 1730 августа 23 (№ 5608) 1741 февр. 20 (№ 8336) 1742 іюня 25 (№ 8573). Конфирмація Петра II лифляндскому дворянству не помѣщена въ Полномъ Собраніи Законовъ, но объ ней упоминается въ конфирмаціи, выданной Эстляндцамъ.

ляемъ и Мы и утверждаемъ и т. д.[1]). Слѣдовательно лифляндскіе депутаты подходили къ престолу именно какъ потомки рыцарей, присягнувшихъ Петру Великому и принявшихъ первую конфирмацію, а наши Государи выслушивали ихъ ходатайства именно, какъ наслѣдники Петра Великаго. Ни тѣ, ни другіе, какъ видно, не подозрѣвали новѣйшей теоріи г. Ширрена.

Въ-пятыхъ, въ нѣкоторыхъ конфирмаціяхъ (въ грамотахъ Петра II и Елисаветы) дѣйствительно упоминается о правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ дворянству послѣ Петра Великаго, какъ-то: о вотчинахъ и доходахъ, пожалованныхъ на содержаніе ландратовъ и школъ, но во всѣхъ конфирмаціяхъ безъ исключенія стоитъ на первомъ планѣ утвержденіе именно тѣхъ „напредъ сего благозаслуженныхъ привилегій, съ которыми они къ Е. И В. блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти супругу, или дѣду, или дядѣ, или родителю Нашему въ подданство пришли“ [2]) слѣдовательно именно той юридической старины, которая по толкованію г. Ширрена будто бы не нуждалась въ подтвержденіяхъ, и до которой конфирмаціи преемниковъ Петра Великаго будто бы вовсе не относились.

Наконецъ, оговорка: елико приличествуютъ нынѣшнему правительству и времени, въ первый разъ употребленная въ 1710 году, повторена была въ конфирмаціяхъ 1725 и 1742 годовъ; слѣдовательно 1710 годъ не былъ годомъ послѣдняго суда надъ привилегіями, какъ думаетъ г. Ширренъ. Приспособленіе ихъ къ обстоятельствамъ и измѣненіе ихъ сообразно съ требованіями времени не считалось дѣломъ, разъ навсегда законченнымъ, а дѣломъ постоянно продолжающимся; иными словами: пока стоятъ привилегіи, оговорка 1710 года остается во всей силѣ; она упразднится только тогда, когда самыя привилегіи отойдутъ въ область прошедшаго.

Въ дополненіе къ ссылкамъ своимъ на Аккордные Пункты и на конфирмаціи привилегій г. Ширренъ, разумѣется, не упустилъ пригрозить намъ и ништатскимъ трактатомъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что онъ дѣлалъ это ми-

---

[1]) Жалованныя грамоты Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Елисаветы.

[2]) Тѣ же грамоты.

моходомъ и, повидимому, не придавая этому аргументу особенной важности. Вовсе умолчать объ немъ было невозможно — онъ теперь въ модѣ, не только въ Ригѣ, но и въ Петербургѣ. Понятна до нѣкоторой степени надежда, питаемая остзейскими политиками и поощряемая ихъ заграничными сторонниками, при обстоятельствахъ, для нихъ благопріятныхъ, а для Россіи несчастныхъ, перенести нашъ домашній вопросъ на дипломатическую почву и потянуть насъ къ отвѣту передъ трибуналомъ Европы. Въ этихъ видахъ мало по малу пріучаютъ слухъ ея, кстати и не кстати упоминая о ништатскомъ трактатѣ; но гораздо труднѣе объяснить себѣ, вслѣдствіе какихъ побужденій ссылки на него при обсужденіи вопросовъ внутренняго законодательства, повидимому, начинаютъ переходить изъ остзейской практики въ практику Государственнаго Совѣта [1]). Пора же, наконецъ, ознакомиться покороче съ этимъ пресловутымъ трактатомъ, обращаемымъ теперь въ новое стѣнобитное противъ насъ орудіе. Прежде всего не слѣдовало бы, кажется, упускать изъ виду, что всякій договоръ, какъ частный, такъ и государственный, можетъ служить основаніемъ къ предъявленію какихъ-либо требованій или жалобъ только самимъ договорившимся сторонамъ, или лицамъ, принявшимъ на себя гарантію точнаго его исполненія. Ништатскимъ трактатомъ обязались другъ передъ другомъ Россія и Швеція — болѣе никто; ни одна сторонняя держава не гарантировала его и даже не принимала участія въ его составленіи. Правда, мы знаемъ изъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ первой четверти прошлаго вѣка, что нѣкоторые Лифляндцы, присягнувъ Петру I, перешептывались за спиною Россіи съ шведскимъ правительствомъ; эти тайныя, воровскія сношенія, начавшіяся до заключенія ништатскаго договора, вызывали со стороны русскаго правительсва неоднократныя выраженія неудовольствія и настолько озабочивали его, что въ ожиданіи войны съ Англіею Петръ I по донесенію рижскаго губернатора Репнина не только не разрѣшилъ употреблять Рижанъ для обо-

---

1) Напримѣръ, въ особомъ мнѣніи 8-ми членовъ по вопросу о повинностяхъ въ пользу лютеранскаго духовенства журн. Государ. Совѣта департ. законовъ и экономіи 29 января и 20 февраля 2, 5, 9, 12, 28 марта 1860 № 17.

роны города, а повелѣлъ, какъ только покажется непріятель, немедленно обобравъ у Рижанъ всѣ ружья, всѣхъ взрослыхъ мужчинъ выслать изъ города въ нашу землю и также поступить и съ уѣздомъ „гдѣ живетъ шляхетство, на которыхъ къ вѣрности мало мнится упованію быть", какъ писалъ Репнинъ [1]). Все это естественно наводитъ на предположеніе, что если шведское правительство, такъ безцеремонно обращавшееся съ мѣстными привилегіями во время своего владычества въ Лифляндіи, приняло такъ горячо къ сердцу ихъ неприкосновенность, какъ только Лифляндія отошла къ Россіи, то это пробужденіе въ немъ поздней объ нихъ заботливости вызвано было ничѣмъ инымъ, какъ усиленными домогательствами лифляндскихъ его адгерентовъ; но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о тайныхъ интригахъ, а о прямомъ, законномъ и гласномъ участіи въ переговорахъ. Такого участія представителямъ лифляндскихъ чиновъ дано не было; по вступленіи ихъ въ подданство Россіи оно было даже немыслимо. Мы не видимъ ихъ подписей подъ ништатскимъ трактатомъ: они были не болѣе, какъ предметомъ или объектомъ соглашеній; объ нихъ упоминалось въ статьяхъ договора, но это, очевидно, не давало имъ правъ и не налагало на нихъ обязанностей договаривающагося субъекта. На какомъ же основаніи стали бы они теперь ссылаться на ништатскій трактатъ и противопоставлять статьи его статьямъ Свода Законовъ? Протестовать могла бы только Швеція, не опротестовавшая и великихъ преобразованій Екатерины II, а когда молчитъ Швеція, никто не вправѣ самовольно присвоивать себѣ ея роль, становиться на ея мѣсто, подавать за нее голосъ и напоминать русскому правительству о его обязательствахъ по отношенію къ ней. Не мѣшало бы разъ навсегда разъяснить это ревельскому магистрату и лифляндской ландратской коллегіи.

Обратимся теперь къ самому содержанію договора. Въ той мѣрѣ, въ какой онъ касается настоящаго предмета, вся суть его заключается въ ст. 9: „Его Царское Величество обѣщаетъ, что всѣ жители провинцій Лифляндскія и Эстляндскія,

---

1) Осьмнадцатый вѣкъ—изданіе Бартенева IV.

такожде и острова Эзеля шляхетные и нешляхетные, и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, магистраты, цехи и цунфты при ихъ подъ свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ“. Въ ст. 10 это общее обѣщаніе примѣняется къ церковнымъ дѣламъ, а въ ст. 11 подтверждается отмѣна редукціи и ликвидаціи дворянскихъ имѣній [1]). Итакъ русское правительство обязалось охранять не привилегіи вообще, а привилегіи, бывшія въ силѣ при шведскомъ правительствѣ. Но шведское владычество надъ Лифляндіею длилось безъ малаго цѣлое столѣтіе и въ продолженіе этого періода, оно, какъ извѣстно, не бездѣйствовало. Много старыхъ привилегій было отмѣнено, много было совершено или начато коренныхъ преобразованій въ правахъ состояній, въ устройствѣ сословій, въ системѣ управленія, такихъ преобразованій, о какихъ никогда и не мечтало русское правительство, за исключеніемъ царствованія Екатерины II. Какое же именно время шведскаго правительства, чье царствованіе, какой годъ, долженъ служить на вѣки вѣчные образцомъ и мѣриломъ законности? Чѣмъ именно должны мы руководствоваться въ практикѣ шведскаго правительства, чему подражать и чего избѣгать? Въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ буква ништатскаго трактата не даетъ никакихъ указаній, а историческія справки иногда страннымъ образомъ расходятся съ теперешними притязаніями. Во время шведскаго владычества треть казенныхъ помѣстій, составлявшихъ значительно болѣе половины всѣхъ имѣній въ уѣздахъ, всегда раздавалась Шведамъ; чрезъ нихъ правительство въ полицейскомъ отношеніи держало край въ своихъ рукахъ [2]); почти во всѣ коронныя

---

[1]) Полн. Собр. Зак VI, № 3819.

[2]) При обращеніи помѣстій въ вотчины въ 1783 году это могучее орудіе вывалилось изъ рукъ правительства. Теперь всѣ земскія полицейскія должности замѣщаются по выбору отъ мѣстнаго дворянства, слѣдовательно находятся въ рукахъ сословія, не признающаго обязательности Свода Законовъ. Вообще въ Балтійскомъ краѣ, кромѣ генералъ-губернатора, губернаторовъ, двухъ предсѣдателей и полицеймейстеровъ въ городахъ, правительство не имѣетъ другихъ агентовъ, которыхъ бы оно могло считать своими. Мудрено ли, что при та-

должности назначались Шведы, а коронными считались въ то время всѣ судебныя мѣста; наконецъ, дворянство обязано было половину ландратовъ выбирать непремѣнно изъ числа шведскихъ помѣщиковъ, а теперь назначеніе Русскаго въ коронную должность возбуждаетъ ропотъ. Генералъ Веллингъ, шведскій главнокомандующій въ Лифляндіи и уполномоченный отъ своего правительства по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ, сносился даже съ ландтагомъ предложеніями, писанными по-шведски, ландтагъ принималъ ихъ безпрекословно и для доклада собранію отъ себя переводилъ ихъ по нѣмецки [1]; слѣдовательно въ то время нѣмецкій языкъ, какъ видно, не пользовался исключительною привилегіею въ оффиціальной перепискѣ, а ревельскій магистратъ въ дерзкой отповѣди, при которой онъ вернулъ генералъ-адъютанту Альбединскому предложеніе, писанное по-русски, въ оправданіе своего поступка не преминулъ сослаться между прочимъ и на ништатскій трактатъ. Кажется, что указать на него имѣлъ бы болѣе основаній генералъ Альбединскій, если бъ онъ не предпочелъ отмолчаться. Всѣмъ извѣстно, что убѣждая Лифляндцевъ отложиться отъ Швеціи при первомъ появленіи русскихъ войскъ и не выжидая исхода войны, Петръ I въ Универсалахъ своихъ не скупился на порицаніе дѣйствительно крутыхъ и разорительныхъ для дворянства мѣропріятій шведскаго правительства и обѣщалъ мѣстнымъ сословіямъ, буде они перейдутъ на его сторону, полное удовлетвореніе по всѣмъ ихъ жалобамъ и возстановленіе всѣхъ упраздненныхъ привилегій. Оружіе рѣшило судьбу Лифляндіи; но и по завоеваніи ея Петръ I не взялъ назадъ своего обѣщанія. Мѣстныя сословія тотчасъ же предъявили цѣлый рядъ болѣе или менѣе основательныхъ требованій, сводившихся къ возстановленію на такъ называемомъ законномъ основаніи провинціальнаго земскаго штата — die Wiederaufrichtung oder Restauration des Landesstaates — это значило: вернуться къ средневѣковому

нихъ условіяхъ ни одинъ русскій генералъ-губернаторъ (кромѣ князя Суворова) долго не уживался въ Ригѣ. А у насъ не обращаютъ вниманія на этотъ ненормальный порядокъ вещей и тѣмъ временемъ сочиняютъ проекты объ усиленіи правительственной полиціи въ русскихъ губерніяхъ!

1) Recesse der Livländischen Ritterschaft изданіе г. Ширрена, стр. 287.

порядку вещей, уничтожить въ пользу сословной и провинціальной исключительности все, что успѣло выработаться изъ вѣковой ея борьбы съ началомъ государственнаго объединенія, вооружить ее новыми средствами и орудіями для продолженія той же неминуемой борьбы въ будущемъ; это значило прежде всего осудить въ принципѣ всѣ мѣропріятія шведскаго правительства и до чиста смыть съ лица Лифляндіи всѣ слѣды его дѣятельности. Понятно, что для такой работы, требовавшей близкаго знакомства съ мѣстными законами и обычаями, наше тогдашнее правительство было безусловно инкомпетентно, и что она естественно перешла въ руки лифляндскихъ дѣльцовъ. Доклады того времени, восходившіе на Высочайшее утвержденіе, облекались въ слѣдующую общую форму: шведское правительство установило и узаконило то-то и то-то, слѣдовательно—это никуда не годится, а въ старину когда-то было то-то и то то, и потому нужно поскорѣе упразднить то, что сдѣлано было въ новѣйшее время и возстановить старину. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, лифляндское дворянство неслось по этому направленію на всѣхъ парусахъ, рубило съ плеча и ломало законы, какъ оно одно умѣетъ рубить и ломать, когда виднѣется впереди антилиберальная цѣль, и когда путь къ ней открытъ. Эта лихорадочная и въ полномъ смыслѣ слова революціонная реакція противъ всѣхъ порядковъ, существовавшихъ подъ шведскимъ владычествомъ, началась до ништатскаго трактата и по заключеніи его, ни мало не задумываясь, продолжала свое дѣло. На пунктъ 9, требовавшій непрестаннаго охраненія привилегій, обычаевъ, правъ и справедливостей, имѣвшихъ силу при шведскомъ правительствѣ, никто не обращалъ вниманія; менѣе всѣхъ думало о немъ дворянство, хотя возстановленіе его стародавнихъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ почти никогда не обходилось безъ нарушенія или стѣсненія чужихъ правъ, въ послѣднее время пріобрѣтенныхъ другими сословіями.

Было между прочимъ одно дѣло первостепенной важности, въ которомъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно было поступлено вопреки буквѣ и духу ништатскаго трактата—это дѣло крестьянское. Шведскому правительству принадлежитъ честь перваго по времени и почти единственнаго толковаго заступ-

ничества за несчастныхъ Латышей и Эстовъ. Не довольствуясь, какъ польское, выраженіемъ безплодныхъ пожеланій, оно энергически принялось за дѣло и положило прочное основаніе обезпеченію хозяйственнаго ихъ быта установленіемъ неотъемлемаго поземельнаго надѣла и обязательной нормы издѣльной повинности. Это были въ полномъ смыслѣ слова права или привилегіи крестьянъ, конечно, не менѣе важныя не только для нихъ, но и по себѣ, чѣмъ шраги какой-нибудь компаніи рижскихъ Шварцгейптеровъ или чѣмъ привилегія de non apellando; а такъ какъ трактатомъ гарантировались всѣ права всѣхъ жителей провинціи, въ томъ числѣ и нешляхетныхъ, то сила его несомнѣнно распространялась и на органическія постановленія, изданныя въ пользу крестьянъ. Какъ же могло случиться, что все это въ 1819 году отмѣнено было такъ безцеремонно, однимъ почеркомъ пера, и по ходатайству дворянства? Не удивительно, что Швеція ничего не возразила на эту мѣру, подрѣзавшую въ корнѣ лучшія ея насажденія; но какъ не вспомнили о девятомъ параграфѣ ништатскаго трактата сами балтійскіе политики, хотя бы, напримѣръ, передовой человѣкъ того времени, ландратъ Самсонъ, изобрѣтатель обезземеленія крестьянъ и великій знатокъ мѣстнаго права? Не для того же заключенъ былъ этотъ договоръ, чтобъ лифляндскіе чины могли стѣснять имъ другихъ, не стѣсняясь имъ сами, забывать объ немъ, когда вздумается и напомнить объ немъ, когда нужно. Послѣдовательнѣе и честнѣе было бы оставить его совсѣмъ въ покоѣ, предоставивъ вопросы международнаго права единственнымъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ судьямъ: нашему министерству иностранныхъ дѣлъ и представителямъ другихъ державъ при нашемъ дворѣ [1]).

---

[1]) Говоря о ништатскомъ трактатѣ исключительно по отношенію къ мѣстнымъ особенностямъ Лифляндіи, я считаю излишнимъ напоминать, что по истеченіи безъ малаго полутораста лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Россія не разъ воевала и договаривалась съ Швеціею, этотъ трактатъ, и самъ по себѣ, не можетъ уже считаться ни единственнымъ, ни послѣднимъ по времени основаніемъ для регулированія взаимныхъ отношеній между Россіею и Швеціею. На это обстоятельство было уже не разъ указываемо въ нашихъ газетахъ, между прочимъ въ Голосѣ 15 мая, 1870 № 133.

IV.

По множеству выписокъ изъ древнихъ актовъ и ссылокъ на нихъ, встрѣчаемыхъ въ брошюрахъ какъ г. Ширрена, такъ и другихъ поборниковъ лифляндской автономіи, можно на первый взглядъ подумать, что они крѣпко стоятъ на исторической почвѣ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что короткое знакомство съ исторіею доводитъ ихъ иногда до слишкомъ безцеремоннаго обращенія съ нею. Пока идетъ рѣчь о внутреннемъ складѣ балтійскаго общества, они даютъ широкій просторъ требованіямъ времени и охотно допускаютъ необходимость послѣдовательныхъ превращеній, вызываемыхъ общимъ ходомъ историческаго развитія. На этомъ основаніи сословія, недавно еще чуждавшіяся другъ друга, теперь снимаютъ раздѣлявшія ихъ перегородки и перестраиваются въ политическую національность; изъ частныхъ привилегій вырабатывается областная конституція; общегерманскій интересъ подчиняетъ себѣ и совокупляетъ недавно еще разбѣгавшіеся въ разныя стороны интересы отдѣльныхъ группъ мѣстнаго населенія; даже Латышей и Эстовъ, которыхъ тамошняя интеллигенція такъ долго и такъ систематически держала въ черномъ тѣлѣ, стараются теперь наскоро завербовать въ задніе ряды формируемаго нѣмецкаго ополченія, въ надеждѣ обмануть глазъ и замаскировать малочисленность передовой дружины. Все это рѣшительно противорѣчитъ достопочтенной старинѣ и тѣмъ не менѣе признается естественнымъ, похвальнымъ, заслуживающимъ вся-

каго поощренія, ибо таково требованіе времени. Казалось бы, что на таковыя же и, конечно, не менѣе уважительныя требованія, на тотъ же законъ непрерывности историческаго развитія, могло бы сослаться и правительство въ оправданіе своихъ преобразовательныхъ начинаній; ибо нельзя же предполагать, чтобъ отношенія цѣлой Имперіи къ одной изъ ея областей, установившіяся въ 1710 году, могли ни въ чемъ не расходиться съ нынѣшними понятіями о значеніи, призваніи и правахъ государства. Но какъ только дѣло доходитъ до государства, вопросъ немедленно переносится съ почвы исторической на почву гражданскаго права. Что̀ было разъ договорено и подписано, хотя бы полтораста лѣтъ тому назадъ, то остается крѣпкимъ и неизмѣннымъ навсегда! Выходитъ, что для Лифляндіи капитуляціи не болѣе какъ историческій моментъ, представляющій собою итогъ предшествовавшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ исходную точку послѣдующаго развитія; а для государства тѣ же капитуляціи должны имѣть каноническую силу послѣдняго слова, надъ которымъ времени не дано никакой власти и изъ котораго не прейдетъ ни единая буква. Такимъ образомъ къ длинному ряду давно извѣстныхъ привилегій приходится прибавить еще одну, вновь открытую: исключительное право Лифляндіи на непрерывность развитія. Въ границахъ этой счастливой провинціи, и только для нея, исторія продолжается и будетъ продолжаться, тогда какъ для государства по отношенію его къ Лифляндіи нить историческаго развитія какъ будто обрывается на 1710 году.

А много съ тѣхъ поръ утекло воды! Когда подъ разбитыми стѣнами Риги дворянство и горожане вышли на встрѣчу Россіи, придвигавшейся къ Балтійскому морю, у нихъ была одна забота: какъ бы со всѣхъ сторонъ окопаться отъ Русскихъ и остановить ихъ на границѣ Лифляндіи [1]). Забота эта объясняется, съ одной стороны, паническимъ страхомъ, на-

---

[1]) Впрочемъ, и въ позднѣйшую эпоху цѣль эта не упускалась изъ виду. Извѣстно, напримѣръ, что до послѣдняго времени мѣстное коренное дворянство пользовалось правомъ принудительнаго перекупа недвижимыхъ имѣній, пріобрѣтаемыхъ въ Лифляндіи лицами, хотя бы и дворянскаго происхожденія, но не записанными въ мѣстныя дворянскія матрикулы (Св. Мѣстн. Узак. II, ст. 876). Говорятъ, что окончательное утвержденіе этого права и внесеніе его въ

веденнымъ на мѣстныхъ жителей грабежами и опустошеніями, безъ которыхъ въ прошломъ вѣкѣ не обходилась ни одна война [1]); съ другой: свѣжимъ воспоминаніемъ о тяжелой и обидной для края административной системѣ шведскаго правительства, которое, вторгаясь всѣми путями въ Лифляндію, вводя въ нее свои законы, свои учрежденія, своихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, въ то же время у себя дома трактовала Лифляндцевъ какъ чужихъ [2]). Подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній были редактированы Аккордные

Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній стоило остзейскимъ дѣльцамъ великихъ трудовъ и хлопотъ; какого рода соображеніями и какими ссылками удалось имъ оправдать его? — я не знаю; но вотъ въ чемъ можетъ удостовѣриться всякій: подъ статьями Свода Законовъ 874—878, къ этому предмету относящимися, сдѣлана ссылка не на какія-либо древнія привилегіи, не на Аккордные Пункты или жалованныя грамоты, а на Высочайше утвержденный докладъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Е. И. Величества канцеляріи 1841, іюня 20, то есть на разрѣшеніе по вопросу законодательному, испрошенное экстралегальнымъ порядкомъ, помимо Государственнаго Совѣта. Теперь г. фонъ-Боккъ печатно объявляетъ намъ, что право перекупа было изобрѣтено *исключительно противъ Русскихъ*, чтобъ отнять у нихъ возможность водворяться въ Балтійскомъ краѣ (Livl Beitr. Neue Folge B. II, H. 7, стр. 663). Въ 1841 году гг. Бунге и Самсонъ объ этомъ, конечно, не проговаривались.

1) По свойственному ему чувству доброжелательста къ Россіи г. Ширренъ тщательно подбираетъ всѣ историческія свидѣтельства о разореніяхъ, произведенныхъ нашею арміею (особенно иррегулярною конницею) подъ начальствомъ Шереметева и выставляетъ ихъ какъ черты Русскаго варварства. Разумѣется, онъ не подумалъ навести справки о томъ, что творили Французы въ Прирейнскомъ краѣ подъ начальствомъ Тюрена, но странно, что онъ при этомъ не вспомнилъ свидѣтельства самого лифляндскаго дворянскаго конвента 1700 года, имъ же г. Ширреномъ обнародованнаго въ сборникѣ дворянскихъ постановленій, и не менѣе любопытнаго для характеристики отношеній лифляндскаго простонародія къ дворянамъ, которыхъ онъ называетъ оберегателями и заступниками земскихъ правъ вообще. Вотъ что говоритъ конвентъ: «Безбожные крестьяне ненѣмецкаго племени (Латыши и Эсты) во многихъ мѣстахъ поступали гораздо хуже непріятеля (Русскихъ) и въ конецъ ограбили и опустошили многіе дворы (Die Recesse der Livländ. Landtage ect. Schirren, стр. 259). Вотъ она эта единодушная и цѣльная земля—das ganze Land? Какъ только показался непріятель, одна половина земли накинулась на другую.

2) Достаточно напомнить, что лифляндское дворянство долго ходатайствовало о причисленіи его къ составу шведскаго дворянства и о подчиненіи его одному съ нимъ сословному управленію, но не могло этого выпросить (Die Livländ. Landesprivil. 1841, стр. 61, 74) У насъ обратное отношеніе: каждый остзей-

Пункты. Ни баронамъ, ни биргерамъ не пришло на мысль заняться будущимъ своимъ положеніемъ въ предѣлахъ всей Имперіи; они даже не коснулись вопроса о свойствѣ и объемѣ гражданскихъ, судебныхъ, торговыхъ и другихъ правъ своихъ въ составѣ русскаго общества, точно какъ будто бы они намѣревались никогда и не заглядывать въ нашу сторону, а жить своею провинціальною жизнью, кормясь барышами отъ мѣстныхъ своихъ промысловъ и доходами отъ своихъ гаковъ. Петръ I утвердилъ на вѣру поднесенные ему Аккордные Пункты, исполнилъ все то, о чемъ его просили и сдѣлалъ гораздо больше. Онъ не только не усвоилъ себѣ узкихъ воззрѣній и административныхъ традицій прежнихъ правительствъ, а съ перваго же дня принялъ совершенно противоположную систему, которой всѣ преемники его держались неуклонно и держатся до сихъ поръ. Вмѣсто того, чтобы колонизировать Лифляндію Русскими, онъ распахнулъ настежь передъ Лифляндцами двери въ Россію, и они хлынули въ нихъ изъ разоренной своей родины. Приливъ оттуда былъ такъ силенъ, а у насъ пріемъ былъ такъ радушенъ и снисходителенъ, что лѣтъ черезъ тридцать наши новые сограждане успѣли уже породниться съ русскими дворянскими семьями, пріобрѣсти у насъ доходныя имѣнія, обзавестись въ нашихъ городахъ домами, открыть въ нихъ лавки, конторы, фабрики, аптеки, занять профессорскія каѳедры и размѣститься на службѣ въ высшихъ должностяхъ, особенно по гвардейскимъ полкамъ и по дипломатическому корпусу. Намъ теперь часто напоминаютъ (безъ всякой впрочемъ надобности), что въ этомъ заключается великая ихъ заслуга, дающая имъ право на нашу признательность; мы это знаемъ и всегда цѣнили по достоинству приносимую ими пользу; но мы позволяемъ себѣ думать, что командовать русскими войсками и подавать голосъ за Россію при иностранныхъ дворахъ есть также честь не изъ послѣднихъ, при томъ не хуже лифляндскихъ вотчинъ обезпечивающая матеріальное существованіе большей части

скій дворянинъ во всей Имперіи пользуется всѣми правами мѣстнаго дворянства, а для пріобрѣтенія таковыхъ же правъ въ Лифляндіи русскій дворянинъ обязанъ подвергнуться балотировкѣ.

тамошняго многочисленнаго дворянства. Такимъ образомъ сами Остзейцы очень скоро сошли съ своей изолированной позиціи и сдвинулись съ той юридической почвы, на которой мы съ ними впервые встрѣтились. Это вѣдь тоже историческій фактъ, хотя и не предусмотрѣнный въ минуту подписанія капитуляцій; и если можно отъ насъ требовать, чтобъ мы теперь почтительно обращались съ какою нибудь привилегіею Сигизмунда Августа, потому что въ ней содержится продуктъ многолѣтняго развитія, то какъ бы кажется не понять, что и послѣдній періодъ, прожитой Лифляндцами подъ русскимъ владычествомъ въ самомъ близкомъ общеніи съ Русскими, не могъ же пройти безслѣдно, не измѣнивъ существенно тѣхъ понятій, съ которыми ихъ предки вошли въ составъ русской державы, и слѣдовательно не выяснивъ необходимости существеннаго измѣненія и тѣхъ юридическихъ формъ, въ которыхъ тогдашнія понятія нашли себѣ выраженіе. Одинъ этотъ даръ полнѣйшей равноправности съ нами, великодушно имъ предложенный не въ силу Аккордныхъ Пунктовъ, а сверхъ всего имъ обѣщаннаго, этотъ даръ, которымъ они не побрезгали, и которымъ они такъ благоразумно пользуются, къ чему-нибудь да обязываетъ по закону взаимности — намъ по крайней мѣрѣ такъ кажется.

Къ сожалѣнію, на дѣлѣ видно иное. Просачиваясь во всѣ поры нашего государственнаго и общественнаго организма, проникая до самой сердцевины его, остзейская стихія не растворяется въ нашей крови, не сростается съ нашею плотью. Давно уже писала Императрица Екатерина II въ наставленіи своему генералъ-прокурору „что присоединенныя страны непристойно называть чужестранными, и обращаться съ ними на таковомъ основаніи есть больше чѣмъ ошибка, сіи провинціи надлежитъ легчайшимъ способомъ привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу“. Въ одномъ отношеніи программа великой Императрицы выполнена, и конечно никто не скажетъ, чтобы преемники ея обращались съ Остзейцами, какъ съ чужестранцами. Но чего достигли мы этимъ? Пусть отвѣчаетъ на вопросъ даровитый авторъ брошюры о Лифляндскихъ Привилегіахъ: „Въ прежнее время Лифляндецъ въ гла-

захъ заграничныхъ Нѣмцевъ мало чѣмъ разнился отъ Русскаго, да и самъ мало дорожилъ этою разницею; теперь же, наоборотъ, не только Прусакъ, ближайшій его сосѣдъ, но и болѣе отдаленный отъ него южный Германецъ привѣтствуетъ его, какъ равнокровнаго соплеменника и Лифляндецъ чувствуетъ все значеніе такото привѣтствія". Стало-быть, говоря языкомъ Екатерины II, мы встрѣчаемъ тотъ же волчій взглядъ, но толкьо съ заискивающею оглядкою на Пруссію. Я привожу эти строки именно потому, что онѣ писаны давно, въ 1841 году, прежде чѣмъ такъ называемая національная русская партія успѣла промолвить первое слово, когда въ Россіи не существовало и подобія политической прессы, когда никто въ нашемъ обществѣ и не помышлялъ объ отношеніяхъ Остзейскаго края къ Имперіи.

Въ настоящую минуту выросшій на нашихъ глазахъ балтійскій вопросъ имѣетъ двѣ стороны: положеніе русскихъ людей на нашей Балтійской окраинѣ и положеніе Балтійцевъ въ Россіи. Г. Ширренъ взялъ на себя трудъ окончательно разъяснить намъ, что Русскіе въ Лифляндіи не болѣе, какъ заѣзжіе гости, которымъ позволяется жить въ чужомъ домѣ, но подъ условіемъ не домогаться участія въ мѣстномъ домостроительствѣ. Этимъ опредѣленіемъ исчерпывается вполнѣ одна сторона вопроса; но другая, къ сожалѣнію, осталась незатронутою — она, какъ видно, не входила въ задачу. Я жалѣю объ этомъ потому, что эта богатая тема вѣроятно освѣтилась бы, какъ для насъ, такъ и для самого г. Ширрена, совершенно новымъ свѣтомъ, если бъ онъ захотѣлъ примѣнить къ ней свое ученіе о балансированіи равноцѣнныхъ правъ—über die Aequivalenz der Rechte. Можетъ быть, она бы даже навела его на открытіе закона однородной пропорціональности между правами гражданъ и ихъ гражданскимъ долгомъ, закона, котораго глубокая разумность ни въ чемъ такъ ясно не проявляется, какъ въ уродливости явленій, обусловливаемыхъ его нарушеніемъ.

Этотъ предметъ въ практическомъ отношеніи имѣетъ для насъ такую несомнѣнную важность, особенно въ виду ближайшей будущности, что кстати будетъ по крайней мѣрѣ намекнуть на нѣкоторыя изъ этихъ явленій.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ бывшихъ учениковъ г. Ширрена пойдутъ по стопамъ своихъ отцевъ и старшихъ братьевъ, то есть предложатъ государству свои услуги, которыя, разумѣется, приняты будутъ радушно—они вѣдь равноправные съ нами члены единой русской семьи. При извѣстномъ ихъ трудолюбіи и благодаря дружному содѣйствію старшихъ своихъ земляковъ они быстро двинутся на всѣхъ поприщахъ и скоро подоспѣютъ на смѣну своимъ покровителямъ. Тогда наступитъ для нихъ пора примѣненія къ дѣлу познаній, вынесенныхъ ими изъ Дерпта.

Лѣтъ черезъ десять люди, которыхъ научили вѣрить, что у Россіи нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго [1]), займутъ при иностранныхъ дворахъ мѣста уполномоченныхъ отъ Россіи. Они будутъ рѣшать ея судьбу на будущихъ конгрессахъ и примутъ дѣятельное участіе въ продолженіи той самой русской исторіи, которую преподавалъ имъ г. Ширренъ, и въ которой зоркій взглядъ его не высмотрѣлъ никакого міроваго призванія [2]).—Спрашиваю: можно ли будетъ ожидать отъ нихъ твердой, національной политики?

Люди, которымъ натолковано, что русская порода неспособна властвовать [3]), призовутся въ случаѣ нужды къ изысканію и приведенію въ дѣйствіе административныхъ мѣръ въ видахъ укрѣпленія ея владычества на той или другой ея окраинѣ.—Желательно бы знать: восполнитъ ли въ этомъ случаѣ вѣрноподданическое усердіе исполнителей Высочайшей воли отсутствіе въ нихъ той вѣры въ успѣхъ, безъ которой въ подобнаго рода предпріятіяхъ успѣхъ почти немыслимъ?

Люди, которымъ внушалось въ молодости, что они должны по примѣру своихъ предковъ стоять лицемъ къ западу [4]), примутъ команду надъ нашею арміею и въ случаѣ войны съ Германіею поведутъ въ бой матеріальныя силы государства, къ которому они приписаны, противъ духовной своей отчизны [5]), которая и теперь, какъ въ былое время одна, своимъ живымъ дуновеніемъ,

[1]) Стр. 105. — [2]) Стр. 7, 103. — [3]) Стр. 101, 103, 105, 106. — [4]) Стр. 193.— [5]) Стр. 107.

издали, поддерживаетъ въ нихъ бодрость и не даетъ угаснуть надеждѣ въ ихъ тоскующихъ сердцахъ [1]). — Подумаемъ ли мы объ этой трагической борьбѣ сочувствій и вѣрованій съ служебнымъ долгомъ, и разумно ли будетъ съ нашей стороны ожидать, чтобъ командиры, раздвоившіеся духомъ, нашли въ себѣ силу вдохновлять другихъ?

Люди, затвердившіе со словъ бывшаго своего профессора, что такъ называемое національное направленіе русскаго общества есть не иное что, какъ выраженіе племенной зависти и грубыхъ инстинктовъ низшей породы [2]), будутъ подавать голосъ по вопросамъ о томъ, какую долю свободы можно предоставить русской мысли въ словѣ и дѣлѣ, а мы, прислушиваясь къ ихъ сужденіямъ, будемъ вѣроятно недоумѣвать: отчего эти строгіе поклонники законности у себя, эти краснорѣчивые и мужественные до дерзости поборники всевозможныхъ видовъ свободы въ Лифляндіи, у насъ, на нашей русской почвѣ такъ усердно подслуживаются всякому произволу и такъ убѣдительно доказываютъ необходимость всякаго рода антилиберальныхъ реакцій [3]).

---

1) Стр. 161.—2) Стр. 105, 106 и др.

3) Для примѣра я приведу одинъ случай, далеко не изъ самыхъ важныхъ, но по крайней мѣрѣ всѣмъ памятный. Судя по заграничной остзейской литературѣ и по множеству всякаго рода оффиціальныхъ ходатайствъ и полуоффиціальныхъ записокъ, балтійскія сердца пламенѣютъ самою горячею любовью къ свободѣ совѣсти, если только можно видѣть оказательство любви въ ядовитыхъ упрекахъ, которыми осыпается наша церковь за нѣкоторыя существующія въ нашихъ законахъ постановленія, дѣйствительно несогласныя съ ея духомъ болѣе еще, чѣмъ съ началами гражданской вѣротерпимости. Такого же рода упрекамъ подвергается и русское общество за мнимое его равнодушіе къ этому вопросу. Изъ всѣхъ нашихъ современныхъ дѣятелей только одинъ въ этомъ отношеніи заслужилъ благоволеніе остзейскихъ публицистовъ, это — бывшій редакторъ газеты „Москва“ г. Аксаковъ. Г. фонъ-Боккъ перевелъ и перепечаталъ въ своемъ изданіи его превосходныя передовыя статьи о свободѣ совѣсти, вѣроятно памятныя многимъ изъ русскихъ читателей; г. Ширренъ также съ похвалою отозвался о г. Аксаковѣ, прибавивъ, что одинокій голосъ его прозвучалъ безотзывно въ задхлой, тупой средѣ русскаго общества. Какъ же отнеслись къ нему въ живой, просвѣщенной и воспріимчивой средѣ нашего высшаго балтійскаго общества? Случай отозваться сочувственно представился

Разгадка однако очень проста. Они сочиняютъ для насъ законы, управляютъ нами, учатъ и судятъ насъ, не имѣя, по собственнымъ ихъ словамъ, ничего съ нами общаго, кромѣ принадлежности къ одному государству, и пребывая неутральными по отношенію къ русской народности [1]. Это заявляется ими не какъ прискорбный фактъ, а какъ ихъ право, какъ привилегія, будто бы имъ гарантированная, и которою они дорожатъ. Короче: состоя на службѣ, они держатся опричь земли.

Такое положеніе, какъ бы выгодно оно ни было, все таки не совсѣмъ нормально и потому не мудрено, что внутреннее сознаніе его натянутости при сильномъ желаніи удержаться на немъ заставляетъ прибѣгать къ систематическому заподозрѣванію земли и къ внушенію репрессивныхъ мѣръ, будто бы вызываемыхъ мнимыми ея посягательствами на достоинство предержащей власти [2]. Ядовитое остріе этихъ внушеній приличія ради обыкновенно обматывается узорчатою тканью вѣрноподданническихъ заявленій, но оно проглядываетъ вездѣ.

Такъ еще недавно консерваторъ фонъ-Боккъ, рекомендуя на все готовое служебное усердіе своихъ земляковъ, ручался за нихъ печатно, что никто такъ охотно, какъ они, не схватится за фитиль по первому командному слову въ тотъ же-

---

очень скоро. Обвинительный актъ министра внутреннихъ дѣлъ противъ газеты «Москва» разсматривался три раза, въ департаментѣ Сената, въ общемъ собраніи и Государственномъ Совѣтѣ. Въ каждой изъ этихъ инстанцій засѣдаетъ, какъ извѣстно, не мало представителей балтійской интеллигенціи, а одинъ изъ нихъ, въ качествѣ министра юстиціи, даже обязанъ былъ подать письменное, мотивированное мнѣніе въ видѣ согласительнаго предложенія. Вспомнилъ ли кто-нибудь изъ нихъ, что передъ ними стоялъ мужественный и (говорятъ) единственный поборникъ свободы совѣсти? Графъ Паленъ поддержалъ обвиненіе и не нашелъ ни одного соображенія въ пользу смягченія кары. Положимъ—ему такъ было приказано. А прочіе его земляки? Присталъ ли хоть одинъ изъ нихъ къ тѣмъ четыремъ благороднымъ русскимъ голосамъ, которые спасли въ этомъ случаѣ честь нашего служилаго сословія? Отчего именно въ эту минуту притаились и притихли горячіе въ другихъ случаяхъ защитники свободы совѣсти? Не оттого ли, что они причисляютъ себя къ другому приходу и подразумѣваютъ подъ свободою свободу лифляндскую, а подъ совѣстью совѣсть протестантскую?

[1]) Стр. 95, 108. — [2]) См. напр. стр. 114.

ланный часъ, когда правительству вздумается обратить русскія пушки противъ русскихъ людей [1]).

Либеральный г. Ширренъ такъ далеко не заходитъ; но и онъ неодобрительно потряхиваетъ головою, замѣчая, что правительство слишкомъ долго **потворствовало прихотямъ господствующей породы** [2]); это значитъ (переводя съ балтійскаго языка на русскій) — что оно напрасно идетъ рука объ руку съ землею и что пора разорвать этотъ непріятный союзъ, грозящій опричинѣ конечнымъ оставленіемъ ея за штатомъ. Какъ человѣкъ науки, по всѣмъ привычкамъ своимъ предпочитающій кабинетныя занятія уличной croisé и пушечному грому, бывшій дерптскій профессоръ, кажется, удовлетворился бы цензурнымъ терроромъ, хоть бы, напримѣръ, запрещеніемъ нѣсколькихъ ненавистныхъ ему газетъ и осужденіемъ на молчаніе двухъ или трехъ безпокоющихъ его личностей. Таковъ смыслъ заключительныхъ строкъ его брошюры, въ которыхъ онъ, заподозрѣвая

---

1) Чтобъ не заподозрѣли меня въ натяжкѣ, я приведу это курьезное мѣсто въ буквальномъ переводѣ: «Мы ежедневно возсылаемъ къ Богу слѣдующую мольбу: да ускоритъ Господь наступленіе того дня, въ который благодушный Императоръ Александръ наконецъ ясно пойметъ истинный характеръ грязной шайки, такъ безвкусно разыгрывающей передъ нимъ чистокровную комедію (руссицизма) въ нетерпѣливомъ ожиданіи той минуты, когда ей можно будетъ перейти къ такой же чистокровной трагедіи. И когда очамъ благодушнаго Императора, которому мы всѣ такъ охотно служимъ, откроется наконецъ позоръ теперешняго его положенія, тогда да вложитъ ему Господь въ сердце здоровый гнѣвъ и рѣшимость скомандовать своимъ вѣрнымъ нѣмецкимъ подданнымъ: «Забивайте картечь и пускайте ее въ эту грязную сволочь комиковъ и трагиковъ; пусть они всѣ полягутъ на мѣстѣ! Я хочу наконецъ высмотрѣть изъ за этой горсти негодяевъ мой настоящій, добрый всероссійскій (не русскій) народъ! Я хочу проложить себѣ путь (картечью!) къ сердцамъ всѣхъ народовъ моихъ! Пли!» Можетъ быть (продолжаетъ авторъ Лифл. Вклад.) я еще разъ навлеку на себя этими словами насмѣшливое прозвище de l'anfant terrible de la bande; но хотя бы и такъ! Прежде всего я хочу, чтобъ Императоръ узналъ, какъ думаютъ его Балтійцы, что они чувствуютъ, и какъ они, если это потребуется, будутъ стрѣлять». (Livl. Beiträge Neue Folge Bd. I, Heft 1, Seite 22). Пора бы вѣрной остзейской дружинѣ заблаговременно вытвердить и восклицаніе «**гойда! гойда!**» которымъ опричники послѣ своихъ подвиговъ имѣли обыкновеніе оглашать московскія улицы.

2) Стр. 92, 112, 184.

своихъ противниковъ въ замыслахъ на верховную власть, проситъ ее отнять у нихъ право свободнаго слова [1]).

Какъ скромный членъ русской земщины, я прощусь съ нимъ иначе: дай Богъ, чтобы безумцы, промышляющіе раздраженіемъ власти, образумились въ пору и чтобъ надъ ними когда-нибудь не разразился гнѣвъ русской земли.

---

[1]) «Неужели мы не имѣемъ права надѣяться, что рано или поздно въ виду поношеній, встрѣчаемыхъ нашею лояльностью, въ виду дерзости, съ которою во имя вашей будущей народной земской думы попирается и подвергается поруганіямъ наше право (у котораго Императорская честь стоитъ на часахъ), въ виду инстинкта, посягающаго въ будущемъ на верховную власть — сердце Царево изречетъ наконецъ: доселѣ, и ни шагу далѣе!» стр. 194 и 195.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Выпускъ третій.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛАТЫШИ.

Къ читателямъ.

Трехлѣтній промежутокъ времени, протекшій отъ выхода первыхъ двухъ книжекъ „Окраинъ Россіи" до запоздалаго появленія третьей, кажется, долженъ былъ вразумить всѣхъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ искренно желающихъ вразумиться и способныхъ смотрѣть правдѣ въ лице, какъ бы она ни колола глазъ.

Есть, конечно, заблужденія, имѣющія свой корень не въ незнаніи или непониманіи, а въ нѣкоторомъ разслабленіи воли, намѣренно предпочитающей успокоительное заблужденіе такой правдѣ, которая поставила бы признавшихъ ее въ тяжелую необходимость что-нибудь придумать и на что-нибудь рѣшиться. Подобнаго рода заблужденія, естественно, не уступаютъ ни доводамъ разума, ни свидѣтельствамъ опыта. Говорятъ, напримѣръ, что такъ называемый остзейскій вопросъ не имѣетъ самъ по себѣ никакой реальности, а просто на просто выдуманъ и пущенъ въ ходъ нашею прессою. Какое дѣло до того, что первый, конечно, еще неполный абрисъ этого вопроса мелькаетъ въ указахъ и въ перепискѣ Петра I, что Екатерина II не только высмотрѣла и признала, но и разрѣшила его, что послѣ Императора Павла, перерѣшившаго его по-своему, въ царствованіе Императора Александра I Трощинскій въ извѣстной своей запискѣ опять поставилъ остзейскій вопросъ на ближайшую очередь и выяснилъ его со всѣхъ сторонъ. Нужды нѣтъ, что русской политической прессы не было еще на свѣтѣ ни при Петрѣ I, ни при Екатери-

нѣ II, ни при Александрѣ I—все-таки пусть лучше за все отвѣчаетъ пресса; ибо если остзейскій вопросъ существуетъ не въ дѣйствительности, а только въ газетахъ, то чтобъ его не было вовсе, достаточно зажать имъ ротъ; сдѣлать же это гораздо легче, чѣмъ преобразовать балтійскіе суды и городскія управленія, чѣмъ ввести русскій языкъ, чѣмъ отнять у дворянства народныя школы и политическое воспитаніе массъ.

Но оставляя въ сторонѣ заблужденія вольныя, нельзя не признать, что недавно еще можно было, не кривя душею, приписывать стремленіе къ политическому обособленію, такъ явно высказывающееся въ Прибалтійскомъ краѣ, небольшой группѣ горячихъ головъ, выгораживая благоразумное большинство мѣстнаго общества. Теперь въ виду всего совершившагося передъ нами въ послѣднее время и всего готовящагося въ близкой будущности такое заблужденіе было бы непростительно.

Русская читающая публика, по крайней мѣрѣ та часть ея, до которой доходили публикаціи гг. Бокка, Эккгарда, Веррена и другихъ имъ подобныхъ, съ нетерпѣніемъ ожидала отъ представителей такъ называемой провинціальной полити Остзейскаго края чего-нибудь въ родѣ отреченія. Нареканія, клеветы и площадныя выходки противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ и противъ автора „Окраинъ“ могли бы идти своимъ чередомъ; но все это далеко не то, что отреченіе. Отречься въ этомъ случаѣ значило бы прочесть во всеуслышаніе политическое исповѣданіе, хотя бы облеченное въ отрицательную форму. Иначе—сказать: мы не приравниваемъ себя къ Финляндіи, управляемой на основаніи областной конституціи, и не придаемъ мѣстнымъ законамъ, подъ охраною которыхъ мы живемъ, значенія и силы политическихъ правъ, ограничивающихъ дѣйствіе общей для всей Имперіи законодательной власти; мы полагаемъ свое призваніе въ служеніи не Германіи, а Россіи, понимая Россію въ историческомъ ея значеніи политическаго облика русской народности; мы видимъ въ ней не чужую для насъ вотчину той же вѣнчанной личности, которая въ числѣ другихъ своихъ титуловъ именуется и нашимъ герцогомъ, а наше отечество, притомъ единственное, ибо два отечества не умѣстились бы въ одной душѣ, и

потому мы считаемъ себя связанными съ нею всецѣло и безусловно, а не въ силу договора, который оставлялъ бы за нами право въ извѣстныхъ случаяхъ отложиться и промышлять о себѣ по нашему усмотрѣнію.

Такого же отреченія ожидало, какъ кажется, и правительство. Если вѣрить довольно правдоподобнымъ слухамъ, оно даже выпрашивало его, но не допросилось [1]). Вмѣсто этого на всеобщія ожиданія и вопросительные взоры, обратившіеся со всѣхъ концовъ Россіи къ балтійской ея окраинѣ, мы получили два отвѣта: брошюру г. Ширрена и послѣдній (1870 года) адресъ лифляндскаго дворянства. Я сопоставляю въ этомъ случаѣ слово лица, выраженіе единичнаго убѣжденія, соборному заявленію цѣлаго сословія собственно потому, что значеніе перваго заключается главнѣйшимъ образомъ въ его громадномъ успѣхѣ, въ способахъ его пропуска и распространенія, въ единодушіи восторженнаго одобренія, которымъ оно было встрѣчено въ Остзейскомъ краѣ и за границею, наконецъ, въ оригинальныхъ оваціяхъ, сопровождавшихъ выѣздъ автора изъ Дерпта [2]). Можно сказать безъ преувеличенія, что ему удалось влѣзть въ душу своихъ земляковъ и оттуда подать за нихъ голосъ—ihnen aus der Seele zu sprechen, какъ говорятъ Нѣмцы. Содержаніе его брошюры, хоть въ общихъ чертахъ, вѣроятно памятно читателямъ, и потому мнѣ остается только повторить то, что я сказалъ объ ней въ другомъ мѣстѣ [3]) и, смѣю думать, доказалъ, а именно: что г. Ширренъ не только не отрекся за своихъ земляковъ отъ политическихъ притязаній, которыя я имъ приписывалъ, а, напротивъ, расписался въ ихъ подлинности и подтвердилъ правди-

1) Никто, конечно, не назоветъ отреченіемъ отъ сепаратистическихъ поползновеній заявленія, сдѣланнаго дворянскими предводителями, къ которому съ такою поспѣшною готовностью и такъ безоговорочно присталъ г. ѳ. Боккъ. Оно очевидно нисколько не соотвѣтствовало ожиданіямъ, дано было нехотя, чтобъ только избавиться отъ докучливыхъ настояній и принято было благосклонно, чтобъ только замаскировать неудачу.

2) Все это было подробно разсказано и выставлено ребромъ въ нѣмецкихъ газетахъ. См. напр. Крестовую Газету за 1869, №№ 137, 145, 153, 158, 196, 232, 243 и др.

3) Смотри изданную въ Берлинѣ брошюру: Отвѣтъ гг. ѳ. Бокку и Ширрену по поводу Окраинъ Россіи. Berlin, B. Behrs Buchhandlung. 1870.

вость моего свидѣтельства. Мы совершенно совпали въ опредѣленіи факта—нынѣшняго политическаго настроенія балтійской интеллигенціи, и разошлись только въ его оцѣнкѣ. Я видѣлъ въ требованіяхъ тамошняго провинціализма рѣшительное уклоненіе отъ нормальныхъ отношеній области къ цѣлому государству, тогда какъ г. Ширренъ находилъ для тѣхъ же требованій правомѣрное основаніе и опредѣлялъ ихъ, какъ законный выводъ изъ всей исторіи края. О томъ, кто изъ насъ правъ и кто ошибается, можно судить различно; но въ этомъ случаѣ самая непримиримость двухъ выраженныхъ нами воззрѣній придаетъ особенную силу нашему согласію въ свидѣтельствѣ о существующемъ фактѣ.

Послѣдній адресъ лифляндскаго дворянства есть не иное что, какъ второе изданіе политической теоріи г. Ширрена, особенно поучительное и новое не столько по содержанію, сколько по обстоятельствамъ, въ которыхъ оно появилось и по формѣ, въ которую оно облечено. Всякому, вѣроятно, по прочтеніи его представился прежде всего вопросъ о томъ, что могло въ настоящую минуту послужить поводомъ къ такому торжественному акту? Жаловаться, кажется, было не на что. Всѣмъ извѣстно, что именно въ послѣднее время управленіе Балтійскимъ краемъ въ значительной степени упростилось и, такъ сказать, сузилось преднамѣреннымъ устраненіемъ или отсрочкою на неопредѣленный періодъ всѣхъ крупныхъ задачъ, недавно еще стоявшихъ на ближайшей очереди. Твердой иниціативы со стороны правительства не видно ни въ чемъ, и теперешняя его программа дѣйствій (буде таковая имѣется) повидимому заключается въ систематическомъ воздержаніи отъ всякаго серьезнаго дѣйствія. Послѣ отповѣди, полученной бывшимъ генералъ-губернаторомъ Альбединскимъ отъ ревельскаго магистрата, русскій языкъ не только не вводится въ дѣлопроизводство, а, напротивъ, постепенно вытѣсняется даже изъ тѣхъ оффиціальныхъ сношеній, въ которыхъ онъ прежде безспорно допускался [1]); городская реформа, кажется, похоронена окончательно, су-

---

[1]) Такъ недавно лифляндскій ландгерихтъ отказалъ даже таможенному вѣдомству, которое прежде вело всю переписку свою по-русски, въ принятіи отъ него бумаги, написанной на этомъ языкѣ.

дебная реформа спитъ непробуднымъ сномъ въ министерствѣ юстиціи; вопроса о крестьянахъ никто и не думаетъ возбуждать — повидимому, онъ считается окончательно рѣшеннымъ. Словомъ, мы ничего не предпринимаемъ отъ себя и въ то же время никакимъ мѣстнымъ затѣямъ не мѣшаемъ; ничего новаго не вводимъ и ничего стараго не отмѣняемъ. Чего же лучше? Сѣтовать на настоящее положеніе дѣлъ, конечно, не было повода, а расшевеливать прошлое и напоминать намъ, что мы когда-то многое задумывали и ничего не умѣли исполнить, было бы слишкомъ неблагоразумно. Это имѣло бы видъ дразненія. Но можетъ быть Лифляндцы о чемъ-нибудь просили? Нѣтъ; въ адресѣ не предъявляется никакихъ опредѣленныхъ ходатайствъ, да и тонъ его не походитъ на всеподданнѣйшее прошеніе. Это не жалоба, не просьба, не изъявленіе благодарности, не выраженіе преданности; это—предостереженіе, первое предостереженіе, данное Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссійскому отъ Его Высокогерцогскаго Высочества лифляндскаго рыцарства. Даже по тону своему оно гораздо болѣе походитъ на дипломатическую ноту, чѣмъ на всеподданнѣйшій адресъ.

Одна держава, замѣчая, что отношенія ея къ другой сосѣдней державѣ начинаютъ портиться, обращается къ ней съ напоминаніемъ о тѣхъ взаимныхъ обязательствахъ, которыхъ нарушеніе могло бы подать поводъ къ разрыву и объявляетъ ей (пока еще не войну), а тѣ начала, отъ которыхъ она, то есть держава, подающая ноту, ни въ какомъ случаѣ не отступится. Въ лифляндской деклараціи высчитаны три пункта, но они приведены только въ видѣ ближайшихъ указаній и примѣровъ; суть же ихъ сводится къ одному очень понятному заявленію [1]). Ваше Императорское Величество изволите оши-

---

[1]) Опредѣлить въ точности буквальный смыслъ адреса довольно трудно въ виду двухъ лежащихъ передъ нами текстовъ его, русскаго и нѣмецкаго. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обсуждался по проекту, составленному по-нѣмецки, и что окончательная редакція его утверждена была на томъ же языкѣ. Затѣмъ изъ Риги посланъ былъ въ Петербургъ отъ лица дворянства адресъ, облеченный въ оффиціальную форму на русскомъ языкѣ и одновременно посланъ былъ оттуда же, разумѣется, неизвѣстно кѣмъ и отъ кого, тотъ же адресъ въ нѣмецкомъ текстѣ, который и былъ немедленно обнародованъ во всѣхъ нѣмецкихъ

баться, приписывая себѣ одинаковую власть въ Лифляндіи и въ Вашей Россіи. Тамъ — Вы Самодержецъ неограниченный, у насъ же — Вы связаны конституціею.

Вслѣдствіе этого коренного заблужденія предѣлы, поставленные верховной власти, такъ часто переступаются, что Ваше правительство въ Лифляндіи теперь уже окончательно сдвинулось съ правомѣрной своей основы. Взаимное обязательство, заключенное между Вашими и нашими предками, это обязательство, служившее Вамъ порукою въ нашей вѣрности, нарушено со стороны Вашей. Мы Вамъ это объявляемъ къ свѣдѣнію и соображенію.

Уконтентовать лифляндское рыцарство на сей разъ было довольно трудно. Для этого нужно бы было, во-первыхъ, признать въ принципѣ, что Лифляндія въ общемъ составѣ Имперіи образуетъ отдѣльное, политическое цѣлое, и что поэтому въ Россіи и въ Лифляндіи могутъ существовать одновременно двѣ различныя формы правленія; во-вторыхъ, нужно бы было собственно въ Лифляндіи и для нея одной перемѣнить теперешнюю форму правленія. При этихъ условіяхъ лифляндскіе рыцари вѣроятно согласились бы по прежнему поддерживать въ остальной Россіи неограниченное самодер-

---

газетахъ задолго до того времени, когда Правительственный Вѣстникъ разсудилъ за благо подѣлиться съ нашею публикою русскимъ текстомъ. Наши газеты, какъ извѣстно, сперва сообщили адресъ въ переводѣ, сдѣланномъ съ нѣмецкаго, что̀ и вызвало обнародованіе его въ оффиціальномъ органѣ при замѣткѣ, въ которой упоминалось о нѣкоторыхъ неточностяхъ, вкравшихся въ переводѣ. Но по внимательномъ сравненіи оказывается, что правильнѣе было бы назвать ихъ не неточностями перевода, а нѣкоторыми различіями между двумя текстами, посланнымъ за границу для Германіи, и посланнымъ въ Петербургъ для правительства. Нельзя, конечно, отрицать, что свойство юридической подлинности принадлежитъ исключительно послѣднему тексту и что только за него и могутъ отвѣчать податели адреса; но такъ какъ мысль ихъ вылилась все-таки по-нѣмецки, а не по-русски, то спрашивается: не вѣрнѣе ли передается она текстомъ, посланнымъ въ Германію? По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что эффектъ, разсчитанный на Gesammt-Vaterland произведенъ былъ нѣмецкимъ текстомъ, и что на основаніи его сложились всѣ сужденія заграничныхъ газетъ; у насъ же, разумѣется, можно судить о немъ только по русскому, нѣсколько смягченному тексту. Выходитъ, что въ этомъ случаѣ двуязычіе оказалось не безвыгоднымъ. Можетъ быть, этотъ опытъ пріохотитъ къ изученію и употребленію русскаго языка.

жавіе и съ свойственнымъ имъ усердіемъ обуздывать всякое либеральное поползновеніе русскаго общества, хотя бы дѣло дошло до штыковъ и картечи. Сомнительно однако, чтобъ въ Ригѣ разсчитывали на немедленный и полный успѣхъ этой подразумѣваемой сдѣлки. Тамъ знали напередъ, что дворянская нота произведетъ въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе, и никто, конечно, не ожидалъ отъ нея прямыхъ послѣдствій, выгодныхъ для политическаго обособленія края. Этихъ ближайшихъ послѣдствій скорѣе можно было опасаться, но за этимъ не остановились. Признано было нужнымъ выкинуть знамя Лифляндіи, облечься въ свою очередь въ трауръ по утраченной національной автономіи, словомъ— сдѣлать манифестацію ради самой манифестаціи. Дѣйствіе ея было разсчитано вдаль, притомъ не только на наше правительство, но и на всю Европу [1]. Съ одной стороны, предостерегая правительство, лифляндское рыцарство какъ бы очищало свою совѣсть и слагало съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшія послѣдствія — тѣмъ самымъ на случай отказа (въ которомъ никто не сомнѣвался) оно напередъ развязывало себѣ руки на изысканіе всякаго рода оборонительныхъ средствъ. Съ другой стороны, оглядываясь на западъ, оно доносило Всегерманству о тѣхъ обидахъ, которыя будто бы претерпѣвала его забытая колонія въ предѣлахъ Россіи и указывало ему на готовый предлогъ къ давно ожидаемому заступничеству. Очень вѣроятно, что въ этомъ отношеніи адресъ достигнетъ своей цѣли, и мы не теряемъ надежды встрѣтиться съ нимъ еще разъ, когда наши добрые сосѣди, такъ щедро украшенные русскими орденами, отдохнувъ отъ послѣднихъ своихъ побѣдъ, разсудятъ, что насту-

---

1) Собранія остзейскихъ дворянскихъ сословій, какъ извѣстно, недоступны публикѣ и тайна совѣщаній въ нихъ соблюдается такъ строго, что (какъ увѣряютъ) даже мѣстный генералъ-губернаторъ ничего не зналъ о послѣднемъ адресѣ до полученія его въ Петербургѣ. Тѣмъ замѣчательнѣе скорое его оглашеніе въ Германіи. Не произошло ли это отъ нескромности кого-либо изъ четырехъ стенографовъ, которыхъ для занятій во время ландтаговъ дворянство выписываетъ изъ прусской камеры депутатовъ? Объ этомъ извѣщала недавно, какъ о фактѣ, заслуживающемъ вниманія, Кельнская Газета (1870, 18 февраля № 49). Фактъ дѣйствительно курьезенъ—что̀ должно оставаться тайною для Россіи и для ея правительства, можетъ и не быть тайною для Пруссіи.

пило время взять въ свои руки остзейскій вопросъ. Этого давно ожидаютъ тамъ всѣ, начиная отъ послѣдняго рядового и кончая вновь пожалованными фельдмаршалами.

Какъ видятъ читатели, въ декларацiи лифляндскаго дворянства заключалось не простое недоразумѣніе или неумѣренное домогательство, а прямое отрицаніе существующихъ отношеній области къ государству и очень хорошо понятаго закона объ источникѣ законодательной власти. Какъ признакъ политическаго настроенія цѣлаго сословія, держащаго въ своихъ рукахъ судъ, управленіе и народныя школы, такое отрицаніе, повидимому, требовало бы отвѣта не одними словами, но и дѣломъ. Правительство однако предпочло ограничиться словопреніемъ. Вѣроятно, не безъ нѣкотораго надъ собою усилія, ибо ему приходилось оправдывать не какую-либо частную мѣру, не дѣйствія того или другого изъ своихъ агентовъ, а свой принципъ, свое право быть тѣмъ, что оно есть (что̀ отчасти выходитъ изъ круга обыкновенныхъ отношеній верховной власти къ ея подданнымъ): правительство вступило въ диспутъ.

Оно отвѣчало, что ошибается не верховная власть, а лифляндское рыцарство, ибо де всѣ законы, какъ мѣстные, изданные для Лифляндіи, такъ и общіе для всей Имперіи, исходятъ отъ единой власти Самодержавной; словомъ—оно повторило буквально то, что было напечатано отъ Высочайшаго имени много лѣтъ тому назадъ въ манифестѣ, обнародованномъ при выпускѣ первыхъ двухъ частей Свода Мѣстныхъ Узаконеній. Но вѣдь это все было уже давно обдумано, взвѣшено и послѣ долгаго размышленія окончательно отвергнуто̀ лифляндскою интеллигенціею. Вся сила адреса заключалась именно въ отрицаніи этого права верховной власти по своему усмотрѣнію издавать для Лифляндіи законы и измѣнять ихъ, а правительство какъ будто не нашлось противопоставить этому отрицанію ничего иного, какъ тотъ же законъ, котораго обязательность и правомѣрность такъ радикально оспаривалась его лифляндскими оппонентами. Неубѣдительность такого возраженія съ одной стороны, а съ другой, явная невозможность вести споръ на почвѣ законности съ такимъ противникомъ, который съ перваго слова

ставилъ себя подъ защиту не дѣйствующихъ законовъ, а международныхъ обязательствъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о фальшивости того страннаго, чисто оборонительнаго положенія, въ которое поставило себя правительство. Еще страннѣе, что, отстаивая исключительно неограниченность личной власти Самодержца, оно даже не упомянуло о коренныхъ условіяхъ государственнаго единства, не допускающихъ и мысли, чтобы лифляндское рыцарство могло по отношенію къ себѣ оспаривать обязательность того политическаго принципа (каковъ бы онъ ни былъ), которому подчиняется вся Россія. О Россіи въ отвѣтѣ умалчивается; ея какъ будто нѣтъ, и потому, если бы когда-нибудь самъ Самодержецъ захотѣлъ подѣлиться своими правами съ народнымъ представительствомъ, то Лифляндцы могли бы потребовать особой, областной конституціи, нисколько не рискуя подвергнуться упреку въ забвеніи даннаго имъ урока. Имъ вѣдь запрещено только посягать на самодержавную власть,а не на политическое единство Россіи.

Какъ бы то ни было, обмѣнъ дипломатическихъ нотъ между Петербургомъ и Ригою, происходившій въ мартѣ и апрѣлѣ прошлаго года, все-таки окончательно выяснилъ непримиримость коренного противорѣчія въ понятіяхъ высшаго правительства и остзейской интеллигенціи. Оно теперь облуплено и, такъ сказать, завострено—bis auf die Spitze getrieben. Само собою разумѣется, что такъ какъ лифляндскіе рыцари привыкли говорить и дѣйствовать не подъ вліяніемъ минутныхъ увлеченій, а обдуманно и зрѣло, сообразивъ предварительно всѣ послѣдствія, то и нельзя было ожидать, чтобы простое указаніе на давно извѣстное имъ опредѣленіе самодержавной власти склонило ихъ къ попятному шагу. Съ другой стороны, какъ люди осторожные и хорошо изучившіе нашу политическую почву, они естественно не пожелали идти на явный разрывъ, а разочли, что гораздо выгоднѣе, расшатывая государственное единство, въ то же время пользоваться по прежнему репутаціею надежнѣйшихъ слугъ Государя. Эти соображенія побудили рыцарей къ дополнительному заявленію, которое у насъ опубликовано не было. Напрасно стали бы искать въ немъ отреченія отъ требованій, выраженныхъ въ

первой декларація и такъ рѣшительно отвергнутыхъ властью; напротивъ, рыцари повторили ихъ, хотя въ нѣсколько смягченной формѣ несомнѣнныхъ надеждъ, такъ что въ этомъ отношеніи послѣднее слово осталось все-таки за ними; но они прибавили къ этому нѣсколько стереотипныхъ фразъ о своей вѣрноподданнической преданности. Въ отвѣтъ послѣдовала изъ Петербурга благодарность за вѣрноподданническія чувства, а о другой темѣ, заключавшей въ себѣ всю суть второго заявленія, именно о повтореніи надеждъ, несовмѣстныхъ съ политическимъ единствомъ Россіи, не было сказано ни полслова. Ее какъ будто вовсе и не замѣтили—въ Петербургѣ признали въ этомъ преднамѣренномъ игнорированіи верхъ политической мудрости. Раскланявшись такимъ образомъ, оппоненты разошлись и остались каждый при своемъ. Императоръ Всероссійскій по прежнему считаетъ себя самодержцемъ и въ Лифляндіи, а лифляндскіе рыцари считаютъ его нарушителемъ своей областной конституціи. Затѣмъ ни въ организаціи, ни въ личномъ составѣ мѣстнаго управленія не послѣдовало никакихъ перемѣнъ. Сословіе такъ торжественно заявившее, что договорныя отношенія его къ правительству, служившія основаніемъ его политической вѣрности, нарушены произволомъ власти, по прежнему заправляетъ черезъ выборныхъ изъ своей среды судомъ, администраціею, полиціею и народными школами; всѣ эти ландраты, предводители, президенты, ассесоры, субституты и орднунгсъ-рихтеры, подписавшіе адресъ, въ которомъ отрицается самый принципъ правительства, и теперь служатъ ему въ томъ краѣ почти единственными органами; стало-быть, оно, повидимому, надѣется черезъ ихъ посредство и при ихъ содѣйствіи привести въ исполненіе свои предначертанія, такъ рѣшительно ими опротестованныя. Это, какъ видно, ни по чемъ, а опасно только то, что двѣ или три русскія газеты, издающіяся въ Москвѣ и въ Петербургѣ, позволяютъ себѣ иногда помѣщать передовыя статьи о нашихъ окраинахъ.

По поводу лифляндскаго адреса естественно приходятъ на память имена нѣкоторыхъ русскихъ людей, числящихся членами тамошняго рыцарства. Они что думаютъ о манифе-

стаціи своихъ собратьевъ и какъ къ ней отнеслись? Вѣдь нельзя же отрицать, что принадлежность къ какому-либо обществу всегда предполагаетъ извѣстную степень солидарности съ этимъ обществомъ, а слѣдовательно и нравственной отвѣтственности за его дѣйствія. Тѣми лицами, которыя сдѣлались членами общества не по рожденію и не въ силу обязательнаго закона, а по собственному ихъ желанію, или вслѣдствіе согласія ими изъявленнаго на просьбу общества, пожелавшаго имѣть ихъ въ числѣ своихъ, эта круговая порука каждаго за всѣхъ должна бы, повидимому, ощущаться еще живѣе. Что бы ни говорили, а поднесеніе и принятіе диплома есть также своего рода манифестація, равносильная изъявленію обоюднаго уваженія и сочувствія. Оттого и рождается естественно вопросъ: могутъ ли Русскіе, позволившіе внести свои имена въ лифляндскую дворянскую матрикулу, сочувствовать послѣднему лифляндскому адресу и принимать его за выраженіе своихъ политическихъ убѣжденій? Согласны ли они вмѣстѣ съ прочими своими собратьями идти путемъ, которымъ ихъ ведутъ, въ хвостѣ за своимъ ландмаршаломъ, въ лицѣ котораго они, какъ члены мѣстнаго рыцарства, не могутъ не признавать законнаго своего представителя? Въ такомъ дѣлѣ нельзя отговариваться личнымъ отсутствіемъ или непринятіемъ непосредственнаго въ немъ участія; ибо принято считать молчаніе за согласіе и потому всегда предполагается, что безмолвствующіе не отстаютъ отъ другихъ. Итакъ, лифляндскій ландмаршалъ имѣетъ полное право пріѣхать къ какому-нибудь русскому князю, члену лифляндскаго рыцарства, и сказать ему: „Мы, то есть Вы, всѣ наши и я, дали правительству предостереженіе; Мы, то есть опять тамъ въ числѣ прочихъ и Вы, предъявили наше право на областную конституцію и т. д. Прискорбно сознаться, что въ числѣ тѣхъ, къ которымъ могутъ быть обращены подобныя рѣчи, есть лица высоко стоящія, есть даже одно лице, въ которомъ Россія привыкла видѣть ревниваго оберегателя своего достоинства, и что никто изъ нихъ, повидимому, не ощутилъ потребности отречься гласно отъ всякой солидарности съ манифестаціею своихъ собратьевъ, порвавъ свои личныя связи съ лифляндскимъ

рыцарствомъ и потребовавъ, чтобъ имя его было вычеркнуто изъ тамошней матрикулы. Подобный поступокъ, хотя бы и одиночный, скорѣе всякихъ выговоровъ и взысканій, вразумилъ бы нашихъ балтійскихъ согражданъ. Они усмотрѣли бы изъ него, что волею неволею, а пришлось бы имѣть дѣло не только съ правительственными вѣдомствами и государственными чиновниками, но и съ русскими людьми, а пока русскіе люди, стоящіе на виду, молчатъ и сторонятся, ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ мнѣніе Россіи цѣнится такъ низко.

Въ Петербургѣ, какъ видно, старались только замять дѣло объ адресѣ, чтобъ доставить себѣ благовидный предлогъ зачислить его конченнымъ и поскорѣе объ немъ позабыть; но въ самой Лифляндіи отнеслись къ нему иначе. Вѣсть о новыхъ затѣяхъ дворянства быстро разнеслась по всему краю и не на шутку встревожила русскихъ обывателей городовъ и массу крестьянъ. Тѣ и другія имѣютъ не мало причинъ не считать такъ называемой провинціальной конституціи (Landesverfassung), подъ гнетомъ которой они живутъ, за идеалъ совершенства и потому не мудрено, что они съ напряженнымъ ожиданіемъ смотрятъ впередъ, на ближайшую будущность. Условія теперешняго ихъ быта неодинаковы и потому надежды ихъ, конечно, не тождественны; но они нетолько не находятся между собою въ противорѣчіи, а, напротивъ, окончательно совпадаютъ и сливаются въ томъ отношеніи, что какъ Русскіе, такъ и Латыши, не выходя даже изъ круга частныхъ своихъ интересовъ, отдаютъ рѣшительное предпочтеніе порядку вещей, нынѣ на основаніи общихъ законовъ существующему у насъ, лифляндскимъ порядкамъ и безпорядкамъ, основаннымъ на провинціальныхъ особенностяхъ. Если бъ можно было спросить у всѣхъ обывателей края, чего бы они желали: объединенія съ Россіею, причемъ были бы примѣнены къ нимъ главныя основанія крестьянской реформы, судебнаго устройства, земскихъ учрежденій и новаго городового положенія, или еще большаго обособленія отъ остальной Имперіи съ увѣковѣченіемъ мѣстныхъ порядковъ, то голоса дворянъ и биргеровъ исчезли бы въ единодушномъ откликѣ громадной массы мѣстнаго народона-

селенія. Въ этомъ никто внутренно не сомнѣвается, а руководители остзейской политики знаютъ это лучше, чѣмъ кто-либо. Такого рода опросъ со стороны правительства у насъ, конечно, немыслимъ; но случилось такъ (и не могло не случиться), что безъ участія и вѣдома правительства сами заинтересованныя сословія задали себѣ этотъ щекотливый вопросъ и почувствовали въ себѣ рѣшимость отозваться на него, не ожидая никакого къ тому поощренія со стороны. Они естественно были на это наведены дерзкимъ адресомъ дворянства, по-своему предопредѣлявшаго будущее развитіе края въ духѣ и направленіи, діаметрально противоположномъ надеждамъ большинства. Такимъ образомъ возникла (потому-что не могла не возникнуть) мысль о подачѣ контръ-адреса снизу. Въ обществѣ русскихъ Рижанъ составленный въ этомъ смыслѣ проектъ просьбы на Высочайшее имя покрылся въ нѣсколько дней сотнями подписей; немного спустя, но безъ всякаго соглашенія или сношенія съ Русскими такого же рода просьбы стали заготовляться по деревнямъ и волостямъ. Кажется нельзя бы было придумать ничего болѣе согласнаго съ общегосударственными интересами. Вѣдь что бы ни говорили, а отвѣчать на домогательство цѣлаго сословія, говорящаго за весь край, сухимъ и рѣзкимъ отказомъ, не имѣя при этомъ никого на своей сторонѣ и ссылаясь исключительно на права и интересы власти, все-таки не можетъ быть пріятно. Отъ такого рода столкновеній, обнаруживающихъ передъ всѣми дѣйствительную или мнимую изолированность правительства и противоположность его цѣлей цѣлямъ его подданныхъ, всегда остается общее впечатлѣніе, крайне для него невыгодное. Но къ немалому его счастью, вдругъ оказывалось, что въ этомъ случаѣ оно имѣло противъ себя не весь край, а не болѣе какъ политическую партію и что, давая ей отпоръ во имя своихъ интересовъ, оно, само того не подозрѣвая, выражало мысль и надежды огромнаго большинства, готовившагося выразить ему во всеуслышаніе свои надежды, въ сущности, совершенно согласныя съ его цѣлями. При нѣкоторой долѣ политическаго смысла можно ли было этому не радоваться, если не въ видахъ оправданія правительства, то, по крайней мѣрѣ,

для окончательнаго вразумленія слишкомъ заносчиваго меньшинства? Но мѣстныя власти поняли дѣло иначе и взглянули на него тѣми же глазами, какими администрація Сѣверозападнаго края передъ самымъ началомъ польскаго мятежа смотрѣла на такъ называемое упорство буйной черни, отвергавшей дружелюбныя увѣщанія благонамѣренныхъ организаторовъ вооруженнаго мятежа. Что дѣлать! въ мозгахъ извѣстной конструкціи никакой опытъ никогда не пробьетъ извѣстныхъ рубрикъ. Что бы тамъ ни говорилось и ни творилось, а все таки въ ихъ представленіяхъ отражаются, на одной сторонѣ, благородные рыцари—стало-быть консерваторы, а на другой сѣрые люди и мужичье—стало-быть бунтовщики, и довольно! Движимый такого рода тонкими соображеніями, лифляндскій гражданскій губернаторъ захватилъ въ Ригѣ русскій адресъ, накрылъ намѣревавшихся подписать его и задалъ имъ приличную острастку: въ другой де разъ, когда дворяне будутъ отвергать силу законодательной власти, молчите и не спорьте—не Ваше дѣло! Съ его же благословенія дворянская земская полиція накинулась на деревни. Наученные горькимъ опытомъ прежнихъ годовъ крестьяне въ заготовленныхъ ими просьбахъ даже и не заикались о дворянской деклараціи; они просто ходатайствовали отъ себя о введеніи въ Лифляндіи судебныхъ и земскихъ учрежденій, дарованныхъ Имперіи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ просили сверхъ того введенія русскаго языка въ народныхъ школахъ. По этому поводу разосланъ былъ по волостямъ слѣдующій циркуляръ. Онъ уже былъ напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ [1]), но я привожу его опять цѣликомъ, такъ какъ онъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Циркуляръ старшинамъ . . . . . волости В—скаго прихода. Отъ В—скаго орднунгсгерихта, 11-го сентября 1870 года:

„Были случаи, что между общинами округа распространялись особенными агентами листки одинаковаго содержанія, излагавшіе проектъ, имѣвшій цѣлью обратиться къ Его Императорскому Величеству съ просьбою о томъ, чтобъ и въ Лифляндіи былъ введенъ новый судебный уставъ, и чтобы

---

1) 1870 № 222.

представительство всѣхъ сословій въ ландтагахъ было даровано и Латышамъ. Далѣе извѣстно, что эти прошенія возбудили въ нѣкоторыхъ общинахъ живѣйшій интересъ, и что прошенія эти, снабженныя подписями, были препровождаемы для представленія высшему начальству.

„Г. лифляндскій гражданскій губернаторъ, обративъ на это дѣло свое вниманіе, объявилъ сему орднунгсгерихту, что хотя общинамъ не воспрещено предъявлять свои желанія и жалобы (если таковыя не противозаконны) высшему начальству изустно или письменно черезъ своихъ уполномоченныхъ, однако ни въ какомъ случаѣ нельзя терпѣть, чтобы лица, не принадлежащія къ крестьянскимъ общинамъ, подстрекали крестьянъ массами подавать прошенія одинаковаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его превосходительство г. гражданскій губернаторъ поручилъ орднунгсгерихту быстро и энергически воспротивиться такимъ подстрекательствамъ и строжайше предписать всѣмъ старшинамъ общинъ, чтобъ они, въ качествѣ земской полиціи, не дозволяли интриганамъ побуждать общины къ заявленію какихъ бы то ни было желаній незаконнымъ путемъ. При этомъ орднунгсгерихту поставлено въ особенную обязанность привлекать къ отвѣтственности и наказанію тѣхъ общинныхъ старшинъ, которые вмѣсто того, чтобы по долгу своему доносить о вышеупомянутыхъ возмутителяхъ и преслѣдовать ихъ, поддерживаютъ ихъ составленіемъ общественныхъ приговоровъ.

„Извѣщая о семъ старшинъ общины (такой-то), орднунгсгерихтъ ставитъ имъ на видъ, во избѣжаніе поступленія съ ними по законамъ, чтобъ они не терпѣли никакихъ собраній, имѣющихъ цѣлью массами подавать прошенія, если оныя не дозволены свыше; если же снова появятся подобные агенты, то старшины должны безотлагательно представлять ихъ въ орднунгсгерихтъ.

Орднунгсрихтеръ N.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ это въ своемъ родѣ типическое произведеніе мѣстной администраціи и отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое оно должно было произвести на народъ, надобно вспомнить, что тотъ самый господинъ, который въ качествѣ полицейскаго чиновника (слѣ

довательно правительственнаго агента) подписывалъ приведенный циркуляръ, разсылалъ его и приступалъ къ ловлѣ такъ называемыхъ подстрекателей и зачинщиковъ крестьянскихъ ходатайствъ, наканунѣ самъ въ качествѣ мѣстнаго матрикулированнаго дворянина участвовалъ въ подписаніи деклараціи лифляндскаго ландтага.

Но въ Ригѣ и въ Петербургѣ давно ко всему приглядѣлись и безобразіе подобнаго рода явленій никого не поражаетъ. Иное дѣло — сужденія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ объ Остзейскомъ краѣ; тутъ такъ есть, надъ чѣмъ серьезно призадуматься.

Нарушеніе остзейской политической конституціи — это одинъ изъ пунктовъ, по которымъ мы рано или поздно будемъ привлечены къ отвѣту; затѣмъ есть другой, тѣсно связанный съ первымъ, въ формальномъ отношеніи даже подразумѣваемый въ немъ, но имѣющій въ то же время самостоятельное значеніе и особенную важность, какъ вопросъ государственной нравственности—это посягательство на свободу лютеранской совѣсти. Во имя интересовъ остзейскаго германизма, конечно, станетъ подъ ружье значительная военная сила; но подъ знамя вѣротерпимости, поднятое противъ насъ, соберется вся Европа, а можетъ быть, и Америка безъ различія народностей и исповѣданій. Зная хорошо, что ничѣмъ нельзя нанести намъ такого вреда въ мнѣніи всего просвѣщеннаго міра, какъ распространеніемъ молвы о тѣхъ будто бы нечистыхъ средствахъ, которыми мы будто бы недавно вербовали въ свою церковь лифляндское простонародіе и о тѣхъ насильственныхъ мѣрахъ, которыми оно противъ воли и совѣсти будто бы удерживается въ ея цѣпяхъ, бывшій нашъ согражданинъ ф. Боккъ, теперешній нашъ согражданинъ, русскій подданный Юлій Эккгардъ [1]) и многочисленные ихъ пособники дружно принялись за разработку этой неисчерпаемой темы. Число откуда-то внезапно народившихся лиф-

---

[1]) Самъ г. Эккгардъ недавно взялъ на себя трудъ въ опроверженіе разнесшагося слуха утѣшить русскую публику печатнымъ объявленіемъ въ газетахъ, что онъ не вышелъ изъ русскаго подданства. Побольше бы такихъ русскихъ подданныхъ и тогда Пруссія нашла бы средство справиться съ нами, не объявляя намъ даже войны.

ляндскихъ ревнителей свободы совѣсти, скликающихъ Европу на ополченіе противъ Россіи, быстро умножается, а ежегодно выходящія по этой части новыя книги и брошюры свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о чрезвычайномъ обиліи оффиціальныхъ матеріаловъ, пересылаемыхъ заграничнымъ издателямъ балтійскими ихъ пособниками [1]).

Этого мало — прошлою весною въ Женевѣ открытъ былъ публичный курсъ, имѣвшій предметомъ тѣ преслѣдованія, которымъ будто бы подвергается протестантство въ Лифляндіи со стороны правительства—Sur les persécutions protestantes en Livonie. Чьими заботами устроены были эти чтенія, не мудрено догадаться. Тамошній пасторъ Ени (Ehni), занявшій новооткрытую каѳедру, нашелъ нужнымъ перечислить въ Женевскомъ Журналѣ (30 мая 1870) источники, которыми онъ пользовался, и указалъ на изданія ѳ. Бокка, Эккгарда и Гарлеса — этого достаточно, чтобъ дать понятіе о характерѣ чтеній и о степени достовѣрности сказаній, которыми угащивалась женевская публика. Но въ подобныхъ случаяхъ строгая разборчивость была бы неумѣстна, лишь бы производился сильный эффектъ, а чѣмъ грубѣе черты и ярче краски, тѣмъ успѣшнѣе достигается эта цѣль. Такая же пропаганда шла по всей Европѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ польскому мятежу. Тогда, какъ и теперь, правильно организованная клевета систематически, на всѣхъ языкахъ раздражала противъ насъ общественное мнѣніе, а мы молчали; мы молчимъ и теперь [2]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, обращаетъ на себя особенное вниманіе брошюра Д. Гарлеса. Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands vom Jahre 1845 etc. Leipzig 1869. Я бы почелъ себя счастливымъ, если бы могъ добыть хоть половину тѣхъ данныхъ, которыми пользовался авторъ. Но архивы лютеранскихъ консисторій, соборовъ и пасторатовъ открыты для нашихъ противниковъ, а если бы кто-либо изъ Русскихъ, пишущихъ въ защиту нашихъ государственныхъ и церковныхъ интересовъ, вздумалъ испрашивать разрѣшенія заглянуть въ дѣла рижской православной консисторіи, Синода и министерства внутреннихъ дѣлъ, то его бы учтивымъ образомъ выпроводили и нашли бы его домогательство дерзкимъ. Со временемъ и, вѣроятно, довольно скоро мы будемъ сожалѣть о теперешней добровольной безотвѣтности нашей на обвиненія, которыми насъ осыпаютъ, но ужъ будетъ поздно.

[2]) Само собой разумѣется, что не дѣло правительства вступать въ полемику

Тогда общественная агитація, которою мы пренебрегли, подготовила дипломатическое вмѣшательство, даже отчасти вынудила его; болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы дождемся того же и по поводу новыхъ, взводимыхъ на насъ нареканій. Даже ужъ сдѣланъ починъ вмѣшательства, правда, не со стороны какой-либо вооруженной державы, но отъ лица организованнаго представительства интересовъ лютеранской церкви. Мы недавно прочли объ этомъ въ газетѣ, издаваемой г. Ю. Эккгардомъ (Hamburgischer Correspondent, 1 Juli 1870), любопытное извѣстіе и считаемъ не лишнимъ въ назиданіе нашей публики привести здѣсь всю статью въ буквальномъ переводѣ.

„Изъ Штутгарда.

„Во время пребыванія Россійскаго Императора въ нашемъ городѣ, онъ далъ интересную аудіенцію, о которой я передаю вамъ слѣдующія свѣдѣнія. Съ половины апрѣля текущаго года свобода вѣроисповѣданія балтійскихъ провинцій Имперіи и всѣхъ вообще обитателей ея, испытывающихъ стѣсненія или которымъ угрожаютъ стѣсненія въ этой свободѣ, обрѣла новое заступничество, заслуживающее особеннаго вниманія, какъ по содержанію и формѣ своей, такъ и по той средѣ, изъ которой оно вышло и, наконецъ, по тому дѣйствію, которое оно немедленно же произвело. Въ Швейцаріи 200 проживающихъ въ Женевѣ, Лозаннѣ, Вевѣ, Нейенбургѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, С. Галленѣ и Аппенцелѣ Французовъ, Англичанъ, Испанцевъ и Нѣмцевъ, принадлежащихъ къ реформатскому, англиканскому и лютеранскому вѣроисповѣданіямъ и имену-

---

съ издателями какихъ-нибудь пасквилей и обличать безстыдное лганье, которымъ они морочатъ своихъ читателей. Къ тому же апологіи, писанныя по заказу на заданную тему, никогда никого не убѣждали. Разсчитывать на вниманіе, а затѣмъ и на довѣріе предубѣжденной публики, можетъ только писатель, вполнѣ независимый, несвязанный никакою инструкціею, относящійся къ своему предмету совершенно свободно и настолько правдивый, чтобъ не уклоняться отъ признаній, лично для него тяжелыхъ и скорбныхъ. Нашлись бы такіе люди, которые взялись бы на свой рискъ отражать клевету, лишь бы только правительство не заподозрѣвало ихъ намѣреній и не мѣшало имъ, а оказывало бы имъ ту единственную помощь, которую бы они приняли и въ которой они нуждаются—доставленіемъ необходимыхъ для такого дѣла справокъ и свѣдѣній.

ющихъ себя „друзьями лифляндскихъ Латышей и Эстовъ, заполоненныхъ греко-россійскою государственною церковью" обратились въ мартѣ 1870 года къ членамъ Евангелическаго союза съ коллективнымъ воззваніемъ, въ которомъ они выразили надежду, что упомянутый союзъ не преминетъ включить вѣроисповѣдной гнетъ, къ явному соблазну всего образованнаго міра лежащій на Лифляндіи, въ программу своихъ совѣщаній и принять къ обсужденію и руководству въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ тѣ предположенія по этому предмету, которыя могутъ быть ближайшимъ образомъ формулированы. Упомянутое воззваніе, подписанное въ числѣ двухъ сотъ лицъ многими изъ передовыхъ людей швейцарскаго протестантства, было пущено въ ходъ на языкахъ нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ, и во многихъ тысячахъ экземпляровъ обошло въ продолженіе приблизительно двухъ мѣсяцевъ Швейцарію, Германію, Францію, Англію и Сѣверную Америку. Въ этотъ промежутокъ времени число подписавшихся подъ нимъ, конечно, значительно увеличилось. Знаменитый историкъ реформаціи, женевскій профессоръ Мерлъ Добинье, отъ 15 апрѣля того же года, въ особой дополнительной къ воззванію публикаціи, писанной въ томъ же духѣ, печатно выразилъ свое живое сочувствіе этому почину въ дѣлѣ освобожденія. Въ томъ же апрѣлѣ вышло еще новое, болѣе краткое печатное объявленіе отъ имени другихъ двухъ сотъ протестантовъ, состоявшихъ почти на половину изъ гражданъ французскаго города Ліона, затѣмъ преимущественно изъ членовъ женевской лютеранской общины, наконецъ, изъ обывателей городовъ Нёшателя и Монтрё, не обозначившихъ своего вѣроисповѣданія. Лица, подписавшія это послѣднее объявленіе, выразили въ немъ свое намѣреніе присоединиться къ первоначальному воззванію и живое свое сострàданіе лифляндской лютеранской церкви, претерпѣвающей столь тяжелыя бѣдствія. Но, не ограничиваясь этимъ, они въ томъ же объявленіи обратились прямо къ общему собранію Евангелическаго союза (какъ извѣстно, созванному въ Нюіоркъ къ 23 сентября текущаго года) съ настоятельною просьбою употребить все вліяніе свое, чтобы добыть свободы вѣры и совѣсти для многострадальной

и родственной церкви (лифляндской), къ которой въ сущности по внутреннему своему убѣжденію все-таки принадлежитъ и огромное большинство лифляндскихъ Эстовъ и Латышей (приблизительно $^1/_7$ народонаселенія всей провинціи), наружно только причисленныхъ къ греко-россійской государственной церкви посредствомъ извѣстнаго всѣмъ оффиціальнаго обмана [1]).

„Такое, въ лучшемъ смыслѣ по истинѣ протестантское движеніе естественно не могло укрыться отъ Русскихъ, тѣмъ болѣе, что одновременно оберъ-пасторъ Ени, состоящій при женевской лютеранской общинѣ, собиралъ около себя многочисленную, образованную обоего пола публику на чтеніяхъ своихъ, въ которыхъ онъ выяснялъ и раскрывалъ вѣроисповѣдныя бѣдствія Лифляндіи. По поводу этихъ чтеній, возбудившихъ въ протестантской Женевѣ живѣйшее участіе, даровитый преподаватель получилъ отъ проживавшихъ въ томъ городѣ Русскихъ множество грубыхъ, но безыменныхъ писемъ. Другое письмо, отъ Русскаго же, хотя и не грубое, но также безыменное и писанное въ надеждѣ разными хитростями озадачить будто бы недостаточно вооруженнаго оратора, самъ пасторъ Ени обнародовалъ вмѣстѣ съ своими чтеніями въ Женевскомъ журналѣ, приложивъ отъ себя такое сокрушительное возраженіе на письмо, какого безыменный авторъ его конечно не ожидалъ.

„Не мудренно, что при такихъ объстоятельствахъ со стороны Русскихъ сдѣлана была попытка на первыхъ же порахъ неутрализировать наступательное движеніе неожиданно выказавшихся друзей Латышей и Эстовъ. Въ этихъ видахъ ничто не могло быть удобнѣе, какъ воспользоваться

---

[1]) Оффиціальный обманъ — подлинныя выраженія, употребленныя графомъ Бобринскимъ въ рапортѣ на Высочайшее имя, поданномъ имъ по бѣгломъ обозрѣніи нѣсколькихъ уѣздовъ Лифляндіи. Этотъ пресловутый рапортъ недавно въ третій разъ изданъ въ Берлинѣ особою брошюрою на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ. Не знаю: радуется ли написавшій вышеприведенныя, непростительно легкомысленныя слова огромному ихъ успѣху во всѣхъ разноплеменныхъ кругахъ, коализированныхъ противъ Россіи, или, вразумившись самымъ этимъ успѣхомъ, понялъ наконецъ, кому и чему онъ безсознательно послужилъ трубою?

теперешнимъ пребываніемъ Русскаго Императора въ Германіи, побудить нѣкоторыхъ изъ передовыхъ дѣятелей Евангелическаго союза къ поѣздкѣ въ одно изъ тѣхъ полудеревенскихъ мѣстечекъ, въ которыхъ Александръ II съ нѣкотораго времени отдыхаетъ отъ правительственныхъ заботъ и отъ бремени оффиціальнаго представительства. Нужно было притомъ уговорить ихъ ѣхать туда немедленно, не выжидая ни съѣзда Евангелическаго союза, ни формальной командировки отъ лица собранія по торжественному отъ него уполномочію. Нѣкій Русскій обратился къ парижскому отдѣленію Евангелическаго союза, убѣждая его настоятельно никакъ не упускать благопріятнаго случая [1]), а воспользоватьси непремѣнно пребываніемъ Императора въ Германіи и сдѣлать отъ себя теперь же тотъ шагъ, который былъ задуманъ и предположенъ въ Швейцаріи. По особенно выгодному положенію, въ которомъ находился этотъ Русскій, онъ имѣлъ полную возможность проложить и очистить путь къ этой цѣли для депутаціи отъ упомянутаго отдѣленія и снабдить ее нужными рекомендаціями для безпрепятственнаго допущенія ея на аудіенцію у Государя.

„Всѣмъ образованнымъ протестантамъ хорошо знакомы имена пасторовъ Монода и де Пресенсе. Они принадлежатъ къ числу тѣхъ иностранныхъ вожаковъ протестантства, которые и въ Германіи, и въ отдаленнѣйшихъ краяхъ пользуются наилучшею извѣстностью. Къ этимъ двумъ лицамъ пристали еще въ Парижѣ тамошній профессоръ Сентъ-Гилеръ и г. Буасье въ Женевѣ. Всѣ они съ благородною готовностью, чуждою всякихъ личныхъ побужденій, поспѣшили воспользоваться случаемъ, дружескою рукою подготовленнымъ, прійти кратчайшимъ путемъ къ цѣли, которой желали достигнуть они сами и ихъ довѣрители. Они испросили аудіенціи, получили на то согласіе, отправились въ Штутгардъ и вчера, 23 іюня 1870, удостоились самаго благосклоннаго пріема у Государя въ королевской виллѣ Бергъ, близь Штутгарда. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго внима-

---

1) Любопытно бы знать, кто этотъ Русскій? Почему онъ не названъ?—А вѣдь нельзя поручиться, что между нашими не нашлось и такого!

нія для вѣрнаго уразумѣнія дѣла, такъ какъ Императоръ во время своего пребыванія на дачѣ не хотѣлъ принимать даже дипломатическаго корпуса.

„Мы можемъ сообщить читателямъ о самомъ свиданіи слѣдующія свѣдѣнія, полученныя нами изъ самаго надежнаго источника. Г. пасторъ Монодъ держалъ рѣчь; онъ обратился къ Императору съ трогательнымъ воззваніемъ, передалъ ему, что нюіоркское генеральное собраніе союза возьметъ крѣпко въ свои руки (kräftig in die Hand nehmen werde) дѣло лифляндскихъ Латышей и Эстовъ, притѣсняемыхъ за ихъ вѣру, и въ заключеніе подалъ Его Величеству адресъ, который Государь удостоилъ принять отъ него собственноручно. Затѣмъ Государь выразилъ депутаціи свою добрую волю (guten Willen) сказавъ, „что тѣмъ лифляндскимъ Латышамъ и Эстамъ, которые желаютъ перейти изъ грекороссійской государственной церкви обратно въ протестантство, не ставятъ въ томъ никакихъ препятствій „но“, что законъ воспрещаетъ обратный переходъ (den Rücktritt) „и что онъ, Государь, не можетъ измѣнить закона!“ что впрочемъ онъ оплакиваетъ (déplore) тѣ пріемы и способы, какими въ былыя времена произведены были обращенія!

„На этомъ Императоръ дружески подалъ руку четыремъ членамъ депутаціи и тотчасъ же ихъ отпустилъ. На сей разъ я долженъ этимъ окончить мои сообщенія“ — это послѣднія слова корреспондента.

Въ этомъ повѣствованіи есть конечно доля правды. Дѣйствительно, многіе изъ представителей западнаго протестантства, прислушиваясь къ лифляндскимъ сказаніямъ о мнимыхъ подговорахъ, которыми Латыши и Эсты въ сороковыхъ годахъ будто бы соблазнялись къ переходу въ православіе и не имѣя, благодаря систематическому молчанію съ нашей стороны, никакого понятія о тѣхъ пріемахъ, которыми вызвано было въ той же народной средѣ обратное движеніе, повѣрили на слово своимъ остзейскимъ единовѣрцамъ, приняли ихъ за искреннихъ ревнителей свободы совѣсти и безсознательно подслужились своими честными именами искусственно возбужденной агитаціи, исходившей изъ мотивовъ далеко не религіознаго свойства. Депутація Евангелическаго

союза испросила аудіенціи, принята была благосклонно и изъ устъ самого Государя получила увѣреніе въ желаніи его, насколько это возможно, положить конецъ порядку вещей, котораго ненормальность онъ самъ сознавалъ. Таково свидѣтельство извѣстнаго ученаго де Пресенсе [1]), заслуживающаго полной вѣры и, какъ видятъ читатели, далеко не тождественное съ сказаніемъ безыменнаго сотрудника г. Ю. Эккгарда. Впрочемъ, даже и безъ этого свидѣтельства для всякаго Русскаго было бы очевидно, что слова, приписанныя Государю Императору штутгардскимъ корреспондентомъ, если не выдуманы, то по крайней мѣрѣ намѣренно искажены съ предвзятою цѣлью. Такихъ словъ Государь не произносилъ, ибо онъ ихъ произнести не могъ. Царствующій Императоръ не сталъ бы безъ всякой надобности каяться передъ иностранцами въ мнимыхъ грѣхахъ прошлаго царствованія—сынъ не выдалъ бы отца. Государь не сказалъ бы, что возвратъ изъ православія въ протестантство не встрѣчаетъ въ Лифляндіи препятствій, ибо препятствія существуютъ; общій законъ примѣняется къ отступникамъ, правда, снисходительно, но все же они ощущаютъ на себѣ его дѣйствіе. Рѣшившись на объясненія съ ходатаями за свободу совѣсти, вѣнценосецъ, сосредоточивающій въ лицѣ своемъ всю полноту государственной власти, не сталъ бы уклоняться отъ отвѣтственности, всецѣло лежащей лично на немъ. Тотъ, кто еще недавно напоминалъ лифляндскому рыцарству, что всѣ законы, общіе и мѣстные, исходятъ отъ единой власти самодержавной, не сталъ бы указывать на законъ, какъ на неодолимую преграду, будто бы встрѣчаемую благими его намѣреніями; ибо, во-первыхъ, такого закона гражданскаго, котораго бы Самодержецъ отмѣнить не могъ, въ Россіи не существуетъ; во-вторыхъ, такого закона церковнаго, который бы требовалъ стѣсненія свободы совѣсти мѣрами гражданскихъ и уголовныхъ взысканій въ православномъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть; въ-третьихъ, наконецъ, не много лѣтъ тому назадъ законъ, дѣйствительно и несомнѣнно церковный, объ условіяхъ смѣшан-

---

[1]) Revue Chretienne 5 Juillet 1870, page 445.

ныхъ браковъ былъ же отмѣненъ однимъ почеркомъ пера, по волѣ Самодержца, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома законнаго представительства церкви. Я указываю на фактъ, не оправдывая его.

Явная апокрифность отвѣта, приписаннаго Государю Императору, нисколько, впрочемъ, не умаляетъ интереса вышеприведеннаго сказанія; напротивъ, въ настоящемъ случаѣ поучителенъ именно вымыселъ, ибо характеръ его указываетъ прямо на источникъ, изъ котораго онъ идетъ и на цѣль, съ которою онъ распущенъ. Это не продуктъ заграничной фантазіи, а домашнее издѣліе остзейской политики. Его можно встрѣтить въ любомъ выпускѣ Лифляндскихъ Вкладовъ ф. Бокка, и еще прежде, въ прошлое царствованіе, множество анекдотовъ, изъ которыхъ окончательно скомпоновался этотъ вымыселъ, и которые будто бы добывались по секрету изъ круга интимнѣйшихъ приближенныхъ Царской семьи, усердно разносились при дворѣ, въ петербургскомъ обществѣ и мало по малу съ этихъ высотъ проникали все ниже и ниже. Цѣль, съ которою это дѣлалось, очень понятна. Если Государь дѣйствительно томится желаніемъ раскрѣпить совѣсти своихъ подданныхъ и не смѣетъ этого сдѣлать только потому, что самъ онъ заполоненъ какими-то темными силами, религіознымъ фанатизмомъ церкви и національнымъ фанатизмомъ такъ называемой старорусской партіи, то нѣкоторое давленіе извнѣ, слегка подбитое угрозою иностраннаго вмѣшательства, вѣроятно встрѣтило бы въ немъ не противника, а зоюзника. Нужно бы только самого Царя эмансипатора эмансипировать отъ православной Россіи и дать ему возможность, заслонившись отъ ропота своихъ вѣрноподданныхъ варваровъ щитомъ просвѣщенной Европы, послѣдовать добрымъ внушеніямъ своего теплаго сердца. Нельзя отрицать, что это представленіе, довольно распространенное у насъ и господствующее за границею, удовлетворяетъ какъ нельзя лучше двумъ кореннымъ побужденіямъ остзейской политики: потребности льстить и потребности клеветать. Въ центрѣ картины личность Государя, вся озаренная лучами гуманной вѣротерпимости, возносится съ побѣднымъ знаменемъ изъ мрака преисподней, а позади его и подъ нимъ

густая, непроницаемая тѣнь ложится на православную церковь и на русскій народъ.

Пора однако разсѣять эту фантасмагорію и выяснить разъ навсегда: кто чего хочетъ, кто чего вправѣ требовать и кто за что отвѣчаетъ.

Рѣчь идетъ о раскрѣпленіи совѣстей, иначе: о дарованіи имъ свободы въ области религіозныхъ вѣрованій. Для этого отнюдь не требуется, чтобы правительство, какъ лице моральное, сложило съ себя свое вѣроисповѣдное опредѣленіе, иными словами: чтобъ оно перестало быть и именовать себя православнымъ; не требуется даже, чтобъ оно въ формѣ положительнаго закона разрѣшило своимъ подданнымъ отступничество отъ православія; не его дѣло разрѣшать, не его дѣло воспрещать. Нужно только изъ ряда преступленій, нынѣ въ силу закона преслѣдуемыхъ уголовнымъ порядкомъ, выкключить всѣ тѣ, которыя носятъ на себѣ исключительно характеръ религіозныхъ заблужденій или грѣховъ противъ церкви, и упразднить опредѣленныя за нихъ наказанія. Всѣ они перечислены въ двухъ первыхъ главахъ раздѣла второго Уложенія о наказаніяхъ, въ ст. 176 — 209. Стало-быть вся задача состоитъ въ слѣдующемъ: изъ 33 статей Уложенія о наказаніяхъ, вычеркнуть большую часть и передѣлать тѣ, въ которыхъ опредѣлены дѣйствія, содержащія въ себѣ не одно преступленіе противъ вѣры, но и нарушеніе благочинія или общественной нравственности. Само собою разумѣется, что одновременно съ исключеніемъ изъ Уложенія цѣлой категоріи преступленій отпадутъ и полицейскія мѣры, придуманныя въ видахъ предупрежденія и пресѣченія тѣхъ же преступленій. Повторяю: рѣчь не о томъ: что̀ по себѣ грѣховно и что̀ безгрѣшно, а о томъ: за что̀ карать и за что не карать, что̀ преслѣдовать и чего не преслѣдовать. Никто, я думаю, не станетъ отрицать, что вопросъ, такимъ образомъ поставленный, принадлежитъ всецѣло къ области законодательства гражданскаго, а потому не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что разрѣшеніе его зависитъ вполнѣ и безусловно отъ верховной власти.

Чтобъ окончательно выяснить мысль мою и устранить всякое недоразумѣніе, я примѣню ее къ тому частному вопросу,

о которомъ было упомянуто выше. До Петра I наша русская церковь, какъ извѣстно, вовсе не разрѣшала браковъ между лютеранами и православными. Петръ I въ видахъ облегченія иностранцамъ прочнаго водворенія въ Россіи очень желалъ, чтобъ этого рода браки были допущены, но онъ не позволилъ себѣ разрѣшить ихъ собственною своею властью, а передалъ вопросъ на обсужденіе созданнаго имъ представительства нашей церкви. Синодъ призналъ возможнымъ исполнить желаніе Государя, то есть допустить браки между лютеранами и православными, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вѣнчаемые предварительно выдавали отъ себя письменное обязательство воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Правило это было принято Петромъ I, было обнародовано и вошло въ силу, какъ актъ церковнаго законодательства. Таково оно и было по существу, ибо дѣло касалось условій совершенія таинства. Затѣмъ постановленіе Синода вошло въ составъ гражданскихъ законовъ, а при составленіи Уложенія о наказаніяхъ въ него внесена была ст. 190, въ силу которой родители, обязанные по закону воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной и нарушающіе эту обязанность, присуждаются къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ гражданская законодательная власть (а не церковь) опредѣлила отъ себя гражданскую кару за нарушеніе закона церковнаго. Много лѣтъ спустя, когда въ Лифляндіи организовалась коалиція германскихъ и лютеранскихъ интересовъ въ видахъ искорененія православія, эта статья послужила поводомъ къ продолжительной агитаціи. Прежде всего высшая мѣстная судебная инстанція, лифляндскій гофгерихтъ, попробовалъ просто на просто не исполнять ее, а подводить предусмотрѣнный въ ней случай подъ статью ништатскаго трактата; дѣло сошло съ рукъ благополучно. Но этого было мало; посыпались докладныя записки, представленія, ходатайства объ отмѣнѣ предбрачныхъ обязательствъ. Если вѣрить остзейскимъ извѣстіямъ, Государь Императоръ долго отказывалъ наотрѣзъ; но въ центрѣ самого правительства продолжалась агитація и, наконецъ, она одержала верхъ. Если бы верховная власть, рѣшившись сдѣлать уступку, ограничилась отмѣною (хотя бы для одной Лифляндіи)

статьи 190 Уложенія о наказаніяхъ, то есть преслѣдованія уголовнымъ порядкомъ за неисполненіе предбрачныхъ подписокъ, и если бы затѣмъ она предоставила самой церкви полную свободу въ разрѣшеніи возникавшаго вновь вопроса о томъ: допускать ли браки между православными и лютеранами и, буде допускать, то на какихъ условіяхъ (ибо гражданскія послѣдствія прежнихъ условій измѣнялись), тогда верховная власть осталась бы въ границахъ своего круга дѣйствія и своего права. Можно бы было находить неумѣстнымъ и несправедливымъ дарованіе Лифляндіи новой привилегіи, въ то время какъ однородныя, даже несравненно скромнѣйшія просьбы нашихъ старовѣровъ упорно отвергались; но, по крайней мѣрѣ, такое дѣйствіе власти было бы безукоризненно законно съ точки зрѣнія ея отношеній къ церкви. Къ сожалѣнію, гражданская власть пошла инымъ путемъ и зашла гораздо далѣе. Статья 190 отмѣнена не была — стало-быть она осталась во всей своей силѣ; но приказано было въ Лифляндіи не примѣнять ее, иначе: не исполнять закона. При этомъ Высочайше повелѣно было православному духовенству въ Лифляндіи совершать браки лютеранъ съ православными по прежнему, только не требуя предбрачныхъ обязательствъ воспитывать дѣтей въ православной церкви. Итакъ гражданская власть установила отъ себя новыя условія совершенія церковнаго таинства: тѣмъ самымъ она вторглась въ область церковнаго законодательства. Прежнія условія были выраженіемъ убѣжденія церкви, ея совѣсти, и на свободу этой совѣсти гражданская власть посягнула во имя свободы лютеранской совѣсти. Я уже разъ сказалъ и теперь повторяю: угождайте Остзейцамъ, въ чемъ вамъ угодно, если ужъ это непремѣнно нужно, давайте имъ казаковъ, жандармовъ, аренды, имѣнія, но остерегайтесь идти за ними, когда они предносятъ знамя свободы, какой бы то ни было [1]).

---

1) Въ одномъ изъ своихъ комментаріевъ на Окраины Россіи г. Ю. Эккгардъ ставитъ слѣдующій вопросъ: г. Самаринъ часто принимаетъ видъ горячаго почитателя свободы вѣроисповѣданія и ненавистника законнаго насилія, служащаго подпоркою православной церкви. Но можемъ ли мы давать вѣру либеральнымъ, проникнутымъ терпимостью фразамъ, которыми онъ и друзья его щеголяютъ, когда они же отказываются признать въ уступкѣ, сдѣланной Ост-

Спрашиваю теперь: съ какой же стороны могъ бы возникнуть протестъ или ропотъ, если бы Государь Императоръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ на новый отъ него ожидаемый, по истинѣ христіанскій подвигъ, развернулъ передъ собою Уложеніе о наказаніяхъ, исшедшее отъ единой власти Самодержавной и за которое одна эта власть должна нести нравственную отвѣтственность, и вычеркнулъ бы изъ него указанныя выше статьи, съ которыми не мирится ни его ни наша совѣсть? Обыкновенно указываютъ на православную церковь, по крайней мѣрѣ ее подразумѣваютъ.

Но сама церковь опредѣляетъ себя, какъ союзъ единовѣрія и любви, одухотворенный свыше, слѣдовательно—какъ союзъ свободный, ибо вѣра и любовь не вынуждаются и не заказываются. Кто не вѣритъ въ церковь, тотъ внѣ ея, а надъ тѣмъ, кто внѣ ея, она не имѣетъ власти, да и не можетъ имѣть ея. Какъ власть, церковь орудуетъ только двумя средствами: дисциплинарными надъ своими членами, то есть надъ тѣми, кто добровольно и свободно ей подчиняется, и правомъ устранять отъ себя, исключать изъ своей среды тѣхъ, кто отъ нея отступается — таковъ внутренній и буквальный смыслъ анаѳемы. Собственно принудительныхъ средствъ церкви не дано; у нея нѣтъ ни цѣпей, ни тюремъ, ни ссылочныхъ мѣстъ, ни палачей, ни полицейскихъ агентовъ. Все это, весь аппаратъ принудительныхъ и карательныхъ средствъ, принадлежитъ царству отъ міра сего, то есть власти гражданской, которая располагаетъ имъ свободно, на свой страхъ; ибо никогда православная церковь не считала гражданской власти своею подручницею и не изъявляла притязанія на право приводить ее въ дѣйствіе для своихъ цѣлей. Какъ самостоятельный организмъ, церковь живетъ внѣ государства, и по ея ученію отношенія ея членовъ къ мірской,

зейскимъ провинціямъ, первый приступъ къ общему освобожденію религіозной совѣсти, а, напротивъ, стараются опорочить эту мѣру, какъ посягательство на греческую (?) церковь и русскую народность.—Можетъ быть, теперь г. Эккардъ самъ разрѣшитъ себѣ это кажущееся противорѣчіе. Именно потому, что мы почитаемъ, уважаемъ и любимъ свободу, никогда ни я, ни друзья мои не подадимъ руки остзейскимъ ея лжепоклонникамъ.

предержащей власти не состоять даже ни въ какой зависимости отъ вѣроисповѣданія послѣдней. Въ качествѣ православнаго христіанина (не говорю въ качествѣ гражданина) подданный относится одинаково къ власти православной, иновѣрной, даже языческой, слѣдуя наставленію и примѣру апостола Павла, жившаго подъ властью римскаго кесаря.

Если мы перейдемъ изъ области идеальныхъ отношеній, требуемыхъ существомъ церкви и государства, въ область исторической дѣйствительности, то мы, конечно, увидимъ, что гражданская власть изстари подслуживалась и теперь подслуживается церковной іерархіи своими карательными орудіями. Мы должны будемъ также признать съ сокрушеніемъ, что и іерархія грѣшила и грѣшитъ противъ своего духа, принимая, даже вызывая подобнаго рода услуги; но все же остается несомнѣннымъ, что она не имѣетъ на нихъ ни малѣйшаго права, даже не присвоиваетъ себѣ такого права, и что гражданская власть во всякое время можетъ отнять отъ нея свою тяжелую руку. Пусть же правительство возвратитъ церкви свободу мысли, свободу проповѣди, свободу внутренняго строенія, и отзоветъ отъ нея своихъ вооруженныхъ прислужниковъ. Привычка разсчитывать на ихъ помощь и обращаться къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ слѣдовало бы дѣйствовать словомъ, настолько у насъ укоренилась, что предоставленіе церкви собственнымъ духовнымъ ея средствамъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ возбудило бы въ нѣкоторыхъ кружкахъ недоумѣніе и страхъ; но это первое впечатлѣніе миновало бы скоро и за тѣмъ раздались бы по всей Россіи не протесты, а благодарственные молебны. Я говорю это какъ членъ православной церкви и знаю, что если бы слова мои могли дойти до Россіи и вызвать гласное обсужденіе, то и въ средѣ нашей іерархіи никто бы меня не осудилъ за нихъ. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что къ нимъ прислушаются заграничные поборники свободы совѣсти, сбитые съ толку принятыми ими на вѣру сужденіями остзейской фабрикаціи.

Если не можетъ быть протеста со стороны церкви, то съ какой стороны ожидать его? Не пресса же наша заступится

за принудительныя мѣры, отмѣны которыхъ она неоднократно требовала не по внушеніямъ свыше, а отъ себя и на свой рискъ. Достаточно кажется напомнить, что прежде и рѣшительнѣе всѣхъ подала голосъ за свободу совѣсти газета „Москва", вскорѣ послѣ того убитая не равнодушіемъ публики, а приговоромъ власти.

Не опасаются ли наконецъ ропота въ народѣ, въ томъ народѣ, котораго вѣротерпимость издревле и прежде всего бросалась въ глаза иностранцамъ, какъ бытовое свойство, прирожденное Русскимъ, и отличительная черта ихъ характера? Мы знаемъ, что нашъ народъ прошелъ черезъ опасную школу; передъ нимъ въ XVII вѣкѣ водили еретиковъ на костры и встряхивали раскольниковъ; ему показывали вмѣстѣ иконы, кресты и орудія пытки, его пріучали къ запаху крови и ладана, и все-таки онъ не ожесточился. Религіозный фанатизмъ къ нему не привился. Пусть самъ читатель переберетъ свои личныя воспоминанія о томъ, какъ живутъ люди православные съ иновѣрцами въ городахъ и колоніяхъ, на службѣ, въ арміи, на фабрикахъ, въ работахъ всякаго рода, и спроситъ себя: кто кого чуждается и кто отъ кого сторонится? Что касается до меня, то мнѣ довелось таки видѣть общественное преслѣдованіе за вѣру во всѣхъ возможныхъ въ наше время видахъ и формахъ, начиная отъ грубыхъ обидъ, лживыхъ доносовъ, разореній и истязаній, прикрытыхъ предлогомъ законности, и доходя до художественной утонченности въ глумленіи надъ чужимъ убѣжденіемъ. Я встрѣчалъ гонителей помѣщиковъ, гонителей чиновниковъ, гонителей пасторовъ, гонителей волостныхъ старшинъ и церковныхъ старостъ; я знаю, могу разсказать и разскажу, какъ мстятъ за перемѣну вѣры отнятіемъ земли, изгнаніемъ изъ усадьбъ, безпощадною суровостью долговыхъ взысканій, неправеднымъ судомъ и дальними ссылками безъ суда; но все это происходило въ Лифляндіи, этому всему подвергались не лютеране, а новообращавшіеся въ православіе, и изъ всего мною видѣннаго я вынесъ убѣжденіе, что если бы мы даже и пожелали подражать въ этомъ дѣлѣ остзейскимъ нашимъ учителямъ, то это бы намъ не удалось. Мы застрахованы отъ фанатизма не только лучшими сторонами нашего народ-

наго характера, но и народными нашими недостатками. Этой струны въ насъ нѣтъ; наши Балтійскіе сограждане знаютъ это лучше, чѣмъ кто либо, но это, конечно, не мѣшаетъ имъ твердить на всю Европу, что одно старорусское изувѣрство сдерживаетъ потоки любви, заключенные въ душѣ Самодержца [1]).

Я однако думаю, что правда должна наконецъ пробиться сквозь самую непроницаемую тучу безсознательныхъ предубѣжденій и преднамѣренно накопляемой клеветы. Эта надежда и побуждаетъ меня, предпославъ въ первомъ выпускѣ „Окраинъ Россіи" общее введеніе, приступить прямо къ самому жгучему и щекотливому вопросу о причинахъ, путяхъ и способахъ распространенія православія въ Лифляндіи. По крайней недостаточности доступныхъ мнѣ матеріаловъ я не могу ручаться за полноту изложенія, но принимаю на себя обязательство при передачѣ извѣстныхъ мнѣ фактовъ ничего не утаивать, даже не смягчать, и не отступать передъ признаніями, подъ часъ не легкими для православнаго и Русскаго. Если при соблюденіи этихъ условій читатели простымъ, строго историческимъ изложеніемъ дѣла убѣдятся, что говоря о переходѣ лифляндскихъ крестьянъ въ православіе, мы не имѣемъ причины стыдливо опускать глаза передъ Европою; если такимъ образомъ спадетъ съ прошлаго царствованія тотъ нравственный упрекъ, который на немъ лежитъ, скажутъ ли, что книга моя вредна и осудятъ ли мое намѣреніе?

---

[1]) Эти строки были писаны задолго до послѣдняго адреса на Высочайшее имя, поданнаго Москвою по поводу деклараціи о парижскомъ трактатѣ. Въ этомъ адресѣ, подписанномъ въ многолюдномъ собраніи общей думы гласными отъ всѣхъ сословій, значится между прочимъ: „Отъ Васъ однихъ ожидаетъ народъ и довершенія Вашихъ благихъ начинаній, и — первѣе всего — простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; свободы церковной, безъ которой недѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ, свободы вѣрующей совѣсти, этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой". — Такова мысль, таково зрѣло обдуманное слово Москвы, этого средоточія такъ называемой старорусской партіи, этого притона дикаго изувѣрства и свирѣпой исключительности, по свидѣтельству нашихъ Остзейскихъ согражданъ. Пусть теперь судитъ Европа о честности ихъ свидѣтельства.

Думаю, что избранная мною тема могла бы быть поучительна и въ другомъ отношеніи. Исторія первыхъ вѣковъ христіанства доказываетъ, что церковь угнетаемая не только не утрачиваетъ ни одного изъ даровъ своихъ, а, напротивъ, ростетъ и крѣпнетъ въ гоненіяхъ; исторія распространенія и упадка православія въ Лифляндіи послужитъ какъ бы дополнительнымъ свидѣтельствомъ того, что іерархія, добровольно угождающая и малодушно безмолвствующая, когда бы ей слѣдовало вразумлять, утрачивая мало по малу довѣріе къ своей внутренней силѣ, въ то же время теряетъ и уваженіе того самаго правительства, въ которомъ она ищетъ себѣ опоры. Она какъ будто отвыкаетъ орудовать своими невещественными средствами и покорять души тою особенною властью живого примѣра и слова, которая не всегда неразлучна съ внѣшнимъ авторитетомъ духовнаго сана; въ минуты тяжелыхъ испытаній, когда привычная поддержка со стороны мірской власти начинаетъ ей измѣнять, она оказывается безсильною возбудить въ своей паствѣ твердость и терпѣніе въ вѣрѣ; словомъ, она теряетъ все, кромѣ единственнаго дара независимаго отъ людской немощи—дара тайнодѣйствія...

Въ выходящемъ нынѣ третьемъ выпускѣ „Окраинъ Россіи" содержится первая часть исторіи православія въ Лифляндіи, обнимающая періодъ времени отъ 1841 до 1844 годовъ. Извлеченіе изъ нея было напечатано въ видѣ отдѣльной статьи въ Русскомъ Архивѣ 1869 года; теперь эта часть представляется въ цѣлости, съ значительными дополненіями и съ исправленіемъ нѣкоторыхъ мелочныхъ погрѣшностей. Надѣюсь издать въ скоромъ времени вторую часть (періодъ отъ 1845 до 1848 годовъ), а затѣмъ нѣкоторые матеріалы, относящіеся къ позднѣйшему времени.

Юрій Самаринъ.

Москва, 1871.

I.

Періодъ первый.

1841 и 1842.

Недавно изданныя Записки православнаго Латыша [1]), раскрывъ тѣ внутреннія побужденія, которыми лифляндское простонародье влеклось къ перемѣнѣ вѣры, дали возможность читателямъ заглянуть въ первый разъ въ самую душу Латышей того времени, съ которыми авторъ мучился одною жизнью [2]). Это одна, психическая сторона дѣла; теперь мы обратимся къ внѣшней сторонѣ того же событія: покажемъ, какъ отнеслись къ нему другія сословія, мѣстныя власти и высшее правительство, какія понятія и представленія сложились въ средѣ русскаго просвѣщеннаго общества о загадочномъ для него стремленіи темной массы, словомъ, мы обставимъ это движеніе совокупностью обстоятельствъ, хотя

---

1) Окраины Россіи, выпускъ II.

2) Въ первыхъ двухъ выпускахъ Окраинъ Россіи, говоря о начальныхъ побужденіяхъ Латышей и Эстовъ къ переходу въ православіе, я выразился слѣдующимъ образомъ: „Когда движеніе изъ лютеранства въ православіе охватило Лифляндію, покойный Императоръ (онъ одинъ) понялъ, что это была не искусственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная (spontanée), исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей и въ то же время изъ глубокаго недовольства всею тогдашнею обстановкою крестьянскаго быта“ (I. стр. 63).

Въ другомъ мѣстѣ, отвѣчая на попытки объяснить это движеніе однимъ побужденіемъ, именно надеждою на пріобрѣтеніе мірскихъ выгодъ, я замѣтилъ:

и не имѣвшихъ въ сущности ничего съ нимъ общаго, но тѣмъ не менѣе обусловившихъ сперва ненормальность его развитія, а затѣмъ печальный его исходъ.

Прежде всего, чтобъ не перебивать разсказа безпрестанными объясненіями, нужно припомнить положеніе края въ 1841 году, когда въ немъ началось религіозное броженіе, и въ особенности составить себѣ по возможности точное понятіе о тогдашнемъ положеніи лифляндскихъ крестьянъ.

Ихъ личныя права, ихъ общественное устройство, ихъ подсудность, ихъ поземельныя отношенія къ помѣщикамъ все еще опредѣлялись Положеніемъ 1819 года, тѣмъ самымъ, котораго пятидесяти-лѣтній юбилей служилъ недавно поводомъ къ торжественнымъ манифестаціямъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Крестьяне слыли лично свободными; но на практикѣ ощущали свободу преимущественно отрицательною ея стороною, именно: прекращеніемъ прежняго ихъ права, истекавшаго изъ крѣпостныхъ отношеній, на поддержку и пособія со стороны помѣщиковъ. Послѣдніе относились къ нимъ, какъ къ лицамъ, для нихъ постороннимъ, не отвѣчали за нихъ ни въ чемъ, а все-таки сохраняли надъ ними прежнюю свою власть, только подъ другимъ названіемъ и въ нѣсколько под-

---

„Что даже порознь взятая личность (не только масса людей) очень рѣдко въ любомъ своемъ дѣйствіи слѣдуетъ одному побужденію, всецѣло и нераздѣльно наполняющему душу, а наоборотъ, почти всегда, при нѣкоторомъ вниманіи, подмѣчаетъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ двигателей, одновременно направляющихъ ея волю, и т. д.“ — Наконецъ, въ послѣсловіи къ Запискамъ православнаго Латыша я еще разъ выразилъ ту же мысль въ слѣдующихъ словахъ: „Не одно, а многія разнообразныя побужденія, какъ подземныя струи, пробившіяся наружу и слившіяся въ одинъ потокъ, несли толпу; она просила и живой вѣры, и хлѣба, и обезпеченнаго клочка земли, и закона, и т д. (II. стр. 130, 132).

Это троекратное повтореніе нисколько однако не помѣшало г. Юлію Эккгарду въ одномъ изъ примѣчаній, которыми онъ обогатилъ нѣмецкій переводъ перваго выпуска Окраинъ Россіи, заявить самымъ рѣшительнымъ тономъ, будто бы авторъ „сводитъ обращеніе лифляндскихъ крестьянъ въ православіе исключительно къ религіозному чувству, не находившему удовлетворенія въ протестантствѣ—ausschliesslich zurückführt etc. (Anmerkung 26. S. 206).

Позволительно ли такое обращеніе съ чужою мыслью и чужими словами? Три Остзейца возражали печатно на Окраины Россіи, ф. Боккъ, Ширренъ и Эккгардъ, и ни одинъ не соблюдалъ условій честнаго, литературнаго спора!

новленной формѣ. (Полн. Собр. Законовъ т. XXXVI прилож. къ № 27735 §§ VIII, 63).

Личныя права крестьянъ, за пріобрѣтеніе которыхъ они поплатились утратою своего права на землю, подлежали слѣдующимъ ограниченіямъ: имъ было запрещено перечисляться въ другія губерніи, а для временной отлучки за предѣлы Лифляндіи паспортъ выдавался не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія ландратской коллегіи, которая въ свою очередь выдавала разрѣшеніе не иначе, какъ по предъявленіи свидѣтельства мірского суда за подписью помѣщика о неимѣніи къ отлучкѣ никакихъ препятствій (§§ 13, 70). Въ предѣлахъ губерніи перечисленіе изъ одного мірского общества въ другое допускалось лишь подъ условіемъ согласія на это владѣльца того имѣнія, къ которому крестьянинъ намѣревался приписаться (§§ 25, 64). Нанимавшійся въ услуженіе могъ искать себѣ мѣста во всей губерніи, но обязанъ былъ полныхъ три года (отъ одной переписи до другой) оставаться въ томъ приходѣ, къ которому былъ приписанъ (§ 452). Такъ было по закону; но по укоренившемуся обычаю, крестьяне испытывали и другія стѣсненія въ личныхъ своихъ правахъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, совершеніе браковъ между крестьянами допускалось не иначе, какъ съ предварительнаго, письменно выраженнаго разрѣшенія вотчинной конторы. Это условіе соблюдалось еще въ шестидесятыхъ годахъ и было заявлено оффиціально пасторомъ въ перепискѣ, происходившей между духовными вѣдомствами, лютеранскимъ и православнымъ, по поводу одной жалобы [1]).

Общественная организація сельскаго сословія въ связи съ судебными и административными учрежденіями, въ вѣдѣніи которыхъ состояли крестьяне, не отличалась простотою.

Крестьяне росписаны были на общества, названныя въ русскомъ текстѣ закона волостными; но точнѣе было бы назвать ихъ вотчинными—Gutsgemeinden, такъ какъ одномѣстность лежала въ основаніи дѣленія на общества; иными словами: за общественную единицу принималась вотчина, и

---

[1]) Подлинное свидѣтельство будетъ приведено впослѣдствіи, въ главѣ о смѣшанныхъ бракахъ.

отступленія отъ этого правила допускались только по желанію самихъ вотчинниковъ (§§ 57, 58, 59).

Администрація и судъ въ той мѣрѣ, въ какой они касались крестьянъ, ввѣрены были въ границахъ вотчины: 1) общественнымъ или мірскимъ сходамъ, 2) старшинамъ (Vorsteher), 3) общественному или мірскому суду и 4) вотчинному управленію (Gutsverwaltung), неправильно названному въ русскомъ текстѣ волостнымъ, или по просту—помѣщичьей конторѣ, какъ вотчинно-полицейскому управленію (Gutspolizei); въ границахъ судебно-полицейскаго приходскаго округа [1]): 5) приходскому суду; въ границахъ уѣзда: 6) уѣздному суду; въ границахъ губерніи: 7) отдѣленію гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и 8) генералъ-губернатору.

Послѣднюю, то есть самую незначительную, роль играли мірскіе сходы. Они собирались не иначе, какъ по распоряженію вотчиннаго правленія, для выслушиванія его предложеній, или съ его разрѣшенія, въ которомъ оно не вправѣ было отказать въ томъ лишь случаѣ, когда предстояли выборы. Созвавшій мірскую сходку безъ разрѣшенія вотчинной конторы подвергался отвѣтственности, какъ нарушитель общественнаго порядка (§§ 72, 73, 74). Мірскіе приговоры входили въ силу не прежде, какъ по утвержденіи ихъ вотчиннымъ правленіемъ; въ случаѣ несогласія съ приговоромъ вотчинное правленіе могло, если хотѣло, требовать вторичнаго обсужденія дѣла на сходѣ, но законъ не ставилъ этого непремѣннымъ условіемъ, такъ что оно могло просто остановить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ обществу предоставлялось право жаловаться въ приходскій судъ (§§ 78—80). Такъ было по закону; а на практикѣ дѣло происходило гораздо проще. Чтобъ не тратить по напрасну времени, мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода.

Мірскому обществу предоставлено было право въ крайнихъ случаяхъ (которыхъ законъ не опредѣлялъ) обращаться съ жалобами къ главному начальнику края черезъ

---

[1]) Каждый такой округъ обнималъ нѣсколько приходовъ, не менѣе 2-хъ, обыкновенно отъ 4-хъ до 5-ти, даже до 10-ти.

посредство двухъ депутатовъ, избранныхъ непремѣнно изъ числа старшинъ и членовъ мірского суда, то есть изъ должностныхъ лицъ, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ—назначалъ помѣщикъ. Но о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ крестьяне должны были сперва увѣдомить вотчинное правленіе (хотя бы жалоба подавалась на него) и запастись у него письменнымъ на то свидѣтельствомъ; въ случаѣ отказа въ свидѣтельствѣ можно было обратиться съ жалобою въ приходскій судъ. Отъ выборныхъ, которые вздумали бы явиться безъ свидѣтельства, запрещено было принимать жалобы (§ 84). Итакъ добраться до генералъ-губернатора законнымъ путемъ, когда жалоба приносилась на вотчинное правленіе, было не совсѣмъ легко.

Старшинъ (они же и смотрители хлѣбныхъ магазиновъ) полагалось по два на каждое общество. Слывя по закону представителями и оберегателями его интересовъ, они въ обыкновенныхъ случаяхъ замѣняли сходы, такъ что вотчинное управленіе избавлялось отъ непріятной необходимости сзывать все общество и становиться къ нему лицомъ къ лицу (§§ 85, 88, 95, 514).

Мірской судъ полагался въ каждомъ обществѣ и состоялъ изъ предсѣдателя (который также управлялъ сходомъ) и двухъ или болѣе засѣдателей (§§ 75, 98, 100).

Старшины, предсѣдатель и члены мірского суда выбирались мірскимъ сходомъ изъ крестьянъ мѣстнаго общества. Это производилось слѣдующимъ порядкомъ. На каждую должность общество представляло трехъ кандидатовъ на утвержденіе вотчиннаго правленія, которое имѣло право отвергнуть всѣхъ трехъ; тогда назначались вторичные выборы, и общество представляло новыхъ кандидатовъ въ томъ же числѣ (§§ 90, 101). Такимъ образомъ вотчинная контора могла браковать до пяти человѣкъ, избранныхъ обществомъ, на каждую должность; но такъ какъ подобная процедура сопряжена была съ значительною тратою времени, и такъ какъ нельзя же было предполагать въ каждомъ обществѣ такого множества людей, внушающихъ къ себѣ довѣріе, то обыкновенно, на практикѣ, дѣло происходило нѣсколько иначе. Предсѣдатель схода забѣгалъ въ вотчинную контору за приказомъ,

и сходъ выбиралъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ помѣщику или прикащику его угодно было видѣть въ должностяхъ. Отрѣшеніе отъ должности старшинъ предоставлено было приходскому суду; ему же предоставлено было временное устраненіе отъ должности мірскихъ судей, а окончательное ихъ отрѣшеніе зависѣло отъ уѣзднаго суда (§§ 96, 133).

Мірской судъ вѣдалъ всѣ тѣ дѣла (кромѣ денежныхъ раскладовъ и выборовъ), которыя у насъ распредѣляются между сельскими и волостными сходами, волостнымъ правленіемъ, волостнымъ судомъ, и отчасти даже дѣла, возложенныя у насъ на мировыхъ посредниковъ. Онъ составлялъ низшую инстанцію судебно полицейскую и въ то же время заправлялъ общественнымъ хозяйствомъ. Засѣдателямъ мірского суда единолично ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ въ границахъ общества (§ 116). Какъ судебная инстанція, мірской судъ разбиралъ споры и тяжбы крестьянъ между собою, жалобы помѣщика на крестьянъ, требованія его объ удаленіи хозяевъ изъ усадьбъ и объ уничтоженіи заключенныхъ съ ними контрактовъ, чинилъ по таковымъ требованіямъ исполненіе и управлялъ опеками; какъ полицейская инстанція, онъ охранялъ и возстановлялъ порядокъ и безопасность, производилъ дознанія о всякомъ нарушеніи благочинія, задерживалъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ; какъ учрежденіе хозяйственное, онъ содержалъ въ исправности дороги, охранялъ межи, призрѣвалъ бѣдныхъ, велъ списки народонаселенія, распоряжался сборомъ податей, назначеніемъ и поставкою рекрутовъ, исполненіемъ всякаго рода повинностей, общественныхъ, церковныхъ и публичныхъ, завѣдывалъ мірскою суммою, хлѣбнымъ магазиномъ и т. д. (§§ 117, 118, 129, 130, 131). Мірской судъ рѣшалъ окончательно гражданскія дѣла, предметъ коихъ не превышалъ цѣнностью 5 р. и присуждалъ наказанія: палками до 30 ударовъ (мужчинамъ), розгами до 20 ударовъ (женщинамъ), нарядомъ на работу до трехъ дней, арестомъ до трехъ сутокъ, денежнымъ штрафомъ взамѣнъ тѣлеснаго наказанія, при чемъ каждый ударъ зачитывался въ 2 к. асс. (§§ 119, 120, 125). Всѣ постановленія мірского суда поступали на просмотръ въ вотчинное правленіе, которое, дѣйствуя на правахъ прокурорскихъ,

могло остановить исполненіе по всякому рѣшенію, по его мнѣнію незаконному или несоотвѣтствовавшему своей цѣли, и перенести дѣло въ высшую инстанцію. По дѣламъ полицейскимъ мірской судъ доносилъ вотчинному управленію о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, сдавалъ ему на руки арестантовъ, дѣйствовалъ по его указаніямъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, даже когда находилъ ихъ незаконными (§§ 113, 117, 118, 131, 132). Засѣданія мірского суда происходили по закону на господскомъ дворѣ, и судъ обязанъ былъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія (§ 115).

Мірскіе сходы, старшины, мірской судъ — все это были не болѣе, какъ призраки общественныхъ учрежденій, а настоящая пружина, приводившая въ дѣйствіе эти декораціи, поставленныя для замаскированія ея, оставалась на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнихъ рукахъ, именно: въ вотчинной конторѣ и въ рукахъ помѣщика или его повѣреннаго. Мы, Русскіе, назвали бы дѣйствіе ея на людей свободныхъ произволомъ, но въ Прибалтійскомъ краѣ во избѣжаніе такого оскорбительнаго выраженія издавна употреблялось болѣе благовидное названіе вотчиннаго правленія. Оно дѣйствительно заправляло всѣмъ, посредственно или непосредственно. Какъ объяснено было выше, оно диктовало мірскому сходу его приговоры, замѣщало по своему желанію общественныя должности, останавливало судебныя рѣшенія мірского суда и употребляло его для своихъ надобностей, какъ покорное орудіе. Далѣе, вотчинное правленіе въ качествѣ посредника между уѣздными и губернскими инстанціями съ одной стороны и сходами, старшинами, мірскимъ судомъ съ другой, совершенно разобщало крестьянъ съ общими и спеціально для нихъ созданными учрежденіями. Въ извѣстномъ смыслѣ оно перехватывало, разумѣется, въ силу предоставленнаго ему права всю происходившую между ними переписку, принимало для передачи крестьянамъ бумаги, поступавшія сверху, какъ-то приказы, объявленія и публикаціи; оно же во многихъ случаяхъ повѣряло исполнительныя донесенія, шедшія снизу, и употребляло для своего такъ называемаго посредничества одного изъ членовъ мірского суда, какъ разсыль-

наго, который обязанъ былъ постоянно дежурить въ вотчинной конторѣ (§§ 114, 141, 142 и др.). Сверхъ того вотчинное правленіе пользовалось очень широкою полицейскою властью, ему непосредственно предоставленною. Сюда входило: охраненіе тишины, спокойствія и порядка въ имѣніи; въ этомъ отношеніи полиція общественная подчинялась надзору вотчинной и прибѣгала къ послѣдней, когда нужно было принять какія-либо особенныя мѣры для исполненія распоряженій мірского суда Вотчинное правленіе могло собственною властью брать подъ стражу и отсылать по принадлежности въ приходскій или въ земскій судъ (Ordnungs-Gericht): во-первыхъ, крестьянъ, оказывавшихъ ослушаніе мірскому суду; во-вторыхъ, тѣхъ крестьянъ, коихъ проступки подлежали наказаніямъ, превышавшимъ власть мірского суда; въ-третьихъ, всякаго нарушателя спокойствія въ обществѣ, кто бы онъ ни былъ и хотя бы онъ даже занималъ какую-либо должность; въ-четвертыхъ, лицъ низшаго сословія, хотя бы и не членовъ мѣстнаго мірского общества (какъ, напримѣръ, ремесленниковъ), въ чемъ-либо провинившихся, съ правомъ препровождать ихъ для наказанія въ мірской судъ, и, наконецъ, всякихъ преступниковъ изъ крестьянскаго и другихъ сословій (§§ 136—140).

Вотчинное правленіе выдавало крестьянамъ, какъ на временныя отлучки, такъ и на выходъ изъ общества печатные, особаго рода паспорты за своею печатью; оно понуждало мірской судъ къ строгому наблюденію, чтобы никто изъ членовъ мѣстнаго общества не выходилъ безъ такого паспорта, даже изъ границъ своего прихода; крестьянина, нарушившаго это правило или просрочившаго выданный ему паспортъ, вотчинное правленіе могло огласить въ церкви бродягою и требовать его выдачи (§§ 144, 145, 148). Для поддержанія должнаго къ вотчинному правленію уваженія и благопристойности (такъ гласилъ законъ) ему предоставлено было право домашняго наказанія двухъ-суточнымъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, палками до 15 ударовъ по одеждѣ (мужчинамъ) и розгами, въ такомъ же числѣ ударовъ (женщинамъ) въ слѣдующихъ случаяхъ: когда дворовый или работавшій на помѣщика крестьянинъ нарушалъ спокойствіе господ-

скаго дома, или причинялъ помѣщику какой-нибудь ущербъ; когда оказывалъ помѣщику грубость, ослушаніе или неуваженіе; когда, находясь на господской работѣ, впадалъ въ какую-либу вину (§§ 151, 152). По уложенію о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года, изданному отнюдь не съ цѣлью упразднить крѣпостное право, а только въ видахъ ограниченія его и обезпеченія хозяйственнаго быта крестьянъ, хозяева (Wirthe), въ отличіе отъ сельскихъ батраковъ, были вовсе изъяты отъ домашней расправы вотчинныхъ конторъ. Они наказывались не иначе, какъ по судебнымъ приговорамъ (§ 138). Спустя 15 лѣтъ, въ 1819 году крѣпостное право на личность было упразднено; принеся эту въ свое время громко прославленную, такъ называемую жертву, лифляндское дворянство вѣроятно разсудило, что едва ли встрѣтится случай болѣе благопріятный для отнятія подъ шумокъ у крестьянъ-хозяевъ того права, которое было имъ даровано въ 1804 году и для подведенія ихъ наравнѣ съ батраками подъ дѣйствіе вотчинной расправы. Положеніемъ 1819 года предоставленное помѣщику право по своему усмотрѣнію наказывать крестьянъ, распространено было и на хозяевъ во время нахожденія ихъ на господской работѣ. Прежняго закона, конечно, на справку не вывели, и правительство утвердило новый, не подозрѣвая того, что́ оно творило. Время ли было сличать, разспрашивать и обнаруживать недовѣріе къ составителямъ Положенія, когда великодушіе лифляндскаго рыцарства исторгало у всѣхъ слезы умиленія? А между тѣмъ въ Лифляндіи полились слезы иного рода, и бѣдные хозяева восчувствовали дарованную имъ свободу прежде всего на собственныхъ спинахъ.

Къ праву присуждать тѣлесныя наказанія, которымъ вотчинное управленіе вооружено было по закону, похвальный обычай (eine löbliche Gewohnheit—какъ выражаются въ Прибалтійскомъ краѣ) прибавлялъ денежное взысканіе съ наказаннаго за палки или розги. Выдержавъ положенное число ударовъ, высѣченный вставалъ, вынималъ кошель и тутъ же расплачивался. У насъ самый взыскательный помѣщикъ или суровый приказчикъ посовѣстился бы, попортивъ одну шкуру, наддирать другую на томъ же субъектѣ; но

такого рода первобытныя понятія естественно вытѣсняются воззрѣніями высшей культуры. Вѣдь самъ крестьянинъ собственною своею виною навлекалъ на себя наказаніе; за что же сталъ бы помѣщикъ или его повѣренный брать на себя даровую поставку розогъ или палокъ? Въ благоустроенномъ обществѣ всякая услуга должна оплачиваться, а потому и виновный долженъ изъ своихъ средствъ нести расходъ на исполненіе казни, подобно тому, какъ больной оплачиваетъ трудъ врача и медикаменты.

Таково требованіе строгой справедливости, соблюдавшееся до 1845 года. Только тогда узнали объ этомъ въ Петербургѣ изъ рапорта чиновника, командированнаго въ Лифляндію по поводу распространенія въ народѣ православія, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, настойчиво потребовалъ отмѣны этого похвальнаго обычая. Лифляндскіе публицисты причтутъ вѣроятно и это распоряженіе къ числу постоянныхъ посягательствъ русскаго варварства на нѣмецкую культуру.

Жалобы на вотчинное правленіе допускались только въ случаѣ превышенія власти и подавались въ приходскій судъ, который производилъ дознаніе и старался покончить дѣло примиреніемъ; а когда это не удавалось, онъ не полагалъ никакого рѣшенія, а препровождалъ все дѣло въ уѣздный судъ (§§ 153, 170, 172). Въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій вотчинное правленіе могло быть лишено своей полицейской власти только на время, и не иначе какъ по рѣшенію высшей инстанціи, то есть отдѣленія лифляндскаго гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. Повѣренный помѣщика, пользовавшійся этою властью по передачѣ отъ него, могъ такимъ же судебнымъ приговоромъ быть лишенъ полицейскаго права навсегда; но помѣщикъ все-таки и въ этомъ случаѣ не терялъ этого права и могъ передать его другому лицу вмѣсто устраненнаго (§§ 154, 155).

Независимо отъ власти вотчинное правленіе владѣло еще могучимъ средствомъ подкупать крестьянъ, притомъ на счетъ самого мірского общества и не неся никакихъ расходовъ, именно —правомъ косвеннаго и прямого увольненія отъ рекрутской повинности. По закону крестьяне, владѣвшіе усадьбами не слиш-

комъ малаго размѣра, иначе: хозяева и старшіе ихъ сыновья не подлежали призыву къ отбыванію рекрутской повинности, а въ хозяева жаловалъ помѣщикъ, такъ какъ отъ него зависѣло сдать усадьбу и отобрать ее. Назначеніе рекрутовъ предоставлено было не сходу, а мірскому суду, который, какъ было объяснено выше, находился совершенно подъ рукою вотчиннаго правленія, да и по закону назначеніе, сдѣланное судомъ, поступало на утвержденіе того же правленія. Сверхъ всего этого оно пользовалось правомъ увольнять отъ рекрутства по собственному своему выбору нѣкоторое число годныхъ въ военную службу людей изъ дворовыхъ и крестьянъ, состоявшихъ или числившихся въ услуженіи при господскомъ дворѣ. Число увольняемыхъ на этомъ основаніи соразмѣрялось съ числомъ душъ въ помѣстьѣ; на первыя 100 душъ полагалось 4 увольненія, на каждыя 50 душъ сверхъ первый сотни по одному. Это правило примѣнялось слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что въ какомъ-либо имѣніи состояло 500 душъ крестьянъ и 20 дворовыхъ; изъ нихъ по закону помѣщикъ могъ уволить отъ рекрутства 12 человѣкъ; предположимъ также, что изъ числа 20 дворовыхъ было не болѣе 6-ти годныхъ въ военную службу; помѣщикъ, освободивъ этихъ шестерыхъ отъ рекрутства, могъ еще распорядиться шестью увольненіями, выдумавъ, такъ сказать, несуществовавшихъ въ натурѣ дворовыхъ людей, то есть зачтя для формы въ дворовые тѣхъ изъ крестьянъ, хотя бы вовсе и не состоявшихъ при немъ въ услуженіи, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить, или съ которыми онъ входилъ въ сдѣлку. Исключаемые на этомъ основаніи поименно означались помѣщикомъ передъ каждымъ наборомъ; слѣдовательно, давъ льготу, онъ же могъ во всякое время и отнять ее (§§ 500—503).

Вообще, вотчинное управленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ Лифляндіи, отличалось двумя характеристическими чертами отъ всякаго рода судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ учрежденій, общественныхъ, сословныхъ и коронныхъ. Во-первыхъ, при широкомъ кругѣ дѣйствія и при несомнѣнной важности предоставленныхъ ему правъ оно все-таки, даже по закону, не считалось необходи-

мымъ органомъ въ системѣ мѣстныхъ учрежденій, а составляло нѣчто случайное, зависѣвшее отъ желанія или нежеланія частнаго лица, une affaire de bon plaisir. Помѣщикъ отнюдь не былъ обязанъ ни пользоваться лично своими правами, ни даже передать ихъ уполномоченному отъ себя лицу; онъ могъ просто отъ нихъ отказаться на время или навсегда, и тогда власть, добровольно выпущенная имъ изъ своихъ рукъ, переходила сама собою къ мірскому суду (§§ 134, 135). Во-вторыхъ, при предоставленномъ ему правѣ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла вотчинное правленіе не несло никакой отвѣтственности за успѣшный ихъ ходъ. Такъ, напримѣръ, почему-то признавалось нужнымъ, чтобы распоряженія начальства, подлежавшія обнародованію въ обществѣ, непремѣнно передавались мірскому суду черезъ вотчинное правленіе; но за необнародованіе ихъ мірскимъ судомъ оно нисколько не отвѣчало (§ 141). Одинъ изъ ключей хлѣбнаго магазина и одинъ изъ ключей мірской кассы хранились въ вотчинномъ правленіи; оно же разрѣшало ссуды, ревизовало, когда хотѣло, счеты и наличность; но за цѣлость хлѣба и денегъ также не отвѣчало (§§ 514, 515). Словомъ, барское властолюбіе находило себѣ полное удовлетвореніе, нисколько не тревожившее барской лѣни. Какъ видятъ читатели, въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ осуществлялся тотъ идеальный порядокъ вещей, къ которому, частью по неразумію — ребяческимъ глумленіемъ надъ введенными у насъ формами крестьянскаго самоуправленія, частью болѣе сознательно — въ надеждѣ воротить хоть долю навсегда утраченнаго, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ (а если вѣрить слухамъ, и нѣкоторыя правительственныя вѣдомства) исподоволь готовятъ у насъ общественное мнѣніе.

Приходскій судъ составлялъ ближайшую инстанцію надъ мірскимъ, принималъ на него жалобы, ревизовалъ его распоряженія, давалъ ему предписанія и такъ же, какъ мірской судъ, вѣдалъ дѣла судебныя, полицейскія и хозяйственныя. Споры крестьянъ между собою и жалобы на крестьянъ поступали въ приходскій судъ, какъ во вторую инстанцію, а жалобы крестьянъ на помѣщиковъ поступали въ тотъ же судъ, какъ въ первую инстанцію, и подлежали въ ней только

примирительному разбирательству. Третью инстанцію для дѣлъ перваго рода и вторую (или точнѣе, первую не мировую) для дѣлъ второго рода составлялъ уѣздный судъ. Высшею инстанціею для судебныхъ дѣлъ какъ между крестьянами, такъ и по жалобамъ крестьянъ и на крестьянъ, было отдѣленіе гоФгерихта по крестьянскимъ дѣламъ На него допускались жалобы только въ Сенатъ въ порядкѣ кассаціонномъ и генералъ-губернатору въ случаѣ отказа въ правосудіи. Независимо отъ этого генералъ-губернаторъ могъ по просьбѣ недовольной стороны потребовать пересмотра въ гоФгерихтѣ рѣшеннаго дѣла и въ случаѣ несогласія своего съ вторичнымъ постановленіемъ войти со всеподданнѣйшимъ рапортомъ (§§ 170, 171, 174, 189, 191, 197, 247). Крестьяне имѣли представителей отъ своего сословія (не считая мірского суда) въ приходскомъ судѣ: въ лицѣ трехъ засѣдателей, и въ уѣздномъ—въ лицѣ двухъ засѣдателей (§§ 157, 183); всѣ они выбирались не непосредственно, то есть не обществами, а засѣдателями отъ крестьянъ въ низшихъ инстанціяхъ; трехъ засѣдателей приходскаго суда выбирали члены мірскихъ судовъ—лица, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ назначалъ помѣщикъ (§ 159); двухъ засѣдателей уѣзднаго суда выбирали засѣдатели отъ крестьянъ приходскихъ судовъ (§ 184). Засѣдатели отъ крестьянъ въ приходскомъ судѣ утверждались и отрѣшались отъ должности уѣзднымъ судомъ (§§ 162, 170); засѣдатели отъ крестьянъ въ уѣздномъ судѣ утверждались и отрѣшались гоФгерихтомъ (§§ 185, 190).

Затѣмъ весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій (кромѣ, разумѣется, мірского суда), а именно: въ приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ отдѣленіи гоФгерихта предсѣдатель, резидующій ландратъ и ландраты члены гоФгерихта (§§ 157, 159, 183, 184, 198), набирался изъ мѣстныхъ дворянъ по выбору отъ дворянства, и не было во всѣхъ перечисленныхъ инстанціяхъ ни одного лица по назначенію отъ правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства: секретарь приходскаго суда (онъ же и нотаріусъ) избирался и увольнялся предсѣдателемъ; половину своего жалованья онъ получалъ отъ дворянства, а другую отъ всего прихода. Долж-

ность эта имѣла особенную важность, такъ какъ съ нею сопряжено было свидѣтельствованіе и занесеніе въ книгу всѣхъ условій о сдачѣ помѣщиками крестьянскихъ усадьбъ (§§ 170, 175, 177, 179). Секретарь уѣзднаго суда выбирался изъ мѣстныхъ дворянъ, изучившихъ право непремѣнно въ дерптскомъ университетѣ (§ 193); секретарь отдѣленія гофгерихта выбирался изъ того же разряда лицъ на дворянскомъ собраніи (§ 199).

Множествомъ надстроенныхъ одна надъ другою инстанцій, повидимому, надежнымъ образомъ ограждались права крестьянъ, по крайней мѣрѣ права, положительно въ законѣ выраженныя; но чтобъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ правосудіе въ дѣйствительности было доступно крестьянамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ права и интересы сталкивались съ произволомъ или съ выгодами помѣщиковъ, не мѣшаетъ принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства.

Во-первыхъ, по закону крестьянамъ безусловно запрещалось подавать письменныя просьбы или заявленія, а равно дѣйствовать черезъ повѣренныхъ. До помѣщиковъ этотъ законъ разумѣется не относился, но крестьяне должны были непремѣнно объясняться на судѣ не иначе, какъ словесно и самолично. Законъ гласилъ, что при изданіи такого правила имѣлось въ виду сократить число процессовъ и уберечь просителей отъ расходовъ (§§ 204, 216). Первая цѣль этимъ несомнѣнно достигалась; мало того, во многихъ случаяхъ тою же мѣрою рѣшительно отнималась у крестьянъ всякая возможность искать суда на помѣщика; достигалась ли вторая цѣль, когда ужъ дѣло было начато — по крайней мѣрѣ сомнительно. Но кромѣ двухъ указанныхъ цѣлей, достигалась еще третья, о которой законъ благоразумно умалчивалъ, а именно: дѣйствія инстанцій по дѣламъ крестьянъ совершенно закрывались отъ всякаго посторонняго взгляда и отнималась возможность ходатайствовать за крестьянъ у тѣхъ ненавистныхъ дворянству мѣстныхъ юристовъ, которые по плебейскому своему происхожденію были бы неспособны цѣнить по достоинству пріемы и традиціи вотчинной юрисдикціи.

Во-вторыхъ, чтобъ ѣхать для подачи просьбы въ уѣздный или губернскій городъ, нужно было отлучиться изъ своего

прихода, а на это необходимо было испросить паспортъ у вотчиннаго правленія. По закону правленіе обязано было не задерживать просителей долѣе двухъ сутокъ, буде не встрѣчалось къ ихъ отлучкѣ какого-либо законнаго препятствія (§ 147); но вѣдь мало ли что могло показаться законнымъ препятствіемъ! Въ такомъ случаѣ надлежало обратиться въ приходскій судъ, который, истребовавъ объясненія отъ вотчиннаго правленія, могъ выдать паспортъ отъ себя, но могъ и отказать въ немъ. Въ послѣднемъ случаѣ недовольному крестьянину оставалось только обратиться съ словесною жалобою на приходскій судъ въ уѣздный, а туда все-таки нельзя было явиться безъ паспорта, подъ страхомъ прослыть бродягою (§ 148). Наоборотъ, когда приходскій судъ разрѣшалъ выдачу паспорта, помѣщикъ могъ обжаловать его рѣшеніе, такъ что въ обоихъ случаяхъ отъ помѣщика зависѣло возбудить многосложное, частное дѣлопроизводство о предоставленіи или непредоставленіи крестьянину возможности начать дѣло по существу.

Въ-третьихъ, ни на одно изъ учрежденій по дѣламъ крестьянъ не распространялся надзоръ ни уѣздныхъ стряпчихъ (фискаловъ), ни губернскаго прокурора. Это странное отступленіе отъ общаго порядка, существовавшаго во всей Имперіи, не исключая и Прибалтійскаго края, на первыхъ порахъ вѣроятно ускользнуло отъ вниманія законодательной власти. Въ Положеніи 1819 года нигдѣ не было сказано, чтобъ упомянутыя учрежденія были изъяты отъ надзора, но объ немъ умалчивалось. Правда, въ инстанціяхъ по дѣламъ крестьянъ установленъ былъ слѣдственный порядокъ дѣлопроизводства. Это значило, что суды, не ограничиваясь сущностью просьбъ и оцѣнкою предъявленныхъ сторонами доказательствъ и возраженій, должны были сами заботиться о пополненіи недосказаннаго, охранять интересы тяжущихся отъ ихъ собственныхъ упущеній, исправлять ихъ ошибки, предъявлять за нихъ требованія и приводить за нихъ основанія, о которыхъ они сами не думали. Но все это, съ одной стороны, давало суду, который облекалъ въ письменную форму словесныя заявленія крестьянъ, полную возможность извращать смыслъ и характеръ ихъ показаній и требованій, а съ другой, могло

бы быть выгодно для крестьянъ въ томъ лишь случаѣ, когда бы судъ сталъ дѣйствовать, какъ оберегатель ихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ оберегая ихъ интересы не менѣе, чѣмъ помѣщичьи. Спрашивается: было ли основаніе предполагать, что таковъ именно былъ вообще образъ дѣйствій, напримѣръ, хоть бы уѣзднаго суда, въ которомъ сидѣли три дворянина по выбору отъ своихъ собратьевъ, и два крестьянина, на практикѣ почти всегда безмолвныхъ?

Итакъ, общественная организація крестьянъ и всѣ спеціально для нихъ созданныя инстанціи составляли особый, замкнутый міръ, совершенно недоступный наблюденію и со всѣхъ сторонъ огражденный не только отъ вмѣшательства, но и отъ нескромнаго любопытства непосвященныхъ. Что̀ тамъ творилось между безграмотными темными крестьянами и по-своему слишкомъ просвѣщенными помѣщиками — этого никто не зналъ и не могъ узнать; но виденъ былъ общій результатъ—полнѣйшее недовѣріе крестьянъ къ судамъ.

Только по дѣламъ уголовнымъ крестьяне были подсудны общимъ инстанціямъ и судились общимъ порядкомъ, но здѣсь самое примѣненіе этого порядка ставило именно крестьянъ въ исключительное положеніе къ явной ихъ невыгодѣ. Вся переписка производилась, какъ извѣстно, на языкѣ нѣмецкомъ, котораго за очень рѣдкими исключеніями крестьяне не понимали. Даже показанія обвиненныхъ, обвинителей и свидѣтелей записывались при производствѣ слѣдствія по-нѣмецки и только по-нѣмецки. Само собою разумѣется, что вопросы предлагались опрашиваемымъ словесно на ихъ языкѣ, то есть по-латышски или по-эстски; на тѣхъ же языкахъ давались и отвѣты; но слѣдователь записывалъ какъ свои вопросы, такъ и отвѣты опрашиваемыхъ не въ подлинныхъ выраженіяхъ, а въ нѣмецкомъ, болѣе или менѣе точномъ переводѣ собственнаго своего издѣлія. При прочтеніи опроса, онъ опять, но только на словахъ, переводилъ записанное съ нѣмецкаго на латышское или эстское, а затѣмъ подавалъ опрошеннымъ къ подписанію актъ, написанный по-нѣмецки. Они свидѣтельствовали своею подписью или крестами (за неумѣніемъ писать) подлинность, полноту и точность изложенія, въ которомъ часто не понимали ни единаго слова, такъ что прило-

женіе руки къ опросу рѣшительно теряло значеніе гарантіи отъ подлога. Оно даже связывало опрошенныхъ, отнимая у нихъ возможность впослѣдствіи, въ случаѣ обнаруженія умышленнаго или невольнаго извращенія ихъ словъ, отпереться отъ приписаннаго имъ показанія. Такимъ образомъ обрядъ, которымъ такъ дорожитъ законъ, какъ лучшею охраною отъ подлога, на практикѣ превращался въ самую надежную гарантію неизобличимости и безнаказанности подлога, въ опаснѣйшее искушеніе, какому только можетъ подвергнуться слѣдователь. Знаю, что это покажется невѣроятнымъ большинству читателей, вѣрящихъ на слово остзейскимъ свидѣтельствамъ о мнимомъ превосходствѣ тамошняго судопроизводства надъ нашимъ—пускай же они справятся; сдѣлать это не трудно, такъ какъ изложенный порядокъ существуетъ и въ настоящее время, а я на сей разъ сошлюсь также на свидѣтельство, притомъ неоспоримо безпристрастное.

Очень у насъ извѣстный по своимъ спеціальнымъ познаніямъ и по своей опытности именно въ уголовныхъ дѣлахъ сенаторъ Л..., бывшій въ сороковыхъ годахъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ юстиціи, командированъ былъ тогдашнимъ министромъ графомъ Панинымъ въ Лифляндію для обревизованія тамошнихъ судебныхъ мѣстъ. Будучи въ Ригѣ, онъ посѣтилъ тюремный замокъ. Тамъ одинъ изъ арестантовъ, какой - то Русскій, повалился ему въ ноги, упрашивая его съ слезами и воплемъ выручить его оттуда, по крайней мѣрѣ объяснить ему, за что онъ содержится?—„Какъ за что, да развѣ ты не знаешь?"—„Не знаю"—и вторичный поклонъ въ ноги. Г. Л... обратился къ сопровождавшему его прокурору съ просьбою разъяснить ему дѣло. Оказалось по отвѣту прокурора, что арестантъ собственными своими показаніями, отобранными у него при формальномъ слѣдствіи, уличался въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Выслушавъ объясненіе, г. Л... естественно предположилъ со стороны арестанта притворное невѣдѣніе, довольно у насъ нерѣдкое и, намѣреваясь уличить его, вытребовалъ подлинное дѣло.—„Покажите мнѣ допросъ".—Прокуроръ развернулъ дѣло на бумагѣ, писанной по - нѣмецки, и прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ. Г. Л... обратился къ арестанту съ вопро-

сомъ: „Ты понимаешь?“—„Нѣтъ, родной, ничего не понимаю, я вѣдь по - нѣмецки не смыслю“. — „Зачѣмъ же вы читаете ему нѣмецкій переводъ? Дайте же подлинный допросъ.“— Прокуроръ улыбнулся и отвѣчалъ: „Да это и есть подлинный“.—„Какъ подлинный! Вы называете подлиннымъ покаяніе, записанное не на томъ языкѣ, на которомъ оно отобрано?“—„Да! вѣдь вамъ конечно не безызвѣстно, что къ числу мѣстныхъ привилегій, которыми мы наиболѣе дорожимъ, принадлежитъ и право производить всѣ дѣла на нашемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ“.—„Такъ на этомъ основаніи у васъ записываются по-нѣмецки и всѣ допросы?“—„Всѣ.“—„Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда опрашиваемый по-нѣмецки не смыслитъ?“—„Даже и въ такихъ случаяхъ?“—Озадаченный этимъ открытіемъ, ревизоръ по возращеніи своемъ въ Петербургъ, разумѣется, счелъ долгомъ донести объ этомъ министру. Графъ Панинъ пораженъ былъ не менѣе своего подчиненнаго невѣроятнымъ безобразіемъ этого порядка вещей и тотчасъ же возбудилъ вопросъ о его измѣненіи. Началась объ этомъ переписка, кажется даже, что послѣдовало какое-то распоряженіе, но старый обычай удержался и, сколько мнѣ извѣстно, держится доселѣ.

Я останавливаю вниманіе читателей на этомъ обстоятельствѣ и желалъ-бы, чтобъ они вникли въ чрезвычайную его важность въ особенности потому, что именно въ исторіи распространенія православія очень многое имъ объясняется. Я разумѣю массу изумительныхъ, рѣзкихъ противорѣчій въ показаніяхъ крестьянъ. Когда начали вникать въ значеніе религіознаго движенія сороковыхъ годовъ, обозначились три мнѣнія. Нѣкоторые, весьма немногіе, признавали въ основѣ этого движенія потребность духовнаго свойства, совершенно искреннюю, не отрицая, что къ ней примѣшивались разнаго рода соціальныя побужденія; другіе утверждали, что перемѣна вѣры была не болѣе какъ случайною формою, въ которую облеклось исканіе болѣе сносной вещественной обстановки; третьи видѣли во всемъ этомъ не болѣе какъ послѣдствія соблазнительнаго подговора какихъ - то неуловимыхъ подстрекателей. При такомъ разнорѣчіи естественно было обратиться къ самимъ крестьянамъ; но дѣло въ томъ, что

на нихъ ссылались сторонники и представители всѣхъ трехъ приведенныхъ объясненій. Православный священникъ доносилъ: „Такіе-то и такіе-то крестьяне, придя ко мнѣ, заявили о желаніи своемъ присоединиться къ церкви; при этомъ они положительно объяснили, что не ожидаютъ отъ перемѣны вѣры никакой вещественной льготы, ни земли, ни облегченія въ повинностяхъ, но не хотятъ имѣть дѣла съ своимъ пасторомъ и просятъ, чтобъ запретили помѣщику препятствовать имъ въ исполненіи ихъ желанія". На другой день орднунгсъ-рихтеръ писалъ: „По донесенію вотчиннаго управленія такого-то, что мѣстные крестьяне бунтуютъ, произведено было на мѣстѣ изслѣдованіе, при чемъ крестьяне (тѣ самые, которыхъ поименовывалъ священникъ) заявили, что какой-то неизвѣстный „русскій человѣкъ"—солдатъ или причетникъ въ кормчѣ уговаривалъ ихъ не слушаться помѣщика, увѣрялъ ихъ, что всѣ принявшіе православіе получатъ даромъ землю и совѣтовалъ имъ скорѣе идти къ священнику; что сбитые этими рѣчами съ толку, они пошли къ священнику, что тамъ ихъ обнадежили относительно надѣла, и что они записались въ число желающихъ перейти въ православіе, о чемъ теперь горько сожалѣютъ".—Генералъ-губернаторъ, получая единовременно такого рода увѣдомленія, приходилъ въ недоумѣніе. Кто нибудь да лгалъ, это было очевидно; но кому же вѣрить? Онъ посылалъ на мѣсто прямо отъ себя надежнаго чиновника, на спросъ котораго тѣ же крестьяне объявляли, „что они никогда и не думали бунтовать, никакихъ таинственныхъ подстрекателей не видали, но что они точно крайне недовольны своимъ пасторомъ, и, глядя на другихъ, пожелали быть одной вѣры съ Царемъ и съ Русскими, а тамъ пусть будетъ что будетъ! Хуже того, что есть, все-таки не будетъ!"—Еще разъ: кому же вѣрить? — „Какъ кому?"—отвѣчаютъ Нѣмцы—„орднунгсъ-рихтеръ предъявляетъ вамъ составленный имъ актъ—это юридическое доказательство, а все остальное не болѣе какъ болтовня!"—Но въ томъ-то и сила, что этотъ актъ есть не болѣе какъ свидѣтельство орднунгсъ-рихтера о томъ, что говорилось на допросѣ, а не закрѣпленное слово самого опрошеннаго; слѣдовательно, нельзя называть его подлиннымъ, въ стро-

гомъ и точномъ, а не въ лифляндскомъ значеніи этого слова.

Какъ ни призрачна была та свобода, личная и общественная, которую пріобрѣли крестьяне въ 1819 году, однако она послужила для дворянства предлогомъ къ испрошенію у правительства радикальной отмѣны всѣхъ прежнихъ постановленій, ограничивавшихъ помѣщика въ распоряженіи крестьянскою землею и въ требованіи барщины. Правительство не высмотрѣло ловушки. Вообразивъ себѣ, что сдѣлавшись изъ крѣпостныхъ людей полноправными гражданами, крестьяне уже не нуждались въ спеціальныхъ законахъ, которые бы обезпечивали за ними право пользованія землею въ опредѣленномъ количествѣ и на условіяхъ, признанныхъ безобидными, оно легкомысленно пожертвовало самымъ понятіемъ о крестьянской землѣ (въ смыслѣ надѣла, долженствующаго навсегда оставаться въ пользованіи крестьянъ) и упразднило обязательную силу незадолго передъ тѣмъ составленныхъ вакенбуховъ (своего рода подворныхъ уставныхъ грамотъ). Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлено было договариваться полюбовно о наймѣ вторыми у первыхъ земли и о размѣрѣ повинностей, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакими предустановленными правилами (§§ I, VI, VII, XII, 20, 23, 40 и др.). Такой радикальный разрывъ съ историческимъ опытомъ вѣковъ самъ по себѣ потрясалъ хозяйственный бытъ всего крестьянскаго сословія и рано или поздно долженъ былъ поставить его въ зависимость отъ землевладѣльцевъ во многихъ отношеніяхъ болѣе тягостную, чѣмъ прежнія крѣпостныя отношенія; а при той лжесвободѣ, о которой было говорено выше, при тѣхъ для крестьянъ въ высшей степени обидныхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыми обусловленъ былъ переходъ изъ крѣпостного состоянія къ свободѣ [1]), наконецъ, при господствовавшей на мѣстахъ системѣ односторонняго примѣненія этихъ мѣръ, клонившейся не къ смягченію ихъ суровости, а къ исчерпыванію досуха ихъ выгодности для помѣщиковъ, гибельныя

---

[1]) Подробное ихъ изложеніе отлагается до спеціальнаго изслѣдованія о крестьянской реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ.

послѣдствія Положенія 1819 года должны были довольно скоро обнаружиться. Въ началѣ сороковыхъ годовъ они уже не составляли тайны для людей, хорошо знавшихъ край, хотя еще и не обращали на себя вниманія высшаго правительства.

Лучшія крестьянскія полевыя угодья были отобраны помѣщиками и прирѣзаны къ господскимъ полямъ; туда же постепенно отходили и заросли (Buschland) по мѣрѣ того, какъ онѣ расчищались упорнымъ трудомъ крестьянъ. Многіе крестьянскіе дворы были вовсе упразднены; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ упразднены были всѣ [1]; въ иныхъ мѣстностяхъ вотчинныя управленія дробили крупные дворы на мелкія хозяйства съ цѣлью привязать къ мѣсту всегда сподручныя и дешевыя рабочія силы; въ другихъ слѣдовали противоположной системѣ, слагая изъ многихъ дворовъ средняго размѣра небольшое число крупныхъ въ видахъ сосредоточенія крестьянской земли въ рукахъ немногихъ, зажиточныхъ хозяевъ, какъ болѣе исправныхъ въ отбываніи повинностей. Черезъ двадцать лѣтъ по освобожденіи крестьянъ и по введеніи Положенія 1819 года барщина все еще составляла единственный видъ повинностей; о денежномъ оброкѣ не было и помину, не только въ дворянскихъ, но и въ казенныхъ имѣніяхъ, которыя всѣ находились въ арендномъ содержаніи; размѣръ повинностей рѣдко гдѣ стоялъ ниже прежней, вакенбухами установленной нормы, и во многихъ имѣніяхъ былъ чрезвычайно возвышенъ [2]). Вообще и незави-

[1]) Заявлено лифляндскимъ помѣщикомъ, впослѣдствіи ландратомъ, барономъ г. Фелькерзамомъ, въ комитетѣ 1846 года.

[2]) Подлинное выраженіе генералъ-губернатора барона Палена въ рапортѣ Государю Императору при представленіи на Высочайшее утвержденіе такъ называемыхъ 22 пунктовъ (дополненія къ Положенію 1819 года). Передъ этимъ тотъ же баронъ Паленъ, въ сентябрѣ 1841 года, писалъ: „Что жалобы крестьянъ на обремененіе ихъ работами происходили отъ существовавшихъ законовъ о контрактныхъ отношеніяхъ между помѣщиками, какъ отдатчиками, и крестьянами, какъ съемщиками земель, принадлежавшихъ первымъ; ибо помѣщикъ при опредѣленіи условій найма ничѣмъ не ограниченъ, крестьянинъ же, удерживаемый долгами и другими обязанностями, не всегда въ состояніи пользоваться принадлежащимъ ему правомъ оставлять мѣсто жительства и искать себѣ въ другихъ имѣніяхъ аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ“.—

симо отъ числа рабочихъ дней повинности стали противъ прежняго не въ примѣръ обременительнѣе, во-первыхъ, по отношенію къ уменьшившемуся количеству и къ понизившемуся достоинству земли, оставленной подъ крестьянскими дворами, во-вторыхъ. по усилившейся взыскательности въ наблюденіи за работами и по неопредѣленности или несоразмѣрности уроковъ, отчасти также вслѣдствіе введенія новыхъ хозяйственныхъ пріемовъ и усовершенствованныхъ системъ полеводства, послужившихъ предлогомъ къ усиленію безурочныхъ работъ въ раздѣлъ.

Ничто не даетъ такого яснаго понятія о тогдашней барщинѣ, какъ тѣ правила, которыя послѣ уже волненій 1841 года изданы были для ея облегченія и въ то время были прославлены, какъ благодѣянія, свидѣтельствовавшія о великодушіи лифляндскихъ помѣщиковъ. Было, напримѣръ, постановлено не считать рабочаго дня прогульнымъ и не числить его въ долгу на хозяинѣ крестьянскаго двора, если послѣдній выставилъ работника куда слѣдовало по наряду и если заданный урокъ не могъ быть исполненъ по обстоятельствамъ, отъ работника независѣвшимъ (§ 12 такъ называемыхъ 77-ми дополнит. правилъ 1845 года)—слѣдовательно, прежде крестьяне отвѣчали и за всякое уклоненіе атмосферы отъ распоряженій вотчинной конторы, напримѣръ, за несвоевременный дождь, за паводокъ и т. д. Запрещено было наряжать подводы во время посѣва, жнитва и въ распутицу—

Какъ бы изумился баронъ Паленъ, если бы кто-нибудь предсказалъ ему, что изданіе того самаго Положенія 1819 года, которое онъ осуждалъ такъ радикально, будетъ праздноваться черезъ 50 лѣтъ, какъ счастливое для крестьянъ событіе! Не менѣе радикально судилъ объ этомъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Г. Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндіи въ 1845 году. Вотъ его слова: „Несмотря на номинальную свободу, крестьяне находятся въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже, чѣмъ оно было въ 1804 году“ (Чтенія, 1865. кн. 4., стр. 189). Наконецъ, въ журналѣ государственнаго совѣта (департ. закон. и эконом.) 20 янв., 20 февр. 2, 5, 9, 12. 28 марта 1860 года № 17, по проекту новаго Положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи напечатано буквально о Положеніи 1819 года слѣдующее: „Отъ этого новаго порядка благосостояніе лифляндскихъ крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ (стр. 1., строки 13 и 14)“.—Съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, мы конечно далеко ушли, не знаю только впередъ ли?

прежде это дѣлалось — а денной путь ограниченъ былъ 35 верстами съ кладью и 40 верстами порожнякомъ (тамъ же § 10 и §§ 10 и 11 правилъ 1842 года). Опредѣлено было, что когда крестьянинъ по распродажѣ его движимости на покрытіе его долговъ присуждался къ отработкѣ остальнаго взысканія въ пользу помѣщика, срокъ таковой отработки не долженъ былъ простираться далѣе года. причемъ помѣщикъ имѣлъ право наряжать на работу женатаго должника не болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а холостого ежедневно (§§ 42, 43, 44 правилъ 1845 года) – прежде должникъ обращался въ безсрочную кабалу. Введено было новое правило, что работа на барщинѣ не должна была продолжаться болѣе 12 часовъ въ сутки на кругъ въ продолженіе цѣлаго года (тамъ же § 10).—Стало-быть, въ лѣтнюю пору она могла длиться и долѣе, а все-таки это правило считалось льготою. Спрашивается: сколько же насчитывалось рабочихъ часовъ въ суткахъ въ прежнее время, до введенія этого благодѣтельнаго ограниченія?—При нарядѣ на барщину въ дальнее мѣсто за проходъ 20 верстъ велѣно было зачитывать день (§ 13 правилъ 1842 года) — стало-быть, прежде зачета вовсе не дѣлалось или онъ дѣлался въ еще меньшемъ размѣрѣ. Запрещено было съ одного двора требовать на работу въ одинъ день болѣе половины работниковъ, по закону полагаемыхъ на этотъ дворъ (по величинѣ двора), не распространяя однако этого правила на работы полевыя и на уборку сѣна (тамъ же § 18).—Изъ этого видно, что прежде можно было производить сгономъ всѣ работы безъ исключенія.

Законъ допускалъ между помѣщиками и крестьянами какъ словесныя сдѣлки о наймѣ земли, такъ и письменные контракты на срокъ не свыше 50 лѣтъ (§§ 479, 480); но на практикѣ они заключались на самые короткіе сроки (именно потому, что повинности быстро возвышались) обыкновенно на одинъ годъ, и почти всегда на словахъ. Законъ требовалъ, чтобы словесная сдѣлка заносилась въ книгу приходскаго суда приходскимъ нотаріусомъ, который былъ не болѣе какъ наемнымъ служителемъ мѣстныхъ дворянъ (§§ 480, 481); но на практикѣ это требованіе не исполнялось. Условія сдачи, разумѣется, всегда диктовалъ помѣщикъ; но кромѣ условій

договоренныхъ и положительно высказанныхъ, законъ признавалъ еще нѣкоторыя общія условія, которыя всегда подразумѣвались, если только отмѣна ихъ не была формально выговорена сторонами Къ числу такихъ условій принадлежали слѣдующія: съемщикъ не можетъ безъ особаго на то разрѣшенія владѣльца выкорчевывать пней для расчистки новыхъ мѣстъ подъ посѣвъ; получивъ на то разрѣшеніе, не можетъ снимать къ ряду съ нови болѣе трехъ хлѣбовъ; не можетъ засѣвать за разъ болѣе $^1/_{21}$ нови, ни удобрять ее иначе, какъ древесною золою; не долженъ никому продавать ни своихъ дровъ, ни своей соломы, ни своего сѣна и т. д. (§ 482).

Въ какой степени при системѣ такъ называемыхъ добровольныхъ соглашеній заключенное съ крестьяниномъ условіе дѣйствительно ограничивало произволъ владѣльца, объ этомъ читатель легко составитъ себѣ понятіе вникнувъ въ слѣдующія статьи закона [1]).

Если помѣщикъ потребуетъ удаленія арендатора (т. е. крестьянина-хозяина) со двора, или уничтоженія заключеннаго о сдачѣ двора условія за дурное веденіе хозяйства, небреженіе о строеніяхъ, запущеніе полей, неисполненіе договоренныхъ повинностей, или по другимъ закономъ признаваемымъ причинамъ, и мірской судъ по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла удостовѣрится въ основательности жалобы и опредѣлитъ удалить арендатора или уничтожить контрактъ; то, хотя арендатору и не воспрещается подать апелляцію на такое рѣшеніе, однако мірской судъ отбираетъ у него дворъ въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго его разстройства и въ то же время налагаетъ запрещеніе на такую часть имущества арендатора, которая впредь до рѣшенія высшей инстанціи служила бы обезпеченіемъ исполненія по рѣшенію мірского суда (§ 130).

Если (въ такомъ же случаѣ) мірской судъ представитъ

---

1) Предупреждаю, что во всѣхъ цитатахъ я ручаюсь за вѣрную передачу смысла, но не могу (хотя бы это было гораздо для меня легче) всегда буквально держаться русскаго текста, который въ сущности есть только переводъ съ нѣмецкаго, при томъ переводъ крайне безграмотный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до невѣроятной степени неточный.

помѣщику возраженія на его требованія и послѣдній не уважитъ ихъ, то вопреки этимъ возраженіямъ требованіе помѣщика приводится безпрекословно въ исполненіе на его страхъ и отвѣтственность; при этомъ однако мірскому суду предоставляется право (въ обязанность не вмѣняется) войти въ приходскій судъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія (послѣ того какъ арендаторъ уже выгнанъ со двора) и о присужденіи съ помѣщика вознагражденія. Приходскій судъ старается покончить дѣло мировою, а въ случаѣ неуспѣха принимаетъ мѣры для обезпеченія интересовъ стороны, понесшей ущербъ, и обращаетъ дѣло на рѣшеніе въ уѣздный судъ (§§ 131, 170, 172).

Если арендаторъ приведетъ снятый имъ дворъ въ упадокъ, или если возникнетъ поводъ опасаться, что онъ не исполнитъ принятыхъ имъ на себя обязанностей, то владѣлецъ имѣетъ право, буде арендаторъ внесъ залогъ, требовать, чтобъ судъ нарядилъ слѣдствіе и чтобъ затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, постановлено было рѣшеніе о точномъ исполненіи условій и о вознагражденіи за происшедшую по винѣ арендатора порчу въ строеніяхъ или въ землѣ, или же: о немедленномъ упраздненіи контракта, буде окажется, что залогъ недостаточенъ для покрытія вознагражденія и для обезпеченія на будущее время точнаго исполненія арендаторомъ принятыхъ на себя обязанностей (§ 489).

Всякій искъ, возникшій изъ арендняго условія и не оспариваемый противною стороною, удовлетворяется исполнительнымъ порядкомъ (§ 486).

Тѣмъ же порядкомъ удовлетворяется всякое требованіе помѣщика на его страхъ, буде оно предъявлено на арендатора, не внесшаго залога, хотя бы арендаторъ и не признавалъ положительно безспорности требованія, хотя бы онъ даже не подалъ повода простымъ оставленіемъ предъявленнаго требованія безъ опроверженія предполагать, что онъ признаетъ его безспорнымъ. Но если впослѣдствіи это требованіе окажется неосновательнымъ, то помѣщикъ обязанъ вознаградить арендатора за всѣ убытки и сверхъ того внести штрафъ въ волостную сумму (§ 487).

Если арендаторъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отказывается отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, то судъ можетъ его къ этому принудить порядкомъ исполнительнымъ въ видахъ предупрежденія всякой остановки въ ходѣ полевыхъ работъ; при чемъ однако ему не возбраняется съ своей стороны подать въ судъ жалобу на помѣщика, буде и послѣдній также не выполняетъ условій (§ 488).

Итакъ, подъ предлогомъ неисправностей не только въ отбываніи повинностей, но и въ хозяйствѣ самого арендатора, неисправностей, въ которыхъ личная вина его могла быть очень сомнительна, даже подъ предлогомъ предположенія неисправности въ будущемъ, требованіе помѣщика объ отобраніи двора и объ уничтоженіи условія удовлетворялось исполнительнымъ порядкомъ, хотя бы справедливость требованія оспаривалась противною стороною и отвергалась низшею судебною инстанціею, которой всѣ члены по закону утверждались, а на практикѣ—назначались помѣщикомъ. Что же касается до арендатора, согнаннаго со двора и оставшагося безъ крова, то въ утѣшеніе ему предоставлялось начать искъ противъ помѣщика судебнымъ порядкомъ, при чемъ онъ непремѣнно долженъ былъ лично имѣть хожденіе по своему дѣлу, по крайней мѣрѣ, въ двухъ инстанціяхъ (приходскомъ и уѣздномъ судахъ), такъ какъ только уѣздный судъ могъ постановить рѣшеніе, и то подлежавшее дальнѣйшему обжалованію. Но и этого было мало для огражденія помѣщичьихъ интересовъ отъ дарованной крестьянамъ свободы. Опытные практики придумали такіе мудреные контракты, съ такими кляузными и многосложными обязанностями, что не было физической возможности выполнять ихъ въ точности. Это впрочемъ и не требовалось отъ арендаторовъ, пока они были покорны, но служило надежнымъ противъ нихъ орудіемъ на случай, если бъ они вздумали зазнаться, или если бы помѣщику понадобился для своихъ расчетовъ или прихотей, или для вымещенія своего личнаго неудовольствія благовидный предлогъ.

Если такъ не трудно было во всякое время, не выжидая истеченія контрактнаго срока, отобрать отъ арендатора сня-

тый имъ дворъ, то понятно, что согнать батрака, нанявшагося по условію на работу, было еще легче. Тутъ достаточно было заявить о непослушаніи, упорствѣ, подачѣ дурныхъ примѣровъ и т. п. (§ 468). Нельзя, конечно, оспаривать, что большой просторъ, данный произволу помѣщика, въ этомъ случаѣ оправдывался самымъ свойствомъ отношеній между хозяиномъ и наемнымъ работникомъ; но законъ шелъ гораздо далѣе строго необходимаго. Помѣщикъ, отпуская батрака, выдавалъ ему письменную аттестацію, въ которой онъ имѣлъ право опорочить его и тѣмъ помѣшать ему пристроиться у другого хозяина, а когда опороченный подавалъ на это жалобу, то судъ отъ него же долженъ былъ требовать доказательствъ несправедливости аттестаціи (§ 473) — юридическихъ доказательствъ, что онъ не лѣнивъ, не сварливъ, не невоздерженъ и т. д.!

Вообще дѣла въ Лифляндіи велись такимъ образомъ, чтобы каждый крестьянинъ считалъ себя во всякое время хозяиномъ своего двора или пристроеннымъ къ работѣ не по праву и не въ силу обоюду обязательнаго договора, а благодаря личному великодушію и снисходительности помѣщика; оттого хорошимъ управляющимъ или приказчикомъ слылъ тотъ, у котораго никогда ни одинъ крестьянинъ не разсчитывался съ вотчинною конторою на чистоту, то-есть не выходилъ никогда изъ долговъ, неисправностей и провинностей, только до поры и времени на немъ терпимыхъ.

Таково было въ сороковыхъ годахъ основанное на личной свободѣ и на добровольныхъ договорахъ обезпеченіе хозяйственнаго быта лифляндскихъ крестьянъ.

Латыши исповѣдывали протестантскую вѣру по чистѣйшему аугсбургскому символу, но почему?—этого, конечно, они сами не знали. Какъ пришли они къ этой вѣрѣ?—этого они не помнили, да и нечего было помнить. Кажется, что и предки ихъ, свидѣтели окончательнаго торжества протестантства надъ латинствомъ на Балтійскомъ поморьѣ, какъ будто не замѣтили, что ихъ перечислили изъ одной вѣры въ другую; по крайней мѣрѣ въ извѣстіяхъ того времени не осталось никакихъ слѣдовъ хотя бы малѣйшаго участія лифляндскаго простонародія въ религіозномъ кризисѣ, совершившемся на его глазахъ и

въ собственной его жизни [1]). Видно только, что Латыши о старой своей вѣрѣ не жалѣли, но и не просили новой; за первую не стояли, да и второй не сочувствовали: та и другая была имъ навязана безъ всякаго съ ихъ стороны внутренняго запроса; обѣ въ равной степени были для нихъ чужія, а своей, народной вѣры у нихъ не стало съ той самой поры, какъ погибло древнее ихъ язычество. Та вѣра точно была для нихъ своя, и оттого они бились за нее долго съ такимъ упорствомъ, которое теперь, при взглядѣ на нынѣшнихъ Латышей и Эстовъ, кажется невѣроятнымъ; она въ былыя времена дѣйствительно проникала насквозь всю жизнь народа, и оттого миѳическія преданія объ этой старой вѣрѣ доселѣ сливаются съ его скудными воспоминаніями о самомъ себѣ въ какихъ-то давно прошедшихъ, лучшихъ вѣкахъ [2]). Но къ несчастію, торжество христіанства надъ язычествомъ въ Лифляндіи было такою же побѣдою матеріальной силы, какъ и торжество пришлой нѣмецкой народности надъ туземною. Оттого ни латинство, ни протестантство не унаслѣдовали отъ старой вѣры ея нравственной, дѣйственной силы, и не заняли ея мѣста въ душѣ народа. Безъ всякой натяжки можно сказать, что у Латыша не было и нѣтъ ни своей христіанской исторіи, ни своихъ христіанскихъ героевъ, ни своей народной святыни. Какъ въ прежнее время латинство, такъ въ позднѣйшее и въ настоящее протестантство было и остается для простого народа вѣрою господъ, и въ этомъ понятіи о барской вѣрѣ исчезало и исчезаетъ для него всякое различіе между латинствомъ и протестантствомъ. Позднѣе онъ встрѣтился еще съ одною вѣрою, и тогда возникъ въ умѣ его мудреный вопросъ: что лучше, вѣра барская или вѣра царская? — но объ этомъ рѣчь впереди.

---

[1]) Остзейскіе ученые давно ищутъ и не находятъ никакихъ извѣстій о водвореніи и распространеніи лютеранства въ деревняхъ. (Harless, Geschichtsbidler aus der luther. Kirche Livlands 13).

[2]) Слѣды язычества съ помѣсью христіанскихъ символовъ долго держались въ народѣ. Въ концѣ XVII вѣка тогдашній шведскій генералъ-губернаторъ издавалъ строгіе приказы объ упраздненіи, разрушеніи и истребленіи всякихъ суевѣрій и признаковъ стараго идолопоклонства, въ томъ числѣ наставленныхъ крестовъ. Гораздо еще позднѣе, около 1835 года, одинъ лифляндскій пасторъ узналъ о существованіи языческаго жертвенника и разрушилъ его.

Кромѣ указанной причины, были и другія, помѣшавшія протестантству въ цѣлыхъ два съ половиною вѣка проникнуть въ умы и сердца Латышей. Даже не исповѣдуя протестантства и не считая его прогрессомъ въ такъ называемомъ развитіи христіанской идеи, а напротивъ, осуждая его какъ рѣшительное уклоненіе отъ полноты и цѣльности церковнаго преданія, нельзя однако не признавать громадной исторической его силы, какъ просвѣтительнаго начала; но мы не погрѣшимъ противъ самаго строгаго безпристрастія, прибавивъ къ этому, что по самой природѣ протестантства сущность его недоступна людямъ безграмотнымъ, темнымъ, для которыхъ пора историческаго развитія не наступила. Сознательное къ нему сочувствіе можетъ зародиться только на умственной почвѣ, особеннымъ образомъ подготовленной и взрытой; оно предполагаетъ за собою много передуманнаго, перечувствованнаго и пережитого, даже непремѣнно много отвергнутаго, а за Латышами ничего подобнаго не было; было только много отнятаго у нихъ силою: личная свобода, земля, начатки своеобразнаго общественнаго быта и т. д. Отсутствіе точекъ прямого соприкосновенія между первобытными понятіями Латышей и духомъ новой вѣры, въ которую они были зачислены, могло бы, конечно, до нѣкоторой степени восполниться нравственнымъ вліяніемъ проповѣдниковъ этой вѣры, если бы между пастырями и пасомыми установилась прочная связь, основанная на взаимномъ довѣріи и сочувствіи; но ничего даже похожаго на это въ Лифляндіи не было. Мы уже знаемъ, каковы были отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ области экономической—по тому же самому типу сложились въ области церкви отношенія лютеранскаго духовенства къ прихожанамъ латышскаго происхожденія. Здѣсь, какъ и тамъ въ распредѣленіи мѣстнаго народонаселенія на приходы, преобладало начало крупной собственности — небольшое число и огромное протяженіе единицъ, представлявшее непреодолимое препятствіе матеріальнаго свойства тѣсному сближенію прихожанъ съ ихъ духовнымъ начальствомъ. Отчасти по этому, отчасти потому, что многіе пасторы, плохо зная по латышски и эстски, едва могли объясняться съ сво-

ими прихожанами [1]), образовался для ежедневныхъ между ними сношеній цѣлый классъ посредниковъ, такъ называемыхъ форминдеровъ (низшаго разряда церковныхъ служителей), совершенно соотвѣтствовавшихъ оффиціалистамъ вотчиннаго управленія: приказчикамъ, нарядчикамъ, смотрителямъ. Форминдеры употреблялись для передачи прихожанамъ приказаній духовнаго ихъ начальства и даже для исполненія требъ, особенно хлопотливыхъ и мало прибыльныхъ. Хозяйственное положеніе сельскаго духовенства разработано было до малѣйшихъ подробностей, и своею строго юридическою опредѣленностью свидѣтельствовало о томъ, что именно эта сторона отношенія пастырей къ пасомымъ составляла главный предметъ заботъ духовенства. Существовала цѣлая система обязательныхъ сборовъ и повинностей на удовлетвореніе его нуждъ — своего рода церковные вакенбухи. Сюда входили (кромѣ доходовъ болѣе или менѣе случайныхъ, какъ-то: платы и приношеній разнаго рода за требы, за экзамены, за конфирмацію и т. д.), во-первыхъ: особеннаго рода общественные сборы или оброки хлѣбомъ, припасами или деньгами (Persellen и Kühlmite); эти оброки раскладывались на прихожанъ, и за исправность взносовъ отвѣчало общество круговою порукою; во-вторыхъ, въ пользу пасторатовъ, не владѣвшихъ приписными къ нимъ населенными вотчинами, мірскія общества отбывали вспомогательную барщину поставкою опредѣленнаго числа работниковъ и сверхъ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ высылали на работу бобылей; вмѣсто этой повинности сельскіе промышленники, какъ-то: корчмари, мельники и дворовые люди, облагались въ пользу пасторовъ подушнымъ денежнымъ сборомъ; въ-третьихъ, многіе пастораты имѣли собственныя земли, на которыхъ водворены были крестьяне, нѣкогда крѣпостные, потомъ объявленные свободными; эти крестьяне арендовали дворы, отбывали поземельныя повинности и подлежали мѣрамъ взысканія на основаніи тѣхъ самыхъ правилъ, какими опредѣлялись отношенія

---

[1]) Императрица Екатерина II при учрежденіи семинаріи для образованія духовенства первая вмѣнила знаніе народнаго языка въ непремѣнную обязанность сельскимъ пасторамъ, но это условіе не строго соблюдалось.

помѣщиковъ-дворянъ къ водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ; въ четвертыхъ, при постройкѣ и ремонтѣ церковныхъ домовъ мірскія общества обязаны были подвозить строевой матеріалъ, отпускаемый помѣщикомъ, и сверхъ того ставить отъ себя солому, половину денегъ, потребныхъ на расходы по постройкамъ, и давать рабочихъ безъ вознагражденія (§§ VII, 518, 519). Мы не скажемъ ничего новаго, а только повторимъ фактъ общеизвѣстный и общепризнанный, прибавивъ къ этому, что за рѣдкими исключеніями пасторы усвоили себѣ и воззрѣніе помѣщиковъ на крестьянъ. Въ своихъ прихожанахъ латышскаго происхожденія духовенство видѣло не болѣе, какъ рабочую силу, причисленную къ протестантской церкви для обезпеченія матеріальныхъ ея нуждъ, и вѣрную оброчную статью, которая доставляла пасторамъ средства посвящать себя занятіямъ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ духовное воспитаніе Латышей, напримѣръ: устройству своихъ дѣтей, ученымъ трудамъ, музыкѣ, садоводству и т. п. Въ нѣкоторомъ смыслѣ личныя отношенія пасторовъ къ прихожанамъ были даже хуже отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Неограниченное на дѣлѣ господство помѣщиковъ надъ простонародьемъ основано было на фактѣ племенного превосходства и на правѣ полной поземельной собственности. Господство сельскаго духовенства надъ прихожанами изъ крестьянъ также подбито было сознаніемъ безконечнаго превосходства германской крови надъ латышскою; но къ этому сознанію примѣшивалось еще особенное чувство высокомѣрнаго пренебреженія человѣка образованнаго, хотя недостаточно, къ вовсе необразованному, чувство, изсушающее душу и убивающее въ ней всякую любовь къ меньшей братьѣ. На самомъ дѣлѣ средній уровень книжнаго образованія пасторовъ не превышалъ предѣла тѣхъ познаній и той начитанности, безъ которыхъ протестантское духовенство, по самому характеру своего служенія, не можетъ обойтись; но несмотря на его ограниченность, или точнѣе — вслѣдствіе его ограниченности, это скудное и самодовольное образованіе проводило между пастырями и пасомыми непроходимую черту. „Der Kirchenherr" (буквально: церковный баринъ) — такъ до сихъ поръ именуется пасторъ въ отличіе отъ другого барина—

помѣщика [1]). Наконецъ, въ довершеніе параллелизма, подобно тому какъ земская полиція строго наблюдала, чтобы крестьяне не переступали самовольно административныхъ границъ прихода и губерніи, такъ точно та же земская полиція смотрѣла и за тѣмъ, чтобы крестьяне не отступали въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ отъ догматовъ аугсбургскаго исповѣданія, въ которомъ заключены были ихъ совѣсти. Ей, то есть полиціи, ввѣрено было и охраненіе протестантскаго правовѣрія. Я знаю, что это покажется большинству читателей невѣроятною клеветою. Можно ли въ самомъ дѣлѣ заподозрѣть Лифляндію въ посягательствѣ на свободу совѣсти, когда ея сыны въ заграничныхъ своихъ изданіяхъ такъ громко распинаются именно за эту свободу и во имя ея взываютъ противъ насъ Русскихъ къ общественному мнѣнію Европы и Америки? На этотъ вопросъ я отвѣчу простою справкою. Вмѣстѣ съ Положеніемъ 1819 года вышелъ полицейскій уставъ для лифляндскихъ крестьянъ, сочиненный такъ же, какъ и это Положеніе, не въ Петербургѣ, а въ Ригѣ, и содержащій, въ себѣ слѣдующія двѣ статьи: „Начинающій въ публичныхъ мѣстахъ споры о вѣрѣ подвергается строгому выговору, а буде оный не подѣйствуетъ, то и полицейскому наказанію (§ 541). Буде кто затѣетъ новую секту и по увѣщанію полиціи не оставитъ вреднаго своего намѣренія, то таковой берется подъ стражу и отсылается въ орднунгсъ-герихтъ (земскій судъ) своего округа для принятія въ разсужденіи его дальнѣйшихъ мѣръ (§ 543)“. Приведенныя статьи (которыхъ, конечно, никогда не цитуетъ ни г. фонъ-Боккъ, ни его многочисленные подражатели) замѣчательны, какъ образчики протестантской послѣдовательности въ примѣненіи свободы изслѣдованія и свободы совѣсти, то есть именно того начала, которому протестантство обязано своимъ бытіемъ. Мы еще будемъ имѣть случай

---

1) Г. Эккгардъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній на Окраины Россіи увѣряетъ, будто бы перешедшіе въ православіе Латыши пренебрегали своими священниками между прочимъ потому, что послѣдніе не имѣли барскихъ маперъ, (dieser Geistliche, der nicht einmal die Manieren eines „Herrn“ hatte стр. 209). Почтенный, авторъ кажется, и не подозрѣваетъ, что священнику отнюдь и не подобаетъ смотрѣть бариномъ.

вернуться къ нимъ впослѣдствіи, а теперь указываемъ на нихъ, какъ на предупредительныя мѣры, придуманныя и внесенныя въ законъ въ виду какихъ-то опасеній за будущность.

Что прописанныя статьи устава 1819 года были продиктованы лифляндскимъ дворянствомъ, которому онѣ были внушены тамошнимъ духовенствомъ,—въ этомъ никто сколько-нибудь знакомый съ обыкновеннымъ способомъ составленія законовъ для Остзейскаго края, конечно, не усомнится; съ одинаковою увѣренностью можно въ настоящемъ случаѣ опредѣлить и тѣ побужденія, которыми при этомъ руководились мѣстные дѣльцы. Пасторовъ въ то время сильно тревожили успѣхи гернгутерства въ лифляндскихъ деревняхъ, и дальновиднѣйшіе изъ нихъ, готовясь къ неминуемой съ нимъ борьбѣ, благоразумно припасали себѣ надежныхъ союзниковъ въ лицѣ агентовъ земской полиціи. Изъ Записокъ православнаго Латыша читателямъ уже извѣстно, что стремленіе къ православію зародилось въ массѣ народонаселенія, предварительно подготовленной гернгутерствомъ, и потому необходимо теперь же сказать нѣсколько словъ о малоизвѣстномъ у насъ мѣстномъ значеніи этой секты въ Лифляндіи.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка въ средѣ германскаго протестантства господствовало направленіе популярно-раціоналистическое, подъ вліяніемъ котораго церковь постепенно превращалась въ школу, а вѣроисповѣданіе въ философскую систему. Озабоченные пріисканіемъ для догматовъ вѣры научной подбивки, богословы того времени довольно безцеремонно обрубали ихъ, прилаживая Христово ученіе къ тогдашнимъ понятіямъ; съ тѣмъ вмѣстѣ въ нравственно распущенномъ обществѣ какъ будто испарялась дѣйственная сила христіанства. Въ противодѣйствіе школѣ и общественному настроенію изъ болѣе или менѣе отчетливаго, но въ основѣ своей все-таки вѣрнаго ощущенія мертвенности научныхъ формулъ и внутренняго безначалія въ жизни возникли въ Германіи секты, извѣстныя подъ названіемъ піетизма и гернгутерства.

Обѣ имѣли свой корень не въ догматикѣ, а въ области религіознаго чувства — это было ихъ общее свойство, которымъ онѣ рѣзко отличались отъ древнихъ ересей. Но въ

дальнѣйшемъ развитіи піетизмъ расплылся въ поэтическихъ мечтахъ, тогда какъ гернгутерство удержалось и до сихъ поръ держится на болѣе практической почвѣ личнаго и общественнаго воспитанія въ духѣ христіанскаго благочестія. Вѣрные своему происхожденію отъ общепротестантскаго корня гернгутеры, такъ же какъ и Лютеръ, убѣждены въ коренномъ поврежденіи религіознаго идеала, завѣщаннаго церкви ея божественнымъ основателемъ, и въ необходимости возстановить его въ первобытной его чистотѣ. По ихъ мнѣнію, церкви, въ истинномъ значеніи этого слова, теперь уже нѣтъ, а учрежденіе, называющее себя этимъ именемъ, есть только пародія церкви, или во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ преддверіе къ ней, нѣчто въ родѣ церкви ветхозавѣтной.

Это однако не значитъ, чтобъ человѣчество окончательно погибло. Истинные сыны Божіи, жаждущіе благодатнаго возрожденія, никогда не переводились; они существуютъ и теперь — это члены пока еще разрозненной будущей церкви. Имъ нужно только опознаться, образовать изъ себя духовное братство, сливъ воедино свои дары и стремленія; тогда осѣнитъ ихъ неоскудѣвающая благодать, самъ Христосъ заключитъ съ ними тѣсный союзъ, и такимъ образомъ изъ малаго на первое время стада составится со временемъ истинная Христова церковь. Въ сущности, гернгутеры берутся сызнова за ту практическую задачу, которой, по ихъ мнѣнію, не смогли разрѣшить апостолы съ ихъ преемниками. Въ процессѣ постепеннаго строенія истинной церкви гернгутеры допускаютъ два момента, которымъ соотвѣтствуютъ двѣ формы общежитія: подготовительная; или такъ называемая община (Societät) и окончательная: братство (Bruderschaft).

Въ общину принимаются послѣдователи всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій: лютеранскаго, реформатскаго и другихъ, при чемъ отъ нихъ даже не требуется, чтобъ они отдѣлились отъ своихъ единовѣрцевъ. Напротивъ, имъ вмѣняется въ обязанность исправно посѣщать свою церковь, исполнять ея предписанія и оказывать ея пастырямъ глубочайшее уваженіе; затѣмъ, какъ члены общины, заключившей спеціальный союзъ съ Христомъ, они должны также присутствовать на ея собраніяхъ, участвовать на ея

духовныхъ упражненіяхъ и подчиняться безусловно руководству ея наставниковъ, которымъ ввѣряется попеченіе о ихъ душахъ. Въ этомъ смыслѣ образованіе общины не есть еще расколъ, по крайней мѣрѣ не влечетъ за собою раскола проявленнаго; но это конечно новая, своего рода небольшая церковь, выростающая въ организмѣ мѣстной церкви и питающаяся ея соками: ecclesiola in ecclesia. Можно сказать, что въ силу подразумѣваемой сдѣлки, въ которую охотно вступаютъ гернгутеры съ мѣстнымъ духовенствомъ, они на первыхъ порахъ оставляютъ господствующей церкви плоть, а себѣ берутъ душу своихъ послѣдователей. Въ отличіе отъ общинъ братства составляютъ уже частицы вполнѣ самостоятельной церкви, имѣющія свою особенную іерархію и не признающія надъ собою никакой иной духовной власти. Члены каждой общины независимо отъ подготовляемыхъ къ вступленію въ духовный союзъ (оглашаемыхъ) подраздѣляются на разряды или степени, соотвѣтствующія мѣрѣ полученной благодати. Община управляется старшиною, который назначается изъ среды ея членовъ, но не по выбору, а по жребію, которому гернгутеры придаютъ значеніе божественнаго указанія. Подготовленіе оглашаемыхъ и забота о духовномъ совершенствованіи членовъ поручается наставникамъ, изъ коихъ каждый имѣетъ на своемъ попеченіи отъ 5-ти до 6-ти душъ; надъ нѣсколькими таковыми общинами, отъ 12-ти до 20-ти, ставится тѣмъ же порядкомъ, то есть по жребію—діаконъ, обязанный руководить старшинъ и наставниковъ. Діаконы въ свою очередь подчиняются мѣстному пресвитеру, а пресвитеры центральному управленію всей ассоціаціи въ Гернгутѣ. За исключеніемъ старшинъ, наставниковъ и чтецовъ всѣ прочіе начальники (діаконы, пресвитеры и т. д.) назначаются непремѣнно изъ числа братьевъ и образуютъ какъ бы звенья той непрерывной цѣпи, которою общины связуются съ братствами.

Въ Остзейскомъ краѣ всѣ низшія должности (наставниковъ, старшинъ, уставщиковъ и т. д.) замѣщались всегда изъ туземцевъ, т. е. изъ Латышей и Эстовъ; а діаконы и пресвитеры присылались изъ-за границы. Народъ считалъ ихъ пророками и святыми.

Собственно братствъ, какъ совершенно самостоятельныхъ религіозныхъ обществъ, въ Остзейскомъ краѣ, говорятъ, никогда не было; были и существуютъ только общины подъ руководствомъ братчиковъ, такъ называемыхъ diaspora-Arbeiter (трудящихся въ разсѣяніи) [1]).

Какъ всѣ сектанты, въ разныя времена мечтавшіе о возстановленіи будто бы исчезнувшей съ лица земли апостольской церкви, гернгутеры рабски подражаютъ своему идеалу, воспроизводя въ своемъ кругу преимущественно тѣ случайныя формы общежитія, которыя въ частномъ и общественномъ быту апостоловъ обусловливались тогдашнею историческою обстановкою горсти христіанъ, затопленныхъ іудействомъ и язычествомъ. У нихъ бываютъ разнаго рода собранія, такъ называемые часы (Stunden), частью открытыя для всѣхъ, частью болѣе тѣсныя, доступныя однимъ избраннымъ; эти собранія посвящаются чтенію, молитвѣ, пѣнью, назидательнымъ бесѣдамъ, обсужденію разныхъ предметовъ, касающихся нуждъ и пользъ отдѣльныхъ лицъ или всего общества, принятію новыхъ членовъ, исключенію недостойныхъ, нравственному исправленію сомнѣвающихся или падающихъ, даже совершенію таинствъ: крещенія, пріобщенія и полугласной исповѣди съ омовеніемъ ногъ. Къ вопросамъ собственно догматическаго свойства гернгутеры вообще относятся безразлично; они принимаютъ безоговорочно аугсбургскій символъ, но мирятся и съ ученіемъ реформатовъ, избѣгая вообще всякой полемики и заимствуя отъ догматики только то, что можетъ быть предметомъ внутренняго ощущенія и дѣйствовать на чувство.

Можно сказать, что у нихъ нѣтъ собственнаго своего символа; но есть, во-первыхъ, въ своемъ родѣ образцовая, строго выработанная общественная организація, во-вторыхъ, подробно формулированная система внутренняго воспитанія и руководства къ спасенію (разумѣется, какъ они его понимаютъ), свидѣтельствующая о глубокомъ разумѣніи высшихъ потребностей души человѣческой. Въ этомъ собственно заключается ихъ спеціальность и ихъ сила. Прежде всего они

---

1) Сарептскіе же гернгутеры организованы въ братство.

стараются пробудить въ каждомъ лицѣ, кажущемся имъ достаточно воспріимчивымъ, вниманіе къ самому себѣ, потомъ сознаніе своей грѣховности и живую потребность благодатнаго обновленія; затѣмъ они раскрываютъ передъ нимъ тайну искупительной жертвы и непрестаннымъ устремленіемъ всѣхъ его помысловъ къ страстямъ Христовымъ (это основная тема ихъ пѣсенъ, проповѣдей и бесѣдъ) приводятъ его въ состояніе напряженнаго умиленія, которое тщательно въ немъ поддерживается. При этомъ ему даютъ чувствовать, что только черезъ посредство общества, состоящаго будто бы въ какомъ то особенномъ, таинственномъ союзѣ съ Искупителемъ, и можетъ личность, жаждущая спасенія, воспользоваться заслугами Христа и, такъ сказать, пріобщиться къ нимъ. Такимъ образомъ въ понятіяхъ подготовляемаго вступленіе въ общество мало по малу отождествляется съ завершеніемъ внутренняго оправданія; наконецъ, по принятіи въ общество передъ новымъ членомъ открывается дальнѣйшій путь духовнаго совершенствованія въ той же средѣ и подъ руководствомъ тѣхъ же наставниковъ, которые могутъ возводить его съ низшихъ степеней на высшія.

Латышей и Эстовъ, не имѣвшихъ почти никакого понятія о догматическомъ ученіи вѣроисповѣданія, въ которое они были зачислены и въ то же время не находившихъ въ скудныхъ и сухихъ обрядахъ своей церкви ничего такого, къ чему бы они могли привязаться хотя бы силою привычки, весь этотъ процессъ съ его привлекательною таинственностью и съ множествомъ духовныхъ упражненій, искусно разсчитанныхъ на возбужденіе нервной системы, естественно долженъ былъ поразить, какъ совершенно новое откровеніе свыше. Чтобъ отдаться всею душею нежданнымъ проповѣдникамъ доброй вѣсти, имъ даже не отъ чего было отрекаться; въ душѣ ихъ было пустое мѣсто, и гернгутеры заняли его безъ боя. Этимъ въ особенности (не безъ участія, конечно, и другихъ причинъ, о которыхъ будетъ говорено ниже) объясняется изумительная быстрота распространенія и несомнѣнно благотворное вліяніе гернгутерства на массу простого народа въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ.

Оно проникло туда около 1730 года и притомъ не слу-

чайно, а благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ пасторовъ. Одни изъ нихъ (особенно воспитанники галльскаго университета) сами сочувствовали гернгутерству; другіе, сознавая свою немощь, надѣялись найти въ братчикахъ послушныхъ себѣ помощниковъ, а третьи радовались представлявшейся возможности, оставя на свою долю почетъ, доходы и покойную жизнь, возложить на другихъ скучныя заботы о душахъ своихъ прихожанъ. Въ высшемъ дворянствѣ (особенно между женщинами) новое ученіе нашло также восторженное сочувствіе и дѣятельное покровительство. Первые прибывшіе изъ-за границы братчики, осмотрѣвшись въ новой для нихъ средѣ, тотчасъ же вошли въ сношеніе съ простонародіемъ и съ свойственнымъ имъ искусствомъ умѣли затронуть въ немъ самыя чувствительныя струны. Крестьяне были польщены и тронуты необычно ласковымъ съ ними обращеніемъ ихъ новыхъ наставниковъ и, какъ кажется, не только не пожалѣли о совершенномъ отсутствіи всякаго барства въ ихъ манерахъ, а скорѣе вмѣнили имъ это въ заслугу. Въ немногихъ, наскоро выстроенныхъ молитвенныхъ домахъ, открылись собранія, такъ называемые часы. Сперва крестьяне посѣщали ихъ изъ одного любопытства, потомъ, и очень скоро, они имъ полюбились. Тутъ, на этихъ сходкахъ, Латыши и Эсты, забитые въ тиски крѣпостного права, запуганные и обреченные на безмолвіе и невѣжество [1]), наконецъ вздохнули свободно. Они увидали себя въ первый разъ собранными вмѣстѣ, въ кругу своихъ, для обмѣна мыслей и жалобъ, для безбоязненнаго обнаруженія своихъ духовныхъ потребностей и мірскихъ заботъ, для непосредственнаго, живого участія въ доступныхъ всѣмъ молитвенныхъ упражненіяхъ. Смѣло можно сказать, что гернгутеры развязали языки крестьянамъ, и что въ молитвенныхъ домахъ, а не въ дворянскихъ и не въ церковныхъ школахъ, воспріяло свое начало мѣстное народное образованіе. По иниціативѣ

---

[1]) При открытіи дерптскаго университета шведскій генералъ-губернаторъ Скитте заявлялъ съ негодованіемъ, что крестьянамъ запрещалось чему-либо учиться, дабы легче было держать въ крѣпостной зависимости не только плоть, но и духъ простого народа.

неутомимаго организатора гернгутерской церкви графа Цинцендорфа, въ 1736 году лично посѣтившаго новонасажденную свою паству, открыта была въ Лифляндіи семинарія на 130 Латышей для подготовленія учителей изъ туземцевъ [1]). Все это заводилось не то что бы тайно, но и не гласно, съ вѣдома мѣстнаго духовенства отчасти даже съ его одобренія, но безъ утвержденія и вѣдома правительства. Понятно однако, что быстрые успѣхи гернгутеровъ не могли не возбудить подозрѣній. Дальновиднѣйшіе изъ пасторовъ, внутренно сознавая свое безсиліе выдержать соперничество братчиковъ, догадались, что рано или поздно послѣдніе отобьютъ у нихъ вмѣстѣ съ ихъ паствою и ихъ кормленіе; съ другой стороны, помѣщики стали замѣчать, что народъ какъ будто балуется, то есть смотритъ бодрѣе, и отвлекается отъ дѣла, то есть отъ барщины; наконецъ, тѣмъ и другимъ не нравился демократическій характеръ общинъ. Лифляндскій генералъ-суперинтендентъ Фишеръ обратился въ оберъ-консисторію съ предложеніемъ нарядить формальное слѣдствіе надъ гернгутерами, самовольно вторгшимися въ подвѣдомственную ей одной область церковнаго ученія и тѣмъ посягнувшими на исключительныя права ей присвоенныя, какъ господствующей мѣстной церкви. Но еще прежде чѣмъ слѣдствіе было окончено, послѣдовалъ ударъ изъ Петербурга, конечно, подготовленный тамошними вліятельными дворянами Остзейскаго происхожденія. Не разобравъ точно, въ чемъ было дѣло, Императрица Елисавета Петровна строгимъ указомъ 16 апрѣля 1743 года, повелѣла „предводительницу новой секты графиню Цинцендорфъ [2]) и всѣхъ прибывшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ помощниковъ учтивымъ образомъ заарестовать и отправить въ Петербургъ за карауломъ, съ до-

---

[1]) По недостатку туземцевъ, способныхъ быть пасторами, сельское духовенство въ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ состояло почти исключительно изъ Шведовъ, а при русскомъ владычествѣ долго восполнялось выходцами изъ Германіи, не знавшими мѣстныхъ языковъ.

[2]) Она передъ этимъ пріѣзжала въ Ригу и пробиралась въ Петербургъ, кажется, съ цѣлью отвратить ударъ; но ничего не могла сдѣлать и во время до арестованія ея сама выѣхала изъ Россіи. Мужъ ея, напрасно пытавшійся добиться объясненія, былъ высланъ за границу.

вольнымъ конвоемъ; книги, бумаги и письма ихъ отобрать и доставить туда же; всѣ молитвенные дома запереть, собранія прекратить, всѣмъ Лифляндцамъ, впавшимъ въ развращенное ученіе эрнъ-гутеровъ [1]) сіе запретить; за тѣмъ послѣ всего этого донести о результатѣ наряженнаго на мѣстахъ изслѣдованія и о томъ: что̀ именно содержитъ оное эрнъ-гутеровъ ученіе, какое онаго употребленіе въ самомъ дѣлѣ, явное или тайное?" [2]) Всѣ эти строгости мотивированы были тѣмъ, что въ числѣ послѣдователей новой секты оказывалось множество крестьянъ, которые „тѣмъ развращеннымъ ученіемъ будто бы приводились въ непослушаніе помѣщикамъ и подъ предлогомъ молитвы должныя свои работы покидали". Этотъ послѣдній аргументъ яснѣе всякой подписи свидѣтельствуетъ о томъ, кто въ этомъ случаѣ подстрекалъ и возбуждалъ правительство. Лифляндское духовенство, позабывъ на сей разъ о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости (къ которой однако громко взывали изъ-за границы и въ самой Лифляндіи друзья гернгутеровъ), вдвойнѣ обрадовалось указу; кѣмъ бы онъ ни былъ подсказанъ, отвѣтственность за него все-таки ложилась всецѣло на русское правительство, а между тѣмъ онъ приходился пасторамъ какъ нельзя болѣе по душѣ. Въ развитіе его ревностная исполнительница Высочайшей воли—мѣстная консисторія, живо взялась за дѣло и потребовала: чтобъ всѣ иностранцы, члены заграничныхъ братствъ, были удалены изъ края; чтобъ мѣстнымъ обывателямъ запрещено было имѣть съ ними письменныя сношенія; чтобъ всѣ ихъ изданія, неодобренныя мѣстною цензурою, были изъяты изъ обращенія; чтобъ равномѣрно запрещены были закрытыя а потомъ и всякія гернгутерскія собранія; чтобъ молитвенные дома были разломаны или отобраны на другое употребленіе; чтобъ денежныя кассы были отняты у обществъ и переданы пріютамъ для бѣдныхъ и т. д. Обсуждая эти распоряженія, г. Гарнакъ, новѣйшій изслѣдователь лифляндскаго гернгутерства, находитъ, что тамошнее церковное начальство, испол-

[1]) Такъ они названы въ указѣ.

[2]) Русскій Архивъ Бартенева 1868. № 9.

няя обязательныя для него предписанія высшаго правительства, обнаружило въ этомъ случаѣ твердость,, мудрость и кротость (milde Haltung)[1]). Это значитъ, что пасторы, оказывавшіе поблажку гернгутерамъ, остались на своихъ мѣстахъ; но только ихъ и пощадили. За то на заграничныхъ братчиковъ и на крестьянъ обрушилось гоненіе; начались аресты допросы, ссылки, и новое ученіе озарилось сіяніемъ мученическаго вѣнца. Подрѣзанный корешокъ однако уцѣлѣлъ и пустилъ новые отпрыски. Собранія все-таки продолжались, но въ тайнѣ; люди сходились по ночамъ, въ лѣсахъ, и поддерживали другъ въ другѣ бодрость надеждою на лучшія времена. Времена эти вскорѣ наступили. Въ началѣ царствованія Екатерины II въ связи съ цѣлымъ рядомъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью привлечь иностранцевъ къ водворенію въ Россіи, по просьбѣ заграничной генеральной дирекціи общества братства евангелическаго, августинскаго исповѣданія (такъ названы гернгутеры въ указѣ 25 февраля 1764 года), поручено было Синоду разсмотрѣть ученіе и правила ихъ. церкви.

Оказалось, „что ученіе сего общества съ лютеранскимъ, а паче съ реформатскимъ сходствуетъ, съ малою токмо отмѣною,„а потому Императрица сняла запретъ, наложенный на гернгутеровъ въ 1743 году, разрѣшила имъ водвореніе въ Россіи съ правомъ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и отправлять свое богослуженіе на общемъ основаніи изданнаго прежде манифеста, слѣдовательно — все таки подъ условіемъ не привлекать въ свою вѣру христіанъ другихъ исповѣданій [2]).

Впослѣдствіи, въ царствованіе Императора Александра I, подъ вліяніемъ господствовавшаго либеральнаго мистицизма и это законное ограниченіе было почти упразднено. Члены евангелическаго братскаго общества въ Остзейскихъ губерніяхъ (слѣдовательно братчики въ тѣсномъ смыслѣ, въ отличіе отъ членовъ мѣстныхъ общинъ) испросили себѣ въ 1817 году [3]) жалованную грамоту, преисполненную всякихъ имъ похвалъ

---

[1]) Стр. 93. — [2]) Пол. Собр. Зак. XVI № 11880 и 12057. — [3]) Полн. Собр. Зак. XXXIV, № 27113.

(между прочимъ за успѣшное наставленіе словомъ и примѣромъ наипаче поселянъ), которою были имъ дарованы слѣдующія важныя права: „Устраивать, учреждать и содержать подъ своимъ присмотромъ, какъ то и доселѣ было, для духовной пользы и назиданія Латышей, Эстовъ и другихъ желающихъ молитвенные дома или собранія по городамъ, селеніямъ и деревнямъ съ согласія владѣльца земли и съ вѣдома начальства городского безъ всякаго впрочемъ въ томъ препятствія. Въ оныхъ молитвенныхъ домахъ или собраніяхъ могутъ свободно сходиться всѣ желающіе по прежнему донынѣ заведенію, кромѣ часовъ для обыкновеннаго по церквамъ богослуженія назначенныхъ и во время свободное отъ работъ. Симъ молитвеннымъ, назидательнымъ, для чтенія слова Божія, моленія и приличныхъ наученій учреждаемымъ, состоять подъ руководстоиъ и управленіемъ старшихъ и членовъ братскаго евангелическаго общества" (п. 2). Далѣе: „Поелику на принадлежащихъ обществу сему участкахъ земли находятся нынѣ заведенія для воспитанія и обученія дѣтей обоего пола, то оныя не только могутъ по прежнему быть продолжаемы, но по усмотрѣнію старшинъ общества учреждаемы и вновь таковыя. Заведеніямъ симъ состоять подъ непосредственнымъ и единственнымъ руководствомъ и надзоромъ упомянутыхъ старшинъ; но впрочемъ, духовному и свѣтскому начальству, до кого то касается, во всякое время не возбраняется оныя заведенія видѣть и имѣть о нихъ свѣдѣнія" (4).

Какъ видно изъ этихъ выписокъ, гернгутеры получили наконецъ право бытія на законномъ основаніи, даже правительственное поощреніе на продолженіе своей миссіонерской дѣятельности въ средѣ мѣстной лютеранской церкви, не ограничиваясь тѣсными предѣлами своего замкнутаго братства. Съ этой минуты они развернулись на свободѣ, не имѣя болѣе причинъ скрывать свои успѣхи. Остается указать на плоды ихъ неутомимой дѣятельности. Я сдѣлаю это исключительно на основаніи оффиціальныхъ свидѣтельствъ противной стороны, то есть членовъ мѣстной лютеранской церкви.

Покуда эта церковь „погружена была въ мертвый

сонъ", братчики оживили въ народѣ религіозный смыслъ и благочестіе. Къ нимъ пристала лучшая часть поселянъ, самые богатые и способные, сравнительно съ другими наиболѣе развитые и нравственные, въ томъ числѣ большинство должностныхъ крестьянъ, какъ-то: судей, нарядчиковъ, смотрителей, учителей и церковныхъ старость. Это отпаденіе лучшихъ болѣе всего оскорбляло самолюбіе пасторовъ. Благодаря составу общинъ, онѣ получили въ Лифляндіи исключительно мѣстный характеръ, вовсе имъ чуждый въ другихъ земляхъ, именно характеръ національнаго, полурелигіознаго, полусоціальнаго учрежденія, къ которому народъ привязался всею душою, признавая его вполнѣ своимъ—характеръ, котораго не имѣло и не имѣетъ оффиціально господствующее лютеранство. Иными словами: въ средѣ провинціальной церкви образовалась въ первый разъ дѣйствительно народная церковь, и чѣмъ быстрѣе росла и крѣпла послѣдняя, тѣмъ ощутительнѣе падала и разлагалась первая. Сплетенная гернгутерскими діаконами сѣть соціально-религіозныхъ учрежденій раскинулась по всей Лифляндіи; около 1819 года насчитывалось до 144 общинъ и болѣе 30 тысячъ членовъ, въ томъ числѣ начальствующихъ: Нѣмцевъ, прибывшихъ изъ-за-границы, 44, а туземцевъ 1000; впослѣдствіи число общинъ возросло до 250, а число членовъ до 50 тысячъ. Лютеранской церкви угрожала видимая опасность опустѣть въ конецъ и превратиться въ ненужный сосудъ, лишенный всякаго содержанія. Правда, гернгутеры не напрашивались на явный съ нею разрывъ и оказывали ея служителямъ наружное уваженіе, но это происходило отъ полнаго къ нимъ пренебреженія. Гернгутеры отбили у церкви ея народъ и отняли у народа его церковь. Не только въ кругу общинъ, но и въ массѣ сельскаго народонаселенія, не вошедшей въ ихъ составъ, укоренилось убѣжденіе, что общины стоятъ безконечно выше церкви, что церковь многаго не имѣетъ, что между прочимъ ей не достаетъ благодати, которой она потому не можетъ и передавать своимъ членамъ, что служители ея не болѣе, какъ своего рода чиновники, и что вообще духовное просвѣщеніе

и заботы о душахъ вовсе не ихъ дѣло [1]). Едва ли когда-нибудь доводилось какой-либо церкви приносить болѣе полное сознаніе въ своей немощи.

Понятно, что въ такомъ положеніи простое чувство самосохраненія должно было наконецъ вызвать лютеранское духовенство на рѣшительную борьбу. Вникнувъ въ свое незавидное положеніе, оно прежде всего нашло нужнымъ подкрѣпить себя полицейскими средствами, испросивъ ихъ у правительства, разумѣется, до поры до времени не обнаруживая своихъ намѣреній. Въ этомъ помогъ ему особенно князь Ливенъ, бывшій попечитель дерптскаго университета, впослѣдствіи президентъ генеральной консисторіи и министръ народнаго просвѣщенія. Прежде всего нужно было подготовить законное основаніе для начатія дѣйствій противъ гернгутеровъ. Самый благопріятный къ тому поводъ представился самъ собою при составленіи новаго устава лютеранской церкви въ Россіи и наказа лютеранскому духовенсгву. Умные люди ухитрились включить вь уставъ статью слѣдующаго содержанія: „Частныя молитвенныя собранія, выходящія изъ предѣловъ семейственнаго или домашняго общаго моленія, дозволяются не иначе, какъ съ разрѣшенія консисторіи и съ вѣдома мѣстнаго гражданскаго начальства. При семъ должны быть наблюдаемы слѣдующія правила: 1) чтобъ въ сихъ собраніяхъ никто не имѣлъ права проповѣды-

---

[1]) Все это извлечено изъ книги доктора Гарнака: Die lutheriche Kirche Livlands und die hernhuterische Brüdergemeinde etc. Erlangen 1860. Авторъ долго жилъ въ Лифляндіи, занималъ довольно видное мѣсто въ тамошней іерархіи, принималъ живое участіе въ ея борьбѣ съ гернгутерами, принадлежалъ къ числу самыхъ строгихъ и послѣдовательныхъ ихъ противниковъ, наконецъ, написалъ свою книгу по порученію особой коммиссіи, учрежденной лифляндскимъ провинціальнымъ синодомъ въ 1852 году и слѣдовательно пользовался всѣми мѣстными матеріалами. Надобно прибавить, что сужденія автора о гернгутерствѣ, какъ ученіи, свидѣтельствуютъ о глубокомъ пониманіи сущности христіанства и что, сравнительно съ другими изданіями балтійскаго происхожденія, трудъ его отличается рѣдкою добросовѣстностью въ изложеніи фактовъ. Видно искреннее желаніе быть безпристрастнымъ, выдержанное настолько, насколько это вообще возможно въ сочиненіи, издаваемомъ съ цѣлью явно полемическою и въ защиту дѣла далеко не безусловно праваго. Авторъ успѣлъ даже уберечься отъ бранчивыхъ выходокъ противъ Россіи и православія.

вать (freie Vorträge zu halten [1]) или совершать святыя таинства, и чтобы всѣ дѣйствія оныхъ ограничивались чтеніемъ Св. Писанія безъ всякихъ толкованій, или же одобренныхъ консисторіями разсужденій духовнаго содержанія, равномѣрно безъ всякихъ прибавленій и толкованій, и пѣньемъ духовныхъ пѣсней или произнесеніемъ молитвъ, также разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ консисторіями; 2) чтобъ сіи собранія назначались не во время общественнаго богослуженія и ни въ какомъ случаѣ не могли сдѣлаться поводомъ къ предосудительнымъ въ христіанскомъ обществѣ расколамъ или къ какому-либо нарушенію церковнаго или же гражданскаго порядка (§ 17)". Въ наказѣ [2]) эти статьи были развиты слѣдующимъ образомъ: право дозволять частныя духовныя собранія, выходящія изъ предѣловъ обыкновеннаго домашняго богослуженія, принадлежитъ лишь мѣстнымъ консисторіямъ. Консисторіи дозволяютъ учрежденіе духовныхъ собраній только такимъ людямъ, которые пользуются въ приходахъ общимъ уваженіемъ, не были замѣчены ни въ какихъ противозаконныхъ или навлекающихъ стыдъ и безчестіе дѣлахъ, состоятъ въ россійскомъ подданствѣ и суть постоянные жители того мѣста, гдѣ они намѣрены имѣть собранія (§ 23). — Приходскіе проповѣдники, если не они сами руководствуютъ сіи собранія, должны по крайней мѣрѣ какъ можно чаще посѣщать оныя для надзора за всѣмъ въ нихъ происходящимъ. Если они откроютъ въ сихъ собраніяхъ какія-либо злоупотребленія или безпорядки, то должны стараться немедленно прекратить оныя, сначала посредствомъ увѣщаній, а потомъ увѣдомляя мѣстную консисторію, которая, удостовѣрясь въ истинѣ донесенія, запрещаетъ собраніе и объявляетъ о причинахъ сего участвующимъ въ ономъ чрезъ приходскаго проповѣдника. Если же вопреки запрещенію консисторіи собранія будутъ продолжаться, то она обращается къ мѣстному начальству, требуя

---

[1]) То есть говорить отъ себя, не ограничиваясь чтеніемъ напечатаннаго съ разрѣшенія цензуры.

[2]) Полн. Собр. Зак. VII, №№ 5870 и 5871.

прекращенія оныхъ и наказанія неповинующихся ея предписаніямъ (§ 24).

Прописанныя статьи, какъ видно, изложены были въ самой общей формѣ; дѣльцы, редактировавшіе ихъ, благоразумно воздержались отъ прямого указанія на гернгутеровъ и, конечно, не вывели на справку выданной имъ въ 1819 году жалованной грамоты, а высшее правительство, вѣроятно, объ ней не вспомнило. Но такъ какъ уставъ подрѣзывалъ въ корнѣ права, дарованныя братству, и шелъ въ разрѣзъ съ грамотою, то между этими двумя выраженіями Высочайшей воли должно было произойти на практикѣ неминуемое столкновеніе. Этого-то именно и желало лютеранское духовенство, разсчитывая, что во всѣхъ частныхъ пререканіяхъ, какъ только дѣло дойдетъ до дополнительныхъ разъясненій и разрѣшеній, оно при содѣйствіи своихъ петербургскихъ патроновъ непремѣнно одолѣетъ своихъ темныхъ противниковъ. Такъ и случилось. Еще до изданія устава Лифляндская консисторія исходатайствовала у генералъ-губернатора рядъ административныхъ распоряженій, въ силу которыхъ отнесены были къ числу безпорядковъ и злоупотребленій: обычай гернгутерскихъ проповѣдниковъ объѣзжать приходы, привлеченіе въ общины крестьянъ и назначеніе въ должности наставниковъ при общинахъ необразованныхъ туземцевъ (то есть Латышей и Эстовъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ потребованъ былъ списокъ всѣхъ молитвенныхъ домовъ и предписано было, чтобъ новые молитвенные дома не открывались безъ разрѣшенія генералъ-губернатора; изъ числа существовавшихъ закрыто было въ это время и въ послѣдующее болѣе двухсотъ (по счету гернгутеровъ). Наконецъ, Высочайшими повелѣніями 14 апрѣля 1834 и 24 марта 1839 годовъ всѣ правила устава формально примѣнены были къ молитвеннымъ

---

[1]) Вспомнимъ, что всѣ гернгутерскія общины въ Лифляндіи находились въ непосредственномъ завѣдываніи старшинъ, избранныхъ изъ Латышей и Эстовъ, а старшины подчинялись діаконамъ. Теперь старшины признаны были неспособными къ этому дѣлу по недостатку образованія, а діаконы, какъ не русскіе подданные, временно проживавшіе въ Лифляндіи, устранялись силою новаго устава. Такимъ образомъ общины были обезглавлены. Ловко!

домамъ гернгутеровъ и вообще запрещено было протестантамъ вступать въ общины [1]).

Само собою разумѣется,что гернгутеры не безмолвствовали, а шагъ за шагомъ отстаивали свои права или свои притязанія. Между привилегированною, оффиціально господствующею церковью и церковью народною завязалась продолжительная тяжба, въ которой обѣ стороны перекидывались всевозможными доводами, ссылками, взаимными попреками и обвиненіями. — „Вы не составляете отдѣльной церкви, вы лютеране, и потому должны безусловно покоряться мѣстному церковному правительству"—говорили пасторы и оберъ-пасторы, обращаясь къ гернгутерамъ. — „Если мы лютеране (чего мы и не отрицаемъ)" отвѣчали гернгутеры, „то не отнимайте у насъ того права, которому протестантство обязано своимъ бытіемъ, свободы вѣроисповѣданія и свободы слова".— „Да какіе вы лютеране!" возражала на это консисторія, „вы ставите аугсбургскій символъ ни во что, вы ввели у себя небывалыя таинства; исповѣдь, жеребій, омовеніе ногъ, у васъ свои праздники, которыхъ мы не знаемъ, своя іерархія, свое ученіе, свои богослужебныя книги".—„Пусть такъ, но если вы насъ отвергаете и не считаете насъ своими, то вамъ до насъ нѣтъ и дѣла, и мы можемъ надѣяться, что вы оставите насъ въ покоѣ".—„Нѣтъ! мы мѣстная господствующая церковь (herrschende Landeskirche) и вы не смѣете заводить въ ней расколовъ".

Гернгутеры, конечно, ссылались безпрестанно на жалованную грамоту Императора Александра I и этимъ приводили въ немалое затрудненіе своихъ противниковъ.—„Не стыдно ли было" говорили пасторы „помимо церкви и, такъ сказать, за ея спиною испрашивать себѣ привилегій въ явный ей ущербъ? Не грѣшно ли и теперь въ дѣлѣ чисто духовномъ становиться подъ защиту свѣтской власти и жаловаться ей на вашихъ законныхъ пастырей?"—„Такъ для чего же" отвѣчали гернгутеры сами же вы обращаете противъ насъ со-

---

[1]) А г. Гарнакъ все-таки находитъ, что церковь слишкомъ мало и рѣдко пользовалась противъ гернгутеровъ своими правами. Казалось бы: чего же больше!

ставленный вами церковный уставъ, ссылаясь на права, дарованныя вамъ тою же властью? Для чего напускаете вы на насъ полицію?"

„А почему жъ бы намъ не ссылаться на наши права? Или вы еще не вычитали, что велѣніямъ предержащей власти самъ Богъ велѣлъ повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть?" [1]).

Борьба происходила одновременно въ области догматики, каноническаго права, гражданскихъ законовъ, и сопровождалась подпольными интригами на всѣхъ пунктахъ, въ крес-

---

[1]) Любопытно бы было изучить въ подробности этотъ диспутъ и изложить его параллельно съ диспутомъ той же лютеранской церкви съ православною по поводу перехода лютеранъ въ православіе, смѣшанныхъ браковъ и т. д. Это бы раскрыло передъ нами цѣлую систему понятій и пріемовъ, совершенно отъ насъ ускользающую. Къ немалому изумленію нашему мы увидали бы, что лифляндское духовенство въ одно и то же время проводило двѣ, одна другой совершенно противоположныя теоріи, прибѣгая, смотря по обстоятельствамъ и по характеру противниковъ, съ которыми оно имѣло дѣло, къ цѣлымъ серіямъ взаимно опровергающихся аргументовъ. Такъ, напримѣръ, въ диспутѣ своемъ съ православіемъ лифляндское лютеранство противопоставляло правамъ господствующей въ Имперіи церкви свободу совѣсти, а въ диспутѣ съ гернгутерами, которые постоянно требовали послѣдовательнаго примѣненія этой свободы, оно опиралось на свои права, какъ м ѣ с т н о й г о с п о д с т в у ю щ е й церкви. Когда православное духовенство, объясняя по-своему секретный указъ о крещеніи младенцевъ, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, доказывало, что этимъ частнымъ закономъ правительство, конечно, не думало нарушать основныхъ постановленій церкви, лютеране отвѣчали, что дѣйствіе общаго закона не распространяется на тѣ случаи, для которыхъ въ частныхъ, не менѣе обязательныхъ законахъ, сдѣланы изъятія; а когда гернгутеры отстаивали свои права, выраженныя въ дарованной имъ грамотѣ, какъ привилегію, иначе, какъ изъятіе изъ общаго правила, пасторы и лютеранская консисторія отвѣчали, что этого допустить нельзя, ибо правительство, конечно, не имѣло намѣренія нарушать устава лютеранской церкви. Для такого сравнительнаго изученія нашлось бы много даже печатныхъ матеріаловъ, хоть бы, напримѣръ, въ книгѣ Гарнака, и особенно въ актахъ и отчетахъ лифляндскихъ провинціальныхъ синодовъ, на которые онъ часто ссылается. Почему бы не заняться этимъ дѣломъ кому-нибудь изъ преподавателей рижской православной семинаріи или изъ тамошнихъ нашихъ ученыхъ священниковъ. Это было бы гораздо поучительнѣе и полезнѣе ни къ чему не ведущаго подбиранія бранчивыхъ выходокъ противъ православія, часто попадающихся въ проповѣдяхъ лифляндскихъ пасторовъ.

тьянскихъ лачугахъ, на тайныхъ сходкахъ, въ лифляндскихъ лѣсахъ, въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ и въ пріемныхъ министровъ.

На первыхъ порахъ многіе изъ членовъ духовенства, сознавая силу гернгутерства, несомнѣнную пользу, имъ принесенную подъемомъ нравственнаго уровня крестьянъ, и собственное свое безсиліе замѣнить его въ дѣлѣ духовнаго воспитанія массы, придумывали разныя комбинаціи для примиренія общинъ съ церковью; но ни одна изъ предложенныхъ на этомъ основаніи сдѣлокъ не удалась. Соглашеніе было дѣйствительно невозможно, и гернгутеры, особенно крестьяне, отвергавшіе всякія съ ихъ стороны уступки, въ этомъ отношеніи были послѣдовательнѣе своихъ противниковъ. Наконецъ и огромное большинство лютеранскаго духовенства окончательно убѣдилось въ неизбѣжности борьбы на жизнь и смерть. Совокупными усиліями вліятельнѣйшихъ лицъ изъ его среды, въ особенности пасторовъ (впослѣдствіи лифляндскихъ суперинтендентовъ) Клота и Вальтера, разныхъ коммиссій и мѣстныхъ синодовъ, выработался цѣлый планъ кампаніи. Какъ выразился одинъ синодъ, рѣшено было приложить сѣкиру къ корню дерева. Выше было замѣчено, что большая часть старшинъ и наставниковъ, руководившихъ общинами, занимала кромѣ того разныя должности по вотчиннымъ и общественнымъ управленіямъ. Такое сочетаніе въ однѣхъ рукахъ духовной власти съ судебно-полицейскою, конечно, могло подавать поводы къ злоупотребленіямъ со стороны этой своего рода крестьянской аристократіи и, естественно, возбуждало зависть въ бобыляхъ и бѣднякахъ, особенно въ людяхъ слабыхъ, тяготившихся крайне строгою гернгутерскою дисциплиною. Пасторы подмѣтили въ кругу общинъ этотъ зародышъ антагонизма, и нѣкоторые изъ нихъ воспользовались имъ довольно удачно, выдавъ себя за эмансипаторовъ бѣднѣйшихъ и угнетенныхъ; вообще, интриги хорошо удавались пасторамъ; за то ихъ многословныя и желчныя проповѣди противъ гернгутеровъ имѣли мало успѣха. Гораздо болѣе эффекта производили на слушателей скорбныя жалобы и запальчивыя выходки противъ оффиціальной церкви какого-нибудь оратора самоучки, раздававшіяся на ночныхъ

сходкахъ, въ лѣсахъ, при картинной обстановкѣ, напоминавшей малому стаду считавшихъ себя избранниками Божьими первобытныя времена мучениковъ.

Взаимное раздраженіе росло съ каждымъ днемъ и уже доходило до крайней степени напряженія передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ началось движеніе изъ лютеранства въ православіе.

Мы отклонились бы слишкомъ далеко въ сторону, если бы захотѣли прослѣдить далѣе судьбу гернгутерства въ Лифляндіи; нужно было только ознакомиться съ нею, какъ съ однимъ изъ характерныхъ симптомовъ тогдашняго настроенія Латышей и Эстовъ, и потому кстати будетъ теперь еще разъ обратить вниманіе читателей именно на эту сторону дѣла.

Никому не приходило въ голову объяснять быстрое развитіе гернгутерства на нашей Балтійской окраинѣ чьими-либо подпольными интригами или подкупами. Братчики не обѣщали, да и не могли обѣщать Латышамъ и Эстамъ никакихъ вещественныхъ выгодъ. Напротивъ, вступленіе въ общины сопряжено было съ очевидными неудобствами и тягостями. Во-первыхъ, всѣ расходы общинъ на постройку молитвенныхъ домовъ, на покупку книгъ, на содержаніе діаконовъ и т. д. падали довольно ощутительнымъ бременемъ на скудныя средства самихъ членовъ; во-вторыхъ, строгость гернгутерской дисциплины, обязательное воздержаніе отъ пьянства и распутства, пуританизмъ нравственныхъ требованій и безпрестанный контроль со стороны общества, которому долженъ былъ подчиняться каждый изъ его членовъ, не представляли по себѣ ничего въ житейскомъ отношеніи особенно соблазнительнаго. Наконецъ, обязанность посѣщать кирки и въ то же время участвовать непремѣнно во всѣхъ собраніяхъ общины сопряжена была съ потерею времени, очень чувствительною для людей, обреченныхъ на трудовую жизнь почти безъ отдыха. И не смотря на то, народная масса съ такимъ жаромъ ринулась въ полуотверзтую дверь, за которою мелькалъ въ ея глазахъ образъ идеальной церкви, что оффиціальное лютеранство пошатнулось въ своей основѣ и едва не осталось безъ паствы. Можно ли послѣ этого отрицать, что прежде чѣмъ началось движеніе въ другую сто-

рону, прежде чѣмъ помыслы простого народа обратились къ православію, въ массѣ бродила глубокая, живая, хотя и не вполнѣ выяснившаяся потребность чисто духовнаго свойства, не находившая себѣ удовлетворенія въ оффиціальномъ лютеранствѣ?

Въ запискахъ о распространеніи православія въ Лифляндіи, частью изданныхъ, частью оставшихся въ рукописяхъ, не разъ упоминалось о томъ, что первыя сѣмена христіанства занесены были въ Прибалтійскій край изъ Россіи, именно изъ Полоцкаго княжества [1]), что церковь наша имѣла представителей въ русскомъ городѣ Юрьевѣ (Дерптѣ) [2]) и что, можетъ быть, отъ этихъ древнихъ временъ вели свое начало продолжавшіяся въ сороковыхъ годахъ сношенія лифляндскихъ крестьянъ протестантскаго вѣроисповѣданія съ православными церквами и священниками въ нѣкоторыхъ пограничныхъ приходахъ [3]).

---

1) Одинъ лифляндскій лѣтописецъ заявляетъ, что русскіе князья (въ отличіе отъ нѣмецкихъ) не имѣли обыкновенія навязывать свою вѣру покореннымъ ими племенамъ: est consuetudo regum Ruthenorum quemcunque gentem expugnaverint n o n fidei Christianae subjicere. (Изд. Губера, 3-й выпускъ, стр. 166).

2) Къ соборной православной церкви въ Дерптѣ приписано было въ началѣ XIII вѣка до 24 деревень. Въ Ригѣ была русская церковь въ эпоху орденскаго владычества, подчиненная псковскому епископу, въ Пернавѣ такъ же.

3) Такъ Латыши имѣли обыкновеніе посѣщать якобштатскую церковь въ Курляндіи для служенія молебновъ. Это видно изъ церковныхъ приходорасходныхъ книгъ, и по свидѣтельству мѣстнаго причта получалось въ десятеро больше дохода отъ лютеранъ, чѣмъ отъ своихъ прихожанъ. Латыши и Эсты хаживали также ежегодно цѣлыми партіями на богомоліе въ Печерскій монастырь, на границѣ Псковской губерніи и Лифляндіи. Около Пернавы и въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи крестьяне издавна хаживали къ православнымъ священникамъ за святою водою, заказывали имъ заздравные молебны, покупали у нихъ свѣчи и т. п. Бывшій профессоръ дерптскаго университета Р.... свидѣтельствовалъ какъ очевидецъ: „Что задолго до движенія 1841 года въ воскресные и праздничные дни православныя церкви въ Дерптѣ наполнялись Латышами и Чухнами, которыхъ, конечно, никто туда не гналъ и не приглашалъ. Напротивъ, этихъ незванныхъ гостей священники обыкновенно приказывали выводить, ссылаясь на то, что и своимъ тѣсно. Крестьяне ставили передъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты, и т. д.“. О подобныхъ признакахъ наклонности къ православію до 1841 года упоминалъ, также какъ очевидецъ, архіепископъ псковскій Наѳанаилъ въ рапортѣ Синоду 21 окт. 1841, № 488. Замѣчательно, что очень

Приведенные факты несомнѣнны, и нѣтъ причины не признать въ нихъ случайно уцѣлѣвшей нити, конечно, очень слабой и тонкой, которая могла до нѣкоторой степени послужить указаніемъ для крестьянъ, когда началось въ нихъ религіозное броженіе; но нельзя придавать этому большого значенія, и во всякомъ случаѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ протестантское духовенство, если и знало объ этихъ мелочахъ, то, конечно, нисколько ими не тревожилось, принимая ихъ за признаки грубаго суевѣрія Латышей. Но другія явленія, правда, изолированныя и мало у насъ извѣстныя, могли возбуждать въ немъ небезосновательныя опасенія. Такъ, напримѣръ, около 1800 года цѣлый Верхнеустинскій пасторатъ Верросскаго уѣзда (нынѣ того жъ названія приходъ Псковской эпархіи) перешелъ изъ лютеранства въ православіе и новообращеннымъ поставленъ былъ священникъ, ими избранный изъ ихъ среды. Другой подобный случай оффиціально засвидѣтельствованъ. Я передамъ его буквально, по протестантской версіи: „Виндавскій пасторъ Керберъ донесъ, что на принадлежащемъ къ его приходу при мызѣ Кастеръ островѣ Чудскаго озера, называемомъ Піари-Сааръ, живутъ Эсты вмѣстѣ съ Русскими, каковое обстоятельство употребляютъ во зло Эстскіе малолѣтки обоего пола, кои, провинясь въ чемъ-либо, или по лѣтамъ и необразованности своей не имѣя охоты пріобрѣтать нужныхъ познаній въ религіи, въ то самое время, когда имъ по лютеранскому вѣроисповѣданію надлежитъ приготовляться къ первому причащенію, укрываются на русской части острова и тамъ принимаютъ греческое вѣроисповѣданіе, чему и представилъ онъ четыре примѣра. Его Императорское Величество Государь Императоръ указомъ 20 декабря 1813 года изволилъ объявить по всей справедливости Высочайшее неодобреніе свое на счетъ всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую, и ежели могутъ быть терпимы сами по себѣ таковыя перемѣны исповѣданій, то онѣ по крайней мѣрѣ не должны быть дозволяемы малолѣтнымъ, не свѣдущимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, не по-

многія латышскія слова, относящіяся къ предметамъ вѣры и богослуженія, повидимому, заимствованы изъ русскаго.

знавшимъ еще ученія той церкви, въ которой они окрещены, умалчивая о томъ, чтобъ они были въ состояніи познавать чуждое имъ вѣроисповѣданіе; а всего менѣе можно позволить наносить безчестіе господствующей вѣрѣ чрезъ то, что ее почитаютъ убѣжищемъ для грубаго невѣжества и упорствованія противъ закона и порядка. И кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, доходили уже прежде до свѣдѣнія лифляндской оберъ-консисторіи другіе случаи, что молодые люди для избавленія себя отъ обязанности знать катихизисъ, дабы быть допущенными по закону лютеранскому къ причащенію, переходили къ православной греческой церкви, чтò оскорбляетъ столько же очевидно достоинство сей послѣдней [1]), сколько и права протестантской церкви въ Лифляндіи [2]). Почему лифляндская оберъ-консисторія просила объ учиненіи запрещенія православному духовенству не только на островѣ Піарѣ-Сааръ, но также всѣмъ и каждому въ Лифляндской губерніи не допускать несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви [3]) молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія къ принятію православной вѣры". (Полн. Собр. Зак., т. XXXVI, № 27630, указъ Св. Синода 8 января 1819).

Все въ этомъ оригинальномъ документѣ заслуживаетъ вниманія. Съ одной стороны, въ немъ выразились очень ярко и осязательно понятія и притязанія лифляндскаго духовенства, съ которыми мы впослѣдствіи неоднократно будемъ встрѣчаться. Протестанты переходятъ въ православіе — значитъ: другихъ побужденій, кромѣ унизительныхъ и корыстныхъ, тутъ и предполагать нельзя; все дѣло объясняется желаніемъ

---

1) Какая трогательная и безкорыстная заботливость о нашей церкви со стороны лютеранской консисторіи!

2) Это не такъ трогательно, но за то гораздо ближе къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ: принять протестантовъ въ православную церковь — не то же ли, чтò пріютить бѣглыхъ крѣпостныхъ людей или посягнуть на чужую оброчную статью?

3) Значитъ: принимать въ православную церковь можно бы было только покорныхъ протестантской церкви, то есть такихъ, которыхъ бы само протестантское духовное начальство благословило на переходъ въ православіе?

избѣгнуть заслуженнаго наказанія, лѣнью, уклоненіемъ отъ ученья, грубымъ невѣжествомъ, даже упорствомъ противъ закона. Но почему бы однако не предположить, что обычай православной церкви, допускающей къ причастію и младенцевъ, могъ подѣйствовать на Эстовъ? Кажется, въ этомъ не было бы ничего невозможнаго. Но лифляндская консисторія ни о чемъ подобномъ не хочетъ и слышать; она рѣшаетъ дѣло съ плеча: нужно, во что бы то ни стало, отстоять обязательность установленныхъ ею порядковъ, и потому, не справляясь на сей разъ съ свободою совѣсти, она просто требуетъ отъ начальства запрещенія принимать непокорныхъ лютеранъ въ православную церковь. О свободѣ и о правахъ христіанской совѣсти лифляндская консисторія вспомнитъ позднѣе, лѣтъ черезъ сорокъ, когда понадобится оправдать отпаденіе православныхъ въ лютеранство. Тогда заговорятъ другимъ языкомъ и выставятъ иного рода аргументацію. Не менѣе отчетливо выразилось въ данномъ случаѣ и воззрѣніе высшаго правительства на обращеніе въ православную вѣру вообще. Хотя именной указъ 20 декабря 1813 года, на который ссылался виндавскій пасторъ, не помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законъ, однако нѣтъ повода сомнѣваться въ его подлинности, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ при разсмотрѣніи дѣла не отвергъ ссылки. Да и самое содержаніе, даже тонъ указа—это рѣшительное неодобреніе всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую, характеризуетъ какъ нельзя лучше понятія того времени, впрочемъ едва ли и теперь вполнѣ отброшенныя высшимъ правительствомъ и особенно высшимъ обществомъ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что такія понятія могли уживаться съ представленіемъ о самодержцѣ, какъ покровителѣ и заступникѣ, чуть ли не главѣ православной церкви; что такое огульное осужденіе всякой перемѣны вѣры, слѣдовательно и перемѣны по искреннему убѣжденію, укоренилось въ странѣ, не видавшей на престолѣ со временъ Елисаветы Петровны ни одной Императрицы, рожденной и воспитанной въ православной вѣрѣ; наконецъ, что это предвзятое недовѣріе къ высшему проявленію религіозной свободы, повидимому, мирилось съ ученіемъ о свободѣ совѣсти, о которой у насъ въ

то время такъ много толковали, рѣшительно не понимая ея сущности; но такія ли еще увидимъ мы странности! Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на самый ходъ дѣла по поводу обращенія Эстовъ. Лифляндская духовная консисторія отнеслась съ своимъ ходатайствомъ къ министру духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицину, который препроводилъ его, не дѣлая отъ себя никакого распоряженія, къ синодальному оберъ-прокурору князю Мещерскому, который, въ свою очередь, передалъ его по принадлежности на обсужденіе въ Святѣйшій Синодъ. Туда въ 1819 году поступило это дѣло на окончательное разрѣшеніе. Въ сороковыхъ годахъ дѣла совершенно однородныя, какъ мы увидимъ ниже, производились уже инымъ порядкомъ; въ Синодъ попадали рѣдко, а сосредоточивались и получали разрѣшеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и особенно въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Но въ 1819 году корпусъ жандармовъ еще не существовалъ, а Синодъ пользовался правами, если не представительства независимой церкви, то по крайней мѣрѣ высшаго правительственнаго учрежденія, помимо и безъ участія котораго не рѣшались ввѣренныя ему дѣла духовнаго вѣдомства.

Разсмотрѣвъ представленіе лифляндской консисторіи, Синодъ разумѣется, рѣшилъ, „что воспрещать соединеніе съ православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ видомъ, было бы противно евангельскому духу". Указъ, изъ котораго выписаны эти строки, помѣченъ 8 января 1819 года; слѣдовательно хорошо былъ извѣстенъ въ Лифляндіи въ декабрѣ того же года, когда собранное на ландтагѣ дворянство разсматривало и окончательно редактировало проектъ Положенія о крестьянахъ. Весьма можетъ быть, что послѣ неудавшейся попытки лифляндской консисторіи добиться запрещенія присоединять непокорныхъ Латышей и Эстовъ признано было нелишнимъ заблаговременно прибѣгнуть къ домашнимъ, предупредительнымъ мѣрамъ на случай повторенія странностей, подобныхъ тому, что произошло въ Виндавскомъ приходѣ.

Теперь, изобразивъ общественную и церковную обстановку

Латышей, остается въ короткихъ словахъ напомнить тогдашнюю организацію дворянскаго и духовнаго сословій, съ которыми народъ находился въ ближайшемъ соприкосновеніи и долженъ былъ въ скоромъ времени прійти въ столкновеніе; наконецъ, сказать два слова о тогдашнемъ личномъ составѣ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи.

Дворянство стояло, стоитъ и теперь во главѣ края, какъ первое и передовое сословіе земскаго общества.

Оно дѣлилось на коренное, иначе рыцарство, то-есть записанное въ мѣстную матрикулу (дворянскую книгу), и не записанное. Только первое пользовалось полными правами по имуществу и въ составѣ общества, какъ-то: правомъ пріобрѣтать дворянскія вотчины, не подвергаясь перекупу, правомъ голоса въ собраніяхъ по всякаго рода дѣламъ и правомъ занимать по выбору всякія должности. Дворяне нематрикулированные, покупая дворянскую вотчину, рисковали въ теченіе опредѣленнаго срока быть вынужденными уступить ее любому члену коренного дворянства, который бы вздумалъ перекупить ее; они пользовались правомъ голоса въ собраніяхъ только по дѣламъ о дворянскихъ складчинахъ и допускались къ занятію лишь немногихъ, очень второстепенныхъ должностей по выбору (Св. Мѣстн Узакон. II ст. 7, 32, 100, 364, 876).

Общественная организація лифляндскаго рыцарства поражала изумительнымъ множествомъ сословныхъ учрежденій, обиліемъ должностей и многосложностью своего штата.

У него были троякаго рода собранія: ландтаги (соотвѣтствующіе нашимъ губернскимъ собраніямъ), такъ называемые конвенты и уѣздныя собранія, не считая множества другихъ, частью приготовительныхъ, частью избирательныхъ съѣздовъ по разнымъ спеціальнымъ частямъ мѣстнаго управленія (таковы, напримѣръ, собранія по судебнымъ приходскимъ округамъ, почтовые конвенты и т. п. тамъ же ст. 50 й пр. 91 и др.) Дворянскій конвентъ состоялъ изъ губернскаго предводителя, 12-ти уѣздныхъ депутатовъ и ландратской коллегіи въ полномъ ея составѣ; онъ приготовлялъ дѣла для ландтага, замѣнялъ его въ дѣлахъ второстепенной важности въ промежутокъ времени отъ одного собранія до дру-

гого, и рѣшалъ вопросы, возникавшіе по поводу разномыслій между губернскимъ предводителемъ и очереднымъ ландратомъ (ст. 133, 138). Прокуроръ не присутствовалъ на дворянскихъ собраніяхъ, и стороннія лица въ нихъ не допускались безъ разрѣшенія предводителя; на практикѣ эти собранія были закрыты для публики, и о томъ, чтò въ нихъ происходило, правительство ничего не знало (ст. 49. 64).

Дворянское представительство состояло: во-первыхъ, изъ 12-ти пожизненно-избираемыхъ ландратовъ (составлявшихъ вмѣстѣ одну коллегію), изъ коихъ каждый по очереди завѣдывалъ въ продолженіе мѣсяца текущими дѣлами дворянства. Какъ представитель и оберегатель не только своего сословія, но и земства вообще, очередной ландратъ былъ послѣ губернатора вторымъ лицемъ въ губерніи; во вторыхъ, изъ губернскаго предводителя, имѣвшаго однородныя съ ландратомъ обязанности, дѣйствовавшаго по соглашенію съ нимъ, но игравшаго при немъ второстепенную роль; въ-третьихъ, изъ 12-ти уѣздныхъ депутатовъ, по три на уѣздъ, затѣмъ изъ депутатовъ и ревизоровъ дворянской кассы и т. д. (ст. 557, 559, 563, 566, 572, 573, 596, 604, 609, 610, 611, 619, 625, 628, 638). Ландраты и предводитель, хотя бы они при выборѣ ихъ и не имѣли чиновъ соотвѣтствующихъ разрядамъ, въ коихъ полагались эти должности, пользовались заурядъ правами четвертаго класса, а уѣздные депутаты правами шестого; слѣдовательно, дворянство для своихъ сословныхъ надобностей производило 13 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и 12 коллежскихъ (ст. 540, 541, 542 и пр. къ 541).

Сверхъ всего этого, дворянство пользовалось самымъ широкимъ правомъ выбора въ судебныя и полицейскія должности. Чтобъ судить о важности этого права, нужно припомнить составъ мѣстныхъ учрежденій. Высшею судебною инстанціею въ Лифляндіи для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ былъ гофгерихтъ; онъ состоялъ изъ президента, вице президента, двухъ ландратовъ, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассесоровъ; кромѣ двухъ послѣднихъ (которыхъ опредѣлялъ Сенатъ), всѣ упомянутыя лица назначались по выбору отъ дворянства (Св. Мѣстн. Узак., часть I, ст. 294, 295, 298, 312, 314; часть II,

ст. 384, 565. п. 1). Низшую судебную инстанцію, также по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (кромѣ дѣлъ крестьянскихъ, для которыхъ учреждены были мірскіе, приходскіе и уѣздные суды) составляли пять ландгерихтовъ, каждый изъ предсѣдателя и двухъ ассесоровъ; всѣ они, равно какъ и секретарь, избирались дворянствомъ (часть I, ст. 356, 357, 359, 361, 370 и 372. Ч. II, ст. 386, 387). Полиціею завѣдывали орднунгсъ-рихтеры (земскіе исправники) по два на уѣздъ и орднунгсъ-герихты (земскіе суды). Въ орднунсъ-герихтѣ, кромѣ предсѣдателя, полагалось два адъюнкта. Всѣ эти лица, которымъ между прочимъ поручалось и охраненіе неприкосновенности правъ православной церкви (часть I, ст. 411, I, п. 3), избирались, равно какъ и нотаріусъ, состоявшій при каждомъ орднунгсъ - герихтѣ, также дворянствомъ. Члены орднунгсъ-герихта удалялись отъ должности по распоряженію главнаго начальника края, но не иначе, какъ по предварительномъ о томъ сообщеніи дворянскому представительству — ландратской коллегіи (ч. I, ст. 397—399, 401, 403, 431. Ч. II, ст. 390).

По другимъ, спеціальнымъ отраслямъ управленія дворянство избирало директоровъ почтовыхъ станцій, такъ какъ почта была въ его рукахъ, и попечителей или смотрителей разнаго рода училищъ и заведеній, болѣе или менѣе отъ него зависѣвшихъ (ч. II, ст. 32, 359, п. 5, 360). Наконецъ, очередной ландратъ приглашался на правахъ члена въ засѣданія губернскаго правленія и въ собраніе палатъ, когда въ нихъ разсматривались дѣла, касавшіяся правъ, выгодъ и учрежденій дворянскаго общества; онъ же участвовалъ въ засѣданіяхъ приказа общественнаго призрѣнія и въ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ кассъ (ч. II, ст. 567, 568).

Мѣстная лютеранская церковь по своей организаціи была такъ тѣсно связана съ вышеизложеннымъ учрежденіемъ дворянства, что составляла въ Лифляндіи не болѣе, какъ особое отдѣленіе или департаментъ его.

Сельскіе проповѣдники и пасторы иначе не опредѣлялись, какъ по предъявленіи ими формально выраженнаго на то согласія прихожанъ, то есть—на практикѣ — мѣстныхъ помѣ-

щиковъ (Полн. Собр. Зак., т. VII, № 5870, Уст. евангелич. лютер. церкви въ Рос. 1832, §§ 152, 159, 161, 164) [1]).

Сельское приходское духовенство подчинялось надзору 8-ми пробстовъ (благочинныхъ), которые избирались пасторами каждаго округа (благочинія), а пробсты подчинялись генералъ-суперъинтенденту (который избирался дворянствомъ изъ лицъ духовнаго званія), и лифляндской провинціальной консисторіи. Генералъ-суперъинтендентъ дѣйствовалъ какъ представитель консисторіи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ подчиненнымъ ей духовенствомъ, а въ составѣ консисторіи занималъ мѣсто вице-предсѣдателя. Консисторія, составлявшая высшую губернскую инстанцію по судебнымъ, административнымъ и духовнымъ дѣламъ мѣстной лютеранской церкви, состояла изъ свѣтскаго президента и духовнаго вице-президента, двухъ свѣтскихъ и двухъ духовныхъ ассесоровъ. Президентъ и оба свѣтскіе ассесоры избирались дворянствомъ, первый непремѣнно изъ числа 12-ти ландратовъ, а послѣдніе изъ сословія матрикулированныхъ дворянъ (тамъ же: §§ 264, 267, 268, 275, 276, 278, 290—294. Сводъ Мѣстн. Узакон., ч. II, ст. 565, п. 2, 380 — 383). Дворянство участвовало также въ выборахъ одного изъ свѣтскихъ членовъ генеральной консисторіи—высшей въ Имперіи судебно-административной инстанціи по дѣламъ лютеранской церкви (тамъ же, ст. 380). Сверхъ того общими дѣлами по церковному управленію въ Лифляндіи занимались дворянскія уѣздныя собранія, дворянскій кон-

---

1) Уставъ 1832 года, составленный членами лютеранскаго духовенства, притомъ преимущественно Остзейцами, въ свое время слылъ драгоцѣннымъ для нихъ пріобрѣтеніемъ. Еще въ 1845 году президентъ генеральной консисторіи свидѣтельствовалъ, что этимъ уставомъ „было расширено благотворное дѣйствіе лютеранскаго вѣроисповѣданія на вѣрноподданныхъ Остзейцевъ“. Бумагу, изъ которой выписаны эти строки, приводитъ г. Ф. Боккъ (Livl. Beitr. B. II. 7. Seite 842); онъ же теперь причисляетъ этотъ уставъ къ оскорбительнѣйшимъ нарушеніямъ такъ называемой провинціальной конституціи Лифляндіи. Какъ де посмѣли тамошнюю мѣстную господствующую церковь подчинить центральному учрежденію, вѣдающему дѣла протестантской церкви на всемъ протяженія Имперіи! Съ 1832 и 1845 годовъ понятія, какъ видно, измѣнились и притязанія возрасли значительно. Теперь устройство церкви, такъ же какъ и судебная реформа обсуждаются исключительно съ точки зрѣнія политическаго сепаратизма.

вентъ и дворянскій ландтагъ (Св. Мѣстн. Узак., II, ст. 78, 84, 167).

Хозяйство церковное находилось въ завѣдываніи приходскихъ попечительствъ, подчиненныхъ четыремъ главнымъ попечительствамъ. По приходамъ попечители, отъ одного до двухъ, избирались прихожанами, владѣвшими какою-нибудь недвижимою собственностью, изъ своей среды; главныя попечительства состояли изъ неизбѣжнаго ландрата по назначенію отъ дворянства, свѣтскаго члена, назначавшагося тѣмъ же порядкомъ изъ матрикулированнаго дворянства, и главнаго пробста (§§ 477 и прим. 486, 492, Св. Мѣст. Уз. ч. II, ст. 359 п. 2,383). Наконецъ, лифляндское лютеранское духовенство собиралось ежегодно на помѣстный соборъ или синодъ подъ предсѣдательствомъ своего суперъинтендента для совокупнаго обсужденія предметовъ духовнаго свойства, то есть церковной доктрины, церковной дисциплины и всякаго рода явленій въ области мѣстной религіозной жизни (§§ 438 и 444).

Пусть теперь читатель вникнетъ въ это тѣсное соотношеніе двухъ первенствующихъ сословій, дворянства и духовенства, такъ сказать, взаимно проникавшихся, въ это множество всякаго рода органовъ, которыми они располагали для выраженія своихъ желаній, стремленій и своей воли, въ это вездѣприсутствіе ихъ представителей во всѣхъ сферахъ мѣстнаго управленія — и онъ пойметъ, какими удобствами и какимъ обиліемъ средствъ они были вооружены для скорой передачи всякаго рода свѣдѣній, для обмѣна мыслей, для соглашеній и стачекъ, для установленія единства въ дѣйствіи и, въ случаѣ нужды, въ противодѣйствіи. Вершину многосложной организаціи, нами очерченной, составляла все-таки коллегія ландратовъ. Повторяю еще разъ: не говоря о другихъ должностяхъ первостепенной важности, замѣщеніе которыхъ производилось по выбору дворянства и изъ его среды, одни ландраты по праву занимали: въ высшей губернской судебной инстанціи (гофгерихтѣ) два мѣста (ч. I, ст. 295), въ высшей инстанціи по дѣламъ крестьянъ (особомъ отдѣленіи гофгерихта) три мѣста (часть I, ст. 302), въ высшей инстанціи по дѣламъ мѣстной лютеранской церкви (провинціальной кон-

систоріи) мѣсто предсѣдателя; въ четырехъ главныхъ церковныхъ попечительствахъ мѣста старшихъ попечителей (ч. II, ст. 381), въ коммиссіи о имѣніяхъ дворянскаго общества мѣсто предсѣдателя (ч. II, ст. 376). Имъ же, то есть ландратамъ, въ почтовомъ управленіи принадлежалъ главный надзоръ, а въ дѣлахъ губернскаго правленія и приказа общественнаго призрѣнія имъ предоставлено было постоянное участіе (ч. II, ст. 565, 567, 568). При этомъ каждый изъ нихъ, независимо отъ спеціальнаго дѣла, лично ему ввѣреннаго, вѣдалъ по очереди текущія дѣла дворянства, а всѣ вмѣстѣ, какъ коллегія, составляли постоянное представительство дворянскаго сословія. Такимъ образомъ нитями, искусно протянутыми во всѣ стороны, судопроизводство гражданское, уголовное, духовное и мѣстное управленіе, по дѣламъ полицейскимъ, хозяйственнымъ и церковнымъ, окончательно стягивались въ рукахъ одного сословія. Тамъ, въ этой дворянской коллегіи, было сѣдалище мѣстной власти — le siège du pouvoir. Но независимо отъ той силы, которою она орудовала на основаніи закона, ландратская коллегія на основаніи издавна установившихся традицій имѣла еще de facto огромное вліяніе на главнаго начальника края. Если бъ мы назвали ландратовъ неизбѣжными его совѣтниками и помощниками, мы этимъ далеко бы еще не выразили дѣйствительныхъ отношеній представителей высшаго правительства къ представителямъ мѣстныхъ, нѣмецко-лютеранскихъ и по преимуществу дворянскихъ интересовъ. Это были въ полномъ смыслѣ слова руководители и опекуны, приставленные къ генералъ-губернатору отъ дворянства, безъ одобренія, а тѣмъ паче противъ совѣта, внушенія или желанія которыхъ онъ фактически не могъ ничего ни предпринять, ни остановить. Въ противномъ случаѣ онъ возбудилъ бы противъ себя на мѣстахъ единодушную оппозицію съ неизбѣжнымъ ея отголоскомъ въ Петербургѣ, и подвергся бы опасности лишиться мѣста, а можетъ быть, и навсегда испортить свою политическую будущность. О противодѣйствіи этой мѣстной, прочно организованной силѣ высшее правительство и не помышляло; по крайней мѣрѣ оно не пользовалось для этого даже тѣми скудными средствами, которыя все еще были въ его рукахъ.

Въ угоду ли всемогущему сословію, представлявшему собою мѣстное общественное мнѣніе, по другимъ ли причинамъ, всѣ коронныя должности, въ которыя правительство назначало отъ себя, кого хотѣло, начиная съ генералъ-губернатора и кончая уѣздными стряпчими (фискалами), замѣщались по обычаю, если не исключительно лифляндскими, то балтійскими дворянами, по крайней мѣрѣ мѣстными уроженцами, Нѣмцами по происхожденію и лютеранами по вѣроисповѣданію, такъ что во всей Лифляндіи въ 1841 году не было ни одного русскаго чиновника въ должности, хотя бы второстепенной.

Прокуроромъ былъ баронъ Гейкингъ, начальникомъ губерніи престарѣлый баронъ Фелькерзамъ, нѣкогда подписавшій въ должности секретаря дворянства актъ о подчиненіи Курляндіи русской державѣ при Екатеринѣ II, мѣсто генералъ-губернатора занималъ благодушный и благородный баронъ Паленъ, о личныхъ свойствахъ котораго отзывались съ почтеніемъ и сочувствіемъ всѣ безъ исключенія, имѣвшіе съ нимъ какія-либо сношенія, даже тѣ, которыя по своимъ понятіямъ не могли не порицать административныхъ его дѣйствій.

Мои убѣжденія и мнѣ не позволяютъ отнестись къ нимъ сочувственно, но само собою разумѣется, что, намѣреваясь воспользоваться правомъ критиковать правительственную систему генералъ-губернатора, я выгораживаю безусловно побужденія человѣка, котораго я не имѣлъ чести лично знать и котораго имѣю всѣ причины уважать. Чтобъ устранить отъ себя всякое въ этомъ отношеніи подозрѣніе, я позволю себѣ теперь же высказать съ полною откровенностью мое объ немъ мнѣніе, сложившееся изъ всего, что̀ я могъ узнать на мѣстахъ вскорѣ по удаленіи его изъ края.

Система управленія барона Палена обусловливалась частью кровными его убѣжденіями, частью вліяніемъ окружавшей его среды, а непримиримости этихъ убѣжденій и вліяній съ историческими правами и съ государственными интересами Россіи на ея Балтійской окраинѣ онъ не только не сознавалъ, но даже и не подозрѣвалъ. Верхомъ несправедливости было бы ставить ему это въ упрекъ, когда и высшее прави-

тельство самымъ назначеніемъ его обнаруживало отсутствіе того же сознанія.

Онъ былъ искренній протестантъ, и потому естественно, что стремленіе Латышей въ православіе не могло представляться ему ничѣмъ инымъ, какъ припадкомъ какого-то дикаго помѣшательства, которымъ толпа увлекалась отъ лучшаго и совершеннѣйшаго къ сравнительно-грубѣйшему. Странно бы было и ожидать отъ него, чтобъ онъ взглянулъ сочувственно, или даже спокойно и безпристрастно на отпаденіе темной и безграмотной черни отъ вѣроисповѣданія, которымъ онъ самъ удовлетворялся: а въ подобныхъ случаяхъ непризнаніе разумности чужихъ побужденій непремѣнно наводитъ на предположеніе подговоровъ, подкуповъ и обольщеній со стороны. Такъ во время оно смотрѣли добросовѣстные католики на Лютера и на его послѣдователей; по той же причинѣ и баронъ Паленъ почти не могъ не повѣрить клеветамъ на православное духовенство и не возненавидѣть его.

Онъ былъ рыцарь по происхожденію, по родовымъ преданіямъ, по понятіямъ и чувствамъ; понималъ служебный долгъ свой, какъ отношеніе лица, обязавшагося присягою, къ лицу, принявшему ее, и въ полномъ сознаніи своей политической безупречности смотрѣлъ во всѣ глаза на своего лифляндскаго герцога, но честный взглядъ барона Палена не высматривалъ изъ за него Россіи. Ему не приходило въ голову, чтобъ можно было ожидать отъ его родины чего-нибудь бо́льшаго, кромѣ династической преданности, и чтобъ эта чужая для него Россія имѣла какое-нибудь разумное основаніе, даже какой-нибудь интересъ, хотѣть быть на балтійской своей окраинѣ не въ гостяхъ, а точно какъ бы дома и у себя. Дивиться ли послѣ этого, что всякое движеніе господствующей народности въ эту сторону возмущало его, какъ посягательство на чужую собственность, котораго онъ иначе объяснить себѣ не могъ, какъ предположивъ въ Русскихъ низкое чувство зависти?

Онъ былъ Нѣмецъ, хорошо зналъ и понималъ своихъ земляковъ, видѣлъ ясно тѣ племенныя свойства, которыми они къ выгодѣ своей отличаются отъ Русскихъ, и, наоборотъ, не имѣлъ никакого чутья для тѣхъ, иного рода свойствъ,

которыми Русскіе берутъ верхъ надъ Нѣмцами. Какъ же бы не сталъ онъ подбирать къ себѣ Нѣмцевъ, и можно ли было ожидать отъ него уразумѣнія той простой истины, что, кромѣ отвлеченно правительственныхъ интересовъ, у русскаго правительства есть еще интересы русскіе, для охраненія которыхъ нельзя обойтись безъ людей русскихъ?

Онъ былъ помѣщикъ стараго закала, не помѣщикъ-хозяинъ, а помѣщикъ-аристократъ, унаслѣдовавшій отъ цѣлаго ряда суровыхъ своихъ предковъ привычку властвовать надъ народомъ; каково же было ему видѣть, что эти презрѣнные Латыши выбивались не только изъ подъ крѣпостной зависимости отъ дворянства, но и изъ подъ духовной его опеки, стараясь помимо его тѣснѣе примкнуть къ Россіи? Когда Лифляндія вздрогнула при мысли, что если простонародіе потребуетъ просвѣщенія и получитъ его прямо отъ Россіи, а не отъ своихъ бароновъ, то передовое сословіе, пожалуй, скоро очутится одинокимъ у себя дома, безъ заднихъ, покорныхъ ему сословій, безъ почетной свиты; когда все это было растолковано барону Палену, могъ ли онъ не повторить за другими, что это бунтъ? Могла ли не закипѣть дворянская кровь во всѣхъ жилахъ благодушнаго старца, и если въ эту минуту его руководителямъ удалось исторгнуть у него рядъ приказовъ на ненужныя экзекуціи, рѣшится ли кто-нибудь заподозрѣть добросовѣстность его ослѣпленія, за которое поплатились такъ жестоко не менѣе добросовѣстно размечтавшіеся крестьяне? Въ ту пору жизни барона Палена, когда установлялись его политическія убѣжденія и воззрѣнія, вопросы вѣроисповѣдные, соціальные и національные, можно сказать, не существовали. Онъ не имѣлъ случая въ нихъ вдуматься и, когда они неожиданно предстали ему въ непривлекательной формѣ какого-то загадочнаго броженія, онъ ихъ не опознаiлъ, не нашелъ для нихъ формулы, и второпяхъ ухватился за сподручные ему пріемы военной дисциплины.

Конечно, у него были передъ глазами и другія явленія, болѣе понятныя: бѣдность крестьянъ, систематическое ихъ угнетеніе, несоразмѣрность повинностей съ ихъ средствами и всѣ виды хозяйственнаго произвола помѣщиковъ; но всего этого онъ долго не видѣлъ, и какъ будто даже боялся уви-

дѣть; потомъ, когда обстоятельства поставили его лицомъ къ лицу съ страшною дѣйствительностью, онъ смутился, и для него наступила минута тяжелаго колебанія. Признать, что народъ въ Лифляндіи бѣдствовалъ вещественно и нравственно—это значило осудить хваленое благоустройство края и вызвать со стороны правительства рѣшительныя мѣры, которыя могли бы поколебать сословное господство дворянства; онъ это зналъ, а между тѣмъ изъ Петербурга ему указывали на открытыя язвы, да и самъ онъ ощупывалъ ихъ во время своихъ объѣздовъ. Наконецъ таки честность взяла свое. Какъ ни противно было его природѣ всякое подобіе демократизма, какъ ни высоко стоялъ въ его понятіяхъ интересъ дворянства, и какъ ни дорожилъ онъ мнѣніемъ о себѣ своихъ земляковъ, у него достало правдивости признать передъ властью безвыходное положеніе крестьянъ и мужества потребовать безотлагательной для нихъ помощи. Собственно объ этой сторонѣ дѣла правительство услышало отъ барона Палена болѣе горькой для дворянства правды, чѣмъ отъ многихъ его преемниковъ, носившихъ русскія фамиліи, а въ положеніи барона Палена, при его обстановкѣ и при его связяхъ это былъ въ полномъ смыслѣ слова гражданскій подвигъ, за который онъ же скоро и поплатился. Какъ только онъ началъ въ своихъ донесеніяхъ писать всю правду и разоблачать темныя стороны крестьянскаго быта, онъ былъ немедленно отозванъ.

Единственнымъ во всей Лифляндіи представителемъ Россіи и ея интересовъ въ дѣлахъ православной церкви былъ въ 1841 году викарій архіепископа псковского, преосвященный Иринархъ, назначенный въ Ригу не задолго до начала движенія крестьянъ въ православіе. Онъ служилъ сперва по духовноучебному вѣдомству, потомъ состоялъ священникомъ при одной изъ нашихъ заграничныхъ миссій, въ Италіи, и тамъ (по справедливому замѣчанію человѣка, знавшаго его близко) усвоилъ себѣ то умѣнье въ трудныхъ обстоятельствахъ держать себя съ достоинствомъ, которое такъ легко пріобрѣтается въ средѣ свѣтски образованнаго общества и котораго отсутствіе нерѣдко парализируетъ на практикѣ другія, гораздо высшія способности ума и воли.

Передъ назначеніемъ въ Ригу онъ былъ епископомъ ста-

рицкимъ, первымъ викаріемъ Тверской эпархіи. Извѣстно, что покойный Императоръ намѣревался учредить въ Лифляндіи самостоятельную церковную каѳедру: но Синодъ, когда это предположеніе было ему сообщено на обсужденіе, предпочелъ образовать изъ Лифляндіи и Курляндіи викаріатство Псковской эпархіи, чтò и было утверждено. Главною при этомъ цѣлью какъ Государя, такъ и Синода было открыть центръ противодѣйствія рижскому расколу ѳедосѣевскаго толка, который въ средѣ иновѣрческой и подъ покровительствомъ городского начальства принималъ въ семейномъ быту безобразныя формы какъ бы узаконеннаго разврата. Въ то время вопросъ о расколѣ вообще почему-то особенно занималъ и даже тревожилъ высшее правительство; о раскольникахъ собирались всякаго рода свѣдѣнія, объ нихъ производились изслѣдованія явныя и секретныя, сочинялись даже проекты о повсемѣстномъ и поспѣшномъ ихъ искорененіи. Но вопреки видамъ правительства первому викарному рижскому судьба предназначала испробовать свою энергію въ другой, для него болѣе опасной борьбѣ. Ему первому довелось испытать на себѣ, съ одной стороны, всю силу религіозной и племенной вражды противъ Россіи, таившейся въ лифляндскомъ обществѣ, съ другой—всю немощь власти при встрѣчѣ ея съ интригою, умѣющею прикрывать свои цѣли искуснымъ подборомъ словъ изъ лексикона политическаго консерватизма. Своею безпримѣрною участью онъ первый далъ намъ мѣру этой силы и этого безсилія; онъ же, выдержавъ одинъ, безъ всякой поддержки, неравную борьбу и не пошатнувшись, не уступивъ ничего, завѣщалъ своимъ преемникамъ доблестный примѣръ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не вызвавшій подражателей.

Въ Петербургѣ въ самыхъ высшихъ сферахъ правительственныхъ и придворнымъ стояла дружная фаланга заслуженныхъ сановниковъ балтійскаго происхожденія: графъ Бенкендорфъ, Палены, Мейндорфы, Ганы, Веймарны и другіе, а за ними—необозримые ряды менѣе видныхъ, но не менѣе усердныхъ и полезныхъ оберегателей интересовъ Остзейскаго края. Эта группа по единству одушевлявшихъ ее стремленій, по образцовой, издавна установившейся въ ней дисциплинѣ, по

обилію средствъ, находившихся въ ея распоряженіи, по обширности ея связей и по огромному, изстари пріобрѣтенному ею вліянію на правительство и на общество, составляла болѣе, чѣмъ политическую партію: правильнѣе было бы назвать ее самообразовавшимся въ центрѣ самого правительства особымъ министерствомъ остзейскихъ дѣлъ.

Представителями и проводниками церковныхъ, народныхъ и государственныхъ интересовъ Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ могли быть въ то время по свойству занимаемыхъ ими должностей графъ Строгоновъ, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, потомъ, съ конца ноября 1841 года, заступившій его мѣсто Л. А. (впослѣдствіи графъ) Перовскій и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Протасовъ. О самомъ Синодѣ едва ли нужно упоминать. Въ судьбахъ нашей церкви въ Лифляндіи дѣятельность его почти незамѣтна; по крайней мѣрѣ она оставила по себѣ гораздо менѣе слѣдовъ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ и особенно, чѣмъ корпусъ жандармовъ. Синодъ былъ какъ будто въ сторонѣ; вопросы, прямо до него касавшіеся, когда они требовали новыхъ законодательныхъ или административныхъ мѣръ, возбуждались, обсуживались и разрѣшались помимо его; съ нимъ даже рѣдко совѣтовались, предоставляя ему только примѣненіе правилъ, безъ его содѣйствія изданныхъ, или подборъ соображеній для оправданія приговоровъ и распоряженій, состоявшихся безъ его участія. Впрочемъ, онъ, повидимому, находилъ это естественнымъ, по крайней мѣрѣ не протестовалъ противъ страннаго безучастія, на которое онъ былъ осужденъ. Можетъ быть, онъ объ этомъ вздыхалъ неслышно, про себя, да иногда случалось, что таинственная просфира, неизвѣстно кѣмъ занесенная съ задняго крыльца, неожиданно появлялась на столѣ какого-нибудь міряница, по обязанностямъ службы въ оффиціальномъ донесеніи своему начальству замолвившаго слово за права и достоинство господствующей церкви.

Теперь сцена дѣйствія очерчена, главныя дѣйствующія лица названы—можно приступить къ самому изложенію дѣйствія[1]).

---

[1]) Я пользовался слѣдующими матеріалами: во-первыхъ и главнѣйшимъ образомъ, разными записками о дѣлахъ православія въ Лифляндіи, изданными въ

Нѣсколько послѣдовательныхъ неурожаевъ довели крестьянъ въ 1841 году до крайней степени нищеты. Общественные магазины были пусты, Лифляндія голодала въ буквальномъ, страшномъ значеніи этого слова. По старой привычкѣ крестьяне обращались за помощью къ помѣщикамъ; но бѣдствіе, противъ котораго не было принято своевременныхъ мѣръ, успѣло достигнуть такихъ размѣровъ, при которыхъ частная благотворительность была безсильна, а прежнее свое право на обязательную помощь со стороны бывшихъ своихъ владѣльцевъ крестьяне утратили за 20 слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ. Они были свободны, слѣдовательно должны были сами пещись о себѣ, и такъ какъ народъ пріобрѣтаетъ познаніе своихъ правъ и обязанностей не изъ печатныхъ указовъ, а изъ опыта, то надлежало дать ему полную возможность возчувствовать на дѣлѣ свойство новыхъ его отношеній къ помѣщикамъ, отнюдь не подавая ему повода надѣяться, что прежніе благопріятные для него порядки, можетъ быть, не совсѣмъ еще отмѣнены. Такъ разсуждали въ Лифляндіи благоразумные люди.

Одинъ русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 года командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: „Мы не забудемъ разсказа одного молодого медика, который возвратилъ

Трудахъ Московскаго Общества исторіи и древностей (1865, книги 1, 2, 3, 4. 1866, кн. 1). Онѣ составлены большею частью должностными лицами (въ томъ числѣ бывшимъ товарищемъ министра в. д. Сенявинымъ) по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ и личнымъ наблюденіямъ на мѣстахъ; во-вторыхъ, заграничными изданіями балтійскихъ публицистовъ, въ особенности „Лифляндскими Вкладами“ г. фонъ-Бокка, а также журнальными статьями и корреспонденціями русскихъ, нѣмецкихъ, балтійскихъ и заграничныхъ газетъ; въ третьихъ, разнаго рода рукописными матеріалами, оффиціальными и частными, собранными мною во время моего пребыванія въ Ригѣ въ 1846—1848 годахъ; наконецъ, разсказами и свидѣтельствами очевидцевъ и собственными моими записками, веденными въ Ригѣ въ тѣхъ же годахъ. Къ сознанію въ недостаточности этихъ источниковъ мнѣ остается прибавить, что всякій указанный мнѣ пробѣлъ я пополню, всякую невольную ошибку или невѣрность исправлю, отъ кого бы и откуда бы ни шло замѣчаніе, какъ бы оно ни было мнѣ враждебно по направленію и даже грубо по тону. Послѣднія слова я прибавляю собственно для того, чтобы пріохотить къ возраженіямъ балтійскихъ моихъ противниковъ, которыхъ, судя по характеру ихъ полемическихъ статей противъ меня, соблюденіе литературнаго приличія могло бы затруднить.

къ жизни умиравшаго юношу. Родители вмѣсто благодарности осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать отъ голода [1]).

Въ массѣ однако крестьянамъ все-таки не хотѣлось умирать. Они стали обращаться за помощью къ мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но понятно, что начальство ничѣмъ инымъ не могло отвѣтить имъ, какъ отказомъ, и въ тонѣ нѣсколько суровомъ, потому что жалобы были дѣйствительно неосновательны, а всякое обнаруженіе состраданія могло бы породить неосуществимыя ожиданія.—„Такъ если ужъ нѣтъ житья и у себя дома, нельзя ли куда-нибудь выселиться?" — Эта мысль возникла сама собою и не могла не возникнуть въ умѣ крестьянъ. Когда желудокъ пустъ, фантазія иногда не въ мѣру разыгрывается и, какъ будто въ утѣшеніе умирающимъ отъ истощенія, выводитъ передъ ихъ потухающими взорами картины заманчиваго довольства Этого рода утѣшеніе испытывали и Латыши Въ ихъ распаленномъ воображеніи стала рисоваться какая-то роскошная, теплая, будто бы ихъ ожидавшая Ейская земля. Почему именно Ейская?—не знаю.

Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, какъ кажется, мало вникавшій въ процессъ образованія народныхъ слуховъ, хотѣлъ непремѣнно доискаться происхожденія этой молвы, ходившей по всей Лифляндіи, и наложить руку на перваго отвѣтственнаго ея изобрѣтателя; но это ему не удалось и послѣ долгихъ усилій онъ выяснилъ только, что слухи, когда то и кѣмъ-то распущенные между Латышами, нашли себѣ какъ бы подкрѣпленіе въ фактѣ переселенія въ 1840 году нѣсколькихъ окрестившихся Евреевъ изъ Курляндіи въ Бессарабію. Какъ бы то ни было, слухи эти быстро разносились и очень можетъ быть (въ подобныхъ случаяхъ безъ этого никогда не обходится), что находились полуграмотные люди, которые, раздѣляя заблужденіе толпы или промышляя ея довѣрчи-

[1]) Чтенія 1865, кн. III, стр. 119.

востью, въ этомъ смыслѣ писали для нея просьбы, или даже обнадеживали ее лживыми справками [1]). Въ всякомъ случаѣ не въ Ригѣ, а въ уѣздахъ, особенно въ Венденскомъ, Валкскомъ и Маріенбургскомъ, зародилась молва о переселеніи, и оттуда толпы крестьянъ стали приходить въ Ригу съ просьбами поскорѣе вывести ихъ изъ Лифляндіи. Скоро число ихъ дошло до нѣсколькихъ тысячъ. Наполнивъ всѣ постоялые дворы и не находя пріютовъ, нѣкоторыя партіи кочевали на площадяхъ, даже противъ дома генералъ-губернатора.

Они метались во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ пороги и перебывали рѣшительно у всѣхъ: у губернатора, у генералъ губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ.

Многіе изъ просителей все-таки по прежнему жаловались на своихъ помѣщиковъ; другіе мололи всякій вздоръ, намекая на какія-то апокрифныя распоряженія правительства на ихъ счетъ; нѣкоторые не имѣли при себѣ узаконенныхъ видовъ на отлучку изъ дому—да и не мудрено. Не могли же вотчинныя конторы благопріятствовать этимъ разорительнымъ отлучкамъ, особенно когда имъ были хорошо извѣстны мечтательныя надежды, побуждавшія Латышей таскаться въ Ригу.— Со стороны крестьянъ, тутъ ужъ было прямое нарушеніе законнаго порядка объ испрошеніи видовъ, и за таковыя ихъ продерзости губернское начальство усердно принялось наказывать ихъ палками, брить имъ половину головы и выпроваживать ихъ домой. Это было заявлено оффиціально барономъ Паленомъ и производилось въ стѣнахъ губернскаго правленія [2]). Наконецъ, 9-го іюня 1841 года одна изъ голодныхъ и запуганныхъ испытанными наказаніями крестьянскихъ артелей, таскаясь по улицамъ города Риги, случайно

---

1) Многіе между прочимъ утверждали, что еще задолго до того времени, когда крестьяне стали обращаться къ православному духовенству, былъ читанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ каѳедръ въ киркахъ и въ какой-то судейской каморѣ какимъ-то писаремъ фальшивый указъ о раздачѣ гдѣ-то на югѣ пустопорожнихъ земель всѣмъ желающимъ переселиться (объ этомъ писалъ преосв. Иринархъ псковскому архіепископу).

2) Отношенія генералъ-губернатора къ министру внутр. дѣлъ 1841 года. 13 и 18 іюля N. № 670 и 701.

забрела на архіерейское подворье, къ преосвященному Иринарху. Онъ выслушалъ терпѣливо безсвязный бредъ крестьянъ, не скрылъ своего къ нимъ сострадания (вѣдь не обязанъ же онъ былъ скрывать его), но объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касался, и что онъ поставленъ былъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія къ той церкви, которой онъ служилъ, желавшихъ вступить въ нее. Въ заключеніе, онъ присовѣтовалъ имъ идти домой, приняться за работу, слушаться помѣщиковъ (это было засвидѣтельствовано губернаторомъ, бар. Фёлькерзамомъ) и отпустилъ ихъ, давъ имъ кусокъ хлѣба и нѣсколько грошей. Не могъ же и онъ встрѣтить ихъ палками и бритвами! Таковъ былъ починъ такъ называемой въ Лифляндіи православной пропаганды: ласковое слово, сочувствіе къ чужой бѣдѣ, скудная милостыня и добрый совѣтъ [1]). А вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ баронъ Паленъ и его руководители все-таки были правы; точно: это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была православная церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ, или любой русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ, или извощикъ, виноваты ли они были въ томъ, что, благодаря порядку вещей, существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ Русскимъ, всякій взглядъ, брошенный на Латыша, потому только, что въ этомъ взглядѣ не было угрозы, всякое слово, потому только, что въ немъ не было брани, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, положимъ даже опасныя надежды? Англійскій консулъ два года тому назадъ въ Архангельскѣ тоже помогалъ голоднымъ,

---

1) Въ „Историческихъ очеркахъ лютеранской церкви въ Лифляндіи" г. Гарлеса (стр. 74) значится, будто бы къ преосв. Иринарху приходили гернгутеры, будто бы онъ разсмотрѣлъ и одобрилъ ихъ книги, обѣщалъ имъ свое покровительство и даже отвелъ имъ для молитвенныхъ собраній православную деревянную церковь на какомъ-то кладбищѣ подъ Ригою. Все это чистѣйшая выдумка и я могу засвидѣтельствовать на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что преосв. Иринархъ не имѣлъ съ гернгутерами рѣшительно никакихъ сношеній.

однако это не поколебало ихъ политической и религіозной вѣрности и не побудило ихъ проситься въ англиканство; а преосвященный Иринархъ сдѣлался вдругъ злонамѣреннымъ подстрекателемъ, мутившимъ слабые умы крестьянъ!... Впрочемъ, и другое лицо въ то же время и почти за то же самое навлекло на себя неудовольствіе мѣстныхъ властей. Это былъ никто иной, какъ жандармскій подполковникъ, въ добавокъ Нѣмецъ, по имени Киршъ. Когда къ нему пришли крестьяне, онъ тоже, какъ видно, имѣлъ неосторожность заговорить съ ними по человѣчески и записать ихъ имена для того (какъ заявлялъ онъ послѣ въ свое оправданіе), чтобъ легче было отыскать ихъ, когда дѣло дойдетъ до палокъ и бритья. Слѣдственная коммиссія, назначенная барономъ Паленомъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата фонъ-Гагемейстера, увѣряла, будто бы крестьяне, бывшіе у русскаго губернатора, у котораго солдаты въ голубыхъ мундирахъ (такъ они выражались, если вѣрить тому, что̀ было записано слѣдователями), остались имъ довольны, утвердились въ прежнихъ своихъ мысляхъ и говорили, что онъ принялъ ихъ хорошо, даже обѣщалъ доложить объ нихъ Государю. За одно это генералъ-губернаторъ жаловался своему другу графу Бенкендорфу на его подчиненнаго, вѣроятно еще новичка и не успѣвшаго усвоить себѣ лифляндскихъ административныхъ пріемовъ. Подполковникъ Киршъ получилъ строгій выговоръ и, кажется, переведенъ былъ на другое мѣсто. Изъ всего этого выходило, что вообще съ крестьянами вовсе не подобало говорить, такъ какъ это во всякомъ случаѣ было опасно, а слѣдовало ограничиться бритьемъ головъ и сѣченіемъ. Никто не хотѣлъ понять, что страшны были не слова и взгляды, а страшна была совокупность мѣстныхъ, издавна сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствительно все выходило страшнымъ, и что старанія прекратить всякія сношенія крестьянъ съ лицами посторонними, къ которымъ они не питали наслѣдственнаго недовѣрія, не только не вели къ успокоенію массы, а, напротивъ, отнимали у нея послѣднюю возможность вразумиться. Такого рода мѣрами крестьянъ довели наконецъ до того, что всѣ тѣ, съ которыми они встрѣчались и имѣли дѣло,

стали въ ихъ понятіяхъ распадаться на двѣ категоріи. Первая состояла изъ ихъ заклятыхъ враговъ; тутъ подразумѣвались тѣ, которые брили и сѣкли, и тѣ, по наущенію и въ интересахъ которыхъ производились сѣченіе и бритье. Вторая категорія вмѣщала въ себѣ немногихъ ихъ доброжелателей и въ нее безъ разбора включались всѣ не прибѣгавшіе къ упомянутымъ средствамъ вразумленія. Въ эту категорію попалъ какъ преосвященный Иринархъ, такъ и жандармскій подполковникъ Киршъ. Затѣмъ дѣйствительнымъ или мнимымъ доброжелателямъ безъ дальнихъ справокъ непремѣнно приписывалось не только полное сочувствіе всѣмъ фантастическимъ надеждамъ народа, но и рѣшительное намѣреніе содѣйствовать ихъ осуществленію. — „Съ такимъ-то говорить можно, значитъ онъ за насъ, а коли за насъ, то, разумѣется, хлопочетъ и о переселеніи нашемъ. Да чуть ли онъ даже и не обѣщалъ хлопотать объ этомъ, или только видно было по всему, что будетъ хлопотать? - Да нѣтъ? Точно обѣщалъ!“ — такъ разсуждалъ народъ, такъ ему дѣйствительно казалось, и этого общаго настроенія его никакъ не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ юридической достовѣрности показаній, которыя въ то время записывались полицейскими чиновниками со словъ, или яко бы со словъ крестьянъ.

Изъ „Записокъ православнаго Латыша“ читатели уже знаютъ, что еще до наступленія голода въ умахъ Латышей зашевелилась потребность такой вѣры, которую они могли бы дѣйствительно считать своею, и такихъ пастырей, которые бы не представлялись имъ, какъ бы особымъ видомъ ненавистной помѣщичьей породы. Теперь, когда народъ всѣми своими надеждами обратился къ Россіи, эта потребность нашла себѣ болѣе опредѣленную формулу—броситься въ объятія православнаго духовенства, и въ то же время слилась съ другимъ желаніемъ – бѣжать изъ края куда-нибудь подальше. Это произошло такъ же естественно, какъ сліяніе въ одинъ потокъ ручьевъ, текущихъ по одной ложбинѣ, хотя бы изъ разныхъ источниковъ; произошло потому, что простой народъ, не обладающій привычкою внутренняго анализа, не способенъ удерживать собственныхъ своихъ побужденій въ строгой раздѣльности. Подобныя явленія вовсе не рѣдки. Если бы, напри-

мѣръ, заданъ былъ вопросъ: отчего у насъ поднялся народъ за бродягою Пугачевымъ?, то, конечно, никто бы не взялся отвѣтить указаніемъ на одно побужденіе. Мы теперь, прислушиваясь къ отголоскамъ, доходящимъ до насъ отъ той эпохи, различаемъ въ нихъ и негодованіе, вызванное темными слухами о разныхъ передрягахъ у самаго престола, и месть озлобленнаго гоненіями раскола, и ненависть къ помѣщикамъ, и свѣжую память о раздольѣ степного быта, и еще другіе мотивы; но въ то время всѣ они сливались въ одинъ нестройный и грозный вопль. Похожее по многосложности и разнообразію побужденій, шевелившихся въ народѣ, происходило въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ [1]).

Вѣсть о пріемѣ, сдѣланномъ преосвященнымъ Иринархомъ приходившимъ къ нему крестьянамъ, быстро разнеслась, и вскорѣ цѣлая толпа появилась у его дверей; но онъ естественно не могъ удовлетворить ея ожиданіямъ и постоянно повторялъ искавшимъ у него помощи, что исключительное его призваніе—служить церкви. Слова епископа произвели на крестьянъ впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько времени они стали подавать ему письменныя прошенія, въ которыхъ жалобы на помѣщиковъ и ходатайства о перечисленіи все-таки составляли главный предметъ (подлинныя слова преосвященнаго Иринарха), но выражалось также и желаніе присоединиться къ церкви—какъ предметъ придаточный [2]). Такого рода просьбъ съ 9-го іюля по 2 августа преосвященный Иринархъ принялъ до 30 отъ нѣсколькихъ

[1]) Этой простой до пошлости истины никакъ не вмѣщаетъ г. Юлій Эккгардъ. Онъ находитъ мое изложеніе „неяснымъ и шаткимъ (unklar und schwankend) собственно потому, что я указываю на разныя причины: неудовлетворительность поземельнаго устройства крестьянъ, потребность живой вѣры, противодѣйствіе исключительному господству нѣмецкой стихіи (примѣчаніе 12 къ нѣмецкому переводу 1-го выпуска Окраинъ Россіи, стр. 206). По словамъ остзейскихъ публицистовъ, стремленіе къ православію объясняется очень просто—лживыми обѣщаніями неуловимыхъ агентовъ православія, а позднѣйшее обратное стремленіе новообращенныхъ къ прежней ихъ вѣрѣ также просто—жаждою причастія (Durst nach dem Abendmahle), которой православная церковь будто-бы не въ силахъ утолить. Такое толкованіе, дѣйствительно, очень ясно и немногосложно, но это не исторія, а историческій подлогъ.

[2]) Отношеніе къ архіепископу псковскому 6 августа 1841 года № 937.

тысячъ душъ и по мѣрѣ поступленія препровождалъ ихъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода въ томъ предположеніи, „что сіи желанія крестьянъ, равно какъ и ихъ жалобы на помѣщиковъ, которыя мѣстное гражданское начальство, повидимому, старалось замять и скрыть отъ правительства, онъ (оберъ-прокуроръ) можетъ быть, найдетъ нужнымъ передать кому слѣдуетъ“ [1]). При этомъ рижскій епископъ ссылался также на 16 пунктъ данной ему отъ Святѣйшаго Синода инструкціи, которымъ „вмѣнялось ему въ обязанность соотвѣтствовать Высочайшимъ ожиданіямъ въ указѣ отъ 29 іюля 1836 изъясненнымъ касательно здѣшнихъ иновѣрцевъ [2])— каковой пунктъ въ настоящемъ случаѣ съ пользою могъ имѣть свое приложеніе; ибо если правительство захочетъ воспользоваться настоящимъ происшествіемъ, то легко можетъ умножить здѣсь число православныхъ, облегчить участь крестьянъ, даже безъ переселенія ихъ въ другія губерніи, и положить прочное основаніе быстрому преобразованію здѣшняго края въ религіозномъ отношеніи“ — До какой степени принятіе отъ крестьянъ упомянутыхъ просьбъ дѣйствительно оправдывалось инструкціею—остается пока вопросомъ; положительно только то, что графъ Протасовъ представлялъ ихъ Государю Императору, передавалъ ихъ по Высочайшему повелѣнію министру внутреннихъ дѣлъ и до 30 іюля не останавливалъ дѣйствій рижскаго епископа, даже не выражалъ ему ни одобренія, ни неодобренія [3]).

Между тѣмъ преосвященный Иринархъ при всѣхъ своихъ свиданіяхъ съ крестьянами не переставалъ повторять имъ, что онъ ничего не могъ сдѣлать ни для улучшенія ихъ хозяйственнаго быта на мѣстѣ, ни для переселенія ихъ, и что вообще этотъ предметъ не имѣлъ ничего общаго съ другимъ ихъ прошеніемъ о присоединеніи ихъ къ православной церкви, которое одно подлежало его вѣдѣнію. Эти частыя объясненія мало по малу проникали въ умы крестьянъ, и многіе стали

---

1) Тамъ же.

2) Этого намека я не въ состояніи изъяснить, такъ какъ при всемъ стараніи не могъ достать ни инструкціи, ни указа 29 іюля 1836 года.

3) Отношеніе графа Протасова къ преосвященному Иринарху 30 іюля № 5080.

наконецъ подавать просьбы только о перемѣнѣ вѣры, не упоминая вовсе о переселеніи. Само собою разумѣется, что это отнюдь еще не было доказательствомъ полнаго ихъ вразумленія и сознательнаго отреченія отъ надеждъ на мірскія выгоды; но это былъ первый къ тому шагъ – стремленіе постепенно выяснялось и очищалось. Не считая себя вправѣ и не имѣя желанія запереться, притвориться ничего не слышащимъ и отвѣчать на всѣ и всякія просьбы голословнымъ отказомъ, преосвященный не могъ не дать имъ какого-нибудь хода и чѣмъ-нибудь не успокоить крестьянъ, толпами къ нему валившихъ и не расходившихся. Онъ поручилъ одному изъ состоявшихъ при немъ священниковъ, знавшему по-латышски, принимать крестьянъ, выслушивать ихъ и давать имъ нужныя объясненія. Для характеристики тогдашняго движенія и понятій, господствовавшихъ въ народѣ, кстати привести здѣсь случай, записанный мною до поѣздки моей въ Ригу двадцать пять лѣтъ тому назадъ со словъ очевидца, которому я имѣю полное основаніе вѣрить. Разъ, въ то время какъ упомянутый священникъ разговаривалъ въ своей комнатѣ съ Латышами, къ нему вошелъ мальчикъ, посланный проживавшимъ въ Ригѣ солдатомъ съ просьбою прійти къ нему и дать молитву женѣ его, только что родившей. Священникъ призадумался было прервать свои объясненія, но потомъ однако пошелъ, сказавъ толпившимся у него Латышамъ, чтобъ они его обождали. По уходѣ его между Латышами завязался слѣдующій разговоръ, разсказанный потомъ женою священника, знавшею по-латышски: „Если адъютантъ епископа (такъ они назвали священника) рѣшился идти самъ, то вѣрно звалъ его офицеръ“.—„Нѣтъ, за нимъ послалъ простой солдатъ“.— „Странно! Впрочемъ и у иного солдата водятся деньги и онъ, конечно, щедро наградитъ священника за безпокойство“.—„А что?... какъ онъ вернется, спросимъ у него, что̀ онъ получилъ за свой трудъ?“ — „Спросимъ“. — Какъ только вошелъ священникъ, Латыши обступили его съ вопросомъ. Онъ получилъ гривенникъ и, спѣша домой, сунулъ его въ перчатку. Доказательство было на лицо, а другихъ денегъ при священникѣ не оказалось. Это такъ поразило Латышей, что одинъ изъ нихъ всплеснулъ руками и, обратившись къ ви-

сѣвшему въ углу образу, воскликнулъ: „Вотъ каковы русскіе пасторы! А нашего-то попробуй заманить къ бѣдному человѣку! Кончено! Хочу непремѣнно къ русскому пастору и въ русскую вѣру".—Скажутъ (также не безъ основанія), что и это была своего рода пропаганда; но что же было противъ нея дѣлать? А что ея дѣйствительно боялись, это понятно и на это имѣются доказательства. Къ тому же священнику, о которомъ говорено выше, заходили незнакомые ему люди и предлагали значительную по его состоянію сумму денегъ, лишь бы онъ прекратилъ записываніе; потомъ стали подбрасывать къ нему безыменныя письма, въ которыхъ угрожали ему отравою, и такъ напугали его, что нѣкоторое время онъ пекъ хлѣбъ у себя на дому.

О сношеніяхъ, завязавшихся между Латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, разумѣется, очень скоро узнали начальникъ губерніи, главный начальникъ края, лютеранское духовенство и высшее нѣмецкое общество. Поднялась тревога. Приняты были самыя строгія и въ то же время самыя раздражительныя мѣры, чтобъ отнять у крестьянъ возможность посѣщать епископа и священниковъ. Дома послѣднихъ были оцѣплены переодѣтыми агентами полиціи; одинъ русскій приказчикъ, по просьбѣ зашедшихъ къ нему Латышей указавшій имъ изъ своей лавки квартиру архіерея, за одно это былъ арестованъ; всѣхъ крестьянъ, пробиравшихся къ преосвященному или къ священникамъ, равно какъ и возвращавшихся оттуда, немедленно хватали какъ въ городѣ, такъ и въ цитатели (при содѣйствіи коменданта) и отводили къ допросу въ губернское правленіе, иногда отбирались показанія и отъ сопровождавшихъ ихъ священниковъ, притомъ безъ приглашенія депутата со стороны духовенства — объ этомъ въ попыхахъ не думали; крестьянъ, приходившихъ изъ уѣздовъ, задерживали у городскихъ воротъ; посылались даже за городъ полицейскіе съ военными командами, которымъ вмѣнялось въ обязанность останавливать „подозрительнымъ образомъ приходившихъ крестьянъ", обращать ихъ назадъ, буде окажется, что они шли въ городъ для ходатайства о переселеніи, а „упрямыхъ немедленно наказывать на мѣстѣ". Все это дѣлалось съ людьми,

считавшимися вольными, и обо всемъ этомъ баронъ Паленъ подробно увѣдомлялъ министра внутреннихъ дѣлъ [1]) Понятно, что насиліе, употребленное съ одной стороны, вызвало хитрость съ другой. Крестьяне стали пробираться къ священникамъ тайкомъ, въ сумерки, а чтобы проскользнуть въ городъ, нѣкоторые нарочно снимали съ себя верхнюю одежду, не доходя до заставы, и проходили черезъ нее въ однѣхъ рубашкахъ, будто бы городскіе работники, возвращающіеся на свои квартиры.

На съѣздѣ пасторовъ въ Венденѣ предложенъ былъ вопросъ: какія принять мѣры, чтобъ отклонить стремленіе крестьянъ къ православной церкви? Въ это же время мѣстная коммиссія, учрежденная въ Венденѣ для изслѣдованія причинъ предъявленнаго крестьянами желанія переселяться въ другія губерніи и состоявшая изъ депутата дворянства, орднунгсъ-рихтера и уѣзднаго фискала (разумѣется, все мѣстныхъ дворянъ и лютеранъ), свидѣтельствовала, „что перемѣнить вѣру никто не изъявилъ желанія".—(Еще бы! Имъ-то изъявлять!) Но она однако находила нужнымъ „положительно запретить рижскому епископу принимать у себя крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не домогались, кромѣ одной перемѣны вѣры" [2]). Слѣдователи, очевидно, начинали терять голову. Напуганный не менѣе ихъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, баронъ Паленъ послѣдовалъ ихъ совѣту и сперва черезъ посредство гражданскаго губернатора барона Фелькерзама, потомъ прямо отъ себя потребовалъ отъ епископа, чтобъ онъ вовсе не принималъ крестьянъ, хотя бы они являлись къ нему только съ просьбами о переходѣ въ православную вѣру, а просто бы имъ отказывалъ и, не записывая ихъ именъ, обращалъ бы ихъ къ губернскому начальству. Требованіе свое баронъ Паленъ мотивировалъ тѣмъ, что приливъ крестьянъ изъ уѣздовъ въ Ригу продолжался только потому, что возвращавшіеся изъ города распространяли слухъ, будто бы въ домѣ архіерея записывались имена желавшихъ переселиться. На это преосвященный Иринархъ отвѣчалъ бук-

---

[1]) Отношеніе 10 августа № 786.

[2]) Отношеніе генер.-губ. къ минис. внут. д. 1841 іюля 18 № 701.

вально, „что въ домѣ его никто никакихъ записей на переселеніе не дѣлаетъ, что запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія своего начальства, ибо это значило бы отказаться отъ одной изъ главныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылать приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо они являются къ нему, побывавъ уже у гражданскаго начальства, что доказываютъ ихъ бритыя головы, и что при томъ окружающая домъ его полиція и безъ того беретъ ихъ всѣхъ къ допросамъ въ губернское правленіе" [1]). Съ этого началась война, и планъ кампаніи нѣмецко-лютеранской партіи тотчасъ обозначился.

Крестьяне бѣдствовали и волновались—этого факта нельзя было отрицать, а онъ естественно могъ побудить высшее правительство всмотрѣться ближе въ ихъ положеніе и навести его на мысль о существенныхъ измѣненіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Крестьяне просились въ православную церковь, съ затаенными задними надеждами или безъ нихъ, но все-таки просились—этого также нельзя было скрыть и было достаточное основаніе ожидать, что такое необычное явленіе послужитъ подтвержденіемъ другого факта на слѣдъ котораго уже и прежде не разъ нападало правительство, а именно: полнаго равнодушія крестьянъ къ лютеранству, и слѣдовательно крайней неудовлетворительности нравственныхъ отношеній лютеранскаго духовенства къ ввѣренной ему паствѣ.

При этомъ, конечно, трудно было надѣяться, чтобы правительство, безъ дальнихъ справокъ и оговорокъ, просто на просто запретило присоединять Латышей къ церкви, пользующейся титуломъ господствующей; а между тѣмъ всякое разрѣшеніе присоединенія, хотя бы условное, хотя бы даже обставленное всевозможными затрудненіями, легко могло повлечь за собою отпаденіе всего простонародія отъ лютеранства [2]). Это грозило окончательнымъ разореніемъ мѣстному

---

[1]) Отношеніе преосв. Иринарха къ арх. псковс. 6-го авг. 1841. № 937.

[2]) Даже въ позднѣйшую эпоху, когда уже стало видно, что правительство не окажетъ Латышамъ, перешедшимъ въ православіе, никакой защиты, на лифляндскомъ синодѣ 1849 года прочтенъ былъ докладъ, въ которомъ необхо-

духовенству и подкосило бы въ корнѣ нѣмецкое владычество въ Лифляндіи, разорвавъ послѣднюю нравственную связь дворянства съ народомъ, какъ выражались депутаты дворянства въ 1846 году. Итакъ въ интересахъ господствовавшей партіи было крайне необходимо подвернуть правительству такое объясненіе движенія, происходившаго въ Лифляндіи, которое удовлетворило бы его вполнѣ, замаскировало бы отъ него многосложныя побужденія, шевелившіяся въ народѣ, и такимъ образомъ отвлекло бы нашихъ государственныхъ мужей отъ мысли всмотрѣться въ дѣло ближе и добраться до самой его сущности. На такого именно рода надобности издавна припасены очень пригодныя слова. Они хороши особенно тѣмъ, что ими выражаются понятія, крайне тягучія, подъ которыя легко подвести самыя разнохарактерныя явленія, лишь бы они имѣли наружный видъ нестройности и происходили въ низшихъ слояхъ общества; другое достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что, будучи разъ произнесены и приняты для обозначенія того или другого факта, они избавляютъ отъ труда долго думать, а прямо наводятъ на извѣстный порядокъ всѣми затверженныхъ практическихъ мѣръ. Таково, напримѣръ, слово бунтъ. И вотъ, окрестили движеніе лифляндскихъ крестьянъ въ православіе этимъ драгоцѣннымъ словомъ.

„Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія". — Эту въ своемъ родѣ мастерскую фразу сочинилъ и первый пустилъ въ ходъ предсѣдатель сдѣдственной коммиссіи фонъ-Гагемейстеръ; послѣ этого генералъ-губернаторъ, которому

димость строжайшихъ мѣръ противъ гернгутеровъ мотивировалась слѣдующими словами: „Не будучи пророкомъ, нельзя однако не предусматривать, что если еще одно поколѣніе гернгутеровъ останется при прежнихъ способахъ дѣйствія, то въ Лифляндіи въ конецъ исчезнетъ какъ лютеранство, такъ и само гернгутерство и останется одна греческая церковь, да при ней въ деревняхъ скудные разрозненные осколки евангелической вѣры; ибо гернгутерство, эта самодѣльная, на пескѣ выстроенная храмина не выдержитъ напора вѣтровъ и дождей" (Д. Гарнакъ стр. 370).

она, кажется, очень полюбилась, не разъ переписывалъ ее цѣликомъ или по частямъ въ своихъ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ своему патрону и другу, графу Бенкендорфу; черезъ послѣдняго она разнеслась по всему Петербургу и тамъ возымѣла желаемый успѣхъ. А между тѣмъ въ то самое время, какъ Лифляндіи будто бы угрожали явное возмущеніе, кровопролитіе и опустошеніе, тамошніе дворяне по прежнему съѣзжались въ уѣздные города и въ Ригу на собранія по своимъ сословнымъ дѣламъ, преспокойно оставляя на произволъ судьбы въ деревняхъ свою собственность и свои семьи; но про это въ Петербургѣ не знали, или не хотѣли знать. Сказано было бунтъ, и довольно! а такъ какъ всякій бунтъ непремѣнно предполагаетъ зачинщиковъ, то въ настоящемъ случаѣ роль эта естественно выпала православному духовенству, въ особенности же преосвященному Иринарху, какъ главному лиходѣю. Затѣмъ оставалось только постараться, чтобъ высшее правительство и самъ Государь Императоръ усвоили себѣ придуманное толкованіе лифляндскаго движенія (это ужъ было дѣло петербургскаго министерства остзейскихъ дѣлъ) и наконецъ, подготовивъ почву, подобрать на мѣстахъ какія-нибудь подобія уликъ и доказательствъ. Съ этой минуты все православное духовенство въ Лифляндіи взято было подъ секретный надзоръ мѣстной полиціи, и вся дѣятельность тамошнихъ властей сосредоточилась почти исключительно на подслушиваніи и на подшептываніи доносовъ, противъ него направленныхъ. Для почина всего удобнѣе было воспользоваться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ понятіяхъ крестьянъ духовное дѣйствительно перемѣшивалось съ мірскимъ, и что поэтому, какъ бы преосвященный Иринархъ ни отбивался отъ жалобъ и ходатайствъ по дѣламъ, до него не касавшимся, они все-таки до него доходили. Въ доказательство обвиненій, взводимыхъ на епископа, баронъ Паленъ сообщилъ въ Петербургъ слѣдующее обстоятельство.

Нѣкій Григорій Спасскій, уволенный изъ духовнаго званія и проживавшій до 15 іюля въ домѣ церковнослужителей Алексѣевской церкви, противъ дома, занимаемаго епископомъ, сдѣлалъ въ губернскомъ правленіи словесное заявленіе, вслѣдъ

затѣмъ изложенное имъ письменно и начинавшееся такимъ образомъ: „Услыхавъ, что крестьяне Лифляндской губерніи пришли въ безпорядокъ какъ бы оттого, что его преосвященство употребляетъ свое стараніе о ихъ переселеніи, и узнавъ, что отъ этого очевидно могутъ произойти опасныя послѣдствія, нынѣ я, какъ также виновный въ этомъ безпорядкѣ, осмѣливаюсь пасть къ стопамъ благомилостиваго моего начальства и съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ о сдѣланномъ проступкѣ открыть нижеслѣдующее". Это вступленіе опредѣляетъ тонъ показанія и достаточно обрисовываетъ личность кающагося грѣшника. Далѣе онъ подробно повѣствовалъ, что рижской Алексѣевской церкви священникъ Фасановъ поручалъ ему написать для приходившихъ къ преосвященному Иринарху Латышей просьбу объ исходатайствованіи имъ перевода въ другую губернію на какія-то земли, будто бы по Высочайшей волѣ на то опредѣленныя, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами, за что они изъ чувства благодарности давали обѣщаніе перейти въ православіе. Сомнѣваясь, чтобъ такое прошеніе имѣло законное основаніе, онъ, Спасскій, будто бы долго отнекивался; но Фасановъ уговорилъ его, сказавъ, что это дѣло доброе, что крестьяне освободятся отъ помѣщиковъ, а православная вѣра распространится. Послѣ этого, и когда самъ Фасановъ продиктовалъ ему просьбу, онъ, Спасскій, не посмѣлъ ослушаться своего начальства и, хотя противъ воли, написалъ черновое прошеніе, которое было своеручно исправлено Фасановымъ и потомъ переписано. Латыши дали Спасскому за труды 75 коп., которыя онъ совѣстился принять, но однако принялъ. Въ другой разъ и при такихъ же обстоятельствахъ была имъ написана такого же содержанія просьба по порученію эконома архіерейскаго дома, священника Погонялова, и архіерейскаго келейника Анненкова. Но на сей разъ пришедшіе Латыши долго не соглашались на условіе о переходѣ въ православіе, однако наконецъ были уговорены упомянутыми лицами, объявившими имъ, что буде они не дадутъ требуемаго обѣщанія, то и архіерей за нихъ ходатайствовать не будетъ. Обѣ просьбы были подписаны крестьянами какъ за

себя, такъ и за отсутствующихъ и поданы ими архіерею, который ихъ принялъ. На другой день архіерей поручилъ священнику Погонялову объявить ему, Спасскому, чтобъ онъ впередъ никакихъ просьбъ для крестьянъ не писалъ, такъ какъ по выходѣ его изъ духовнаго званія гражданское начальство стало бы ему за это мстить. Къ этому Погоняловъ прибавилъ, что его преосвященство приказалъ объявить крестьянахъ, что буде они хотятъ переселиться съ условіемъ перейти въ православіе, то могутъ объ этомъ просить черезъ уполномоченныхъ, снабжая ихъ довѣренностями отъ многихъ. Сверхъ всего этого Спасскій передавалъ какъ слухъ, сообщенный ему церковнымъ сторожемъ, водившимъ крестьянъ въ архіерейскій домъ, что преосвященный разспрашивалъ крестьянъ о томъ, какъ обращаются съ ними помѣщики, и что теперь составленіемъ таковыхъ же просьбъ занимаются другія лица, какъ это было и прежде. Въ заключеніе Спасскій вторично „повергался къ стопамъ всемилостивѣйшаго своего начальства, описывалъ угрызенія своей совѣсти, объяснялъ, что къ принесенію чистосердечнаго покаянія побудила его надежда умалить этимъ свою вину, и просилъ прощенія въ своемъ преступленіи, въ которое онъ впалъ только изъ одного повиновенія прежнему своему (духовному) начальству и изъ опасенія, чтобъ оно не отказало ему въ аттестатѣ для увольненія изъ духовнаго званія“. Къ изложенному показанію, возбуждающему при чтеніи непріятное ощущеніе, похожее на тошноту, приложена была и улика: черновое прошеніе, будто бы своеручно исправленное священникомъ Фасановымъ

По этому извѣту формальнаго слѣдствія въ то время произведено не было и о содержаніи его мѣстное начальство не сообщило преосвященному Иринарху ни единаго слова; но черезъ нѣсколько времени онъ самъ узналъ о немъ по слухамъ, и поэтому въ числѣ другихъ обстоятельствъ донесъ Святѣйшему Синоду слѣдующее: „Изслѣдованіе (нужно понимать опросъ), произведенное гражданскимъ начальствомъ, мнѣ совершенно неизвѣтно. Рижскій военный губернаторъ писалъ мнѣ, что въ моемъ домѣ производятся записи крестьянъ на переселеніе; я просилъ его увѣдомить меня, кто

именно этимъ занимается и представить документы въ улику, дабы я въ этомъ случаѣ могъ сдѣлать распоряженіе, ему угодное, но на отношеніе мое не послѣдовало никакого отвѣта. Не знаю, какія именно прошенія имѣетъ въ виду гражданское начальство; если оно разумѣетъ прошенія о переселеніи крестьянъ и о присоединеніи ихъ къ православію, то я смѣло могу увѣрить, что такихъ прошеній никто изъ здѣшняго духовенства не писалъ. Двѣ первыя поданныя мнѣ просьбы сего рода были писаны однимъ уволеннымъ изъ духовнаго званія причетникомъ, по прозванію Спасскимъ, но и ему, несмотря на то, что онъ не состоитъ въ моемъ вѣдомствѣ, вскорѣ по полученіи сихъ прошеній дано было мною знать черезъ эконома моего дома, чтобъ онъ не писалъ таковыхъ прошеній, и дѣйствительно послѣ того я не видалъ болѣе его руки въ прошеніяхъ".

Стало-быть, подумаетъ читатель, все-таки въ доносѣ Спасскаго, отчасти на самого себя, а больше на бывшихъ его товарищей и на архіерея, была же доля правды; желательно бы только знать: все ли въ немъ правда и одна ли правда? Этотъ вопросъ разъяснился нѣсколькими мѣсяцами позднѣе и уже послѣ того, какъ преосвященный Иринархъ и его ближайшіе помощники испытали на себѣ всю тягость Высочайшаго гнѣва. Только тогда доносъ Спасскаго и приложенное къ нему черновое прошеніе были разсмотрѣны Синодомъ, предъявлены кому слѣдовало для надлежащаго противъ нихъ объясненія и оцѣнены по достоинству.

Вотъ что при этомъ оказалось: на черновомъ прошеніи, писанномъ Спасскимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было передано графомъ Бенкендорфомъ оберъ прокурору Св. Синода, надъ титуломъ рукою того же Спасскаго и за его подписью было написано: „Прошу Васъ, чтó не такъ, исправить или чтò нужно, добавить и прислать мнѣ для переписки". Передъ словомъ „п р о ш у" стоялъ восклицательный знакъ, а передъ этимъ знакомъ безъ сомнѣнія было прописано имя лица, къ которому обращался Спасскій; но край листа, на которомъ выставлено было это имя и начало обращенія, былъ отодранъ. Къ кому же именно относилась приписка? Для разрѣшенія этого вопроса приступлено было къ сличенію

поправокъ, которыя Спасскій приписывалъ священнику Фасанову, съ почеркомъ послѣдняго, и между ними не оказалось никакого сходства.

Такимъ образомъ главная улика сама собою улетучилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ пало естественное подозрѣніе на добросовѣстность доносчика. Слѣдовало бы опросить и его формальнымъ порядкомъ, давъ ему очную ставку съ оговоренными имъ лицами; но объ этомъ почему-то не подумали. Для характеристики этой личности остается прибавить, что поводомъ къ увольненію его изъ духовнаго званія было дурное его поведеніе; что онъ бродяжничалъ по Курляндіи, бѣдствовалъ въ крайней нуждѣ, искалъ письменныхъ занятій, и въ письмѣ къ тому же самому священнику Фасанову, котораго онъ послѣ оговорилъ, напоминая о прежнихъ оказанныхъ ему, Спасскому, Фасановымъ благодѣяніяхъ, испрашивалъ денежнаго себѣ пособія. Обнаружилось также, что незадолго до поданнаго Спасскимъ заявленія, которымъ онъ обвинялъ въ недобросовѣстныхъ продѣлкахъ архіерея и своихъ бывшихъ сослуживцевъ, онъ сблизился съ однимъ рижскимъ священникомъ, бывшимъ подъ запрещеніемъ, который былъ всегда въ рѣшительномъ разладѣ со всѣми членами мѣстнаго духовенства. Этотъ священникъ водилъ Спасскаго въ губрнское правленіе съ какою-то просьбою и потомъ ходатайствовалъ о награжденіи его за принесенное имъ чистосердечное признаніе. Дѣйствительно Спасскій вскорѣ послѣ того получилъ два мѣста, одно въ губернскомъ правленіи, другое въ канцеляріи генералъ-губернатора. Сообразивъ совокупность этихъ обстоятельствъ и припомнивъ, что въ то же самое время невидимыя руки въ подметныхъ письмахъ обольщали и стращали православныхъ священниковъ, нельзя не отнестись по крайней мѣрѣ съ крайнею осторожностью къ подозрительной личности, такъ кстати подвернувшейся съ своимъ доносомъ подъ руку мѣстнымъ властямъ, ловившимъ на всѣхъ перекресткахъ и, такъ сказать, выжимавшимъ изо всего улики противъ нашего духовенства.

Изъ лицъ, упомянутыхъ въ доносѣ Спасскаго, священникъ Погоняловъ (экономъ) подтвердилъ, что разъ онъ дѣйстви-

тельно указалъ Спасскому на стоявшихъ въ пѣвческой крестьянъ, желавшихъ подать просьбу о перечисленіи и о присоединеніи ихъ къ церкви, при чемъ сказалъ только: напиши, если можешь. Священникъ Фасановъ не только отвергъ приписываемое ему участіе въ составленіи просьбы Спасскимъ, но прибавилъ, что самъ отклонялъ его отъ этого. Всѣ опрошенные показали единогласно, что по полученіи первыхъ двухъ просьбъ, писанныхъ Спасскимъ, преосвященный Иринархъ безусловно запретилъ имъ заниматься этимъ дѣломъ; что вообще съ разрѣшенія архіерея писали для крестьянъ просьбы только священники Погоняловъ и Заволоцкій, бывшій при единовѣрческой церкви, и что никто изъ нихъ не только не писалъ ни одной просьбы, въ которой бы упоминалось о переселеніи или объ улучшеніи хозяйственнаго быта поселянъ въ самой Лифляндіи, но и на словахъ не подавалъ крестьянамъ никакого повода укрѣпляться въ подобныхъ надеждахъ. Напротивъ, всѣ они по примѣру самого архіерея старались ихъ въ этомъ разувѣрить.

Прописанный доносъ Спасскаго былъ далеко не единственный въ своемъ родѣ, хотя и отличался отъ другихъ подобныхъ сравнительно большею опредѣлительностью. Какъ сказано было выше, всѣхъ крестьянъ, ходившихъ къ священникамъ или возвращавшихся отъ нихъ или подозрѣваемыхъ въ намѣреніи войти съ ними въ сношеніе, хватали, сѣкли (вѣроятно для возбужденія въ нихъ бодрости и правдивости), потомъ опрашивали въ губернскомъ правленіи. Баронъ Паленъ съ каждою почтою посылалъ министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ цѣлыя кипы выписокъ изъ ихъ показаній, продолжая по прежнему не сообщать изъ нихъ ни полслова преосвященному Иринарху. Слѣдующія выписки дадутъ читателямъ понятіе о множествѣ однородныхъ заявленій.

„4-го августа утромъ видны были на дорогѣ отъ епископскаго дома въ цитадель нѣкоторые крестьяне эстонской націи. По донесеніи мнѣ о томъ а также, что они скрылись отъ розысканія полиціи, я поручилъ коменданту, задержавъ ихъ при выходѣ изъ цитадели, передать полиціи, что̀ и было исполнено, когда они выходили изъ цитадели съ священни-

ками Суворовымъ и Заволоцкимъ, при чемъ послѣдній объявилъ, что онъ написалъ имъ прошеніе и хотѣлъ вести ихъ къ его преосвященству [1]). Задержанные крестьяне допрошены въ губернскомъ правленіи, и большинство изъ нихъ сознадось въ томъ, что частью за себя, частью же по довѣренности за другихъ по предмету переселенія приходили сюда къ епископу, откуда ихъ отослали въ цитадель къ священникамъ, которые имъ обѣщали переселеніе съ условіемъ принятія ими православной вѣры и тогда ихъ записали".

„Жительствующій здѣсь уволенный отъ военной службы губернскій секретарь Евгеній Стуартъ для нѣкоторыхъ крестьянъ помѣстья Альтъ-Каркельнъ составилъ за плату на имя его преосвященства просьбу о переселеніи ихъ въ Саратовскую или другую губернію; но его преосвященство 2-го августа, принявъ подобныя просьбы отъ другихъ крестьянъ, нашелъ прошеніе не подлежащимъ и возвратилъ оное подателю Сигеру Юмбургу (повѣренному отъ крестьянъ); засимъ губернскій секретарь Стуартъ приписалъ на просьбѣ, что крестьяне съ тѣмъ вмѣстѣ просятъ и о присоединеніи ихъ къ православію. Но Сигеръ Юмбургъ не захотѣлъ брать просьбы съ такимъ прибавленіемъ и требовалъ возврата заплаченныхъ за сочиненіе ея денегъ, изъ чего обнаруживается, что если бъ Стуартъ сначала включилъ это условіе, то люди безъ малѣйшаго сомнѣнія не подписали бы просьбу, писанную на языкѣ совершенно имъ чуждомъ, въ убѣжденіи, что она содержитъ въ себѣ только предметъ ихъ желанія".

До сихъ поръ мы видѣли мелкія экспедиціи, а вотъ образчикъ цѣлой облавы на людей: „8-го августа по показаніямъ задержанныхъ на улицахъ подозрительныхъ крестьянъ рижская полиція производила розысканіе въ окрестностяхъ города, и найдено въ лѣсу пристанище, гдѣ было собравшихся 40 человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи съ лошадьми и телѣгами. Большая часть изъ сихъ людей, вѣроятно предостереженная выставленными караульщиками, скры-

[1]) Людей хватали, какъ видно, ни про что ни за что, такъ просто, за то, что шли по улицѣ съ священникомъ, а не съ пасторомъ, съ Суворовымъ или Заволоцкимъ, а не съ Голдгамеромъ или Шмитомъ.

лась; восемь же задержаны полиціею и представлены 8-го августа въ губернское правленіе, гдѣ они, равно какъ и всѣ прочіе допрошенные тамъ въ послѣднее время крестьяне, не объявивъ ни малѣйшей жалобы на ихъ помѣщиковъ [1]), сознались въ томъ, что пришли по порученію ихъ обществъ, дабы тайно произвести въ дѣйствіе чрезъ духовенство православной церкви обѣщанное имъ на выгодныхъ условіяхъ переселеніе".

„Трое изъ крестьянъ, задержанныхъ на обратномъ пути отъ архіерея, къ которому они были проведены тайкомъ на разсвѣтѣ, показали наконецъ, что были тамъ шесть часовъ, въ каковое время три священника имѣли съ ними переговоры, между тѣмъ какъ четвертый, котораго описываютъ какъ епископа, стоялъ за стеклянными дверьми; что мало только могли разумѣть сихъ трехъ священниковъ по причинѣ незнанія русскаго языка, однако жъ столько поняли, что ихъ уговаривали перейти въ православную вѣру, при чемъ между прочимъ и показали имъ крестъ, который должны были цѣловать, а что пришли они въ Ригу только по предмету переселенія, но отнюдь не для перемѣны вѣры, о чемъ знать не хотятъ".

Попадались однако и такіе крестьяне, которые хотѣли объ этомъ знать. Самъ баронъ Паленъ писалъ: „Трое изъ схваченныхъ полиціею и опрошенныхъ крестьянъ, отрицаясь (sic) въ намѣреніи переселенія, утвердили, что только по предмету ихъ присоединенія къ православію обращались къ священникамъ". Стало быть проявлялось и побужденіе религіозное? Какъ же съ этимъ быть? Слушайте: „Однакожъ (продолжаетъ баронъ Паленъ) изъ допроса явствуетъ [2]), что таковое показаніе было ложно и умышленно (?), ибо не подлежитъ

---

[1]) Это выписано буквально изъ отношенія барона Палена 10 августа № 786; при этомъ онъ, конечно, запамятовалъ, что въ отношеніи его 3 августа № 753 онъ писалъ: „Всѣ жалобы на помѣщиковъ, принесенныя гражданскому начальству бывшими въ Ригѣ по предмету ихъ переселенія крестьянами, по распоряженію моему переданы губернскимъ правленіемъ надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, и я бдительно тщусь о безотлагательномъ ихъ разсмотрѣніи и законномъ рѣшеніи.

[2]) Изъ допроса приведены только выписанныя слова.

никакому сомнѣнію (почему?), что лишь только обѣщаемое имъ достиженіе желанія выгоднаго переселенія побуждало ихъ къ изъявленію намѣренія о перемѣнѣ вѣры, почему заключить должно о мнѣніи ихъ, что послѣ того уже послѣдуетъ исполненіе ихъ домогательства" [1]).

Итакъ, не изъ показаній извлекалось общее понятіе о настроеніи крестьянъ, а наоборотъ, предвзятое понятіе служило оселкомъ при сужденіи о показаніяхъ. Выходило такъ, что всякому изъ-подъ палки данному свидѣтельству, какъ бы неправдоподобно оно ни было (напримѣръ, разсказу о преосвященномъ Иринархѣ, будто бы изъ за двери подслушивавшимъ разговоръ) слѣдовало вѣрить, если только оно содержало въ себѣ улику противъ православнаго духовенства; а когда высказывалось твердое желаніе православія православія ради, можно было отвергать показаніе, полагаясь на безошибочность психологическихъ наблюденій губернскаго правленія, передъ очами котораго, какъ какой-нибудь журналъ лежала разверзтая народная совѣсть.

Я предполагаю однако, что даже тѣ изъ читателей, которые не бывали въ Лифляндіи и не имѣли случая собственнымъ опытомъ научиться крайней осторожности въ обращеніи съ тамошними такъ называемыми подлинными актами, все-таки не сочтутъ излишнимъ взглянуть на дѣло нѣсколько критически.

Прежде всего посмотримъ на образъ дѣйствія преосвященнаго Иринарха. Не онъ заманилъ къ себѣ крестьянъ, а они сами пришли къ нему, сперва случайно, потомъ стали приходить цѣлыми партіями, какъ къ единственному лицу, не отталкивавшему ихъ отъ себя. Можетъ быть, на первыхъ порахъ онъ поступилъ неосторожно, принявъ отъ нихъ нѣсколько просьбъ, въ которыхъ они жаловались на свое невыносимое положеніе, на притѣсненія помѣщиковъ, на свою нищету, и ходатайствовали о разрѣшеніи имъ навсегда покинуть свою родину; но въ этомъ случаѣ его до нѣкоторой степени извиняетъ желаніе сообщить правительству такія

---

[1]) Отношенія генералъ-губернатора къ министру внутреннихъ дѣлъ 3, 8, 10 августа № 753, 785, 786.

данныя, по которымъ бы оно могло составить себѣ точное понятіе о характерѣ движенія и о настроеніи крестьянъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно было преосвященному Иринарху, мѣстное начальство въ своихъ донесеніяхъ преднамѣренно извращало дѣло, чтобъ запугать правительство. Съ другой стороны, самая эта неосторожность свидѣтельствуетъ о явной неосновательности главнаго обвиненія, взведеннаго на епископа ненавидѣвшею его партіею. Если бы преосвященный Иринархъ, у котораго злѣйшіе его враги не оспаривали ни ума, ни практическаго такта, способенъ былъ обольщать крестьянъ вещественными выгодами, которыхъ онъ имъ доставить не могъ, если бъ онъ точно имѣлъ намѣреніе вскружить имъ головы и, такъ сказать, загнать ихъ въ православную церковь (чего онъ не считалъ себя вправѣ сдѣлать безъ разрѣшенія свыше), то сталъ ли бы онъ предъявлять правительству документальныя доказательства того, что во многихъ и многихъ случаяхъ, высказываемое желаніе крестьянъ перейти въ православіе было подбито надеждою на переселеніе, а иногда даже выражалось подъ условіемъ переселенія? При тогдашнемъ неограниченномъ къ нему довѣріи Латышей ему бы не трудно было, питая въ нихъ подъ рукою неосуществимыя надежды, уговорить ихъ воздерживаться отъ гласнаго ихъ заявленія, а ограничиваться однѣми просьбами о присоединеніи къ церкви. Этимъ онъ замаскировалъ бы отъ правительства дѣйствительныя побужденія крестьянъ. Въ поясненіе этого предположенія я укажу на сходный фактъ позднѣйшаго времени, изъ котораго читатели увидятъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ умные люди.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій, въ кругу новообращенныхъ Латышей обнаружилось очень сильное обратное движеніе изъ православія въ лютеранство. Первыми признаками его были уклоненія православныхъ Латышей отъ исповѣди и причастія, потомъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе со стороны родителей крещенію и миропомазанію ихъ новорожденныхъ дѣтей по чину православной церкви, наконецъ, стали поступать словесныя и письменныя просьбы о разрѣ-

шеніи православнымъ переходить въ лютеранство, или по крайней мѣрѣ крестить въ лютеранскую вѣру дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ лютеранъ съ православными. Пасторы и мѣстное гражданское начальство (не исключая генералъ-губернаторовъ) въ одинъ голосъ объясняли это неожиданное явленіе естественнымъ, по ихъ увѣренію, пробужденіемъ въ душѣ крестьянъ въ сущности никогда не вымиравшей привязанности къ ихъ старой вѣрѣ, отъ которой они наружно отпали, будто бы только подъ вліяніемъ несбывшихся мірскихъ надеждъ. Но когда тѣхъ же крестьянъ опрашивало духовенство, они отвѣчали, что тяжелая необходимость вынуждала ихъ къ вѣроотступничеству; что ихъ за то только, что они исповѣдывали русскую вѣру, сгоняли съ усадьбъ подъ самыми пустыми предлогами, а иногда безъ всякихъ предлоговъ; что ради той же причины имъ систематически отказывали въ работѣ; что всѣ повинности ложились на нихъ тяжелѣе, чѣмъ на лютеранъ, и взыскивались безпощаднѣе; что доводя ихъ преднамѣренно до нищеты, помѣщики при всякомъ удобномъ случаѣ давали имъ чувствовать, что все это дѣлалось съ ними потому только, что они православные и что житье ихъ немедленно измѣнилось бы къ лучшему, если бъ имъ удалось вернуться къ лютеранству; что пасторы съ каѳедръ глумились надъ ихъ вѣрою и натравливали на нихъ ихъ односельцевъ лютеранскаго исповѣданія; что на испытываемыя ими издавна обиды и притѣсненія они много разъ жаловались, но ни у кого не находили ни защиты, ни сочувствія; что наконецъ мѣра ихъ терпѣнія переполнилась и что они поневолѣ обращались къ единственному выходу для себя, или по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ изъ невыносимаго положенія отверженцевъ. Въ доказательство правдивости этихъ заявленій я приведу въ свое время много свидѣтельствъ, а на сей разъ достаточно сказать то, чего никто, конечно, не станетъ оспаривать, а именно, что жалобы, писанныя на эти темы, насчитывались сотнями въ канцеляріяхъ рижскаго епископа и генералъ-губернатора. Въ виду двухъ столь рѣзко противоположныхъ объясненій одного и того же явленія высшее правительство призадумалось и, наконецъ, прибѣгло къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ сред-

ству: послать флигель-адъютанта съ порученіемъ проѣхаться по Лифляндіи. Выборъ палъ на графа Бобринскаго. Онъ объѣхалъ два уѣзда и опросилъ православныхъ крестьянъ, которыхъ вызывалъ черезъ мѣстную полицію, и которые иногда приходили къ нему цѣлыми толпами вопреки его распоряженіямъ, такъ какъ онъ требовалъ всегда небольшого числа уполномоченныхъ. Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ 18 апрѣля 1864 г. графъ Бобринскій писалъ о своихъ объясненіяхъ съ крестьянами между прочимъ слѣдующее: „Меня поразилъ одинъ фактъ, что изъ всѣхъ явившихся ко мнѣ крестьянъ ни одинъ не подавалъ мнѣ просьбъ, не касающихся вѣроисповѣданія, за исключеніемъ 10 или 15 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ изъявленіемъ желанія остаться православными просили объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта"—фактъ дѣйствительно курьезный! О множествѣ поданныхъ ими жалобъ на всякаго рода притѣсненія, обиды и оскорбленія, объ этомъ непрерывномъ своемъ плачѣ, которымъ они въ продолженіе пятнадцати лѣтъ оглушали православное духовенство и генералъ-губернаторовъ, крестьяне вдругъ какъ будто позабыли; такъ-таки почти ни одинъ и не заикнулся объ этомъ! Изумиться было естественно; но жаль, что графъ Бобринскій ограничился выраженіемъ своего изумленія. Если бъ онъ постарался разъяснить себѣ причину поразившаго его явленія въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, то онъ безъ сомнѣнія уберегся бы отъ оффиціальнаго обмана, котораго сдѣлался невольною жертвою, и догадался бы, какъ догадается всякій сколько-нибудь серьезно изучавшій лифляндскіе порядки, что передъ нимъ разыгрывалась заранѣе подготовленная комедія, и что ему подставляли людей, напередъ обученныхъ и настроенныхъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что, какъ пишетъ графъ Бобринскій, бесѣды его съ крестьянами происходили всегда въ присутствіи русскаго священника и орднунгсъ-рихтера, то есть мѣстнаго полицейскаго чиновника, избраннаго помѣщиками изъ своей среды. Чувствуя на себѣ внушительный взглядъ этого знакомаго имъ блюстителя порядка, который по отъѣздѣ графа Бобринскаго имѣлъ бы тысячи случаевъ съ ними разсчитаться, крестьяне, конечно, не забывали

своей затверженной роли, а если бы кто-нибудь изъ нихъ невольно съ нея сбился, то тотъ же внушительный взглядъ скоро привелъ бы его въ память До такого мастерства въ сценической постановкѣ Русскіе едва ли когда-нибудь дойдутъ, а преосвященный Иринархъ, какъ видно изъ его дѣйствій, за нимъ и не гонялся.

Внимательное изученіе его отчетовъ и распоряженій, кажется, не можетъ не оставить въ безпристрастномъ наблюдателѣ убѣжденія въ томъ, что въ самыхъ трудныхъ и раздражительныхъ обстоятельствахъ, когда онъ служилъ мишенью для неутомимой клеветы, онъ сохранялъ ясность честнаго взгляда и полное самообладаніе. Изъ донесеній его видно, что онъ нисколько не отрицалъ двойственности народныхъ стремленій: къ новой хозяйственной обстановкѣ и къ новой вѣрѣ; но онъ доказывалъ, что это сочетаніе совершенно разнородныхъ цѣлей никѣмъ не было сдѣлано, а дѣлалось само собою. Онъ видѣлъ въ этомъ не подпольную интригу, а признакъ народной неразвитости, естественное неумѣніе разлагать въ своемъ сознаніи идеальное представленіе о будущемъ на составные элементы, вещественный и духовный, изъ которыхъ оно слагалась. Указывая на тѣ случаи, въ которыхъ Латыши съ поразительною твердостью выражали передъ нимъ рѣшительное свое намѣреніе примкнуть къ церкви, отъ которой они ожидали бо̀льшаго себѣ утѣшенія, чѣмъ отъ лютеранства, что̀ бы за тѣмъ ни послѣдовало въ условіяхъ хозяйственнаго ихъ быта, онъ повторялъ безпрестанно, что это стремленіе имѣло свой собственный корень, который могъ очиститься и пробиться сквозь густую сѣть другихъ, заглушавшихъ его побужденій, если только мѣстное начальство, встрѣчая съ одинаковою суровостью мечту о переселеніи и мысль о переходѣ въ православіе, тѣмъ самымъ не будетъ поддерживать въ крестьянахъ заблужденія, будто бы то и другое нераздѣльно между собою связано.

Обращаясь къ другой сторонѣ и представляя себѣ ходъ слѣдственнаго дѣлопроизводства въ Лифляндіи 1841 года, надобно разъ навсегда откинуть всѣ теперешнія наши представленія о юридическомъ характерѣ слѣдователя, объ отношеніи его къ общественной средѣ, его окружающей, о на-

строеніи опрашиваемыхъ, о способѣ опрашиванія и т. д Мы предполагаемъ (когда нѣтъ причины въ этомъ сомнѣваться) въ слѣдователѣ—безпристрастіе и спокойствіе духа; въ опрашиваемомъ, когда онъ призывается въ качествѣ свидѣтеля—большее или меньшее сознаніе личной его безопасности; въ общественной средѣ—ясную совѣсть; въ судебной процедурѣ, какъ единственную ея цѣль - дознаніе правды, какова бы она ни была. Но ничего похожаго на это не было въ Лифляндіи 1841 года. Показанія отбирались не безстрастнымъ служителемъ закона, а послушнымъ агентомъ цѣлаго сословія, напуганнаго и раздраженнаго; допросъ производился келейно, въ кругу своихъ, чувствовавшихъ, думавшихъ и дрожавшихъ за одно; наконецъ, общество, съ жадностью ловившее всякій слухъ, интересовалось не тѣмъ, что̀ правда и что̀ неправда, а тѣмъ: въ какой мѣрѣ записанное показаніе ускоритъ или отдалитъ грозу, накоплявшуюся надъ головами преосвященнаго Иринарха и его подчиненныхъ. Подъ вліяніемъ той же заботы задавались вопросы и записывались отвѣты, не съ цѣлью выяснить, что̀ зналъ или что̀ думалъ опрашиваемый, а въ надеждѣ вытянуть изъ него подтвержденіе заранѣе сложившагося взгляда. Словомъ, слѣдствіе и судъ были въ рукахъ не слѣдователей и судей, какими мы ихъ себѣ представляемъ, а обвинителей православнаго духовенства Теперь перенеситесь мысленно въ положеніе опрашиваемаго. Его хватаютъ на улицѣ и вталкиваютъ въ присутствіе. Ошеломленный, онъ оглядывается и видитъ передъ собою строгія физіономіи, которыхъ онъ издавна привыкъ бояться; палки, неизбѣжныя палки, бритвы, кандалы, конвой, угрозы слышанныя имъ дома, на пути, въ самомъ городѣ, все это мгновенно ему припоминается и кружится передъ его помутившимися взорами. Его спрашиваютъ: „Ты вѣдь тоже изъ тѣхъ, что затѣяли бѣжать изъ края въ какую-то обѣтованную землю? Да смотри: не хитрить!“ — „Виноватъ! точно хотѣлось бы куда-нибудь подальше“.—„А отъ кого же слышалъ ты, что за перемѣну вѣры тебя переселятъ въ другую губернію?“—„Ей Богу не умѣю сказать, многіе говорятъ чуть ли не всѣ“—„А! такъ ты запираешься? Смотри, какъ бы отъ этого не вышло для тебя хуже. Говори скорѣе: отъ кого

слышалъ?" — Латышъ молчитъ и переминается съ ноги на ногу. „Ну что жъ ты молчишь? Еще разъ: кто подбивалъ тебя? Вѣдь не пасторъ же?"—„Нѣтъ, не пасторъ".—„И не помѣщикъ, не кирхшпильсъ-рихтеръ, не орднунгсъ-рихтеръ?"—„Нѣтъ, не они". — „Такъ ужъ не русскій ли попъ?" — Вѣдь ты отъ него уходилъ, когда попался?"—„Точно отъ него".—„Ага! Ну такъ что же?" Значитъ онъ говорилъ? Такъ что ли! Да ты не робѣй, постарайся припомнить и говори прямо".—„Да пожалуй что и онъ... онъ точно словно какъ будто обнадеживалъ... то есть не то, чтобы такъ таки... — „Ну ладно! будетъ: подписывай, а коли безграмотенъ, ставь крестъ".— Латышъ, дрожащею рукою, ставитъ крестъ на бумагѣ, писанной на языкѣ, котораго не понимаетъ [1]) и на основаніи этой процедуры и множества другихъ подобныхъ губернское правленіе доноситъ, что всѣ опрашиваемые крестьяне показываютъ, будто епископъ и православные священники подбиваютъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры, обѣщая имъ даровыя земли въ другой губерніи [2]).

Но неужели однако, спроситъ вѣроятно читатель, во всемъ, что̀ писалось и разсказывалось въ то время объ интригахъ нашего духовенства, не было ничего, кромѣ недобросовѣстныхъ натяжекъ, и можно ли съ полною увѣренностью счи-

[1]) Какъ объяснено было выше, Латышей и Эстовъ опрашивали на ихъ народныхъ языкахъ, а отвѣты ихъ записывались по-нѣмецки.

[2]) У меня лежитъ передъ глазами подлинное письмо одного очень почтеннаго адвоката, лифляндскаго уроженца, Нѣмца и лютеранина, но не изъ дворянъ, къ покойному А. Ѳ. Штакельбергу, писанное въ 1847 году, въ которомъ упомянутый адвокатъ пишетъ слѣдующее: Wie in jeder Beziehung gegen die Uebergetretenen intriguirt wird, geht ins Unglaubliche. Männer, vor denen man in anderen Beziehungen alle Achtung haben muss, sind auf diesem Felde die ungerechtesten und gewissenlosesten. Es braucht nur gesagt zu werden: „der ist ein Uebergetretener"—und wenn der Mensch das klarste Recht hat, so hilft ihm dieses nichts; sein Todesurtheil ist schon ausgesprochen in dem „ein Uebergetretener". (До какой степени во всѣхъ отношеніяхъ интригуютъ противъ перешедшихъ въ православіе, доходитъ до невѣроятнаго. Люди, которымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ нельзя отказать въ полномъ уваженіи, на этой почвѣ оказываются несправедливѣйшими и безсовѣстнѣйшими. Достаточно сказать: „этотъ изъ перешедшихъ"—и затѣмъ, хотя бы онъ былъ очевидно правъ, это ему нисколько не поможетъ; въ словѣ изъ перешедшихъ произнесенъ ему смертный приговоръ).

тать всѣ тогдашнія его дѣйствія вполнѣ безукоризненными? Къ сожалѣнію — нѣтъ. Случалось, и притомъ не рѣдко, что православные священники частью по неосторожности, не подозрѣвая, въ какомъ смыслѣ принимались ихъ слова, частью сознательно и намѣренно пользовались мечтательными надеждами крестьянъ для склоненія ихъ къ обращенію. Таково мое убѣжденіе, основанное отнюдь не на оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей, къ которымъ нельзя имѣть вѣры, а на собственныхъ моихъ наблюденіяхъ. Два побужденія могли сбивать и дѣйствительно иногда сбивали служителей нашей церкви съ пути строгой добросовѣстности. Первое хорошо намъ знакомо не по одной Лифляндіи: это своего рода служебная амбиція, изстари привившаяся къ кастѣ церковниковъ, это желаніе отличиться передъ своимъ начальствомъ, выставивъ на глаза обильные, хотя бы и скороспѣлые, искусственно выгнанные плоды своего такъ называемаго пастырскаго усердія Тѣмъ же побужденіемъ объясняются у насъ поразительные иногда по своей быстротѣ успѣхи церковной проповѣди въ кругу могометанъ или раскольниковъ и не менѣе поразительная непрочность этихъ успѣховъ. Второе побужденіе исходило изъ тогдашнихъ мѣстныхъ обстоятельствъ Лифляндіи; это невольное и почти безсознательное увлеченіе борьбою съ противною партіею. Одна крайность наталкивала на другую; одна преднамѣренная ложь вызывала ложь противоположную. Пасторы, кирхшпильсъ-рихтеры, орднунгсъ-рихтеры, депутаты дворянства и помѣщики стращали Латышей, обнаруживавшихъ желаніе перемѣнить вѣру, всякаго рода угрозами, и въ этихъ случаяхъ за словами немедленно слѣдовало исполненіе обѣщаннаго: палки, кандалы, бритье головъ, отобраніе усадьбъ. Вещественныя невыгоды присоединенія къ церкви были слишкомъ ощутительны и служили осязательнымъ подкрѣпленіемъ къ проповѣдямъ, въ которыхъ вѣра, считающаяся въ Имперіи господствующею, называлась сатанинскимъ насажденіемъ. Чтó было дѣлать противъ такой пропаганды и чѣмъ уравновѣсить борьбу? Средство было подъ рукою: за отсутствіемъ фактовъ въ настоящемъ, — надежды и мечты, бродившія въ умахъ крестьянъ. Какой-нибудь Латышъ, задумавшій перейти въ

православіе приходилъ къ священнику потолковать. Онъ подробно высчитывалъ всѣ лишенія, оскорбленія и обиды, испытанныя имъ съ тѣхъ поръ, какъ пасторъ и помѣщикъ догадались о его намѣреніи, и оканчивалъ свою длинную повѣсть вопросомъ: „Ну а вы чѣмъ вознаградите насъ, что̀ вы для насъ сдѣлаете? Усадьбы отъ насъ отбираютъ, съ работы гонять, здѣсь житья для насъ не стало — это ясно. За все нами утраченное и выстраданное получимъ ли мы наконецъ хоть что-нибудь, хоть клочекъ земли, если не здѣсь, то хоть въ другой губерніи“?—И православный священникъ говорилъ въ утѣшеніе: „Не тужи и не теряй надежды: васъ не выдадутъ, потерпите только; станутъ за васъ хлопотать и авось выпросятъ“!—Не естественно ли, что подобныя слова могли легко срываться съ языка? Я не оправдываю ихъ, какое бы побужденіе ихъ ни внушало, я только вникаю въ тогдашнія обстоятельства и стараюсь ихъ уяснить. Правда, изъ православныхъ священниковъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ, ни одинъ не признался въ прямой или косвенной поблажкѣ надеждамъ, бродившимъ въ народѣ; напротивъ, по ихъ показаніямъ, они, принимая отъ крестьянъ заявленія о желаніи ихъ перейти въ православіе, всякій разъ опрашивали ихъ съ цѣлью вывѣдать ихъ заднія мысли и тогда только соглашались писать для нихъ просьбы, когда удостовѣрялись въ чистотѣ и сознательности ихъ стремленія къ церкви—такъ значится во всѣхъ оправдательныхъ объясненіяхъ; но именно этотъ-то *слишкомъ* благопріятный колоритъ, наведенный въ позднѣйшихъ показаніяхъ на картину того времени, и внушаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ безусловной ея вѣрности. При описанномъ выше образѣ дѣйствій мѣстныхъ властей, въ виду угрожавшихъ крестьянамъ арестовъ, допросовъ и истязаній, при той почти лихорадочной поспѣшности, съ которою просители вводились, выслушивались и отпускались, была ли возможность вести съ ними продолжительныя бесѣды и дѣлать имъ на досугѣ спокойныя внушенія? Всякому это покажется по крайней мѣрѣ неправдоподобнымъ, а кому доводилось перебирать слѣдственныя дѣлопроизводства духовнаго вѣдомства, тотъ, конечно, сразу узнаетъ въ этихъ натяжкахъ знакомые ему пріемы, свойственные именно кле-

рикальной средѣ. Въ популярныхъ понятіяхъ людей полупросвѣщенныхъ и силою обычая замкнутыхъ въ касту, интересъ церкви легко отождествляется съ интересомъ клира, а интересъ всего церковнаго клира съ интересомъ небольшого кружка его представителей въ данной мѣстности; такимъ образомъ рядомъ послѣдовательныхъ превращеній совѣсть не совсѣмъ чуткая легко доходитъ наконецъ до того, что въ самой святости дѣла, которому она будто бы всецѣло служитъ, обрѣтаетъ какъ бы готовое оправданіе для разнаго рода недомолвокъ, утаекъ или прикрасъ и преувеличеній. Я говорю это не на вѣтеръ и не подъ вліяніемъ полемическаго задора, а съ глубокимъ сожалѣніемъ и только потому, что врачеваніе требуетъ непремѣнно предварительнаго опознанія недуга...

Не надобно также упускать изъ виду общаго настроенія лифляндскихъ крестьянъ въ сороковыхъ годахъ. Многіе частные случаи доказываютъ, что ихъ сильно возбужденныя чувства подъ часъ вводили ихъ въ невѣроятное самообольщеніе и въ совершенно невольный обманъ другихъ. Они положительно слышали не то, что имъ читалось или говорилось, а то что̀ хотѣлось слышать, къ чему всѣ ихъ помыслы были какъ бы прикованы, то есть подтвержденіе своихъ надеждъ. Оттого случалось нерѣдко, что повторяя чужія слова, они давали показанія совершенно невѣрныя, нисколько однако не кривя душою. Въ возможности такого невольнаго затменія читатели легко убѣдятся, припомнивъ толки, ходившіе въ нашихъ деревняхъ непосредственно послѣ прочтенія манифеста о прекращеніи крѣпостного права и во время оглашенія Положеній 19 февраля 1861 года.

Наконецъ, значительная часть мнимыхъ обмановъ, въ которыхъ обвинялись мнимые эмиссары православія, будто бы мутившіе народъ въ Лифляндіи, объясняется двумя чисто мѣстными обстоятельствами. Во-первыхъ, изъ уѣздовъ обыкновенно отряжались немногіе крестьяне съ секретными, разумѣется, словесными и очень неопредѣленными уполномочіями отъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ на испрошеніе какихъ-то чаемыхъ благъ, о которыхъ бродили въ народѣ самыя смутныя представленія. Придя въ Ригу, они увлекались общимъ

стремленіемъ, заказывали просьбы о переходѣ въ православіе и не только подписывали ихъ за себя, но и выставляли подъ ними имена своихъ довѣрителей. Потомъ, когда послѣднихъ опрашивали, открывалось иногда, что они объ этомъ ничего не вѣдали.

Во-вторыхъ, ни преосвященный Иринархъ, ни находившіеся въ то время въ Ригѣ священники (за исключеніемъ одного) не знали мѣстныхъ народныхъ языковъ и слѣдовательно не могли объясняться непосредственно съ приходившими къ нимъ крестьянами. Послѣдніе обыкновенно сами приводили съ собою грамотныхъ переводчиковъ, которые объясняли имъ содержанія прошеній, изготовляемыхъ отъ имени крестьянъ. Этимъ людямъ послѣдніе, конечно, вѣрили; но нельзя поручиться, чтобъ сами переводчики, раздѣляя заблужденія массы, не вычитывали иногда промежъ строкъ подтвержденія общихъ ожиданій. Случалось также, хотя гораздо рѣже, что переводчиковъ должны были пріискивать священники, которые обращались тогда къ звонарямъ, отставнымъ солдатамъ, состоявшимъ при церквахъ въ должностяхъ сторожей или къ писарямъ. Въ сущности, все дѣло было въ рукахъ этихъ мало развитыхъ и нисколько къ нему не подготовленныхъ посредниковъ, изъ которыхъ иные, можетъ быть, находили прямой расчетъ поддерживать несбыточныя надежды, чтобъ не ослабѣвалъ приливъ людей изъ деревень. Все это вмѣстѣ пораждало тучи недоразумѣній, затрудняло до крайности ихъ разъясненіе и на каждомъ шагу подавало поводы къ подозрѣніямъ и обвиненіямъ въ обманахъ.

До самыхъ послѣднихъ чиселъ іюля ни прошенія крестьянъ, отосланныя преосвященнымъ Иринархомъ въ Петербургъ, ни жалобы барона Палена на дѣйствія архіерея, ни зловѣщія предсказанія кровопролитной развязки не вызвали оттуда ни единаго слова въ руководство мѣстнымъ дѣятелямъ.

Наконецъ, графъ Строгановъ, которому по Высочайшему повелѣнію переданы были синодальнымъ оберъ-прокуроромъ просьбы крестьянъ, представилъ объ нихъ всеподданнѣйшій докладъ. Состоялось Высочайшее повелѣніе, сообщенное графомъ Протасовымъ рижскому епископу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Государь Императоръ, усмотрѣвъ, что поводомъ

къ принятію Вашимъ Преосвященствомъ просьбъ отъ крестьянъ было изъявленіе ими желанія присоединиться къ православію, изволилъ найти, что хотя нельзя предполагать въ дѣйствіяхъ Вашихъ никакихъ другихъ побужденій (это намекъ на нареканія барона Палена), но тѣмъ не менѣе въ подобныхъ случаяхъ надлежало быть крайне осторожнымъ, особенно потому, что крестьяне приходили толпами и что просьбы ихъ заключали въ себѣ желаніе присоединиться къ православной вѣрѣ, какъ обстоятельство придаточное, главнѣйше же въ нихъ изъяснялись жалобы на притѣсненія помѣщиковъ и ходатайство о переселеніи во внутреннія губерніи. Посему Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ поставить Ваше Преосвященство въ извѣстность, чтобы вы на будущее время удерживались отъ принятія подобнаго рода просьбъ отъ крестьянъ и обращали бы ихъ, не принимая, къ гражданскому начальству" [1]).

Но для графа Бенкендорфа этого было мало, и онъ отъ себя обратился къ синодальному оберъ-прокурору съ требованіемъ, чтобъ онъ обязалъ епископа вовсе не вмѣшиваться въ это чисто гражданское дѣло [2]). Никто однако не находилъ неумѣстнымъ вмѣшательства депутатовъ дворянства и орднунгсъ-рихтеровъ въ чисто духовное дѣло обращенія крестьянъ въ православіе, когда они, кромѣ присоединенія, ни о чемъ болѣе не ходатайствовали. Никто также не удивлялся тому, что губернское правленіе рѣшало съ плеча вопросы совѣсти.

Испрошенное графомъ Строгановымъ Высочайшее повелѣніе безъ малѣйшаго сомнѣнія основано было на строгой справедливости и на соображеніяхъ, по себѣ совершенно уважительныхъ, но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Лифляндіи оно получало значеніе, котораго, конечно, не подозрѣвали ни управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, ни самъ покойный Императоръ. Это было первое слово, произнесенное верховною властью по поводу тамошнихъ происшествій, и слово это содержало въ себѣ осужденіе дѣйствій епископа,

---

[1]) Докладъ 25 іюля, отношеніе 30 іюля № 5080.

[2]) 24 іюля 1841 года. № 4256 отношеніе къ мин. внутр. дѣлъ.

хотя въ формѣ по возможности смягченной. Въ крайне сложномъ движеніи крестьянъ высшее правительство какъ будто ничего болѣе не высматривало, ничего не находило заслуживающимъ вниманія, кромѣ подачи просьбъ архіерею. Голодъ, угнетеніе крестьянъ, сыпавшіеся на нихъ удары за сношенія ихъ съ православнымъ духовенствомъ, клеветы и доносы, сыпавшіеся на духовенство за выслушиваніе крестьянъ, все это осталось въ сторонѣ, какъ бы не замѣченнымъ, и это въ то время, когда дружныя усилія мѣстныхъ властей и мѣстнаго общества направлены были къ тому, чтобъ объяснить народное движеніе интригами нашего духовенства. Правителство даже не озаботилось оговорить ясно, что оно вовсе не думало мѣшать Латышамъ переходить въ православіе, конечно, не полагая надобности въ такомъ объявленіи, и не зная, что въ Лифляндіи усердно старались объ утвержденіи въ народѣ противнаго убѣжденія. На дѣлѣ Высочайшее повелѣніе, испрошенное графомъ Строгановымъ, произвело совсѣмъ не то дѣйствіе, какого ожидали въ Петербургѣ. Резолюція, положенная Государемъ Императоромъ, очевидно, касалась одного преосвященнаго Иринарха, и весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ графъ Строгановъ (если не графъ Бенкендорфъ) отнюдь не намѣревался оглашать ее во всеобщее свѣдѣніе и дѣлать ее предметомъ пересудовъ нѣмецкой публики. Но въ Ригѣ ожидали съ жадностью именно чего-нибудь подобнаго, то есть какого-нибудь повода распустить молву, что и высшее правительство и самъ Государь Императоръ осуждаютъ епископа и вовсе не желаютъ, чтобы крестьяне обращались въ православіе. Выраженіе Высочайшей воли (какъ это всегда бываетъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ подобныхъ случаяхъ) огласилось немедленно и проникло сверху, изъ генералъ губернаторской канцеляріи, черезъ ландратовъ, депутатовъ и всякихъ рихтеровъ, обростая на пути своемъ всякаго рода прибавленіями, до мірскихъ судовъ и вотчинныхъ управленій, и тамъ окончательно преобразилось въ Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи крестьянамъ переходить въ православіе. Разумѣется, этого не заявляли оффиціально и письменно, но на словахъ объ этомъ твердили крестьянамъ безъ устали, при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно же передъ сѣче-

ніемъ и послѣ сѣченія. А тѣмъ временемъ въ Петербургѣ добродушно спрашивали: отчего безтолковые Латыши никакъ не хотятъ понять простого правила, что никому не воспрещается переходить свободно въ господствующую вѣру, но никого и не подбиваютъ къ этому?

Такимъ образомъ высшее правительство, само того не подозрѣвая, выразило какъ бы признаніе, что такъ называемый бунтъ крестьянъ происходилъ, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ отъ предосудительныхъ, или по крайней мѣрѣ неосторожныхъ дѣйствій православнаго духовенства. Этого только и желали мѣстныя власти. Такое убѣжденіе высшаго правительства, во-первыхъ, снимало съ нихъ и сваливало на русскую церковную пропаганду отвѣтственность за несомнѣнное неудовольствіе крестьянъ; во-вторыхъ, какъ бы узаконяло принятыя прежде мѣры строгости и косвеннымъ образомъ поощряло къ продолженію дѣйствій въ этомъ же духѣ. А все таки желанія барона Палена не были вполнѣ удовлетворены. Еще до полученія въ Ригѣ приведенной Высочайшей резолюціи онъ сообщилъ въ Петербургъ новую блистательную мысль свою: заставить преосвященнаго Иринарха публично, какъ выражался генералъ-губернаторъ въ своей бумагѣ, при членѣ губернскаго правленія разувѣрить крестьянъ въ ихъ заблужденіи, „такъ какъ сіи послѣдніе потеряли всякое довѣріе къ мѣстному начальству, считая его за одно съ помѣщиками [1]).

Это замѣчательное, невольно сорвавшееся съ языка сознаніе въ томъ, что мѣстная власть въ глазахъ народа перестала быть органомъ верховной власти, выражено было оффиціально. Кажется, было бы надъ чѣмъ серьезно призадуматься; но къ удивленію, это многозначительное самоосужденіе не обратило на себя вниманія высшаго правительства. Въ Петербургѣ ограничились тѣмъ, что на сей разъ не удовлетворили требованія барона Палена, признавъ публичную исповѣдь, придуманную имъ для преосвященнаго Иринарха, ненужною и неудобною. Нечего было дѣлать! Пришлось взяться

[1]) 28 іюля 1847 года. № 738.

за тѣ средства, которыми располагали мѣстныя власти, и постараться внушить народу взамѣнъ довѣрія, навсегда утраченнаго, по крайней мѣрѣ страхъ.

Тотъ самый баронъ Паленъ, который такъ наивно заявлялъ, что крестьяне ни въ чемъ не вѣрятъ мѣстному начальству именно потому, что считаютъ его дѣйствующимъ заодно съ дворянствомъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ поручить все земледѣльческое сословіе губерніи особенному, ближайшему надзору двухъ уѣздныхъ предводителей (депутатовъ) дворянства. Для наблюденія за Латышами назначенъ былъ г. фонъ Гагемейстеръ (сочинитель приведенной выше классической фразы о готовившихся будто бы опустошеніяхъ и кровопролитіи), а для наблюденія за Эстами г. фонъ-Вульфъ. Въ чемъ именно состояла эта странная, экстралегальная должность, напоминавшая коммиссаровъ, которыхъ въ разгарѣ французской революціи употреблялъ національный конвентъ для терроризаціи провинцій, довольно трудно опредѣлить; но не подлежитъ сомнѣнію, что избранныя лица пользовались весьма широкими уполномочіями. Вслѣдъ за тѣмъ баронъ Паленъ предложилъ губернскому правленію покончить слѣдующимъ образомъ съ захваченными и арестованными крестьянами: выбрить имъ всю голову (прежде брили только половину), заковать ихъ въ кандалы, препроводить подъ конвоемъ на мѣста жительства и тамъ въ присутствіи созванныхъ сельскихъ обществъ наказать ихъ розгами [1]). Вотчинныя правленія, разумѣется, также не дремали; ревность ихъ въ содѣйствіи видамъ главнаго мѣстнаго начальства дошла до того, что на мызныхъ дворахъ стали пороть за простое обнаруженіе намѣренія идти въ Ригу для заявленія желанія перейти въ православіе. Такъ какъ это могло бы показаться невѣроятнымъ по несообразности такого рода пріемовъ съ строгою легальностью и благодушною терпимостью, которыми, какъ насъ увѣряютъ, отличается Прибалтійскій край отъ остальной Россіи, то пусть сомнѣвающіеся прочтутъ печатное свидѣтельство чисто нѣмецкаго и лютеранскаго происхожденія. Въ газетѣ, издающейся въ Ригѣ подъ цензурою для простого

---

1) Отнош. къ мин. в. д. 5-го авг. 1851 г. № 768.

народа на латышскомъ языкѣ, подъ загланіемъ, „Путевой товарищъ (Zella beedrias)“ въ № 10 мъ, мая 10, 1863 года помѣщена статья озаглавленная: „Два форминдера“. Авторъ ея, очевидно пасторъ, прославляетъ въ ней передъ своими духовными чадами, какъ примѣръ, достойный подражанія, усердное служеніе двухъ своихъ церковнослужителей, и объ одномъ изъ нихъ, Яковѣ Нейлантѣ, говоритъ (въ буквальномъ переводѣ) слѣдующее: „Онъ, орудуя своею властью, не скупился на тридцать (подразумѣвается розогъ), ибо памятовалъ слово Соломона: бичъ коню, остенъ ослу, и жезлъ спинѣ безумнаго. Его крѣпкая рука часто творила чудеса, за что и теперь волость должна поминать его съ признательностью. Въ то время была година смятенія, нами еще не забытаго, когда сатана дерзнулъ разбрасывать свои сѣмена въ Божьей церкви (сатанинскія сѣмена значатъ, разумѣется, ученіе православной церкви); тогда нашлись и въ нашей волости люди кричавшіе: если ужъ весь свѣтъ идетъ (переходитъ въ православіе), чего же намъ-то ждать? особенно когда услыхали, что по деревнямъ развозятъ казенную муку. Тогда они, какъ бѣшенные, кидались на обольщеніе; но старый отецъ Нейлантъ запрещалъ имъ, и слово его оказывалось болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слово иного проповѣдника, въ то время раздававшееся съ каѳедры. Въ самую горячую пору этого бѣснованія онъ услышалъ, что одинъ изъ хозяевъ здѣшней волости готовился вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ чиста батраковъ записаться (т. е. подать заявленіе о желаніи перейти въ православіе); но мой старикъ не дремалъ. Онъ живо приказалъ привести бѣглеца на господскій дворъ и отсчиталъ ему на спинѣ 30 ударовъ, та̀къ какъ тотъ не взялъ свидѣтельства отъ вотчиннаго правленія, какъ было въ то время приказано“.—Что форминдеръ, обязанный только помогать пастору въ исполненіи требъ, самовольно произвелъ себя въ агенты мѣстной полиціи, что наказанію за невзятіе свидѣтельства на отлучку подвергнутъ былъ человѣкъ, находившійся въ вотчинѣ, и только по подозрѣнію въ намѣреніи отлучиться; наконецъ, что настоящимъ, всѣмъ извѣстнымъ поводомъ къ наказанію было предполагаемое желаніе перейти въ православіе — все это, ко-

нечно, дѣло обычное и пустое. О какихъ нибудь лишнихъ тридцати палкахъ или розгахъ при огромномъ числѣ ударовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на крестьянскія спины, не стоило бы и говорить; но въ другихъ отношеніяхъ приведенный разсказъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Во-первыхъ, это собственное признаніе, отъ котораго отпереться нельзя; во-вторыхъ, признаніе съ похвальбою; въ-третьихъ, сдѣланное двадцать два года спустя послѣ описаннаго происшествія, когда обращенія давно уже прекратились, когда православіе было въ упадкѣ, когда, казалось бы, можно было успѣть одуматься, поостыть и отнестись къ давно прошедшему нѣсколько поспокойнѣе: наконецъ, эта циническая похвальба одного изъ членовъ лютеранскаго духовенства не вызвала ничего похожаго на отреченіе или неодобреніе со стороны его товарищей, членовъ того же духовенства, которое въ самое время обнародованія этой статьи имѣло дерзость увѣрять правительство, будто бы оно протестуетъ противъ примѣненія въ Лифляндіи общихъ законовъ Имперіи только во имя чтимой имъ свободы совѣсти и непринужденности въ дѣлѣ вѣры. А люди власть имущіе выслушивали эти протесты опустивъ головы, переглядывались между собою въ смущеніи и говорили въ полголоса: „Au fond ils sont dans le vrai, et notre position vis à vis d'eux n'est plus tenable“ [1]).

По полученіи вышеписаннаго Высочайшаго повелѣнія преосвященный Иринархъ подчинился ему безусловно и въ видахъ устраненія всякаго повода къ нарушенію его разрѣшилъ только двумъ священникамъ, на благоразуміе которыхъ онъ считалъ себя вправѣ положиться, а именно соборному Заволоцкому и единовѣрческому Емельянову, писать для

---

1) Вообще, если бы кто-нибудь, хорошо знающій по-латышски и эстски, взялъ на себя трудъ пересмотрѣть газеты, издаваемыя на этихъ языкахъ лютеранскимъ духовенствомъ, онъ нашелъ бы въ нихъ много неосторожныхъ признаній и любопытныхъ откровеній объ изнанкѣ прибалтійскихъ порядковъ. Эти газеты, выходящія подъ нѣмецко-лютеранскою цензурою, такъ строго бракующею окружныя посланія православныхъ архіереевъ, составляютъ сильнѣйшее орудіе антиправославной и антирусской пропаганды въ деревняхъ, съ нашей стороны не встрѣчающей ни малѣйшаго противодѣйствія.

крестьянъ заявленія о желаніи ихъ принять православіе, если сами крестьяне будутъ ихъ объ этомъ просить и притомъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда это желаніе будетъ ими выражаемо безусловно и безъ всякихъ постороннихъ домогательствъ или ходатайствъ о переселеніи или о преобразованіи хозяйственнаго ихъ быта. Прочимъ своимъ подчиненнымъ преосвященный рѣшительно запретилъ писать для крестьянъ какія бы то ни было просьбы.

Общая физіономія края нисколько однако не улучшалась. Мы видѣли, что толки о бунтѣ и строгія мѣры противъ бунтовщиковъ начались, когда еще не было никакого подобія бунта. Дѣлали все то, что̀ могло, даже, повидимому, должно бы было непремѣнно раздразнить народъ (и ужъ какъ бы въ тѣ поры пригодился бунтъ!), а народъ все-таки не бунтовалъ. Безропотно перенося всѣ истязанія, онъ только валилъ по прежнему въ Ригу и все съ просьбами о присоединеніи къ православію. Чтобъ положить этому конецъ, баронъ Паленъ призналъ нужнымъ усилить тѣ стратегическія мѣры, о которыхъ на основаніи его донесеній было упомянуто выше, то есть: оцѣпить городъ, разставить по дорогамъ засады, и т. д. Въ то же время онъ еще разъ и рѣшительнѣе прежняго потребовалъ отъ преосвященнаго Иринарха, чтобъ онъ не принималъ отъ крестьянъ никакихъ просьбъ, не записывалъ бы именъ просителей. Условное запрещеніе, исшедшее изъ Петербурга, какъ видно, превратилось на мѣстахъ въ безусловное, и у епископа стали отнимать не только возможность вмѣшиваться въ это чисто гражданское дѣло, но и вообще имѣть какія-либо сношенія съ крестьянами, хотя бы они приходили къ нему только по чисто духовному дѣлу присоединенія къ церкви. Въ этотъ разъ преосвященный Иринархъ рѣшился подчиниться требованію генералъ-губернатора и немедленно, отъ 10-го августа, увѣдомилъ объ этомъ какъ его, такъ и графа Протасова. Сообразивъ тогдашнія обстоятельства, нельзя не признать, что трудно было поступить иначе. Съ одной стороны, рижскій епископъ не находилъ поддержки нигдѣ и ни въ комъ. Правительство все еще никакимъ яснымъ заявленіемъ не поставило внѣ сомнѣнія права каждаго присоединяться по желанію

къ господствующей церкви, и вслѣдствіе этого, такъ какъ дворянство словомъ и дѣломъ отвергало это право въ отношеніи къ крестьянамъ, послѣдніе утверждались въ своемъ предположеніи, что съ перемѣною вѣры сопряжены какія-либо существенныя потери для помѣщиковъ и слѣдовательно какія-либо выгоды для новообращенныхъ. При такомъ общемъ настроеніи, что̀ бы ни говорили священники и самъ епископъ, слушатели во всемъ находили намеки въ свою пользу. Съ другой стороны, послѣдними мѣрами, принятыми мѣстнымъ начальствомъ, дальнѣйшія открытыя сношенія съ крестьянами дѣлались положительно невозможными и приходилось поневолѣ отъ нихъ отказаться, чтобъ избавить несчастныхъ Латышей отъ истязаній, которымъ они подвергались за простое посѣщеніе священниковъ и архіерея. На это обстоятельство указывалъ самъ преосвященный Иринархъ въ своихъ объясненіяхъ. Весьма вѣроятно также, что до него уже доходили слухи объ ударѣ, подготовлявшемся противъ него въ Ригѣ и въ Петербургѣ, и что онъ надѣялся, устранившись, избѣгнуть грозы. Это однако ему не удалось. Прежде чѣмъ пришло извѣстіе о безусловномъ исполненіи имъ требованія барона Палена, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ произошло слѣдующее. Предчувствуя погромъ и думая отвратить или по крайней мѣрѣ ослабить его, графъ Протасовъ во всеподданнѣйшей докладной запискѣ, имъ представленной, предложилъ, для прекращенія пререканій между рижскимъ епископомъ и генералъ-губернаторомъ: 1) сообщить преосвященному Иринарху отъ имени Государя Императора, чтобъ отъ крестьянъ вовсе не было принимаемо никакихъ прошеній, хотя бы въ оныхъ заключалось одно желаніе принять православіе, впредь до полученія по сему предмету особаго Высочайшаго разрѣшенія; 2) предоставить барону Палену сообщить епископу рижскому доказательства, которыя онъ имѣетъ къ обвиненію духовенства, въ томъ числѣ и доносъ Спасскаго съ приложеніемъ, а епископу поручить произвести по таковымъ доказательствамъ строжайшее изслѣдованіе; 3) внушить обоимъ, что въ дѣлѣ столь важномъ, взаимныя ихъ пререканія неумѣстны, и что для устраненія всякаго недоразумѣнія они должны войти въ личныя другъ съ другомъ сношенія.

Государь Императоръ утвердилъ эти предположенія „съ тѣмъ, чтобъ исполненіе по 1-му пункту сдѣлано было посредствомъ Святѣйшаго Синода съ строгимъ внушеніемъ епископу Иринарху о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій" — подъ дѣйствіями подразумѣвались обвиненія, предъявленныя барономъ Паленомъ, изъ которыхъ въ то время ни одно не было не только обслѣдовано, но даже сообщено обвиненному для объясненія.

Черезъ четыре дня по поводу тѣхъ же обвиненій поступилъ отъ графа Строганова другой всеподданнѣйшій докладъ, вслѣдствіе котораго Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „подтвердить преосвященному Иринарху, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ вмѣшиваться въ дѣла, до него не касающіяся".

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ Синодъ? Вотъ постановленіе его 18 августа: „Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія слушали предложеніе г. оберъ-прокурора съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ преосвященнаго епископа рижскаго Иринарха въ присоединеніи [1]) помѣщичьихъ крестьянъ къ православію и объ удержаніи его отъ сихъ поступковъ. Приказали: Усматривая съ крайнимъ прискорбіемъ [2]), что епископъ Иринархъ, обязанный званіемъ своимъ поселять въ народѣ тишину и безусловное повиновеніе властямъ, противными тому дѣйствіями [3]) и принятіемъ отъ крестьянъ просьбъ, основанныхъ на своекорыстіи [4]), подалъ поводъ имъ къ нарушенію должнаго порядка, а гражданскому начальству къ жалобамъ на него, и тѣмъ навлекъ на себя Высочайшее неудовольствіе

---

[1]) Эти слова доказываютъ, что Синодъ бродилъ въ потемкахъ, рѣшительно ничего не зная о томъ, что дѣлалось въ Ригѣ, ибо преосвященный Иринархъ принималъ только просьбы о желаніи присоединиться, но ни единой души не присоединилъ, даже не приступалъ къ присоединенію. Въ этомъ его даже и не упрекали.

[2]) Синодъ ничего усмотрѣть не могъ, такъ какъ въ то время онъ не видалъ еще ни доноса Спасскаго, ни донесеній барона Палена. Все это было ему сообщено гораздо позднѣе.

[3]) Никакихъ противныхъ тишинѣ и повиновенію дѣйствій не было.

[4]) Это обстоятельство давно было разсмотрѣно самимъ Государемъ Императоромъ и по немъ состоялась особая резолюція.

Государя Императора, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) за таковыя [1]) неправильныя дѣйствія объявить ему, епископу, строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы впредь въ точное исполненіе Высочайшей воли [2]) какъ самъ онъ не принималъ участія въ дѣлахъ означенныхъ крестьянъ, такъ и подчиненное ему духовенство не допускалъ бы къ тому подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности по законамъ. Равнымъ образомъ ни самъ, ни подчиненные его не принимали бы отъ тѣхъ крестьянъ никакихъ просьбъ, хотя бы просьбы таковыя заключали въ себѣ и одно безусловное желаніе принять православіе, пока дѣло сіе не получитъ особаго разрѣшенія"—Указъ посланъ въ Ригу по эстафетѣ.

Итакъ, не задумываясь ни минуты, Святѣйшій Синодъ, во-первыхъ, объявилъ епископу строгій выговоръ за вину необслѣдованную, непризнанную, самому Синоду неизвѣстную; во-вторыхъ, онъ безусловно заперъ на неопредѣленное время двери въ православную церковь передъ стоявшими у входа ея Латышами и Эстами, ибо запрещеніемъ принимать отъ нихъ просьбы о присоединеніи отнималась всякая возможность присоединенія. За то приказаніе было исполнено во всей точности и живо [3]). Войти съ представленіемъ, разъяснить, что Высочайшее повелѣніе было по крайней мѣрѣ преждевременно, и что буквальное исполненіе его было несогласно съ призваніемъ Синода, или хотя бы по крайней мѣрѣ испросить отсрочки на размышленіе — Синодъ не посмѣлъ; онъ только скромно вздыхалъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, и уже помимо какъ Синода, такъ и оберъ-прокурора, шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, тоже ис-

---

1) Какія же именно?

2) Такой Высочайшей воли прежде не было. Государемъ Императоромъ запрещено было принятіе не просьбъ вообще, а просьбъ, въ которыхъ упоминалось о переселеніи или объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ. Со дня полученія этого Высочайшаго повелѣнія ни одной такой просьбы принято не было, слѣдовательно Высочайшая воля не была нарушена; а запрещеніе принимать какія-либо просьбы отъ крестьянъ въ первый разъ объявлялось Синодомъ, слѣдовательно не могло быть предметомъ подтвержденія.

3) Прописанное постановленіе состоялось въ тотъ самый день, которымъ помѣчено предложеніе оберъ-прокурора о передачѣ дѣла въ Синодъ.

просилъ себѣ Высочайшее повелѣніе выслать изъ Риги въ Петербургъ для допросовъ священника Погонялова и архіерейскаго келейника Анненкова, обвинявшихся все-таки по доносу Спасскаго въ составленіи просьбъ для крестьянъ. Графъ Протасовъ сдѣлалъ нужныя распоряженія къ исполненію Высочайшей воли и, видя такой оборотъ дѣла, убѣдительно просилъ преосвященнаго Иринарха „не имѣть никакихъ сношеній съ крестьянами, приходившими въ Ригу, поелику какъ Ваше Преосвященство сами можете убѣдиться, никакое участіе православнаго духовенства въ семъ дѣлѣ не должно имѣть мѣста“.

Читателя, можетъ быть, удивитъ неожиданность и суровость всѣхъ этихъ внушеній и выговоровъ, разомъ посыпавшихся на преосвященнаго Иринарха. Его можно было упрекнуть въ одномъ, именно: въ принятіи отъ крестьянъ и въ пересылкѣ первыхъ поданныхъ ими прошеній о переселеніи или объ улучшеніи ихъ быта на мѣстахъ. Тутъ не требовалось ни изслѣдованій (такъ какъ улика была на лицѣ), ни объясненій, такъ какъ рижскій епископъ самъ изложилъ побужденія, которыми онъ руководствовался; но это обстоятельство было уже разсмотрѣно самимъ Государемъ, достаточнаго повода къ выговору въ немъ не было найдено, а для предупрежденія подобныхъ дѣйствій на будущее время объявлено было особое Высочайшее повелѣніе. Дѣло казалось конченнымъ. Правда, съ тѣхъ поръ, въ промежутокъ времени отъ 2 до 18 августа, въ Петербургѣ получено было отъ рижскаго генералъ-губернатора нѣсколько доносовъ и выборовъ изъ показаній, отобранныхъ лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ у заарестованныхъ Латышей; но неужели сдѣланъ былъ православному епископу строгій выговоръ и обнаружено было оскорбительное недовѣріе къ подчиненнымъ ему священникамъ единственно на основаніи этихъ допросовъ, во всякомъ случаѣ одностороннихъ, по себѣ невѣроятныхъ, никѣмъ не провѣренныхъ и даже не сообщенныхъ для предварительнаго объясненія заподозрѣннымъ лицамъ?

Другого основанія дѣйствительно не было, а бросающіяся въ глаза противорѣчія, несообразности и отсутствіе всякаго единства въ распоряженіяхъ, исходившихъ изъ Петербурга,

объясняются очень просто тогдашнимъ ходомъ дѣлъ. Баронъ Паленъ сносился одновременно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и съ шефомъ жандармовъ. Графъ Строгановъ сообщалъ графу Протасову все касавшееся до православной церкви и входилъ съ нимъ по этого рода дѣламъ въ предварительныя соглашенія; но графъ Бенкендорфъ направлялъ ихъ по своему и дѣйствовалъ по нимъ совершенно независимо отъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ случалось, что два лица, иногда даже три входили къ Государю Императору съ докладами по одному и тому же дѣлу, которое рѣшалось тутъ же въ кабинетѣ съ глазу на глазъ. Между тѣмъ воззрѣнія упомянутыхъ лицъ на стремленіе къ православію были существенно различны. Министръ внутреннихъ дѣлъ на первыхъ порахъ, кажется, готовъ былъ видѣть въ немъ не болѣе, какъ искусственную агитацію со стороны духовенства, вызванную неумѣстною ревностью или желаніемъ отличиться. Графъ Протасовъ понималъ дѣло гораздо лучше; но во всѣхъ его мнѣніяхъ и распоряженіяхъ по предмету водворенія православія въ Лифляндіи обнаруживалась какая-то нерѣшительность, изъ-за которой проглядывалъ глубокій политическій скептицизмъ. Сомнѣвался ли онъ въ томъ, чтобъ мы способны были на какую-либо духовную пропаганду, или въ томъ, чтобъ у правительства достало послѣдовательности на продолжительную борьбу съ остзейскою оппозиціею—мы не беремся рѣшить. Какъ бы то ни было, онъ очевидно не вѣрилъ въ успѣхъ и оттого воздерживался отъ всякой прямой иниціативы въ дѣлѣ, котораго онъ видимо не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность. Его участіе въ немъ имѣло характеръ отрицательный; съ одной стороны, онъ сдерживалъ преосвященнаго Иринарха, съ другой, насколько могъ, отстаивалъ его, по крайней мѣрѣ старался, спасая приличія, смягчать падавшіе на него удары. Третій дѣятель того времени, графъ Бенкендорфъ, по способностямъ и характеру, конечно, стоялъ не выше своихъ товарищей; но онъ относился къ вопросу о распространеніи православія не какъ изолированная личность, руководящаяся своими случайными воззрѣніями, а какъ уполномоченный отъ цѣлой политической партіи, которой онъ ревностно служилъ. Она его наставляла, поддерживала и направляла.

Хотя балтійская интеллигенція въ то время ни въ Ригѣ, ни въ Петербургѣ не сознавала еще такъ ясно, какъ теперь, что политическая будущность нѣмецкой народности зависѣла безусловно отъ того, въ какую сторону склонится оконча тельно масса Латышей и Эстовъ—къ Россіи или къ Германіи, однако и въ сороковыхъ годахъ, нельзя было не понимать, что переходъ простонародія въ православіе подкосилъ бы въ самомъ корнѣ исключительное господство остзейскихъ привилегированныхъ сословій и произвелъ бы во всемъ краѣ такой переворотъ, котораго послѣдствія были бы неисчислимы. Въ этомъ отношеніи перемѣна вѣры была несравненно опаснѣе и хуже даже всякой серьезной реформы въ крестьянскомъ быту. Послѣднее дѣло ни въ какомъ случаѣ не вышло бы изъ рукъ мѣстнаго дворянства, которое всегда сумѣло бы направить его по своему—оно это знало; отъ устройства же православной церкви въ Лифляндіи оно естественно устранялось своимъ иновѣріемъ. Слѣдовательно, во что бы ни стало, къ какимъ бы средствамъ ни пришлось прибѣгнуть, а нужно было непремѣнно остановить дѣло на самомъ починѣ и погубить его окончательно. Графъ Бенкендорфъ, и онъ одинъ, имѣлъ опредѣленную программу, положительно зналъ, чего хотѣлъ и всегда хотѣлъ одного и того же. Это давало ему огромный перевѣсъ надъ его товарищами.

Впрочемъ, въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не существовало такихъ убѣжденій или намѣреній, которыя бы добровольно и во всякое время не приноравливались къ воззрѣніямъ Самодержца. Это былъ верховный законъ совѣсти для всѣхъ. Всякій докладъ, каковъ бы ни былъ предметъ его, писался, разсматривался и подписывался, сообразжаясь окончательно съ тѣмъ выраженіемъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, могло быть вызвано имъ въ Высочайшихъ чертахъ. Но дѣло въ томъ, что въ вопросѣ о православіи въ Лифляндіи мысль покойнаго Императора, кажется, ему самому никогда вполнѣ не выяснялась и потому не вызрѣвала въ непреложное намѣреніе. Съ одной стороны, предносившійся ему идеалъ формальнаго единства дополнялся какъ нельзя лучше единствомъ вѣры, и въ этомъ отношеніи онъ не могъ не желать распространенія православія, хотя чест-

ная вѣрующая душа его, конечно, отвергала съ негодованіемъ всякій обманъ, какъ средство распространенія. Съ другой стороны, его понятія о политической дисциплинѣ не мирились ни съ церковью, свободно проповѣдующею свое ученіе, ни съ внутреннимъ волненіемъ, неизбѣжнымъ въ процессѣ свободнаго усвоенія цѣлымъ народомъ новой вѣры. Связавъ церкви не только руки и ноги, но и языкъ, связавъ даже совѣсть ея казеннымъ ученіемъ о главенствѣ Самодержца и о безусловности повиновенія властямъ, онъ однако требовалъ отъ нея духовной самодѣятельности и дара живого убѣжденія, а между тѣмъ всякое обнаруженіе малѣйшей инициативы въ этой средѣ раздражало его, какъ признакъ дерзкой заносчивости. Порывистое движеніе народной массы пугало его, какъ нарушеніе порядка. Ему хотѣлось бы, чтобъ переходъ въ православіе совершился, какъ перемѣна фронта въ боевомъ строю, чтобы дворянство не жаловалось и не роптало, чтобъ даже лютеранское духовенство не морщилось при отпаденіи Латышей отъ протестантства.

Есть поводъ думать, что сознаніе несостоятельности этой програмы болѣе всего парализировало графа Протасова, и мы увидимъ этому доказательство далѣе, во второй части этого изслѣдованіи.

Два Высочайшія повелѣнія, по поводу которыхъ было сдѣлано это пояснительное отступленіе, состояли изъ двухъ частей. Одна (осужденіе преосвященнаго Иринарха и высылка изъ Риги двухъ его подчиненныхъ) вызвана была внушеніями графа Бенкендорфа; другая (порученіе слѣдствія самому преосвященному Иринарху) — докладомъ графа Протасова.

Преосвященный выдержалъ съ достоинствомъ незаслуженный выговоръ. Въ поданномъ имъ Святѣйшему Синоду рапортѣ [1]) онъ писалъ въ началѣ: „Чувство справедливости побуждаетъ меня представить краткое изложеніе настоящаго дѣла не въ томъ намѣреніи, чтобъ сказать: „Я не виноватъ“, но въ томъ, чтобы показать, до какой степени простирается моя вина, и какъ я увлекся въ оную“.—Иными словами: Вы

---

[1]) 22 августа № 986.

не захотѣли потребовать отъ меня объясненія прежде произнесенія Вашего приговора; по крайней мѣрѣ выслушайте его теперь.

За этимъ слѣдовало спокойное изложеніе всего происходившаго между началомъ іюля и послѣдними числами августа; оно оканчивалось словами: „Мнѣ остается утѣшать себя тѣмъ, что сѣмя православія посѣяно, и что рано или поздно оно прозябнетъ и возрастетъ“. Въ заключеніи епископъ просилъ: обратить на него одного всю строгость закона и не подвергать отвѣтственности подчиненныхъ ему, которые съ его дозволенія приняли участіе въ семъ дѣлѣ, развѣ бы слѣдствіемъ обнаружены были такія дѣйствія ихъ, на которыя они не имѣли отъ него разрѣшенія“.

Преосвященный Иринархъ ожидалъ по крайней мѣрѣ, что во исполненіе Высочайшей воли, испрошенной графомъ Протасовымъ, генералъ-губернаторъ сообщитъ ему письменныя доказательства предосудительныхъ дѣйствій духовенства и тѣмъ дастъ возможность епископу приступить къ возложенному на него строгому изслѣдованію; но баронъ Паленъ молчалъ. Въ самомъ исходѣ августа при личномъ съ нимъ свиданіи преосвященный напомнилъ ему, что ожидаетъ отъ него документовъ.—„Я никакихъ документовъ не имѣю, а имѣю въ виду показанія, которыя отбираются теперь отъ подсудимыхъ; если Вамъ угодно, я прикажу перевести ихъ на русскій языкъ“—отвѣчалъ баронъ Паленъ. Преосвященный Иринархъ отъ 9 сентября увѣдомилъ объ этомъ графа Протасова, присовокупляя, что отъ мѣстнаго гражданскаго начальства не получено еще ничего такого, что̀ бы могло послужить основаніемъ для приступа къ слѣдствію. То же самое доносилъ онъ Святѣйшему Синоду 6 октября [1]. Но руководители барона Палена и онъ самъ вовсе не желали слѣдствія, по крайней мѣрѣ такого, какого требовалъ Государь Императоръ, т. е слѣдствія епархіальнаго начальника надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ. Они имѣли причины опасаться, какъ бы при этомъ не обнаружились всѣ подробности опросовъ крестьянъ въ губернскомъ правленіи,

---

1) № 1150 и 1154.

и кромѣ того, ободренные ходомъ дѣла, они уже шли гораздо далѣе въ своихъ надеждахъ. Баронъ Паленъ обратился опять таки къ шефу жандармовъ съ вопросомъ: нельзя ли назначить для участія въ предполагавшихся изслѣдованіяхъ надъ православными священниками депутата отъ гражданскаго вѣдомства, такъ какъ доказательства противъ духовенства состояли въ показаніяхъ крестьянъ, изъ коихъ между прочимъ видно было, что самъ преосвященный Иринархъ показывается такимъ (буквально), подъ вліяніемъ коего дѣйствовало православное духовенство. По-русски это значило: вмѣсто слѣдствія, производство коего было поручено епископу, нельзя ли какъ-нибудь его самого отдать подъ слѣдствіе какому-нибудь Гагемейстеру или Вульфу? Не знаю, чтò отвѣчалъ графъ Бенкендорфъ на счастливую мысль своего друга, но онъ принялъ ее къ руководству и, какъ мы увидимъ ниже, не упустилъ въ свое время ею воспользоваться.

Между тѣмъ, кромѣ домашней расправы въ деревняхъ, которою будто бы укрощались, а на самомъ дѣлѣ вызывались безпорядки, приведена была въ движеніе и военная сила. Въ этотъ несчастный 1841 годъ въ Лифляндіи перебывало столько войскъ, сколько, по всей вѣроятности, не имѣлъ ихъ Петръ Великій при завоеваніи края.

Еще въ началѣ іюня баронъ Паленъ откомандировалъ изъ Курляндіи полсотню казаковъ въ Венденъ для предупрежденія безпорядковъ, отдавъ ихъ въ распоряженіе того самаго уѣзднаго депутата фонъ-Гагемейстера, который писалъ, что нельзя окончить дѣла миролюбно и что кровопролитіе неизбѣжно. Въ то же время баронъ Паленъ просилъ графа Бенкендорфа двинуть для усмиренія крестьянъ отъ Гольдингена и Жегаръ одинъ пѣхотный полкъ въ Лифляндію и расположить его въ Вольмарскомъ, Венденскомъ и Валкскомъ округахъ: потомъ, въ первой половинѣ августа, генералъ-губернаторъ отрядилъ изъ Риги батальонъ шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка въ уѣзды Венденскій, Валкскій и Дерптскій, а казаковъ велѣлъ собрать въ Верроскомъ, на границѣ Псковской губерніи; затѣмъ двѣ роты того же шлиссельбургскаго полка были отряжены въ уѣзды Вольмарскій и Риж-

скій, а въ исходѣ того же мѣсяца вслѣдствіе прежняго ходатайства барона Палена, которому все еще казалось мало этихъ средствъ, получено было Высочайшее повелѣніе о немедленномъ командированіи въ Лифляндію по окончаніи сбора войскъ въ Ковнѣ ладожскаго егерскаго полка. Эти распоряженія, въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжныя — для поддержанія пущенной въ ходъ фикціи объ общемъ бунтѣ, или (какъ выражался генералъ-маіоръ Дуппельтъ) „о нѣкотораго рода сицилійскихъ вечерняхъ противъ помѣщиковъ", частью предшествовали личному объѣзду, предпринятому генералъ-губернаторомъ 13 августа въ видахъ администативно-стратегическихъ по уѣздамъ Венденскому, Вольмарскому, Верроскому и Дерптскому, частью были послѣдствіемъ этой поѣздки. На пути крестьяне въ буквальномъ смыслѣ осаждали его жалобами на помѣщиковъ и разнаго рода просьбами, ибо голодъ продолжался, люди умирали отъ истощенія, а въ палкахъ и бритвахъ при самомъ щедромъ ихъ употребленіи не оказывалось никакой питательной силы [1]). Генералъ-губернаторъ кое-что сдѣлалъ и доставилъ возможное облегченіе, какъ онъ самъ писалъ, на счетъ обсѣмененія полей; но въ чемъ именно состояли принятыя имъ мѣры, неизвѣстно. Гораздо несомнѣннѣе польза, которую принесла эта поѣздка ему лично, давъ ему возможность собственными глазами всмотрѣться въ бытъ крестьянъ. Какъ человѣкъ, по природѣ благодушный и доходившій до жестокости только въ исправленіи своей должности усерднаго агента дворянской партіи, онъ не могъ не почувствовать состраданія къ простому народу, а это чувство не могло не возбудить досады на помѣщиковъ, безпощадно разорявшихъ крестьянъ во имя свободы. Кажется, что именно съ этой поѣздки прежнія воззрѣнія барона Палена нѣсколько поколебались; по крайней мѣрѣ въ оффиціальныхъ его донесеніяхъ стала пробиваться новая

---

[1]) По свидѣтельству гернгутера, крайне враждебнаго къ православію, въ городѣ Верро, всѣ крестьяне, ходившіе въ Ригу для записки или подговаривавшіе къ тому другихъ, получили каждый не менѣе ста ударовъ по личному распоряженію барона Палена. См. брошюру: Der Agitator Ballohd und das Hernhuterthum in Livland v. E. A. Bourquin etc. Niesky 1870. S. 12.

тема: неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ одна изъ причинъ тогдашнихъ волненій, чего онъ прежде не признавалъ, хотя именно на эту причину давно уже указывалъ ему графъ Строгановъ. Иного рода, но одинаково безотрадныя впечатлѣнія вынесъ баронъ Паленъ во время своей поѣздки изъ интимныхъ своихъ сношеній съ помѣстнымъ дворянствомъ. Оно было имъ недовольно и не скрывало этого; не довольно не столько положеніемъ, которое онъ принялъ въ крестьянскомъ хозяйственномъ вопросѣ (его измѣнившіяся воззрѣнія на эту сторону дѣла въ то время не успѣли еще обнаружиться), сколько его такъ называемою слабостью въ отношеніи къ преосвященному Иринарху, къ православному духовенству вообще и къ бунтовавшимъ будто бы крестьянамъ. Отъ своего собрата лифляндскіе рыцари ожидали бо́льшаго, и генералъ-губернатору довелось убѣдиться на опытѣ, что при всемъ желаніи угодить своимъ трудно было согласить службу правительству съ службою дворянству [1]). Онъ сталъ оправдываться и запутался въ своихъ объясненіяхъ. Вотъ между прочимъ отрывокъ изъ донесенія чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнаго въ Лифляндію графомъ Строгановымъ и посѣтившаго Дерптъ вскорѣ послѣ выѣзда оттуда барона Палена: „Генералъ-губернаторъ, ограждающій помѣщиковъ передъ правительствомъ, лично удостовѣрился, что не всѣ они пекутся о крестьянахъ. Въ проѣздъ свой изъ Риги въ Дерптъ свидѣтельствовалъ онъ сельскіе запасные магазины и во многихъ не нашелъ хлѣба, который, по показанію крестьянъ, употребленъ былъ на винокуреніе [2]). Впрочемъ, и помѣщики къ нему нерасположены и въ послѣднее пребываніе

[1]) Въ то время однако въ Ригѣ разсказывали, что, объѣзжая губернію, баронъ Паленъ отбиралъ у крестьянъ показанія о принадлежности ихъ къ лютеранской церкви, въ надеждѣ, вѣроятно, что въ ихъ глазахъ простое заявленіе факта получитъ силу даннаго обязательства не переходить въ православіе, и что, несмотря на присутствіе казаковъ и жандармовъ, нѣкоторые крестьяне и тутъ подтвердили о своемъ желаніи быть русскими по вѣрѣ.

[2]) Читатели, можетъ быть, припомнятъ, что то же самое говорилъ въ своихъ Запискахъ православный Латышъ. Вотъ два свидѣтельства лицъ не только не сговаривавшихся, но, конечно, не имѣвшихъ одинъ о другомъ никакого понятія.

его въ Дерптѣ изъявили ему свое неудовольствіе явно. Они упрекали его въ томъ, что при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ онъ не принялъ строгихъ мѣръ, на что онъ въ свое оправданіе представлялъ, что при самомъ началѣ онъ писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и, не получая три недѣли отъ него разрѣшенія, вынужденъ былъ донести Государю Императору. Дѣло о волненіи лифляндскихъ крестьянъ показываетъ однако противное. Баронъ Паленъ писалъ въ первый разъ объ этомъ событіи 8 іюля и то вслѣдствіе вопроса, сдѣланнаго ему министерствомъ. Къ чему было передъ здѣшнимъ дворянствомъ, постоянно недовольнымъ нашимъ правительствомъ, выставлять небылицу?—это остается загадкою, а что онъ дѣйствительно это говорилъ, подтверждается единогласно". — Одно, чтó безусловно одобрялось дворянствомъ, чтó очень ему нравилось и чтó было послѣдствіемъ усердныхъ домогательствъ его представителей [1]), это было развертываніе русскихъ военныхъ силъ противъ народа, въ которомъ бродила какая-то странная тоска по Россіи и русской вѣрѣ. Ландраты, депутаты, орднунгсъ-рихтеры, вотчинныя правленія, всѣ просили войскъ, войскъ, и только войскъ (бóльшаго они, какъ извѣстно, отъ Россіи не требуютъ и даже не принимаютъ); но можно себѣ представить, во что обходилась крестьянамъ эта дорогая роскошь и каково имъ было въ голодный годъ принимать у себя военныхъ гостей?

А бунта все-таки не оказывалось, и о сицилійскихъ вечерняхъ тоже ничего не было слышно; даже дерптская ярмарка, которой всѣ боялись, прошла какъ нельзя спокойнѣе. Вотъ чтó писалъ въ то время командированный въ Лифляндію чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ: „Все упованіе свое возлагаютъ крестьяне на защиту правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое. Вотъ причина, почему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе

---

[1]) Тотъ же чиновникъ въ своемъ донесеніи называлъ тѣхъ, которые первые присовѣтовали барону Палену вразумлять крестьянъ военною силою. Чтенія 1865. Кн. II. стр. 97.

народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоитъ въ полѣ въ скирдахъ, никѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ" [1]). Вообще до начала сентября, несмотря на то, что во всей почти Лифляндіи производились мелкія экзекуціи, былъ только одинъ случай буйства со стороны крестьянъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Вессельгофъ, гдѣ, по донесенію, полученному генералъ-губернаторомъ, „толпа крестьянъ, вооруженная дубинами, жердями и кочергами, воспрепятствовала мѣстной полиціи (т. е. вотчинной конторѣ?) наказать нѣсколькихъ зачинщиковъ неповиновенія (кому?), несмотря [2]) на казачью команду изъ 20 человѣкъ".

Понятно, что уже и въ Петербургѣ около половины августа начали подозрѣвать, что фразы фонъ-Гагемейстера и объясненія барона Палена давали не совсѣмъ точное понятіе о положеніи края, и стали доискиваться настоящей причины неудовольствія крестьянъ. Сперва графъ Строгановъ подалъ барону Палену совѣтъ „обратить особенное вниманіе на бѣдность крестьянъ". Затѣмъ статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Высочайшее повелѣніе: „обратить строгое вниманіе генералъ-губернатора барона Палена на предметъ жалобъ крестьянъ — на недостатокъ продовольствія". Подобнаго рода указанія повторяемы были неоднократно.

Наконецъ таки поймали крестьянъ, если не на бунтѣ, то на противозаконномъ требованіи. Доселѣ они просили хлѣба и переселенія; но, встрѣчая вездѣ отказъ, нѣкоторые изъ нихъ въ уѣздахъ Вольмарскомъ и части Рижскаго, стали домогаться (все-таки не захватывать) себѣ въ собственность помѣщичьей земли, конечно, не господской, а крестьянской, то есть той, на которой они сидѣли и на которую до 1819 года

---

1) Чтенія 1865. Кн. II. стр. 96.

2) Это несмотря довольно не ясно; кажется, что команда вовсе и не была употреблена въ дѣло; иначе безъ сомнѣнія было бы сказано, что она была отбита. Спрашивается: была ли она даже на мѣстѣ происшествія?

имѣли право пользованія. Это опять оживило толки объ угрожавшемъ будто бы подъемѣ всего народа и подало поводъ къ прежнимъ темамъ прицѣпить новую—посягательство на дворянскую собственность. Кстати впутали въ дѣло и коммунизмъ, въ то время только что начинавшій входить въ моду, какъ вѣрное средство отвести глаза отъ правды. Тотчасъ же двѣ роты шлиссельбургскаго егерскаго полка командированы были на мѣста для усмиренія крестьянъ, а Государь Императоръ, находившійся въ то время въ Варшавѣ и, повидимому, начинавшій также подозрѣвать, что дѣйствія барона Палена направлялись не въ ту сторону, куда было нужно, отправилъ въ Лифляндію двухъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ Бутурлина и князя Урусова съ особымъ наставленіемъ.

Оно, разумѣется, осталось секретомъ; но, соображая предшествовавшія обстоятельства, можно, не боясь ошибиться, предположить, что флигель-адъютантамъ велѣно было дѣйствовать съ особенною строгостью вездѣ, гдѣ бы они замѣтили признаки неповиновенія властямъ. Посланнымъ отъ Государя, конечно, вмѣнялось также въ обязанность прекращать ложные слухи о переселеніи и о надѣленіи крестьянъ землею, распространявшіеся по корчмамъ, безпощадно преслѣдовать тѣхъ, кто разносилъ эту молву, предавая виновныхъ военному суду, но не смѣшивая однако злонамѣренныхъ изобрѣтателей этихъ слуховъ съ тѣми лицами, которыя по легковѣрію только повторяли слышанное. Въ составъ порученія входило вѣроятно и раскрытіе дѣйствительныхъ причинъ волненій, дознаніе неудовлетворенныхъ нуждъ крестьянъ, изученіе ихъ быта, наконецъ (это видно изъ послѣдующихъ дѣйствій) относительно перемѣны вѣры, флигель-адъютантамъ вмѣнялось въ обязанность, по крайней мѣрѣ разрѣшалось, огласить и разъяснить общій для всей Имперіи законъ, въ силу котораго вступленіе въ нѣдра господствующей церкви никому не возбраняется. Во всѣхъ подобнаго рода порученіяхъ необходимо различать двѣ стороны: простое изученіе положенія дѣлъ и вмѣшательство въ силу даннаго уполномочія въ распоряженіи мѣстныхъ властей. Случается иногда, что эти власти запутываются и теряютъ голову; случаются между ними своего рода стачки, чаще всего въ мѣстностяхъ,

изолированныхъ по своему географическому положенію или по особенностямъ своего провинціальнаго устройства, случаются также непримиримыя противорѣчія въ донесеніяхъ, получаемыхъ изъ разныхъ источниковъ, ставящія въ тупикъ высшее правительство, и въ подобныхъ случаяхъ взглядъ со стороны, брошенный человѣкомъ свѣжимъ, если только онъ достаточно подготовленъ къ дѣлу предварительнымъ его изученіемъ (что́, къ сожалѣнію, довольно рѣдко случается) и способенъ не поддаться вліянію мѣстныхъ воззрѣній, можетъ иной разъ разъяснить недоумѣнія, обнаружить неправильности, которыхъ глаза, успѣвшіе къ нимъ присмотрѣться, не видятъ или не хотятъ видѣть. Иное дѣло: человѣку новому, обыкновенно не имѣвшему ни времени, ни случая ознакомиться спеціальнымъ изученіемъ съ мѣстными особенностями края, давать уполномочіе дѣйствовать отъ имени верховной власти. Такое по существу своему экстралегальное уполномочіе ставитъ вооруженнаго имъ въ ненормальныя отношенія къ мѣстному начальству, тою же властью уполномоченному. Въ случаѣ полнаго между ними согласія экстралегальное уполномочіе оказывается излишнимъ; въ случаѣ разномыслія рождается конфликтъ не только въ мнѣніяхъ, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ; чаще же всего случается (и это почти неизбѣжно), что довѣренное лицо, будучи призвано рѣшаться на что-нибудь и дѣйствовать съ первой минуты своего пріѣзда, прежде чѣмъ оно успѣетъ составить себѣ собственное понятіе о положеніи дѣлъ, усвоиваетъ себѣ чужой взглядъ, подчиняясь невольно господствующимъ на мѣстахъ воззрѣніямъ; а такъ какъ отъ спеціально-уполномоченнаго всѣ ожидаютъ рѣшительныхъ, видныхъ и скорыхъ результатовъ, то онъ обыкновенно доводитъ мѣстную систему дѣйствій до послѣднихъ крайностей въ строгостяхъ или послабленіи. Въ какой мѣрѣ лица, на которыхъ палъ выборъ Государя Императора, избѣгли этой опасности, пусть разсудятъ сами читатели.

Извѣстіе о командировкѣ флигель-адъютантовъ не могло до нѣкоторой степени не встревожить мѣстныхъ властей. Онѣ имѣли причины опасаться именно свѣжаго, непредубѣжденнаго взгляда. Заглазно можно еще было объяснять волненіе крестьянъ подпольными интригами православнаго архіерея и

какихъ-нибудь трехъ или четырехъ священниковъ; въ Петербургѣ, вдали отъ поразительнаго зрѣлища мѣстныхъ нуждъ простонародья и при усердномъ повтореніи сплетень, которыя разносились по гостинымъ агентами тамошняго министерства остзейскихъ дѣлъ, можно было забывать и то, что быстрое распространеніе гернгутерства, задолго до сближенія крестьянъ съ православнымъ духовенствомъ, свидѣтельствовало о присутствіи въ народѣ неудовлетворенной потребности чисто религіознаго свойства, и то, что слухъ о переселеніи возникъ также до этого сближенія, и то, наконецъ, что кромѣ желанія перемѣнить вѣру, гораздо громче и отчетливѣе этого желанія, раздавались жалобы на отобраніе земель, на невыносимую тягость повинностей, на нищету, на истязанія и голодъ. Всего этого можно было не знать на Невскомъ проспектѣ; но гораздо труднѣе было поддерживать фикцію объ интригахъ и подговорахъ въ виду латышскихъ деревень, въ виду крестьянъ, помѣщиковъ и пасторовъ. Если бы, наконецъ, правда бросилась въ глаза свѣжему человѣку, если бъ ему удалось различить мирное религіозное движеніе, которое имѣло свои особенныя причины, отъ волненій вызванныхъ совершенно иными обстоятельствами, тогда пожалуй оказалось бы, что стремленіе народа въ православіе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго, и что не было никакой причины не предоставить ему дальнѣйшаго, невозбраннаго хода; но тогда дѣйствительно серьезный вопросъ объ экономическомъ бытѣ крестьянъ, отрѣшившись отъ всѣхъ затемнявшихъ его обстоятельствъ, самъ собою выступилъ бы на первый планъ, какъ главная причина волненій. Этого-то именно болѣе всего боялись въ Ригѣ, и потому тамошнія власти не переставали въ своихъ донесеніяхъ занимать высшее правительство мелкими сплетнями, хотя въ то время послѣ приведенныхъ выше распоряженій не представлялось даже сколько нибудь благовидныхъ къ тому поводовъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій флигель-адъютантовъ по прибытіи ихъ въ Ригу было оглашеніе воли Государя Императора. Это было сдѣлано съ подобающимъ торжествомъ, но довольно неловко. 17-го сентября собраны были въ Ригѣ изъ 14 помѣстьевъ 47 человѣкъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ

чиновъ какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ; ихъ ввели въ губернское правленіе, и тамъ флигель-адъютанты Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили имъ, по Высочайшему повелѣнію: „Что отнюдь не есть воля Государя Императора переселить лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ; что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; что если кто изъ крестьянъ отъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ намѣренъ присоединиться къ православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять [1]), но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались по прежнему покойными". За симъ объявлено было безсрочно-отпускнымъ и отставнымъ солдатамъ, что если они будутъ сами участвовать въ незаконностяхъ и подкрѣплять крестьянъ въ ихъ движеніи, то будутъ наказаны, лишатся пріобрѣтенныхъ на службѣ правъ и вновь отданы будутъ на службу [2]). Такія же объявленія дѣлались и въ уѣздныхъ городахъ.

Давно, съ той самой минуты, какъ началось движеніе, надлежало огласить невозбранность присоединенія къ церкви. Это было необходимо не только для разъясненія заблужденій, въ которыхъ находились крестьяне относительно послѣдствій присоединенія, но главнѣйшимъ образомъ потому, что помѣщики, пасторы и земская полиція въ одинъ голосъ твердили крестьянамъ, что правительство не разрѣшало имъ перехода изъ лютеранства въ православіе, и что православные священники дѣйствовали будто бы самовольно, принимая отъ нихъ заявленія по предмету перемѣны вѣры. Если бы такое

---

1) А безусловное запрещеніе, передъ этимъ только что объявленное преосвященному Иринарху и православному духовенству, принимать у себя крестьянъ и брать отъ нихъ просьбы, хотя бы только о присоединеніи ихъ къ церкви, запрещеніе, въ то время даже еще не снятое?!

2) Чтенія 1865. Кн. I, стр. 209.

оглашеніе сдѣлано было вò-время (о чемъ много разъ писалъ преосвященный Иринархъ), все движеніе приняло бы, можетъ быть, иной оборотъ. Но огласить Высочайшую волю такъ, чтобъ она дѣйствительно проникла въ сознаніе простого народа, особенно когда эта воля несогласна ни съ собственными его ожиданіями, ни съ тѣми внушеніями, приказаніями и угрозами, которыя онъ ежедневно слышитъ у себя дома отъ ближайшихъ къ нему начальствъ, дѣло вовсе не легкое, и надобно сознаться, что въ настоящемъ случаѣ способъ оглашенія избранъ былъ крайне неудачно. Во-первыхъ, что̀ значило 47 человѣкъ, по закону почти прикрѣпленныхъ къ своимъ приходамъ, на всю Лифляндію? Во-вторыхъ, кѣмъ были избраны эти отряженные въ Ригу крестьяне, и чѣмъ руководствовались при выборѣ? Такъ какъ нарядомъ въ губернскій городъ распорядились безъ сомнѣнія вотчинная и земская полиціи, то вѣроятно посланы были должностные крестьяне, старшины, приходскіе судьи, засѣдатели, словомъ тѣ, которыхъ по закону утверждали, а на практикѣ назначали помѣщики, во всякомъ случаѣ—люди въ помѣщичьемъ смыслѣ надежные, отъ которыхъ не было повода ожидать, чтобъ они въ присутствіи флигель-адъютантовъ осмѣлились промолвить слово о дѣйствительныхъ причинахъ общаго неудовольствія простого народа. Но такого разбора люди могли ли пользоваться полнымъ довѣріемъ массы и дѣйствовать на ея убѣжденіе? Въ-третьихъ, когда имѣется въ виду произвести то или другое впечатлѣніе, нельзя пренебрегать подробностями внѣшней обстановки; а тутъ какъ нарочно собраны были всѣ мѣстныя власти, по собственному ихъ сознанію утратившія всякое къ себѣ довѣріе простого народа, и собраны въ томъ самомъ губернскомъ правленіи, одинъ видъ котораго напоминалъ крестьянамъ недавніе допросы, не зажившіе еще рубцы на изсѣченныхъ спинахъ и не отросшіе волоса на выбритыхъ затылкахъ. Тамъ въ уши оторопѣлыхъ, не предупрежденныхъ крестьянъ прокричали Высочайшую волю и дѣлу конецъ! Но мы знаемъ по опыту, какъ медленно и туго простой народъ усвоиваетъ себѣ чужія понятія, какъ бы, повидимому, ясно и точно ни были они изложены. За первымъ прочтеніемъ въ неподготовленныхъ умахъ зарожда-

ются неминуемо самыя неожиданныя сомнѣнія, самые странные вопросы; ихъ нужно не только выслушивать, но даже вызывать, когда они не высказываются; нужно перебирать ихъ одно за другимъ, разъяснять каждое и повторять прочтенное по нѣскольку разъ. Само собою разумѣется, что флигель-адъютанты этого не сдѣлали и по незнанію мѣстныхъ языковъ даже не могли сдѣлать. Скучный трудъ разъясненія, требующій со стороны вразумляющихъ безконечнаго долготерпѣнія и невозмутимой добросовѣстности, а со стороны вразумляемыхъ полнаго и безбоязненнаго довѣрія къ вразумляющимъ, предоставленъ былъ мѣстнымъ властямъ, тѣмъ самымъ, которымъ народъ не вѣрилъ ни въ чемъ. Наконецъ, во всемъ, что̀ было объявлено крестьянамъ отъ Высочайшаго имени, не было ни единаго слова въ утѣшеніе и ободреніе, ни тѣни надежды на лучшую будущность; не сочли даже за нужное сказать имъ, что, запрещая имъ одно, отказывая имъ въ другомъ, верховная власть все-таки знаетъ объ ихъ нуждахъ, принимаетъ ихъ къ сердцу и заботится объ удовлетвореніи ихъ. Какое впечатлѣніе вынесли крестьяне изъ присутствія?—этого они, конечно, не повѣдали, но смѣло можно сказать, что объявленіе не произвело въ краѣ желаннаго дѣйствія: оно не вразумило обманутыхъ и ошибавшихся, не подкрѣпило чаявшихъ, не ободрило близкихъ къ отчаянію.

Все доселѣ разсказанное продолжалось три мѣсяца, до половины сентября, а положеніе крестьянъ ни въ чемъ не улучшалось, да и не могло улучшиться, такъ какъ зло лежало въ самомъ существѣ законоположенія, опредѣлявшаго ихъ права или, точнѣе, ихъ безправіе. Сношенія съ православнымъ духовенствомъ, которое одно обнаруживало къ нимъ сочувствіе, до нѣкоторой степени поддерживали въ нихъ темную надежду на улучшеніе ихъ быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ (нельзя этого отрицать) и мечты о переселеніи; но и эти сношенія прекратились. Между тѣмъ, желая вырвать зло съ корнемъ, полиція, разумѣется, по указаніямъ, при содѣйствіи и нерѣдко черезъ посредство вотчинныхъ правленій, усердно разыскивала и хватала по деревнямъ такъ называемыхъ

зачинщиковъ [1]) бунта, то есть тѣхъ крестьянъ, которые въ кругу своихъ пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Тогда мѣра латышскаго долготерпѣнія переполнилась, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно начались безпорядки, буйства, открытыя сопротивленія властямъ. Этого только и поджидали.

Вотъ въ чемъ заключались эти случаи, по донесеніямъ барона Палена, который переписывалъ отъ слова до слова рапорты орднунгсъ-рихтеровъ.

„Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстьѣ Гейлигензе, крестьяне, будто бы ссылаясь на наставленіе православнаго духовенства, вознамѣрились переселиться въ другія губерніи. Орднунгсъ-рихтеръ, получивъ 1 сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою шлиссельбургскаго полка. Крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ орднунгсъ рихтеръ встрѣтилъ толпу, вооруженную дубинами, которая спрашивала его: по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только исполнить волю Государя и переселиться въ другія губерніи? Орднунгсъ-рихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ, сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, обѣщая тамъ выслушать крестьянъ; когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою".—Итакъ орднунгсъ-рихтеръ, мѣстный помѣщикъ, располагая военною силою, обманулъ крестьянъ, которые охотно шли на объясненіе съ нимъ. Стратегическая хитрость, имъ употребленная, конечно, не много содѣйствовала возста-

---

[1]) Когда ложный слухъ, основанный на мнимомъ законѣ или распоряженіи власти, приводитъ въ движеніе народныя массы, лишенныя по своей безграмотности ближайшаго и простѣйшаго средства вразумленія, случается очень нерѣдко, что при разыскиваніи зачинщиковъ попадаютъ въ категорію злонамѣренныхъ подстрекателей лица, совершенно добросовѣстно увлекающіяся общимъ заблужденіемъ, которыя стоятъ на виду, во главѣ толпы и ведутъ ее за собою только потому, что они умнѣе, честнѣе, зажиточнѣе другихъ, что имъ привыкли вѣрить, и что они вообще во всякаго рода дѣлахъ естественно выдвигаются впередъ. Хватаніе такихъ людей болѣе всего раздражаетъ толпу и чаще всего вызываетъ сопротивленіе.

новленію поколебленнаго въ крестьянахъ довѣрія къ словамъ и обѣщаніямъ мѣстныхъ властей. Рапортъ оканчивался увѣдомленіемъ, что, выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ, „крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ были захвачены одинъ изъ водителей, отставной лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка солдатъ, и еще восемь человѣкъ".

Второй случай: „Верросскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, извѣстный возмутитель, и толпа крестьянъ съ кольями преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія задержаннаго", но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный: „По опредѣленію губернскаго правленія долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ Рижскаго уѣзда помѣстья Нейбеверсгофъ, Виллуамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель орднунгсъ-герихта фонъ-Транзеге и коммисаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммисара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая на другой день была окружена крестьянами. Военная команда (10 человѣкъ солдатъ) вышла безпрепятственно, но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобъ воспрепятствовать чиновникамъ удалиться и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу" — видно однако, что его караулили не слишкомъ исправно и что толпа, обступившая мызу, была не очень густа и не очень страшна, иначе чиновники, вѣроятно, сами не отпустили бы солдатъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ генералъ-губернаторъ доставилъ статистику проданнаго крестьянамъ пороха; оказывалось, что съ 1 мая по 1 августа 1840 года они пріобрѣли 87 пудовъ 35 фун., а въ 1841 году за тотъ же срокъ — 123 пуда 24 фунта, изъ чего можно было вывести математически вѣрное заключеніе, что безопасность мѣстныхъ властей и помѣщиковъ уменьшилась ровно на $40^{5}/_{7}$% [1]).

[1]) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 207, 208.

Если ужъ начато было усмиреніе бунта до его возникновенія, когда въ народѣ обнаруживалось только еще броженіе умовъ, то можно легко себѣ представить, какіе размѣры приняло усмиреніе случаевъ дѣйствительнаго буйства. Для усиленія вооруженныхъ средствъ противъ грознаго подъема всей массы разъяренныхъ Латышей (какъ выражались въ то время) и несмотря на то, что Государь Императоръ (кажется, сознавая значительную долю преувеличенія въ донесеніяхъ мѣстныхъ властей) предписывалъ дѣйствовать осторожно, двинута была въ Лифляндію вторая бригада второй гренадерской дивизіи, въ трехъ-баталіонномъ составѣ полковъ, и дивизіонъ атаманскаго Наслѣдника Цесаревича казачьяго полка. Самъ баронъ Паленъ призадумался, сообразивъ, какое бремя для края и сколько хлопотъ для помѣщиковъ могло произойти отъ размѣщенія въ Лифляндіи такого числа войскъ; онъ написалъ въ Петербургъ, что волненіе уже не такъ жестоко, а расквартированіе войскъ по разбросанному положенію крестьянскихъ дворовъ и по недостатку въ продовольствіи неудобоисполнимо. Онъ предлагалъ, какъ мѣру самую цѣлесообразную, разложить бремя содержанія войскъ, нужныхъ для усмиренія лифляндскихъ крестьянъ и для успокоенія лифляндскихъ помѣщиковъ, на двѣ сосѣднія губерніи, Псковскую и Витебскую, а ему, генералъ-губернатору, предоставить право требовать ихъ оттуда по мѣрѣ надобности; но Государь Императоръ, вѣроятно помня прежнія донесенія о готовившихся силиційскихъ вечерняхъ и о кровопролитіи, не изъявилъ согласія на послѣднюю, ловкую комбинацію, а повелѣлъ только отпускать деньги на провіантъ войскамъ. Начался настоящій походъ противъ крестьянъ; потомъ, когда побѣда осталась на сторонѣ войскъ, нигдѣ не встрѣтившихъ сопротивленія, начались военные суды и экзекуціи, страшныя экзекуціи, соразмѣрявшіяся не столько съ виною крестьянъ, сколько съ страхомъ помѣщиковъ, экзекуціи, о которыхъ много лѣтъ спустя крестьяне не могли вспоминать безъ содроганія. Противъ Нейбеверсгофа отправлена была экспедиція сначала изъ пятидесяти казаковъ и пяти ротъ шлиссельбургскаго полка, черезъ нѣсколько дней усиленная баталіономъ ладожскаго. Силы эти отданы были въ распоряженіе опять таки тамош

няго помѣщика, дворянскаго депутата фонъ-Нуммерса. Ему показалось мало, и онъ вытребовалъ себѣ еще изъ Крейцбурга два орудія легкой батареи 4-ой артиллерійской бригады. Крестьяне при первомъ появленіи войска, разумѣется, разбѣжались и ихъ стали ловить. Этою ловлею исключительно и занимались войска; у нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ найдены были ружья и порохъ, которыхъ они не употребляли, и ни одного выстрѣла во всей Лифляндіи противъ войскъ сдѣлано не было [1]). Флигель-адъютанты, наконецъ, нашли себѣ занятіе; они усердно способствовали мѣстной власти въ усмиреніи крестьянъ мѣрами строгости, но въ дѣлахъ не встрѣчается ни одного донесенія отъ нихъ, которое бы сколько-нибудь раскрывало дѣйствительныя причины волненій. Повидимому, они совершенно усвоили себѣ взгляды, понятія и терминологію мѣстныхъ властей. Одинъ изъ нихъ ходатайствовалъ у Государя о награжденіи нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, солдатъ и крестьянъ, особенно усердствовавшихъ въ отклоненіи крестьянъ отъ перехода въ православіе и въ ловлѣ такъ называемыхъ подстрекателей. Высшее правительство посылало имъ деньги и медали, а губернское правленіе публиковало объ этомъ печатно по деревнямъ.

Роскошь средствъ и строгостей, употребленныхъ на усмиреніе, повидимому, доказывала, что и высшее правительство, прежде какъ будто колебавшееся, наконецъ тоже заразилось страхами мѣстнаго начальства; но съ другой стороны, самыя эти карательныя мѣры, къ которымъ оно сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, кажется, навели его на болѣе внимательное изученіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Лифляндіи. По крайней мѣрѣ изъ оффиціальной переписки видно, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ исходѣ сентября, понятія стали проясняться. Такъ, излагая во всеподданнѣйшемъ докладѣ опасенія генералъ-губернатора, предвѣщавшаго всеобщее возстаніе крестьянъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, графъ Строгановъ заявлялъ, что онъ, съ своей стороны, не раздѣлялъ этого опасенія; однако Государь изволилъ замѣтить, что осторожность не мѣшала и приказалъ запре-

---

[1]) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 211. Кн. 3 стр. 130.

тить продажу пороха. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расходились въ своихъ воззрѣніяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ и главный начальникъ края. Баронъ Паленъ все еще не хотѣлъ признать, что главныя причины волненій заключались въ недостаткѣ хлѣба и въ притѣсненіяхъ помѣщиковъ; онъ увѣрялъ, что попеченіемъ мѣстнаго начальства продовольствіе будто бы было обезпечено, что жалобы крестьянъ, оказавшіяся справедливыми, будто бы были удовлетворены какими-то мѣрами (которыхъ, впрочемъ, и законъ не предоставлялъ начальству), а приписывалъ всю вину подговорамъ православнаго епископа и подчиненнаго ему духовенства къ перемѣнѣ вѣры. Напротивъ того, графъ Строгановъ, не отрицая, „что неосмотрительныя и неправильныя дѣйствія духовенства по принятію просьбъ, до него не касавшихся", могли способствовать до нѣкоторой степени распространенію и укрѣпленію неосновательныхъ толковъ, гораздо прежде возникшихъ между крестьянами, настаивалъ однако на томъ, что настоящей причины этихъ толковъ и волненія „надлежало искать главнѣйшимъ образомъ въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ, въ ихъ бѣдности, въ недостаткѣ продовольствія, въ обременительности работъ на помѣщиковъ" и вообще въ отсутствіи всякаго надежнаго огражденія крестьянскихъ интересовъ при заключеніи такъ называемыхъ полюбовныхъ соглашеній. Въ подтвержденіе министръ внутреннихъ дѣлъ ссылался на личный опытъ самого генералъ-губернатора, напоминая ему массы жалобъ, которыми закидывали его крестьяне во время его объѣздовъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ помѣщиковъ, признававшихъ чрезмѣрную обременительность крестьянскихъ повинностей. Баронъ Паленъ долго упирался противъ очевидности, но, наконецъ, совѣсть перевѣсила въ немъ другія побужденія; къ тому же сами представители лифляндскаго дворянства стали догадываться, что пора уже было взять дѣло въ свои руки, чтобъ не допустить до него правительства. Отъ ихъ имени баронъ Паленъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи дворянскому ландтагу заняться пріисканіемъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ. Докладывая объ этомъ Государю Императору, графъ Строгановъ воспользовался случаемъ изложить въ цѣлости свое воззрѣніе на положеніе дѣлъ въ

Лифляндіи, и указалъ на ходатайство дворянства, какъ на новое подтвержденіе той мысли, что источникъ волненій заключался не въ дѣйствіяхъ православнаго духовенства, а въ хозяйственной обстановкѣ крестьянъ. На докладѣ Государь написалъ, что взглядъ въ немъ выраженный совершенно согласенъ съ Его собственнымъ убѣжденіемъ и повелѣлъ поставить это генералъ-губернатору на видъ [1]).

Съ этого, повидимому, долженъ бы былъ начаться поворотъ къ другой системѣ дѣйствій. Порядокъ возстановленъ, настоящая причина волненій отыскана, признана и ощупана; дворянство приступаетъ къ обсужденію недостатковъ дѣйствующихъ законоположеній, а тѣмъ временемъ главный начальникъ края, конечно, поспѣшитъ обезпечить продовольствіе крестьянъ, облегчить, насколько это возможно, ихъ повинности, и оставитъ наконецъ въ покоѣ рижскаго епископа и православное духовенство. Во всякомъ другомъ мѣстѣ дѣло непремѣнно приняло бы этотъ или похожій на это оборотъ; но въ Прибалтійскомъ краѣ случилось противное.

Довольно рѣзкая Высочайшая резолюція, ставившая генералъ-губернатору на видъ несообразность его объясненій и дѣйствій съ дѣйствительнымъ положеніемъ ввѣренной ему области, была приписана не безъ основанія впечатлѣнію, произведенному на Государя откровеннымъ докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Пока графъ Строгановъ, не понимая еще сущности дѣла, вѣрилъ на слово мѣстнымъ властямъ и содѣйствовалъ имъ своими распоряженіями, не было повода опасаться его вліянія, но теперь положеніе вдругъ измѣняется. Министръ внутреннихъ дѣлъ становится въ прямое противорѣчіе съ Ригою; его доклады, болѣе и болѣе уясняя дѣло, могутъ повредить мѣстнымъ интересамъ и, пожалуй, разоблачить передъ Государемъ нѣкоторыя тщательно отъ Него скрываемыя тайны нашей Балтійской окраины, и вотъ— баронъ Паленъ, отъ 6-го октября [2]), увѣдомляетъ графа Строганова, что графъ Бенкендорфъ лично поручилъ ему отсылать всѣ дѣла по предмету перехода крестьянъ въ пра-

---

[1]) Отнош. ст. секр. Танѣева отъ 25 сент.

[2]) Отнош. къ мин. вн. д. № 1057.

вославіе, требующія Высочайшаго разрѣшенія, не къ министру внутреннихъ дѣлъ, а прямо къ шефу жандармовъ. Не видно даже, чтобъ на это было испрошено Высочайшее повелѣніе. Изъ всего предшествующаго читатели могли усмотрѣть, что баронъ Паленъ и прежде постоянно переписывался съ графомъ Бенкендорфомъ, который этимъ и другими путями узнавалъ о Балтійскомъ краѣ все, чтò ему было нужно или чтò онъ желалъ узнать; слѣдовательно дѣло шло только объ устраненіи министра внутреннихъ дѣлъ. Неизвѣстно, какимъ путемъ этого достигли, и какой въ этомъ случаѣ придуманъ былъ предлогъ; видно только, что графъ Строгановъ ничего не возразилъ на распоряженіе шефа жандармовъ.

Тѣмъ временемъ преосвященный Иринархъ, осужденный на бездѣйствіе и молчаніе, терпѣливо ожидалъ обвинительныхъ актовъ, которые все-таки ему не сообщались, и безъ которыхъ онъ не могъ приступить къ возложенному на него изслѣдованію.

Внѣшній ходъ этого дѣла самъ по себѣ настолько любопытенъ, какъ указаніе на присутствіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ скрещивающихся потоковъ подъ наружною правильностью теченія, что читатели, можетъ быть, не посѣтуютъ на меня за сообщеніе имъ сухой, канцелярской объ немъ справки. Выше было сказано, что по докладу графа Протасова Высочайшимъ повелѣніемъ 14 августа поручено было преосвященному Иринарху произвести надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ строгое изслѣдованіе по всѣмъ взведеннымъ на него обвиненіямъ, въ томъ числѣ и по доносу Спасскаго, а 19 августа графу Бенкендорфу удалось испросить Высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ Риги въ Петербургъ священника Погонялова и келейника Анненкова, на которыхъ падало обвиненіе по тому же доносу. Графъ Бенкендорфъ видимо хотѣлъ, чтобъ рижскій епископъ былъ устраненъ, и чтобъ дѣло покончено бы лотѣмъ или другимъ способомъ, только не въ Ригѣ; а графъ Протасовъ, по предварительному соглашенію съ графомъ Строгановымъ, хотѣлъ противнаго, то есть изслѣдованія на мѣстѣ обвиненія черезъ преосвященнаго. Невозможность согласить эти два требованія, основанныя на двухъ почти одновременныхъ Высочайшихъ

повелѣніяхъ, и послужила барону Палену поводомъ обратиться къ своему патрону съ намекомъ на представлявшійся случай устранить епископа отъ производства слѣдствія и привлечь его самого къ дѣлу какъ отвѣтчика. Оттого онъ такъ долго и не сообщалъ преосвященному никакихъ данныхъ. Ухватившись за мысль, подсказанную ему изъ Риги, графъ Бенкендорфъ въ конфиденціальномъ отношеніи къ графу Протасову [1]) выразилъ ему, „что если за высылкою въ Петербургъ двухъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ изслѣдованіе все таки не считается отмѣненнымъ (!), то въ виду того, что епископъ и самъ прикосновененъ къ этому дѣлу, онъ, шефъ жандармовъ, признавалъ бы съ своей стороны необходимымъ, чтобъ при слѣдствіи находился губернскій чиновникъ и даже мѣстный штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ". За три дня до полученія этой бумаги (10 сентября) графъ Протасовъ передалъ въ Святѣйшій Синодъ на зависящее распоряженіе Высочайшее повелѣніе о высылкѣ въ Петербургъ священника Погонялова и келейника Анненкова съ приложеніемъ доноса Спасскаго и выборокъ изъ показаній, отобранныхъ у Латышей; Синодъ изготовилъ вопросные пункты и поручилъ отобраніе по нимъ показаній епископу ревельскому, викарію С.-Петербургской митрополіи Венедикту, въ присутствіи гражданскаго чиновника по выбору г. оберъ-прокурора [2]). Все это было исполнено и отвѣты доставлены Синоду при рапортѣ отъ 18 сентября. Затѣмъ (18-го же сентября) графъ Протасовъ передалъ въ Синодъ и упомянутое отношеніе графа Бенкендорфа; тогда же и только тогда (то есть черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ сдѣланъ былъ преосвященному Иринарху выговоръ) сообщилъ онъ Синоду и содержаніе Высочайшаго повелѣнія, возлагавшаго на рижскаго епископа производство слѣдствія по всѣмъ взведеннымъ на православное духовенство обвиненіямъ. Тутъ Синодъ въ первый разъ прочелъ эти обвиненія, на основаніи которыхъ онъ сдѣлалъ преосвященному Иринарху строгій выговоръ. Сообразивъ все это, Синодъ 22 сентября постановилъ: „Во исполненіе Высочайшаго

---

1) 13 сентября 1841 № 5327.

2) Выборъ палъ на д. с. с. Войцеховича.

повелѣнія, препроводить къ епископу рижскому вопросные пункты, заданные Погонялову и Анненкову и ихъ отвѣты; поручить ему провѣрить ихъ строгимъ изслѣдованіемъ, сообразить ихъ съ тѣми доказательствами, какія доставитъ ему генералъ-губернаторъ, возвратить въ Синодъ съ своимъ заключеніемъ и вмѣстѣ представить отъ себя объясненіе по обстоятельствамъ, лично его касающимся". Синодъ счелъ также нужнымъ черезъ оберъ-прокурора увѣдомить о сдѣланныхъ распоряженіяхъ графа Бенкендорфа и просить послѣдняго „оказать свое содѣйствіе, чтобъ ожидаемыя отъ барона Палена доказательства о приписываемыхъ гражданскимъ начальствомъ духовенству дѣйствіяхъ и самое прошеніе, исправленное будто бы священникомъ Фасановымъ, доставлены были преосвященному Иринарху безъ промедленія".

Видя, что слѣдствіе все-таки оставлялось въ рукахъ послѣдняго и сосредоточивалось въ Ригѣ, гдѣ можно было выяснить каждый пунктъ обвиненій собранными на мѣстѣ справками и очными ставками съ обвинителями, графъ Бенкендорфъ, именно этого и опасавшійся, прибѣгнулъ къ крайнему средству. Онъ самъ поѣхалъ въ Ригу [1]), перешептался тамъ съ своими друзьями, и 5 октября состоялось Высочайшее повелѣніе: викарію псковской эпархіи, епископу рижскому Иринарху, немедленно отправиться въ Псковъ и оставаться тамъ въ распоряженіи епархіальнаго преосвященнаго впредь до дальнѣйшаго распоряженія [2]). Не трудно угадать, кѣмъ подготовленъ былъ этотъ ударъ, но неизвѣстно, какія именно обстоятельства были доложены Государю для оправданія этой мѣры. Вѣроятно его убѣдили въ необходимости пожертвовать православнымъ епископомъ для предупрежденія будто бы неминуемаго бунта и для такъ называемаго умиротворенія края. Это одинъ изъ образчиковъ административныхъ пріемовъ, такъ охотно примѣняемыхъ къ Россіи и къ русскимъ людямъ

---

[1]) Не знаю, по собственнымъ ли дѣламъ, или по порученію отъ Государя и для какой цѣли.

[2]) Въ такомъ видѣ оно было сообщено Святѣйшему Синоду; но графъ Протасовъ въ подобныхъ случаяхъ иногда смягчалъ выраженія Высочайшей воли. Здѣсь говорится о выѣздѣ, а не о вывозѣ, и почему, по чьей иниціативѣ, выѣздъ на практикѣ преобразился въ вывозъ, мнѣ неизвѣстно.

тою самою партіею, которая такъ горько сѣтуетъ и такъ благородно негодуетъ въ иностранныхъ газетахъ, когда экстралегальныя мѣры такого же рода постигаютъ какого-нибудь суперъинтендента Вальтера или пробста Дебнера. На сей разъ ей нуженъ былъ скандалъ, какъ свидѣтельство полнаго ея торжества, и она добилась скандала: во всякомъ другомъ случаѣ правительство вызвало бы архіерея, котораго оно не захотѣло бы оставлять долѣе въ его эпархіи, а тутъ почему-то признано было нужнымъ непремѣнно вывезти преосвященнаго Иринарха. Для этого по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Протасова командированъ былъ въ Ригу В. В. Скрыпицынъ, принявшій это непріятное порученіе только по убѣдительному настоянію покойнаго митрополита кіевскаго Филарета, въ то время находившагося въ Петербургѣ и хорошо знавшаго, что В. В. Скрыпицынъ личнымъ своимъ обращеніемъ съ впавшимъ въ немилость епископомъ усладитъ, насколько это было возможно, горечь его положенія. Видно, что въ выборѣ исполнителя графъ Бенкендорфъ не имѣлъ голоса [1]).

Преосвященный Иринархъ, неизвѣстно за что поставленный на одну доску съ государственными преступниками, не обнаружилъ ни страха, ни досады; онъ встрѣтилъ посланнаго за нимъ чиновника спокойно и холодно, не проронилъ ни одной жалобы и покорился съ достоинствомъ незаслуженной имъ участи. Баронъ Паленъ поступилъ въ этомъ случаѣ не какъ рыцарь, а какъ слѣпое орудіе мѣстнаго озлобленія; онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобъ усугубить оскорбленіе, наносимое въ глазахъ нѣмецкаго общества представителю православной церкви. Когда В. В. Скрыпицынъ, явившись сперва къ преосвященному Иринарху и условившись съ нимъ относительно времени выѣзда, потомъ представился генералъ-губернатору, баронъ Паленъ сказалъ ему, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда, чтобъ избавиться отъ епископа, и прибавилъ, что подорожная будетъ изготовлена на имя Скрыпицына съ будущимъ. Баронъ Паленъ про-

---

[1]) В. В. Скрыпицынъ на пути изъ Петербурга въ Ригу встрѣтилъ графа Бенкендорфа, ѣхавшаго обратно оттуда въ Петербургъ.

стеръ свою предупредительность до того, что предложилъ ему даже командировать къ нему жандармовъ для конвоированія. На все это В. В. Скрыпицынъ отвѣчалъ, что преосвященный Иринархъ вовсе не арестантъ, а желаетъ отправиться въ Псковъ для свиданія съ тамошнимъ епископомъ, котораго онъ викарный, а потому не угодно ли будетъ выдать подорожную на имя преосвященнаго Иринарха; самъ же онъ, Скрыпицынъ, имѣетъ свою подорожную, по которой ѣдетъ въ Вильну, и въ жандармахъ нисколько не нуждается. Несмотря однако на это категорическое объясненіе, генералъ-губернаторъ на другой день все-таки прислалъ Скрыпицыну подорожную на его имя съ будущимъ—видно, не легко было разстаться съ мыслью, что преосвященный Иринархъ не самъ выѣдетъ, а будетъ вывезенъ изъ Риги, какъ лакей посланнаго за нимъ чиновника. Но Скрыпицынъ возвратилъ подорожную, повторилъ объясненіе, данное имъ наканунѣ, и наконецъ таки добился того, что генералъ губернаторъ уступилъ. Преосвященный Иринархъ выѣхалъ 12-го октября, въ 10 часовъ вечера, въ собственной каретѣ, а Скрыпицынъ вслѣдъ за нимъ въ своемъ экипажѣ. Графъ Бенкендорфъ захотѣлъ насладиться вполнѣ подготовленною имъ сценою и просилъ своего рижскаго друга увѣдомить его обо всѣхъ подробностяхъ: какъ совершился выѣздъ епископа, въ какое время, и какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на жителей города и на весь край?—„Самое благопріятное (отвѣчалъ баронъ Паленъ): извѣстіе объ увольненіи епископа распространилось съ большою скоростью, и волненіе народа вдругъ (!) уменьшилось".

Преосвященнаго Иринарха провезли въ Псковъ черезъ Митаву, Шавель и Вилькоміръ. Маршрутъ этотъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ потому, какъ объяснялъ онъ, что на прямомъ, почтовомъ трактѣ производилось близъ Кокенгузена по поводу Нейбеверсгофскихъ безпорядковъ военное дѣйствіе, какъ выражался баронъ Паленъ, подразумѣвая жестокія экзекуціи надъ беззащитными крестьянами, разбѣжавшимися при видѣ солдатъ и потомъ переловленными. Почти въ одно время съ преосвященнымъ Иринархомъ высланы были изъ Риги въ Петербургъ, на сей разъ, кажется,

не безъ провожатыхъ въ голубыхъ мундирахъ, священники Фасановъ и Заволоцкій, ближе другихъ стоявшіе къ своему епископу [1]).

Матеріаловъ для обвиненія тѣмъ временемъ прибывало все болѣе и болѣе. Еще въ исходѣ августа генералъ-губернаторъ писалъ графу Бенкендорфу, что нѣсколько крестьянъ лично ему показали, что православное духовенство продолжало втайнѣ принимать ихъ (зачѣмъ же было запрещать принимать явно?) и уговаривать перемѣнить вѣру (здѣсь уже о переселеніи, объ отводѣ земли и тому подобномъ не говорилось ни полслова), а самъ преосвященный будто бы сказалъ имъ, „чтобъ они впредь обращались къ архіепископу псковскому, но не приходили бы болѣе въ Ригу". Въ понятіяхъ барона Палена это тоже было преступленіе. Епископъ рижскій не долженъ былъ осмѣливаться обращать изъявлявшихъ желаніе принять православіе, и болѣе ничего—къ другому епископу, котораго онъ былъ викарнымъ. Вотъ до чего послѣ первой поблажки возросли въ Ригѣ притязанія. Затѣмъ самъ графъ Бенкендорфъ представилъ Государю Императору записку, въ которой было прописано показаніе нѣкоего Мартина Мейера, волостного судьи, о томъ, „будто бы на вопросъ его: должны ли крестьяне, подавшіе черезъ него просьбу о присоединеніи къ православію, оставаться въ послушаніи у своего господина и работать на него, преосвященный отвѣчалъ: я этого не знаю, а пошлю прошеніе Государю и дамъ знать просителямъ о рѣшеніи". Въ той же запискѣ заявлялось, будто бы и послѣ Высочайшаго запрещенія принимать прошенія о переселеніи и присоединеніи преосвященный продолжалъ принимать такія просьбы, въ которыхъ переселеніе ставилось условіемъ обращенія въ православіе, только не лично, а черезъ священника, жившаго въ крѣпости. Почти одновременно поступила выписка изъ всеподданнѣйшаго рапорта флигель-адъютантовъ, командированныхъ въ Лифляндію, о прикосновенности духовенства къ волненіямъ крестьянъ [2]). Князь Урусовъ и Бутурлинъ писали между

1) Извлечено изъ письма В. В. Скрыпицына.

2) Содержаніе этого рапорта относительно другихъ предметовъ, какъ, напри-

прочимъ: „Касательно принятія въ народѣ православной вѣры имѣемъ счастіе представить воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее объясненіе наше, основанное какъ на объявляемыхъ показаніяхъ самихъ крестьянъ при всемъ народѣ, такъ даже и нѣкоторыхъ весьма ясныхъ доказательствахъ (какихъ?), что исключая самаго ничтожнаго числа крестьянъ и малой части имѣнія графа Шереметева [1]) весь народъ утверждаетъ [2]), что принять грекороссійской вѣры **никогда не желалъ**, объявляя между тѣмъ, что приходили крестьяне въ Ригу къ православному духовенству съ прошеніями о переселеніи ихъ въ теплый край, но что будто бы духовенство, а нѣкоторымъ и самъ епископъ объясняли различнымъ образомъ будущее улучшеніе ихъ быта; иные говорили, „что если перемѣните вѣру, то будете поселены въ Россіи", другимъ толковали, что тѣмъ только будетъ отъ Императора счастье, кто запишется къ принятію православной вѣры. При подобныхъ показаніяхъ народъ прибавлялъ, что православное духовенство приказывало всѣмъ приходившимъ къ нему крестьянамъ возвратиться домой, непремѣнно заниматься работами и ожидать весьма скорой перемѣны. Сіе послѣднее внушеніе такъ сильно направляло умы къ твердому упованію на скорую перемѣну крестьянскаго быта, что поселяне уже съ дерзостью провозглашаютъ рѣшительные ихъ виды вовсе **не быть подъ вліяніемъ помѣщиковъ** [3]); къ тому еще вошло въ на-

---

мѣръ, хозяйственнаго быта крестьянъ, мнѣ неизвѣстно и я даже не знаю, былъ ли этотъ вопросъ затронутъ въ рапортѣ?

[1]) Стало-быть, все-таки были и такіе крестьяне (хоть и немногіе), которые желали именно присоединенія къ церкви и желали такъ твердо, что даже не скрывали этого въ виду собранной противъ нихъ военной силы, въ виду жандармовъ, казаковъ, экзекуцій и всякихъ истязаній, уже испытанныхъ ими и грозившихъ имъ въ будущемъ.

[2]) При всей тогдашней обстановкѣ опроса крестьянъ и не зная ихъ языка, кажется, было нѣсколько смѣло высказывать такое рѣшительное сужденіе о томъ, что шевелилось у нихъ на душѣ.

[3]) Мы знаемъ, что значило въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ: **быть подъ вліяніемъ помѣщиковъ**! Въ сущности, вотъ что хотѣли сказать крестьяне: если ужъ мы слывемъ свободными и утратили вмѣстѣ съ правомъ на крестьянскую землю и право на пособія отъ помѣщиковъ, то мы желали

родное обыкновеніе общее выраженіе: „Хотимъ быть подъ Государемъ“ [1]), а тѣ, которые желаютъ принять православіе, прибавляютъ: „Какой Государь вѣры, такой и мы будемъ, можетъ быть, тогда для насъ будетъ лучше“. Послѣ всѣхъ весьма сильныхъ увѣреній и увѣщеваній [2]) въ томъ, что имъ ни въ чемъ не будетъ никакой перемѣны [3]), и чтобъ не мѣняли вѣры, буде у нихъ при томъ существуетъ какое-либо тайное условіе, они на то твердо отвѣчали намъ: „Ничего другого не хотимъ, какъ быть съ Государемъ одной вѣры и такъ будемъ совсѣмъ подъ нимъ“. Весьма было замѣтно, что оныя слова имъ были наистрожайше внушены [4]). Обращая вни-

бы, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно быть, а не только числиться лично свободными.

1) То же самое на разные лады повторялось во всей Россіи изъ конца въ конецъ съ тѣхъ поръ, какъ установилось крѣпостное право. Кто же у насъ научилъ этому крестьянъ?

2) Черезъ переводчиковъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, нѣмецкаго происхожденія и членовъ мѣстнаго дворянства, да еще въ присутствіи казаковъ и жандармовъ!!

3) Добросовѣстность гг. флигель-адъютантовъ, говорившихъ это, такъ же несомнѣнна, какъ и совершенное ихъ непониманіе обстоятельствъ того края и того времени; но если бъ они имѣли намѣреніе довести крестьянъ до отчаянія и погубить въ нихъ вѣру въ правительство, то нельзя бы было избрать лучшаго къ тому средства.

4) Итакъ мы узнаемъ отъ гг. флигель-адъютантовъ, во-первыхъ, что народъ, за очень рѣдкими исключеніями, рѣшительно не хотѣлъ ничего знать о перемѣнѣ вѣры; вслѣдъ затѣмъ, мы слышимъ отъ нихъ же, что народъ почти въ одинъ голосъ заявлялъ, что онъ ничего другого не хочетъ, какъ быть съ Государемъ одной вѣры. Въ первомъ случаѣ искренность народнаго голоса не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія; гг. флигель-адъютантамъ даже и на мысль не приходитъ, чтобъ крестьяне послѣ сѣченій, бритья головъ, арестовъ, экзекуцій и всякаго рода истязаній, употребленныхъ въ дѣло всѣми мѣстными властями, начиная отъ генералъ-губернатора и кончая послѣднимъ орднунгсъ-рихтеромъ, могли отрекаться со страху; во второмъ же случаѣ, какъ бы твердо крестьяне ни стояли на своемъ, имъ не даютъ вѣры потому де, что ихъ отзывы внушены имъ наистрожайше архіереемъ и четырьмя священниками, не выѣзжавшими изъ Риги, состоявшими подъ надзоромъ полиціи, и не имѣвшими въ своемъ распоряженіи ни розогъ, ни бритвъ, ни жандармовъ. Ясно, что въ донесенія дѣйствительность подкрашивалась, притомъ крайне неискусно, подъ цвѣтъ предвзятой мысли.

маніе наше на изысканіе причины твердыхъ ожиданій крестьянъ, старались мы для дознанія настоящей истины какъ можно болѣе склонять къ откровеннымъ разсказамъ тѣхъ крестьянъ, кои показывали на обѣщаніе, имъ сдѣланное православнымъ духовенствомъ о переселеніяхъ; но сія мѣра была тщетна. Крестьяне упорно повторяли то же самое, что и прежде объясняли. Доводя о семъ до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, не предвидимъ мы возможности ручаться передъ лицемъ Вашего Величества за полный успѣхъ дѣйствій нашихъ (еще бы!) къ совершенному уничтоженію надежды крестьянъ на сдѣланныя имъ духовенствомъ обѣщанія; ибо мы лично должны были удостовѣриться (чѣмъ же именно?), что съ трудомъ могутъ быть оправданы дѣйствія православнаго духовенства, которое, не взирая на существующее уже въ крестьянахъ чувство возмущенія [1]), дѣйствительно продолжало производить тайныя записыванія и принятія прошеній отъ приходящихъ толпами въ Ригу поселянъ, кои до сихъ поръ въ полномъ увѣреніи, что въ ихъ прошеніяхъ ни о чемъ другомъ не было упомянуто, какъ о ихъ переселеніи, и чрезъ то утвердились они въ своемъ заблужденіи до такой степени, что въ послѣдствіи времени, боясь полицейскаго надзора, толпы пробирались къ Ригѣ лѣсами и мелкими дорогами; неподалеку отъ города находили они разнаго званія людей, кои за деньги провожали ихъ къ духовенству и дому епископа [2]). Долгомъ считаемъ не скрыть отъ Вашего Величества нашей мысли, что помянутое народное волненіе прекратится не иначе, какъ при строгомъ себя, хотя на время, воздержаніи православнаго духовенства не только отъ принятія прошеній, какого бы содержанія они ни были, но даже

---

1) Да откуда же взялось, чѣмъ было вызвано это такъ называемое чувство возмущенія? Вѣдь желаніе бросить свою родину и идти хоть на край свѣта обнаружилось задолго до встрѣчи крестьянъ съ преосвященнымъ Иринархомъ. Значитъ были и другія причины волненія, кромѣ записыванія и принятія прошеній.

2) Этотъ выводъ похожъ на слѣдующій: контрабанда такъ сильна, что даже учрежденіе таможенныхъ стражей, останавливающихъ товары, оказалось безсильнымъ для прекращенія этого промысла.

и стараніи удалить себя отъ весьма опасныхъ въ сіе время свиданій съ крестьянами сего края [1]). Таковымъ способомъ могутъ быть въ скорости уничтожены всѣ до сего времени существующія надежды и обѣщанія, и съ тѣмъ вмѣстѣ губернія освободится отъ всякаго рода вліянія злоумышленныхъ людей, можетъ быть, уже пользующихся симъ безумнымъ положеніемъ народа для доведенія его до всякихъ преступленій и безначалія" [2]).

Таковъ былъ результатъ флигель-адъютантскаго осмотра тогдашней Лифляндіи. Понятно, что вывозъ преосвященнаго Иринарха въ Псковъ, а приближенныхъ его въ Петербургъ долженъ былъ измѣнить установленный Св. Синодомъ ходъ дѣла. Слѣдствіе раздвоилось Съ рижскихъ священниковъ пришлось отбирать объясненія въ Петербургѣ, а съ преосвященнаго Иринарха (который по докладу Синода, сдѣланному на основаніи предложенія оберъ-прокурора, уволенъ былъ отъ должности) въ Псковѣ, черезъ посредство тамошняго архіепископа. Послѣднему Святѣйшій Синодъ предписалъ также: „пастырски наблюдать, чтобы впредь не было подаваемо гражданскому начальству ни малѣйшаго повода къ новымъ жалобамъ на духовенство, а духовенству вмѣнить въ обязанность разъяснять желающимъ присоединенія, что для сего нужно знаніе правилъ вѣры, испытаніе въ нихъ и приготовленіе, и тѣмъ отклонять оное до благопріятнаго времени, когда послѣдуетъ на то разрѣшеніе" [3]), иначе

---

[1]) Какъ видно, прежде всего объявлялась отъ имени Государя полная свобода, предоставленная всѣмъ присоединяться по желанію къ православной церкви, а затѣмъ запрещалось православному духовенству не только писать для крестьянъ прошенія о присоединеніи ихъ къ церкви, но даже говорить съ ними объ этомъ, даже встрѣчаться съ ними, и запретъ мотивировался именно тѣмъ, что въ народѣ бродило стремленіе къ присоединенію. Этой логики народъ по глупости своей не въ состояніи былъ постигнуть.

[2]) Стало быть, корень всего зла: православное духовенство и какіе-то гипотетическіе злоумышленники. Не будь ихъ, народъ никакъ бы не догадался самъ, что онъ голодалъ, съ каждымъ годомъ бѣднѣлъ, что у него отбирали лучшія пашни, созданныя его трудомъ, что повинности увеличивались несоразмѣрно съ средствами, наконецъ, что съ дарованія свободы началось ухудшеніе его быта.

[3]) Указы 18 сентября и 6 октября.

и прямѣе: до того времени, когда на мѣстахъ успѣютъ отбить всякую охоту къ присоединенію.

Надобно сознаться, что исполнить всѣ эти требованія было довольно трудно; съ одной стороны: разъяснять, испытывать, отклонять, а съ другой не видаться, не имѣть сношеній и не подавать ни малѣйшаго повода къ жалобамъ гражданскому начальству, которое находило достаточный поводъ къ жалобѣ въ каждой встрѣчѣ священника съ Латышемъ. Не знаю, изъ состраданія ли къ рижскому духовенству, отъ котораго требовалось невозможное, или по другой причинѣ, но Святѣйшій Синодъ вскорѣ самъ упростилъ свою инструкцію предписавъ просто на просто, „чтобъ священники не только не дозволяли себѣ какихъ-либо внушеній крестьянамъ, но избѣгали бы рѣшительно и самого сношенія съ ними, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было“. Все это писалось и предписывалось подъ диктовку, безъ всякихъ возраженій и даже размышленій, къ ряду, одно за другимъ, въ какихъ-нибудь два или три дня, чтобъ только отписаться и заявить покорность. Какъ преосвященному Иринарху, такъ и четыремъ его подчиненнымъ (вызваннымъ изъ Риги въ Петербургъ) даны были запросные пункты по всѣмъ взведеннымъ на нихъ обвиненіямъ, прежнимъ и позднѣйшимъ. Матеріалы, изъ которыхъ извлечены были эти пункты, заключали въ себѣ: во-первыхъ, доносъ Спасскаго съ приложеніемъ черновой просьбы, будто бы поправленной священникомъ Фасановымъ. Какъ доносъ, такъ и просьба писаны были рукою самого доносителя, слѣдовательно содержали въ себѣ именно то, что́ онъ хотѣлъ заявить, и въ этомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ подлинность ихъ была несомнѣнна; о степени ихъ внутренней досторѣрности и правдивости все нужное сказано было выше. Во-вторыхъ, были общія наблюденія, догадки и слухи, по самому существу дѣла ускользавшіе отъ строго юридическаго обслѣдованія. Въ-третьихъ, было множество показаній отобранныхъ у крестьянъ, поименно названныхъ; но ни одно изъ этихъ показаній не было представлено въ подлинникѣ и въ цѣлости, а сообщены были только выборки или извлеченія изъ нихъ, прописанныя въ рапортахъ и отношеніяхъ риж-

скихъ властей. Можно даже сказать, что показаній, въ строгомъ смыслѣ подлинныхъ, вовсе и не существовало, ибо опрашиваемые отвѣчали по-латышски и эстски, а слова ихъ записывались губернскимъ правленіемъ и слѣдователями по-нѣмецки. Стало-быть, прежде всего надлежало бы удостовѣриться въ томъ: дѣйствительно ли записано было то, что̀ было говорено, и все ли было сообщено, что было говорено; нужно бы было вызвать опрошенныхъ, прочесть имъ ихъ показанія, потребовать отъ нихъ подтвержденія ихъ словъ, и тогда, можетъ быть, обнаружились бы пропуски, неточности, недоразумѣнія, и, безъ всякаго сомнѣнія, оказалось бы, что многія показанія даны были подъ вліяніемъ естественнаго страха, наведеннаго усерднымъ сѣченіемъ и бритьемъ головъ. Никто однако объ этомъ и не подумалъ, да и трудно бы было вызывать къ слѣдствію цѣлыя партіи крестьянъ изъ Лифляндіи въ Псковъ и въ Петербургъ. Вотъ по этому-то приложено было стараніе перенести слѣдствіе куда-нибудь подальше отъ Риги, разогнавъ оттуда всѣхъ обвиненныхъ въ разныя стороны.

Въ представленныхъ имъ отвѣтахъ преосвященный Иринархъ повторилъ еще разъ весь ходъ дѣла. Онъ доказалъ числами, что волненіе въ массѣ лифляндскихъ крестьянъ, приписываемое неосторожнымъ или злонамѣреннымъ дѣйствіямъ епархіальнаго начальства и его подчиненныхъ, началось гораздо ранѣе первой ихъ встрѣчи съ ними и вызвано было, съ одной стороны, голодомъ и бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи, съ другой, религіозною потребностью, не находившею себѣ удовлетворенія въ протестантствѣ при тогдашнихъ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ между пасторами и ихъ прихожанами. Не отрицая, что въ понятіяхъ народа мірскія надежды сливались съ духовными потребностями, онъ выяснилъ до очевидности, что постепенному разъединенію этихъ разнородныхъ побужденій болѣе всего помѣшали неразумныя и строгія до жестокости мѣры гражданскаго начальства, которое, подвергая крестьянъ истязаніямъ за одно обнаруженіе желанія перейти въ православіе, даже за посѣщеніе архіерея и священниковъ, тѣмъ самымъ поддерживало въ массахъ

убѣжденіе, будто бы съ перемѣною вѣры сопряжены были вещественныя выгоды и льготы на счетъ дворянства. Отъ общихъ обвиненій, направленныхъ противъ всей системы его дѣйствій, преосвященный Иринархъ переходилъ къ частностямъ. Ему не трудно было отвѣтить на показаніе, будто бы онъ оставлялъ приходившихъ къ нему крестьянъ въ недоумѣніи по вопросу о томъ, должны ли они по прежнему работать на помѣщиковъ и оказывать имъ послушаніе. Для этого ему стоило только сослаться на отношеніе къ нему лифляндскаго гражданскаго губернатора, свидѣтельствовавшаго со словъ крестьянъ, что архіерей дѣлалъ имъ внушенія прямо противоположнаго свойства, убѣждая ихъ вернуться домой, приняться за прежнія занятія, исправно отбывать барщину и во всемъ повиноваться помѣщикамъ. Что такіе же совѣты давались крестьянамъ и рижскими священниками, засвидѣтельствовано было, также со словъ крестьянъ, гг. флигель-адъютантами. Далѣе преосвященный Иринархъ рѣшительно заявлялъ, что по полученіи имъ перваго Высочайшаго повелѣнія, воспрещавшаго ему принимать отъ крестьянъ такія просьбы, въ которыхъ, кромѣ желанія перейти въ православіе, предъявлялись и другого рода требованія или надежды, онъ не принялъ ни одной подобной просьбы, и противнаго никто доказать не могъ. Мало того, въ видахъ предосторожности, онъ запретилъ всѣмъ своимъ домашнимъ писать для крестьянъ какія-либо просьбы и разрѣшилъ это только двумъ священникамъ, за которыхъ ручался — этотъ запретъ былъ подтвержденъ всѣми опрошенными его подчиненными. Относительно тайныхъ сношеній крестьянъ какъ съ нимъ, такъ и съ рижскими священниками преосвященный объяснялъ, что не онъ и не священники избѣгали открытыхъ сношеній, а что вынуждены были прибѣгать къ скрытному образу дѣйствій собственно крестьяне, которыхъ мѣстная полиція хватала на улицахъ, тогда какъ никому еще не было запрещено имѣть сношенія съ православнымъ духовенствомъ. Въ отвѣтъ на свидѣтельство гг. флигель-адъютантовъ, будто бы прошенія, содержавшія въ себѣ одно заявленіе желанія перейти въ православіе, писались не со словъ крестьянъ, а съ намѣренною утайкою ихъ ходатайствъ о переселеніи или

объ отводѣ имъ помѣщичьей земли (чѣмъ они будто бы всегда обусловливали перемѣну вѣры), преосвященный Иринархъ указывалъ, во-первыхъ, на многія представленныя имъ прошенія, писанныя не на русскомъ, а на мѣстныхъ языкахъ, своеручно подписанныя, слѣдовательно и прочтенныя крестьянами; во вторыхъ, онъ утверждалъ, что просьбы всегда принимались въ присутствіи свидѣтелей, говорившихъ по-латышски и эстски, черезъ посредство которыхъ податели прошеній предварительно опрашивались о ихъ намѣреніяхъ; наконецъ, онъ замѣчалъ, что разнорѣчіе между писанными просьбами и позднѣйшими, словесными показаніями крестьянъ, объяснялось просто тѣмъ обращеніемъ съ ними, которому они подвергались со стороны своего начальства и наведеннымъ на нихъ страхомъ. Нельзя предполагать во всѣхъ способности выносить тяжелыя истязанія и не поддаваться искушенію избавиться отъ нихъ отреченіемъ отъ прежняго своего намѣренія. Доходили же и прежде слухи, что многіе таили свое желаніе принять православіе, отлагая обнаруженіе его до той минуты, когда къ нимъ явится православный священникъ, да и можно ли быть увѣрену въ томъ, что мѣстныя власти, сгоняя народъ къ пріѣзду флигель-адъютантовъ, намѣренно не устраняли тѣхъ крестьянъ, которые не колебались въ своемъ стремленіи къ церкви?...

Въ томъ же смыслѣ отвѣчали на заданные имъ вопросы три священника и келейникъ преосвященнаго. Одинъ изъ нихъ, Заволоцкій, знавшій по-латышски, приводилъ между прочимъ разговоры свои съ крестьянами о перемѣнѣ вѣры. Они говорили ему, что всегда уважали православную вѣру за ея древность и высоко цѣнили то обстоятельство, что всѣ требы въ православной церкви совершались самими священнослужителями, чего не было въ лютеранскомъ обычаѣ; что строгость постовъ и другихъ церковныхъ правилъ ихъ не пугала по давнишней привычкѣ ихъ къ трудамъ и лишеніямъ всякаго рода; „что они готовы учиться русскому языку, говоря: хоть бы мы сами всему и не выучились, но дѣти наши навѣрно узнаютъ все. Мы будемъ ждать терпѣливо пока наши православные священники научатся говорить по-нашему, намъ и это не въ

диковинку, ибо новоопредѣляемые пасторы часто поступаютъ къ намъ, не зная нашего языка, и уже привыкаютъ къ нему при отправленіи должности". Приведя многіе факты, свидѣтельствовавшіе о томъ, что Латыши и Эсты издавна и во многихъ мѣстахъ прибѣгали къ молитвамъ православной церкви, присутствовали на ея богослуженіи и дѣлали приношенія въ церкви, тотъ же Заволоцкій между прочимъ разсказывалъ, что одинъ изъ гг. флигель-адъютантовъ, бывши въ рижской Алексѣевской церкви въ праздничный день, видѣлъ въ ней нѣсколькихъ Латышей лютеранъ, молившихся и покупавшихъ у церковнаго старосты свѣчи. На сдѣланный ему вопросъ староста отвѣчалъ, что это бываетъ не рѣдко; но объ этомъ обстоятельствѣ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ гг. флигель-адъютантовъ почему-то не упоминалось. Всѣ опрошенные священники единогласно заявили, что никто изъ нихъ не написалъ и не принялъ ни одной просьбы объ условномъ присоединеніи къ церкви, а съ 10 августа, когда преосвященный запретилъ имъ писать и принимать какія-либо просьбы отъ крестьянъ, строго держались его запрета. Къ этому Заволоцкій присовокупилъ, что въ послѣднее время къ нему приходили по одиночкѣ Латыши, которыхъ онъ вовсе не зналъ, до которыхъ не имѣлъ никакого дѣла, по несомнѣнному его убѣжденію — люди къ нему подосланные. Одного изъ нихъ онъ даже назвалъ. Латышъ Когру Янъ, Дерптскаго уѣзда, двора Кюля, приходилъ къ нему два раза, добиваясь личнаго свиданія, и на вопросъ, что̀ ему нужно? не придумалъ ничего лучшаго, какъ сказать, „что онъ желалъ отъ священника узнать о фрахтѣ, или о пасажирахъ, которыхъ онъ какъ фурманщикъ ищетъ" [1]. Другіе навязывали ему разные свои продукты, которыхъ онъ не покупалъ и которыхъ къ нему прежде никогда на домъ не носили.

Въ результатѣ изслѣдованіе по всѣмъ сколько-нибудь опредѣлительнымъ обвиненіямъ сводилось на да и нѣтъ. Писалъ—

[1] Объ этомъ Латышѣ никто никакихъ справокъ не собиралъ. Это вѣдь не то что Мартынъ Мейеръ, который такъ усердно клеветалъ на преосвященнаго Иринарха, и о которомъ самъ графъ Бенкендорфъ докладывалъ Государю Императору.

не писалъ, подговаривалъ—не подговаривалъ. Все происходило съ глазу на глазъ; свидѣтелей не было, а непремѣнно кто-нибудь да лгалъ. Оставалось одно средство дознать правду: поставить обвинителей и обвиненныхъ лицомъ къ лицу; но во всемъ этомъ дѣлѣ не было дано ни одной очной ставки. И это называлось формальнымъ слѣдствіемъ!

Выслушавъ все дѣло, Синодъ 27-го октября нашелъ, что рижскій преосвященный Иринархъ поступилъ неправильно и неосторожно, принявъ прошенія о переселеніи и затѣмъ прошенія о присоединеніи къ православной церкви съ переселеніемъ; сверхъ того, никакъ не могутъ быть одобрены неумѣренныя выраженія, которыя употреблялъ епископъ въ сношеніяхъ по этому случаю съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ. Но всѣ сіи дѣйствія преосвященнаго Иринарха продолжались не долго и притомъ до полученія имъ Высочайшаго повелѣнія и указа Святѣйшаго Синода отъ 18-го августа [1]), и въ дѣлѣ нѣтъ убѣжденія, чтобъ они способствовали къ возбужденію крестьянъ, а какъ преосвященный Иринархъ за дѣйствія свои подвергся уже Высочайшему замѣчанію и строгому выговору Святѣйшаго Синода [2]), то за тѣмъ дѣло сіе въ отношеніи къ нему считать конченнымъ".

---

1) Мало того: всѣ сіи дѣйствія были въ виду Государя Императора до 30 іюля; побужденія преосвященнаго найдены были безукоризненными, а дѣйствія его только неосторожными, о чемъ онъ и былъ поставленъ въ извѣстность. Этимъ дѣло было закончено безъ всякаго со стороны Синода участія. Съ тѣхъ поръ упомянутыя дѣйствія не возобновлялись, и не за эти дѣйствія преосвященный Иринархъ вывезенъ былъ изъ Риги и отданъ былъ подъ слѣдствіе.

2) Повторяю: Высочайшему замѣчанію преосвященный Иринархъ подвергся за прежнія дѣйствія, вовсе не подлежавшія вторичному разсмотрѣнію; что же касается до строгаго выговора, то онъ сдѣланъ былъ также не за эти дѣйствія, и вообще не за какія-либо несомнѣнно достовѣрныя дѣйствія, а на основаніи никѣмъ не изслѣдованныхъ и ни преосвященному Иринарху, ни Святѣйшему Синоду въ то время даже не предъявленныхъ доносовъ и жалобъ барона Палена. Въ то время самъ Святѣйшій Синодъ не зналъ, за что онъ дѣлалъ выговоръ, а теперь, разсмотрѣвъ эти доносы и жалобы, онъ нашелъ ихъ бездоказательными; слѣдовательно, если бы Святѣйшій Синодъ не ограничился въ этомъ случаѣ подборомъ оправданій къ совершившемуся факту, а захотѣлъ бы доискаться правды, то онъ долженъ бы былъ по всей справедливости снять этотъ выговоръ съ преосвященнаго Иринарха.

Итакъ все слѣдовавшее за выговоромъ: оскорбленіе, нанесенное православному архіерею вывозомъ его изъ Риги, какъ опаснаго преступника, въ виду враждебной публики, удаленіе его отъ должности, опросъ его—все оказывалось напраслиной [1]) Синодъ призналъ это своимъ приговоромъ и поспѣшилъ зачислить дѣло конченнымъ. Ни слова не было промолвлено объ удовлетвореніи оклеветаннаго, ни слова въ защиту правъ и достоинства церкви, которой онъ былъ представителемъ! Правда, Синода объ этомъ не спрашивали; не было дано приказанія имѣть объ этомъ сужденіе по справедливости и по совѣсти, и Синодъ молчалъ. Можетъ быть, онъ вздыхалъ тихо, скромно, про себя, но этихъ сдержанныхъ вздоховъ никто не слыхалъ. О отцы, отцы!....

Трехъ рижскихъ священниковъ и келейника, вызванныхъ изъ Риги, которые обвинялись въ возбужденіи крестьянъ составленіемъ для нихъ прошеній, Синодъ какъ по обстоятельствамъ дѣла, такъ и по отвѣтамъ ихъ призналъ совершенно невинными, но находя послѣ сего случая дальнѣйшее пребываніе и служеніе ихъ въ Ригѣ неудобнымъ, опредѣлилъ: троимъ дать мѣста въ Петербургѣ, а одному въ Петербургской губерніи (что и было исполнено); изъ прочихъ же рижскихъ священниковъ, оказавшихся также совершенно невинными, тѣхъ кого признано будетъ нужнымъ по дальнѣйшему усмотрѣнію Святѣйшаго Синода помѣстить въ Псковскую эпархію, опредѣливъ на прежнія ихъ мѣста людей благонадежныхъ по образованію и нравственности и обезпечивъ въ случаѣ надобности ихъ содержаніе приличнымъ образомъ [2]).

На этомъ основаніи по докладу псковскаго архіепископа

---

1) Вотъ какъ отзывался объ этомъ дѣлѣ графъ Протасовъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, поданномъ имъ 15 дек. 1844 № 173: Дѣйствіе православнаго духовенства по произведенному изслѣдованію явилось безукоризненнымъ, а было, какъ извѣстно, поводомъ къ явной на него клеветѣ и къ нелѣпымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ; оно принудило удалить изъ Риги преосвященнаго Иринарха и нѣсколькихъ священниковъ и послужило къ истязанію Латышей въ пристрастномъ слѣдствіи.

2) Опредѣленіе 27 октября.

переведено было изъ Риги еще нѣсколько православныхъ священниковъ.

Въ исходѣ октября состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи преосвященнаго Иринарха епископомъ острогожскимъ, викаріемъ Воронежской эпархіи; оттуда онъ былъ впослѣдствіи переведенъ епископомъ въ Подольскъ, а нынѣ проживаетъ на покоѣ въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей. Онъ былъ первою жертвою борьбы православной церкви съ остзейскимъ германизмомъ.

Теперь обратимся опять къ Лифляндіи. Устраненіе графа Строганова отъ прямого участія въ дѣлѣ перехода Латышей въ православіе и изгнаніе преосвященнаго Иринарха должны были естественно развязать руки мѣстному начальству, или, говоря точнѣе, мѣстному дворянству; но еще этого было мало. Хотя передъ этимъ самъ Государь Императоръ не разъ оставался недоволенъ дѣйствіями барона Палена и, повидимому, начиналъ сознавать, что онъ не въ силахъ былъ освободиться отъ строгой опеки, подъ которой держало его дворянство, однако, благодаря вѣроятному новому ходатайству графа Бенкендорфа, состоялся 13 октября Высочайшій указъ, которымъ предоставлено было право генералъ-губернатору конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры, по которымъ и болѣе 10 человѣкъ присуждались къ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ или къ ссылкѣ въ Сибирь. У меня хранится выборка изъ подлинныхъ дѣлъ того времени, сдѣланная нѣсколько лѣтъ спустя, изъ которой видно, что благодушный баронъ Паленъ воспользовался довольно широко даннымъ ему уполномочіемъ. Утвержденными имъ сентенціями военныхъ судовъ, утвержденныхъ при дерптскомъ и рижскомъ ландгерихтахъ, было приговорено: крестьянъ къ наказанію шпицрутенами 45 человѣкъ, къ наказанію розгами передъ фронтомъ 55 человѣкъ, дѣтскими розгами (по малолѣтству) 8 человѣкъ, итого 108 человѣкъ. Изъ нихъ сверхъ тѣлеснаго наказанія приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе 9 человѣкъ, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ отсылкѣ въ Сибирь — 5; къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности въ арестантскія роты—4; къ заключенію въ исправительномъ рабочемъ домѣ и къ отдачѣ въ канто-

нисты—1; отставныхъ нижнихъ чиновъ приговорено: къ наказанію шпицрутенами сквозь строй черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ—1; черезъ 500 человѣкъ два раза—1; черезъ 500 три раза и къ ссылкѣ въ Сибирь—1; къ содержанію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ—1; въ арестантскихъ ротахъ на тотъ же срокъ—1; итого отставныхъ и безсрочноотпускныхъ 5, а всѣхъ вообще 113 человѣкъ однихъ наказанныхъ по приговорамъ смѣшанныхъ военныхъ судовъ, не считая всѣхъ тѣхъ, съ которыми расправились безъ суда, полицейскимъ порядкомъ. Выходитъ, что православный Латышъ въ своихъ Запискахъ ничего не преувеличилъ—баронъ Паленъ n'y allait pas de main morte [1]).

Несмотря однако на дѣйствительность мѣръ, принятыхъ для отрезвленія Латышей, лифляндское дворянство не было еще вполнѣ удовлетворено и съ безпокойствомъ поглядывало въ ту сторону, куда отвезенъ былъ преосвященный Иринархъ. Изгнаніе его изъ Риги не могло не произвести на крестьянъ глубокаго впечатлѣнія. Правда, они не принадлежали къ его паствѣ, и еще никто изъ нихъ не былъ присоединенъ къ православію; но его теплое къ нимъ участіе, характеръ ихъ сношеній съ нимъ, наконецъ, строгіе запреты посѣщать его и наказанія, которымъ подвергались ослушники—все это основало между Латышами и впавшимъ въ немилость архіереемъ

---

[1]) Нѣкоторые, впрочемъ, судятъ объ этомъ иначе и увѣряютъ, будто бы распоряжавшійся военною командою полковникъ изъ Русскихъ устроилъ дѣло такъ, что солдаты только для вида махали палками, что рѣдкіе удары попадали въ прогоняемыхъ, да и тѣ не производили никакого дѣйствія (machtlos waren). Это свидѣтельство, приписываемое какому-то скрывшему свое имя гернгутеру и помѣщенное г. Ѳ. Боккомъ въ 6-мъ выпускѣ II тома его изданія (стр. 462) противорѣчитъ не только свидѣтельству православнаго Латыша (Окраины Россіи. II стр. 75, 76), но и живому преданію, которое я еще засталъ въ 1845 году, и, наконецъ, сколько мнѣ извѣстно, военной практикѣ. Но заграничные остзейскіе публицисты, въ числѣ другихъ новинокъ потчующіе нѣмецкую публику подробными разсказами о неистовствахъ Іоанна Грознаго и не упускающіе ни одного случая возбудить въ ней негодованіе къ карательнымъ пріемамъ русскаго правительства, совершенно иначе измѣряютъ силу ударовъ, падающихъ на спины Латышей, когда это дѣлается для внушенія подобающей покорности нѣмецкимъ властямъ. Тутъ и гоньба сквозь строй какимъ-то дивомъ превращается чуть ли не въ пріятное щекотаніе поясницы.

таинственную связь и внушило имъ безпредѣльное къ нему довѣріе. Два крестьянина рѣшились пойти къ нему въ Псковъ за добрымъ совѣтомъ. Преосвященный Иринархъ объяснилъ имъ, что онъ не могъ ни въ чемъ быть имъ полезенъ, самъ скоро уѣзжаетъ изъ Пскова и „уже отправилъ по принадлежности бумаги, касающіяся сего дѣла". Затѣмъ онъ обратилъ ихъ къ мѣстному губернскому начальству, которое опросило ихъ о причинѣ поѣздки ихъ въ Псковъ. Они были съ мызы Вальгутъ и заявили, что не имѣя никакихъ средствъ къ существованію и не встрѣчая у себя ни въ комъ сочувствія, пошли за помощью къ единственному человѣку, который въ Ригѣ обнаруживалъ къ нимъ состраданіе. Крестьянъ отослали въ Ригу. Тамъ генералъ - губернаторъ поручилъ предводителю дворянства лично изслѣдовать положеніе крестьянъ на мызѣ Вальгутъ и поспѣшилъ донести обо всемъ въ Петербургъ, какъ о новомъ доказательствѣ преступнаго и продолжавшагося участія удаленнаго епископа въ волненіяхъ крестьянъ. Таковъ былъ смыслъ подробныхъ коментаріевъ барона Палена на отвѣтъ преосвященнаго Иринарха двумъ крестьянамъ и на отобранныя отъ нихъ показанія. Генералъ - губернаторъ жаловался и на преосвященнаго Иринарха („ибо де отвѣтъ его могъ поддержать въ крестьянахъ надежду на достиженіе желаемаго переселенія чрезъ записку у православнаго духовенства") и на псковское губернское правленіе, замѣчая очень логично, что если бъ оно не опрашивало пришедшихъ изъ Лифляндіи крестьянъ, то они не имѣли бы и повода говорить о стѣсненномъ своемъ положеніи. Высѣчь ихъ въ Псковѣ въ видѣ задатка, пожалуй, было бы не дурно, а то опрашивать! — это ужъ выходило изъ рукъ вонъ. На сей разъ дѣло попало однако не къ графу Бенкендорфу, а къ министру внутреннихъ дѣлъ (К. А. Перовскому), который въ докладѣ своемъ Государю Императору высказалъ, что, по его мнѣнію, генералъ - губернаторъ углублялся въ мелочи и не хотѣлъ видѣть настоящей причины зла, что все лифляндское простонародіе видимо тяготилось крайне стѣсненнымъ своимъ положеніемъ, и что хотя, конечно, нельзя было оставлять безъ строгаго преслѣдованія зачинщиковъ происходившихъ безпорядковъ, но, съ другой стороны, не менѣе необходимо было

теперь облегчить крестьянамъ способы продовольствія, сдѣлавъ это негласнымъ для нихъ образомъ, и поспѣшить на предстоявшемъ ландтагѣ принятіемъ хотя бы временныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приведены въ исполненіе къ веснѣ. Этотъ докладъ былъ представленъ въ началѣ 1842 года. Государь Императоръ, совершенно согласясь съ министромъ, нашелъ, что заключенія барона Палена „даже смѣшны, что онъ вовсе не такъ дѣйствовалъ, какъ бы слѣдовало", и присовокупилъ; „что надобно будетъ вновь послать отъ графа Бенкендорфа, чтобъ его вразумить".

Здѣсь разомъ представляется столько противорѣчій, что поневолѣ приходится на минуту остановиться.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, убѣдившись въ необходимости (не ограничиваясь одними шпицрутенами) обезпечить какъ-нибудь продовольствіе крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто опасаясь, чтобъ они не отнесли подготовляемой для нихъ помощи къ заботливости объ нихъ высшаго правительства, спѣшитъ присовокупить, что нужно сдѣлать это негласнымъ для народа образомъ. Болѣе чѣмъ строгія репрессивныя мѣры мѣстныхъ начальствъ поддерживаются всѣмъ авторитетомъ власти и приводятся въ исполненіе войсками, по инціативѣ или при прямомъ содѣйствіи лицъ, самимъ Государемъ командированныхъ. Словомъ, дѣлается все возможное, чтобы народъ увидалъ и понялъ, что карательныя мѣры не только одобряются высшимъ правительствомъ, но отъ него идутъ. А когда наконецъ обнаруживается, что крестьяне выведены изъ нормальнаго положенія такими обстоятельствами, противъ которыхъ человѣческое благоразуміе и латышское долготерпѣніе безсильны, когда высшее правительство собственнымъ своимъ сознаніемъ ставится въ необходимость помочь, оно стыдливо прячется отъ народа. Кого жъ бы однако стали благодарить крестьяне за позднюю помощь и кому бы могли они приписать ее? Ужъ не заботливости ли мѣстнаго начальства? Но въ то время не успѣли еще зажить рубцы на изсѣченныхъ крестьянскихъ спинахъ, ни отрости волоса на выбритыхъ затылкахъ, а впечатлѣнія и убѣжденія простого народа обновляются еще медленнѣе. Да если бъ даже

и можно было разсчитывать въ этомъ случаѣ на невѣроятную забывчивость, съ какою цѣлью стало бы высшее правительство уклоняться отъ признательности крестьянъ и передавать ее всецѣло своимъ же агентамъ только второго разряда? Или, можетъ быть, въ Петербургѣ хотѣли, чтобы крестьяне приписали помощь сердоболію помѣщиковъ? Если таково было намѣреніе правительства, то можно только сказать, что великодушная цѣль его—погасить вражду и недовѣріе крестьянъ къ угнетавшему ихъ сословію, не могла быть достигнута этимъ придуманнымъ за дворянство благодѣяніемъ, когда на каждомъ шагу народъ видѣлъ и чувствовалъ доказательства совершенно иного расположенія къ нему помѣщиковъ.

Не менѣе странны отношенія высшаго правительства къ преосвященному Иринарху и къ барону Палену. Перваго можно было упрекнуть развѣ только въ неосторожности дѣйствій, давно прекращенныхъ; но въ то же время нельзя было не видѣть, и правительство дѣйствительно видѣло, что мѣстныя власти взваливали на него послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій или своего бездѣйствія. Тѣмъ не менѣе преосвященный Иринархъ приносится въ жертву, какъ бы въ оправданіе падавшихъ на него и очевидно несправедливыхъ нареканій. Второй, то есть баронъ Паленъ, съ самаго начала волненій сознательно или безсознательно скрывалъ отъ правительства дѣйствительное ихъ значеніе и главныя причины, которыми они были вызваны; правда была наконецъ обнаружена не имъ, а вопреки его донесеніямъ, а онъ все-таки остается на мѣстѣ и даже получаетъ экстралегальныя уполномочія. Наконецъ, Государь Императоръ, убѣдившись въ односторонности его воззрѣній, дошедшей до комизма, признаетъ нужнымъ вразумить его, и на кого же возлагается это деликатное порученіе? На графа Бенкендорфа, того самаго, который внушалъ, одобрялъ и отстаивалъ всѣ распоряженія вразумляемаго, на вожака той партіи, которой баронъ Паленъ служилъ покорнымъ орудіемъ, на человѣка, который, захватомъ въ свои руки дѣлъ, по закону входившихъ въ вѣдомство министра внутреннихъ дѣлъ, хотѣлъ отнять у него возможность раскрывать передъ Государемъ ихъ истинную суть.

Когда приведенная Высочайшая резолюція сообщена была шефу жандармовъ, раздраженіе его вышло изъ всякихъ предѣловъ. Онъ оффиціально отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ, „что въ жандармскомъ вѣдомствѣ нѣтъ чиновниковъ, которые умѣли бы вразумлять генералъ-губернаторовъ". А любопытно бы было знать: отыскались ли бы въ немъ такіе чиновники, которые умѣли бы вывозить православныхъ архіереевъ изъ ихъ эпархій, если бы графъ Бенкендорфъ осчастливленъ былъ предложеніемъ распорядиться въ этомъ дѣлѣ отъ себя?—Одумавшись, онъ, правда, смягчилъ впослѣдствіи свой отзывъ и, скрѣпя сердце, принялъ мѣры для исполненія объявленной ему Высочайшей воли; но первоначальный отвѣтъ его доказываетъ, какъ неравнодушно относились къ рижскимъ дѣламъ правительственныя лица, смотрѣвшія на нихъ съ точки зрѣнія своихъ традиціонныхъ интересовъ.

Между тѣмъ на мѣстахъ все шло по прежнему. Крупныя экзекуціи были окончены, но войска долго еще оставались расквартированными въ Лифляндіи для острастки, и баронъ Паленъ сложилъ съ помѣщиковъ обязанность доставлять имъ приварокъ. Онъ перенесъ ее исключительно на крестьянъ, такъ какъ они своимъ буйствомъ вызвали необходимость употребить военную силу, а дворяне были только приглашены облегчать по возможности тягость, возложенную на крестьянъ, и наблюдать, чтобъ войска ни въ чемъ не нуждались. Нельзя не сознаться, что послѣднее распоряженіе было вполнѣ разумно: разоренные и голодные крестьяне, конечно, не смогли бы безъ особеннаго участія дворянъ обезпечить продовольствіе войскъ. Затѣмъ приняты были мѣры, чтобъ вытравить малѣйшіе слѣды движенія и по возможности изолировать крестьянъ, въ видахъ огражденія ихъ отъ вредныхъ вліяній, въ особенности православно русскаго. Генералъ-губернаторъ самъ объѣхалъ нѣкоторые уѣзды, дѣлалъ крестьянамъ приличныя внушенія, удалилъ изъ обществъ еще нѣсколькихъ высмотрѣнныхъ имъ или указанныхъ ему вотчинными конторами зачинщиковъ и вмѣнилъ въ строгую обязанность земской полиціи бдительно слѣдить за сношеніями лифляндскихъ крестьянъ съ Эстляндіею и съ Псковскою губерніею черезъ Чудское озеро. Ничто не укрылось отъ за-

ботливаго начальника. Онъ между прочимъ узналъ, къ крайнему своему прискорбію, что какіе-то русскіе крестьяне удѣльнаго вѣдомства, торговавшіе щетиною, издавна ѣздили въ Лифляндію по своимъ дѣламъ. На нихъ указалъ ему г. фонъ Поль, какъ на разглашателей ложныхъ слуховъ и опасныхъ пропагандистовъ въ смыслѣ православно-русскомъ, и потому, для огражденія ввѣренной ему паствы отъ этой заразы, генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о воспрещеніи упомянутымъ торговцамъ въѣзда въ Лифляндію. Это было благоразумно: положеніе вольныхъ Латышей дѣйствительно было таково, что разсказы крѣпостныхъ крестьянъ, даже весьма, какъ извѣстно, не зажиточныхъ Псковичей, могли въ Лифляндіи казаться соблазнительными и наводить на сравненія, для бароновъ невыгодныя. Но по этому послѣднему своему ходатайству генералъ-губернаторъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ успѣха. Тутъ замѣшался въ дѣло интересъ ужъ не одной Россіи и не православной только церкви, а самого удѣльнаго вѣдомства, и потому встрѣтилось неожиданно сильное сопротивленіе.

А корешокъ все еще оставался въ землѣ; помыслы и надежды народа по прежнему обращались въ нашу сторону, къ православной церкви. Въ августѣ 1842 года два крестьянина изъ Венденскаго уѣзда пришли въ Ригу къ новому, незадолго передъ тѣмъ назначенному на мѣсто преосвященнаго Иринарха, викарному епископу Филарету. Въ присутствіи полицеймейстера они объявили, что желаютъ присоединиться къ православной церкви не изъ какихъ-либо расчетовъ или корыстныхъ видовъ, а потому единственно, что хотятъ быть одной вѣры съ Государемъ. То же самое они повторили нѣсколько разъ на заданные имъ вопросы. Епископъ препроводилъ вопросы и отвѣты къ генералъ-губернатору, который пришелъ въ ужасъ, увидавъ въ этомъ начало новаго бунта, и безъ всякаго другого къ тому повода предписалъ военному начальству быть въ готовности дѣйствовать по первому востребованію, а для открытія виновныхъ по горячимъ слѣдамъ, немедленно нарядилъ для дознанія на мѣстахъ коммиссію изъ ландмаршала Гагемейстера, совѣтника губернскаго правленія Тизенгаузена и приходскаго

судьи Беркгольца. Само собою разумѣется, что заявленіе Латышей само по себѣ не могло быть предметомъ судебнаго преслѣдованія; оно служило только поводомъ взвести на православное духовенство новое обвиненіе, но при томъ порядкѣ производства слѣдствій, какой существуетъ въ Лифляндіи, очень не трудно было создать уголовное дѣло изъ ничего.

Въ главныхъ чертахъ, слѣдователи построили такое обвиненіе: по наущенію единовѣрческаго священника Емельянова (который дѣйствовалъ, конечно, съ вѣдома и подъ руководствомъ епископа) братья причетникъ Гаврило Сазоновъ и рижскій мѣщанинъ ямщикъ Кирила Никитинъ (оба раскольники) ѣздили въ имѣніе Одзенъ, тайно внушали крестьянамъ, что если они перейдутъ въ православіе, то земля, на которой они сидятъ, имъ отдана въ собственность, даромъ и безъ всякихъ повинностей, причемъ передали имъ даже по секрету какую-то бумагу, будто бы Высочайшій указъ. Оставалось подобрать подходящія показанія; къ этому направлены были всѣ усилія слѣдователей; употреблены были всевозможныя средства, не исключая жестокаго истязанія лицъ, привлеченныхъ къ опросу, и самаго дерзкаго нарушенія коренныхъ правилъ уголовнаго дѣлопроизводства. Дѣло тянулось долго; оно сложилось изъ четырехъ слѣдовавшихъ одна за другою процедуръ. Прежде всего производила опросы упомянутая выше коммиссія, но она въ общемъ своёмъ составѣ не окончила дѣла, а передала его своему сочлену приходскому судьѣ Беркгольцу, который затѣмъ уже одинъ дѣлалъ дополнительные допросы и передопросы. Несмотря на то, что судя по инструкціи, данной коммиссіи генералъ-губернаторомъ отъ 6 августа за № 1618, ей поручалось не формальное слѣдствіе, а предварительное дознаніе, ни на то, что сама коммиссія признавала необходимымъ произвести въ Ригѣ новые допросы и дать тамъ очныя ставки, слѣдовательно находила невозможнымъ окончить слѣдствіе на мѣстѣ, г. Беркгольцъ, имѣя всѣ эти обстоятельства въ виду, 12 августа опросилъ многихъ изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, въ тотъ же день постановилъ приговоръ о наказаніи десятерыхъ изъ нихъ, одного за то, что передавалъ ложный слухъ, сообщенный ему какимъ-то неизвѣстнымъ, другихъ за то, что они ходили

въ Ригу объявить о своемъ желаніи перейти въ православіе; третьихъ за то, что склоняли своихъ товарищей идти въ Ригу и давали деньги на дорогу. Черезъ 8 дней, 20 августа, г. Беркгольцъ привелъ свой приговоръ въ исполненіе; въ видѣ аванса въ счетъ будущихъ наказаній, девяти крестьянамъ дано было сорокъ, а одному шестьдесятъ лозоновъ—въ числѣ первыхъ находился семидесятилѣтній старикъ. Послѣ этого, не далѣе какъ черезъ 9 дней, управлявшій губерніею вице-губернаторъ Кубе потребовалъ новаго дополнительнаго изслѣдованія, говоря точнѣе, продолженія того же не оконченнаго изслѣдованія, которое возложено было на ландрихтера Нандельштета, орднунгсрихтера Гиршкейна и того же неизмѣннаго Беркгольца. Крестьянъ, уже наказанныхъ послѣднимъ, пришлось переспрашивать по нѣскольку разъ, и тогда оказалось, что мѣра, употребленная для внушенія имъ правдивости и смѣлости, произвела свое дѣйствіе: нѣкоторые изъ нихъ дали такія показанія, какихъ прежняя коммиссія не могла отъ нихъ добиться. Слѣдователямъ хотѣлось между прочимъ доказать, что какой-то Русскій звалъ крестьянъ на тайное свиданіе съ причетникомъ Сазоновымъ и потомъ, по описанію его, заключить, что этотъ неизвѣстный Русскій былъ никто иной, какъ Кирилинъ. Въ такомъ смыслѣ лѣсной сторожъ Артемій далъ показаніе о приходѣ къ нему въ избу русскаго человѣка; по крайней мѣрѣ такъ было записано въ протоколѣ 12 августа; на передопросѣ же 21 сентября тотъ же сторожъ рѣшительно объявилъ, что онъ не говорилъ ничего подобнаго. За первымъ показаніемъ Артемія слѣдуетъ показаніе крестьянина Грозле, заявившаго, что и онъ имѣлъ сношенія съ Русскимъ, съ виду походившимъ на того, котораго только что описалъ Артемій; слѣдовательно, Артемій и Грозле опрошены были вмѣстѣ, или второму было предварительно сообщено показаніе перваго. Въ числѣ примѣтъ одного изъ мнимыхъ агентовъ подговора, также Русскаго, нѣкоего Никиты Андреева, играла въ дѣлѣ важную роль его хромота—по этому признаку его легко было узнать, и дѣйствительно, одинъ изъ опрошенныхъ, не знавшій его по имени, корчмарь Беркъ, показалъ при описаніи его, что онъ хромалъ; но изъ того же показанія видно, что

видавшій его одинъ только разъ встрѣтился на дорогѣ съ таинственнымъ человѣкомъ, о которомъ его спрашивали, и что этотъ человѣкъ въ то время не шелъ, а ѣхалъ. По заведенному порядку вопросы предлагались и отвѣты давались словесно, на латышскомъ языкѣ, записывались же тѣ и другіе въ силу мѣстной привилегіи по-нѣмецки, часто не прочитывались опрошеннымъ, не предъявлялись имъ къ подписи, и много разъ случалось, что на передопросахъ свидѣтели и обвиненные рѣшительно отвергали приписанныя имъ показанія. Оба слѣдствія производились безъ приглашенія депутатовъ. Подложнаго указа, надѣлавшаго столько шума, долго искали и таки отыскали; оказалось, что это была афишка какихъ-то странствовавшихъ вольтижеровъ, напечатанная въ Ригѣ въ 1841 го́ду, и которую крестьянинъ Якубъ Грозле получилъ отъ своего племянника причетника Сазонова. Когда эта грозная улика предъявлена была обладавшему ею Латышу, онъ отвѣтилъ: „Помилуйте! какой это указъ; указы издаются на русскомъ языкѣ!“

Изъ совокупности многихъ показаній, добытыхъ приведенными способами и содержавшихъ въ себѣ бездну разнорѣчій и явныхъ несообразностей, слѣдователи вывели виновность въ преднамѣренномъ распространеніи ложныхъ и опасныхъ слуховъ преимущественно священника Дороѳея Емельянова (который опрошенъ не былъ) и мнимыхъ его агентовъ Сазонова и Кирилы Никитина. Послѣдній (котораго опрашивали четыре раза и который явнымъ образомъ лгалъ и противорѣчилъ самому себѣ) подалъ оружіе къ обвиненію. Впрочемъ, степень довѣрія, котораго онъ заслуживалъ, обнаруживалась между прочимъ изъ того, что на первыхъ двухъ допросахъ онъ показалъ, что умѣлъ писать и выдалъ собственноручную росписку, а при послѣднемъ, что онъ безграмотенъ и на роспискѣ поставилъ три креста. Причина этихъ разнорѣчій вскорѣ раскрылась. Между тѣмъ до Петербурга, какъ кажется, дошелъ слухъ о томъ, какимъ образомъ производилось это дѣло, и состоялось Высочайшее повелѣніе переслѣдовать его черезъ особо командированнаго на этотъ предметъ стат. совѣтника Булдакова. Какъ только извѣстіе объ этой командировкѣ дошло до Риги, мѣстное начальство

поспѣшило упомянутому выше Кириллѣ Никитину, главному обличителю и явно прикосновенному къ дѣлу, выдать паспортъ во всѣ города Имперіи. Если бъ ему удалось заблаговременно скрыться, объ этомъ, какъ кажется, не стали бы жалѣть лифляндскіе слѣдователи. На послѣднихъ передопросахъ Сазоновъ, когда ему были предъявлены показанія, отъ него отобранныя, объявилъ, что онъ за нихъ отвѣчать не можетъ, такъ какъ они писаны на непонятномъ для него нѣмецкомъ языкѣ, о чемъ онъ въ свое время увѣдомлялъ слѣдователей. Никитинъ объявилъ, что пока онъ содержался въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ какимъ-то карманщикомъ (мелкимъ воромъ) послѣдній подговаривалъ его отступиться отъ первоначальныхъ своихъ показаній и дать другія, къ обвиненію священника Емельянова. Словомъ, обнаружилось много нечистыхъ продѣлокъ.

Графъ Протасовъ, которому сообщена была подробная выписка изъ всего дѣла, при извѣстной крайней его осторожности въ одобреніи, и особенно въ осужденіи, отъ 12 марта 1844 года доносилъ Государю: „Въ текущемъ году д. т. совѣт. Перовскій сообщилъ мнѣ объ окончаніи изслѣдованія, по коему оказалось, что обвиненіе священника Емельянова было совершенно несправедливо, что слѣдствіе по сему предмету мѣстнаго начальства было пристрастно, сопровождалось даже истязаніемъ Латышей, приходившихъ къ епископу, и что они являлись къ нему безъ всякаго посторонняго внушенія, добровольно, для объявленія желанія своего и другихъ 30-ти Латышей принять православіе, и при новомъ слѣдствіи подтвердили и возобновили сіе желаніе. Касательно сихъ Латышей, по связи дѣла съ поступками пристрастныхъ слѣдователей, подвергшихъ ихъ невинному истязанію, вопросъ о присоединеніи ихъ долженъ быть рѣшенъ совокупно съ распоряженіями, какія министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣланы будутъ по гражданской части“.

Въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько ранѣе, чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, А. Ѳ. Штакельбергъ, бывшій на мѣстѣ, въ Венденѣ, и строгой правдивости котораго никто изъ знавшихъ его, конечно, не

оскорбитъ подозрѣніемъ [1]), писалъ оттуда оффиціально, что желавшихъ перейти въ православіе оказалось гораздо больше. чѣмъ сколько явилось ихъ въ Ригу, и что всѣ были наказаны; но изъ донесенія нельзя высмотрѣть. что́ именно выставлено было какъ поводъ къ наказанію. Послѣ этихъ полицейскихъ вразумленій, генералъ-губернаторъ увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, „что онъ все-таки приказалъ напомнить крестьянамъ Высочайшую волю, объявленную имъ флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ, а именно: что переходить въ православіе никому не запрещается". Видно, это вошло въ систему: прежде всего—розги изъявившимъ желаніе перейти, а затѣмъ—оглашеніе невозбранности перехода—таковъ былъ порядокъ, принятый для вразумленія крестьянъ. Что скажетъ объ этомъ благодушный женевскій пасторъ Эни, читавшій публичныя лекціи объ угнетеніи лютеранъ въ Лифляндіи?

Я остановилъ вниманіе читателей на описанномъ случаѣ. какъ на поучительномъ образчикѣ балтійской юстиціи, до которой мы не смѣемъ дотронуться; но въ исторіи православной церкви въ Лифляндіи онъ прошелъ безслѣдно. Это было не начало новаго движенія, а скорѣе можно назвать его послѣднею, слабою судорогою первоначальнаго, насильственно задержаннаго. По всѣмъ тогдашнимъ признакамъ можно было считать стремленіе Латышей въ православіе, если не навсегда заглушеннымъ, то по крайней мѣрѣ надолго прерваннымъ Нейбеверсгофскою экзекуціею, и потому есть достаточное основаніе принять за конецъ перваго періода октябрь мѣсяцъ 1841 года. Въ это время баронъ Паленъ писалъ своему покровителю, шефу жандармовъ, что спокойствіе (какъ они оба его понимали) было возстановлено, а графъ Бенкендорфъ, рукоплескавшій издали подвигамъ своего земляка, отвѣчалъ ему въ частномъ письмѣ: „Dieu soit loué. Tout paraît terminé pour le moment du moins". (Слава Богу! все кажется кончено, по крайней мѣрѣ на сей разъ).

И мы теперь, окончивъ первую часть своего разсказа,

---

[1]) Заграничные остзейскіе публицисты иначе не называютъ его какъ ренегатомъ и измѣнникомъ. Это лучшая рекомендація его политической честности.

ничего лучшаго сдѣлать не можемъ для уясненія результатовъ пройденнаго времени, какъ постараться угадать, чѣмъ въ особенности дорожила въ тогдашнемъ торжествѣ своемъ побѣдившая партія, и за что именно славилъ Всевышняго тогдашній архистратигъ жандармскаго воинства?

Главный поводъ къ славословію заключался, конечно, не въ матеріальной побѣдѣ, одержанной надъ безоружными Латышами—въ этомъ никто не могъ сомнѣваться—даже не въ томъ, что ни одинъ Латышъ не выбылъ изъ лютеранской паствы, а скорѣе въ томъ, что удалось таки помѣшать высшему правительству и простому народу взаимно опознаться и, такъ сказать, всмотрѣться другъ другу въ глаза. Неразборчивый лепетъ пробудившейся въ темной массѣ потребности духовнаго оживленія, жалобный стонъ голодныхъ, баснословные разсказы о какой-то теплой землѣ, будто бы кѣмъ-то обѣщанной, ропотъ на помѣщиковъ, по утру наряжавшихъ крестьянъ на барщину, а къ вечеру являвшихся передъ ними во главѣ военной силы, все это слилось въ одинъ нестройный гулъ и было покрыто барабаннымъ боемъ и командными словами начальства, распоряжавшагося экзекуціями

Даже графъ Строгановъ, который подъ конецъ все-таки лучше чѣмъ въ началѣ высматривалъ правду и очень вѣрно указывалъ на одну изъ причинъ всеобщаго неудовольствія, не уяснилъ ни Государю, ни самому себѣ, почему волненіе приняло ту, а не другую форму, и почему Латыши, вырываясь изъ условій тогдашняго своего быта, избрали именно этотъ путь, то есть черезъ православную церковь? Онъ самъ раздѣлялъ внутренно мнѣніе барона Палена, будто бы православное духовенство только тѣмъ и пріобрѣло такое сильное вліяніе на народъ, что питало въ немъ несбыточныя надежды и пользовалось ими для склоненія его на свою сторону, какъ могла бы воспользоваться тѣмъ же сподручнымъ орудіемъ всякая другая пропаганда, даже вовсе не религіознаго, а хоть бы чисто политическаго свойства. По крайней мѣрѣ, по бумагамъ, исходившимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣтно, что графу Строганову въ диспутѣ его съ барономъ Паленомъ о причинахъ волненій становилось всегда

какъ будто неловко, когда рѣчь заходила о преосвященномъ Иринархѣ и о православныхъ священникахъ. Онъ осуждалъ, правда, въ возможно мягкихъ выраженіяхъ, неосторожность ихъ дѣйствій, старался умалить практическую важность сдѣланныхъ ими ошибокъ и, бросая эту щекотливую тему, поспѣшно переходилъ къ другой сторонѣ дѣла. Очевидно, что проснувшаяся въ народѣ потребность духовнаго свойства, то что̀ мы назвали въ началѣ религіозною струею въ лифляндскихъ волненіяхъ, совершенно укрылась отъ высшаго правительства. Графъ Бенкендорфъ и партія, во главѣ которой онъ стоялъ, не могли этому не радоваться.

Равномѣрно остался совершенно неразгаданнымъ характеръ сопротивленія мѣстнымъ властямъ, кое-гдѣ оказаннаго крестьянами. Отличительныя его особенности сгладились подъ общимъ терминомъ бунта, которымъ его окрестили въ Ригѣ. Но вѣдь и бунты бываютъ различнаго свойства; иные можно назвать наступательными, другіе оборонительными; бываютъ бунты политическіе, соціальные, національные; бываютъ также бунты отъ недоразумѣній. Лифляндскій такъ называемый бунтъ 1841 года, за который виновные такъ дорого поплатились, имѣлъ также свои особенныя черты. Во-первыхъ, крестьяне ни разу ни на кого не нападали, а только отстаивали своихъ, когда ихъ хватали; во вторыхъ, крестьяне не грабили. Помѣщичьи амбары оставались цѣлы и невредимы, въ то время какъ народъ волновался отъ голода, и вообще во всемъ дѣлопроизводствѣ о бунтѣ не встрѣчается ни одной жалобы на расхищеніе чужой собственности. Итакъ, крестьяне бунтовали не противъ помѣщиковъ, *какъ собственниковъ*. Они, повидимому, оказывали сопротивленіе законной власти, но вопросъ въ томъ: могли ли они опознать *законную власть* въ той формѣ, въ которой она передъ ними являлась? Объявивъ крестьянамъ, что крѣпостное право отмѣнено и что они свободны, правительство сказало помѣщику: отнынѣ я признаю въ тебѣ какъ бы два лица; ты хозяинъ - землевладѣлецъ и, какъ таковой, ты не болѣе какъ частное лице, имѣющее свои особенные, личные интересы; ты сдаешь землю или обрабатываешь ее, заключаешь контракты, подряжаешь батраковъ и т. д. Эта частная твоя дѣя-

тельность ставитъ тебя въ постоянныя сношенія и въ самое близкое соприкосновеніе съ свободными отнынѣ крестьянами, проживающими въ твоемъ имѣніи; у нихъ и у тебя интересы, конечно, не непримиримые между собою (сохрани Богъ!), но все таки прямо противоположные; твой интересъ: сдать землю дорого, а работника нанять дешево; крестьянину наоборотъ, хотѣлось бы получить землю почти за даромъ, а за свою работу получить тройную цѣну. Это понятно — спорьте, торгуйтесь, договаривайтесь, какъ знаете. Ты и они, вы стоите на почвѣ своего права за свои частные выгоды, а надъ вами безпристрастное правительство, вооруженное закономъ, передъ которымъ всѣ равны. Затѣмъ, тебя же, какъ помѣщика дворянина, я возвожу на степень своего агента; я передаю тебѣ надъ тѣми самыми крестьянами, которымъ ты сдаешь землю и которыхъ ты наряжаешь на работу, долю мнѣ принадлежащей правительственной власти; передаю не съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты непремѣнно ею пользовался, а для того только, чтобъ ты имѣлъ право ею вооружиться, когда найдешь это нужнымъ, или когда вздумаешь. Ты можешь даже ввѣрить ее другому, своему приказчику, конторщику, лакею и тогда твой повѣренный также раздвоится на два лица: твоего служителя и моего агента. Словомъ, эта власть, какъ одна изъ принадлежностей твоей дворянской вотчины, есть частная твоя собственность; это палка, которую ты можешь взять въ руки, передать другому, повѣсить на гвоздь и даже забросить; но когда она у тебя въ рукахъ, ты лице правительственное, и пока ты ею владѣешь, правительство во всеоружіи стоитъ за тобою и тебя поддерживаетъ.—Не мудрено было переложить все это на канцелярскій слогъ, разбить на параграфы и назвать закономъ—бумага все терпитъ; но на практикѣ полицейская власть, какъ вотчинное право, должна была неибѣжно сдѣлаться орудіемъ хозяйственныхъ интересовъ вотчинника, иными словами: крѣпостное право на личность должно было воскреснуть въ новой, при томъ гораздо худшей формѣ; потому худшей, что, возведя вотчинную контору на степень полицейской инстанціи, законъ придавалъ обычнымъ традиціямъ помѣщичьяго произвола характеръ правительственныхъ дѣйствій. Конечно, въ 1819 году у насъ

этого не предусматривали; но едва ли и въ то время можно было серьезно предполагать что простой народъ постигнетъ законодательный процессъ превращенія стараго своего знакомца, помѣщика или приказчика въ вотчиннаго полицеймейстера. Да если бъ даже Латыши и усвоили себѣ эту фикцію въ теоріи, они все-таки не могли бы признать ее за осуществившійся фактъ, потому именно, что на практикѣ все шло по старому. Вотчинная контора утверждала или не утверждала мірскіе приговоры и выборы, выдавала паспорты, приказывала, ревизовала, хватала людей и наказывала; другой власти, въ иномъ образѣ, который бы не сливался съ образомъ помѣщика, крестьяне почти и не видѣли; вотчинное правленіе замѣняло для нихъ все. Правда, иногда забѣгалъ къ нимъ кирхшпильсъ-рихтеръ и орднунгсъ-рихтеръ, того же помѣщичьяго типа, сосѣди, родственники и пріятели мѣстнаго вотчиннаго начальника, такіе же, какъ и онъ вотчинные начальники въ своихъ имѣніяхъ, въ добавокъ избранные помѣщиками и слѣдовательно ихъ агенты.—„Да гдѣ же наконецъ (спрашивалъ самъ себя народъ) власть настоящая, правительственная въ подлинномъ смыслѣ слова, отрѣшенная отъ частныхъ интересовъ, всѣмъ одинаково близкая, ко всѣмъ одинаково благосклонная, власть какъ сила, служащая закону и правдѣ, та власть, о которой мы имѣемъ такое высокое понатіе, которой мы должны и готовы повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть, словомъ, власть Царя и Его, дѣйствительно Его уполномоченныхъ?“ — Да вотъ они, эти уполномоченные: генералъ-губернаторъ, флигельадъютанты, наконецъ, вотъ и Царская, несомнѣнно Царская сила, русское войско... И что же? Вокругъ генералъ-губернатора, рядомъ съ флигель-адъютантами, во главѣ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи, все тѣ же вотчинные начальники, тѣ же депутаты дворянства, тѣ же орднунгсъ-рихтеры, и всѣ заодно!—„Да это подлогъ, это обманъ, а не явленіе власти!“— вотъ что̀ смущало народъ. А между тѣмъ, возведя помѣщика, какъ помѣщика, то есть потому только что онъ помѣщикъ, на степень своего агента и удѣливъ ему часть своей власти, правительство, очевидно, не могло уже въ случаѣ надобности отказать ему въ употребленіи крайнихъ

средствъ своихъ для возстановленія его, а слѣдовательно и своего собственнаго поколебленнаго авторитета. И вотъ разгадка того оригинальнаго явленія, въ которомъ съ такою наивностью сознавался баронъ Паленъ: „Весь народъ потерялъ всякое довѣріе къ мѣстнымъ властямъ, считая ихъ заодно съ помѣщиками" [1]).

Это было неизбѣжное послѣдствіе порядка вещей, существовавшаго въ Лифляндіи, и то же явленіе неминуемо повторилось бы вездѣ, гдѣ бы ни завелся подобный порядокъ. Народъ, повидимому, сопротивлялся правительственной власти, а въ сущности, такъ называемый бунтъ направленъ былъ противъ вотчинныхъ конторъ, какъ административно - полицейскихъ инстанцій, которыхъ крестьяне не могли и не хотѣли отождествлять съ своимъ представленіемъ о власти правительственной. Но этого въ Петербургѣ не понялъ рѣшительно никто; иначе, конечно, не позволили бы барону Палену отдавать войска въ распоряженіе депутатовъ дворянства, а затѣмъ, когда приступлено было къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ, и когда правительство поставило лифляндскому дворянству на видъ тѣ стороны ихъ быта, на которыя признано было нужнымъ обратить вниманіе для предупрежденія волненій въ будущемъ, не ограничились бы указаніемъ на вопросы о землѣ и о повинностяхъ, а безъ сомнѣнія выдвинули бы на первый планъ вопросъ о вотчинной полиціи. Но онъ былъ преднамѣренно устраненъ. Какъ же было не благодарить Всевышняго!

Даже отъ покойнаго Государя, котораго слухъ былъ вообще такъ чутокъ для всѣхъ интересовъ власти, повидимому, совершенно укрылась политическая сторона волненій 1841 года. На это есть доказательство. Спустя не болѣе пяти лѣтъ, въ маѣ 1846 года, представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе докладъ комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ подъ предсѣ-

---

[1]) По свидѣтельству одного лифляндскаго сельскаго пастора, крестьяне, даже въ 1845 году, были еще твердо убѣждены въ томъ, что имъ точно гдѣ-то была обѣщана земля въ 1841 году, и что они несомнѣнно получили бы ее, если бъ этому не помѣшали помѣщики, двинувшіе противъ нихъ военную силу (Harless, Geschichtsbilder etc. etc. 44).

дательствомъ графа Палена, съ участіемъ барона Палена, барона Мейндорфа, тайнаго совѣтника Гана и пяти депутатовъ отъ тамошняго дворянства. Комитетъ раздѣлилъ свои предположенія на двѣ категоріи: въ первую введены были существенныя основанія будущаго законоположенія, которыя для ландтага, призваннаго къ его разработкѣ, должны были имѣть силу строго обязательныхъ правилъ; ко второй отнесены были мѣры по мнѣнію комитета полезныя и нужныя, но изложенныя въ видѣ вопросовъ, подлежавшихъ свободному обсужденію ландтага. Въ пунктѣ седьмомъ между прочимъ значилось: нельзя ли вовсе лишить владѣльцевъ права наказывать арендаторовъ (т. е. крестьянъ-хозяевъ) безъ суда (какъ было до 1819 года)?—Этотъ пунктъ по усиленному настоянію графа П. Д. Киселева принятъ былъ единогласно комитетомъ, состоявшимъ изъ девяти остзейскихъ дворянъ и трехъ русскихъ (графа Киселева, графа Перовскаго и т. с Сенявина). Государь остался вполнѣ доволенъ трудами комитета и написалъ на поднесенномъ ему докладѣ: „Прекрасно, кромѣ одной статьи, по которой исполнить, какъ мною помѣчено". Это былъ именно приведенный выше пунктъ 7-й, противъ котораго Государь написалъ: „Эту статью не допускаю, ибо помѣщики должны всегда оставаться первою полицейскою властью въ своихъ помѣстьяхъ, но опредѣлить точно: за что и въ какой мѣрѣ сіе право наказанія имъ и впредь предоставляемо быть можетъ". Иными словами: гибельное начало, подрывавшее въ самомъ корнѣ нравственный авторитетъ власти, начало заключавшее въ себѣ источникъ недавнихъ волненій и вынудившее правительство проливать кровь искренно преданнаго ему народа, было тщательно сбережено и перенесено цѣликомъ въ новое законоположеніе, а въ видѣ смягченія заявлено было неисполнимое требованіе строгой регламентаціи его примѣненія. Даже ясный въ этого рода вопросахъ умъ покойнаго Государя помутился отъ напущеннаго изъ Риги тумана, если только въ приведенной резолюціи выразилось дѣйствительно его убѣжденіе, а не простое желаніе ублажить встревоженное дворянство.

Но если лифляндскіе помѣщики и петербургское министер-

ство остзейскихъ дѣлъ находили для себя выгоднымъ поддерживать недоразумѣнія высшаго правительства относительно источника сомнѣній и подозрѣній, бродившихъ въ простомъ народѣ, то, съ точки зрѣнія тѣхъ же интересовъ, было еще несравненно желательнѣе и важнѣе оставить крестьянъ въ такомъ же недоразумѣніи относительно воли высшаго правительства. Это также удалось, и едва ли не этимъ по преимуществу дорожила нѣмецко-лютеранская партія въ одержанной ею побѣдѣ. Несмотря на описанную выше сцену, происходившую въ рижскомъ губернскомъ правленіи при торжественномъ объявленіи согнаннымъ Латышамъ невозбранности присоединенія къ господствующей церкви, несмотря на позднѣйшее повтореніе того же объявленія по распоряженію барона Палена, народъ все-таки не узналъ и не понялъ, что право перехода изъ лютеранства въ православіе предоставлено каждому. Такъ какъ всякая попытка воспользоваться этимъ правомъ, какъ до объявленія его, такъ и по объявленіи, непремѣнно влекла за собою аресты, допросы и наказанія, то понятно, что для простыхъ людей было довольно мудрено рѣшить: чему надлежало больше вѣрить, словамъ или розгамъ? При этомъ не надобно забывать, что помѣщики, пасторы, орднунгсъ и кирхшпильсъ рихтеры при каждомъ удобномъ случаѣ твердили крестьянамъ, чтобъ они не дерзали и помышлять о перемѣнѣ вѣры, что за помѣщиками и мѣстными чиновниками стояли кавалерія и пѣхота, всегда готовыя нагрянуть по первому ихъ призыву, и наконецъ, что всякое слово, произнесенное православнымъ священникомъ для склоненія къ переходу крестьянъ, обнаруживавшихъ расположеніе къ церкви, преслѣдовалось какъ преступное подстрекательство. Въ результатѣ оказалось, что карательныя мѣры, въ такомъ страшномъ излишествѣ употребленныя для вразумленія Латышей, не только не разсѣяли сомнѣній преднамѣренно внесенныхъ въ ихъ умы, а, напротивъ, какъ будто засвидѣтельствовали кровью, пролитою по распоряженію власти, комментаріи мѣстныхъ ея агентовъ, которыми сопровождалось чтеніе и исполненіе военносудныхъ сентенцій.

Изъ всего имъ испытаннаго въ 1841 году народъ вынесъ

убѣжденіе, что, благодаря проискамъ помѣщиковъ, переходъ въ царскую вѣру ему воспрещенъ. Кромѣ министерства остзейскихъ дѣлъ, этого въ Петербургѣ никто, конечно, не подозрѣвалъ, никто бы въ то время этому и не повѣрилъ; да и теперь тому, кто не видалъ въ глаза Латышей сороковыхъ годовъ, такое недоразумѣніе покажется невѣроятнымъ; а между тѣмъ—это фактъ, немного лѣтъ спустя до очевидности обнаружившійся въ несказанномъ, радостномъ изумленіи Латышей, когда передъ ними, во очію, стали совершаться присоединенія. Но въ исходѣ 1841 года никто не предусматривалъ, что движеніе въ православіе возобновится, и потому можно было отъ души радоваться и благодарить Всевышняго, считая Латышей окончательно сбитыми съ толку относительно дозволеннаго и запрещеннаго

Таковы были общіе результаты перваго, трагическаго періода исторіи православія въ Лифляндіи.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5	7 снизу	самодержанія	самодержавія
42	10 »	предшественниковъ	предшественникомъ
47	1 сверху	нимъ	нами
56	19 »	18.146	19.146
62	15 »	представителями	представительствами
62	1 снизу	Lief. II S. 259	Lief. III S. 259
67	8 »	spontannée	spontanée
73	3 сверху	Realreht	Realrecht
73	17 »	время	времена
79	13 снизу	Общее	Общ.
113	15 сверху	1857	1867
115	9 »	которые	которыя
146	11 »	отрыто	открыто
152	19 »	будучности	будущности
157	5 »	попроса	вопроса
168	27 »	Landfairen	Landaffairen
169	2 »	узучаемая	изучаемая
175	7 »	интеллегенціи	интеллигенціи
187	8 »	а царскою	и царскою
190	9 »	испесчренныя	испещренныя
204	3 »	посторы	пасторы
208	18 »	Эта	Это
212	5 снизу	и лѣчился	я лѣчился
227	25 сверху	чтобы	чтó бы
237	22 »	противъ	противъ ихъ
244	21 »	мѣсоѣдъ	мясоѣдъ
251	18 »	такото	такого
258	25 »	засѣдадели	засѣдатели
278	8 »	и разскажу	а разскажу
281	26 »	муку	мýку
284	1 снизу	ея	се
293	7 »	Гиммельстіерна	Гиммельстіернъ
305	19 сверху	qui	que
308	3 »	dit ?»	dit !»
308	28 »	régularisée	régularisé
317	2 »	онѣ	они

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
331	18 »	mekrfach	mehrfach
335	24 »	отношенію	отношенія
341	12 »	часлѣ	числѣ
344	17 »	Великой Греціи	нашей Великой Греціи
349	18 »	Зоконъ	Законовъ
356	16 »	на которомъ	въ которомъ
366	14 »	неутральность	нейтральность
368	8 »	которую	которою
368	30 »	обставовкѣ	обстановкѣ
369	3 снизу	отсупались	отступались
379	25 сверху	описанныхъ	писанныхъ
381	17 »	гипотезу	свою гипотезу
382	3 »	не при чемъ	ни при чемъ
391	4 »	помѣстомъ	помѣстномъ
400	10 »	принесенію	принесенія
416	20 »	недавно	очень недавно
417	7 снизу	l'anfant	l'enfant
424	20 сверху	полити	политики
430	17 »	изъ круга	уже изъ круга
446	27 »	зоюзника	союзника
457	5 снизу	одномѣстность	однопомѣстность
462	15 сверху	нарушатели	нарушителя
462	17 »	сословія	состоянія
465	16 »	первый	первой
482	2 снизу	крестовъ	Кревтовъ
496	16 сверху	руководстомъ	руководствомъ
508	21 »	Законъ	Законовъ
516	4 »	кого	и кого
528	12 »	въ Лифляндіи	и въ Лифляндіи
532	5 снизу	возращавшіеся	возвращавшіеся
537	8 сверху	крестьянахъ	крестьянамъ
548	1 снизу	Гувори	Говори
556	1 »	1847	1841
557	1 »	1851	1841
558	13 »	чиста	числа
559	18 сверху	въ Лифляндіи	къ Лифляндіи
564	28 »	выборовъ	выборокъ
569	24 »	іюня	іюля
574	3 снизу	распоряженія	распоряженія
575	8 »	послабленія	въ послабленія
596	8 »	досторѣрности	достовѣрности
597	17 сверху	приложено	и приложено
603	29 »	утвержденныхъ	учрежденныхъ
605	8 снизу	К. А.	Л. А.

Цѣна 2 рубля.

